This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlaw 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Дѣтство и первая юность. Гл. III и IV.—**П. А. Висковатова** 1

II. РАСПНИ ЕГО... Стихотвор.—**В. С. Лихачева**. 46

III. ЛЕГЕНДА О СВЯТОЙ ѲЕОДОРѢ.—**А. И. Герцена**. 47

IV. ИЗЪ ДРАНМОРА. Стихотвор.—**Д. Л. Михаловскаго**. 74

V. ПРИЧИНЫ ГУССИТСКО-ТАБОРИТСКАГО ДВИЖЕНІЯ.—**С. А. Венгерова**. 75

VI. ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ. Разсказъ.—**Н. Н. Златовратскаго**. 120

VII. НАШЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ НЕДУГЪ. II.—**А. А. Головачова**. . 159

VIII. КЕСАРЬ. Романъ **Георга Эберса**. Часть вторая, гл. XVII—XXIII. Перев. съ нѣмецкаго. *Окончаніе*. 201

IX. АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ ПРАВДЫ. Очерки современнаго сектантства. Гл. IV—VII.—**А. С. Пругавина**. 274

X. МОЛОДЫЕ. Разсказъ.—**П. Д. Боборыкина**. 316

XI. ОШИБКА. Эскизъ изъ американской жизни *Генриха Сенкевича*. Перев. съ польскаго.—**В. Л.** 341

XII. ИЗЪ ЛЮДВИГА КОНДРАТОВИЧА. Стихотворенія: Освобожденіе крестьянъ.— Что я могу нарисовать. — Старые часы.— Ранній мотылекъ.—**Д. Д. Минаева**. 355

XIII. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ВЗРОСЛЫХЪ ГРАМОТНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ. II.—**Бар. Н. А. Корфа**. 1

XIV. ПОЛЕМИКА И ЛОГИКА Г. ЕВГЕНІЯ МАРКОВА.—**В. Е. Денскаго**. 17

XV. ОТВѢТЪ НА ОДНО ИЗЪ «ПОЛЬСКИХЪ ПИСЕМЪ».—**І. Л.** . 28

XVI. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:

«Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-й», *В. И. Семевскаго*.—Историческія сочиненія: «Пушкинъ», *В. Стоюнина*.—«Крестьянскія дѣти», *А. Потѣхина*.—«Стихотворенія А. В. Кольцова», изд. *К. Т. Солдатенкова*.—«Откликъ», литературный сборникъ.—**К.** 33

«Нашъ другъ», *бар. Н. А. Корфа*, изд. второе.—**В. А. Гольцева**. 49

«Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни», *Ф. Гольцендорфа*.—**М. Ш.** 51

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

PSlav-605.10
Slav 30.11

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.

DUPLICATE

DUPLICATE

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Дѣтство и первая юность. Гл. III и IV.—**П. А. Висковатова**	1
II.	РАСПНИ ЕГО... Стихотвор.—**В. С. Лихачева**	46
III.	ЛЕГЕНДА О СВЯТОЙ ѲЕОДОРѢ.—**А. И. Герцена**	47
IV.	ИЗЪ ДРАНМОРА. Стихотвор.—**Д. Л. Михаловскаго**	74
V.	ПРИЧИНЫ ГУССИТСКО-ТАБОРИТСКАГО ДВИЖЕНІЯ.—**С. А. Венгерова**	75
VI.	ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ. Разсказъ.—**Н. Н. Златовратскаго**	120
VII.	НАШЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ НЕДУГЪ. II.—**А. А. Головачова**	159
VIII.	КЕСАРЬ. Романъ **Георга Эберса**. Часть вторая, гл. XVII—XXIII. Перев. съ нѣмецкаго. *Окончаніе*	201
IX.	АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ ПРАВДЫ. Очерки современнаго сектантства. Гл. IV—VII.—**А. С. Пругавина**	274
X.	МОЛОДЫЕ. Разсказъ.—**П. Д. Боборыкина**	316
XI.	ОШИБКА. Эскизъ изъ американской жизни *Генриха Сенкевича*. Перев. съ польскаго.—**В. Л.**	341
XII.	ИЗЪ ЛЮДВИГА КОНДРАТОВИЧА. Стихотворенія: Освобожденіе крестьянъ.—Что я могу нарисовать.—Старые часы.—Ранній мотылекъ.—**Д. Д. Минаева**	355
III.	ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ВЗРОСЛЫХЪ ГРАМОТНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ. II.—**Бар. Н. А. Корфа**	1
IV.	ПОЛЕМИКА И ЛОГИКА Г. ЕВГЕНІЯ МАРКОВА.—**В. Е. Денскаго**	17
V.	ОТВѢТЪ НА ОДНО ИЗЪ «ПОЛЬСКИХЪ ПИСЕМЪ».—**І. Л.**	28
VI.	О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	
	«Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-й», *В. И. Семевскаго*.—Историческія сочиненія: «Пушкинъ», *В. Стоюнина*.—«Крестьянскія дѣти», *А. Потѣхина*.—«Стихотворенія А. В. Кольцова», изд. *К. Т. Солдатенкова*.—«Откликъ», литературный сборникъ.—**К.**	33
	«Нашъ другъ», *бар. Н. А. Корфа*, изд. второе.—**В. А. Гольцева**	49
	«Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни», *Ф. Гольцендорфа*.—**М. Ш.**	51

Стр.

XVII. ДѢЛА СЕРБІИ.—**С. В. Чурсина**. 56

XVIII. ИЗЪ АНГЛІИ. Смута въ Ирландіи и внѣшняя политика Гладстона.—**L. A. D.** 89

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Тревожныя свѣдѣнія о состояніи крестьянскаго хозяйства. — Необходимость борьбы съ источниками нашихъ бѣдствій.—Вопросъ о народномъ образованіи.—Отвѣтъ *Новому Времени*.—**В. Г.** 153

XX. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Митинги.—Новая палата.—Новый президентъ палаты Бриссонъ.— Нападки на кабинетъ Ферри.—Положеніе сената.—Ассоціація для огражденія отъ злоупотребленій.— Ассоціація художниковъ.— Возобновленіе «Premières armes de Richelieu».—Новыя пьесы.— Журналы.— Переписка Бенжамена Констана съ m-me Рекамье.—„Всемірная географія", Элизе Реклю.—„Исторія римлянъ", Виктора Дюрюи въ новомъ изданіи.— Личный составъ новаго кабинета и вступительная декларація Гамбетты.— **W*****. 167

XXI. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ВѢНѢ. Сообщеніе одного изъ членовъ конгресса 185

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Дѣтство и первая юность.

(Посвящается памяти Люши Висковатова.)

ГЛАВА III *).

Начало поэтической дѣятельности.—Юношескія тетради Лермонтова.—Подражаніе Пушкину: «Черкесы», «Кавказскій плѣнникъ».—Посланіе къ школьнымъ друзьямъ, «Корсаръ» и «Преступникъ».—Вліяніе Шиллера и Гёте. — Начало драматическихъ опытовъ. — Планъ драмы «Мстиславъ Черный».—Сюжеты драмъ.—Влеченіе къ Испаніи.—Драма «Испанцы».

Пребываніе на Кавказѣ и первая любовь открыли душу ребенка для міра поэзіи. До насъ дошла голубаго цвѣта бархатная тетрадь, принадлежавшая Лермонтову-ребенку. Она была подарена ему дружественно-расположеннымъ лицомъ на двѣнадцатомъ его году [36]). И въ эту тетрадь сталъ мальчикъ вписывать тѣ стихи,

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

[36]) Тетрадь эта хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ, довольно толстая, in 4°, въ бархатномъ, голубомъ, переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ; на лицевой сторонѣ она обшита золотымъ шнуркомъ. Изъ этого шнурка образованы переплетенныя французскія буквы M. J. L. На обратной же сторонѣ тетради вышитъ 1826 г. Первые листы вырваны; затѣмъ мы встрѣчаемъ рядъ выписокъ изъ французскихъ писателей. Тутъ стояло: „Hero et Leandre par La Harpe. Echo et Narsise, Orphé et Euridice". Подъ стихами: „La mort ferme ses yeux, les nymphes ses compagnes De burs cris daulaureux complirent les montagnes" и т. д. Лермонтовъ приписалъ: „jè n'ai point fini, parceque je n'ai pas pu". За этимъ слѣдуетъ новый заглавный листъ: *Разныя сочиненія*, принадлежатъ М. Л. 1827 г. 6 ноября. Тутъ встрѣчаемъ мы прежде всего переписанными: «Бахчисарайскій фонтанъ» А. Пушкина и «Шильонскій узникъ», пер. Жуковскаго. Далѣе все бѣлые листы. Дудышкинъ (учен. тетради Лермонтова *Отеч. Зап.* 1859 г., № 11, стр. 215) только поверхностно ознакомился съ этою тетрадью,—онъ, кажется, «Шильонскаго узника и Бахчисарайскій фонтанъ», дословно списанныя Лермонтовымъ, принялъ за переложеніе (это замѣтилъ уже Ефремовъ, «Соч. Лермонтова», т. II, стр. 611), а поэму «Черкесы» онъ относитъ зря къ 1826 году.

которые ему особенно нравились. Явленіе это весьма обыкновенное. Врядъ ли есть какой-либо ребенокъ, одаренный самой обыденною фантазіей, который не заводилъ бы себѣ альбомовъ для записыванья нравящихся ему стиховъ. Но по тетрадямъ Лермонтова мы вполнѣ можемъ прослѣдить, какъ отъ переписки стиховъ онъ мало-по-малу переходитъ къ переработкѣ, или переложенію произведеній извѣстныхъ поэтовъ, и затѣмъ уже къ подраженію и наконецъ къ оригинальнымъ произведеніямъ. Замѣчу тутъ кстати, что, строго говоря, подражанія въ Лермонтовѣ не было. Напротивъ того, онъ переиначивалъ произведенія другихъ писателей, придавая имъ характеръ, присущій его индивидуальности. Подражаніе ограничивалось развѣ тѣмъ, что молодой поэтъ заимствовалъ сюжетъ или тотъ или другой стихъ, но и сюжету онъ давалъ свое освѣщеніе и иной характеръ дѣйствующимъ лицамъ и событіямъ. Стихи же, которые онъ заимствовалъ у другаго поэта, получали у него своеобразный видъ и напоминали оригиналъ развѣ одною лишь чисто-внѣшнею своею формой, но отнюдь не содержаніемъ.

Платя дань обычаю времени, бабушка старалась сдѣлать для внука французскій языкъ роднымъ. Тетради носятъ на себѣ слѣды этихъ французскихъ упражненій. Даже переписка Лермонтова-юноши съ близкими людьми велась на французскомъ языкѣ. Но поразительно вѣрное чутье, которымъ всегда отличался поэтъ нашъ, рано подсказало ему, что не иноземная, а русская рѣчь должна служить его генію. Съ Лермонтовымъ не повторялось того, что видимъ мы въ Пушкинѣ,—онъ не на французскомъ языкѣ пишетъ свои первые опыты. Пятнадцати лѣтъ увѣренъ онъ, что «въ народныхъ русскихъ сказкахъ болѣе поэзіи, чѣмъ во всей французской литературѣ». Напрасно окружающіе стараются убѣдить двѣнадцатилѣтняго мальчика въ красотахъ французской музы: онъ какъ будто скрѣпя сердце подается общему тогда восхищенію этими поэтами, но уже тринадцати лѣтъ, кажется, навсегда отворачивается отъ нихъ. По крайней мѣрѣ въ упомянутой нами голубой бархатной тетрадкѣ мальчика-Лермонтова мы находимъ помѣтку, которою онъ вдругъ прерываетъ не оконченную выписку изъ сочиненія французскаго автора, говоря: «я не окончилъ, потому что окончить не было силъ». А затѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе нашей догадки, что ему чужеземная рѣчь была не по душѣ, онъ переходитъ къ перепискѣ русскихъ стихотвореній, помѣчая день этотъ 6-го ноября 1827 года. Дальше

Мальчика не удовлетворяло одинокое положеніе плѣнника у Пушкина,—онъ даетъ ему товарищей, тоже, какъ и онъ, русскихъ. Также и конецъ Пушкинской поэмы, очевидно, казался ему не достаточно трагичнымъ, то-есть ужаснымъ — два понятія, всегда смѣшиваемыя въ юные годы. И вотъ Лермонтовъ старается усилить впечатлѣніе тѣмъ, что освобожденный любящею его черкешенкой плѣнникъ въ глазахъ ея сраженъ пулей, посланной ему притаившимся ея отцомъ. При этомъ самая смерть плѣнника описывается почти тѣми же словами, какъ смерть Ленскаго въ Евгеніи. Онѣгинѣ.

Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ,
Кладетъ на сердце тихо руку... и т. д.

Отецъ попираетъ убитаго ногой, и, не вынося этого горя, черкешенка, какъ и у Пушкина, потопляетъ себя. Трагизмъ всего Лермонтовъ старается увеличить указаніемъ на то, что старый черкесъ, застрѣлившій русскаго, въ то же время сталъ убійцею своей дочери.

«Но кто убійца ихъ жестокой?...
Онъ былъ съ сѣдою бородой;
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной.
Увы, то былъ отецъ несчастной!...
Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ:
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый.
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ...
Узнали все, но поздно было...
Отецъ, убійца ты ее (ея),
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ, живи уныло!
Ея ужь нѣтъ и за тобой
Повсюду призракъ роковой...

Весьма замѣчательно, что ужь тутъ въ первомъ произведеніи поэта высказывается самостоятельная мысль (вѣдь объ отцѣ у Пушкина и намека нѣтъ), которую потомъ встрѣтимъ мы въ цѣломъ рядѣ юношескихъ драмъ. Это—деспотизмъ отца, доводящій дѣтей до трагическаго самоубійства, которое должно вѣкъ стоять кровавымъ укоромъ.

Въ одной тетради съ «Кавказскимъ плѣнникомъ» находится и еще поэма, тоже относящаяся къ 1828 году: это—«Корсаръ». Она писана подъ вліяніемъ «Шильонскаго узника» Жуковскаго и начинается почти тѣми же словами:

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость! и т. п.

Повліяли на нее можетъ-быть и «Братья разбойники» Пушкина, которые впрочемъ и сами по себѣ напоминаютъ «Шильонскаго узника», что чувствовалъ и самъ Пушкинъ и что высказалъ онъ въ письмѣ къ князю Вяземскому (*Русскій Архивъ* 1874 года, № 1). «Нѣкоторые стихи,—пишетъ онъ,—напоминаютъ «Шильонскаго узника». Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно. Отрывокъ мой писанъ въ концѣ 1821 года» *). Во всякомъ случаѣ вліяніе «Братьевъ разбойниковъ» видно изъ поэмы Лермонтова — «Преступникъ» («Соч. Лермонтова», т. II, стр. 26. Сравн. также мое).

Но въ этой поэмѣ можно отыскать слѣды и еще одного вліянія: это—вліяніе Шиллера и именно драма его «Донъ-Карлосъ». Героя поэмы полюбила мачиха. Какъ и въ Донъ-Карлосѣ, старикъ-отецъ женится на молодой женщинѣ. Молодая женщина и лѣтами, и характеромъ ближе подходитъ къ сыну, чѣмъ къ отцу, и развивается роковая страсть, вызывающая вражду между отцомъ и сыномъ. У Лермонтова отношенія между мачихой и пасынкомъ имѣютъ болѣе жгучій и страстный характеръ, у Шиллера же любовь ихъ идеальнѣе и болѣе платоническая. Надо впрочемъ сознаться, что въ этой поэмѣ замѣтно, какъ мальчикъ-поэтъ начинаетъ освобождаться отъ непосредственнаго вліянія. Въ стихѣ мы замѣчаемъ больше самостоятельности и не встрѣчаемъ перефразировки чужаго стиха.

Вліяніе на поэму Шиллера тѣмъ вѣроятнѣе, что въ это время Лермонтовъ дѣйствительно начинаетъ знакомиться съ нимъ и

*) Сравн. прим. Ерфремова («Соч. Пушкина», изд. 1880 г., т. I, стр. 559).

вчитываться въ него, что видно изъ попытокъ перевода нѣкоторыхъ пьесъ нѣмецкаго поэта, которыя встрѣчаемъ въ тетрадяхъ 1828 и 1829 годовъ: такъ, имъ переведены между прочимъ «Къ Нинѣ» (?), а изъ Шиллера «Встрѣча», «Перчатка» и нѣкоторыя другія пьесы. Въ Шиллерѣ его поразила мысль, которую онъ и передалъ двустишіемъ:

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему, но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

(„Соч. Лермонтова", т. II. стр. 27).

Ясно, что разъ подъ вліяніемъ Пушкинскихъ произведеній открылся въ душѣ мальчика родникъ поэзіи, давно въ немъ дремавшій и насыщенный природой Кавказа, онъ уже бѣжалъ неудержимо, обращаясь сначала въ ручей, потомъ развиваясь въ бурливый потокъ, въ рѣку, то шумно бѣгущую межъ скалъ и каменьевъ, то тихо, глубоко катящуюся межъ тростниковъ и луговъ, по цвѣтущей равнинѣ.

Выслѣдить ростъ этого ручья мы можемъ,—видимъ почти каждый посторонній притокъ, воспринятый имъ, и надо сказать, что ростъ этотъ совершался съ изумительною быстротой. Лермонтовъ воспринималъ въ себя все, что подходило къ его индивидуальности, энергически отбрасывая чуждое ему.

Одновременно съ Шиллеромъ, Лермонтовъ познакомился конечно и съ Гёте, но олимпійское спокойствіе Гётевской музы не могло нравиться юношѣ,—онъ понялъ ее уже гораздо позднѣе, когда талантъ и духъ его стали зрѣлѣе. Теперь онъ сдѣлалъ было попытку даже перевести кое-что изъ Гёте, но не кончилъ перевода. Остановился онъ на балладахъ Гёте, то-есть на тѣхъ пьесахъ, которыя ближе подходили къ духу Шиллеровскихъ. Мальчика прельщала романтика. Въ тетради 1829 года мы находимъ попытку перевести балладу Гёте «Рыбакъ» *), но онъ далеко не совладалъ съ переводомъ, бросилъ его не оконченнымъ, энергически перечеркнувъ нѣсколько разъ.

Знакомясь съ Шиллеромъ, Лермонтовъ начинаетъ пристращаться и къ драматической формѣ. Прежде всего въ тетради 1829 года

*) Der Fischer.

Das Wasser rouscht, das Wasser schwoll
Ein Fischer sass doron и т. д.

встрѣчаемъ мы переводъ сцены трехъ вѣдьмъ изъ «Макбета», Фр. Шиллера [*]). Извѣстно, что Шиллеръ не просто перевелъ Шекспировскаго Макбета, а передѣлалъ его подъ вліяніемъ общераспространеннаго въ то время мнѣнія, что произведенія Шекспира, при всей своей геніальности, уродливы и для представ-

---

[*]) См. Schillers Werke. Makbeth, ein Fraccerspiel I Act., 4-ter Auftritt. Въ пансіонской тетради, относящейся къ 1829 году и находящейся у Краевскаго, переводъ этотъ помѣченъ 22 стихотвореніемъ, вотъ онъ:

Три вѣдьмы.

(Изъ Макбета Фр. Шиллера).

I.

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
Чинилъ онъ весла, сѣти,
Какъ будто въ рубищахъ бѣднякъ
Имѣлъ златыя горы!
И съ пѣснью день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ...
Я-жь поклялась ему давно,
Что сердитъ все меня одно...
Однажды рыбу онъ ловилъ
И кладъ ему попался.
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ,—
Ядъ черный въ немъ скрывался.
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ
И пѣсни не было съ тѣхъ поръ!

Другія.

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ
И пѣсни не было съ тѣхъ поръ!

1-я

И вотъ, гдѣ онъ, тамъ пиръ горой,
Толпа увеселеній...
И прочь, какъ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни.
Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы—прахъ пустой.

2-я и 3-я.

Но бѣдность скоро вновь бѣжитъ,
Друзья исчезли ложны,

ленія на театрѣ должны быть передѣлываемы. Первою же попыткою драматизировать сюжетъ представляютъ «Цыгане» (либретто для оперы) 1829 года. Опять-таки Пушкинское произведеніе! Попытка осталась неоконченною и, кажется, не была исполнена дальше перваго и частью втораго явленія 1-го дѣйствія («Соч. Лермонтова», т. II, стр. 33). Лермонтовъ частью сохранялъ дословный Пушкинскій текстъ, частью же, гдѣ считалъ это нужнымъ, вставлялъ свои стихи, или писалъ монологъ прозой, или оставлялъ пробѣлъ для того, чтобы «выписать изъ *Московскаго Вѣстника* подходящую пѣсню для одной изъ цыганокъ. Юный писатель, какъ видно, не церемонился и откровенно бралъ то, что считалъ подходящимъ.

Мало-по-малу драма такъ увлекаетъ Лермонтова, что все прочитанное слагается въ фантазіи его въ драматическую форму. Тутъ мы встрѣчаемся съ обрывками мыслей и воспоминаній, накиданныхъ имъ въ черновыхъ его тетрадяхъ. Прочитываетъ ли Михаилъ Юрьевичъ популярный тогда романъ Шатобріана «Атала», онъ въ тетрадяхъ пишетъ замѣтку: «Сюжетъ трагедіи.—Въ Америкѣ.—Дикіе, угнетенные испанцами.—Изъ романа французскаго Атала». Читаетъ ли онъ русскую исторію, сейчасъ слагаются у него образы и драматизируется сюжетъ [45])—Мстиславъ Черный.

Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ
Къ врагу людей, безбожный,
И на дорогѣ ужь большой
Творилъ убійства и разбой...
Я нынѣ близъ рѣки иду
Свободною минутой,
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой...
Онъ говорилъ мнѣ, жизнь пуста,
Вы отвращенья полны,
Блаженство—злато, все—мечта!
И забѣлѣли волны.

Тутъ ясно видно совершенное неумѣнье владѣть риѳмою. Можетъ-быть это дѣйствительно одна изъ первыхъ попытокъ поэта, потому что въ тетради 1829 г. мы находимъ ее уже набѣло переписанною.

[45]) Сюжетъ для драмы «Мстиславъ» помѣщенъ въ соч., т. II, стр. 65, равно какъ и монологъ изъ нея. Кромѣ того въ тетрадяхъ Краевскаго находятся еще замѣтки Лермонтова: „Имя героя—Мстиславъ Черный, названіе отъ его задумчивости. Его сестра Ольга.—Мстиславъ при началѣ молится на курганѣ, чтобы не погибла любезная ему Россія. Помѣстить пѣснь печальную о любви, или „Что за пыль пылитъ". Ольга—молодая, невинная, ангелъ—поетъ ее. Входитъ братъ ея,

Въ героѣ Мстиславѣ Лермонтовъ старается изобразить свои чувства, свою любовь, патріотизмъ. Мстиславъ угрюмъ и молчаливъ среди товарищей, отчего его называютъ Чернымъ (мрачнымъ); онъ даже кажется равнодушнымъ къ бѣдствіямъ отечества. Но въ сущности это не такъ. Когда товарищи его, въ виду приближенія татаръ, заговариваютъ о томъ, что лучше передаться татарамъ, чѣмъ умереть, Мстиславъ съ негодованіемъ удаляется изъ ихъ общества. У сестры своей Ольги онъ встрѣчаетъ поломника, который разсказываетъ о путешествіяхъ своихъ. Возвращаясь изъ Іерусалима, ему пришлось видѣть разрушенный

послѣ поломникъ. Всѣ сначала укоряютъ Мстислава въ равнодушіи къ бѣдствіямъ родины, ибо онъ молчитъ. Какимъ образомъ умираетъ Мстиславъ?—Онъ израненный лежитъ въ хижинѣ. Хозяйка-крестьянка баюкаетъ ребенка пѣснью „Что за пыль пылитъ“. Входитъ мужъ ея израненный. (Все это зачеркнуто опять Лермонтовымъ.) Юный князь Василій утонулъ въ крови во время битвы“.

Пѣсня, которую поетъ Ольга: „Что за пыль пылитъ“, была очевидно написана поэтомъ еще раньше и дѣйствительно она оказалась въ тѣхъ юношескихъ тетрадяхъ, о коихъ говорится (и нѣкоторыя стихотворенія тамъ же и напечатаны) въ *Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ* 1875 г., №№ 246 и 256. Тетради эти очевидно хранятъ еще и такія стихотворенія, которыя не находятся въ тетрадяхъ Краевскаго. Самая пѣсня напечатана во II томѣ «Соч. Лермонтова», стр. 109. Другая пьеса, тоже или относящаяся сюда, или навѣянная тѣмъ же чувствомъ, написана въ 1830 году и, кажется, нигдѣ не была напечатана:

Баллада.

Въ избушкѣ позднею порою
Славянка юная сидитъ.
Вдали багровой полосою
На небѣ зарево горитъ...
И, люльку дѣтскую качая,
Поетъ славянка молодая:

«Не плачь, не плачь! Иль сердцемъ чуешь,
Дитя, ты близкую бѣду?...
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я отъ тебя не отойду.
Скорѣе мужа я утрачу.
Дитя, не плачь, и я заплачу!

«Отецъ твой сталъ за честь и Бога
Въ ряду бойцовъ противъ татаръ,
Кровавый слѣдъ—ему дорога,
Его булатъ блеститъ какъ жаръ.
Взгляни, тамъ зарево краснѣетъ:
То битва смерти сѣмя сѣетъ.

татарами Кіевъ. Разсказы о настоящихъ бѣдствіяхъ родины, объ угнетеніи ея и позорѣ, въ сравненіи съ прежнею вольностью и славой, воспламеняютъ Мстислава и въ немъ зрѣетъ рѣшимость освободить родной край. Надменное обращеніе татарскихъ пословъ съ русскимъ княземъ еще больше возбуждаетъ Мстислава. Когда же одинъ посолъ велитъ казнить русскаго за то, что онъ не достаточно низко поклонился ему, мѣра терпѣнія и сдержанности Мстислава переполняется; какъ Вильгельмъ Телль, онъ рѣшается дѣйствовать: убиваетъ посла и скоро дѣлается душою заговора. Убивъ посла и скрывшись, онъ три ночи проводитъ на курганѣ, въ молитвѣ, прося у Бога, «чтобы не погибла любезная ему Россія». Эта любовь къ родинѣ, при сознаніи позора ея, вызываетъ въ немъ страшную ненависть къ угнетателямъ, и мнится ему, что эта ненависть заглушила въ сердцѣ его всякое мягкое чувство.

Лермонтовъ написалъ даже монологъ Мстислава, представлявшійся ему вступленіемъ въ драму, выраженіемъ главныхъ мотивовъ дѣйствій Мстислава:

Три ночи я провелъ безъ сна—въ тоскѣ,
Въ молитвѣ, на колѣняхъ. Степь и небо
Мнѣ были храмомъ, алтаремъ—курганъ;

«Какъ рада я, что ты не въ силахъ
Понять опасности своей!
Не плачутъ дѣти на могилахъ,—
И чуждъ и стыдъ, и страхъ дѣтей;
Ихъ жребій зависти достоенъ...»
Вдругъ шумъ—и въ двери входитъ воинъ.

Брада въ крови, избиты латы.
«Свершилось!—восклицаетъ онъ,—
«Свершилось!... Торжествуй, проклятый!
Нашъ милый край порабощенъ.
Татаръ мечи не удержали,—
Орда взяла, и наши пали».

И онъ упалъ—и умираетъ
Кровавой смертію бойца.
Жена ребенка поднимаетъ
Надъ блѣдной головой отца:
«Смотри, какъ умираютъ люди,
И мстить учись у женской груди!»

И еслибъ кости, скрытыя подъ ними,
Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили-бъ, загремѣвъ одеждой бранной!
. . . . . Кровь собратій,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей,
И приступила къ сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Что въ немъ похоже было на любовь.
. . . . . .
Я вдругъ нашелъ себя, въ себѣ одномъ
Нашелъ спасенье цѣлому народу,
И утонулъ я дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ-быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но, какъ надежда, чистой и прекрасной,
Какъ вольность—сильной и святой!

Драматизмъ положенія Лермонтовъ старается возвысить тѣмъ, что сестра Мстислава, Ольга, любитъ татарскаго мурзу. Она открываетъ ему заговоръ на жизнь его и бѣжитъ съ нимъ въ татарскій станъ. Въ Ольгѣ происходитъ борьба чувствъ къ любимому брату и къ татарину. Горячею любовью къ сестрѣ исполненъ и Мстиславъ, несмотря на то, что онъ чувству мщенія пожертвовалъ всѣми другими ощущеніями. И эта двойственность губитъ и его, и родную страну.

Нападеніе на татарскій станъ ночью сначала удается. Сонныхъ татаръ бьетъ напавшая на нихъ горсть русскихъ заговорщиковъ. Но въ палаткѣ мурзы Мстиславъ наталкивается на спящую сестру и выноситъ ее. Пробужденная, она вскрикиваетъ, испугавшись брата, и тѣмъ пробуждаетъ татаръ. «Боже,—говоритъ Мстиславъ,—зачѣмъ чувство любви должно погубить мое отечество!... Какъ я ее любилъ, какъ она прекрасна!...» Въ жестокой сѣчи всѣхъ русскихъ перерѣзали.

Утромъ израненный Мстиславъ умираетъ подъ деревомъ, прося одного изъ бѣгущихъ мимо него поселянъ, ищущихъ въ лѣсу убѣжища отъ татаръ, разсказать его дѣла какому-либо пѣвцу,

«чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ родинѣ въ душѣ потомковъ».

Очевидно, Лермонтовъ въ себѣ самомъ видѣлъ этого пѣвца.

Сюжетъ этотъ, оставленный поэтомъ, доказываетъ однакоже, какъ рано затрогивали его сюжеты изъ народнаго прошлаго и что знаменитая его пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова—не *единственная* попытка въ этомъ родѣ [*]).

Все, съ чѣмъ знакомился Лермонтовъ, приводитъ его къ мысли о драмѣ. Читая жизнь Марія, написанную Плутархомъ, онъ задумываетъ «трагедію Марій» («Юнош. драмы», стр. 318), оканчивающуюся смертью Марія и самоубійствомъ его сына, и затѣмъ, въ той же тетради, говоритъ о желаніи написать трагедію «Неронъ», не помѣчая впрочемъ плана ея. Эти обѣ трагедіи задуманы были имъ въ 1831 году и тоже не выполнены. Въ тетрадяхъ же 1830 года послѣ сюжета «Мстиславъ» встрѣчается цѣлый рядъ набросковъ и замысловъ одинъ другаго причудливѣе, а главное—кровавѣе. Какъ и раньше, въ своихъ передѣлкахъ произведеній знаменитыхъ поэтовъ, въ своемъ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Корсарѣ», молодой Лермонтовъ думаетъ еще, что сила трагедіи заключается въ ужасномъ, въ убійствѣ и крови.

Едва ли не первымъ сюжетомъ трагедіи записанъ сюжетъ, въ которомъ отецъ съ дочерью, злѣйшіе разбойники, ожидаютъ пріѣзда сына, офицера, къ себѣ въ деревню. Недалеко отъ этой отцовской деревни, спѣшащій къ отцу и сестрѣ, молодой человѣкъ на постояломъ дворѣ встрѣчается съ своею возлюбленною и матерью ея. Ночью на нихъ нападаютъ разбойники. Офицеръ

---

[*]) Кромѣ пѣсни и баллады, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, обратимъ вниманіе на отрывокъ „Олегъ" (т. II, стр. 44), взятый изъ черновой тетради и составляющій лишь часть неоконченной поэмы. Очевидно, поэта занимала древнѣйшая эпоха нашей исторіи. Дѣйствіе должно было происходить на берегахъ Волхова.

.... Поставленъ вѣры темнымъ чувствомъ,
Блестѣлъ кумиръ въ тѣни вѣтвей
И ликъ росписанный искусствомъ
Былъ смытъ усиліемъ дождей.
Вдали лѣсистыя равнины
И неприступныя вершины
Гранитныхъ скалъ туманъ одѣлъ,
И Волховъ за лѣсомъ шумѣлъ...

храбро защищается и одному отрубаетъ даже руку. Поутру съ трупомъ своей возлюбленной онъ прибылъ въ деревню отца, гдѣ по недостающей рукѣ больнаго онъ узнаетъ, кто были ночные разбойники. Подоспѣвшая, еще по прежнимъ подозрѣніямъ, полиція арестуетъ отца, а сынъ, не вынося горя и позора, застрѣливается. Тутъ вбѣгаетъ старый служитель сына, хочетъ его увидѣть, и видитъ мертваго.

Такихъ набросковъ и плановъ въ двухъ-трехъ словахъ или краткихъ [47]) помѣткахъ много раскидано по тетрадямъ. Начинающій драматуръ не знаетъ, за что взяться. Сюжеты или не выливались, или требовали изученія, которое было не подъ силу. Требовалось знаніе нравовъ, жизни, этнографіи, исторіи. Поэтъ мечется изъ стороны въ сторону. Онъ даже думаетъ покинуть драматическую форму и минуту останавливается на мысли написать поэму. «Поэма на Кавказѣ. Герой—пророкъ», какъ гласитъ небольшая помѣтка.

Наконецъ, воображеніе его остановилось на Испаніи. Ни одна страна не могла представить данныхъ, болѣе удобныхъ для составленія драмъ. Тутъ, казалось, и не требовалось особаго изученія нравовъ и жизни. Молодой фантазіи услужливо представлялись—гордый своими предками, закоренѣлый въ сословныхъ предразсудкахъ кастилецъ, инквизиторъ, іезуитъ, наемный убійца, преслѣдуемый жидъ. Тутъ—убійства, кровь, зарево костровъ

---

[47]) Они частью, какъ указано выше, напечатаны во II томѣ «Сочиненій», частью перечислены въ томѣ «Юношескихъ драмъ» Лермонтова, стр. 315 и д. Прибавляемъ здѣсь, что не была выписана г. Ефремовымъ.—*Программа:* Его исторія. Его любовь къ отцу. Пріѣздъ архіерея. Что про него сказалъ архіерей. Исторія одного монаха. Весна. Любовь къ неизвѣстной. Зеркало. Колокольчикъ. Родители. Несправедливость. Постриженіе. Убійство: одинъ хотѣлъ быть игуменомъ и для того убилъ другаго и посадилъ его, какъ будто самъ онъ себя убилъ. Послѣдняя любовь. Разочарованіе. Болѣзнь.

Черезъ нѣсколько страницъ.

„Монахъ впослѣдствіи сидитъ у окна. Подходитъ старый нищій и дѣвушка.—Онъ узнаетъ отца и сестру, хочетъ броситься, но останавливается и закрываетъ окно въ отчаяніи. Онъ укралъ деньги и на другой день ищетъ ихъ, но нигдѣ не находитъ. Потомъ, не зная, что съ ними дѣлать, зоветъ товарища слугу въ кабакъ и пропиваетъ ихъ; тамъ узнаютъ, что онъ укралъ, и онъ посаженъ въ тюрьму". Все это впрочемъ перечеркнуто, но кажется есть развитіе одного изъ положеній въ верхней программѣ.

Опять черезъ нѣсколько страницъ:

„Онъ угрожаетъ гибелью отца и она обѣщаетъ завтра прислать къ нему свою рабу. Она заражается чумой, онъ приходитъ, проводитъ ночь и умираетъ въ объятіяхъ ея въ саду.

и благородная отвага, луна, любовь и балконъ, съ ангеломъ на балконѣ и съ пѣвцомъ подъ нимъ. Въ эту страну перенесъ и другой великій поэтъ XIX вѣка, Генрихъ Гейне, свою молодую фантазію, и одною изъ первыхъ его драматическихъ попытокъ была драма изъ этой воображаемой романтической испанской жизни «Альманзоръ», съ дикою страстью, съ убійствомъ и кровью. Въ порывистыхъ и страстныхъ натурахъ Гейне и Лермонтова было много сходства.

Но кромѣ причинъ, приковывавшихъ фантазію молодаго Михаила Юрьевича къ испанской обстановкѣ, его влекло къ этой странѣ особое чувство: онъ видѣлъ въ ней родину своихъ предковъ и воображалъ, что въ немъ течетъ испанская кровь.

Существовало преданіе о томъ, что фамилія Лермонтовыхъ происходила отъ испанскаго владѣтельнаго герцога Лермы, который, во время борьбы съ маврами, долженъ былъ бѣжать изъ Испаніи въ Шотландію. Это преданіе было извѣстно Михаилу Юрьевичу и долго ласкало его воображеніе. Оно какъ бы утѣшало его и вознаграждало за обиды отцу. Знатная родня бабушки поэта не любила отца его. Воспоминаніе о томъ, что дочь Арсеньевой шла замужъ за бѣднаго, незнатнаго армейскаго офицера, многихъ коробило. Не мудрено, что мальчикъ наслушался, хотя бы и отъ многочисленной дворни, о захудалости своего рода. Тѣмъ сильнѣе и болѣзненнѣе хватался онъ за призрачныя сказанія о бывшемъ величіи рода своего. Долгое время Михаилъ Юрьевичъ и подписывался подъ письмами и стихотвореніями «Лерма» [48]). Въ 1830 или 1831 году Лермонтовъ въ домѣ Лопухиныхъ начертилъ на столѣ углемъ голову (поясной портретъ), вѣроятно воображаемаго, предка, герцога Лермы. Онъ былъ изображенъ въ средневѣковомъ испанскомъ костюмѣ, съ испанскою бородой, широкимъ кружевнымъ воротникомъ и съ цѣпью ордена золотаго руна вокругъ шеи. Въ глазахъ и, пожалуй, во всей верхней части лица не трудно замѣтить нѣкоторое сходство съ самимъ нашимъ поэтомъ [49]).

---

[48]) Часть писемъ («Соч.» т. I., стр. 510, послѣ 516 и 529). Хотя тутъ и не выставлена подпись, но на находящихся у г. Бартенева оригиналахъ стоитъ «Lerma» или M. Lerma, даже на письмѣ съ Кавказа отъ 31 мая 1837 года, стр. 531, вѣроятно въ память прежнихъ дней, подписано Lerma. Тоже и на рукописи „Измаилъ-Бей“, отъ 10 мая 1832 г., находящейся въ Императ. Публичной библіотекѣ.

[49]) См. „Соч. Лерм.“, т. II, стр. 515. „N N. (въ оригиналѣ—Annette) m'a dit, qu'on n'avait pas effacé la célèbre tête sur la muraille... *pauvre ambition*... Cette drôle de passion de laisser partous des traces de son passage!“—Портретъ этотъ

Даже действіе любимаго, много лѣтъ занимавшаго поэта, произведенія «Демонъ» въ наброскѣ 1830 года происходитъ въ Испаніи.

Разъ найдя почву для драматическаго сюжета, Лермонтовъ съ жаромъ принимается за него и въ тетрадяхъ, среди лирическихъ произведеній, мы постоянно натыкаемся на наброски плановъ, именъ, сценъ, дѣйствующихъ лицъ и изреченій, касающихся трагедіи «Испанецъ» [50]).

Герой трагедіи, пылкій и благородный Фернандо, безродный найденышъ, воспитанный въ домѣ гордаго испанскаго дворянина, Альвареца, влюбляется въ дочь донъ-Альвареца, прекрасную Эмилію, преступною страстью къ которой увлеченъ патеръ Соррини, іезуитъ и членъ инквизиціи. Альварецъ выгоняетъ Фернандо за дерзновенное помышленіе жениться на Эмиліи. Въ длинной тирадѣ передъ портретами предковъ онъ прославляетъ значеніе знатнаго рода. Въ отвѣтъ на это юный поэтъ заставляетъ Фернандо высказывать мысли личной симпатіи къ народу. Видно его занималъ вопросъ взаимныхъ отношеній знати къ простолюдину. Мы встрѣчаемся съ наброскомъ мысли: «Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой испанецъ говоритъ отцу своей любовницы, что благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его». И дѣйствительно, въ первомъ дѣйствіи, въ первой сценѣ, Лермонтовъ такъ справляется съ этою мыслью:

былъ нарисованъ Лермонтовымъ на стѣнѣ дома Лопухиныхъ на Поварской, уголъ Молчановки. Домъ проданъ князь Тютчеву, а нынѣ Горянову. Позднѣе Лермонтовъ сдѣлалъ копію съ этой головки масляными красками и подарилъ другу своему Алексѣю Александровичу Лопухину. Фотографическій снимокъ обязательно былъ переданъ мнѣ Ел. Д. Л.

[50]) Всѣ эти наброски помѣщены П. А. Ефремовымъ въ примѣчаніяхъ къ драмѣ „Испанцы". См. „Юнош. драмы М. Ю. Лермонт.", стр. 314 и др. Первый объ «Испанцахъ» упомянулъ Постечковъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1857 года, № 10, въ своей статьѣ: «Юношескія произведенія Лермонтова». Напечатанные имъ отрывки перепечатывались потомъ въ издан. „Соч. Лермонтова" и вышли въ изд. 1880 г. т. II, стр. 112—131. Во всей полнотѣ и съ примѣчаніями драма эта по той же рукописи напечатана П. А. Ефремовымъ въ 1880 г. Спб. «Юношескія драмы М. Ю. Лермонтова», стр. 1—187 и прим. на стр. 314. Рукописи драмъ «Испанцы», «Странный человѣкъ» и «Два брата» находятся у Бориса Николаевича Чичерина и получены имъ отъ Екатерины Петровны Осиповой, проживавшей въ домѣ Арсеньевой во время дѣтства поэта и скончавшейся въ домѣ Чичериныхъ въ Тамбовѣ. Рукописи драмъ: «Menschen und Leidenschaften» находятся въ Императорской Публич. библіотекѣ и списокъ ихъ, по порученію Ефремова, былъ сверенъ мною для печати.

Альварецъ:

. . . . . не слыхано у насъ,
Чтобы на улицѣ найденный человѣкъ
Съ семействомъ очень древнимъ, благороднымъ
Могъ сблизиться.

Фернандо.

Сказать вамъ, отчего?
Боятся эти люди, чтобъ тогда
Ихъ равенство скорѣй не увидали... (стр. 3).

Злая мачиха Эмиліи, вторая жена Альвареца, желая избавиться отъ падчерицы, входитъ въ заговоръ съ Соррини, который выкрадываетъ молодую дѣвушку и прячетъ у себя. Фернандо находитъ ее въ моментъ величайшей для нея опасности и, оберегая отъ позора, закалываетъ. Мимо оторопѣвшаго Соррини и слугъ его онъ уходитъ съ дорогимъ трупомъ и приноситъ его въ родительскій домъ. Соррини поднимаетъ на ноги инквизицію. Фернандо окружаютъ, боятся однако подойти къ нему. Фернандо серьезно и не думаетъ защищаться и проситъ только, чтобы Соррини позволилъ ему умереть съ пукомъ волосъ, отрѣзанныхъ у мертвой Эмиліи.

Фернандо (къ Соррини).

Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ!
Пускай они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзалъ съ головы ея (указываетъ на тѣло Эмиліи).
Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня,—
Они вамъ не мѣшаютъ.

Соррини.

Нѣтъ, нельзя!
Никакъ нельзя.

Фернандо.

Послѣдняя мольба! (Скрежещетъ зубами.)
Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которые желѣзо пытки
Исторгнетъ!...

Соррини.

Нѣтъ, никакъ нельзя!...
Ихъ видъ твои страданья облегчитъ,
Но этого не хочетъ судъ.

(Дѣйствіе V, сцена 1-я.)

Когда и эта послѣдняя просьба не признана, Фернандо бросается заколоть Соррини, но только легко ранитъ его въ руку. Въ этой неудачѣ онъ видитъ указаніе неба и смиряется.

Фернандо (къ Соррини).

Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки. (Бросаетъ кинжалъ на землю.)
Прочь невѣрный
Металлъ! Ты мнѣ служилъ какъ люди:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... Прочь измѣнникъ!

Видя, что онъ безоруженъ, его схватываютъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи народъ толкуетъ, ожидая казни Фернандо.

Одинъ изъ толпы.

Все кончилось! Я былъ въ судѣ. Фернандо
Ведутъ на казнь. Его пытали долго;
Вопросы дѣлали... Онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя...

Но этимъ не оканчивается. Этого мало: оказывается, что Фернандо—сынъ имъ спасеннаго еврея, который раньше пріютилъ израненнаго подосланными убійцами Фернандо. У еврея есть дочь. Она, узнавъ о судьбѣ Фернандо, сходитъ съ ума и умираетъ.

Въ этой трагедіи легко отыскать вліяніе прочитаннаго въ то время Лермонтовымъ. Тутъ видны драмы Шиллера «Разбойники» и «Коварство и любовь». Только краски Лермонтовъ постарался наложить ярче. Такъ, въ послѣдней изъ названныхъ драмъ Шил-

лера, Фернандо, желая спасти опозоренную, любимую имъ дѣвушку, грозится заколоть ее, но не выполняетъ этого. Фернандо у Лермонтова исполнилъ угрозу. Въ отношеніяхъ президента фонъ-Вольтера къ сыну Фердинанду много схожаго съ отношеніями Альвареца къ Фернандо. Въ 1830 году драмы Шиллера «Разбойники» и «Коварство и любовь» давались въ Москвѣ съ участіемъ Мочалова, и Лермонтовъ говоритъ о томъ, что видѣлъ ихъ на сценѣ. Тѣмъ понятнѣе вліяніе ихъ.

Повліяло на Лермонтова, очевидно, и чтеніе «Натана Мудраго» Лессинга. Старый еврей у Лермонтова съ дочкою Ноэми и старухой, служанкой ея — совершенный сколокъ съ Натана Мудраго, его дочери и ея старой няни. Какъ и въ Лессинговой драмѣ, у Лермонтова подъ конецъ оказывается, что герой—братъ молодой еврейки. Самая симпатія Лермонтова къ еврею, выставленному честнымъ и правдивымъ, навѣяна очевидно Лессингомъ. У Лермонтова, какъ и у Лессинга, герой сначала морщится и презрительно относится къ облагодѣтельствованному имъ «жиду» и потомъ лишь побѣждается мудростью отца и добродѣтелью дочери. Но спокойный, радужный конецъ Лессинговой драмы не соотвѣтствовалъ вкусамъ и настроенію Михаила Юрьевича. Онъ погубилъ и героя, и еврейку и, кажется, отца. Говорю «кажется» потому, что конецъ трагедіи «Испанцы» (послѣдняя страница) утерянъ, но по ходу можно такъ предположить.

Вліяніе нѣмецкихъ поэтовъ такъ ощутительно, что вторую трагедію свою, писанную одновременно съ «Испанцами», онъ озаглавилъ по-нѣмецки: «Menschen und Leidenschaften.—Ein Trauerspiel», не давая себѣ труда перевести его. Да въ одновременныхъ тетрадяхъ мы не только встрѣчаемся съ переводами изъ Гёте и Шиллера, какъ было сказано выше, но даже со стихами на нѣмецкомъ языкѣ, писанными рукою Лермонтова и, кажется, не списанными, а сочиненными имъ [51]).

---

[51]) Собственно въ тетради 1831 г.

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein
Und treu zu lieben, ist zu lieblich sie.
Wohl tausend Herzen Konnte sie erfreun,
Dach selbst, selbst glüiklich wird sie nie.

Впрочемъ тутъ же находится переводъ этого стихотворенія на русскій языкъ, такъ что можетъ-быть нѣмецкій оригиналъ не Лермонтова; но я долго искалъ и спрашивалъ знатоковъ и это четверостишіе никому не было извѣстно.

ГЛАВА IV.

Драма «Menschen und Leidenschaften».—Между двухъ огней.—Катастрофа.—Отецъ и сынъ.—Чрезмѣрная любовь.

Вторая, написанная Лермонтовымъ, трагедія «Menschen und Leidenschaften» (люди и страсти) представляетъ собою особенный автобіографическій интересъ *). Въ ней выражена та драма жизни, отъ которой онъ страдалъ все свое дѣтство. Повидимому, когда онъ писалъ ее, эти страданія особенно обострились, вслѣдствіе

Впрочемъ, дѣло не въ томъ, насколько Лермонтовъ владѣлъ языкомъ нѣмецкимъ, а насколько вліяла на него литература эта. Вотъ и переводъ упомянутаго стихотворенія, сдѣланный Лермонтовымъ:

Ты слишкомъ для невинности мила
И слишкомъ ты любезна, чтобъ любить.
Подміру дать ты-бъ счастіе могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть.
Блаженствъ намъ не посылаетъ рокъ
Вдвойнѣ.—Видала-ль быстрый ты потокъ?
Брега его цвѣтутъ, тогда какъ дно
Вездѣ глубоко, холодно и темно!

Вліяніе Шиллера видно и по небольшой неоконченной поэмѣ Лермонтова «Два брата» (въ черновой тетради 1830 года). Она навѣяна Шиллеровскимъ произведеніемъ: «Коринеская невѣста» или «Враждующіе братья».

Два брата.

(поэма.)

Ахъ, братъ! Ахъ, братъ! Стыдись, мой братъ!
Обѣты теплые съ мольбами
Забылъ ли? Годъ тому назадъ
Мы были нѣжными друзьями...
Ты помнишь, помнишь вѣрно бой,
Когда рубились мы съ тобой
Противъ враговъ роднаго края,
Или, заботы удаляя,
Съ новорожденною зарей
Встрѣчали вмѣстѣ праздникъ Лады.
И что-жъ? Волненіе досады,
Неугомонная вражда
Насъ раздѣлили навсегда...
Не забывай меня, какъ прежде,

*) Она помѣщена въ „Юношескихъ драмахъ Лермонтова“ изд. 1880 года, С.-Петерб., стр. 127.

внѣшнихъ событій. Они взволновали зыбкую душу молодаго человѣка, подняли со дна все сокровенное—и любовь, и ненависть. Какъ бы желая дать выходъ волновавшимъ его чувствамъ, онъ изливаетъ ихъ въ цѣлой драматической картинѣ, въ которой является самъ и близкіе ему люди дѣйствующими лицами. Этихъ людей, какъ и самого себя, онъ прикрываетъ вымышленными

Въ благополучные года,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ,
Любви и дружбѣ... Я зналъ
Волненья сердца дорогія
И очи, очи голубыя.

(Нижеслѣдующія шесть строкъ въ тетрадяхъ очерчены и чужою рукой помѣчено: Contre la morale).

Я сердцемъ дѣвы обладалъ:
Ты у меня его укралъ!...
Ты завладѣлъ моей прекрасной,
Ея любовью и красой.
Ты обманулъ меня... ужасно!...
И посмѣялся надо мной.

Умолкли. Но еще стоятъ
Въ душѣ терзаемы враждою.
На каждомъ свѣтлые блестятъ
Мечи съ насѣчкой золотою,
На каждомъ панцырь и шеломъ
Орлинымъ осѣненъ крыломъ.
Все пусто вкругъ въ дали туманной.
Предъ ними жертвенникъ. На немъ
Кумиръ бѣлѣетъ деревянный.
И только плющъ, вiясь, младой
Лелѣетъ жертвенникъ простой.
Они колѣна преклонили,
Взаимной злобой поклялись,
Вотъ на коней своихъ вскочили
И врозь стрѣлою понеслись.
Давно-ль, давно ли другъ безъ друга
Ихъ край родимый не видалъ?
Давно-ль, когда одинъ страдалъ
Въ изнеможеніи недуга,
Другой прикованный стоялъ
Нѣжнѣйшей дружбой къ изголовью?

именами. Подъ гнетомъ страданія, въ аффектѣ страсти, онъ накладываетъ краски слишкомъ яркія, такъ что позднѣе самъ считаетъ нужнымъ смягчить ихъ, пощадить нѣкоторыя лица, освѣтить ихъ менѣе пристрастно,—и пишетъ другую драму: «Странный человѣкъ», одинаковаго съ предыдущей автобіографическаго значенія.

Событіемъ, вызвавшимъ этотъ страстный порывъ, былъ, кажется, окончательный разрывъ между отцомъ Михаила Юрьевича и бабушкой его. Съ самаго того времени, когда, спустя девять дней по смерти жены, Юрій Петровичъ уѣхалъ изъ бывшихъ подъ его управленіемъ Тарханъ, а потомъ потребовалъ къ себѣ сына, бабушка постоянно боялась за потерю внука. Ей представлялось, что вотъ-вотъ нагрянетъ отецъ и отниметъ или увезетъ Михаила Юрьевича. Поэтому мальчика берегли и хранили очень строго. Въ Тарханахъ помнятъ еще, что когда Юрій Петровичъ пріѣз-

---

Вдругъ, горькимъ мщеніемъ дыша,
Кипитъ надменная душа...
Чѣмъ раздражилася? Любовью!
Аскарь, добычу бранныхъ силъ,
Финляндку юную любилъ;
Она лила въ неволѣ слезы
И помнила средь грустныхъ дней
Скалы Финляндіи своей.
Скалы Финляндіи пустой,
Озеръ стеклянные заливы
И боръ печальный и глубокій,
Какъ милы вы, какъ вы счастливы
Своею дикой красотой!...
Дымятся низкіе домины,
Гдѣ кучи хижинъ небольшихъ
Съ дворами грязными. Вкругъ ихъ
Растутъ кудрявыя рабины,
На высотахъ чернѣютъ пни
Иль стебли обгорѣлыхъ сосенъ.
Въ странѣ той кратки дни весны
И продолжительная осень...

Въ этомъ стихотвореніи замѣтно также вліяніе Батюшкова, даже Баратынскаго, не говоря о томъ, что есть мѣсто, въ которомъ стихи дословно почти взяты изъ „Евгенія Онѣгина“: „Давно-ль, давно ли другъ безъ друга“ (6-я глава „Онѣгина“, появившаяся въ 1828 г.). Сравни „Учен. тетр. Лермонтова“, ст. Дудышкина, *Отеч. Зап.* 1859 г., № 7, стр. 35.

жалъ навѣстить сына, то тотчасъ же посылались на почтовыхъ гонцы за Аѳанасіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ, въ Саратовскую губернію, звать его на помощь для защиты, на случай отнятія. Страхъ потерять, такимъ образомъ, любимаго внука доходилъ у бабушки до болѣзненности [52]).

Было уже говорено о томъ, что причины быстраго отъѣзда Юрія Петровича изъ Тарханъ и затѣмъ недоразумѣній между нимъ и бабушкой хорошенько намъ неизвѣстны. Біографы, однако, заявляли, что этимъ труднымъ положеніемъ нашего поэта между бабушкой и отцомъ объясняется болѣзненная нервность въ его характерѣ [53]). Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе, но прибавлю, что ключомъ къ уразумѣнію событій можетъ служить разбираемая нами драма. Узнать дѣйствующихъ лицъ весьма нетрудно. Юрій Николаевичъ Волинъ, герой ея, очевидно, самъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Марѳа Ивановна Громова, по обстановкѣ и даже по внѣшнему описанію, соотвѣтствуетъ Ел. Ал. Арсеньевой. Она безъ памяти любитъ внука и ревнуетъ его къ отцу. Какъ Арсеньева, Громова ходитъ опираясь на палку (стр. 150). Зять ея, Николай Михайловичъ Волинъ, отецъ героя, очевидно, изображаетъ Юрія Петровича Лермонтова. О другихъ дѣйствующихъ лицахъ будетъ говорено по мѣрѣ надобности.

Изъ діалоговъ драмы мы узнаемъ всѣ обстоятельства дѣтства Юрія Волина, т. е. Михаила Юрьевича Лермонтова. Вотъ какъ дядя разсказываетъ начало распри между бабушкой и отцомъ:

---

[52]) Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. Журавлевымъ въ Тарханахъ. Замѣчательно сходство ихъ съ тѣмъ, что говоритъ самъ Лермонтовъ въ драмѣ своей „Menschen und Leidenschaften“. Свѣдѣнія эти получены мною раньше, чѣмъ вышло Ефремовское изданіе „Юношескихъ драмъ Лермонтова“, такъ что если и предположить, что старожилы тархановскіе слѣдятъ за всѣмъ новымъ въ нашей литературѣ, то на этотъ разъ ужь они никакъ не могли почерпнуть изъ новой книги переданныя г. Журавлеву свѣдѣнія. „Menschen und Leidenschaften“ составляетъ рукопись in folio. Она писана вся рукой Лермонтова и хранится въ Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. На поляхъ заглавнаго листа съ посвященіемъ нарисованъ карандашомъ поясной образъ дѣвушки, стоящей подъ деревомъ. Надъ посвященіемъ было написано и имя вдохновившей поэта, но оно зачеркнуто чернилами, такъ что разобрать его нѣтъ никакой возможности.

[53]) Г. Пыпинъ („Соч. Лерм.“ изд. 1873 г., стр. XVII) указываетъ, на основаніи сообщеній г. Зиновьева и того, что замѣчаетъ г. Бартеневъ (*Рус. Арх.* 1872 г., стр. 1852), на автобіографическое значеніе драмы „Menschen und Leidenschaften“. Тоже и г. Ефремовъ („Соч. Лерм.“, т. II, стр. 614, и «Юнош. др.», стр. 320. Дудышкинъ, прим. ко II т., изд. 1860 г., стр. 650.

«За мѣсяцъ передъ смертью твоей матери (еще тебѣ было три года), когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марѳу Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее передъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михайловича какъ роднаго сына; она говорила ей: «маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу,— замѣните ему меня... Я чувствую, что я умираю...» Тутъ слова ея пресѣклись, она смотрѣла на тебя. Молчаливый, живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать насчетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ она вытребовала обѣщаніе старухи и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, также какъ и отецъ твой. Весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Ивановичъ и повелъ твоего отца для разсѣянья погулять и говоритъ ему, что Марѳа Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать ему жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи въ растроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ. Вотъ какъ все это началось: черезъ три мѣсяца Николай Михайловичъ пріѣзжаетъ сюда, чтобы тебя видѣть,—пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя, — говорятъ нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню. Братъ сдѣлался боленъ; душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь наконецъ и что же?—Она охладѣла совсѣмъ къ отцу... Когда должно твоему отцу пріѣхать, здѣшнія подлыя сосѣдки получили посредствомъ ханжества довѣренность бабушки, сказали ей, что онъ пріѣхалъ отнять тебя у нея, и она повѣрила. Доходятъ же люди до такого сумасшествія! Бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ брату и онъ на другой день прискакалъ. Отецъ твой сталъ ему говорить, что слово не сдержано, что его отчуждаютъ отъ имѣнія, что онъ здѣсь насчетъ сына какъ посторонній, что ни на что это не похоже... Но этотъ іезуитъ снова уговорилъ его легко, потому что отецъ твой—благородный человѣкъ и судилъ всѣхъ по добротѣ души своей. Братъ согласился оставить тебя у бабушки до 16-ти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы насчетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ» *).

*) „Юношеск. повѣсти“, стр. 158 и слѣд.

Уже въ самомъ началѣ драмы, въ первомъ явленіи, между прислугой тещи и зятя происходитъ разговоръ, который вполнѣ характеризуетъ положеніе дѣлъ.

Иванъ.—А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Ивановичемъ? Кажись бы не отчего,—близкая родня.

Дарья.—Не отчего?... Какъ не отчего?—Погоди, я тебѣ все это дѣло разскажу. Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна, дочь нашей барыни, скончалась, оставя сына. Всѣ плакали какъ сумасшедшіе, а наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить внука, Юрья Николаевича. Отецъ-то сначала не соглашался, но наконецъ его уломали, и онъ, оставя сынка дома, отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ, ему вздумалось къ намъ пріѣхать. А слухъ-отъ и дошелъ отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрья Николаевича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они и въ ссорѣ...

Иванъ.—Да какъ-ста же за это можно сердиться?... По-моему, такъ отецъ всегда воленъ взять сына, вѣдь это его собственность. Хорошо, что Николай Михайловичъ такой добрый, что онъ сжалился надъ горемъ тещи своей; а другой бы не сдѣлалъ того и не оставилъ бы своего дѣтища.

Дарья.—Да, посмотрѣла бы я, какъ онъ сталъ бы его воспитывать,—у него у самого жить почти нечѣмъ, хоть онъ и нарохтится въ важные люди... Какъ бы онъ сталъ за него платить по четыре тысячи въ годъ за обученье разнымъ языкамъ? *)

Содержаніе драмы поясняетъ намъ, и поясняетъ подробно, отношенія между Лермонтовымъ и Арсеньевой. Оно не только подтверждаетъ догадки біографа, но и дополняетъ указанія современниковъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что было причиною, побудившею Юрія Петровича оставить сына у бабушки. Видимъ, что это было условленно, было временно, до тѣхъ поръ, пока мальчику нуженъ былъ женскій присмотръ. Это соображеніе, просьбы бабушки и сознаніе, что недостатокъ средствъ не позволитъ дать Мишѣ тщательнаго воспитанія, побудили отца временно съ нимъ разстаться. Однако онъ не совсѣмъ отчуждается,—онъ думаетъ навѣщать сына. Разлука его грызетъ, и вотъ, пріѣзжая, онъ вмѣсто ласки и задушевности встрѣчаетъ въ тещѣ подозрительность, боязнь насилія съ его стороны; отъ него стараются скрыться въ другомъ имѣніи, вызываютъ родныхъ на защиту. Все это, конечно,

*) «Юнош. драмы», стр. 132.

далеко не можетъ дѣйствовать успокоительно на Юрія Петровича. Легко понять, что впечатлительный, вспыльчивый характеръ долженъ былъ увлечь его опять на выходки, которыя, конечно, не могли успокоить тещу. Такъ росли взаимное недовѣріе и непріязнь. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ въ драмѣ *) можно заключить и еще объ одномъ обстоятельствѣ. Кажется, Юрію Петровичу было обѣщано, что если онъ сына оставитъ у бабушки, то ему отдадутъ причитавшееся за покойной женой имѣніе, которое должно было перейти къ сыну. Юрій Петровичъ вѣдь и управлялъ этимъ имѣніемъ при жизни жены, ему ближе всего было стать опекуномъ будущаго состоянія сына. Сгоряча, въ первые дни горя по смерти дочери, мать такъ и думала поступить. Все это было сдѣлано на словахъ. Когда же прошла первая скорбь, часто сближающая, по общности своей, всѣхъ, ею пораженныхъ, когда произошло затѣмъ первое столкновеніе, когда бабушка болѣзненно стала опасаться увоза отъ нея дорогаго внука, единственную радость свою, тогда невольно стала на-сторожѣ каждаго изъ своихъ преимуществъ. Добрые люди, всегда охотно подливающіе масло въ огонь, укрѣпили ее въ мысляхъ, что состояніемъ своимъ она можетъ держать въ рукахъ зятя. Вся родня Арсеньевой отличалась, какъ мы сказали уже, своей правдивостью, исполненіемъ даннаго слова и принятыхъ обязанностей. Но эта же родня отличалась и вспыльчивостью и упрямствомъ, да и общимъ тогда на Руси свойствомъ сильныхъ, своеобразныхъ натуръ — самодурствомъ. «Не хотѣлъ, дескать, какъ я хочу,—ну, такъ не будетъ же и по-твоему». Должно-быть не мягко обошелся съ бабушкой и Юрій Петровичъ, можетъ-быть какою-либо выходкой самъ подкопалъ свое нравственное право. Ему нашептали, что бабушка хочетъ отнять у него имѣніе **), а бабушкѣ, что Юрій Петровичъ уступилъ ей сына только временно, пока не заберетъ денежки въ руки, а тамъ и Мишу возьметъ,—значитъ, силу изъ рукъ нельзя выпускать. Вотъ бабушка и рѣшила, что Юрій Петровичъ дѣйствіями своими утратилъ право на обѣщаніе, ему данное, да и для блага Миши надо ей поступить рѣшительно. Она объявила, что если Юрій Петровичъ возьметъ сына, то она лишитъ его наслѣдства.

Пораздумавъ, Юрій Петровичъ увидѣлъ, что сына-то воспитывать не на что, что сдѣлаетъ его нищимъ, если заупрямится.

*) Тамъ же, стр. 150, 159 и 160.

**) Тамъ же, стр. 144.

Любящій отецъ побѣдилъ въ себѣ гордость обиженнаго человѣка,—Юрій Петровичъ смирился, затаилъ злобу и для блага сына порѣшилъ оставить его до 16 лѣтъ у бабушки.

«Я сына своего,—говоритъ въ драмѣ зять тещѣ своей,—не меньше васъ люблю, и этому доказательство, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобы воспитывать его такъ, какъ вы могли» *).

Юрій Петровичъ однако сохранилъ за собою право слѣдить за воспитаніемъ сына и поставилъ условіемъ, чтобы по вопросамъ о воспитаніи во всемъ относились къ нему. Но такое требованіе, конечно, на практикѣ не могло быть выполнено. Гдѣ же было изъ Тульской губерніи слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ Пензенской!... Каждый пріѣздъ Юрія Петровича въ Тарханы давалъ пищу новымъ непріятностямъ. Между тѣмъ Миша сталъ подростать, его повезли въ Москву, и тутъ отецъ навѣдывался чаще. Онъ, по разсказамъ г. Зиновьева, наѣзжалъ въ Москву изъ Кропотовки съ двумя своими незамужними сестрами,, Натальей и Александрою. Останавливался онъ въ особой квартирѣ, не у Арсеньевой. Сынъ его навѣщалъ, особенно же часто проводилъ у него праздничные дни. Воспитатели, можетъ-быть подъ вліяніемъ Арсеньевой, говорили, что отецъ очень баловалъ сына и на него имѣлъ вліяніе недоброе.

Сынъ же крѣпко любилъ отца своего. «Папенька сюда пріѣхалъ,—пишетъ онъ теткѣ своей въ Апалиху,—и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего портфеля; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками» **).

Пошелъ наконецъ внуку и роковой для бабушки 16-й годъ. Условіе приходило къ концу. Отецъ могъ потребовать выполненія условій, отдачу ему сына обратно. Начались переговоры, и это было въ 1830 году. Въ это время, по Высочайшему повелѣнію, пансіонъ былъ уничтоженъ и все заведеніе переименовано въ гимназію. Многіе поспѣшили взять изъ него дѣтей своихъ. Лермонтовъ, обучавшійся уже въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса, тоже подалъ прошеніе объ увольненіи и получилъ его 16 апрѣля***). Рѣчь зашла о томъ, гдѣ ему продолжать воспитаніе. Ду-

*) Тамъ же, стр. 148.
**) «Соч. Лерм.», т. I, стр. 506.
***) См. прибавленіе I.

мая везти молодаго человѣка за границу, бабушка мечтала о Франціи, а отецъ о Германіи *).

Чѣмъ болѣе приближалось время окончательной перемѣны судьбы Михаила Юрьевича, тѣмъ болѣе обострялось взаимное нерасположеніе тещи и зятя. Въ Юріи Петровичѣ прорывалась накипѣвшая годами злоба и желаніе вознаградить себя за долгую разлуку съ сыномъ; въ Елизаветѣ Алексѣевнѣ проснулся весь страхъ за потерю самаго дорогаго въ жизни. Вся борьба между ними сосредоточилась теперь на 16-ти лѣтнемъ мальчикѣ. Къ кому онъ прильнетъ? Кто одержитъ верхъ?... Крѣпко ухватились обѣ стороны за ревниво любимаго юношу. Добромъ это не могло кончиться. Кажется, каждый готовился выпустить его только съ жизнью, но трагизмъ положенія всею тяжестью давилъ молодаго поэта. Конечно, онъ давно, какъ только сталъ мыслить,—а мысли зашевелились въ немъ рано,—понялъ, что между его отцомъ и бабушкой что-то неладно. Онъ давно это чуялъ, давно страдалъ подъ этимъ сознаніемъ. Положеніе высокоодареннаго мальчика между аристократическою бабушкой и какимъ-то рѣдко видаемымъ, бѣдно обстановленнымъ отцомъ было тяжелое. Тамъ гдѣ-то есть отецъ, котораго появленіе въ домѣ непріятно бабушкѣ, но который ему милъ и дорогъ, а здѣсь вокругъ сына его—богатая обстановка, и любовь, и уходъ... Но почему же не любятъ того, кто ему такъ дорогъ? Почему онъ исключенъ изъ круга родныхъ, почему онъ не можетъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ пользуется сынъ?... Эта мысль можетъ-быть еще болѣе привязывала мальчика къ отцу. Онъ его жалѣлъ, а кто жалѣетъ любя, тотъ вдвойнѣ любитъ.

Все это, говорю я, давно чувствовалъ мальчикъ, но всѣхъ подробностей передрягъ и ссоръ онъ не зналъ, или не зналъ ихъ во всей ясности. Весь ужасъ положенія ему не представлялся еще. Вѣроятно и бабушка, и отецъ, оба любя его, берегли его. И вдругъ все отъ него скрываемое прорвалось, страсти разнуздались, пошли взаимныя обвиненія, уличенія и вѣчная апелляція къ его чувству, къ любви его, къ долгу, къ благодарности. Мальчикъ извѣдалъ страшную пытку,—тѣмъ болѣе страшную, что все его воспитаніе, любовь и баловство увеличили и безъ того въ высшей степени сильную впечатлительность. «Неужели можно быть такъ чувствительнымъ, что всякая малость раздражаетъ его

*) «Юнош. драмы, стр. 138 и 148.

до такой степени?» Этими словами въ драмѣ Заруцкій характеризуетъ Юрія, то-есть самого Лермонтова *).

Надо вспомнить при этомъ, что Лермонтовъ находится въ опасномъ переходномъ возрастѣ, отъ отрочества къ юношеству, когда нервы бываютъ особенно чувствительны и раздражительны. И вотъ въ этотъ-то столь трудный періодъ внутренней борьбы и развитія пришлось бѣдному юношѣ испить горькую чашу нравственной пытки.

Опять-таки въ драмѣ мы находимъ выраженіе того, какъ Лермонтовъ судилъ о своемъ состояніи. Онъ заставляетъ говорить о себѣ Юрія:

«Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей...»

«... У моей бабушки, у моей воспитательницы, жестока распря съ отцомъ моимъ *и это все на меня упадаетъ...*»**)

Очевидно, сынъ сталъ сильно льнуть къ отцу. Бабушка жалуется на него повѣренной своей: «все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ. Экой какой онъ сдѣлался!... Бывало прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, какъ малъ былъ. И напрасно я его удалила отъ отца,—таки умѣли его увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣніе, какъ будто не ему же это имѣніе достанется... Кто станетъ покоить мою старость? И я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія? Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться, а по четыре тысячи платила въ годъ учителю... И все пошло не въ прокъ... Ужь, кажется, не всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды... Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось»***).

Наконецъ вопросъ для Михаила Юрьевича былъ поставленъ ребромъ. Бабушка и отецъ поссорились окончательно. Сынъ хотѣлъ-было уѣхать съ отцомъ, но тутъ-то и началась самая тонкая интрига приближенныхъ съ одной стороны бабушки, съ дру-

*) Тамъ же, стр. 139. Такимъ онъ является и въ разсказахъ Хвостовой.

**) Тамъ же, стр. 137.

***) Тамъ же, стр. 144.

гой—отца. Бабушка упрекала внука въ неблагодарности, угрожала лишить наслѣдства, описывала отца самыми черными красками и наконецъ сама, подъ бременемъ горя, сломилась. Ея слезы и скорбь сдѣлали то, что не могли сдѣлать упреки и угрозы,—онѣ вызвали глубокое состраданіе внука. Его стала терзать мысль, что, рѣшившись ѣхать съ отцомъ, покидая старуху, онъ отнимаетъ у нея опору послѣднихъ дней ея. Она дала ему воспитаніе, ей онъ обязанъ уходомъ въ дѣтствѣ, воспитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, кромѣ жизни, правда, но жизнь-то на что же?.. Ему казалось, что въ нѣсколько дней онъ приблизилъ бабушку къ могилѣ, что онъ неблагодаренъ къ ней... *) Свои сомнѣнія онъ высказываетъ отцу. Отецъ же, ослѣпленный негодованіемъ на тещу за ея непониманіе его, за нанесенныя оскорбленія, да можетъ-быть и подъ вліяніемъ интриги, подозрѣваетъ въ сынѣ желаніе покинуть его, остаться у бабушки. Семейная драма дошла до высшаго своего развитія. Что тутъ произошло опять, мы знать не можемъ, но только отецъ уѣхалъ, а сынъ по-прежнему оставался у бабушки. Они больше не видѣлись,—кажется, вскорѣ Юрій Петровичъ скончался. Что̀ сразило его—болѣзнь или нравственное страданіе? Можетъ-быть то и другое, можетъ-быть и одна болѣзнь. Но кончина его произошла въ разлукѣ съ сыномъ, и не имъ были закрыты дорогіе глаза. Слышалъ я даже, будто Юрій Петровичъ скончался въ Москвѣ и что сынъ его былъ на похоронахъ. Можетъ быть. Можетъ-быть къ умершему отцу относится и стихотвореніе—«Эпитафія», находящееся въ черновой тетради 1830 г.

Прости, увидимся-ль мы снова
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать!... Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда, рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отпрая,
Небрежный, хладный и нѣмой.

*) Тамъ же, стр. 169 и 184.

И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?...
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья *).

Слова: «Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ», напоминаютъ мѣсто въ драмѣ, гдѣ сынъ говоритъ отцу, упрекающему его въ неблагодарности **). «Такъ, я неблагодаренъ, только не къ вамъ! Я обязанъ вамъ одною жизнью... Возмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!»

По этой же драмѣ выходитъ, что раздраженный отецъ проклинаетъ сына, и, доведенный этимъ окончательно до отчаянія, сынъ налагаетъ на себя руку.

Надо полагать, что Лермонтовъ перенесъ въ это время страшныя мученія, что катастрофа, разыгравшаяся въ семьѣ, дѣйствительно чуть не довела его до самоубійства. Не говоря о томъ, что мысль эта встрѣчается въ лирическихъ стихотвореніяхъ на страницахъ черновой тетради, мы находимъ ее въ записанныхъ сюжетахъ для драмъ, и обѣ драмы его—«Люди и страсти» и «Странный человѣкъ»—кончаются самоубійствомъ героя.

Что первая изъ названныхъ драмъ имѣетъ чисто-біографическое значеніе, мы видѣли, но и вторая, написанная въ 1831 году, носитъ тотъ же характеръ. Впрочемъ, вѣдь и самъ поэтъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи:

«Я рѣшился изложить драматическое происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня и всю жизнь можетъ-быть занимать не перестанетъ.

«Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны, тогда раскаяніе посѣтитъ души тѣхъ людей... Но пускай они не обвиняютъ меня: я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать здѣсь несчастнаго!...

«Справедливо ли описано у меня общество, не знаю; по крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей без-

*) „Соч. Лерм.“, т. II, стр. 81.
**) «Юнош. драмы», стр. 184.

чувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня.

«И этому обществу я отдаю себя на судъ» *).

Этотъ несчастный, котораго Лермонтовъ отдаетъ на судъ общества, очевидно, онъ самъ. Да и есть отчего сдѣлаться несчастнымъ: онъ ли не любилъ отца, онъ ли въ разлукѣ съ нимъ не лелѣялъ образъ его, и вдругъ, неожиданно, все разбито, все безвозвратно потеряно! Отъ него, отъ его любящей души отецъ отвернулся. И онъ чувствовалъ, что отецъ, оскорбленный, любящій отецъ, не виноватъ,—онъ не такой, какимъ его хотѣли выставить другія, тоже дорогія ему, лица. Понятно, что юноша облегчалъ душу свою созданіемъ поэтическаго произведенія, излилъ всю жолчь на свою бабушку. Не она ли подала поводъ къ послѣдней разыгравшейся катастрофѣ?... Онъ и выставилъ ее въ драмѣ съ особенною непріязнью. По внѣшнему виду и всей обстановкѣ, по содержанію, ее нельзя не признать. Чувствуется на каждомъ шагу глубокая непріязнь юноши къ виновницѣ его горя, и связываетъ его съ нею только чувство благодарности. Вся симпатія лежитъ къ отцу. Это несомнѣнно для каждаго читателя драмы.

Когда затѣмъ прошло нѣкоторое время и острая боль улеглась, Михаилъ Юрьевичъ увидалъ, что онъ несправедливъ былъ къ бабушкѣ своей. Въ то же время, желая выставить все событіе, «чтобы раскаяніе посѣтило души виновныхъ», онъ пишетъ еще разъ драму—«Странный человѣкъ», въ коей опускаетъ бабушку и уже не съ прежнею симпатіей относится къ отцу. Можетъ-быть ему стало извѣстно отношеніе отца къ матери и онъ выводитъ ее на сцену доброю, любящею, загнанною. Что обѣ драмы вызваны одними и тѣми же мотивами, ясно при первомъ ихъ сравненіи, особенно въ первоначальномъ ихъ видѣ, какими онѣ напечатаны во II томѣ «Сочиненій». Цѣлыя сцены изъ «Люди и страсти» перенесены сюда. Только герой называется не Волинымъ, а Арбенинымъ. Это имя особенно дорого поэту и встрѣчается въ нѣсколькихъ произведеніяхъ его. За то въ той и другой драмѣ близкимъ другомъ героя является Заруцкій. Ту же роль играетъ старый, преданный молодому барину, слуга.

Въ черновой тетради самимъ Лермонтовымъ помѣчено, что

*) «Юнош. драмы.—Странный человѣкъ».

такую-то сцену надо перенести изъ «Menschen Leidenschaften» въ «Страннаго человѣка» [54]).

Постигшее горе не могло не оставить глубокаго слѣда на характерѣ поэта. Онъ, что называется, ушелъ въ себя. Явилось въ немъ что-то надломленное. Съ одной стороны жажда любви, сочувствія, съ другой—недовѣріе къ счастью и къ людямъ. Онъ еще больше ушелъ въ природу и въ ней отдыхалъ и искалъ облегченія раненой души.

Объ отцѣ своемъ онъ, кажется, никому не говорилъ. Не тогда ли родилось въ немъ обыкновеніе скрывать отъ всѣхъ все, что было ему особенно близко и свято? Онъ выказывалъ людямъ только внѣшнюю разгульную сторону свою, то, что нѣмцы называютъ «Galgenhumor». Это—шутки и юморъ человѣка, идущаго на смерть и не желающаго, чтобы видѣли, что душа его смертельно поражена. Извѣстно,—и я буду имѣть случай указывать на это,—что Лермонтовъ дурачился самымъ непозволительнымъ образомъ, что онъ выкидывалъ легкомысленнѣйшія штуки въ то время, какъ его занимали самыя серьезныя мысли. Только бумагѣ довѣрялъ онъ бесѣды съ своимъ лучшимъ *я* и немногія заглянули въ его душу.

Свое горе по отцѣ онъ тоже ввѣрялъ лишь бумагѣ. Къ отцу, очевидно, относятся двѣ пьесы, въ тетради 1831 года. Первая пьеса содержитъ въ себѣ то же, что составляетъ главный мотивъ въ драмѣ «Люди и страсти». Чувствуя горькую судьбу отца, онъ ощущаетъ и горечь своей судьбы: «мы оба,—говоритъ онъ,—стали жертвою страданья». Смертью прерванная связь тяготитъ сына; ему хочется общенія съ отцомъ и за дверями гроба. Но есть ли откликъ? Есть ли въ отцѣ, умершемъ, пониманіе, есть ли чувство?

Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ,
Постигнуть ты желанною кончиной!...
Дай Богъ, чтобы какъ твой, спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ... Я-ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли

[54]) См. прим. г. Ефремова, т. II, стр. 616, и то, что въ прим. къ «Юнош. Драм.» на стр. 320.

Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однако-жь, тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья...
Не мнѣ судить, виновенъ ты, иль нѣтъ.
Ты свѣтомъ осужденъ... А что такое свѣтъ?—
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькихъ же насмѣшливыхъ клеветъ.
Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей;
Ты счастливѣй меня: передъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ, потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,—
О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?...
О, если такъ, то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства,—я не знаю,
По крайней мѣрѣ я люблю» *).

Другая пьеса, писанная одновременно, дышетъ полною безнадежностью, полнымъ трагизмомъ. Жизнь мрачно глянула на юнаго поэта и вызвала въ немъ убѣжденіе, что онъ призванъ на несчастіе и горе.

Я сынъ страданья; мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена,
Дочь смерти,—смерть ей суждена [55]).

*) «Соч. Лермонтова», т. II, стр. 252.

[55]) „Соч. Лерм.“, т. II, стр. 253. Сравни, что говоритъ о значеніи этихъ стихотвореній, для уразумѣнія отношеній сына къ отцу, г. Никольскій (*Русск.*

Странно, что мы въ тетрадяхъ нигдѣ не находимъ что-либо, что имѣло бы отношеніе къ бабушкѣ (кромѣ, конечно, того, что встрѣчается въ драмѣ «Люди и страсти»). Нигдѣ не высказалась горячая симпатія къ ней словомъ, что-либо подобное тому, что чувствовалъ онъ къ отцу. Или это случай?... Что Лермонтовъ былъ очень внимателенъ къ бабушкѣ, извѣстно. На слово его старушка всегда могла положиться. Такъ меня завѣряло лицо, близко знавшее Лермонтова [56]), что когда открылась первая на Руси желѣзная дорога въ Царское-Село, то старушка, боявшаяся этого нововведенія, какъ-то разъ вырвала у внука, тогда уже давно гусарскаго офицера, обѣщаніе не ѣздить болѣе по ней. Михаилъ Юрьевичъ свято хранилъ данное слово и ѣздилъ въ Царское-Село, гдѣ стоялъ его полкъ, на тройкахъ.

Другой современникъ и близкій родственникъ Лермонтова [57]) разсказывалъ мнѣ, что бабушка такъ дрожала надъ внукомъ, что всегда, когда онъ выходилъ изъ дому, крестила его и читала надъ нимъ молитву. Онъ уже офицеромъ, бывало, спѣшитъ на ученье или парадъ, по службѣ, торопится, но бабушка его задерживаетъ и произноситъ обычное благословеніе, и такъ, бывало, по нѣскольку разъ въ день... Какъ ни трогательна такая любовь, но если подумать о нетерпѣливомъ, горячемъ, лихомъ характерѣ Лермонтова, то легко представить себѣ, что подчасъ онъ долженъ былъ тяготиться этимъ, и можно удивляться, какъ покорно онъ исполнялъ желаніе старухи и, торопясь, все же не упускалъ заходить къ ней прощаться.

Да, и слишкомъ большая любовь можетъ быть источникомъ страданій. Елизавета Алексѣевна ревниво любила и дочь, и внука. Невольно спрашиваешь себя, разумна ли была эта чрезмѣрная любовь? Не она ли произвела распрю между женой и мужемъ, а потомъ между отцомъ и сыномъ?... Но страшна была и Немезида: бабушка пережила всѣхъ дорогихъ—и мужа, и дочь, и внука, и угасла одна 85 лѣтъ, оплакивая Михаила Юрьевича такъ, что вѣки ея отъ слезъ ослабѣли и сами закрывали глаза, которымъ не суждено было болѣе видѣть дорогія черты.

Пав. Висковатый.

Стар. 1873 г., т. VII, стр. 564). Въ черновыхъ тетрадяхъ обѣ пьесы писаны почти непосредственно другъ за другомъ. Ихъ отдѣляютъ два отрывка изъ «Демона», тогда уже занимавшаго поэта.

[56]) Анол. Михайловна. В., урожд. В.

[57]) Изъ разсказовъ Дмитрія Аркадьевича Столыпина въ Москвѣ, въ маѣ 1880 года.

* *
*

«Распни Его, распни! Варравѣ дай свободу!»—
Вопила яростно толпа, и, ей въ угоду,

Позорно пролита была святая кровь
Того, Кто возвѣстилъ прощенье и любовь...

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Свершилось искупленье
И озарило міръ великое ученье:

Пріявшему отъ насъ и муки, и хулы,
Возносимъ мы теперь молитвы и хвалы.

Но втайнѣ, внутренно, мы тѣ же фарисеи:
Во мглѣ житейскихъ дрязгъ заря живой идеи

Порою чуть блеснетъ, ужь въ трепетныхъ сердцахъ
Испытываемъ мы смятеніе и страхъ;

А если прозвучитъ, нежданно и сурово,
Отважнаго ума бичущее слово,—

О, въ тѣ мгновенія, ретивы и дружны,
Безумно-яростной враждой ослѣплены,

Мы полчищу Варравъ предать себя готовы,
Чтобъ наложить на мысль безмолвія оковы:

Варравы насъ тогда не устрашаютъ,—нѣтъ,
Мы передъ истиной дрожимъ, намъ страшенъ свѣтъ...

В. Лихачовъ.

Легенда о св. Θеодо́рѣ.

(Посвящено сестрѣ Наташѣ).

Fu e non é...
Non sara tutto tempo senza reda.

Лѣтомъ 1872 года, въ одинъ изъ воскресныхъ торговъ на Сухаревской площади, мнѣ случайно попала подъ руку толстая тетрадь въ переплетѣ, валявшаяся на землѣ среди разнаго книжнаго хлама. Я развернула ее: оказалась рукопись. На первой страницѣ сдѣланы помѣтки:

«*Изъ записокъ Грибовскаго*».

«*Звѣзда*».

«*Флейта*».

Попробовала перелистать дальше: какіе-то росчерки, должно-быть проба пера; внизу нарисована бутылка и бокалъ, а наверху сдѣлана надпись: «*6 марта 1835. Вятка (!)*».

Страницы, исписанныя итальянскими, нѣмецкими стихами, цитатами изъ Данте и Гёте, замелькали передо мной.

«Fu e non é...
Non sara tutto tempo senza reda»—

стояло, вмѣсто эпиграфа, у первой большой статьи.

Я быстро перелистала всю тетрадь и остановилась на предпослѣднемъ листкѣ, какъ будто надѣялась именно тамъ найти разгадку заинтересовавшей меня рукописи. Дѣйствительно, тамъ былъ цѣлый рядъ фамилій, противъ которыхъ стояли названія разныхъ сочиненій:

У Липперта — «Горе отъ ума».
У Панаева — «Reboul poétique».
У Огарева — «Саллогубъ»...

Но я уже не читала дальше,—названныхъ именъ было достаточно, чтобы въ головѣ замелькало предположеніе: не записная ли это книжка А. И. Герцена?... Я поспѣшила скорѣй расплатиться и почти бѣгомъ баро силась домой.

Мое предположеніе насчетъ находки оправдалось: найденная тетрадь оказалась дѣйствительно принадлежащей А. И. Герцену. Какъ видно, она служила для него «Записной книжкой» во время его пребыванія въ Вяткѣ и жизни во Владимірѣ (въ 1835—1838 годахъ).

Кромѣ выписокъ изъ Тассо, «Ада» Данте, переписки Екатерины II съ Вольтеромъ, выписокъ изъ Гётевскаго «Фауста», встрѣчаются собственноручныя приписки, замѣтки, наброски самого Герцена. Напримѣръ, въ самомъ началѣ тетради, послѣ небольшой выписки изъ «Фауста», Герценъ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку:

«Гретхенъ, въ которую былъ влюбленъ Гёте еще юношею (Aus meinem Leben Dichtung und Wahrheit) не была ли основою Гретхенъ въ «Фаустѣ»? Сходство огромное. И это не отнимаетъ нисколько достоинства изобрѣтенія: развѣ его schwankende Gestalten не могли создаться изъ воспоминанія сердечнаго, фантастическаго? Клара въ «Эгмонтѣ»...»

Кромѣ трехъ большихъ статей: «Легенда о св. Ѳеодо́рѣ», «Первая» и «Вторая встрѣча», написанныхъ нѣсколько ранѣе и переписанныхъ въ Вяткѣ въ 1836 году, въ «Записной книжкѣ» была еще статья «О зодчествѣ», которая кѣмъ-то вырѣзана. Отъ нея осталось только нѣсколько заключительныхъ строкъ. Вотъ онѣ: «Неужели животворная мысль творчества не сойдетъ на землю, изрѣзанную желѣзными дорогами, и неужели памятниками нашему вѣку будутъ казармы, магазины, экзерциргаузы?—Не можетъ быть. Но чего ждать міру отъ будущаго зодчества? Объ этомъ поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.—Владиміръ. 12 февраля 1838 года».

Тутъ же сдѣланы наброски отдѣльныхъ мыслей, которыя съ точки зрѣнія исторической или біографической, разумѣется, не утратили своего интереса и для настоящаго времени: онѣ являются живыми свидѣтелями міровоззрѣнія Герцена въ тридцатыхъ годахъ, когда онъ находился подъ неотразимымъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и главнымъ образомъ Гегеля. Но вслѣдствіе ихъ отрывочности имъ мѣсто не здѣсь, а въ какомъ-нибудь историческомъ сборникѣ или журналѣ, въ родѣ *Русской Старины*. Здѣсь же читатели *Русской Мысли* встрѣтятъ три цѣльныя, большія статьи, которыя представляютъ частію варіанты уже напечатаннаго, частію совсѣмъ новое, неизвѣстное русской публикѣ. Напримѣръ, лирическія изліянія автора, предпосланныя, вмѣсто предисловія, къ «Легендѣ о св. Ѳеодо́рѣ», появятся въ печати въ первый разъ, какъ и сама «Легенда». Помѣщенный въ запискахъ г-жи Пассекъ «Мартирологъ св. Ѳеодо́ры» есть только ея канва, ея остовъ, который здѣсь окончательно отдѣланъ: на него положены новыя краски, подведены новые штрихи.

Созданіе «Легенды о св. Ѳеодо́рѣ» относится ко времени пребыванія Герцена въ московскихъ Крутицкихъ казармахъ, когда подъ вліяніемъ своей двоюродной сестры, Наташи, впослѣдствіи жены, онъ былъ сильно охваченъ религіознымъ порывомъ.

Названная легенда представляетъ художественную переработку «Житія св. Ѳеодо́ры», взятаго уже изъ вторыхъ рукъ, т.-е. не прямо съ греческаго, а въ сокращенной и сжатой переработкѣ Димитрія Ростовскаго. Герценъ многое изъ житія выкинулъ, создалъ изъ него прекрасную поэтическую повѣсть, которая хотя и перебрасываетъ читателя за нѣсколько вѣковъ назадъ, въ совершенно чуждую для него страну—Малоазійскую Грецію, тѣмъ не менѣе увлекаетъ его своими поэтическими красотами и лирическими отступленіями, характерными для автора «Легенды». Въ такомъ видѣ онъ подарилъ ее своей женѣ, Натальѣ Александровнѣ, тогда еще невѣстѣ, въ одно изъ своихъ свиданій съ ней въ Крутицкихъ казармахъ.

Вторая статья, которая появится вслѣдъ за «Легендой о св. Ѳеодо́рѣ», прежде была названа: «Германскій путешественникъ», но потомъ авторъ переименовалъ ее въ «Первую встрѣчу», прибавивъ затѣмъ и «Вторую», которая къ «Первой встрѣчѣ», однако, не имѣетъ никакого отношенія.

«Первая встрѣча» представляетъ первоначальную форму разсказа Трензинскаго о встрѣчѣ съ Гёте,—разсказа, который вошелъ, какъ эпизодъ, въ «Записки одного молодаго человѣка», подвергшись предварительно значительной передѣлкѣ. Основная мысль разсказа осталась та же, но обстановка, гдѣ происходило дѣйствіе, и связанныя съ нею подробности измѣнены: многое выкинуто, сжато, нѣкоторыя мѣста получили совсѣмъ иную окраску.

«Вторая встрѣча» изображаетъ одинъ изъ эпизодовъ, бывшихъ съ самимъ авторомъ въ Вяткѣ, его встрѣчу съ полякомъ Цихановичемъ, которая до сихъ поръ еще не появлялась въ русскомъ изданіи, но о которой въ сжатомъ и измѣненномъ видѣ авторъ упоминаетъ въ своихъ всѣмъ извѣстныхъ запискахъ.

Всѣ три названныя статьи, несмотря на то, что написаны почти полстолѣтія тому назадъ, сохраняютъ всю прелесть поэзіи, обдаютъ читателя живостью красокъ и тѣмъ идеальнымъ взглядомъ на міръ и человѣка, какимъ смотрѣлъ А. И. Герценъ, ни разу не спускавшійся въ своей жизни до компромисса.

Іюнь 1881 г. **Е. Некрасова.**

I.

Якоже отреби міру быхомъ, всѣмъ попраніе доселѣ.

I Коринѳ., IV, 13.

Нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, нѣсколько мѣсяцевъ безъ открытаго неба, безъ чистаго воздуха!... Тюрьма не есть уединеніе; чувство, что человѣкъ выброшенъ изъ общества, отрѣшенъ отъ всѣхъ его условій, давитъ,—душа сосредоточивается, занимаетъ наименьшее пространство, уменьшается.

Томно шло время и однообразно до крайней степени; сутки потеряли свое измѣреніе,—всѣ 24 часа превратились въ одну тяжелую сѣрую массу, въ одинъ осенній вечеръ. Изъ моего окна видны были казармы, длинныя, безконечныя казармы, и надъ ними голубая полоса неба, изрѣзанная трубами и обезцвѣченная дымомъ. Наконецъ потребность воздуха, солнца, неба превратилась въ болѣзнь, въ тоску. Мнѣ позволили гулять. Съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ вышелъ я на печальный дворъ, отовсюду обставленный солдатами, чистый, плоскій, выметенный, безъ травы, безъ зелени! Правда, по угламъ стояли деревья, но они были печальны: мертвые листья падали съ нихъ и они казались мнѣ то потерянными бѣдными узниками, грустящими, оторванными отъ родныхъ лѣсовъ, то часовыми, которые безъ смѣны стерегутъ заключенныхъ. Удовольствіе мое тускло, темнѣло; къ этому прибавилась еще причина: кто не былъ въ тюрьмѣ, тотъ врядъ ли пойметъ чувство, съ которымъ узникъ смотритъ на своихъ провожатыхъ, которые смотрятъ на него какъ на дикаго звѣря. Я хотѣлъ уже возвратиться въ свою маленькую горницу, хотѣлъ опять дышать ея сырымъ, каменнымъ воздухомъ и съ какою-то ненавистью видѣлъ, что и это удовольствіе, къ которому я такъ долго приготовлялся, отравлено, какъ вдругъ мнѣ попалась на глаза бесѣдка на краю ограды.

— Можно идти туда?

— Я думаю,—отвѣчалъ офицеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

Я вошелъ и чуть крикъ восторга не вырвался изъ моей груди: пространство болѣе нежели на двадцать верстъ раскрывалось внезапно, нечаянно. Кто не знаетъ чувствованій, съ которыми смотритъ человѣкъ вдаль съ горы? Я самъ часто испытывалъ ихъ; но тутъ явилось что-то новое въ моей груди, сжатой каменными стѣнами, въ груди колодника...

Вся Москва, весь этотъ огромный, пестрый гигантъ, распростертый на сорокъ верстъ, блестящій своею чешуею,—вся эта необъятная, узорчатая друза кристалловъ, неправильно осѣвшихся!... Я всматривался въ каждую часть города и въ каждой грудѣ камней находилъ знакомаго, пріятеля, котораго давно не видалъ. Вотъ Кремль, вотъ Воспитательный домъ, вотъ крыша театра, вотъ такая-то церковь... Осеннее солнце, какъ «итальянская луна», не ослѣпляло. Москва полосами была наводнена его свѣтомъ, полосами была темна; и эти полосы перебѣгали: Москва, казалось, то улыбается, то браздитъ морщинами чело свое. Вся

московская жизнь представлялась мнѣ ясно, живо, со всей пустою шумливостью и дѣятельностью безъ цѣли; я почти зналъ, что дѣлается вотъ подъ этою зеленою крышей большаго дома, на который Москва не позволяетъ дунуть вѣтру,—и подъ досчатымъ навѣсомъ этой хижины, которую Москва толкаетъ въ рѣку. Вспомнилась прошедшая жизнь. И святыя минуты чистыхъ восторговъ, и буйныя вакханаліи, и нѣмая боль скуки, и ядовитыя объятія разврата — все, все виднѣлось мнѣ изъ кирпичныхъ массъ.

Не знаю, долго ли бы простоялъ я тутъ, или долго ли бы мнѣ позволили простоять; но раздался густой, протяжный, одинокій звукъ колокола съ другой стороны. Звукъ колокола заставляетъ трепетать: онъ слишкомъ силенъ для человѣческаго уха, слишкомъ силенъ для сердца; въ немъ есть доля угрызенія совѣсти и печальный упрекъ; онъ зоветъ, но не проситъ; онъ напоминаетъ о небѣ, но пренебрегаетъ землею.

Доселѣ я не обращалъ вниманія на другую сторону: Москва поглотила меня. Страшный звукъ мѣди среди этой тишины заставилъ обернуться. Все перемѣнилось. Печальный, уединенный Симоновъ монастырь съ черными крышами, какъ на гробахъ, съ мрачными стѣнами стоялъ на обширномъ полѣ; небольшая рѣка тихо обвивала его, не имѣя силъ подвинуть нѣсколько остановившихся барокъ; кое-гдѣ курились огоньки и около нихъ лежали мужики, голодные, усталые, измокшіе,—и голосъ мѣди вырывался изъ гортани монастыря. Какъ непохожъ Симоновъ монастырь, заключенный со всѣхъ сторонъ въ ограды, на Москву, раскрытую со всѣхъ сторонъ. Въ немъ было столько тишины и спокойствія, столько святаго и поэтическаго... Печаленъ видъ его и грустенъ его колоколъ; но онъ зналъ лучшія времена, онъ былъ знаменитъ и славенъ, торжественно звалъ его колоколъ тогда; теперь ежели бы онъ не напомнилъ о себѣ, можетъ-быть я не замѣтилъ бы его. Старинная архитектура указывала время его славы; и онъ не хочетъ переодѣться, такъ какъ многіе желаютъ умереть въ вѣнчальномъ платьѣ. Тогда ему еще нужны были стѣны для защиты *отъ врага*. Счастливыя времена! На что теперь эти стѣны, эти башни? Врагъ умѣетъ ихъ миновать, умѣетъ вездѣ найти свою жертву. И не въ твоихъ ли оградахъ лежитъ *юноша, который такъ много жилъ въ своей короткой жизни?* Тогда врагъ являлся въ видѣ вооруженнаго Савла,—можно было ждать обращенія; теперь въ видѣ руды,—одна надежда на самоубійство.

Возвратившись въ мою горницу, я вспомнилъ всю блестящую эпоху монастырей. Живо представились мнѣ эти люди съ пламенною фантазіей и огненнымъ сердцемъ, которые проводили всю жизнь гимнами Богу, которыхъ обнаженныя ноги сжигались знойными песками Палестины и примерзали ко льдамъ Скандинавіи. Эта жизнь для идеи, жизнь для водруженія креста, для искупленія человѣка—казалась мнѣ высшимъ выраженіемъ общественности; ея нѣтъ больше и она невозможна теперь. Тогда были вѣка, умѣвшіе вѣровать, умѣвшіе понимать власть идеи, умѣвшіе покоряться, умѣвшіе молиться въ храмахъ и умѣвшіе воздвигать храмы. Великая кисть художника увѣковѣчила на стѣнахъ Ватикана торжественную минуту силы идей: рабъ рабовъ Божіихъ отираетъ сандаліи свои о вѣнчанное чело цезаря... И тутъ же, казалось, я слышалъ свистъ и смѣхъ, съ которыми встрѣтило XIX столѣтіе религіозное направленіе.

Забудемте, ради Бога забудемте, нашъ вѣкъ, переселимтесь въ эти времена тихаго созерцанія, въ эти времена неба на землѣ!

II *).

Аминь, глаголю тебѣ: днесь со мною будеши въ раи.

Лук. гл. XXIII, ст. 43.

Юноша въ простой одеждѣ вышелъ изъ городскихъ воротъ Александріи и скорыми шагами пробѣгалъ некрополисъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на дивныя пещеры, изсѣченныя въ камнѣ, ни на дивныя картины, покрывавшія ихъ стѣны.

Эта невнимательность отнюдь не происходила отъ одной привычки, пріучающей человѣка безъ удивленія смотрѣть на все, но от-

---

*) „Легенда, предлагаемая здѣсь, находится въ житіи святыхъ за сентябрь мѣсяцъ. Для чего же я переписалъ ее? Гёте говоритъ: Nun erzählt die Gesellschaft dem Wunsche gefällig jene Legende... Hier lernte man das eigentliche Wesen der Sage kennen, wenn sie von Mund zu Mund, von Ohr zu Ohr wandelt. Widersprüche Kommen nicht vor, aber unendliche Unterschiede, welche daher entspringen mochten, dasz jedesz Gemüth einen andern Antheil der Begebenheit genommen (Sanct. Pastor. Fest zu Ringen. 23 Ap. XLIII B.)».

«Теперь, согласно желанію, общество услужливо разсказываетъ легенду... Въ это-то время, когда она входитъ изъ устъ въ уста, и познается настоящій смыслъ саги. Противорѣчія не возникаютъ, но являются безконечные варіанты вслѣдствіе того, что каждый разсказывающій, смотря по своему настроенію, различно относится къ передаваемому имъ событію».

Метафрастъ писалъ мартирологъ при Константинѣ Багрянородномъ,—теперь XIX вѣкъ!

того, что онъ былъ занятъ какою-то мыслію, которая ревниво отталкивала весь міръ. Сильныя страсти боролись на его лицѣ; мертвая блѣдность покрывала щеки; иногда слеза тихо скатывалась, но онъ не замѣчалъ ея. Бѣлое лицо его было чрезвычайно нѣжно, и когда онъ отбрасывалъ рукою кудри, падавшія ему на глаза, его можно было принять за дѣву. Большіе черные глаза выражали особое чувство грусти и задумчивости, которое видимъ въ юныхъ лицахъ жителей Юга и Востока, столь непохожее на мечтательность въ очахъ сѣверныхъ дѣвъ: тутъ—небесное, тамъ—рай и адъ чувственности. Во взорахъ юноши проглядывалъ фанатизмъ, что-то восторженно-религіозное, принадлежащее его родинѣ, колыбели христіанскаго аскетизма и кенобитіи отшельниковъ ѳиваидскихъ, гдѣ самое умерщвленіе страстей превратилось въ страсть. Удалившись нѣсколько отъ города, юноша остановился, долго слушалъ исчезающій раздробленный голосъ города и величественный единый голосъ моря *). Потомъ, какъ будто укрѣпленный этою симфоніей, остановилъ свой влажный взоръ на едва виднѣющейся Александріи.

Александрія—Греція, возвратившаяся въ Египетъ, памятникъ славы Юпитера Аммона, надгробный памятникъ Клеопатры—засыпала въ золотой пыли, въ туманѣ свѣта и жара. Усталое солнце томно погружало лицо свое въ средиземныя волны, раскаляя длинную полосу на морѣ, которое готово было вспыхнуть. Нѣсколько забытыхъ, опоздалыхъ лучей солнца играли на крестахъ храмовъ христіанскихъ. Александрія была тогда поклонница Христова; она придавала чистой религіи его свои неоплатоническіе оттѣнки и свою мистическую теорію Прокла и Аполлонія. Уже храмъ Сераписа—Кёльнскій соборъ міра языческаго—съ своими сводами, галлереями, портиками, безчисленными колоннадами, мраморными стѣнами, покрытыми золотомъ, давно былъ разрушенъ и колоссальная статуя Сераписа, на челѣ которой останавливался солнечный лучъ, не смѣя миновать его, была разбита и превращена въ пепелъ. Но Александрія, еще сильная и могущественная, не лишенная прелестей, коими ее надѣлилъ Демократъ,—прелестей, коими нарядила ее Клеопатра, наряжая себя,—пышно и сладо-

*) «Le Seigneur...
Mêle éternelement dans un fatal hymne
Le chant de la nature au cri du genre humain».

(Господь безконечно сливаетъ въ роковомъ гимнѣ пѣніе природы съ крикомъ рода человѣческаго).

страстно смотрѣла на юношу, не предвидя, что скоро превратится въ Некаидери аравовъ.

Грустенъ былъ взоръ юноши. Онъ говорилъ: мы разстаемся, я болѣе не гражданинъ твой... Ему было жаль Александріи: тутъ онъ узналъ жизнь, тутъ онъ любилъ, тутъ, можетъ-быть, былъ любимъ, тутъ.... Но какое-то страшное воспоминаніе пролетѣло по лицу юноши, какое-то угрызеніе совѣсти, и онъ, обратясь къ востоку, бросился на колѣни, и горячія слезы раскаянія сопровождали его молитву. Она была безъ словъ, безъ мыслей, можетъ-быть, но она была истинна и глубока; мысли и слова отняли бы всю духовность ея, такъ, какъ они ее отнимаютъ у музыки. Чиста и прелестна молитва невинности, какъ весеннее утро, какъ вода нагорнаго потока; но въ ней есть чувство собственнаго достоинства, требованіе награды. Дѣва чистая называетъ себя невѣстою Христа, невѣстою того, котораго Соломонъ называлъ женихомъ церкви. Не такова молитва преступника: рыдающій, поверженный въ прахъ, онъ алчетъ одного прощенья; его молитва раздираетъ душу; въ ней вся его надежда и вмѣстѣ отчаяніе; онъ чувствуетъ свою недостойность, но чувствуетъ и безмѣрную благость Бога; онъ боится, трепещетъ, уничтожаетъ себя и возрождается, живетъ токмо въ немъ, въ Искупителѣ рода человѣческаго. Сильна и пламенна молитва преступника, какъ потокъ каленаго металла, бросаемаго изъ огнедышащаго жерла къ небу. И не для грѣшника ли создана молитва?... Праведному—гимнъ.

«Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ, а она слезами облила Мнѣ ноги и волосами головы своей отерла,—а потому сказываю тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много».

Окончивъ свою молитву, юноша всталъ, прощальнымъ взоромъ поцѣловалъ Александрію и пошелъ далѣе. Темнѣло. Углубясь въ плоскую даль пустыни, онъ едва былъ виденъ и исчезъ наконецъ.

На другой день къ вечеру онъ проходилъ дикое и пустынное мѣсто и, казалось, еще не отдыхалъ: шаги сдѣлались тише, дыханіе тяжелѣе. Въ темнотѣ можно было разглядѣть массу еще темнѣйшую, которая грубо и тяжело вырѣзывалась на небосклонѣ. Увидѣвъ ее, юноша собралъ послѣднія силы, удвоилъ шаги и вскорѣ подошелъ къ каменной оградѣ. Ворота были заперты. Нѣсколько разъ подымалъ онъ руку, чтобы постучаться въ окошко

привратника; но рука не поднималась,—видно было, что поступокъ, имъ предпринимаемый, слишкомъ измѣнялъ всю жизнь его, слишкомъ глубокимъ оврагомъ отрѣзывалъ все прошедшее отъ всего будущаго. Раскаяніе, негодованіе на свою слабость показались на его чертахъ и онъ коснулся до окна. Трепетъ пробѣжалъ по его членамъ; казалось, что стучатъ у него въ сердцѣ.... Сѣдая голова привратника два раза повторяла уже свое привѣтствіе сонными устами и спрашивала о причинѣ поздняго прихода, прежде нежели юноша вымолвилъ: «Отецъ мой, иди къ игумну, скажи, что у воротъ стоитъ презрѣнный грѣшникъ, что онъ умоляетъ принять его въ монастырь, что онъ пришелъ обмыть ваши святыя ноги и работать, и трудиться».

Сѣдая голова исчезла. Слова какой-то молитвы коснулись ушей юноши, потомъ послышались тихіе шаги, которые звучали по камню; потомъ все умерло и ничего не было слышно.... Каждый шагъ чувствовалъ юноша въ своей груди,—онъ дѣлалъ его на поприщѣ имъ избранномъ,—и мысль, къ которой онъ давно приготовлялся, теперь, казалось, была слишкомъ сильна для его груди. Не такъ ли трепещетъ человѣкъ, ведя къ алтарю свою возлюбленную?

Юноша бросился на большой камень; волненіе его утишилось, высокое чувство вѣры восходило подобно солнцу изъ возмущенныхъ волнъ, освѣщая ихъ, согрѣвая, передавая имъ свой свѣтъ. Онъ отрѣшался отъ міра земнаго,—онъ слышалъ гласъ Іисуса, призывавшій его туда, въ обитель любви и надежды,—туда, гдѣ поютъ Бога чистые ангелы, гдѣ души праведныхъ его видятъ, гдѣ между ними и покаявшіеся грѣшники. Долго сидѣлъ онъ неподвиженъ, склонивъ голову на обѣ руки, по коимъ разсыпались его кудри. И въ это время онъ, казалось, гармонировалъ и съ мертвою тишиной пустыни, и съ мрачною недвижностью монастыря, и съ сухими, печальными растеніями береговъ Африки и всего болѣе съ своею родиной—Египтомъ, который однажды жилъ, остановился на своихъ обелискахъ и пирамидахъ и стоитъ съ замершей на устахъ нѣмою рѣчью іероглифовъ.

Проходятъ часы, а нѣтъ превратника. По временамъ пронзительный вой шакала раздается протяжно и длинно, не встрѣчая препятствій, подобно голосу военной трубы: онъ ищетъ жертвы и вторитъ, не находя ея. Юноша ничего не замѣчалъ. Но вотъ вблизи его быстрыми скачками, едва дотрогиваясь до земли, пронесся барсъ. Юноша содрогнулся и гнетущее чувство одиночества овладѣло имъ.

Ужасно чувство, съ которымъ человѣкъ видитъ, что онъ оставленъ всѣмъ свѣтомъ, когда онъ невольно обращаетъ умоляющій взоръ вокругъ себя, зная, что никто не подастъ ему помощи, и когда взоръ его встрѣчаетъ, вмѣсто спасителя, ярящіяся волны океана, улыбающійся взглядъ инквизитора или взглядъ безъ выраженія палача.

Первое движеніе юноши было бѣжать, а куда—онъ самъ не зналъ; но вѣра въ Провидѣніе остановила его. Онъ осѣнилъ себя крестомъ и спокойно сѣлъ на камень. Христіанинъ побѣдилъ человѣка. Ночь прошла, зардѣлъ востокъ, но привратникъ не являлся. Ужели онъ не исполнилъ просьбы юноши? Ужели игуменъ не спѣшитъ утѣшить страждущаго сына?

III.

Двѣ любви создали двѣ веси: любовь къ себѣ до презрѣнія Бога—весь земную; любовь Бога до презрѣнія себя—весь небесную (*Св. Августинъ*).

Въ бѣдной кельѣ, сложенной изъ огромныхъ камней, при скупомъ свѣтѣ треножной лампы, на большомъ четвероугольномъ кускѣ гранита сидѣлъ монахъ лѣтъ за пятьдесятъ. Передъ нимъ лежалъ развернутый свитокъ Августина. Одна рука поддерживала голову, покрытую черными волосами, перемѣшавшимися съ сѣдиной, другою онъ придерживалъ свитокъ. Лицо его было блѣдно и желто; глубокія морщины на лбу и пламенные глаза показывали, что въ душѣ его горѣли страсти сильныя и что доселѣ онѣ не потухли. Рѣзкое лицо и болѣе строгое, нежели кроткое, могло показаться холоднымъ съ перваго взгляда, но только съ перваго. Онъ родился въ Антіохіи и судьба готовила ему съ раннихъ лѣтъ путь—особый отъ пути, по которому она гуртомъ толкаетъ людей. Онъ не зналъ любви матери, ни ея нѣжной ласки, отъ которой мягчится сердце: родившись, былъ онъ убійцею ея. У него не было ни сестеръ, ни братьевъ. Отецъ, погруженный въ торговые обороты, богатый и надменный, рѣдко жившій въ Антіохіи, былъ для него посторонній. Словомъ, узы родства, тысячью цѣпями привязывающія человѣка къ домашней жизни, къ маленькому кругу дѣйствій, никогда ему не были извѣстны. Сильная, огненная душа юноши, отъ природы чувствительная и возвышенная, жаждала симпатіи, любви, а находила одинъ холодъ дѣйствительнаго міра. Мрачность черными струями разливалась

по его характеру; онъ сталъ скрытенъ, задумчивъ, искалъ отрады въ чтеніи поэтовъ Греціи и не находилъ ея. Свѣтлое, яркое небо Эллады, высокое чувство красоты и ея красота ваятельная худо согласовались съ его больною душой. Страшно жжетъ душу огонь ея, когда нѣтъ отверстій, куда бы онъ вылился,—когда нѣтъ вѣры, которая одна можетъ обратить его къ небу,—когда нѣтъ любви, которая одна можетъ благотворнымъ сдѣлать пламя его.

Долго блуждалъ онъ, не приставая никуда и терзая свою душу потребностями, которымъ не находилъ удовлетворенія. Перебѣгая отъ предмета къ предмету, онъ напалъ, наконецъ, на христіанскихъ писателей. Здѣсь ему раскрылся новый міръ, исполненный обширности, глубины и силы. Одаренный восточною фантазіей, онъ увлекся африканскимъ краснорѣчіемъ Оригена и Тертулліана: наполнилась пустота въ душѣ,—сильная вѣра очистила огонь, ее пожиравшій. Но что болѣе поразило его—это сами христіане, дѣятельность ихъ для развитія идеи, безпредѣльная вѣра въ нее и чистое, святое самоотверженіе. Надобно вспомнить, что тогда было время великой борьбы противъ аріанизма. Никогда рвеніе христіанскихъ учителей не было обширнѣе,—весь міръ участвовалъ въ спорахъ и гонцы спѣшили по всему міру передавать мысль Августина, слово Аѳанасія. Эта дѣятельность съ колоссальною цѣлью пересоздать общество человѣческое, пересоздать самого человѣка, возвратить его Богу и черезъ него всю природу, опиравшаяся на божественное основаніе Евангелія, волновала юношескую душу. Онъ увидѣлъ, что нашелъ свое призваніе, заглушилъ всѣ страсти, питалъ одну, поклялся сдѣлать изъ души своей храмъ Христу, то-есть храмъ человѣчеству, участвовать въ апостольскомъ посланіи христіанъ—и сдержалъ слово. Въ груди сильной можетъ быть одна страсть.... Его ничто не привязывало ни къ родительскому дому, ни къ родинѣ. 19-ти лѣтъ бѣжалъ онъ въ Грецію. Много лѣтъ провелъ въ кельяхъ учителей, собирая манну ихъ словъ, учась ихъ примѣрамъ и утѣшая ихъ строгостью своихъ нравовъ. Наконецъ учители признали его силу, благословили его и велѣли идти проповѣдуя слово Божіе. Мечтая о началѣ божественнаго Сіона, явился онъ къ людямъ, и человѣчество представилось ему худшею частью своею—Византіею. Византія, которой гніеніе началось вмѣстѣ со славою, развратная, гнусная, должна была ужаснуть юношу. Съ негодованіемъ видѣлъ онъ, что христіанство тамъ ограничивается од-

ними преніями безъ вѣры, что оно такъ же не идетъ къ Византіи, какъ статуя, которую Констансъ хотѣлъ туда перевезти изъ Рима и за которую боялся Горландтъ, что ей будетъ тѣсно.

Противоположность чистыхъ, высокихъ учителей, простиравшихъ руку всѣмъ слабымъ и труждающимся и часто отнимавшихъ ее отъ сильныхъ и богатыхъ,—съ міромъ, погрузившимся въ пороки, съ которыхъ спала даже завѣса стыда, и заживо разлагающимся,—сдѣлала его несправедливымъ. Онъ видѣлъ одно цѣлое, хорошее, неповрежденное въ мірѣ духовенство; ему хотѣлъ бы онъ отдать и вѣнецъ, и порфиру; въ немъ полагалъ всѣ свои надежды; въ его апостольскомъ призваніи видѣлъ возможность спасти людей и обратить ихъ... Онъ оставилъ Византію. Римъ, разрушенный Аларихомъ, страшилъ его,—онъ не зналъ, что тамъ нашелъ бы зародышъ исполненія своей мысли,—и удалился въ пустыню Ѳиваидскую. Здѣсь, среди аскетизма и восторженности, среди людей, избранныхъ Богомъ, еще больше окрѣпъ его характеръ и еще больше возгнушался онъ міромъ.

Первое желаніе, явившееся въ груди его, было удаленіе въ пустыню, въ которой бы можно было забыть все и помнить одного Христа; но это худо согласовалось съ мыслью распространенія слова Божія. Не отдѣльность нужна для развитія идеи, а совокупность... Онъ возвратился на родину, роздалъ бѣднымъ богатое наслѣдство свое и вступилъ въ Октодекатскій монастырь. Вскорѣ братія избрала его игумномъ. Онъ былъ пастырь строгій: поучалъ примѣромъ, наказывалъ всякую слабость и отрѣзывалъ болѣе и болѣе монаховъ отъ міра.

Монастырскій чинъ и устройство христіанскаго духовенства явило дивный примѣръ согласованія двухъ идей, повидимому враждующихъ, іерархіи и равенства, въ то время, какъ политическая исторія человѣчества показываетъ одно безпрерывное стремленіе къ этому согласованію,—стремленіе несчастное, ибо способы, для того употребляемые, бѣдны и мелки. Имѣя такой примѣръ предъ глазами, люди не умѣли понять его...

Вотъ къ этому монаху поздно ночью отворилъ дверь привратникъ. Сперва онъ постучалъ въ нее, но, не слыша отвѣта и думая, что игуменъ спитъ, онъ вошелъ въ келью. Игуменъ, не замѣчая его, продолжалъ чтеніе: онъ былъ въ восторгѣ, глаза его горѣли юношескимъ пламенемъ, въ лицѣ было столько торжественности, что казалось, будто оно распространяетъ лучезарный свѣтъ и что ему, какъ Моисею, нужно покрывало. Красота вос-

торга лучше всѣхъ красотъ человѣческихъ, ибо тогда человѣкъ перестаетъ быть земнымъ и начинаетъ быть небеснымъ; для нея не нужно ни юности, ни украшеній.—Наконецъ, онъ поднялъ голову и увидѣлъ пришедшаго.

— У воротъ, св. отецъ,— сказалъ привратникъ, благословленный игумномъ,—стоитъ юноша, проситъ, чтобы ты принялъ его въ монастырь; онъ печаленъ, слезы льются изъ его очей, говоритъ о какомъ-то преступленіи. Прикажешь ли пустить его?

Игуменъ молчалъ. Черты его измѣнялись, теряли свою торжественность и превращались въ холодное, недовѣрчивое и строгое выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на несовершенный міръ; но душа его отстала,—она еще не пришла въ обыкновенное положеніе. «Юноша...—говорилъ онъ самъ съ собою.—Прелестное время... Тогда родятся высокія мысли... Гдѣ-то теперь другъ моей юности?...» И воспоминаніе чего-то давно-прошедшаго навертывалось въ умѣ его и манило къ себѣ, но онъ былъ царемъ души своей, остановилъ порывъ и продолжалъ:—«Минутная злоба на міръ, мечтаемое отчаяніе, которое такъ любятъ юноши—вотъ что ихъ гонитъ, а пуще всего гордость. Гордость... Ею владѣетъ нашъ врагъ. Всякое преступленіе скорѣе гордости искупится. Не уничтожить себя во Христѣ хотятъ они, а возвыситься надъ другими».

Все это говорилъ онъ въ полслуха, потомъ, обращаясь къ привратнику, сказалъ:

— Старикъ, поди и ляг спать. Отвѣта не давай ему, не выходи до утра. Ежели останется, ежели смиренно перенесетъ это униженіе, тогда увидимъ.

— А дикіе звѣри?—замѣтилъ съ жалостнымъ видомъ старикъ.

— Они не растерзали Даніила въ пещерѣ львиной.

— Но холодъ ночей?

— Вседержитель умѣетъ хранить избранныхъ, сынъ мой. Да будетъ на тебѣ благословеніе Божіе.

Привратникъ вышелъ, а игуменъ, развлеченный его приходомъ, принялся за свитокъ. Но чтеніе не шло впередъ: то трещала свѣтильня лампы, то горѣла очень тускло,—онъ долженъ былъ прерываться и поправлять... Но это происходило отъ другой причины: его занималъ юноша. Какъ искренно, горячо желалось ему, чтобъ онъ перенесъ униженіе, чтобъ остался вѣренъ избранному поприщу; тогда онъ перельетъ въ него всю душу,—ему нуженъ чистый, юный человѣкъ. И Богъ знаетъ, какія на-

дежды онъ строилъ на немъ... Но еще искусъ его не долженъ былъ кончиться одною ночью: нѣтъ, скорѣе онъ лишился бы остальныхъ братій, нежели въ одной йотѣ избавить пришельца отъ цѣлаго ряда трудовъ и униженій.

IV.

Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.
Матѳ. гл. XXVIII, ст. 19.
О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.
Іоан. гл. XIII, ст. 35.

Солнце уже склонилось къ западу, пышная природа юга была во всей красѣ своего вѣчнаго лѣта, когда въ длинной платановой аллеѣ, обвитой каменною оградой монастыря, показался игуменъ съ юнымъ другомъ своимъ Ѳеодоромъ.

Уже неоднократно изливалъ онъ долго страдавшую душу свою въ этотъ чистый сосудъ, сосудъ церковный, Божій. Старецъ радовался, найдя человѣка, который такъ вполнѣ понимаетъ его. Въ сотый разъ повѣствовалъ онъ ему свою жизнь и свои надежды, и въ сотый разъ съ умиленіемъ и благодарностью слушалъ юноша.

Они сѣли на простой скамьѣ, отѣненной широкими листьями пальмы. Каленый воздухъ наносилъ дивный запахъ алоэ и лимонныхъ деревьевъ. Огромные цвѣты магнолій, прощаясь съ солнцемъ, хвастались своими красивыми вѣнчиками. Ручные антилопы спокойно щипали траву. Пунцовые ариксы и зеленые голуби перелетали съ вѣтки на вѣтку. Старикъ, казалось, помолодѣлъ и такимъ образомъ продолжалъ свой разговоръ:

«Что можетъ быть выше призва́нія апостольскаго?... Съ живымъ словомъ въ душѣ, съ пламенною вѣрой, съ пламенною любовью ко всему человѣчеству и къ каждому человѣку идетъ онъ въ общество людей. Для ихъ блага переноситъ гоненіе и страданіе; въ ихъ души, неотверстыя истинѣ, зароняетъ слово вѣры. И какое наслажденіе, когда слово не погибнетъ, разовьется! Сильно живое слово,—ничто не остановитъ его. Тщетно земной человѣкъ противодѣйствуетъ своему спасенію,—оно увлечетъ его. Посмотри, какъ человѣкъ усиливается воздвигнуть башню Вавилонскую и какъ не можетъ ничего сдѣлать! Симъ, твердѣйшій столпъ храма земнаго, сильнѣйшее проявленіе человѣка Адамова, послѣдняя твердыня его, развѣ не нашелъ зародышъ своей гибели въ самомъ развитіи своемъ? Бореніе составляло его жизнь,

ибо бореніе назначено въ удѣлъ Адаму,—потъ, и потъ кровавый. Но какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ. Господь примиряетъ съ собою человѣка, и чѣмъ же?—Онъ снисшелъ до человѣка, чтобы человѣка возвысить до Бога. Море благости и милосердія, Онъ не хочетъ прямо простить человѣка: это уронило бы падшаго, грѣховнаго; онъ даетъ ему самому средство искупленія во Христѣ. И Христосъ, единый правый, страдаетъ за всѣхъ виновныхъ. Весь земная падаетъ, весь небесная создается. Что за торжественный день для міра, когда онъ огласился въ первый разъ Евангеліемъ! Міръ, истерзанный войною, услышалъ слово мира, міръ попранный—слово свободы, міръ ненависти — слово любви, міръ невѣрія — слово вѣры... Всѣмъ говорило Евангеліе: исчезли племена и состоянія, фарисей и саддукей отвергнуты, эллинъ и іудей приняты. Всѣхъ манило оно въ лоно Божіе, всѣхъ — въ объятія братства. Первый Адамъ сталъ душою живущей, послѣдній Адамъ есть духъ животворящій.... И чтобы человѣкъ остался безотвѣтенъ гласу апостольскому,—никогда, никогда!...Нѣтъ, слишкомъ мрачно смотрѣлъ любимецъ Его съ Патмоса, когда, увлеченный своимъ восторгомъ, онъ писалъ огненныя страсти «Откровенія». Сіонъ Божій, весь Христова, еще здѣсь, на семъ мірѣ осуществится; она уже началась и вспять идти не можетъ: «се дахъ предъ тобою двери отверсты и ничтоже можетъ затворити ихъ». Палъ Вавилонъ... Палъ Вавилонъ и не воскреснетъ болѣе. Палъ великій городъ, облеченный въ виссонъ и порфиру, и багряницу, украшенный златомъ и камнями, и плачутъ о немъ купцы, издали всматриваясь въ развалины города, гдѣ они торговали и миррой, и ѳиміамомъ, и конями, и тѣлами, и душами человѣческими. Силенъ врагъ, живущій въ развалинахъ, но онъ побѣжденъ, и міръ, какъ Савлъ, сдѣлается изъ гонителя апостоломъ, изъ воина крови—воиномъ Христовымъ... Понятны мнѣ грустные звуки, вырывающіеся изъ души Іоанна, — его пламенный нравъ не умѣлъ ждать; но не правъ онъ: развѣ не при немъ уже началась битва, на которую ангелы звали враговъ пожирать трупы сильныхъ? И онъ, нѣкогда склонявшій главу на грудь Его, уже видѣлъ потрясенный Римъ словомъ евангелія. И кто же потрясли его?—Эти гонимые, униженные отреби міру, скитающіеся нагіе въ то время, какъ о силу его раздробились народы всей земли,—оттого, что голосъ ихъ былъ голосъ Бога, голосъ человѣчества,—оттого, что они душою предали себя Христу и своему призванію.

Этого голоса не сковали темницы, не казнили сѣкиры, не растерзали тигры. Что противъ этой любви и вѣры могли легіоны, и патриціи, и цезари? Эти люди вѣры были сильнѣе сильныхъ міра сего, которые съ улыбкою презрѣнія говорили о назарянахъ: «Ничего не имѣя,—по словамъ Павла,—и всѣмъ обладая».— Сынъ мой, несмотря на то, что я горько обманулся въ людяхъ, я убѣжденъ въ скоромъ утвержденіи царства Христова. Священныя минуты, когда явилась мнѣ впервые мысль этого Сіона, когда я прозрѣлъ ее въ Евангеліи, когда такъ близко казалось мнѣ осуществленіе ея!... Насталъ для человѣчества день исхожденія изъ Египта. Труденъ путь: и степи, и голодъ, и угаръ; но снова раздѣлитъ Іегова, какъ Чермное море, и введетъ въ землю обѣтованную. Мы, можетъ, погибнемъ въ пути, но они перейдутъ. Не достаточно ли одной этой мысли, чтобы съ сладкою надеждой явиться передъ Судьею, исполнивъ долгъ свой? Долго намъ еще странствовать, и ужасно теперешнее состояніе. Гоненія остановились, но слабые пали духомъ, христіане сдѣлались хуже язычниковъ. Гдѣ та семья, у которой было одно сердце, одна душа, гдѣ собственности не было, а было все общее, какъ говоритъ Лука? Гдѣ братство, въ которомъ были и невѣжды, и ремесленники, и пахари, и старыя женщины, и изъ коихъ выбирались вожди церкви Христовой, и какіе вожди?... Но не будемъ сѣтовать; пускай смердятъ и разлагаются остатки древняго міра: не изъ развалинъ его построится Сіонъ,—онѣ нечисты... Ежелибъ ты зналъ, что такое Византія! Грѣхи ея дошли до неба, и Богъ воспомянулъ неправоты ея. На ней совершится громовое пророчество Исаія: она будетъ рабою иноплеменниковъ. И тамъ, въ этой-то Византіи, я видѣлъ великихъ свѣтильниковъ церкви: духовенство отдѣлилось отъ мірянъ и въ немъ сохраняется весь Христова. Оно-то собиралось въ Никеѣ, въ этотъ великій день вѣры; оно не простило Константина, облитаго тройною кровью—сына, племянника и жены.... Да, среди пустынь, за стѣнами монастырей, возрастетъ слово Христово. «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объяла». И оттуда пересадится на открытое поле, когда изъ него исторгнутся плевелы... Догнивайте же, остатки Вавилона, созданные собственными пороками! Гибните въ сладострастіи и сребролюбіи, гибните въ гнусныхъ, позорныхъ рукахъ евнуховъ и женщинъ!»

— Неужели, отецъ мой, ты рядомъ ставишь женщинъ съ этими полулюдьми?—спросилъ юноша.

— Нѣтъ. Но,—сказалъ игуменъ, строго взглянувъ на Ѳеодора,—бойся женщинъ: ихъ красота—красота Авадонны.

— Но красота отъ Бога и есть проявленіе его,—говоритъ Августинъ, который самъ любилъ.

— Горе тебѣ, ежели ты только это нашелъ въ Августинѣ,—возразилъ старецъ.— Делила, обрѣзывающая власы Самсона—вотъ образъ всѣхъ женщинъ. Вспомни, что Сирахъ боялся ихъ, какъ ядовитыхъ скорпіоновъ,—болѣе, нежели тигра и дракона. Ихъ слабыя души, ихъ измѣняемыя тѣла привязываютъ къ землѣ. Не имѣя силы, онѣ коварны; не имѣя возможности подняться, онѣ держатъ насъ, какъ жена Пентефрія, за край одежды. Женщина требовала главу Іоанна; женщина была первая преступница въ обществѣ апостольскомъ... Но отчего же ты огорчился, Ѳеодоръ? Но я знаю тебя... Нашъ разговоръ зашелъ далеко, а пора готовиться къ девятому часу... Вѣрь мнѣ, юноша: скуделенъ сосудъ этотъ и гибельна красота его. Благословимъ память Марка, основавшаго въ твоей родинѣ жизнь монастырскую. Здѣсь мы можемъ работать для человѣчества и ничто не отвлечетъ насъ. Семьей Іисуса были его ученики; семья наша—братія.

Игуменъ кончилъ, всталъ и пошелъ по аллеѣ.

Юноша долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и былъ взволнованъ. «Женщина требовала главу Іоанна,—думалъ онъ,—но дѣва родила Христа. Сирахъ?... Сирахъ же говоритъ, что женщина добродѣтельная есть солнце, восходящее на небѣ Господнемъ, ясный свѣтильникъ на церковномъ подсвѣчникѣ. И кто распялъ Его? И кто стоялъ при крестѣ?.... О, ты, ты одинъ справедливъ, Сынъ Божій,—ты простилъ даже преступную»... Но вдругъ лицо его вспыхнуло, слезы налились въ глаза и онъ воскликнулъ: «Ты правъ, ты правъ, отецъ святой!»

V.

15. Затѣмъ я вышла раннимъ утромъ изъ дома, чтобъ найти тебя—и нашла.
16. Я ложе мое украсила цвѣтными коврами египетскими.
17. Я облила его муррою, алоэ.
18. Приди насладиться любовью.

Пр. Соломона, гл. VII.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ игуменъ доказывалъ Сирахомъ, что женщины страшнѣ дракона, и Ѳеодоръ оправдывалъ ихъ Сирахомъ, говоря, что онѣ похожи на солнце,—опустѣлъ

домъ одного богатаго гражданина въ Александріи. Этотъ гражданинъ былъ женатъ на прелестной египтянкѣ; любилъ ее какъ африканецъ, и она любила его до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ въ Александрію греческій вельможа съ сыномъ. Византійскій юноша, прелестный собою, со всею изысканностью нравовъ падающаго царства, со всею привлекательностью ложнаго просвѣщенія, понравился египтянкѣ; она измѣнила мужу, потомъ сдѣлалась грустна, задумчива,—какая-то сокровенная мысль терзала ее; она не могла смотрѣть на обманутаго и оставила его. Тщетно искалъ онъ ее, — никогда не было ни малѣйшей вѣсти о преступной. Съ того времени пышный домъ его превратился въ гробъ, тоска снѣдала сердце, растерзанное сомнѣніями: онъ не зналъ объ измѣнѣ и не понималъ причины бѣгства. Худой, убитый, онъ больше походилъ на вызваннаго духа, нежели на человѣка. Много лѣтъ прошло въ печали и слезахъ, и какъ наиболѣе питаютъ надежду люди, не имѣющіе на нее никакого права, такъ и онъ ждалъ безпрерывно то ея возвращенія, то какого-нибудь извѣстія, и, не получая никакого, тѣмъ съ большею увѣренностью хватался за всякую тѣнь надежды.

И вотъ однажды снится ему сонъ, будто ангелъ Господень, съ вѣчно-юнымъ лицомъ, съ улыбкой на устахъ, летитъ съ неба, летитъ прямо къ нему, останавливаетъ свой полетъ надъ его головой, качается на дивныхъ крыльяхъ и, сказавъ: «Нынче у храма св. Петра»,—летитъ наверхъ пѣть Бога. Онъ проснулся. Сны иногда бываютъ такъ ярки, такъ выразительны, что нельзя имъ не вѣрить. Онъ добавилъ къ словамъ ангела смыслъ, который хотѣлъ, поспѣшно одѣлся и отправился къ храму св. Петра.

Съ раннею зарей сидѣлъ онъ уже на мраморныхъ ступеняхъ, подъ колоннадою храма, осматривая каждаго человѣка, какъ таможенный приставъ. Сначала прохожіе были рѣдки, потомъ цѣлыми толпами двигались по площади.... Житель странъ полуденныхъ не умѣетъ сидѣть дома. Многіе укрывались отъ солнечнаго зноя подъ тѣмъ же порталомъ. Но гдѣ же она? Никто не обращалъ на него вниманія, никто не говорилъ съ нимъ, и онъ пользовался этимъ уединеніемъ особаго рода, которое ощущаетъ человѣкъ въ толпѣ людей, когда не дѣлитъ съ ними ни ихъ желаній, ни ихъ мыслей. Твердо полагаясь на гласъ Божій, онъ ждалъ и ждалъ. Кто-то ѣхалъ на ослицѣ въ черномъ платьѣ; онъ не спускалъ глазъ съ него. Но это былъ монахъ.

Инокъ подъѣхалъ къ храму, слѣзъ съ ослицы и, какъ бы пораженный неподвижностью сидящаго, дрожащимъ голосомъ ска-

залъ ему едва внятно: «Добрый день, господинъ!»—Онъ не обратилъ на него вниманія,—не его искалъ несчастный. Монахъ оставилъ ослицу и взошелъ въ храмъ.

Потомъ народъ опять началъ рѣдѣть, уходить.

Солнце садилось, ночь наступала, и отчаянный мужъ, второй разъ теряя свою жену, тихими шагами побрелъ домой. Черезъ нѣсколько времени вышелъ монахъ, тотчасъ обратилъ глаза на мѣсто, гдѣ сидѣлъ несчастный, и, какъ бы обрадованный его уходомъ, поспѣшно сѣлъ на свою ослицу, вздохнулъ, перекрестился, еще разъ вздохнулъ и поѣхалъ къ городскимъ воротамъ.

Было поздно. Сильный вѣтеръ дулъ со взморья. Черныя тучи, окровавленныя снизу лучами солнца, роняли огромныя капли теплой воды на растреснувшуюся землю. Θеодоръ, взволнованный встрѣчей и боясь грозы, не хотѣлъ ѣхать далѣе и свернулъ въ монастырь Энатъ, лежащій возлѣ Александріи. Служитель Божій, гражданинъ всего міра христіанскаго, въ тѣ времена вездѣ находилъ отверстую дверь, и всюду приходъ его считался счастіемъ, тѣмъ паче въ монастырѣ, куда приходили всѣ бѣдныя и труждающіяся дѣти церкви.

Вечерняя молитва началась. Θеодоръ взошелъ въ церковь и удалился въ небольшое углубленіе, бывшее въ стѣнѣ; тамъ, никѣмъ незримый, хотѣлъ онъ принесть свою молитву Искупителю. Тихое, стройное пѣніе монаховъ едва было слышно, и тѣмъ невещественнѣе, тѣмъ неопредѣленнѣе, тѣмъ святѣе становилась пѣснь. Полузвуки согласовались съ полумракомъ, въ которомъ былъ погруженъ храмъ; своды, казалось, исчезли, стѣны — какими-то массами тумана; дымъ изъ кадильницъ, вiясь около изображеній, придавалъ имъ таинственное движеніе. И шаги по каменному полу, и мельканіе черной рясы, и ея шорохъ — увеличивали торжественность, возможную только въ храмѣ Божіемъ и которую испыталъ всякій, съ чистою душой входившій въ церковь. Тѣмъ сильнѣе дѣйствовала она на мечтательнаго Θеодора. Его можно было принять за изваяніе: онъ, какъ статуя, выражалъ одно чувство—чувство молитвы. Иногда слабый вздохъ вырывался изъ груди его, какъ будто онъ упрекалъ себя въ чемъ-то, иногда и слеза навертывалась; но восторгъ все поглощалъ, соединяя всѣ мысли въ гимнъ.

Близъ углубленія, гдѣ былъ Θеодоръ, стояла молодая женщина, прелестная собой, какъ тѣ дѣвы Востока, о которыхъ пѣлъ Низами. Сначала молилась и она, но вскорѣ молитва ис-

чезла съ устъ ея, — безпрерывно смотрѣла она на юношу. Освѣщенный послѣднимъ остаткомъ свѣта, окруженный мракомъ, Ѳеодоръ казался ей чѣмъ-то принадлежащимъ не здѣшнему міру; она думала видѣть архангела, принесшаго благую вѣсть Дѣвѣ іудейской. Огненная кровь египтянки пылала....

Окончилось вечернее моленіе. Ѳеодоръ пошелъ къ игумну, не обративъ на нее ни малѣйшаго вниманія, сказалъ ему о причинѣ пріѣзда и просилъ дозволенія переночевать. Игуменъ былъ радъ и повелъ Ѳеодора къ себѣ. Первое лицо, встрѣтившее ихъ, была женщина, стоявшая близъ Ѳеодора, дочь игумна, который удалился отъ свѣта, лишившись жены, и съ которымъ былъ еще связанъ своею дочерью. Она пріѣхала гостить къ отцу и собиралась вскорѣ возвратиться въ небольшой городокъ близъ Александріи, гдѣ жила у сестры своей матери.

Въ лѣнивой груди жителя Юга бываютъ минуты торжественныя; въ такую минуту онъ переживаетъ все, что по мелочи испытываетъ гиперборей. У него страсть родится, подобно дочери Зевса, въ полномъ вооруженіи; зажженная однажды, она можетъ горѣть и жечь его до гроба. Его страсть любитъ до уничтоженія предмета любви, пылаетъ местью до уничтоженія самого себя. Это—огненная масса, внезапно воспламеняющаяся и никогда не тухнущая. Египтянка любила Ѳеодора пламенно, безвозвратно. Блѣдныя дѣвы Сѣвера не повѣрятъ этому,—онѣ не знаютъ этого ада страстей, привыкнувшія къ своимъ мечтамъ о духовномъ, о небѣ, то-есть не о настоящемъ небѣ, а о томъ, которое они создали себѣ для бѣгства отъ скупой и туманной природы. Она съ жадностію впивала каждый взоръ его, но этотъ взоръ былъ обращенъ къ небу,—съ жадностію слушала каждое слово, но это слово было о Богѣ. «Любовь,—сказалъ онъ,—вотъ основаніе міра, и апостолъ говоритъ, что недостаточна вѣра, ежели нѣтъ любви». По не о земной любви говорилъ юноша,—о земной понимала дѣва.

Вошедши въ келью, для него приготовленную, Ѳеодоръ бросился на скудную постель изъ банановыхъ листьевъ и не тушилъ еще лампы, какъ вдругъ начала отворяться дверь и тихо-тихо вошла какая-то старуха съ темнымъ, загорѣлымъ лицомъ нашихъ цыганъ, со впалыми щеками и невѣрнымъ взглядомъ. Украдкой окинувъ горницу, она сказала: «Служитель Христовъ! есть человѣкъ, нуждающійся въ твоей помощи,—не откажись идти за мною».

Ѳеодоръ молча всталъ и пошелъ за нею.

Вышли на дворъ,—все было темно; подошли къ какой-то маленькой двери. Старуха отворила ее,—за нею еще мрачнѣе,—пустила его впередъ и исчезла. Но недолго стоялъ Ѳеодоръ,—его взялъ кто-то за руку, и на этотъ разъ не высохшая, костлявая, угловатая рука старухи, а нѣжная, мягкая, трепещущая ручка, горячая, какъ каленое желѣзо... Прикосновеніе во мракѣ всегда наводитъ ужасъ, и Ѳеодоръ содрогнулся. «Сюда!»—прошепталъ едва внятный голосъ, и онъ смиренно шелъ. Небольшой переходъ оканчивался дверью. Ее отворилъ его путникъ, и въ немъ Ѳеодоръ узналъ прелестную дочь игумна.

Полунагая, едва одѣтая легкою тканью, которая болѣе обнаруживала ея красоту, нежели скрывала своими фантастическими драпри, трепещущая и огненная, стояла она передъ нимъ, не смѣя ни поднять на него взора, ни оторвать его отъ пестрыхъ цвѣтовъ ковра, до котораго чуть касались ея маленькія ножки. Слезы катились изъ ея глазъ, засыхая на разгорѣвшихся, воспаленныхъ щекахъ.

— Странникъ,—сказала она, долго принуждая себя сказать то, о чемъ молчать ей казалось такъ трудно,—прости меня... Странникъ! я люблю тебя... Но Бога ради не смѣйся надо мной!... Я видѣла, какъ ты молился: твой вдохновенный взоръ, твое лицо, твой страстный взглядъ—нейдутъ молитвѣ... Твоя душа пламенна,—она не можетъ удовлетвориться молитвою. Ты обманываешь себя... Люби меня!... Можетъ тебѣ неизвѣстно это море блаженства? Я тебѣ раскрою его, мы потонемъ въ его волнахъ; я сожгу тебя моими поцѣлуями, я обовьюсь какъ эфесъ около тебя, я умру цѣлуя тебя!...—И, говоря это, дѣва въ самомъ дѣлѣ тонула въ океанѣ страстей и, полумертвая, дрожащая, готова была броситься въ объятія юноши; но они не раскрывались. Спокоенъ и тихъ былъ взоръ Ѳеодора. Такимъ взоромъ смотритъ луна на бѣшеную Этну, пламенемъ раздирающую свою грудь.

— Дѣва,—сказалъ онъ ей,—благодари судьбу, что ты это говоришь мнѣ, отжившему для міра сего,—я не воспользуюсь слабостью овцы гибнущей. Вспомни, что ты христіанка. Я соединю свои моливы съ твоими, чтобы Господь извелъ изъ тебя злаго духа, губящаго душу твою. Дѣва! и я былъ пороченъ, и я зналъ, какъ слабы женщины,—тѣмъ сильнѣе будетъ молитва моя, тѣмъ спасительнѣе тебѣ.

— Какъ, ты любилъ?—воскликнула она.—Ты любилъ?—и ревность къ прошедшему взволновала ея грудь, въ которой не было

мѣста и одной страсти.—Гдѣ она?... Но... можетъ ея ужь нѣтъ? Можетъ она измѣнила? Можетъ въ ней не было этой бѣшеной страсти? О, я замѣню ее! Я свободна, какъ птица небесная. Бѣжимъ въ Грецію, тамъ...

— Остановись!—сказалъ Ѳеодоръ и ланиты его показали, что онъ человѣкъ. Но что ихъ оцвѣтило: любовь, или воспоминаніе?—Я Богу далъ клятву и ничто не сокрушитъ ея.

— Лицемѣръ! дѣвѣ далъ ты клятву. Обманщикъ! тебѣ ли носить монастырское платье?... Да, это ясно; теперь все понимаю... Но я умѣю мстить. Ты видѣлъ, какъ необузданны страсти мои?... Неужели твое сердце до того принадлежитъ другой, что нѣтъ мѣста для меня? Одинъ часъ, одну минуту дай насладиться тобою—и я счастлива; и возьми послѣ жизнь мою,—на что мнѣ она тогда? И въ этой минутѣ я солью все—и рай позавидуетъ мнѣ... Ты смущенъ?... Нѣтъ, нѣтъ, эта грудь не изъ гранита!—И она бросила лампу на полъ, и душистое масло струями разлилось по ковру, и святильня, вспыхивая и потухая, и курясь, прожигала его... Судорожная рука обвилась около юноши, дрожащія уста съ своимъ огненнымъ, сладострастнымъ дыханіемъ коснулись устъ Ѳеодора. Тщетно хотѣлъ онъ вырваться.—«Нѣтъ, нѣтъ, ты мой, я тебя не пущу!»—шептала она, цѣлуя его...

Ясно и душно было утро, когда на ослицѣ тихо подъѣзжалъ Ѳеодоръ къ Октодекатскому монастырю, везя елей для храма. Черты лица его, утомленныя зноемъ, выражали опять то же спокойное, святое чувство, съ которымъ онъ выѣхалъ за два дня изъ этой ограды. По-временамъ взоръ его дѣлался мечтателенъ, далеко устремлялся въ пространное поле и, казалось, выспрашивалъ какого-нибудь предмета или искалъ кого-нибудь, но тотчасъ приходилъ онъ въ свое всегдашнее положеніе. Молитва виднѣлась на устахъ, молитва во взорѣ, молитва въ немъ самомъ... И привратникъ, тотъ же старецъ, котораго онъ ждалъ цѣлую ночь, но еще старѣе, отворилъ ему ворота, и онъ опять въѣхалъ въ этотъ тихій, умершій дворъ, гдѣ люди не измяли зеленой травы, гдѣ однѣ черныя ризы мелькали межъ бѣлыхъ надгробныхъ камней, гдѣ душистые лимоны и пышныя смоковницы заслоняли однѣ черныя рясы и бѣлые надгробные камни.

VI.

19. И сказала ему: еврейскій рабъ, котораго ты привелъ въ домъ свой, хотѣлъ меня обезчестить.
20. Тогда бросилъ онъ его въ темницу.
21. Но Господь былъ съ нимъ.

Кн. Бытія, гл. 39.

— Нѣтъ, это клевета,—сказалъ игуменъ Октодекатскаго монастыря,—гнусная, черная клевета! И тѣнь сомнѣнія уже прокралась на его лицѣ, и онъ, казалось, разувѣрялъ себя болѣе, нежели стоящаго возлѣ монаха.

— Но поясъ...—возразилъ тотъ.

— Хорошо. Неси лобзаніе мира нашему брату и скажи, что я спрошу у обвиняемаго, и да падетъ вся строгость на голову преступную.

Монахъ склонился и вышелъ.

Лицо игумна было ужасно: жилы на вискахъ налились кровью и бились. Онъ былъ смущенъ, несмотря на свою обычную твердость, и не зналъ, вѣрить ли или нѣтъ какому-то обвиненію: то укорялъ себя въ сомнѣніи, пріискивая наказаніе виновному; то вѣрилъ обвиненію, пріискивая доказательства къ опроверженію его. Онъ то вставалъ и прохаживался, то садился. Наконецъ, обращаясь къ молодому монаху, сказалъ: «Позови брата Ѳеодора и оставь его со мною наединѣ».

Тихая, аскетическая жизнь подняла такъ фантазію Ѳеодора, такъ пріучила его къ созерцательности, что онъ цѣлые часы проводилъ мечтая то о прелестной жизни, которая готовится праведнику въ объятіяхъ рая, то о содѣланіи всей земли одною паствою Христа, то погружался въ созерцаніе Бога и, долго теряясь въ безконечности, вдругъ спускался на землю. И какъ хороша она ему казалась тогда, какъ ясно выражала его и какъ понятно говорило и это вѣтвистое дерево, и эта пернатая птица! Въ такой-то созерцательной минутѣ былъ онъ, когда его позвали къ игумну. Это было такъ обыкновенно, что онъ, нисколько не удивляясь, пошелъ къ нему съ свѣтлымъ, вдохновеннымъ лицомъ, торопясь пересказать все, что чувствовалъ.

Съ холоднымъ и важнымъ видомъ встрѣтилъ его игуменъ, пристально посмотрѣлъ на прелестнаго юношу и уже почти оправдалъ его въ душѣ.

— Ѳеодоръ,—сказалъ онъ, подавая письмо,—прочти его и скажи, правда ли?...

Θеодоръ сталъ читать письмо.

Игуменъ остановилъ на немъ испытующій взоръ; но юноша спокойно прочелъ и твердо сказалъ:

— Видитъ Богъ, что ложь.

— Твой ли это поясъ?

— Мой.

— Гдѣ ты потерялъ его?

— Не помню, святой отецъ. Я хватился его, возратясь изъ Александріи, уже дома.

— Это поясъ женскій,—прибавилъ игуменъ, разсматривая.

— Я съ нимъ пришелъ семь лѣтъ тому назадъ,—отвѣтилъ Θеодоръ не совсѣмъ вѣрнымъ голосомъ и наклоняя голову, чтобы скрыть пурпуръ, покрывавшій щеки его.

Игуменъ не замѣтилъ. Туча пронеслась.

— Я былъ увѣренъ въ твоей невинности, сынъ мой. Нѣтъ, ты не могъ такъ пасть: Богъ не даетъ порочному такой души; тебя избралъ онъ въ свое воинство.—И игуменъ обнялъ его, и тронутый Θеодоръ, рыдая, цѣловалъ въ плечо старика.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять явились монахи онатскіе; они принесли съ собою младенца, бросили его середь двора и съ злобною усмѣшкой сказали: «Братія, ваше дѣло вскормить чадо порочной жизни вашей!» Обиженная братія требовала, чтобы назвали виновнаго. Ей отвѣчали именемъ Θеодора. Никто не вѣрилъ и всѣ просили игумна, чтобъ онъ допросилъ виновнаго. Игуменъ, непоколебимый въ своей довѣренности, спокойно сказалъ: «Судите его сами», твердо убѣжденный, что одно слово, одинъ видъ Θеодора будетъ полнымъ оправданіемъ. Онъ въ тайнѣ даже радовался торжеству своего друга.

Призвали Θеодора. Игуменъ ждалъ съ нетерпѣніемъ оправданія, ободрялъ его взглядомъ, улыбкой. И каково же было удивленіе старика, когда Θеодоръ, преклоняя колѣна, трепещущій, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, едва произнесъ: «Прости, отецъ святой, прости,—я обманулъ тебя, ужасно обманулъ!» Старецъ былъ притоптанъ къ землѣ, не могъ поднять глазъ, ни вымолвить слова; пятна вышли на его лицѣ, рука перестала перебирать четки и судорожно дрожала. Наконецъ, гордо взглянувъ на братію, онъ сказалъ повелительнымъ голосомъ: «Изгнать презрѣннаго обманщика изъ монастыря,—онъ пятнаетъ насъ!»

И озлобленная братія, униженная поступкомъ Θеодора, осыпала его насмѣшками и бранью; даже нѣсколько камней поле-

тѣли въ юношу. Все волновалось и кричало; одинъ обвиненный стоялъ спокойно. Минута волненія прошла,—это былъ прежній Ѳеодоръ, то же вдохновенное лицо, и ясно обращался его взоръ на братію и къ небу. И когда игуменъ, боясь тронуться его видомъ, спросилъ: «Чего же медлите вы?» Тогда Ѳеодоръ возвелъ очи къ небу, говоря: «Господи! теперь я вижу, что Ты обратился ко мнѣ, что грѣшная молитва дошла до подножія Твоего». Потомъ упалъ онъ ницъ передъ игумномъ и сказалъ: «Не прощенья молю я, но молись о душѣ преступной, которая никогда не забудетъ тебя»... Слезы не дозволили ему продолжать. «Молитесь и вы, братія», прибавилъ онъ, вставая и низко кланяясь. Наконецъ подошелъ къ ребенку, взялъ его на руки, поцѣловалъ и съ видомъ искренней любви сказалъ ему: «Не плачь, дитя, не плачь». Далѣе не могъ вытерпѣть игуменъ: онъ чувствовалъ, что слезы готовы брызнуть изъ глазъ,—онъ всталъ и пошелъ въ келью. Вошедши въ нее, раздраженный и недовольный собою, сѣлъ къ окну и смотрѣлъ, какъ монахи вели Ѳеодора къ воротамъ, наперерывъ осыпая бранью, какъ вытолкали его. Все было къ Ѳеодору немилосердно, даже старый привратникъ ударилъ его тростью. Ѳеодоръ терпѣлъ все, защищая ребенка и какъ будто взоромъ говоря: «Онъ-то чѣмъ виноватъ?»

«Такъ я никогда не былъ обманутъ,—думалъ игуменъ.—Это искушеніе дьявола... Но какъ добръ, какъ восторженъ онъ былъ сначала и всѣ семь лѣтъ! Я его любилъ какъ сына,—болѣе, нежели какъ сына... Но какже онъ читалъ письмо такъ спокойно? Надобно быть очень порочну, чтобы скрывать пороки. Его погубила, увлекла эта женщина, а онъ еще защищалъ ихъ, порожденіе ехидны, лишившее рая перваго человѣка... И въ самое то время, какъ онъ признавался, въ моемъ сердцѣ кричалъ голосъ: «онъ невиненъ». Никогда не надобно довѣряться этому голосу. А какъ онъ перенесъ стыдъ и наказаніе! Какимъ взоромъ взглянулъ на меня!... О, Ѳеодоръ, зачѣмъ ты палъ? Ты мнѣ былъ такъ необходимъ. Кто замѣнитъ тебя?... Но не стыдно ли жалѣть о немъ?... Старикъ! вотъ плоды твоей опытности: мальчишка обманулъ тебя.—И онъ смѣялся судорожнымъ смѣхомъ.—Не правъ ли я былъ, сомнѣваясь принять его въ монастырь?» Тутъ онъ остановился: эта мысль мирила его съ собою, и онъ началъ думать не о Ѳеодорѣ, а о новыхъ искусахъ для приходящихъ... Ужасно хоронить друга, но еще ужаснѣе видѣть свою ошибку въ человѣкѣ, съ которымъ дѣлилъ душу, помыслы: это—кусокъ мяса, оторванный отъ серд-

ца, горячій, кровавый.... Игуменъ послѣ этого происшествія сдѣлался еще мрачнѣе, не велѣлъ при себѣ поминать бывшаго друга, старался стереть его въ памяти и... не могъ забыть.

Между тѣмъ несчастный Ѳеодоръ, опозоренный, униженный, изгнанный, былъ встрѣченъ людьми, которые слышали о его винѣ и ругались надъ нимъ еще злѣе монаховъ. Посредственность до того ненавидитъ все высшее, что для нея торжество—всякое паденіе; сверхъ того она воображаетъ, что, бросая камень въ виновнаго, закроетъ свои пороки. Яростными голосами кричала толпа: «Гдѣ же сынъ живаго мертвеца, отказавшагося отъ земли?» Ѳеодоръ вынималъ младенца изъ мантіи и говорилъ: «Вотъ онъ». Но въ этомъ не была видна дерзость злодѣя, который нагло показываетъ клеймо варнака, а какое-то самоотверженное чувство своего преступленія; казалось, онъ просилъ ихъ наказать себя и былъ готовъ все перенести.

У Ѳеодора не было ничего. Бѣдность грозила ему своими худыми руками, посинѣвшими отъ стужи, изсохшими отъ голода. Никто не подавалъ ему милостыни. На послѣднія деньги купилъ онъ молока младенцу, а самъ питался кореньями и морскими раковинами. «*И хождаше по пустынѣ скитаяся, очерньѣ же плоть отъ зимы и зноя, и очи потемньли отъ горькаго плача, и живяше со звѣрьми*» — этими словами описываетъ мартирологъ его жизнь.

VII.

Простри длани твоя и пріими душу мою, юже въ жертву принесохъ любви ради твоея (*Житіе св. Екатерины*).

У гроба Ѳеодора сидѣлъ грустный игуменъ и съ нимъ тотъ самый александріецъ, который такъ усердно ждалъ свою жену у храма Петра. Александріецъ плакалъ; игуменъ молился; никто не прерывалъ тишины; она продолжалась нѣкоторое время. Но вдругъ отворилась дверь и вошелъ игуменъ энатскій съ монахомъ, котораго онъ присылалъ обвинять Ѳеодора. Тѣло усопшаго было покрыто. Игуменъ Октодекатскаго монастыря открылъ голову и спросилъ своего собрата:

— Это ли Ѳеодоръ?

— Онъ самый,—отвѣчалъ тотъ.

— Обезчестившій у насъ дѣвицу,—прибавилъ монахъ.

Съ горькою улыбкой отдернулъ игуменъ покрывало и указалъ женскія персп.

— Это жена его, Ѳеодо̀ра,—сказалъ онъ, указывая на александрійца.

— Воплощенный ангелъ! прости мнѣ, что я, слабый грѣшникъ, не постигъ твоего величія, и молю у Всевышняго, да отпустятся мнѣ грѣхи мои...

Старикъ залился слезами и склонилъ голову свою къ покойницѣ. Небесная улыбка видна была на холодныхъ устахъ, которыя, казалось, хотѣли открыться еще разъ для того, чтобы сказать игумну: «Я прощаю тебя».

...И написующе тое неточіе на хартіяхъ, но и въ сердцахъ вашихъ, простирахуся къ подвигамъ великимъ и благоугождаху Богу.

Крутицкія казармы.
1835 года, февраль.
(Переписано въ Вяткѣ 1836 г. марта 12.)

Изъ Дранмора.

Нѣтъ, мало мнѣ того успокоенья,
Что нѣкогда Горацій воспѣвалъ,—
Не усмирятъ тоскливаго томленья
Идиллiи, гдѣ мира я искалъ.
Когда меня властительныя страсти
Тревожили, въ дни юности моей,
И рвали грудь и сердце мнѣ на части,—
Оно нашло бальзамъ противъ скорбей.
Когда мой умъ тревога наполняла,
Когда изъ ранъ души сочилась кровь,—
Мнѣ новую надежду навѣвала
Она, она, всесильная любовь!

О, не одинъ, прекрасный и любимый,
Чарующій являлся образъ мнѣ,—
Затерянный въ дали необозримой
Блескъ чудныхъ глазъ я видѣлъ въ тишинѣ!
Во тьмѣ ночей, когда и плачъ, и грёзы
О прошлыхъ дняхъ овладѣвали мной,—
Мой лобъ горѣлъ и чувствовалъ я слезы,
Бѣжавшія цѣлительной струей...
О, въ силахъ я переносить страданья,
Грядущее меня не устрашитъ,—
Живятъ меня мои воспоминанья,
Хоть смерти гимнъ въ моей душѣ гремитъ!...

Д. Михаловскій.

Причины гусситско-таборитскаго движенія *).

Главное впечатлѣніе, которое выноситъ каждый, кто знакомится съ исторіей гусситско-таборитской войны, кто узнаетъ про эти безчисленныя битвы и сраженія, про эти сотни раззоренныхъ, обращенныхъ въ груду пепла и мусора городовъ, тысячи стертыхъ съ лица земли селъ и деревень, десятки тысячъ стоптанныхъ и сожженныхъ полей, сотни тысячъ убитыхъ людей,—главное впечатлѣніе, которое выносишь изъ этого моря крови и вообще изъ всей суммы произведеній сумятицы есть, безъ сомнѣнія, впечатлѣніе необыкновенной силы, необыкновенной интенсивности чешскаго движенія. И дѣйствительно, оно принадлежитъ къ самымъ сильнымъ, къ самымъ упорнымъ движеніямъ, какія только извѣстны за все время историческаго существованія человѣчества. Изъ войнъ, которыя когда-либо велись ново-европейскими народами, гусситскія—самыя упорныя. Страшна была столѣтняя война, истощившая Англію и Францію; но то были двѣ могущественныя націи, занимавшія первыя мѣста въ ряду европейскихъ народовъ. Продолжительна и ожесточенна была тридцатилѣтняя война, потому что вся Европа раздѣлилась на двѣ равныя враждующія стороны. Войны Людовика XIV, семилѣтніе походы Наполеона—все это можетъ-быть мало чѣмъ уступитъ гусситскимъ войнамъ; но вѣдь опять-таки дѣйствующими лицами въ нихъ являлись могущественнѣйшіе европейскіе народы, и притомъ очень рѣдко одни, а большею частію въ коаліціи. Одна только борьба революціонной Франціи противъ соеди-

*) Настоящая глава представляетъ собою отрывокъ изъ большаго этюда „О гусситствѣ и таборитствѣ“, который въ свою очередь составляетъ часть приготовляемаго къ печати изслѣдованія о „народныхъ движеніяхъ славянскаго племени“.

ненныхъ монарховъ можетъ идти въ нѣкоторую параллель геройской оборонѣ малочисленнаго народа противъ полчищъ цѣлой Европы. Но не слѣдуетъ, однако же, забывать того, что революціонныя войны длились всего нѣсколько лѣтъ, а гусситскія—нѣсколько десятковъ лѣтъ. Притомъ же Франція много-много обширнѣе, богаче и населеннѣе небольшаго Чешскаго королевства.

Какъ же сильны и могущественны должны быть тѣ причины, которыя послужили источникомъ такой необыкновенной выдержки и нравственной бодрости?

Мы сказали—«сильны и могущественны». Сильныя должны были существовать причины, не зависѣвшія отъ чеховъ, сильнымъ долженъ быть гнетъ, вызвавшій противодѣйствіе, и могущественною должна быть высота нравственнаго чувства, нашедшаго въ самомъ себѣ такую несокрушимую опору.

Но, къ удивленію, изъ этихъ двухъ факторовъ всякаго народнаго движенія въ гусситско-таборитскомъ вы находите только второй. Если вы станете искать въ Чехіи XIV вѣка обычныя причины народнаго неудовольствія, вы ихъ не найдете. Конечно, до райскаго житья было очень далеко, но вѣдь припомните только объемъ протеста,—вспомните, что во всѣхъ народныхъ движеніяхъ дѣйствіе и противодѣйствіе всегда находятся между собою въ самой строгой гармоніи.

И дѣйствительно, мы видимъ, что изслѣдователи, мало обращающіе вниманіе на высоту нравственнаго чувства, какъ могущественнаго фактора въ жизни славянскихъ народовъ, становятся совершенно въ-тупикъ. Профессоръ Гёфлеръ—ученый, сдѣлавшій изъ гусситско-таборитской эпохи свою спеціальность—прямо говоритъ:

«Послѣ многолѣтнихъ занятій гусситствомъ я не могу себѣ дать никакого отчета, какимъ образомъ дѣло дошло до революціи,—до такой степени она мало проистекала изъ положенія вещей» *).

Недоумѣніе почтеннаго профессора объясняется тѣмъ, что дѣйствительно трудно подвести гусситско-таборитское движеніе подъ одинъ изъ обычныхъ видовъ народнаго протеста. Протестъ политическій, національный, экономическій и религіозный—вотъ типы, подъ которые можетъ быть подведено всякое народное дви-

*) Fontes rerum Austriacarum. Erste Abtheilung, Band. VII, Theil. III. Geschichtschreiber der Hussitischen Bewegung in Böhmen. Herausgegeben von Konstantin Höffler. Wien. 1866.

женіе. Бываетъ, конечно, и смѣшеніе всѣхъ этихъ элементовъ, но одинъ какой-нибудь преобладаетъ и даетъ окраску цѣлому. Жакеріи были протестомъ экономическимъ, хотя конечно и желаніе политической равноправности играло въ нихъ роль. Такой же характеръ носятъ крестьянскія войны въ Германіи, разиновщина, пугачовщина и гайдамачина у насъ. Революція 1789 года была преимущественно политическая, хотя она встрѣтила откликъ и въ экономически-угнетенномъ крестьянствѣ. Реформація была протестомъ религіознымъ, хотя и въ ней нежеланіе откармливать католическое духовенство и желаніе князей захватить богатства духовенства играли не послѣднюю роль. Наконецъ, многочисленныя возстанія балканскихъ славянъ слѣдуетъ назвать національнымъ протестомъ, хотя и въ нихъ экономическое угнетеніе народа турецкими податями и поборами имѣло огромное значеніе.

Къ какой же категоріи слѣдуетъ причислить гусситовъ и таборитовъ?

Отвѣтъ на это намъ можетъ дать только картина внутреннихъ отношеній Чехіи XIV и начала XV вѣка. Картина эта покажетъ намъ, что гусситство и таборитство нельзя назвать экономическимъ протестомъ, потому что чешскому простому люду относительно жилось куда лучше, чѣмъ въ остальной Европѣ,—что чешское движеніе нельзя назвать политическимъ неудовольствіемъ, потому что въ Чехіи не было политическаго гнета,—что тутъ не примѣнимо понятіе религіознаго протеста, потому что подъ религіозными требованіями наиболѣе характерныхъ представителей движенія таборитовъ скрывалось совсѣмъ иное содержаніе,—и что, наконецъ, было бы совершенно неосновательно приписывать гусситству преимущественно національный характеръ, хотя, несомнѣнно, вражда между чешской и нѣмецкою народностью подливала масла въ огонь.

Мало имѣя сходныхъ чертъ съ обычными видами народныхъ протестовъ, гусситство представляетъ собою крайне рѣдкій случай *чисто-нравственнаго* движенія. Противъ этого эпитета можно спорить, потому что во всякомъ протестѣ выражается стремленіе возстановить нарушенную правду и справедливость и, слѣдовательно, въ основѣ его лежитъ нравственная чуткость, готовность подкрѣпить слово дѣломъ. Но нельзя же не назвать болѣе нравственнымъ того, кто возстаетъ только во имя попранной неправды, чѣмъ того, кто возстаетъ потому, что эта не-

правда не даетъ ему свободно вздохнуть. Мы потому и называемъ гусситство *чисто-нравственнымъ* движеніемъ, что оно произтекло не отъ обилія чинимой чехамъ *неправды*, а отъ обилія въ нихъ стремленія къ *правдѣ*.

I.

Какъ и всѣ славяне, чехи въ началѣ своего историческаго существованія отличались отъ другихъ народовъ бо́льшимъ развитіемъ демократическихъ чувствъ. Хотя новѣйшая сравнительная антропологія и доказываетъ, что всѣ народы проходятъ однѣ и тѣ же ступени развитія, она этимъ ничуть, однакоже, не желаетъ сказать, что всѣ народы одинаково долго пребываютъ на той или другой степени развитія и что всѣмъ народамъ та или другая степень развитія одинаково приходится по вкусу. Интенсивность прохожденія общихъ всѣмъ народамъ фазисовъ различна и это-то и создаетъ племенныя особенности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и германцы, и галлы, и иберы, также какъ и славяне—на зарѣ своего историческаго существованія были болѣе демократичны, чѣмъ въ позднѣйшія времена, когда вмѣстѣ съ «культурой» явилось угнетеніе слабыхъ и неимущихъ. Но развѣ всѣ эти народы одинаково стойко отстояли свою первобытную свободу? Посмотрите, какъ быстро и прочно утвердилось въ Германіи крѣпостное право и какъ медленно, на протяженіи многихъ вѣковъ, можно даже сказать цѣлаго тысячелѣтія, оно прививалось славянскому праву. Вотъ почему мы ничуть не впадаемъ въ противорѣчіе съ новѣйшей антропологіей, когда говоримъ, что демократичность есть племенная особенность славянства. Не въ томъ смыслѣ она—славянская особенность, что у другихъ ея не было, а въ томъ, что славяне цѣпче другихъ народовъ ухватились за нее. Византійскіе писатели знали много первобытныхъ народовъ: и германцевъ, и гунновъ, и кумановъ, и хазаръ, и множество другихъ. Всѣ эти народы были одинаково первобытны и однакоже демократичность (такъ-таки полнымъ аѳинскимъ терминомъ δεμοκρατία) византійцы отмѣчаютъ только у славянъ.

Дальнѣйшія доказательства отвлекли бы насъ въ сторону, и потому ограничимся здѣсь однимъ, касающимся предмета статьи: сравнимъ чеховъ съ аборигенами Чехіи—кельтическимъ племенемъ *боевъ*. Это сравненіе покажетъ намъ, что далеко не всѣ

народы, находясь на одной и той же ступени развитія, имѣютъ одни и тѣ же общественныя понятія и учрежденія.

О жизни самихъ боевъ не сохранилось особенно много указаній, но нѣтъ никакого основанія полагать, чтобъ она чѣмъ-нибудь отличалась отъ образа жизни кельтовъ Галліи и Италіи, о которыхъ осталось больше извѣстій.

Всякое кельтское племя «распадалось на множество самостоятельныхъ другъ отъ друга волостей, но народъ въ нихъ раздѣлялся на наслѣдственныя сословія съ весьма неравными правами. Жреческое сословіе друидовъ пользовалось огромнымъ вліяніемъ, благодаря своей іерархически-судейской власти и страху предъ религіознымъ проклятіемъ, предать которому зависѣло отъ него. Дворянство было сильно земельною собственностью и установившеюся въ средѣ низшихъ классовъ привычкою подыскивать себѣ дворянина-покровителя. Оно одно вело войну и скоро захватило всю власть въ свои руки. Народъ хотя и былъ первоначально свободенъ, но не имѣлъ однакоже никакихъ средствъ заставить слушать себя, кромѣ вступленія въ число кліентовъ могущественныхъ дворянъ, которые за принятіе подъ свою защиту пользовались услугами защищаемыхъ» *).

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у чеховъ. Первыя слабыя проявленія сословныхъ перегородокъ появляются не раньше XII вѣка, то-есть когда чехи стояли на неизмѣримо высшей ступени культуры, чѣмъ кельты первыхъ вѣковъ по Р. Х., когда у нихъ появилась уже литература и были такіе лѣтописцы, какъ Козьма Пражскій. Чрезвычайно характерна фраза, которую этотъ самый Козьма влагаетъ въ уста Премысла, перваго князя чешскаго. Изъ земледѣльца сдѣланный княземъ, Премыслъ обращается къ своимъ будущимъ преемникамъ и увѣщеваетъ ихъ не злоупотреблять властью.

«Пусть помнятъ наши потомки про свое происхожденіе, пусть не допустятъ себя до того, чтобъ угнетать своимъ тщеславіемъ людей, порученныхъ имъ Богомъ, *потому что всѣ люди равны между собою отъ природы*» **).

---

*) *Palacky*, Geschichte von Böhmen, Band. I, стр. 23.

**) *Hermergild Irecek*, Das Recht in Böhmen und Mähren, стр. 71: „Sciant nostri posteri, unde sint orti et ut semper vivant pavidi et suspecti, nec homines a Deo sibi commissos injuste opprimant per superbiam, quia facti sumus omnes aequales per naturam“.

Такая фраза, конечно, сочинена самимъ лѣтописцемъ и характеризуетъ понятія того вѣка, въ которомъ онъ жилъ.

Все вообще преданіе о Премыслѣ чрезвычайно интересно для характеристики народныхъ чешскихъ идеаловъ. До Премысла высшею властью пользовался Крокъ. Народное преданіе не дѣлаетъ его сыномъ боговъ или знаменитымъ воиномъ,—нѣтъ, Крокъ достигъ высшей власти тѣмъ, что своимъ умомъ, справедливостью и заботой объ общемъ благѣ превосходилъ всѣхъ современниковъ [1]). Когда онъ умеръ, править стала умная дочь его Любуша. Но она скоро вышла замужъ за Премысла, которому и передала власть. Премыслъ былъ простой крестьянинъ и народные послы, пришедшіе извѣстить его о выборѣ Любуши и о дарованіи ему княжеской власти, застали его на нивѣ, которую онъ вспахивалъ.

«Премыслъ женился на Любушѣ и возвелъ ее на престолъ. Престолъ этотъ былъ каменный и при возведеніи на него у чеховъ, какъ и у другихъ славянъ, былъ обычай, что восходящій на престолъ приходилъ къ нему въ бѣдной одеждѣ простаго человѣка, въ ознаменованіе того, что и онъ происходитъ изъ простаго народа, и уже взошедши на него одѣвался въ богатую княжескую одежду. Еще во времена Козьмы [2]) въ княжескомъ дворцѣ сохранялись лапти, которые надѣвали князья при торжественномъ коронованіи» [3]).

Любуша наслѣдовала своему отцу не потому только, что она была дочь его,—у Крока было три дочери и Любуша была младшая. Она стала правительницей не по старшинству, а по справедливости, потому что была самая умная изъ трехъ сестеръ. Даже въ болѣе позднія времена, когда верховная власть значительно окрѣпла, одного права наслѣдованія было мало, чтобъ укрѣпить права чешскихъ герцоговъ на престолѣ. Вошло въ обычай, что престолъ принадлежалъ дому Премысла, но кромѣ этого непремѣнно требовалось народное избраніе. Вотъ, напримѣръ, отвѣтъ Собѣслава I (1126 г.) въ спорѣ съ императоромъ Лотаромъ, не хотѣвшимъ признавать его богемскимъ герцогомъ:

«По старому праву выборъ герцога принадлежитъ только представителямъ народа» [4]).

---

[1]) *Palazky*, Band. I, стр. 161.

[2]) Умеръ въ 1125 г.

[3]) *Томекъ*, „Исторія Чешскаго королевства".

[4]) *Palazky*, Band. I, стр. 396.

Когда Владиславъ II назначилъ своимъ преемникомъ сына своего Фридриха, не спросивъ мнѣнія страны (1173 г.), въ Чехіи поднялось страшное неудовольствіе. Чехи жаловались императору Фридриху I и говорили, что безъ «свободнаго выбора» народа желаніе Владислава незаконно *).

Самое устройство власти было очень своеобразное. Князь былъ княземъ не къ силу божественнаго права, не въ силу средневѣковаго взгляда, что страна есть собственность владѣльческаго рода, а въ силу того, что власть его нужна была для блага народа.

«Тѣмъ, чѣмъ былъ въ каждой семьѣ или въ отдѣльномъ племени старѣйшій (starosta или wlàdyka), тѣмъ же для всего народа былъ правительствующій князь. Оба повелѣваютъ почти неограниченно до тѣхъ поръ, пока они правятъ хорошо, то-есть до тѣхъ поръ, пока ими руководитъ общее благо, покамѣстъ старанія ихъ для достиженія этого мудры и удачны. Но оба они теряютъ всякую власть и значеніе, если рядомъ поступковъ докажутъ свою неспособность стоять во главѣ правленія» **).

Яркою иллюстраціей къ этой общей характеристикѣ верховной власти можетъ служить органическій законъ Чехіи, который свято сохранялся всѣми князьями и королями Чехіи даже тогда, когда королевская власть значительно увеличилась на счетъ народной. Этотъ законъ состоялъ въ томъ, что ни одинъ чехъ не былъ обязанъ нести военную службу внѣ предѣловъ страны ***). Если тотъ или другой король хотѣлъ прославиться завоевательными подвигами, онъ долженъ былъ изъ своихъ личныхъ доходовъ нанимать волонтеровъ. Такимъ образомъ клался предѣлъ самолюбивымъ стремленіямъ королей и проводилась рѣзкая граница между интересами народными и интересами династическими.

Отъ верховной власти перейдемъ къ другимъ частямъ государственнаго тѣла древнѣйшаго періода чешской исторіи.

Въ IX столѣтіи «всѣ члены государства были свободны и не было наслѣдственныхъ сословныхъ перегородокъ. Глава семейства былъ естественный судья и правитель своего потомства. Эти главы семействъ, называемые starosti (отъ *starost*—забота, *starotise*—стараться), изъ которыхъ нѣкоторые въ качествѣ *knêzi*'ей отправ-

*) Ibid, стр. 464.
**) Ibid., Band. II., Abth. I, стр. 19.
***) Ibid, стр. 11.

ляли и юридическія обязанности, совѣщались въ открытыхъ собраніяхъ и рѣшали вопросы большинствомъ голосовъ» [1]).

Внутренняя жизнь семействъ до очень поздняго времени была построена на основѣ славянскихъ общинныхъ началахъ.

«Владѣніе землею было основано на общности имуществъ всѣхъ родичей. Dědina (дѣдина), что равнозначуще baštin'ѣ (баштина отъ batja=děd) или otčin'ѣ (отчина), составляетъ наслѣдственное общее имущество. Дѣдина корнитъ всѣхъ родичей, которымъ она принадлежитъ только въ качествѣ *временнаго* владѣнія и отъ нихъ безъ всякой особой передачи переходитъ къ слѣдующему поколѣнію. Доходы сообща обрабатываемой дѣдины, состоящіе въ хлѣбѣ (zbožĭ) и скотѣ (statek, dobytek), представляютъ собою имущество общины. Къ дѣдинѣ, само собою разумѣется, принадлежала земля, на которой были выведены деревенскія постройки, откуда произошло то, что въ Моравіи еще до сихъ поръ деревня называется «дѣдина». На общемъ землевладѣніи основано средневѣковое славянское наслѣдственное право (dědictvi)» [2]).

При такомъ устройствѣ бѣдность являлась исключеніемъ. «Каждая семейная община была настолько самостоятельна, что имѣла полную возможность удовлетворить обычныя потребности своихъ сочленовъ. Поэтому въ народѣ бѣдныхъ не было. Бѣднымъ и безъ состоянія могъ быть только тотъ, кого община исключила за пороки. Отсюда происходитъ, что слово *chudy* (худы), означающее теперь (по-чешски) «бѣдный», когда-то означало «злой» и что словомъ lichý одинаково обозначалось понятіе «нехорошій» и «оставленный, вытолкнутый» (lišiti, lich=derelinquere)» [3]).

Такое равноправное семейное устройство поддерживало идею политической равноправности и мы видимъ, что «*до короля Оттокара II* (конецъ XIII ст.) *въ Чехіи не было сословій*, какъ ихъ теперь понимаютъ» [4]) и еще уже понимали во всей средневѣковой Европѣ.

Этой всеобщей равноправности, повидимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что въ Чехіи были рабы и крѣпостные. Но противорѣчіе тутъ совершенно мнимое, только на первый взглядъ, если не познакомиться ближе съ положеніемъ вещей. На самомъ

---

[1]) *Dudik*, Mährens Allgemeine Geschichte, Band. I, стр. 123.
[2]) *Иречекъ*, Recht in Böhmen und Mähren, стр. 28.
[3]) Ibid.
[4]) *Palasky*, Band. II, Abth. II, стр. 27.

дѣлѣ рабство и крѣпостное состояніе въ Чехіи были совсѣмъ отличны отъ этихъ же институтовъ въ общественномъ правѣ другихъ странъ Европы. Мы остановимся на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ для насъ чрезвычайно важно доказать, что оба эти вида несвободнаго состоянія не были факторами гусситско-таборитскаго движенія: мы покажемъ, что 1) *рабство, и то въ очень мягкой формѣ, существовало въ Чехіи только съ IX столѣтія по XII*,—слѣдовательно, къ началу XV о немъ осталось только отдаленное воспоминаніе,—и 2) что *крѣпостное состояніе утверждается въ Чехіи не раньше XVII вѣка*, т. е. послѣ Бѣлогорской битвы, когда волна австрійско-католической «культуры» смываетъ все національно-чешское и въ томъ числѣ старую славянскую свободу.

II.

Поговоримъ сначала о рабствѣ.

Рабство не было институтомъ славянскаго права. Въ то время, какъ другіе народы дѣлали всѣхъ своихъ военноплѣнныхъ рабами, славяне требовали отъ нихъ только извѣстнаго числа лѣтъ служенія. Послѣ этого они предоставляли имъ на выборъ: «или откупиться и возвратиться на родину, или остаться у нихъ въ качествѣ свободныхъ людей и друзей» *). Слова въ ковычкахъ принадлежатъ византійскому историку—императору Маврикію, котораго въ пристрастіи къ славянамъ упрекнуть довольно трудно. Поэтому они даютъ твердую почву для характеристики отношенія славянъ къ лишенію людей свободы, и притомъ почву тѣмъ болѣе твердую, что самъ же Маврикій подчеркиваетъ это отношеніе славянъ къ рабству и прямо говоритъ, что оно было не такое, «ut apud gentes alias» (какъ у другихъ народовъ). Въ немъ значитъ было нѣчто чисто-славянское.

Съ теченіемъ времени отношенія мѣняются. «Именно тѣ, религія которыхъ клеймитъ рабство и крѣпостничество, то-есть христіане, научили славянъ, что ничего нѣтъ дурнаго въ томъ, чтобы торговать человѣческою свободой и продавать въ рабство свободныхъ людей вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Оттоны (гер-

*) «Qui sunt in captivitate apud eos, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici».

манскіе) раздаривали славянскія семьи точно стада скота и впервые ввели крѣпостничество и рабство въ земли полабскихъ славянъ и по всей Помераніи. Отсюда рабство перешло въ Богемію, Польшу и Россію» [1]).

Произошло это никакъ не раньше IX столѣтія [2]). Какъ институтъ чужеземный, противорѣчащій всему строю славянской жизни, рабство въ Чехіи было явленіемъ исключительнымъ. Рабами становились только плѣнники (plennici) и преступники.

«Рабство являлось въ Чехіи только въ видѣ наказанія и не представляло собою особаго сословія, какъ это было у нѣмцевъ. Чехамъ вообще было совершенно непонятно нѣмецкое раздѣленіе на множество общественныхъ ступеней и въ частности раздѣленіе рабовъ на множество разрядовъ различной цѣнности» [3]).

Рабство въ Чехіи не только не выдѣляло несвободныхъ людей въ отдѣльное сословіе, не только не было наслѣдственнымъ, но оно даже не было всегда пожизненнымъ. Рабъ пріобрѣталъ свободу, если «его принимали въ семейную общину, если его допускали къ общему очагу. Это ясно изъ значенія слова *огнищанинъ* (т. е. допущенный къ общему «*огнищу*»), встрѣчающагося въ Россіи и въ Чехіи. Въ «Mater Verborum» [4]) слово это прямо поясняется такъ: «cui post servitium accedit libertas» (человѣкъ, которому послѣ рабства возвращена свобода [5]).

Но даже въ этомъ относительно легкомъ видѣ рабство просуществовало въ Чехіи не болѣе трехъ столѣтій. Народная совѣсть не могла съ нимъ помириться. Это видно изъ того, что въ легендахъ о высокочтимыхъ чешскихъ святыхъ, Св. Войтехѣ и Св. Вячеславѣ, преданіе заставляетъ ихъ выкупать рабовъ на свободу. Въ болѣе позднія времена, въ XII столѣтіи, польская королева Юдифь, родомъ чешская княжна, тоже прославилась своимъ сострадательнымъ отношеніемъ къ рабамъ [6]). Наконецъ, въ 1124 году Владиславъ I издаетъ такой указъ, которымъ въ Чехіи рабство прекращается совершенно. Дѣло въ томъ, что главными владѣльцами рабовъ и *единственными* торговцами ими были евреи. И вотъ Владиславъ I издаетъ законъ, «чтобы ни одинъ

---

[1]) *Macejowski*, Slawische Rechtgeshichte, Band. I, стр. 138.
[2]) *Palazky*, Band. I, стр. 173.
[3]) *Dudik*, Band. IV, стр. 210.
[4]) Средневѣковая чешская энциклопедія.
[5]) *Иречекъ*, Das Recht in Böhmen und in Mähren, стр. 73.
[6]) *Dudik*, Band. IV, стр. 212.

христіанинъ не служилъ еврею [1]). Этимъ самымъ рабство перестало существовать въ Чехіи. Характерно, что Козьма, говоря о законѣ Владислава, называетъ его лучшимъ поступкомъ герцога. Не слѣдуетъ думать, что тутъ играла роль ненависть христіанъ къ евреямъ,—такое заключеніе было бы совершенно невѣрно. Въ XII вѣкѣ евреямъ жилось чрезвычайно хорошо въ Чехіи, и когда первые крестоносцы по пути въ Святую землю хотѣли испытать свои силы на пражскихъ евреяхъ, епископъ пражскій не допустилъ ихъ до этого. Крестоносцы силою хотѣли окрестить евреевъ и несогласныхъ избивали. Такъ было въ Венгріи. Но въ Прагѣ епископъ поставилъ на видъ, что «вѣра Христова должна распространяться любовью, а не насиліемъ» [2]). Даже полтораста лѣтъ спустя, т. е. въ самый разгаръ преслѣдованія евреевъ, Оттокаръ II издалъ цѣлый рядъ постановленій, которымъ евреи были совершенно уравнены въ правахъ съ христіанами.

«Еврей и христіанинъ были равны предъ судомъ; еврейская присяга столько же значила, какъ и христіанская присяга; за убіеніе еврея такъ же наказывали, какъ и за убіеніе христіанина. Оттокаръ II подтвердилъ старыя привилегіи евреевъ и далъ имъ опредѣленное юридическое положеніе въ государствѣ, не насилуя ихъ убѣжденій» [3]).

Все это очень важно, чтобы показать, что законъ Владислава не заключалъ въ себѣ никакой вражды къ евреямъ и имѣлъ цѣлью отмѣнить въ странѣ рабство. И дѣйствительно, «въ XIII столѣтіи о классѣ лично и имущественно несвободныхъ людей осталось въ Чехіи и Моравіи одно воспоминаніе» [4]).

Такимъ образомъ мы видимъ что *о рабствѣ, какъ объ одномъ изъ факторовъ гусситско-таборитскаго движенія, не можетъ быть и рѣчи: рабство и это движеніе раздѣлены между собою тремя столѣтіями.*

Намъ остается разсмотрѣть крѣпостничество.

«Въ концѣ XII и въ особенности въ началѣ XIII столѣтія въ Чешско-Моравскомъ государствѣ исчезаетъ рабство въ тѣсномъ смыслѣ слова и появляется крѣпостное право въ чрезвычайно мягкой формѣ—подъ видомъ отдачи себя подъ опеку, подъ власть

---

[1]) Ibid.
[2]) *Томекъ*, стр. 102.
[3]) *Palazky*, Band. II, Abth. I, стр. 272.
[4]) *Dudik*, Band. IV, стр. 210.

главы семейства. Оно проявляется въ неспособности самому представлять свою личность и въ невозможности самому заработывать хлѣбъ. Въ такое отношеніе часто добровольно становились ремесленники и другіе свободные люди. Одни это дѣлали изъ уваженія къ извѣстной личности, другіе—чтобы легче добыть средства къ жизни» *).

Болѣе подробныя свѣдѣнія находимъ мы въ трактатѣ д-ра Браунера: «Ueber die Robot und Robot-Ablösung». Praga. 1848.

«Крѣпостное право (robot) возникло въ Богеміи слѣдующимъ образомъ. Владѣльцы большихъ земельныхъ помѣстій, не будучи въ состояніи обработывать свои поля при помощи однихъ своихъ слугъ, отдавали ихъ другимъ, неосѣдлымъ еще, людямъ въ вѣчную или наслѣдственную аренду, подъ извѣстнымъ обязательствомъ арендной платы. Арендная плата эта состояла: въ хлѣбѣ, деньгахъ, живности, яйцахъ и т. п., а затѣмъ въ личной работѣ (отсюда самое обозначеніе крѣпостнаго состоянія—*robot*), которая нужна была владѣльцамъ для обработки своихъ собственныхъ полей и угодій, какъ-то: для посѣва, жатвы, выкорчеванія лѣсовъ, ловли рыбы и т. д. Такимъ образомъ произошло названіе для крестьянскихъ дворовъ «dwory kmetci» и ихъ владѣтелей «kmeti», что на языкѣ югославянъ еще и теперь значитъ то же самое, что на чешскомъ «sedlak» (селянинъ). Господскіе дворы назывались «dwory poplużni».

Возникновеніе крестьянскихъ дворовъ у древнихъ чеховъ тѣмъ отличалось отъ обычаевъ нѣмецкаго права, что чехи не платили помѣщику самой стоимости участковъ и дворовъ, а ограничивались тѣмъ, что вносили извѣстный оброкъ, соотвѣтствовавшій ежегодному доходу. И хотя чешскіе крестьянскіе дворы не покупались оброчными арендаторами, однако же пользованіе ими не было только пожизненнымъ, но переходило, какъ вѣчная аренда, къ наслѣдникамъ. Если случалось, что такой, *лично-свободный* и состоявшій въ извѣстныхъ обязательствахъ къ помѣщику *только по отношенію къ своему участку*, крестьянинъ умиралъ и оставлялъ послѣ себя наслѣдниковъ или, съ согласія землевладѣльца, передавалъ обладаніе участкомъ другому, то преемникъ его вступалъ въ тѣ же самыя обязательства. Но если онъ умиралъ безъ наслѣдниковъ, то крестьянскій дворъ возвращался къ землевладѣльцу, который снова отдавалъ его кому-нибудь и,

*) Ibid, стр. 213.

конечно, уже на другихъ условіяхъ, какія ему всего болѣе подходили.

При королѣ Премыслѣ-Оттокарѣ II, во второй половинѣ XIII столѣтія, въ Богемію начинаетъ проникать нѣмецкое право. Это было причиной установленія новыхъ отношеній въ крестьянскомъ землевладѣніи. Многіе помѣщики перестаютъ уже отдавать свои земли въ вѣчную аренду, но продаютъ ихъ съ условіемъ вѣчнаго оброка, причемъ выговариваютъ себѣ барщину (robot) и другія повинности. Кто покупалъ землю на такихъ условіяхъ тотъ имѣлъ право продать ее другому. Возникшіе на такихъ основаніяхъ крестьянскіе участки назывались *эмфитевтическими* или *вкупленными*.

Землевладѣлецъ не имѣлъ при этомъ никакихъ судебныхъ или административныхъ правъ *) надъ сельскимъ населеніемъ. Эти права принадлежали исключительно королю и осуществлялись при помощи особыхъ судебныхъ и административныхъ органовъ**).

Изъ этого сжатаго очерка мы видимъ, что относительно очень мягкія формы крѣпостнаго права возникли въ Чехіи путемъ добровольнаго соглашенія и что даже въ этой мягкой формѣ оно не было явленіемъ общимъ для всей страны, а только *спорадически* существовало въ феодальныхъ помѣстьяхъ. Таковыхъ же при очень позднемъ водвореніи феодализма въ Чехіи (не раньше XIII в.) сравнительно было весьма немного.

Какъ мы дальше увидимъ, крѣпостное право было настолько спорадическимъ явленіемъ въ Чехіи, что чешскіе юристы начала XV вѣка не знаютъ его иначе, какъ институтъ чешскаго общественнаго права. Но, тѣмъ не менѣе, мы ничуть не намѣрены отрицать того, что незадолго до гусситскаго движенія, по мѣрѣ того, какъ короли для усиленія своей власти увеличиваютъ число своихъ ленниковъ,—по мѣрѣ того, слѣдовательно, какъ увеличивается число не столь уже свободныхъ, какъ встарину, земледѣльцевъ,—въ Чехіи подготовляется почва для экономическаго неудовольствія, появляется извѣстное экономическое стѣсненіе. Мы только настаиваемъ на своемъ правѣ мягко говорить объ «извѣстномъ стѣсненіи», такъ какъ сравнительный матеріалъ покажетъ намъ, какъ безконечно хуже было тѣмъ, напримѣръ, крестьянамъ, которые чрезъ сто лѣтъ послѣ таборитовъ подняли

*) Какъ въ феодальной Европѣ.

**) *Brauner*, Ueber die Robot und Robot-Ablösung, стр. 17—19.

знамя соціальнаго возстанія въ Германіи. Въ напечатанномъ уже нами очеркѣ болгарскаго богомильства (*Слово* 1879 г., кн. 4) мы провели параллель между соціально-экономическимъ положеніемъ болгарскаго крестьянства и французскаго и показали, что уровень благосостоянія болгарскаго крестьянина былъ относительно сносенъ, между тѣмъ какъ французскій Жакъ Бономъ, подобно безсловесному скоту, работалъ исключительно для обогащенія своего господина. Это сопоставленіе и дало намъ основаніе назвать жакеріи чисто-экономическимъ протестомъ, а въ богомильствѣ видѣть главнымъ образомъ стремленіе свободнаго духа возстановить попранную правду и справедливость.

Точно также и теперь мы сравненіемъ экономическаго положенія чешскаго народа и сосѣдняго нѣмецкаго постараемся показать, что гусситско-таборитское движеніе и крестьянскія войны ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть подведены подъ одну категорію. Въ Германіи больше десяти вѣковъ неслыханнаго угнетенія привели ко взрыву, въ Чехіи же сто лѣтъ несравненно меньшаго стѣсненія привели къ еще болѣе сильному протесту. Вотъ почему протестъ этотъ нельзя назвать экономическимъ. Быстрота его и сила показываютъ, какъ сильно было въ чешскомъ народѣ развито чувство равенства и справедливости, какъ сильно было стремленіе жить при порядкахъ, которые ничѣмъ не оскорбляли бы чувства человѣческаго достоинства. Тутъ, слѣдовательно, на первомъ планѣ не то, что чешскому народу, какъ нѣмецкому, затянули горло, такъ что протестъ былъ явленіемъ неизбѣжнымъ и почти рефлективнымъ. Объ этомъ въ Чехіи, по единодушному отзыву изслѣдователей всѣхъ оттѣнковъ, не было и рѣчи. Вотъ почему мы и въ правѣ сказать, что окраску гусситско-таборитскому движенію даетъ не слабое экономическое неудовольствіе, но совсѣмъ другія движенія народной души. Несомнѣнно, что важнѣйшую часть таборитскаго ученія составляютъ его экономическія требованія, его протестъ противъ всякаго экономическаго порабощенія. Но, выдвигая эти принципы, табориты исходили не изъ существующихъ фактовъ, а изъ чисто-нравственнаго требованія, чтобы всѣ люди были братья между собою.

Подтвердимъ свое увѣреніе еще нѣкоторыми фактами.

Насколько слабо было экономическое стѣсненіе, насколько вновѣ было въ Чехіи крѣпостное право около времени гусситскихъ войнъ, видно изъ той робости, съ которою оно практиковалось. Основнымъ признакомъ понятія о крѣпостномъ правѣ является

несомнѣнно запрещеніе покидать обрабатываемую землю. У насъ въ Россіи крѣпостное право считается съ того дня, когда Борисъ Годуновъ издалъ такой указъ. Въ Чехіи не только не было издано такого указа, но, напротивъ того, существовалъ спеціальный законъ Карла IV-го, изданный нѣсколько десятковъ лѣтъ до начала гусситскихъ войнъ, которымъ всякому крестьянину дозволялось оставлять землю, имъ обрабатываемую [1]). Стѣсненіе же заключалось въ томъ, что были установлены извѣстныя формальности, которыя нѣсколько затрудняли свободный переходъ. Такъ, наприм., въ 1380 г. въ Моравіи былъ изданъ законъ, запрещавшій давать пріютъ тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ не было полнаго разсчетнаго листа съ землевладѣльцемъ [2]). Такимъ образомъ мы видимъ, что усилившаяся власть господъ не осмѣливается открыто выступить противъ народа и старается обдѣлывать свои дѣла съ помощью мелкихъ, незамѣтныхъ, придирокъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что современники, сравнивая чешскій народъ съ другими, считаютъ его вполнѣ свободнымъ. Такъ, напримѣръ, одинъ чешскій писатель XIV столѣтія утверждаетъ, что несвободные люди извѣстны въ Чехіи только изъ исторіи [3]) (намекъ на уничтоженное Владиславомъ I рабство). Знаменитый чешскій философъ XIV ст., Ѳома Штитный, съ удареніемъ говоритъ: «Swobodit' jsu lidé; jestlit' panê dêdina, člověkt' jest Bożi [4]). (Всѣ люди свободны; если помѣстья и принадлежатъ господамъ, то человѣкъ все-таки принадлежитъ одному Богу.)

Наконецъ сохранилось еще одно въ высшей степени важное свидѣтельство о положеніи чешскихъ «крѣпостныхъ», которое, пожалуй, дѣлаетъ излишнимъ весь рядъ приведенныхъ выше фактовъ.

Въ 1383 году нѣкій заграничный схоластикъ Ранконисъ де-Ерицино, получившій свое юридическое образованіе внѣ Чехіи, выступилъ въ Прагѣ съ трактатомъ, въ которомъ, въ цѣляхъ увеличенія церковныхъ богатствъ, доказывалъ, что чешскіе крестьяне—крѣпостные и имѣютъ только пользованіе землею (rustici sunt riboldi et servi, solum nudum usum habentes). Но онъ былъ блистательно побитъ пражскимъ генеральнымъ викаріемъ Кунешомъ, отличнымъ знатокомъ каноническаго и туземнаго права,

---

[1]) *Denis*, стр. 33.
[2]) Ibid.
[3]) *Palazky*, Band. II, Abth. I, стр. 35.
[4]) *Thomasa*.

который на строгой почвѣ фактовъ доказалъ всю несостоятельность утвержденія иностраннаго юриста, воспитаннаго на общеевропейскихъ понятіяхъ и потому смотрѣвшаго на чешскихъ крестьянъ тоже съ общеевропейской точки зрѣнія. Въ началѣ отвѣта Кунешъ (или Кунзо, какъ онъ зоветъ себя по-латыни) старается убѣдить Ранкониса общенравственными соображеніями. Онъ доказываетъ схоластику, что его утвержденіе «жестоко и дико», что оно «*противорѣчитъ естественному равенству*» и что, наконецъ, оно идетъ «наперекоръ евангельскому благочестію». Затѣмъ Кунешъ переходитъ на практическую почву туземнаго права и между прочимъ ссылается на «общественное сознаніе» (experientia publica) въ доказательство того, что «въ Богемскомъ королевствѣ крестьяне свободны, а не рабы». Много еще разъ подчеркиваетъ викарій, что «*крестьяне нашей страны*» свободны, и наконецъ въ заключеніе энергически говоритъ: «*Итакъ, крестьяне платятъ только оброкъ, но они не крѣпостные и не временно только имѣютъ пользованіе землею: они полные обладатели своего имущества и своихъ правъ*» («Sunt ergo incolae rustici emphyteutici et censitae—et non sunt servi vel usuarii, sed rerum suarum et jurium veri domini» *).

Насъ въ данномъ случаѣ не столько интересуетъ самая побѣда Кунеша, сколько одна возможность спора. Во Франціи или Германіи на Ранкониса посмотрѣли бы какъ на человѣка, доказывающаго, что дважды два четыре, а на Кунеша—какъ на сумасшедшаго. Хорошъ бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ, еслибы съ людьми общественнаго строя, основаннаго на крайнемъ неравенствѣ, вдругъ заговорилъ о какомъ-то «*естественномъ равенствѣ*».

Чтобы дорисовать условія народнаго быта въ эпоху непосредственнаго возникновенія гусситско-таборитскаго движенія, прибавимъ, что извѣстная хроника Далимила указываетъ намъ на то, что *еще въ XIV столѣтіи населеніе каждой деревни состояло только изъ людей связанныхъ кровнымъ родствомъ* **).

Въ XVII столѣтіи, послѣ 30-тилѣтней войны, въ Чехіи дѣйствительно установилось нѣмецкое крѣпостное право ***) со всѣми своими тягостями. Но народъ не протестовалъ и безропотно сносилъ дотолѣ неизвѣстное угнетеніе. А сносилъ онъ его потому,

*) Tractatus magistri Cunsonis contra magistrum Albertum Ranconis de-Ericino въ «Fontes», т. II, стр. 51.

**) *Tomek*, Geschichte der Stadt., Band. I, стр. 61.

***) *Brauner*, стр. 21.

что былъ сломленъ духъ его,—тотъ самый духъ, который нѣкогда затопилъ кровью поля Чехіи за несравненно менѣе значительныя уклоненія отъ народныхъ идеаловъ добра и справедливости.

Приведемъ въ заключеніе цитаты изъ Шерра и Маурера, которыя покажутъ намъ, что мнѣніе объ отсутствіи въ Чехіи крѣпостнаго права, въ европейскомъ смыслѣ, основано па добросовѣстномъ сравненіи, что даже недоумѣніе профес. Гёфлера, мѣряющаго нѣмецкою мѣркой и потому считающаго гусситско-таборитское движеніе безпричиннымъ, вполнѣ понятно.

Сравненіе это важно не только въ виду только-что указанной цѣли, но и для того, чтобы показать стойкость нравственныхъ идеаловъ чешскаго народа, его способность отличать золото отъ мишуры, его умѣнье пользоваться хорошими сторонами цивилизаціи, отбрасывая при этомъ тѣ, которыя противорѣчатъ народнымъ понятіямъ о правдѣ и справедливости.

Дѣло въ томъ, что Чехія до Карла IV, то-есть до половины XIV столѣтія, была въ извѣстной вассальной зависимости отъ Германіи. Какъ по этой причинѣ, такъ еще и по многимъ другимъ, она находилась съ нею въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ государственныхъ, умственныхъ, торговыхъ. Такое близкое соприкосновеніе двухъ народностей не могло не повести къ сближенію чешскихъ и нѣмецкихъ нравовъ. И дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ Чехія и Германія представляли какъ бы одну страну. Дворъ, духовенство, высшее городское сословіе—все это въ обѣихъ странахъ имѣетъ одну и ту же нравственную или, вѣрнѣе, безнравственную физіономію. Но народной жизни это растлѣніе не коснулось: охотно заимствуя отъ нѣмцевъ просвѣщеніе, *выдвигая изъ своей среды множество умственныхъ работниковъ*, народная жизнь совершенно не желаетъ подчиниться другимъ сторонамъ нѣмецкой «культуры». Къ развращенному двору и къ забывшему свое назначеніе духовенству чешскій народъ относится съ отвращеніемъ, а въ своей средѣ продолжаетъ соблюдать старую чистоту нравовъ. Еще стойче онъ стоитъ за свои общественные идеалы, и нужно было очень крѣпко за нихъ держаться, чтобы такъ удачно въ продолженіе столькихъ столѣтій сопротивляться ослѣпляющему блеску «цивилизаціи», обыкновенно такъ побѣдоносно подчиняющей себѣ цивилизуемые народы. И только благодаря такой замѣчательной стойкости, цивилизаціи гнета и неравенства не удается развернуть въ Чехіи этихъ своихъ качествъ.

За то они развертываются пышнымъ цвѣтомъ въ Германіи.

Начнемъ сравненіе съ древнихъ временъ.

Въ Чехію рабство переходитъ изъ Германіи въ IX столѣтіи. Въ Германіи же оно извѣстно уже въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры *).

«Были въ Германіи свободные люди, но рабовъ было еще гораздо больше. Весь народъ распадался прежде всего на два большія сословія: на свободныхъ или привилегированныхъ—и на несвободныхъ или безправныхъ. Послѣдніе были значительно многочисленнѣе первыхъ. Сословіе свободныхъ и сословіе рабовъ подраздѣлились впослѣдствіи каждое на два разряда, именно: первое—на благородныхъ свободныхъ (Adalinge, Edelinge, въ старыхъ законахъ nobiles) и простыхъ свободныхъ (Gemeinfreie, ingenui или liberi), а второе—на крѣпостныхъ, обязанныхъ служить или платить оброкъ (Liten, liti) и на собственныхъ рабовъ (Schalke, servi). Рабы положительно становятся древними законами на одну доску съ животными. Нѣмецкій рабъ былъ вещью, товаромъ, орудіемъ мѣны: господинъ могъ бить его, увѣчить, убивать, потому что по древне-германскимъ судебнымъ уставамъ только свободные люди находились подъ покровительствомъ законовъ. Крѣпостные, или литы, отличались отъ шальковъ тѣмъ, что имъ были предоставлены отъ господъ участки земли для обработки и для пользованія за извѣстныя услуги и уплату оброка и что они могли продаваться только вмѣстѣ съ тою землею, на которой они были поселены. Крѣпостному, конечно, было лучше, чѣмъ настоящему рабу, собственно въ томъ отношеніи, что ему представлялась возможность зарабатывать, наживаться и такимъ образомъ выкупаться впослѣдствіи изъ рабства, причемъ однако надо замѣтить, что потомки вольноотпущеннаго лита только въ третьемъ поколѣніи начинали пользоваться всѣми правами свободныхъ людей. Пока онъ былъ крѣпостнымъ, онъ, подобно рабу, не имѣлъ права жаловаться и появляться лично въ судѣ, а долженъ былъ выбирать себѣ представителя изъ свободныхъ людей. Какъ жестоко поступали съ рабами, видно уже изъ той статьи закона, что рабу, уличающему господина въ преступленіи, не слѣдуетъ давать вѣры. Чѣмъ больше безправность несвободныхъ, тѣмъ больше привилегіи свободныхъ: одни свободные имѣли право носить оружіе; они одни имѣли мѣсто и голосъ въ народномъ

*) *Шерръ*, «Исторія цивилизаціи въ Германіи», стр. 47.

собраніи (въ Чехіи судебные порядки были одни и тѣ же для *всего* населенія); они одни могли быть обвинителями, свидѣтелями и судьями; они одни могли исполнять обязанности жрецовъ. Такимъ образомъ богослуженіе, законодательство, администрація и судебная власть находились исключительно въ ихъ рукахъ. О демократической струѣ, проходящей черезъ древнегерманскую жизнь, можно поэтому говорить только въ томъ случаѣ, если ограничивать понятія *народъ* меньшинствомъ привилегированныхъ, господъ, свободныхъ. Собственно же для народа древне-нѣмецкая свобода состояла въ тяжелыхъ работахъ и лишеніяхъ, въ большихъ оброкахъ, въ барщинѣ и въ палочныхъ ударахъ. Его участь—участь крѣпостныхъ и рабовъ—была очень печальна. Онъ долженъ былъ работать для праздныхъ господъ и за каждый проступокъ подвергаться жестокимъ наказаніямъ. Безправный въ этой жизни, народъ не имѣлъ также надежды и на загробное блаженство: только свободнымъ людямъ былъ открытъ доступъ въ Валгаллу Одина» *).

Если сравнить эту характеристику съ картиной древне-славянской или, въ частности, древне-чешской жизни, не знавшей ни рабовъ, ни крѣпостныхъ, ни жрецовъ, и если сопоставить ее съ словами Козьмы: «всѣ люди равны отъ природы»,—словами, сказанными шесть вѣковъ позже охарактеризованнаго Шерромъ времени, т. е. тогда, когда краски этой характеристики стали еще несравненно гуще,—то едва ли нужно быть «славянофиломъ», чтобы видѣть въ демократичности черту спеціально-славянскую, которая, конечно, не могла не отразиться самымъ кореннымъ образомъ на дальнѣйшемъ развитіи соціально-политическаго строя Чехіи.

Перейдемъ къ болѣе позднимъ временамъ.

Положеніе несвободныхъ людей всего менѣе улучшалось. Несвободные люди по-прежнему составляютъ цѣльную хозяйственную статью съ «любезнымъ скотомъ» (mit dem lieben vieh), какъ выражается Мауреръ **). Средне-вѣковые документы всегда выражаются такъ: «когда чьи-нибудь вещи (res), будь то крѣпостные, или скотъ, или золото, или серебро» и т. д. ***). Если, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшей исторіи, отдѣльныя личности начинаютъ вдумываться въ исповѣдываемое ими ученіе Того, кто

*) Ibid., стр. 48.

**) *Maurer*, Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland, Band. I, стр. 7 и слѣд.

***) Ibid, стр. 8.

населялъ свое царство неимущими, если появляется Маргарита Фландрская, освобождающая всѣхъ крѣпостныхъ своего графства [1]), то въ общемъ положеніе сѣраго деревенскаго люда все-таки остается ужасающимъ.

«Имущество, честь и жизнь крѣпостнаго крестьянина находились въ рукахъ господина и зависѣли отъ его произвола. Крестьянинъ не только подвергался всякимъ истязаніямъ, съ нимъ просто обращались какъ съ вещью, его продавали какъ скотину. Привычка смотрѣть на крѣпостныхъ какъ на движимую собственность господина породила и другую привычку—тѣшить, во время распрей, страсть къ разрушенію надъ личностями, хижинами и полями крѣпостныхъ» [2]).

«Кромѣ физическихъ мученій феодальное высокомѣріе изобрѣтало еще и нравственныя, съ цѣлью задушить въ крестьянинѣ послѣднюю искру чувства собственнаго достоинства. Бракъ крѣпостныхъ обоихъ половъ зависѣлъ отъ разрѣшенія владѣльца имѣнія или же его управляющаго» [3]).

Рядомъ съ этимъ господинъ имѣлъ право заставить крѣпостнаго жениться на указанной ему невѣстѣ [4]). Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи господинъ также имѣлъ право провести съ новобрачной крѣпостной первую ночь.

Какъ индійскій парія, нѣмецкій крѣпостной оскверняетъ того, кто съ нимъ вступалъ въ близкія сношенія. Если свободный человѣкъ женился на крѣпостной, онъ самъ становился крѣпостнымъ въ силу поговорки: «если ты садишься на мою курицу, то ты становишься моимъ пѣтухомъ» [5]).

«Надо только удивляться тому,—скажемъ мы въ заключеніе словами Шерра,—какимъ это образомъ крестьянинъ ухитрялся жить, просто въ физическомъ смыслѣ, при всѣхъ барщинныхъ работахъ и поборахъ, которые ему предстояло исполнять и выплачивать, при всѣхъ налогахъ, начиная съ десятины и оброка и кончая лучшею штукой изъ крупнаго и мелкаго скота, оброчною курицей и оброчнымъ яйцомъ. Правда и то, что въ годину неурожая голодъ истреблялъ бѣдныхъ людей такъ, какъ ноябрскій морозъ губитъ мухъ» [6]).

---

[1]) Ibid, Band. II, стр. 80.
[2]) *Шерръ*, стр. 253.
[3]) Ibid.
[4]) *Maurer*, Band. II, стр. 88.
[5]) Ibid, стр. 84.
[6]) *Шерръ*, стр. 253.

III.

Рядъ фактовъ показалъ намъ въ предыдущей главѣ, что если чешскій народъ въ эпоху возникновенія гусситства и испытывалъ извѣстное экономическое стѣсненіе, то интенсивность этого стѣсненія все-таки слишкомъ ничтожна, чтобъ объяснить грандіозные размѣры движенія. Перейдемъ поэтому къ другой причинѣ народныхъ протестовъ—къ политическому гнету. Посмотримъ, можно ли этимъ факторомъ объяснить бурю народныхъ страстей, перевернувшую вверхъ дномъ все зданіе чешскаго государственнаго строя.

Выше были указаны объемы и характеръ верховной власти въ старой Чехіи. Чешскій князь былъ по стольку глава власти, по скольку въ такой власти нуждалась страна. Потомки Премысла всегда помнили свое происхожденіе, всегда помнили, что они сильны только народнымъ выборомъ, и потому ни о какихъ «излишествахъ» власти не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что всякій мало-мальски важный вопросъ обсуждался всѣмъ народомъ *).

Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ проникновенія въ Чехію нѣмецкой «культуры», власть королей начинаетъ усиливаться. Короли раздаютъ принадлежащія имъ земли своимъ приближеннымъ и нѣмецкимъ колонистамъ на началахъ, выработанныхъ феодальною Европой, и на первыхъ порахъ создаютъ себѣ этимъ опору помимо народной массы. Поэтому мы замѣчаемъ исчезновеніе нѣкоторыхъ обычаевъ, наглядно показывавшихъ тѣсный союзъ королевской и народной власти. Такъ, напримѣръ, Оттокаръ I при коронованіи сына своего Вячеслава (1278 г.) считаетъ возможнымъ обойтись безъ древне-чешской церемоніи **), состоявшей въ томъ, что избранный князь въ простой одеждѣ подходилъ къ каменному, высѣченному въ скалѣ, престолу и только сѣвши на него облекался въ пышный княжескій костюмъ. Съ этихъ поръ о старой, полной глубокаго смысла, церемоніи совершенно забыли.

Чтобъ увеличить свое обаяніе, королевская власть окружаетъ себя великолѣпіемъ, о которомъ чешская старина на имѣла понятія. Средства для этого великолѣпія черпаются не столько въ увеличеніи налоговъ, которые народъ выплачивалъ крайне неохотно, сколько въ доходахъ съ богатѣйшихъ рудниковъ, открытыхъ въ Кутной горѣ. Въ началѣ XIV столѣтія рудники Кутно-

*) *Dudik*, Band. IV, стр. 297, и *Иречекъ*, «О госуд. управленіи».
**) *Palacky*, Band. II, Abth. I, стр. 191.

[illegible] ежегоднаго дохода 100.000 марокъ серебра (около [illegible] гульденовъ)—сумма для того времени грандіозная. [illegible] средства не трудно было дивить всю Европу роскошью [illegible] жизни. И мы дѣйствительно видимъ, что чешскіе ко[illegible] не пропускаютъ ни одного случая, чтобы щегольнуть своимъ [illegible]ством. Оттокаръ II заслужилъ названіе самаго блестящаго государя своего времени. Сынъ его Вячеславъ II устроилъ по случаю своего коронованія такой пиръ на весь міръ, что нѣмецкіе лѣтописцы поставили его по великолѣпію выше пиршествъ ассирійскихъ царей *). И дѣйствительно, роскошь была сказочная. Со всѣхъ сторонъ Европы было приглашено несмѣтное количество гостей. Ихъ съѣхалось столько, что изъ королевскихъ запасовъ отпускалось корму на 191.000 лошадей. Одинъ Альбрехтъ австрійскій пріѣхалъ со свитою изъ 7.000 всадниковъ. Всю эту массу народа, а также и пражанъ, угощали по-царски. На площадяхъ устроили фонтаны, въ которыхъ была не вода, а прекрасное вино. Одной только живности было съѣдено на 800 марокъ серебра (около 16.000 гульденовъ). Для почетныхъ гостей были выстроены великолѣпныя палаты, вся внутренность которыхъ была покрыта драгоцѣнными матеріями и коврами. Коронаціонный плащъ стоилъ больше 4.000 марокъ (80.000 гульд.); мечъ, который несли впереди короля, стоилъ 3.000 марокъ; посуда, на которой угощали знатныхъ гостей, стоила 6.000 марокъ. Но самое удивительное были кольца, ожерелья, поясъ и шляпа короля, украшенныя такими драгоцѣнностями, что никто не рѣшался опредѣлить имъ цѣну**). Въ болѣе позднюю эпоху, да и не въ Чехіи, одной такой картины было бы достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе о народныхъ тягостяхъ и силѣ верховной власти. Наприм. въ Версали Людовика XIV каждый фонтанъ билъ народными слезами, каждая аллея взращивалась народнымъ потомъ. Но средневѣковое государственное хозяйство было устроено иначе. Короли имѣли регаліи, доходъ съ которыхъ избавлялъ ихъ отъ необходимости часто обращаться къ народу съ просьбою денегъ. Въ Чехіи это общее правило имѣло особенное примѣненіе, благодаря большимъ природнымъ богатствамъ страны. Что же касается обаянія роскоши, которое обыкновенно усили-

*) „Rex Boëmiae, filius Ottochari, curiam celebravit, qualem numquam aliquis regum, nec Assyrius, nec Solomon creditur celebrasse". *Palazky*, Band. II, Abth. I, стр. 343.

**) Ibid., стр. 343, 344 и 345.

ваетъ авторитетъ власти, облекаетъ ее ореоломъ чего-то высшаго, то блескъ чешскаго двора производилъ совершенно обратное дѣйствіе. Появляется цѣлый рядъ проповѣдниковъ, какъ Конрадъ Вальдгаузеръ, Миличъ Кремзирскій, Ѳома Штитный, которые громятъ мишурный блескъ и взываютъ къ простотѣ предковъ. Королевская власть дискредитируетея ихъ проповѣдью, потому что проповѣдь эта попала на наболѣвшее мѣсто—на приверженность къ безхитростной старинѣ, на любовь къ равенству.

Кромѣ блеска и робкихъ попытокъ ввести феодализмъ, усиленіе королевской власти ничѣмъ не проявлялось. Чрезвычайно характерно, что попытки эти относятся къ тому времени, когда въ остальной Европѣ феодализмъ сталъ отживать свое время и уступалъ мѣсто абсолютизму. Карлъ IV чешскій и Людовикъ XI французскій были почти современники; а между тѣмъ одинъ изъ нихъ велъ борьбу съ феодализмомъ на жизнь и смерть, а другой—и то былъ чешскій король—видѣлъ въ немъ опору своей власти. Гусситству пришлось такимъ образомъ имѣть дѣло не съ полнымъ строемъ феодализма, а только съ самымъ зародышемъ его.

Къ выгодѣ народа, союзъ королевской власти и феодальной продолжался не долго. Онѣ начинаютъ враждовать между собой и этимъ взаимно ослабляютъ другъ друга. Исторія Чехіи въ эпоху возникновенія гусситства представляетъ не мало примѣровъ открытой борьбы короля съ нѣкоторыми изъ могущественныхъ феодаловъ. Побѣда была то на одной сторонѣ, то на другой, а въ концѣ концовъ теряли оба. Слабое развитіе крѣпостнаго права въ Чехіи показываетъ, что чешскій феодализмъ совершенно не достигъ своей главной цѣли—низведенія народа на степень скота; а что касается королевской власти, то какая же это была власть, которая даже не имѣла возможности свободно распоряжаться чешскимъ войскомъ, то-есть была лишена той матеріальной поддержки, безъ которой власть совершенно безсильна въ достиженіи личныхъ цѣлей? Лишенная главной опоры, власть чешскихъ королей была ограничена въ наиболѣе важныхъ случаяхъ.

«Каждый разъ, когда поднимались важные вопросы, касавшіеся всего государства, напримѣръ: о престолонаслѣдіи, уступкѣ областей королевскимъ принцамъ, приданомъ королевскимъ принцессамъ, важныхъ мирныхъ трактатахъ съ сосѣдними государями, введеніи новыхъ органическихъ законовъ, обложеніи чрезвычайнымъ налогомъ и т. п ,—созывались не только всѣ сословія

Чехіи, но и депутаты отъ всѣхъ коронныхъ земель (Силезіи, Моравіи и Лузаціи) и испрашивалось ихъ согласіе на предлагаемыя мѣры» *).

Такимъ образомъ видѣть въ гусситско-таборитскомъ движеніи протестъ противъ королевскаго деспотизма—вещь совершенно немыслимая. Не слѣдуетъ забывать, что чешскіе сеймы не были собраніемъ однихъ только привилегированныхъ сословій, какъ въ Германіи,—*въ чешскихъ сеймахъ принималъ участіе весь народъ, кромѣ крѣпостныхъ* **). Исключеніе крѣпостныхъ, конечно, отнимаетъ возможность видѣть въ чешскомъ государственномъ устройствѣ идеальное народовластіе въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Contrat Social. Но если удовлетвориться существующими въ наше время демократическими конституціями, если даже смотрѣть съ точки зрѣнія Suffrage Universel, то чешскій государственный строй конца XIV и начала XV ст. вполнѣ подойдетъ подъ эту категорію. Вѣдь мы уже знаемъ, что число крѣпостныхъ было настолько ничтожно въ Чехіи эпохи гусситскихъ войнъ, что даже лучшіе чешскіе юристы не знаютъ о немъ иначе, какъ объ институтѣ чешскаго права. Слѣдоват. мы безъ всякой натяжки можемъ сказать, что «народъ» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова принималъ участіе въ государственной жизни: къ «народу» въ тѣсномъ смыслѣ принадлежитъ огромная масса свободныхъ крестьянъ и даже такъ-называемое низшее дворянство, мало чѣмъ отличавшееся отъ простыхъ крестьянъ.

Притомъ же здѣсь рѣчь идетъ объ ограниченіи королевскаго произвола, для чего достаточно несравненно менѣе полнаго народовластія. Въ Англіи и Франціи королевская власть была сломлена третьимъ сословіемъ, которое, конечно, только по недоразумѣнію можетъ быть принято за весь народъ.

Нѣкоторые отдѣльные случаи «ограниченія» королевской власти интересны какъ иллюстраціи отношеній страны къ своему повелителю.

Янъ Люксенбургскій († 1346), основатель новой династіи на чешкомъ престолѣ, имѣлъ необыкновенно сильныя рыцарскія наклонности. Выше всего на свѣтѣ для него было пріобрѣсть славу истиннаго рыцаря, поэтому онъ вѣчно рыскалъ по Европѣ, участвовалъ во всѣхъ турнирахъ, предпринималъ разные нелѣпые по-

*) Ibid. Band. III, Abth. II, стр. 13.
**) Dudik, Band. IV, стр. 297.

ходы и въ концѣ концовъ добился-таки своего: онъ сталъ знаменитѣйшимъ рыцаремъ своего времени. Старинная французская поэма выражается о немъ такъ:

Pren garde au bon roi de Beheigne (Bohème),
Qu'en France et en Allemaigne,
En Savoie et en Lombardie,
En Dannemarche et en Hongrie,
Et la pris (prix) et honneur conguerre.

Для такой жизни нужно было много денегъ. Рыцарскія правила требовали щедрости. Та же поэма говоритъ:

Il donnait fiés (fiefs), joyaux et terres,
Or, argent.

На все это кутногорскихъ богатствъ не хватало, тѣмъ болѣе, что и войско, какъ мы уже знаемъ, приходилось, въ силу органическаго закона Чехіи, содержать на свой счетъ. И вотъ рыцарь-король начинаетъ занимать въ разныхъ странахъ деньги. Какъ человѣку нѣмецкаго происхожденія, ему казалось вполнѣ естественнымъ, что уплата его долговъ есть дѣло «національное». Разсчеты его однакоже оказались ошибочными, — сеймъ на-отрѣзъ отказался. Только послѣ того, какъ король торжественно далъ документальное удостовѣреніе, что уплатой его долговъ страна освобождается отъ слѣдуемой по закону дачи приданаго королевскимъ дочерямъ, сеймъ согласился на установленіе единовременнаго налога въ пользу королевскихъ кредиторовъ *).

Но не въ однихъ денежныхъ дѣлахъ чешскіе короли не могли распоряжаться по своему усмотрѣнію. Всякій сколько-нибудь важный законъ только тогда становился имъ, если онъ не противорѣчилъ обще-чешскому міросозерцанію. Въ 1355 году одинъ изъ наиболѣе властолюбивыхъ королей Чехіи, Карлъ IV, предложилъ на усмотрѣніе сейма составленный имъ и введенный въ Германіи новый судебникъ, такъ-называемую Majestas Carolina. Карлъ IV былъ одновременно императоромъ германскимъ и королемъ чешскимъ, и вотъ ему хотѣлось установить во всемъ своемъ государствѣ однѣ и тѣ же юридическія нормы. Нужно замѣтить, что для своего времени Majestas Carolina была явленіемъ прогрессивнымъ, потому что она значительно ослабляла силу средневѣковыхъ ордалій. Но въ то же время она вводила въ судопроизвод-

*) *Palacky*, Band. II, Abth. II, стр. 157.

ство чрезвычайный формализмъ и буквоѣдство. Чехи были довольны своимъ безхитростнымъ старымъ судопроизводствомъ, при которомъ тяжущіеся являлись и защищались какъ кто умѣлъ, что совершенно устраняла Majestas Carolina, вводившая римско-каноническіе порядки. Вотъ почему сеймъ отвергъ проектъ короля и Карлъ IV, чтобы какъ-нибудь затушевать свой позоръ, объявилъ, что проектъ Majestas сгорѣлъ и онъ потому оставляетъ въ Чехіи старые порядки. Изъ этого факта иные могутъ заключить, что чехи отвергли новый судебникъ изъ консерватизма, изъ непониманія «истинной цивилизаціи». Такое заключеніе было бы совершенно невѣрно, потому что, отвергши въ общемъ казуистическое судопроизводство, сеймъ все-таки принялъ отдѣльные пункты Majestatis Carolinae, именно тѣ, которые касались отмѣны варварскихъ ордалій *).

Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ образчиковъ степени власти чешскихъ королей, потому что и приведенные выше показываютъ, что политической свободы въ Чехіи было достаточно. На политической почвѣ не только такое грандіозное движеніе, какъ гусситское, но и простая фронда не имѣла бы возможности возникнуть въ Чехіи.

Прибавимъ только въ заключеніе одно свѣдѣніе, касающееся самаго момента гусситско-таборитскаго взрыва и дорисовывающее картину соціально-политическаго положенія Чехіи въ эпоху возникновенія революціоннаго движенія.

«Въ правленіе Вячеслава IV († 1419 г.) Чехія была страною наименѣе обложенною податями и поборами во всей Европѣ» **).

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого факта, слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что Чехія при Вячеславѣ IV не только вообще мало была обложена податями, но что она при этомъ королѣ была *меньше* обложена, чѣмъ при отцѣ Вячеслава—Карлѣ IV. Слѣдовательно относительно экономическаго положенія въ народѣ должно было господствовать извѣстное довольство, не могшее не усилить приверженности къ королевской власти. И дѣйствительно, исторія намъ свидѣтельствуетъ, что въ благодарность за то, что Вячеславъ «не обременялъ народъ бо́льшими податями, онъ былъ любимъ народомъ» ***). Король «самъ часто въ простой одеждѣ

*) Ibid, стр. 340—345.
**) Ibid, Band. II, Abth. I, стр. 30.
***) *Томекъ* стр. 337.

имѣлъ съ народомъ сношенія и такимъ образомъ наблюдалъ за сохраненіемъ закона и справедливости» *).

Во всѣхъ народныхъ протестахъ послѣдній король-тиранъ или послѣднія стѣснительныя тягости играютъ значительную роль. Своими недостатками Карлъ I ускорилъ революцію 1649 года, своею жестокостью вызвалъ Яковъ II революцію 1688 года, своею нероновскою кровожадностью Христіанъ II заставилъ шведовъ взяться за оружіе. Людовикъ XII самъ по себѣ не возбудилъ бы, конечно, народнаго протеста, но система его предшественниковъ продолжала держаться. Рана, слѣдовательно, продолжала зіять, продолжала гноиться, причинять смертельныя муки и отвѣтственнымъ за нихъ, по всей справедливости, являлся лично благонамѣренный Людовикъ XVI. Карлъ X, Фердинандъ Бомба и т. д., и т. д.... Было бы слишкомъ утомительно перечислять всѣхъ сверженныхъ, изгнанныхъ королей, королевъ, герцоговъ, — всѣ они своею личностью служили окончательнымъ толчкомъ назрѣвавшей революціи, всѣ они какими-нибудь своими распоряженіями вызывали финальный взрывъ. Въ чешскомъ же движеніи, которое и безъ того не имѣло причинъ жаловаться на политическій или экономическій гнетъ, не было даже этой послѣдней капли, переполняющей чашу народнаго долготерпѣнія.

IV.

Но можетъ-быть гусситско-таборитское движеніе было протестомъ національнымъ? Можетъ-быть дѣло просто сводится къ борьбѣ двухъ расъ?

Въ отвѣтъ на это прежде всего слѣдуетъ сказать, что національную вражду уже по тому одному нельзя причислить къ *первостепеннымъ* факторамъ этого движенія, что къ началу его были устранены всѣ причины, которыя могли бы питать національное озлобленіе. Національная вражда зачинается въ Чехіи лѣтъ за двѣсти, до проповѣди Гусса, вызываетъ въ теченіе этихъ двухъ столѣтій рядъ протестовъ, болѣе или менѣе сильныхъ, и дѣло кончается тѣмъ, что чехи становятся полными господами своей страны, отодвигая прежде торжествовавшихъ нѣмцевъ на второй планъ. Эта окончательная побѣда относится какъ разъ къ началу XV вѣка, то-есть къ началу разсматриваемаго нами теперь

*) Ibid.

движенія. Но, конечно, воспоминанія о только-что окончившейся борьбѣ были еще свѣжи и не одинъ кровавый эпизодъ гусситскихъ войнъ произошелъ подъ ихъ впечатлѣніемъ.

«Въ эпоху отъ Премысла-Оттокара перваго († 1230) до короля Яна († 1346) нѣкоторое время дѣло шло о томъ, быть или не быть чешскому народу и его языку. Когда прекратился старинный княжескій родъ; когда, по его примѣру, шляхта начала жить по-нѣмецки; когда нѣмецкимъ пришельцамъ отданы были лучшіе города для производства городскихъ ремеслъ и на всей границѣ протянулась полоса нѣмецкихъ земледѣльческихъ колоній, проникшихъ мѣстами и въ глубь Чешской земли,—тогда могло показаться, что для славянскаго племени въ Чехіи настала такая же тяжелая участь, какою оно было уничтожено въ Мейссенѣ, въ Бранденбургѣ, въ Силезіи, въ Поморіи и въ другихъ мѣстахъ» *).

Послѣднее, однако, не произошло потому, что въ Бранденбургѣ и Поморіи нѣмцы натолкнулись на первобытный народъ, а въ Чехіи общеевропейская образованность еще въ XII вѣкѣ стояла на довольно высокой ступени развитія. Но все-таки нѣмцы были культурнѣе и потому на первыхъ порахъ Чехія не могла имъ оказать равносильнаго культурнаго противодѣйствія. Такая слабость длилась однако же не долго. Способные ученики, чехи, въ теченіе XIII столѣтія во всѣхъ отношеніяхъ догоняютъ своихъ учителей и уже въ самомъ началѣ XIV столѣтія начинается очень сильное національное движеніе. Къ этому времени относится знаменитая хроника Далимила, которая пріобрѣла самую широкую популярность. Она дышетъ ненавистью къ нѣмцамъ и полна самой возвышенной любви къ родной землѣ, родному народу, родному языку. Чехи желаютъ быть господами своей земли, тѣмъ болѣе, что они начинаютъ совершенно расходиться въ нравственныхъ понятіяхъ съ пришлыми нѣмцами.

Вражда чеховъ и нѣмцевъ ни въ какомъ случаѣ не была враждою двухъ расъ. Это была вражда двухъ различныхъ душевныхъ строевъ, двухъ міросозерцаній, другъ другу почти діаметрально противоположныхъ. Если сопоставить вольную славянскую общину и нѣмецкій феодализмъ, нѣмецкую средневѣковую распущенность и чистоту чешскихъ народныхъ нравовъ, нѣмецкую схоластику съ ея мертвящимъ буквализмомъ и духъ критики,

*) Ibid, стр. 300.

такъ рано пробудившійся въ Чехіи,—если все это добросовѣстно сравнить, то мы должны будемъ вполнѣ оправдать чеховъ, которые возненавидѣли нѣмецкихъ пришельцевъ, внесшихъ духъ разложенія въ старую чешскую простоту.

И чехи были еще вдвойнѣ правы въ своихъ національныхъ чувствахъ, такъ какъ они вовсе не требовали изгнанія нѣмцевъ или уменьшенія ихъ правъ, а желали лишь отмѣны *привилегій*, данныхъ пришельцамъ въ ущербъ правамъ кореннаго населенія.

«Король бегемскій долженъ поставить свой народъ во главѣ, а не въ хвостѣ,—пишетъ одинъ изъ чешскихъ патріотовъ, Янъ Іесеница.—Ему должно быть удѣлено первое мѣсто, а не послѣднее. Какъ каноническій законъ, такъ и гражданскій согласны между собою въ томъ, что управленіе должно быть въ рукахъ туземцевъ» *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что чешскій патріотизмъ не предъявлялъ никакихъ исключительныхъ требованій. Въ сущности эти требованія не были даже вполнѣ національнаго характера, а носили на себѣ довольно сильный политическій оттѣнокъ. Дѣло въ томъ, что, раздавая свои земли нѣмецкимъ эмигрантамъ, чешскіе короли создавали себѣ опорный пунктъ помимо большинства населенія и этимъ, конечно, усиливали свою власть въ ущербъ народной.

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значеніе данныхъ нѣмцамъ привилегій и степень вызваннаго ими озлобленія. Давать привилегіи короли могли только въ городахъ, и то не во всѣхъ, а лишь въ такъ-называемыхъ «королевскихъ». Сельское же населеніе, то-есть тотъ элементъ, который придалъ гусситству его устойчивость, эти привилегіи мало затрогивали. Такъ, наприм., въ «королевскихъ» городахъ дѣйствительно «нѣмецкіе колонисты были главными панами; языкъ ихъ введенъ былъ въ судахъ и городскихъ учрежденіяхъ; его употребляли устно, а впослѣдствіи также частію въ грамотахъ, наравнѣ съ самымъ употребительнымъ до тѣхъ поръ латинскимъ; источники (кодексы) нѣмецкаго права, по которому судили въ городахъ, были большею частью также писаны по-нѣмецки. Чешскіе жители городовъ, пока они находились тамъ вмѣстѣ съ нѣмцами, должны были учиться по-нѣмецки, если хотѣли имѣть хотя малѣйшее участіе въ ратманствѣ и городскихъ должностяхъ, или обойтись въ служебныхъ

*) *Denis*, стр. 80.

занятіяхъ безъ юридическихъ представителей или ораторовъ. По примѣру городовъ поступали городскія училища и духовенство въ костелахъ» *).

Такъ дѣла обстояли въ городахъ, гдѣ вначалѣ большинствомъ населенія были нѣмцы. Но только въ городахъ.

«Напротивъ того, языкъ чешскій не потерялъ нигдѣ привилегированнаго права своего въ *земскомъ* судопроизводствѣ, какъ въ округахъ, такъ и въ высшемъ судѣ въ Прагѣ. Юридическій языкъ сохранился тамъ во всей своей стародавней свѣжести при устномъ и открытомъ производствѣ, также какъ и самое право нигдѣ не отступало отъ первоначальнаго своего славянскаго происхожденія» **).

Слѣдовательно сильное озлобленіе противъ нѣмцевъ могло имѣть мѣсто только въ городахъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Сельское же населеніе, которое, какъ мы уже выше замѣтили, дало гусситству его главную силу, за исключеніемъ тѣхъ сравнительно немногочисленныхъ мѣстностей, гдѣ селились нѣмецкіе колонисты, не имѣло спеціальныхъ причинъ озлобляться. Если же мы во время гусситскихъ войнъ замѣчаемъ сильную ненависть къ нѣмцамъ именно среди простаго люда, т. е. главнымъ образомъ среди крестьянства, то это потому, что слова «нѣмецъ» и «католикъ» были тогда синонимами. Нѣмцы составляли ядро крестоноснаго ополченія, пришедшаго вернуть чеховъ въ лоно римской церкви, нѣмцы безпощадно раззоряли страну, нѣмцы являлись главнымъ препятствіемъ къ насажденію «царства Божьяго». Оттого-то ихъ такъ и возненавидѣли чешскіе сельчане. Но эта ненависть, повторяемъ, была самаго недавняго происхожденія и до гусситско-таборитскаго движенія была сильна только у чешскихъ горожанъ.

Но и озлобленія городскаго населенія, съ теченіемъ времени все увеличивавшагося, было достаточно, чтобы задолго до Гусса заставить королей измѣнить антинаціональную политику. Такъ, наприм., уже Карлъ IV «не поколебался дать постановленіе, чтобъ языкъ чешскій былъ въ свободномъ употребленіи въ городскихъ ратушахъ и чтобы поэтому ратманы въ королевскихъ городахъ не были только изъ нѣмцевъ, а также чтобы нѣмецкіе мѣщане, какъ живущіе между чехами, отдавали дѣтей своихъ учиться

*) *Томекъ*, стр. 303.
**) Ibid.

чешскому языку. При огромной автономіи, которою пользовались тогда городскія общества, законъ этотъ не удалось всюду провести легко, но онъ былъ большимъ подкрѣпленіемъ чешскому мѣщанству, усиливавшемуся все болѣе и болѣе» *).

Карлъ IV былъ вообще чешскій патріотъ и, будучи въ одно и то же время чешскимъ королемъ и германскимъ императоромъ, онъ отдавалъ предпочтеніе чешскому языку не только предъ нѣмецкимъ, но даже предъ латинскимъ, игравшимъ въ средніе вѣка такую же роль, какъ теперь французскій. Любовь къ родному нарѣчію была такъ сильна въ Карлѣ, что особенною статьей такъ-называемой «Золотой Буллы» онъ постановилъ, чтобы сыновья курфирстовъ и другихъ нѣмецкихъ князей учились чешскому языку, «какъ важному и необходимому въ государствѣ» **).

Такой же національной политики держался и преемникъ Карла, Вячеславъ IV. Особенно капитальныхъ постановленій для уравненія правъ чеховъ и нѣмцевъ ему издавать не зачѣмъ было, такъ какъ самое существенное въ этомъ направленіи уже было сдѣлано Карломъ. Націонализмъ Вячеслава выражался въ его тѣсномъ сближеніи съ народомъ и душевной симпатіи ко всему чешскому. Дворъ его былъ вполнѣ чешскій, а не нѣмецкій, какъ прежде. Одна только оставалась важная привилегія у нѣмцевъ—главенство въ Пражскомъ университетѣ. При Вячеславѣ и этотъ послѣдній остатокъ прежнихъ нѣмецкихъ льготъ съ большимъ эффектомъ уничтожается навсегда. При немъ произошелъ знаменитый споръ четырехъ «націй» въ Пражскомъ университетѣ, послужившій прелюдіей гусситскаго движенія. Этотъ споръ окончательно уравнялъ права чешской народности и даже доставилъ ей преобладаніе.

Подробностей его мы излагать не станемъ и только въ общихъ чертахъ напомнимъ о немъ читателю.

Сущность спора заключалась въ несправедливомъ устраненіи чеховъ отъ равномѣрнаго участія въ управленіи Пражскаго университета. При основаніи его подавляющее большинство студентовъ и профессовъ были нѣмцы и потому раздѣленіе на три иностранныя корпораціи или «націи», съ тремя рѣшающими голосами, и одну чешскую, съ однимъ голосомъ, было вполнѣ справедливо и не возбуждало неудовольствія въ чешской средѣ. Но съ теченіемъ времени количественное и качественное отношеніе «націи»

*) Ibid., стр. 305.
**) Ibid, стр. 319.

значительно видоизмѣняется. Студенты-иностранцы, стекавшіеся въ Прагу со всѣхъ концовъ Европы, по-прежнему составляютъ большинство, но уже далеко не такое подавляющее, какъ вначалѣ. Что же касается профессорскаго персонала, то славянскій элементъ составляетъ въ немъ половину; а если взять во вниманіе не только количество, но и качество, то гораздо болѣе половины, такъ какъ лучшіе профессора—тѣ, которые придавали Пражскому университету блескъ и значеніе—въ началѣ XV вѣка были всѣ чехи. Прежде, когда туземныхъ силъ было мало, университетъ не щадилъ средствъ, чтобы привлечь наиболѣе знаменитыхъ въ Европѣ магистровъ и докторовъ. Но когда чехи, быстро усвоивши себѣ общеевропейскую науку, выставили цѣлый рядъ первоклассныхъ ученыхъ, университету уже не было надобности вызывать дорого-стоющихъ крупныхъ иностранныхъ ученыхъ.

Такое перемѣщеніе центра тяжести Пражскаго университета естественно должно было вызвать въ чешской «націи» желаніе бо́льшаго вліянія на университетскія дѣла. Чехи потребовали себѣ половины голосовъ, находя, что въ чешскомъ университетѣ чехи должны по крайней мѣрѣ пользоваться *равными* правами. Но нѣмцы и слышать ничего не хотѣли, опираясь на данныя имъ когда-то привилегіи. И можетъ-быть долго еще продержалось бы безусловно-несправедливое распредѣленіе голосовъ, еслибы около 1409 года вопросъ о томъ, можно ли съ каѳедры обсуждать «еретическіе» пункты Виклефа, не обострилъ положенія. Нѣмцы желали наложить рѣшительный запретъ на нечестиваго англичанина, осмѣлившагося отрицать власть папы; чехи же и не думали имъ, возмущаться. Но такъ какъ юридическое большинство было на сторонѣ нѣмцевъ, то они и намѣрены были воспользоваться имъ, чтобы вполнѣ пресѣчь распространеніе идей оксфордскаго богослова. Эта нетерпимость, шедшая совершенно въ разрѣзъ съ назрѣвшимъ въ Чехіи стремленіемъ къ реформѣ, переполнила чашу долготерпѣнія чешской «націи» и своею настойчивостью она добивается у патріотически-настроеннаго Вячеслава такъ-называемаго «кутногорскаго декрета», по которому чехамъ было предоставлено имѣть три голоса, а всѣмъ иностраннымъ «націямъ», вмѣстѣ взятымъ, одинъ. Нѣмцы не снесли обиды, и въ 1409 году нѣмецкіе магистры и студенты, въ количествѣ 5.000 человѣкъ, въ торжественной процессіи, оставили Прагу навсегда.

Демонстрація вышла крайне внушительная. Часть пражскаго населенія была искренно огорчена. Это были тѣ лавочники, порт-

ные, сапожники и т. д., которые кормились студенческими заказами. Нельзя, конечно, отрицать и того, что потеря такого огромнаго числа слушателей была чувствительна также и для университета. Но для національной партіи удаленіе нѣмцевъ было однимъ изъ самыхъ блестящихъ тріумфовъ ея. Съ уничтоженіемъ университетскихъ привилегій пало послѣднее различіе между чехами и пришлыми нѣмцами,— они стали вполнѣ равноправны. *А это было все, къ чему стремились чешскіе патріоты.* Когда благороднѣйшаго изъ нихъ, Іоанна Гусса, упрекали въ узкомъ національнизмѣ, въ желаніи стѣснить права другихъ національностей, онъ съ негодованіемъ отвергалъ это. На Констанцскомъ соборѣ его обвиняли въ томъ, что онъ «изгналъ» нѣмцевъ изъ Праги только за то, что они — нѣмцы. «Христосъ знаетъ, — отвѣтилъ на это обвиненіе Гуссъ,—что я больше люблю хорошаго нѣмца, чѣмъ дурнаго чеха» *). Правдивость Гусса стоитъ слишкомъ высоко, чтобъ усомниться въ искренности его словъ. И такъ какъ Гуссъ былъ представителемъ всей чешской національной партіи, то мы изъ этого видимъ, что на своемъ знамени она написала принципъ равноправности, а ни въ какомъ случаѣ не поглощенія.

Впрочемъ для насъ въ данномъ случаѣ, то-есть въ вопросѣ о томъ, можно ли считать національную вражду первостепеннымъ факторомъ гусситскаго движенія, совсѣмъ и неважно, на широкихъ или узкихъ принципахъ покоился чешскій патріотизмъ. Для насъ рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что предъ самымъ началомъ движенія національныя стремленія чеховъ получили окончательное удовлетвореніе. Конечно, враждебное отношеніе обѣихъ народностей не прекратилось съ юридическимъ уравненіемъ ихъ правъ. Нѣмцы ненавидѣли чешскихъ «варваровъ», отрицавшихъ ихъ превосходство, а чехи еще живо помнили прежнее неравенство. Между чешскими вожаками были такіе, какъ Жишка, которые смертельно ненавидѣли нѣмцевъ.

Было бы крайне ненаучно съ нашей стороны отвергать, что на одушевленіе гусситскаго войска извѣстную долю вліянія имѣло желаніе отомстить тому народу, при посредствѣ котораго мутная волна средневѣковой распущенности нашла себѣ доступъ въ патріархальную Чехію,—тому народу, который внесъ въ вольную чешскую жизнь разлагающія начала феодальнаго гнета и нера-

*) *Petri de Mladenowics*, „Historia de fatis et actis M. Iohannis Huss". Constanciae, стр. 187.

венства. Но все-таки мы не можемъ тутъ усмотрѣть первостепеннаго фактора, потому что первостепенною причиной можно назвать только такую, которая сама по себѣ была бы въ состояніи произвести то или другое явленіе. А вотъ этого-то въ данномъ случаѣ никакъ вообразить себѣ нельзя. Чтобы въ самомъ дѣлѣ написало на своемъ знамени гусситско-таборитское движеніе, если-бо оно проистекало изъ національныхъ чувствъ?... Изгнаніе нѣмцевъ изъ Чехіи?—Но мы уже знаемъ изъ отвѣта Гусса, что ничего подобнаго не было въ намѣреніяхъ чешскихъ патріотовъ и дальнѣйшій ходъ событій намъ покажетъ, что въ минуты самаго блестящаго торжества своего чехи не трогали нѣмцевъ, если только тѣ не трогали ихъ. Во имя какихъ же другихъ національныхъ побужденій вожаки могли убѣдить народъ поднять кровавое знамя возстанія?... Во имя уравненія правъ?—Но оно было уже осуществлено. Значитъ во имя преобладанія чешской національности?—Но мы уже знаемъ, что къ юридическому преобладанію чешскіе патріоты не стремились, а что касается нравственнаго, то оно имѣло мѣсто. Дворъ былъ вполнѣ чешскій, высшее сословіе, уже съ половины XIV столѣтія, подъ вліяніемъ соперничества съ нѣмецкими горожанами, было настроено патріотически, а въ литературѣ идетъ такое сильное національное теченіе, такая страстная приверженность ко всему родному, которая послужила источникомъ къ неслыханному въ средневѣковой жизни явленію, а именно—къ замѣнѣ латинскаго языка чешскимъ не только въ произведеніяхъ изящной словесности, но даже въ спеціальныхъ, богословскихъ изслѣдованіяхъ. Если къ этому присоединить преобладаніе въ университетѣ, то мы должны будемъ признать, что интеллектуально-нравственный міръ Чехіи къ началу гусситско-таборитскаго движенія былъ вполнѣ свободенъ отъ иноплеменнаго стѣсненія.

Всѣ эти соображенія отнимаютъ у насъ всякое право считать гусситство національнымъ *протестомъ*, что, конечно, не мѣшаетъ ему быть *глубоко-національнымъ движеніемъ*.

V.

Перейдемъ теперь къ тому факту, который дѣйствительно имѣлъ большое вліяніе на возникновеніе гусситско-таборитскаго движенія—къ развращенности римско-католическаго духовенства, къ распущенности городскаго населенія и высшаго общества и, вообще, къ той великой порчѣ европейскихъ нравовъ, противъ

которой въ Чехіи раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, раздались громовыя слова цѣлаго ряда нравственныхъ проповѣдниковъ, подготовившихъ почву для евангельскихъ принциповъ Таборской горы.

Сосѣдство «цивилизованной» Германіи обошлось Чехіи не даромъ. Около половины XIII столѣтія мы уже наталкиваемся на грустныя подробности растлѣвающаго вліянія средневѣковой погони за мишурнымъ блескомъ. Высшее сословіе, не имѣя правовыхъ отличій отъ большинства народонаселенія, обособляется роскошью и этимъ мало-по-малу воздвигается стѣна между нимъ и народомъ, державшимся старо-славянской простоты.

«Многообразное столкновеніе съ нѣмцами, какъ дома, такъ и за границею, быстро ознакомляло чеховъ того времени съ успѣхами просвѣщенія, выходившими изъ западной Европы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ неизбѣжными (?) спутниками ихъ—всякаго рода тщеславіемъ и роскошью. Ознакомившись съ произведеніями культуры сосѣднихъ странъ, которыя вносились въ страну благодаря болѣе живымъ торговымъ оборотамъ, чешскіе дворяне и рыцари привыкли къ блестящему и расточительному образу жизни. Вошло въ обычай великолѣпное рыцарское одѣяніе, блестящіе шлемы съ пестрыми султанами, красивые панцыри и щиты, отмѣченные отличительными цвѣтами родовъ, аксамитовыя сукна, блещущія золотомъ, и кони, украшенные шелковыми попонами съ драгоцѣнными камнями и перлами. Рядомъ шли—шумный образъ жизни въ замкахъ, пиры, игра въ кости и другія пустыя удовольствія, страсть къ охотничьимъ забавамъ, большая пышность и мотовство. Во главѣ всего этого стоялъ дворъ короля Вячеслава (I-го), дававшій всему тонъ. Здѣсь было великолѣпіе, дотолѣ въ государствѣ невиданное. Король, съ раннихъ лѣтъ наклонный къ роскоши, не щадилъ коронныхъ доходовъ для того только, чтобы собрать около себя все, что могло способствовать роскошному образу жизни, по требованіямъ того времени. Его щедрость привлекала къ пражскому двору иностранцевъ всякаго рода: странствующихъ рыцарей, ознакомившихся съ наилучшими способами придворныхъ развлеченій въ чужихъ земляхъ; фигляровъ, совершавшихъ различные фокусы; любимыхъ нѣмецкихъ пѣвцовъ, забавлявшихъ дворянское общество стихотворными пѣснями о любви и приключеніяхъ. Король Вячеславъ и самъ пробовалъ свои силы въ сочиненіи нѣмецкихъ любовныхъ пѣсенъ по ихъ примѣру. Всѣ роды празднествъ, вся пышность мужскихъ и женскихъ одеждъ

и всякое великолѣпіе сосредоточивались на большихъ состязательныхъ играхъ или турнирахъ, происходившихъ при дворѣ. Блюстителемъ въ нихъ всѣхъ тѣхъ правилъ, которыя соблюдались и въ иныхъ земляхъ, былъ нѣмецкій рыцарь Ойиржъ изъ Фридберга, пришлецъ изчужа, особенный любимецъ короля Вячеслава. Для охотничьихъ забавъ король построилъ себѣ увеселительные охотничьи замки въ королевскихъ лѣсахъ, какъ, напр., небольшой замокъ Тыржовъ или Анорбахъ у Крживоклата» *).

Центромъ развращенности становится Прага, которую нравственные проповѣдники того времени называютъ не иначе, какъ Вавилономъ, великою блудницей, матерью разврата **). Народная нравственность возмущалась тѣмъ болѣе, что въ распущенности этой народъ былъ только негодующимъ зрителемъ. Прага была скорѣе нѣмецкимъ городомъ, чѣмъ чешскимъ, что видно изъ того, что первый проповѣдникъ, поднявшій голосъ противъ развращенности, былъ нѣмецъ (Конрадъ Вальдгаузеръ), говорившій свои проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ. Чешскіе же элементы Праги—высшее общество и духовенство—мало имѣли общаго съ большинствомъ населенія страны, которое отличалось въ то время замѣчательною чистотою нравовъ. Какъ доказательство этой нравственной чистоты, могутъ служить сочиненія Ѳомы Штитнаго, писателя очень рѣзкаго въ порицаніи, который съ величайшимъ уваженіемъ говоритъ о цѣломудренности чешскаго народа. Одно современное стихотвореніе, комментирующее десять заповѣдей, дойдя до седьмой, описываетъ ухищренія, какія долженъ былъ употребить дьяволъ, чтобы заставить молодую, прекрасную вдову... второй разъ выйдти замужъ ***). И рядомъ съ этой простою жизнью въ средѣ народной съ каждымъ годомъ развивалась въ городахъ, при дворѣ и въ замкахъ знатныхъ господъ «нѣмецкая цивилизація», многія черты которой скорѣе, однакоже, напоминали римскій лупанарій. Кто вспомнитъ, что въ средневѣковой Германіи императоры торжественно, на пергаментныхъ хартіяхъ, благодарили магистраты нѣкоторыхъ городовъ за предоставленіе императорской свитѣ дароваго пользованія публичными домами, тотъ пойметъ глубокое возмущеніе чешскаго народа, когда чешскіе короли стали населять свои земли нѣмцами такого же міросозерцанія, когда нѣмецкіе нравы широкой, растлѣвающею волной

*) *Palacky*, Band. II, Abth. II, стр. 40.
**) *Iordan*, Die Vorläufer des Hussitenthums, стр. 35.
***) *Томекъ*, стр. 174.

хлынули въ Чехію и загрязнили ея менѣе нравственно-чуткіе элементы. И въ довершеніе развернулась въ безстыдной наготѣ своей оргія монашествующаго фарисейства, наглый развратъ мнимыхъ служителей Бога правды и справедливости.

Первое, что бросается въ глаза, когда ближе присматриваешься къ духовному элементу Чехіи XIV и XV вѣка, это—чрезвычайная многочисленность его. Въ то время, какъ даже теперь, послѣ цѣлыхъ вѣковъ необузданнаго католическаго торжества, на 5 милліоновъ населенія приходится 1.900 приходскихъ костеловъ,—на гораздо меньшее число чеховъ при Карлѣ IV приходилось 2.100 *), такъ что не даромъ этотъ главный виновникъ такого обилія костеловъ получилъ названіе «поповскаго короля». Сверхъ того, по всей странѣ было разбросано множество монастырей. Въ одной только Прагѣ ихъ было 18 мужск. и 7 женскихъ. Персоналъ былъ чрезвычайно роскошный, о чемъ можно судить по тому, что при иныхъ церквахъ состояло до 300 клириковъ **).

И не одною только многочисленностью выдѣлялось чешское духовенство. «Имѣнія духовенства, состоявшія какъ изъ земель, такъ и изъ ежегодной подати, наложенной на земли или на дома, были громадны. Къ одному архіепископству (Пражскому) принадлежало почти *900 селъ* и города: Рудница, Рошканы, Прибрашъ, Рожемиталь, Гершовъ, Тинъ, Тинъ-Бехинскій, Мольдаускій, Червонная-Речица, Степановъ, Вискитна, Пельграмовъ, Бродъ-Чешскій или Епископскій, изъ которыхъ нѣкоторые равнялись величиной и благосостояніемъ королевскимъ городамъ, а также замки: Хиновъ, Геральцъ, Кривсудовъ, Герштейнъ, Супигора. Кромѣ старинnаго дома въ Пражскомъ замкѣ, епископы имѣли, еще со времени короля Вячеслава I, огромный дворъ епископскій недалеко отъ моста, на Малой Пражской сторонѣ; самымъ обыкновеннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ ихъ была Рудница, крѣпость и городъ, который послѣдній епископъ, Янъ II Дрожицкій, украсилъ роскошными зданіями и особенно крѣпкимъ каменнымъ мостомъ черезъ быстро текущую Лабу (Эльбу). Архіепископъ былъ окруженъ, кромѣ духовныхъ сановниковъ, блестящимъ дворомъ чиновниковъ, слугъ и другихъ мужей ***).

Богатства духовенства увеличивались съ каждымъ годомъ, благодаря «набожности» чешскихъ королей и въ особенности Кар-

*) Ibid, «Исторія Чешскаго королевства», стр. 307.
**) *Denis*, стр. 9.
***) *Томекъ*, стр. 308.

ла IV. Короли раздавали свои земли духовенству, которое въ свою очередь раздавало ихъ въ аренду крестьянамъ. Такихъ крестьянъ въ распоряженіи духовенства было огромнѣйшее количество. Не только епископы, но даже пріоры имѣли по 50 деревень. Бенедиктинскій монастырь въ Бревновѣ имѣлъ 1.000 марокъ (25.000 гульденовъ) ежегоднаго дохода съ принадлежащихъ ему угодій.

Было бы утомительно перечислять всѣ отдѣльные случаи богатства чешскаго духовенства. Достаточно припомнить слова Гусса, что *больше четверти доходовъ всего королевства* *) попадало въ руки патеровъ,—и всякія дальнѣйшія подробности становятся излишними.

Благочестивые католики, конечно, радовались такому благоденствію «жены Христовой». Эней Сильвій Пикколомини, въ своей знаменитой «Исторіи Богеміи», захлебываясь отъ восторга, разсказываетъ о богатствахъ чешскаго духовенства, о великолѣпіи и пышности чешскихъ церквей, о довольствѣ и изобиліи, господствовавшемъ въ чешскихъ монастыряхъ **). Непосредственно отъ этихъ восторговъ Эней Сильвій переходитъ къ негодованію на безбожныхъ таборитовъ, которые патеровъ раскассировали, церкви сожгли, монастыри обезлюдили. И ни на одну минуту суетному итальянцу не приходитъ на умъ, что именно это-то великолѣпіе, именно этотъ-то блескъ сословія, которое должно бы быть представителемъ простоты и смиренія, и вызвалъ описываемое имъ ожесточеніе таборитовъ.

Власть, сила, даваемыя богатствомъ, ведутъ къ злоупотребленіямъ даже и тогда, когда онѣ находятся у людей съ нравственными задатками. Слѣдуетъ ли поэтому удивляться тому, что закружилась голова у католическихъ патеровъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было нравственныхъ стимуловъ, и тѣмъ болѣе, что апогея всякихъ злоупотребленій достигали тѣ, которые выдавали себя за намѣстниковъ Христа на землѣ? Ядъ нравственнаго растлѣнія разливается изъ римской куріи на всѣ католическія страны и всюду приводитъ къ болѣе или менѣе одинаковымъ результатамъ. Чехія не составила исключенія.

«Усердіе нравственныхъ проповѣдниковъ съ большимъ жаромъ вооружалось противъ беззаконія, господствовавшаго въ духовен-

*) *Denis*, стр. 6.

**) *Eenesse Sylvia*, „O Založeni Země Ćzeske“. Прага, 1585 г., стр. 134 (чешскій переводъ).

ствѣ. Они открывали и изобличали его передъ лицомъ всего народа, когда испорченность все больше и больше расширяла свои предѣлы. Папы еще во время пребыванія своего въ Авиньонѣ, когда доходы ихъ уменьшились, по причинѣ смутъ въ Римскихъ владѣніяхъ, а еще болѣе во время раздвоенія церкви, когда римскій и авиньонскій папы, каждый отдѣльно, имѣли такія же потребности, какія были у ихъ предшественниковъ, управлявшихъ всею церковью,—папы, повторяю, выдумывали цѣлый рядъ способовъ къ тому, чтобъ умножить денежные свои доходы съ различныхъ христіанскихъ странъ. Они налогали большую плату за назначеніе церковныхъ бенефицій епископамъ и архіепископамъ и неслыханнымъ образомъ нарушали права собственности церковныхъ патроновъ, предоставляя себѣ право отдавать какую бы то ни было бенефицію непосредственно въ силу апостольской власти; это происходило обыкновенно такъ, что бенефиція переходила къ кому-либо или за уплату долга, или за услугу, оказанную папѣ. Папа Бонифацій IX ввелъ въ обычай, чтобы бенефиціи, находившіяся при его дворѣ, продавались тѣмъ, кто давалъ за нихъ бо́льшую цѣну. Не удивительно, что примѣръ самого главы церкви былъ принятъ также многими патронами, такъ что продажность, или симонія, распространялась повсюду. Это же было причиною того, что къ духовнымъ должностямъ опредѣляли людей неспособныхъ и пустыхъ, которые заботились только о томъ, чтобы больше брать барышей съ своей церкви. Каноникаты и фары подобными владѣтелями отдавались на откупъ, и не только тайно, но даже съ разрѣшенія и утвержденія самого архіепископа. Бенефиціатъ жилъ, гдѣ ему было угодно, а церковью управлялъ за него наемный священникъ. Было время, когда большая часть фаръ въ чешскихъ городахъ управляемы была подобными наемниками, которые нисколько не заботились объ уничтоженіи безпорядковъ» *).

Въ Римѣ открылся торгъ духовными званіями въ полномъ смыслѣ этого слова. Каждое изъ нихъ оцѣнивалось по тому доходу, который оно въ состояніи было приносить. За бенефицію, приносившую 200 флориновъ, папа получалъ 40—60 и до 80 флориновъ. О самой личности претендента никто не справлялся. Должность викаріевъ получаютъ не разъ слуги, повара и даже *дѣти семи и пяти лѣтъ* **).

*) *Томекъ*, стр. 355.

**) *Denis*, стр. 10.

Не нужно обладать слишкомъ пылкою фантазіей, чтобъ ясно представить себѣ то духовно-нравственное «руководительство», на какое были способны люди, подобнымъ путемъ достигшіе священничества. Главною ихъ заботой, конечно, становится наверстать деньги, затраченныя на пріобрѣтеніе бенефицій. «Вѣрные сыны церкви», какими издавна считались чехи, не получаютъ безвозмездно ни одного изъ духовныхъ благъ. Сами же епископы жалуются на пражскомъ синодѣ, что патеры не хоронятъ безъ денегъ даже нищихъ, пока не найдется набожный богачъ, который заплатитъ за это, и что они не крестятъ дѣтей, если нѣтъ много кумовей, которые всѣ обязаны сдѣлать патеру подарокъ *). Церковное покаяніе исчезаетъ: вмѣсто него установляется регулярная такса за отмаливаніе грѣховъ по степени ихъ важности. И нѣтъ грѣха, отъ котораго нельзя было бы очиститься деньгами; даже убійство не исключено изъ этого тарифа.

Устроивши все на коммерческую ногу, католики не заботятся даже о томъ, чтобы сохранить внѣшнюю благопристойность, и синоды должны неоднократно издавать постановленія, чтобы месса не бросалась на половинѣ, чтобъ она читалась въ требуемое церковными правилами время и чтобъ она вообще читалась, такъ какъ были священники, которые въ продолженіе *семи лѣтъ* не читали ни одной мессы. Такія постановленія дальше постановленія не пошли, потому что виновныхъ оказывалось столько, что многочисленность ихъ устраняла всякую возможность что-нибудь сдѣлать **). Да и можно ли было обязать канониковъ отправлять богослуженіе, когда сплошь да рядомъ случалось, что одинъ и тотъ же викарій имѣлъ нѣсколько приходовъ, разбросанныхъ по всему государству. Въ Прагѣ было много такихъ канониковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли приходы въ Брюнѣ, Ольмюцѣ и Бреславлѣ. Николай Пухникъ изъ Черница, уже имѣющій два прихода въ Прагѣ и Ольмюцѣ, получаетъ богатый приходъ Св. Николая, который мѣняетъ на двѣ «пребенды». Но этого ему мало и онъ выканючиваетъ себѣ еще приходъ Іеленице въ Моравіи. Сверхъ всего этого онъ состоялъ оффиціаломъ при архіепископѣ и занималъ должность генеральнаго викарія ***).

---

*) Ibid.
**) Ibid, стр. 14.
***) Ibid, стр. 11.

Глубокій упадокъ чешскаго духовенства билъ настолько въ глаза, что самые усердные католики не могли отрицать его. Въ числѣ историковъ гусситской эпохи есть магистръ Андрей изъ Брода. Это одинъ изъ тѣхъ благочестивыхъ сыновей католической церкви, которые, ad majorem gloriam святой куріи, всегда кладутъ самыя черныя краски на дѣйствія противниковъ католицизма и самыя розовыя на подвиги патеровъ. Такъ вотъ даже этотъ благочестивый магистръ, описывая эпоху, непосредственно предшествовавшую гусситскому взрыву, говоритъ: «Non erat vitium in laycis, quod non prius et heu notabilius clerici practicassent» *), т. е. не было у мірянъ того порока, который еще раньше и еще въ большей степени не проявлялся бы въ духовномъ сословіи.

Сама духовная власть не можетъ уже больше закрывать глаза и не отмѣтить зла. Архіепископъ Эрнестъ изъ Пардубица торжественно говоритъ, что каноники больше развращаютъ своихъ прихожанъ, нежели наставляютъ ихъ на путь истины. Въ 1379 году производится «большая инспекція» и слова архіепископа получаютъ блестящее подтвержденіе. Инспекція начинается съ пражскаго духовенства. Не трудно понять, что тамъ, гдѣ была хотя малѣйшая возможность скрыть неприглядную истину, ею пользовались болѣе чѣмъ охотно. И все-таки изъ 39 инспектированныхъ приходскихъ священниковъ Праги за 16-ю открывается цѣлый рядъ безнравственныхъ поступковъ. Патеръ Тынскаго прихода, Варѳоломей, имѣетъ любовницей замужнюю женщину; кромѣ того его неоднократно видѣли посѣщающимъ дома терпимости. Каноникъ церкви Св. Лингарта, Прокопъ, обвиненъ въ томъ, что у него настоящій сераль; онъ устраиваетъ веселыя пирушки, на которыхъ, кромѣ его многочисленныхъ любовницъ, участвуютъ монахини и другіе священники. Уличенный въ такихъ поступкахъ, Прокопъ старается оправдаться: онъ признаетъ, что ему дѣйствительно приходилось принимать у себя публичныхъ женщинъ, но рѣдко. Во всякомъ случаѣ онъ менѣе виновенъ, чѣмъ, напримѣръ, его сосѣдъ, патеръ Матвѣй, у котораго домъ всегда полонъ женщинъ и разгульныхъ священниковъ. Другаго пражскаго приходскаго священника подозрѣваютъ въ томъ, что онъ растлилъ свою собственную дочь. Каноникъ церкви Св. Петра постоянно шляется по кабакамъ, напивается въ нихъ со своею

*) «Tractatus de origine Hussitarum», am agistro Andrea de Broda, стр. 353.

любовницей и всегда пристаетъ къ другимъ публичнымъ женщинамъ. Но онъ далеко не изъ худшихъ въ своемъ сословіи: булочникъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, говоритъ, что онъ видѣлъ уже трехъ священниковъ въ этомъ приходѣ и всѣ они вели себя несравненно хуже. Патеръ церкви Св. Іоанна отправляется играть въ кости въ Старый-Городъ, проигрываетъ тамъ все, даже платье, и голый отправляется къ своей любовницѣ *).

Въ провинціи дѣла идутъ такимъ же образомъ. Въ постановленіяхъ пражскихъ синодовъ конца XIV и первыхъ годовъ XV столѣтія мы прямо читаемъ: «Clerici etiam in sacris constituti et ecclesiarum parochialium regimini praesidentes, concubinas publice tenent in domibus et alias in tonsura et habitu taliter inhoneste se gerunt, quod fiant in scandalum plurimorum» (клирики, даже утвержденные въ священствѣ и стоящіе во главѣ приходскихъ церквей, открыто держатъ у себя въ домахъ наложницъ, а также иными способами, при тонсурѣ и священническомъ платьѣ, такъ неблагопристойно себя ведутъ, что производятъ этимъ скандалъ и соблазнъ). Можно себѣ представить, что происходило на самомъ дѣлѣ, если таковъ языкъ католическихъ синодовъ...

Подобное оффиціальное признаніе избавляетъ насъ отъ необходимости приводить дальнѣйшія черты нравственной, или скорѣе безнравственной, физіономіи чешскаго духовенства. Кромѣ разврата—циническаго, ничѣмъ не стѣсняющагося разврата—вы въ ней ничего не найдете. Монастыри чешскіе—это лупанаріи, чешскія монахини—публичныя женщины, чешскія церкви—языческія капища, убѣжища безсмысленнаго фетишизма, не проникнутаго ни единымъ лучомъ истинной вѣры, истиннаго пониманія проповѣди Великаго Учителя.

Не слѣдуетъ однакоже забывать при обозрѣваніи этой содомской картины, что въ ней не было ничего спеціально-чешскаго. Развращенность чешскаго духовенства была только однимъ уголкомъ того великаго растлѣнія нравовъ, которое прямо извѣстно въ исторіи подъ этимъ именемъ. Такса грѣховъ, симонія, нравы, дома терпимости—все это заимствовано чешскимъ духовенствомъ извнѣ. Слѣдуя принятому въ этихъ очеркахъ сравнительному методу, мы приведемъ цитату изъ извѣстнаго сочиненія Emile de Bonnechose'a—«Les réformateurs avant la Réforme». Цитата эта,

*) *Denis*, стр. 14. Denis заимствуетъ подробности изъ сочиненія Томека: „Dejepis města Pragy", т. II, которымъ прямо мы не могли пользоваться, такъ какъ даже въ Публичной библіотекѣ всего только 2 тома этого сочиненія.

основанная на строго-документальныхъ данныхъ, покажетъ намъ, что если у однихъ только чеховъ возмутилось нравственное чувство, то не потому, что оно имѣло больше поводовъ оскорбляться, а потому, что самаго чувства этого у нихъ было больше.

«Доказательства ужасающей развращенности духовенства находятся не въ обличительныхъ сочиненіяхъ его враговъ,—нѣтъ, они содержатся въ писаніяхъ наиболѣе знаменитыхъ членовъ клира—въ сочиненіяхъ тѣхъ, которые какъ по своему положенію, такъ и по своему характеру и интересамъ должны были желать, чтобы церковь была сильна и очищена отъ всякой грязи. И не только поэты, новеллисты и лѣтописцы рисуютъ намъ картины растлѣнія нравовъ духовенства,—мы видимъ кардиналовъ, прелатовъ, знаменитыхъ докторовъ богословія, которые выискиваютъ пороки, чтобъ искоренить ихъ, точно такъ какъ врачъ зондируетъ рану, чтобъ излѣчить ее.

«Извѣстенъ громоносный трактатъ Клеманжи объ упадкѣ церкви. Яркими красками описываетъ онъ злоупотребленія римской куріи и указываетъ на роковыя послѣдствія папской симоніи. Чтобы поддержать свой санъ, который папы ставили выше сана королей и императоровъ, имъ ничего не осталось болѣе,—говоритъ онъ,—какъ броситься сломя голову, послѣ того, какъ они разграбили наслѣдіе Св. Петра, на другія овчарни и похитить у овецъ все ихъ достояніе, ихъ шерсть и молоко. Они забрали себѣ право распоряжаться всѣми церквами міра, назначать епископовъ и клириковъ по своему произволу, и все это для того, чтобы привлечь въ бездну апостолическаго казначейства все золото христіанскаго міра. Однѣ и тѣ же бенефиціи продавались два раза». Послѣ этого Клеманжи рисуетъ отвратительную картину невѣроятнаго невѣжества и разврата духовнаго сословія; онъ намъ показываетъ, какъ священники играютъ, пьянствуютъ, безобразничаютъ. Отъ развращенія свѣтскаго духовенства онъ переходитъ къ развращенію, господствующему въ монастыряхъ: «Въ настоящее время отдать дѣвушку въ монастырь значитъ лишить ее невинности» *).

Фраза эта, какъ и нѣкоторыя другія, гораздо энергичнѣе въ самомъ трактатѣ Клеманжи, но Боншозъ не рѣшается приводить ихъ во всей ихъ рѣзкости.

---

*) „Les réformateurs avant la Réforme. Jean Huss et le Concile de Constance», par *Emile de Bonnechose*. Paris 1846 г., т. I, стр. 65.

Клеманжи — не единственный клирикъ, у котораго хватило нравственной силы посмотрѣть правдѣ въ глаза.

«Послушаемъ кардинала камбрэскаго, Петра д'Альи, учителя и друга Жерсона *). Онъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ: «Растлѣніе церкви такъ велико, что возникла пословица, которая говоритъ, что во главѣ церкви могутъ стоять только люди отверженные». Послушаемъ наконецъ самого Жерсона: «Римская курія выдумала сотни должностей, чтобы добыть денегъ; но ни одна изъ нихъ не служила цѣлямъ нравственности. При римскомъ дворѣ съ утра до вечера говорятъ объ арміяхъ, завоеванныхъ областяхъ и городахъ, о деньгахъ, но очень рѣдко—или вѣрнѣе никогда—тамъ не говорятъ о цѣломудріи, о помощи бѣднымъ, о справедливости, вѣрности, добрыхъ нравахъ. Все это привело къ тому, что этотъ дворъ, нѣкогда блиставшій умственною возбужденностью, сталъ мірскимъ, полнымъ дьявольскаго и тиранническаго духа (mondaine, diabolique, tyrannique) и вообще хуже какого бы то ни было свѣтскаго двора... Свѣтскія власти не должны допустить, чтобы жена Христова была недостойнымъ образомъ превращена въ публичную женщину». Жерсонъ сильно ополчается противъ порядковъ папской канцеляріи, по которымъ церкви, каноникаты и другія бенефиціи раздаются ничтожнѣйшимъ людямъ, поварамъ, конюхамъ, погонщикамъ, убійцамъ, между тѣмъ какъ люди дѣйствительно достойные и способные устраняются» **).

Ко всему этому невѣроятному безобразію присоединился столь знаменательный въ лѣтописяхъ католическаго міра «великій расколъ», когда разомъ появилось трое папъ, изъ которыхъ каждый въ площадныхъ выраженіяхъ проклиналъ другаго. Эти факты настолько извѣстны изъ элементарныхъ учебниковъ исторіи, что намъ о нихъ распространяться не стоитъ. Для исторіи гусситства «великій расколъ» важенъ какъ послѣдняя капля, переполнившая чашу. Дальше терпѣть стало невозможнымъ для нравственнаго чувства чешскаго народа и онъ выдвигаетъ Гусса, который потому и имѣлъ такое всемірно-историческое значеніе, что проповѣдь его была воплемъ отчаянія, вырвавшимся изъ наболѣвшей души цѣлаго народа.

---

*) Знаменитый парижскій богословъ, одинъ изъ наиболѣе ярыхъ противниковъ Гусса въ Констанцѣ,—слѣдовательно, ярый католикъ.

**) *Bonnechose*, т. I, стр. 66.

Итакъ, въ великомъ растлѣніи нравовъ мы имѣемъ одинъ изъ несомнѣнныхъ факторовъ гусситско-таборитскаго движенія, но все-таки не самый корень его. И дѣйствительно, еслибы въ немъ была суть дѣла, въ такомъ случаѣ исторія должна бы была представить намъ цѣлый рядъ протестующихъ движеній въ Германіи, Франціи, а всего больше въ Италіи—этомъ очагѣ католическаго безстыдства и разнузданности. Мы только-что привели рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что распущенность чешскаго духовенства была лишь частнымъ случаемъ, и притомъ далеко не самымъ яркимъ, распущенности всего католическаго духовенства. И почему же, однако, въ Германіи, Франціи и Италіи дѣло ограничивается нѣсколькими обличительными книгами, а въ Чехіи проливается море крови для искорененія несчастія? Значитъ не въ этомъ несчастіи главный корень движеніи,—оно обусловило собою только быстроту взрыва. Настоящая же и единственная причина гусситско-таборитскаго движенія—нравственная чуткость чешскаго народнаго духа, не потерпѣвшая отступленія отъ идеаловъ добра и справедливости. Растлѣніе нравовъ, также какъ и національную вражду можно назвать только второстепенными факторами, внѣшними раздражителями, вызвавшими нервное потрясеніе народнаго организма,—все равно, какъ при нервномъ потрясеніи отдѣльнаго организма. Главное, конечно, нервная сила, а не электроды, напримѣръ, которыми вы произвели потрясеніе. Такъ и въ гусситско-таборитскомъ движеніи корень дѣла—страстная приверженность къ идеалу, жестоко мстящая всѣмъ поносителямъ его.

И, вотъ, этотъ-то страстный идеализмъ, эта-то необыкновенная нравственная чуткость чешскаго народнаго духа и даетъ намъ право, отбросивъ всѣ другіе эпитеты, назвать гусситско-таборитскій взрывъ *чисто-нравственнымъ движеніемъ*.

Кончаемъ тѣмъ же, чѣмъ начали. *Корень движенія, единственная причина его—не въ томъ, что чехамъ чинили много неправды, а въ томъ, что въ ихъ душевномъ строѣ было необыкновенно сильное стремленіе къ правдѣ, къ насажденію на землѣ добра и справедливости.*

С. Венгеровъ.

Пріѣздъ въ деревню.

Былъ канунъ Покрова. Суровая осень только-что начинала входить въ силу. Холодный сѣверо-восточный вѣтеръ неустанно гналъ и крутилъ день и ночь цѣлыя тучи желтыхъ, умершихъ листьевъ. Вечерній поѣздъ Н—ской дороги медленно подходилъ къ полустанку, засѣвшему среди густаго кустарника. На сырой, усыпанной опавшими листьями, платформѣ, слабо освѣщенной лишь фонаремъ на симофорѣ да въ рукахъ сторожа, рядкомъ стояли съ пятокъ фигуръ въ нагольныхъ полушубкахъ. Очевидно, онѣ кого-то поджидали. Поѣздъ, пыхтя, неторопливо проползъ вдоль платформы и, почти не останавливаясь, высадилъ троихъ пассажировъ. Изъ оконъ вагоновъ быстро повыбросали на платформу багажъ.

Поѣздъ прошелъ. Двоихъ изъ пріѣхавшихъ—высокаго, статнаго мужчину въ синемъ халатѣ и картузѣ, съ торопливой, не безъ сознанія собственнаго достоинства, походкой, и довольно полную женщину въ шубкѣ, повязанную платкомъ—окружили мужицкія фигуры. Слышалось цѣлованіе, привѣтственные возгласы. Пріѣхавшіе, видимо, были довольны пріемомъ, хоть и торопились собирать вещи. Третій пріѣхавшій—высокій, тонкій господинъ, съ рѣдкой черною бородой и немного худымъ лицомъ, въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и пуховой шляпѣ—всё еще стоялъ у своего чемоданчика и внимательно осматривался кругомъ. Онъ былъ одинокъ. Онъ прошелся разъ по платформѣ, но къ нему никто не подходилъ. Наконецъ, онъ уже рѣшилъ подойти къ группѣ, такъ привѣтливо встрѣтившей пріѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, какъ на платформу, высматривая подслѣповатыми глазами, взошелъ старичокъ, съ кнутомъ въ рукахъ, въ нагольномъ, рваномъ полушубкѣ.

— Никакъ это и есть молодой-то баринъ?—спросилъ онъ у кучки мужиковъ, показывая на сухаго господина.

Всѣ обернулись въ ту сторону и молча приподняли фуражки, когда одинокій пріѣзжій опять прошелъ мимо нихъ.

Всѣ посмотрѣли ему внимательно вслѣдъ и сказали: «Надо думать, что онъ... Больше сюда некому».

Тогда старичокъ нагналъ молодаго барина.

— Вы ли, батюшка, будете Сергѣй Андреичъ, племянникъ генеральскій?—спросилъ онъ.

— Я. Ты за мной, что ли?

— Такъ точно, за вашей милостью. Не признать ужь мнѣ васъ...Вѣдь я васъ вотъ эконькимъ...

— Что дядя?—перебилъ пріѣзжій.

— Дяденька-то плохи-съ будутъ...Нельзя скрыть: плохи-съ...

— Гдѣ же лошади?

— Тамъ я оставилъ... Одна лошадка-то... Къ дереву привязалъ... Вотъ сюда пожалуйте! Недалечко пройти... Тутъ вишь Кабановскія подводы загородили дорогу-то... Пожалуйте, миленькій, имущество-то,— говорилъ старикъ, выхватывая изъ рукъ барина чемоданъ.

— Ничего, я самъ... Ты старъ... Тяжело...

— Что вы, добренькій, помилуйте!.. Рази намъ можно слабымъ быть для вашей милости? Господи помилуй, что вы!... Пожалуйте, пожалуйте!... Мы тоже господскіе были, понимаемъ... Зачѣмъ вамъ себя утруждать.

И старикъ, крехтя, взвалилъ себѣ на плечо чемоданъ.

Они спустились съ платформы, но должны были обождать, такъ какъ узкую дорожку между кустами всю заняли подводы, выѣхавшія на встрѣчу прибывшей четѣ.

— Вишь ты, всю дорогу-то запрудили,—ворчалъ старикъ.

Между тѣмъ толпа мужиковъ суетилась у тарантаса, заложеннаго парой: кто тащилъ сундуки, ящики, кто—подушки.

Всѣ причали, шутили:

— Да ужь ты садись, Антиповна!... Садись, говорю, вотъ сюда... Вотъ здѣсь тебѣ привольнѣй. Вишь ты вѣдь какъ, Господь съ тобой, раздобрѣла!... Тебѣ спокой требуется... Наваливайся сюда, въ бокъ-то!...

— Антиповна, вотъ подушечку-то подъ бокъ приснасти, трясти-то и не шибко будетъ... У насъ вишь дорога-то...

— Артамонъ Матвѣичъ! ящикъ-то прикажи на подводу ко мнѣ. Клади, сдѣлай милость... Да, Господи, рази я что... рази я изъ корысти?... Главное, чтобы вамъ покой... Я съ полнымъ удовольствіемъ. Какое намъ утѣсненіе, помилуй!...

Мужики толпились, кричали, бѣгали вокругъ лошадей. Старичку наскучило ждать и держать тяжелый чемоданъ на плечахъ; онъ ворчалъ: «ишь вѣдь добра-то везутъ... Купцами ѣздятъ!..»

— Да вы бы хоша постѣснились, пропустили бы барина-то... Господинъ вѣдь ждётъ,—крикнулъ наконецъ онъ.

— Оставь... Поспѣемъ,—сказалъ баринъ.

— Да вѣдь имъ ни куда торопиться-то... Хоть бы почувствовали... Вѣдь мы къ смертному часу спѣшимъ...

— Митрій! Иванъ Ѳедорычъ!—заговорили мужики,—пропустите барина-то... Осадите...

— Пожалуйте-съ... Проходите... Ничего-съ... Слободно...

Баринъ и старичокъ пробрались кое-какъ между кустами и лошадиными мордами. Толпившіеся мужики опять приподняли фуражки и молча посмотрѣли имъ въ слѣдъ.

Баринъ усѣлся въ старенькую плетушку, запряженную въ одну лошадь и набитую сѣномъ. Старичокъ свалилъ ему въ ноги чамоданъ и, примостившись сбоку, погналъ лошадёнку.

Баринъ, отбиваясь всячески отъ суроваго вѣтра, налетавшаго сбоку, кое-какъ закурилъ-таки сигару. Онъ молчалъ. Но старичокъ, видимо, тяготился этимъ молчаніемъ.

— Всё наши,—говорилъ онъ отъ времени до времени,—мужики-то, что на платформѣ были... Васъ ужь они плохо помнятъ... Конечно, всё молодые мужики... Бога забывать стали, страхъ божій... Всё наши, да... Это вотъ, вишь ты, Артамонъ пріѣхалъ на праздникъ, къ отцу... Старики ужь у него отецъ-то съ матерью... Каждый годъ къ Покрову наѣзжаютъ. Всего навезутъ—страхъ! Угощенія большія дѣлаютъ... Самъ-то онъ, вишь ты, умственный мужикъ. Здѣсь не живётъ... Живётъ въ Адестѣ. Въ довѣренныхъ, слышь ты. Живетъ бойко... Ну, вотъ, пріѣдетъ къ нашимъ мужикамъ и лестно, потому—свой... А онъ мужикъ видный, великатный...

— Онъ у васъ имѣетъ здѣсь какія-нибудь дѣла?

— Нѣтъ, никакихъ дѣловъ не ведетъ... Слышь ты, въ Адестѣ орудуетъ.

— И земли у него здѣсь нѣтъ, имѣнья?

— Ничего, какъ есть, нѣтъ. Была земля, мірская. Пока

старичокъ былъ въ силѣ, работалъ... Ну, а тутъ онъ ему хоромы выстроилъ, коровку купилъ. Говоритъ: «что тебѣ, тятенька, на старости, грязнымъ дѣломъ заниматься... Ты ужь отдыхай, лучше за садомъ ходи»,—любитъ онъ это производство... Отдай, говоритъ, землю въ міръ... Намъ она не нужна. Куда она намъ? Только тяга...

Баринъ курилъ и молчалъ. Потомъ сказалъ:

— Должно-быть добродушный у васъ народъ здѣсь.

— У насъ народъ добрый, обходительный.

— Это всего лучше.

— Сердечный народъ! У насъ полюбятъ всякаго.

— Вотъ и я хочу у васъ поселиться,—сказалъ баринъ какъ бы мимоходомъ и вдругъ какъ будто чего-то застыдился,—какъ будто это показалось ему ребячествомъ, что онъ сказалъ это, съоткровенничалъ.

— Ой-ли?—спросилъ старичокъ и даже обернулся.

— Да, думаю. Только не знаю, какъ примете.

— Поселяйся, миленькій! У насъ житьё хорошее будетъ,—у насъ народъ душевный, обходительный народъ... Господи! да какъ же инако-то: свой вѣдь баринъ-то, не чужой... Вѣдь мы васъ вотъ экинькимъ...

Баринъ бросилъ окурокъ сигары и на его сухомъ лицѣ показалась улыбка довольства.

Больной старикъ-помѣщикъ всю ночь былъ въ забытьи. Онъ не узнавалъ никого. Пріѣхавшій молодой баринъ не спалъ всю ночь. Онъ изрѣдка прилегалъ, нераздѣтый, на диванъ въ гостиной, но затѣмъ вставалъ опять и тихо входилъ въ спальню больнаго. Кругомъ была мертвая тишина. Всё спало. За окнами шумѣлъ вѣтеръ и густыя вѣтви липъ лихорадочно бились въ закрои, выходившія въ садъ, какъ будто жалобно и настойчиво просились впустить ихъ въ домъ, въ тепло и покой. Племянникъ стоялъ въ дверяхъ, полусознательно смотря на тусклый огонь лампы подъ зелёнымъ абажуромъ, и чутко вслушивался въ чуть замѣтное дыханіе больнаго, сухая, маленькая фигура котораго была обращена лицомъ съ стѣнѣ. Изъ-подъ одѣяла виднѣлись только пряди рѣдкихъ сѣдыхъ волосъ.—Утро начинало чуть брезжиться, когда молодой баринъ задремалъ на диванѣ. Сонъ одолѣлъ его. Черные длинные волосы упали на лицо, на которомъ отражалась усталость и какъ будто застывшая тихая, без-

молвная скорбь. Едва первый лучъ солнца проскользнулъ въ окно сквозь густую чащу растеній, какъ молодой человѣкъ испуганно проснулся, полусознательно оглянулся кругомъ и тотчасъ же пошелъ къ больному. Старикъ уже былъ мертвъ. Теперь лицо его, худое и желтое, смотрѣло вверхъ, въ потолокъ. Безцвѣтные сѣрые глаза его глядѣли холодно и сурово. Молодой человѣкъ ощупалъ его пульсъ, прислушался къ груди и затѣмъ долго и внимательно смотрѣлъ въ его лицо. Потомъ онъ нагнулся, поцѣловалъ умершаго въ лобъ и закрылъ ему глаза.

Къ вечеру былъ доставленъ изъ города гробъ. По длиннымъ компатамъ одноэтажнаго помѣщичьяго деревяннаго дома шла усиленная, хотя и сдержанная, ходьба. Черноватый, съ просѣдью, низенькій батюшка, въ старенькой зеленоватой рясѣ, распоряжался укладываніемъ тѣла въ гробъ. Давая сдержаннымъ голосомъ приказанія прислугѣ, онъ отъ времени до времени говорилъ молодому человѣку: «Ничего-съ, не безпокойтесь, всё сдѣлаемъ, какъ требуется... Вы, конечно, молодой человѣкъ,—вамъ эти обряды неизвѣстны... Не безпокойтесь!... Что-жь, мы съ полнымъ удовольствіемъ...»

Гробъ съ тѣломъ поставленъ на столъ. Высокій, толстый дьячокъ, раскланиваясь на обѣ стороны, принесъ изъ церкви покровъ и подсвѣчники. Другой дьячокъ монотонно читалъ въ переднемъ углу Псалтирь. Два мужика—кучеръ въ бѣломъ фартукѣ, съ рыжей бородой, и другой съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ лицѣ—стояли вытянувшись въ дверяхъ и упорно смотрѣли на гробъ, какъ смотрятъ солдаты во фронтѣ на своего начальника. Тутъ же около нихъ, въ своемъ единственномъ изодранномъ нагольномъ полушубкѣ, терся старичокъ, привезшій вчера молодаго барина, и постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ будто онъ поминутно кому-то мѣшалъ. Ему постоянно говорили:

— Нилъ, отойди!... Отойди въ переднюю... Ты чего тутъ, Нилъ, толкаешься?... Встань къ сторонкѣ!

— Дѣлайте свое дѣло. Ничего, ничего, я не мѣшаю,—отвѣчалъ старичокъ.

Больше всѣхъ хлопотала тяжелая, полная женщина, въ платьѣ и платочкѣ. Она всѣмъ что-то приказывала сердито, шепотомъ, ходила изъ комнаты въ комнату, изъ дому во дворъ, со двора опять въ комнаты. Проходя мимо молодаго барина, она жалобно взглядывала ему въ лицо и каждый разъ говорила: «Извините, батюшка... Ужь такъ мы прошиблись, такъ прошиблись!... Все

хлопоты эти... Два мѣсяца дядинька этто съ постельки не вставали... Оченно было утѣснительно... А вѣдь у насъ пара лошадей и экипажъ есть...

И проницательно метнувъ взглядомъ въ молчаливое лицо молодаго барина, она снова, въ неестественно-лихорадочной торопливости, уходила.

Батюшка надѣлъ эпитрахиль и поправилъ рукава ряски и бороду, приготовляясь къ панихидѣ. Въ ожиданіи, пока дьячокъ зажжетъ свѣчи и приготовитъ кадило, онъ подошелъ къ молодому барину, сложивъ руки подъ эпитрахилью.

— Какъ жили въ тишинѣ, уединеніи, одиноко, такъ и опочили,—сказалъ батюшка, указывая взглядомъ на гробъ.

— А рѣдко его навѣщали?

— Очень рѣдко... Вотъ ужь лѣтъ съ десять какъ бы въ забвеніи ото всѣхъ находились... Только-что вотъ старые дворовые при нихъ находились, да вотъ-съ мужичокъ этотъ,—показалъ батюшка на Нила,—рыбку съ нимъ-съ по лѣтамъ ловили... Любили...

— А изъ города никто не навѣщалъ?

— Рѣдко-съ... Вначалѣ-то еще наѣзжали... Конечно-съ, одинокая жизнь, хозяйственности ужь не было, чтобы, значитъ, гостей принимать,—ну, и...

— А народъ какъ съ нимъ?

Батюшка помолчалъ, незамѣтно обвелъ глазами комнату и сказалъ тихо:

— Народъ... чёрствый народъ!

Онъ вздохнулъ.

— Добродѣтель, сударь, всегда такъ въ жизни награждается,— прибавилъ онъ и затѣмъ поспѣшно спросилъ:— Осмѣлюсь полюбопытствовать, вы на государственной службѣ имѣли состоять?

— Нѣтъ, я кончилъ въ университетѣ. Потомъ... потомъ жилъ своимъ трудомъ, то-есть я работалъ, ни отъ кого независимо,— отвѣчалъ молодой человѣкъ и почему-то сконфузился.

— Тэ-экъ-съ,—протянулъ батюшка и подозрительно, мелькомъ, взглянулъ въ его лицо.—А вы тоже одинокіе будете, безъ семейнаго состоянія то-есть?—спросилъ опять батюшка.

— Да, одинъ.

— Ну, это еще слава Богу! Все же легче. Вамъ вѣдь здѣсь ничего не очистится. Дядюшка вашъ, по своей добродѣтели, все

народу раздѣлилъ. Онъ вѣдь имъ всю землю почесть подарилъ. Конечно, добродѣтель, а для васъ все-таки...

Батюшка замялся.

— Я это знаю. Насколько касалось моего наслѣдства, онъ сдѣлалъ это съ общаго нашего согласія...

— Тэ-экъ-съ! — протянулъ батюшка и вскинулъ большими бровями.—Конечно, *тамъ-съ* всѣ воздаяніе получимъ. Не иначе какъ *тамъ*... Коемуждо по дѣломъ!—замѣтилъ батюшка, поднялъ глаза къ потолку, улыбнулся конфузливо и, взявъ у дьячка кадило, тотчасъ же измѣнилъ тихій голосъ въ громкій тенорокъ и началъ на-распѣвъ: «Благословенъ Богъ нашъ...»

Въ передней уже толпился народъ. Комнаты наполнились дымомъ отъ ладана. Полная женщина въ платочкѣ опять торопливо шмыгнула мимо молодаго барина и низко поклонилась, сказавъ: «Ужь вы простите насъ, глупыхъ,—совсѣмъ сбились», и, повалившись около гроба, начала плакать.

Послѣ панихиды стали прощаться.

Молодой парень, въ пиджакѣ, съ серебряною цѣпочкой на жилетѣ, поцѣловалъ въ лобъ покойника первый, вслѣдъ за молодымъ бариномъ. Онъ было хотѣлъ отойти, какъ полная женщина строго сдѣлала ему знакъ глазами: онъ тотчасъ подошелъ къ молодому барину, поклонился и сталъ ловить его «ручку». За нимъ то же продѣлала полная женщина сама уже, потомъ старикъ-поваръ, мужъ ея... Молодой человѣкъ стыдливо не далъ имъ цѣловать руку. Потомъ стали подходить мужики. Старики плакали, а молодые, поцѣловавъ вѣнчикъ покойника, молча и низко раскланивались съ бариномъ и сдержанно выходили.

— Батюшка баринъ, позволь твою ручку генеральскую расцѣловать!... Позволь старику,—вдругъ раздалось среди молчаливаго прощанія, нарушаемаго только сдержаннымъ топотомъ и скребыханьемъ сапоговъ. Всѣ обернулись къ гробу. Тамъ сѣдой старичокъ, Нилъ, припадалъ то ко лбу, то къ одной рукѣ покойника, то къ другой, заливаясь слезами.—Доброхотъ нашъ... Андельская твоя душа... Отецъ... Праведный мужъ... Прости!—причиталъ онъ.

Среди публики появились двѣ-три улыбки добродушныхъ и наивныхъ.

— Будетъ, будетъ, старичокъ!—строго замѣтила ему полная женщина.—Нехорошо!...

Народъ выходилъ. Батюшка свертывалъ эпитрахиль и, свернувъ ее, подошелъ опять къ молодому барину и тихо сказалъ:

— Домикъ еще вотъ этотъ вамъ пойдетъ, да порубь,—лѣсъ-то сведенъ ужь весь, потому почесть-что на этотъ лѣсокъ только и жилъ вашъ дяденька. Все вѣдь отдалъ, ничего ужь не осталось.

— Я хочу и домъ отдать крестьянамъ,—сказалъ молодой баринъ,—на школу.

— Гмъ... Что-же-съ, доброе дѣло,—смутился батюшка.— А сами-съ? Опять, значитъ, въ отъѣздъ?...

— Я самъ хотѣлъ бы здѣсь поселиться, отдохнуть... Усталъ я,—говорилъ молодой баринъ, тихо улыбаясь.—Суровая *тамъ* жизнь, батюшка!... Хотѣлось бы здѣсь пожить, въ дружбѣ съ вами, съ простыми людьми. Можетъ-быть и я чѣмъ-нибудь былъ бы вамъ полезенъ... У меня тамъ никого нѣтъ, а мнѣ хотѣлось бы сердечной, душевной теплоты,—знаете, теплаго, безхитростнаго отношенія, свободнаго, душевнаго... Просто хочется мнѣ вздохнуть, — торопливо старался высказать свою мысль Сергѣй Андреевичъ.

Батюшка все чаще и чаще вскидывалъ на него густыми бровями.

— Мнѣ нужно было уѣхать *оттуда*,—силъ не стало больше! Я думалъ, куда же лучше, какъ не къ вамъ?... Здѣсь у меня остались свѣтлыя дѣтскія впечатлѣнія. Притомъ и дядя... Если не мной, то имъ положены здѣсь крѣпкія душевныя связи. Я не буду чувствовать здѣсь себя одинокимъ,—здѣсь какъ никакъ, а все свои...

— Конешно, конешно... Милости просимъ!—заговорилъ весело батюшка,—и намъ, знаете, веселѣе, какъ же-съ!... Васъ не принять радушно, такъ кого же и принимать?... Дай Богъ вамъ совѣтъ и любовь съ нами. Пока прощенья просимъ!... Завтра какъ прикажете звонить къ выносу? Часовъ въ восемь?

— Да какъ вамъ будетъ угодно... Пожалуйста не стѣсняйтесь.

— Такъ въ восемь часовъ, чтобы пораньше все управить.

Кое-кто еще продолжалъ по-одиночкѣ приходить прощаться съ покойникомъ бариномъ: въ комнату входили то старушки съ платочками въ рукахъ, то молодыя дѣвки, искоса, изъ-подъ руки, взглядывавшія на молодаго барина. Старичокъ Нилъ все топтался въ дверяхъ, вызывая отъ каждаго изъ приходящихъ невольную улыбку и остроту, какъ будто всѣ уже привыкли къ нему такъ относиться...

— Ишь у насъ какой камардинъ проявился,—говорили одни.

— Толчея-то здѣсь ужь!—говорили другіе.

— Ай старичокъ и ты смерть чуешь?—спрашивали третьи.—Пора, пора!

Нилъ на все отвѣчалъ одной и той же фразой, переходя отъ одного косяка двери къ другому: «Проходите... Я не мѣшаю... Дѣлайте свое дѣло, за чѣмъ пришли».

Когда народъ почти совсѣмъ схлынулъ, онъ тихо подошелъ къ задумчиво сидѣвшему въ углу молодому барину и сказалъ шепотомъ:

— Ты меня не гони. Ты мнѣ позволь здѣсь остаться при *ёмъ*. Я ужь послѣднюю ночку посижу при ёмъ, подремлю... И тебѣ, можетъ, не такъ жутко будетъ со мной.

— Сдѣлай милость, пожалуйста не стѣсняйся, — улыбаясь отвѣтилъ молодой баринъ.

— Я вотъ къ тебѣ поближе присяду. Ты не гнѣвайся,—я съ твоимъ-то дяденькой, даромъ что генералъ былъ, три года рядышкомъ сидѣлъ,—говорилъ старикъ, таща за собой плетеный стулъ.

Старичокъ сѣлъ и, низко наклонившись туловищемъ, опустилъ голову.

— Усталъ, толкавшись-то,—сказалъ онъ.—Вотъ три года ужь я какъ при ёмъ на посидѣнкахъ сидѣлъ... Больной ужь былъ, старый... Всѣ его забросили... Вечеръ-то настанетъ, людишки всѣ разбѣгутся—въ карты играть, чаи распивать, а онъ, касатикъ, свернется комочкомъ, что сурокъ, на диванчикѣ, въ уголку—и сидитъ, сахарцу кусочекъ сосетъ, что малый ребенокъ,—любилъ онъ это, по барскому своему положенію... Сидитъ, сидитъ и жутко ему станетъ: велитъ меня разыскать... Я и сижу съ нимъ, разговариваю... А по лѣтамъ рыбку ловимъ на рѣчкѣ... Инно это осерчаетъ на меня за какое-нибудь невѣжество,—не дворня вѣдь я, а простой мужикъ,—затопаетъ ногами, закричитъ, того и гляди на конюшню велитъ отправить...

Старичка начинала клонить дремота все сильнѣе. Отъ времени до времени онъ замолкалъ и затѣмъ, какъ будто вдругъ приходя въ себя, опять продолжалъ:

— А допрежь-то вѣдь шибко мы жили,—онъ вѣдь былъ въ большомъ вантажѣ въ тѣ поры, до воли-то... Кипажевъ здѣсь всякихъ наѣдетъ... Губернаторъ бывалъ, министръ самъ заѣзжалъ... Малъ еще тогда ты былъ, какъ съ маменькой здѣсь проживалъ... Давно вѣдь ужь тому, годовъ тридцать, поди, будетъ...

Я ужь почесть на край свѣта сходилъ да и опять вернулся... Ты вотъ меня не помнишь.

И старикъ опять дремалъ. Большія свѣчи тускло горѣли въ тусклыхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Все еще пахло ладаномъ и воскомъ. Дьячокъ тихо читалъ, изрѣдка прерывая свой монотонный речитативъ и вслушиваясь въ такое же монотонное журчанье старика Нила. Молодой баринъ смотрѣлъ въ лицо покойника и ему, казалось, было пріятно сидѣть тутъ, глядѣть въ это лицо и слушать тихую болтовню Нила. Старый генералъ, сухой, маленькій, сморщенный, какъ выжатый лимонъ, лежалъ въ гробу комически-строго и торжественно, въ расшитомъ золотомъ дворянскомъ мундирѣ, въ большомъ воротникѣ котораго почти пропадало все маленькое лицо и только длинный, костистый носъ выдавался впередъ... Ни рта, ни усовъ, ни подбородка не было видно,—они провалились окончательно въ глубокій воротникъ мундира. Только совсѣмъ бѣлые, сѣдые волосы, клочья которыхъ прихотливо торчали около морщинистаго лба, «по-суворовски», серебрились на бѣломъ коленкорѣ подушки... Старикъ рѣшительно не производилъ непріятнаго впечатлѣнія трупа, такъ часто отвращающаго насъ даже отъ самыхъ дорогихъ намъ лицъ. Такіе сухіе старички вообще лежатъ въ гробу «какъ живые». Вѣроятно, поэтому, и выраженіе лица молодаго барина было такое, какъ будто онъ сидѣлъ среди дѣйствительно живыхъ лицъ, съ которыми бесѣдовалъ тепло и душевно: передъ нимъ живыми, дѣйствительными образами стояли—старый, умный, дипломатическій франкъ-масонъ, безкорыстный дѣятель «освобожденія», и безхитростный, признательный сынъ народа. Передъ этими образами совершенно исчезалъ ужасъ холоднаго одиночества и смерти. Душѣ молодаго барина было тепло. Передъ нимъ вдругъ такъ ярко встали давніе, давніе годы... Припомнилась ему прежде всего старая, рѣденькая аллея изъ березокъ, тянувшаяся на нѣсколько десятковъ саженъ при въѣздѣ въ деревню, по которой онъ такъ любилъ гулять, еще мальчикомъ, съ своей больною матерью, которою любовался и послѣ, когда приходилось навѣщать въ рѣдкія свободныя минуты дядю и которая первая пріятно бросилась ему въ глаза и теперь, когда онъ подъѣзжалъ къ деревнѣ. Но какъ она теперь, однако, постарѣла и порѣдѣла! Нѣкоторыя березы посохли, другія вырублены или разбиты грозой, на третьихъ видны слѣды хищническаго добыванія ребятишками сладкаго березоваго соку... На концѣ аллеи тогда стояли

сѣрыя ворота, въ видѣ тріумфальной арки (припомнились и они), съ вазами по бокамъ и фигурными, рѣшетчатыми воротищами. Здѣсь было его любимое мѣсто; тутъ игралъ онъ свободно съ деревенскими и дворовыми ребятишками. Тутъ же, около нихъ, въ тѣни кудрявой березы, любила сидѣть и его мать, любуясь имъ. Проходящіе мужики и бабы, обыкновенно, присаживались къ ней и, ведя длинные разговоры, ласкали его, когда онъ подходилъ къ матери. Мать съ самаго ранняго дѣтства настойчиво убивала въ немъ врожденную брезгливость къ мужику. Поэтому ему очень хорошо помнится, какъ неловко чувствовалъ онъ себя, когда грязныя, грубыя руки гладили его по головѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ осталось отъ этихъ ласкъ какое-то теплое и пріятное воспоминаніе. Теперь эти крѣпостные мужики и бабы уже были старики. Онъ никого изъ нихъ не помнилъ въ лицо, но это навѣрно были они, тѣ старички, которые плакали у гроба стараго барина и которые такъ любовно вспоминали его, когда онъ сегодня вышелъ на крыльцо подышать чистымъ воздухомъ. «Вѣдь мы тебя, милый баринъ, еще вотъ экинькимъ на рукахъ носили...» И сколько было въ этихъ словахъ непритворной ласки, участія, теплоты и нѣжности!... И передъ этими образами и ощущеніями не только исчезалъ въ душѣ молодаго барина ужасъ холоднаго одиночества и смерти, но и все тяжелое, гнетущее, жесткое, что̀ гнело его *тамъ*, откуда онъ, обезсиленный, измученный, бѣжалъ сюда... Тамъ!... Къ чему привели тамъ годы упорнаго труда, надеждъ, упованій?... Надежды разбиты, упованія подорваны... Все дорогое—поругано, смято... Осталось только одно ощущеніе—ощущеніе чьей-то холодной, мертвенной руки, которая безнаказанно, дерзко, но ежесекундно и неуклонно жметъ горло, не задушая совсѣмъ, не давая даже спокоя смерти, но въ то же время не позволяя и дышать... Еслибы возможна была хоть борьба!... Но тутъ невозможна не только борьба,—невозможны даже стоны...

Ужасъ, ужасъ, ужасъ!...

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, провелъ рукой по волосамъ, какъ будто онъ безсознательно отгонялъ неотвязчивую тяжелую думу, и вздохнулъ. И ужасъ этой думы былъ такъ великъ, что даже здѣсь, среди только мертвеца и полуживаго обломка прошлаго, вздохнулось легко, свободно.

А онъ пока только *этого*, только возможности этого вздоха, легкаго и свободнаго, и жаждалъ.

II.

Въ тотъ же канунъ Покрова, въ большой, крытой желѣзомъ, съ вычурными рѣзными окнами, двухъэтажной избѣ стараго крестьянина Кабана, съ ранняго утра, шла неустанная, хлопотливая толкотня. Письмо, извѣщавшее о пріѣздѣ сына, было получено всего дня за два и уже вѣсть объ этомъ успѣла обойти не только свою деревню, но и сосѣднія. Скоро потянулись къ дому старика Кабана изъ разныхъ мѣстъ, пѣшіе и конные, посѣтители: сваты и свахи, двоюродные и троюродные дядья, племянники, внуки, ближніе и дальніе шабры, мужскаго и женскаго пола. Обыкновенно, почти цѣлый годъ, погруженный въ молчаливый покой, домъ Кабана вдругъ повеселѣлъ, ожилъ, заговорилъ, какъ будто въ немъ поселилась большая, трудолюбивая, хлопотливая крестьянская семья. Всѣ съѣхавшіяся бабы тотчасъ же принялись за работу—мыть, чистить, мѣсить тѣсто—и подняли, что называется, дымъ коромысломъ. Высокія, здоровыя, плотныя фигуры, съ засученными по плечи рукавами, постоянно двигались по всему дому, хлопая дверями, таская шайки съ водой; неистово скрипѣли и визжали половицы подъ ихъ тяжелыми шагами и весь домъ словно заходилъ ходуномъ. Громкіе, горластые голоса перекликались съ одного конца на другой. Самъ старикъ Кабанъ только-что вернулся изъ города съ цѣлымъ возомъ всякихъ харчей. А вечеромъ у его избы собралась цѣлая сходка своихъ мужиковъ. Такъ какъ Кабанъ давно уже жилъ на спокоѣ и крестьянскимъ хозяйствомъ не занимался, то лошадей у него не было. Обсуждали вопросъ, какъ бы поприличнѣе составить подводу для встрѣчи «умственнаго» мужика. Оказывалось, что у одного мужика хорошъ тарантасъ, да лошади подгуляли, у другаго была только одна подходящая къ экипажу лошадь, у третьяго былъ хомутъ «нѣмецкій». Наконецъ, порѣшили обладить «сборную» подводу. Въ то же время бабы бѣгали по всей деревнѣ, изъ избы въ избу, собирая необходимую посуду: тащили чугуны, корчаги, самовары...

На другой день, послѣ обѣдни, среди большой комнаты верхняго этажа избы, нѣсколько составленыхъ вмѣстѣ столовъ были покрыты скатертями и уставлены бутылками съ виномъ и водкой, вмѣстѣ съ деревенскою закуской: дешевою колбасой, огурцами, накрошенною говядиной и пирогами. И верхъ и низъ избы были набиты народомъ, который сновалъ то и дѣло по лѣстницѣ.

Внизу преимущественно столпились бабы, дѣти и все, что поубитѣе, побѣднѣе, что ходило въ лаптяхъ и сермягѣ, а вверху—все состоятельное, умственное, хозяйственное, что имѣло суконный халатъ, кожаный сапогъ и бойчѣе глядѣло на свѣтъ Божій. И вверху, и внизу уже шипѣли и пыхтѣли два пузатыхъ самовара, наполняя комнаты бѣловатымъ, жидкимъ паромъ. Въ комнатахъ пахло баней, вмѣстѣ съ потомъ полушубковъ и печенымъ хлѣбомъ.

Обѣдня только-что отошла и гости все еще приливали. Подъ увѣсистыми сапогами неустанно визжала лѣстница и половицы. Гости входили и видно было, какъ то и дѣло подымались и опускались по нѣскольку разъ головы и руки, дѣлая размашистые, истовые кресты и поклоны.

Въ первой комнатѣ, наверху, виднѣе всѣхъ вырисовывалась высокая, статная фигура Артамона Кабанова, въ длинномъ старомодномъ сюртукѣ, но въ глаженой сорочкѣ съ большими манжетами и высокихъ блестящихъ сапогахъ. Черные, немного съ просѣдью, волосы и такая же небольшая борода; умные, бойкіе глаза, смотрѣвшіе нѣсколько изъ подлобья, но весело и самодовольно-добродушно, хотя и не безъ сдержанной суровости. Такое же полусдержанное возбужденіе не оставляло его все время, почти весь день, пока приходилъ народъ. Онъ не присаживался, но все время или стоялъ, или ходилъ тутъ же по комнатѣ, здороваясь, раскланиваясь, приглашая, устанавливая бутылки, или уходилъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, въ такомъ же полусдержанномъ возбужденіи, раскраснѣвшаяся и хлопотливая, принимала «женскую половину» его породистая, нѣсколько толстая и выглядывавшая даже старше его, жена.

Вся эта картина не столько напоминала собою оффиціальный и лицемѣрный пріемъ у какого-нибудь куща или поздравленія съ праздникомъ, приносимыя лицами зависимыми, сколько простую деревенскую свадьбу и поздравленія молодыхъ, съ тою, конечно, разницею, что «молодые» здѣсь не были такъ наивны, такъ смущены и какъ будто бы черезчуръ уже сконфужены пріятною неожиданностью всеобщаго вниманія. Въ супругахъ Кабановыхъ все же изрѣдка пробивалось нѣчто такое, что давало поводъ заключать, что они знаютъ свои достоинства и что общее вниманіе не было для нихъ совсѣмъ уже пріятною неожиданностью.

Скорѣе настоящими «молодыми», наивными, сконфуженными и даже совсѣмъ оробѣвшими были тутъ старики—отецъ и тесть Артамона.

Послѣ того, какъ Артамонъ нѣсколько разъ говорилъ старику Кабанову: «тятенька, вы сядьте... Пожалуйста, не волнуйтесь... Все сдѣлаемъ... Вы только, пожалуйста, сидите великатнѣе, съ тятенькой-тестемъ... Вотъ вы опять кафтанъ не тотъ надѣли!... Вѣдь прислалъ я вамъ настоящій, — чего вы бережете?... Да вы ужь пожалуйста оставьте эти разсчеты!... Мы это знаемъ сами...»,—теперь старикъ Кабановъ съ тестемъ сидѣли уже смирно, какъ послушные ребята, въ переднемъ углу, и съ нхъ грубовато-загорѣлыхъ, заросшихъ сѣдыми волосами лицъ не сходила ребяческая улыбка, стыдливая и наивная. Оба они какъ будто стѣснялись и стыдились входившихъ мужиковъ, которые кричали весело, кивая на нихъ:

— Вишь разрядили королей-то!... Вишь сидятъ, ровно новоставленные попы!... Ха-ха-ха!

Старики совсѣмъ приходили въ смущеніе и, обдергивая новыя рубахи, качали головами, какъ бы снимая съ себя всякую отвѣтственность за неожиданный маскарадъ. Впрочемъ, старикъ Кабановъ, истинный «сынъ земли», любившій деревню и земледѣліе и сильно скучавшій на своемъ одинокомъ «спокоѣ» съ тѣхъ поръ, какъ былъ нарушенъ его крестьянскій «хозяйственный дворъ»,—смотрѣлъ и на свой маскарадъ, и на сына съ нѣсколько горькою ироніей, хотя и не безъ удовольствія: «Хорошо оно, слова нѣтъ, умно, дѣльно, хорошо... Дай Богъ всякому такова сына!... А все бы оно... кабы всѣ-то сыновья и внуки да кабы въ одной избѣ, здѣсь, при полномъ домѣ, при хозяйствѣ крестьянскомъ... А то ужь вотъ теперь и бьешься здѣсь, на старости лѣтъ, что негодная тряпка на вѣтру...» Но за то старикъ-тесть, весь свой вѣкъ проколотившійся въ бѣдности, не могъ равнодушно смотрѣть на свою «раздобрѣвшую дочку».

— А расползлась у тебя дочка-то, Антипій Трофимычъ,— какъ бы не сглазить!... И не признать ужь, что когда-то Аришкой поджарой по селу бѣгала,—говорили гости.

— Раздобрѣла, Господь съ ней, раздобрѣла,—говоритъ старикъ.—Да вѣдь оно, мужицкое-то тѣло, если въ проголодь держать, то и оно умѣренно себя держитъ... А напусти его хотя малость на приволье-то, оно ужь и удержу не знаетъ. Не барская кость. Въ барина — что не въ коня кормъ: чѣмъ больше корми, тѣмъ онъ жиже выходитъ. А мужицкая кость — широкая кость, твердая, она и мяса больше требуетъ.

— Пожалуйста, проходите... Садитесь... Откушайте!—слышалось между тѣмъ вотъ уже въ продолженіе часа.

Гости входили, молились, цѣловались съ Артамономъ или просто пожимали руки, восклицая: «Ну, вотъ, и свидѣлись!... Свой вѣдь человѣкъ!... Лестно глянуть!»—шаркали ногами, крякали; одни засаживались около стола и принимались разговаривать со стариками или громко шутили надъ Артамономъ, его женой и публикой, другіе присаживались у дверей, молча сидѣли, не переставая улыбаться минутъ десять, затѣмъ выпивали двѣ-три рюмки, поздравляли, сыпали пожеланіями и уходили, давая мѣсто другимъ.

Артамонъ едва успѣвалъ присѣсть, какъ тотчасъ же вставалъ и опять съ кѣмъ-нибудь обнимался, цѣловался и приглашалъ:

— Пожалуйте... Присаживайтесь... Вотъ сюда... Тятенька, угощайте!—говорилъ онъ, обращаясь къ мущинамъ и показывая на столъ съ водкой и закуской.

— Пожалуйте... Проходите вотъ сюда-съ, — говорилъ онъ женщинамъ, показывая на комнату жены.

— Пожалуйте... Все слава Богу! Какъ вы?... Проходите... Благодаримъ... Пожалуйте!...

Между тѣмъ какъ одни посѣтители входили, другіе спускались съ лѣстницы, смачно крякая и чавкая закуску, иные даже доѣдали на лѣстницѣ или держали въ рукахъ кусокъ пирога,—многіе, въ особенности изъ женщинъ, уносили какіе-то свертки и тутъ же у крыльца нетерпѣливо развертывали ихъ и осматривали подарки, привезенные женой Артамона: платки, полотенца, ситцы, шерстяные чулки, бусы и тому подобную мелочь.

— Наткась, наткась,—говорили бабы,—не жалѣетъ!... Что говорить!... Давно ли своя была...

— Что, бабы, рады? Вишь васъ какъ Антиповна-то ублажаетъ!—кричали подошедшіе трое мужиковъ въ синихъ халатахъ.—Плохо молитесь!... Кабы молились крѣпче, и у васъ бы мужья всѣ съ Артамона выросли.

— Вамъ и вырости, пьяницамъ!—отвѣчали весело бабы.—Было бы съ чего рости.

Мужики, хохоча, гурьбой вошли наверхъ и прямо ввалились въ комнату, фамильярно махая ногами, руками и полами кафтановъ.

— Артамону Матвѣичу!—крикнули они.—Ахъ, ишь-те вошь, какой выправился!... Здорово, другъ-пріятель! Ну, давай поцѣлуемся. Не побрезгуешь чай?...

— Съ чего брезговать?... Что вы!... Помилуйте! Сами не велики мы господа. Тѣ же крестьяне.

— Это хорошо, братъ, что носъ не дерешь, а за что нужно, сами почтемъ.

— Это ужь конечно.

— Ну, что, старички, рады не бойсь?—обращались они къ старикамъ-отцамъ. —А?... Не все въ сермягѣ потѣть, пришла пора и вашимъ дѣтямъ суконце носить... Такъ-то!... Всему свои сроки, свой предѣлъ.

— А помнишь, Артамонъ Матвѣичъ, чай не забылъ, какъ вмѣстѣ въ извозы-то хаживали? Чуть не полъ-Россіи обтопали... А?

— Всего было...

— Вѣрно, что всего было... Потому вотъ и награда.

— Свое на свое возметъ... Это ужь вѣрно! —говорилъ Артамонъ Матвѣичъ.

— Вѣрно!... Это твои?—показывали мужики на фотографическія карточки, только-что привезенныя и гвоздиками прибитыя къ стѣнкѣ.

— Все мои.

— Твои?... Господа, одно слово, барскія дѣти!... Гдѣ же они обучаются у тебя?...

— Въ техническомъ отдѣлѣ.

— Такъ... Ну, давай Богъ, давай Богъ больше!... Теперь намъ, мужикамъ, такіе люди нужны,—не все за барскимъ умомъ жить... За барскимъ-то умомъ жить дорогонько, дѣдушки! Такъ ли, а?... Барскій-то умъ спинѣ-то мужицкой не дешевъ достается, а? На барскій-то умъ съ оглядкой надѣйся... Такъ ли, дѣдушки?

— Ваше дѣло! Ваше дѣло теперь! — отговаривались старики.—Наше дѣло прожитое, дурно ли, хорошо ли... Живите, какъ сами знаете.

— Да ужь это вѣрно, теперь самъ за собой оборачивайся, ежели горба-то жалко...

— Вотъ намъ такой-то мужикъ, какъ ежели онъ свой-то, и лестенъ... Да!... А у насъ, братъ, Артамонъ Матвѣичъ, тутъ дѣлъ-то скопилось—не оберешься.

— Знаю, знаю... Какъ у васъ, пьяницъ, дѣлъ не быть!... Вы и безъ дѣла заведете дѣло, — улыбаясь, лукаво замѣтилъ Артамонъ.

— Ну, ты это оставь... Что мы за пьяницы!... Тутъ, братъ, безъ вина пьянъ будешь. Не за бариномъ живемъ, какъ старики. Это вотъ имъ легко было. А нынѣ смотри все сами... Такъ ли, старички?

— Ваше дѣло!... Наше дѣло, легко ли, трудно ли, прожитое. Живите ужь вы, какъ умѣете,—отвѣчали опять старички.

И опять слышалось:

— Откушайте... Пожалуйте... Благодарствуемъ... Проходите...

Наконецъ потянулся причтъ съ крестомъ: батюшка въ своей неизмѣнной старой зеленой рясѣ, дьяконъ прямо въ подрясникѣ, дьячокъ и, вмѣстѣ съ ними, даже два его сына, франтоватые великовозрастные парни—студенты семинаріи. Всѣ присутствовавшіе встали.

— Батюшка!... Отецъ преподобный!—закричали было нѣкоторые мужики, но ихъ остановили.

— Повремените, повремените!...

Но едва отслужили молебенъ, едва успѣли приложиться ко кресту, какъ тѣ же, нѣсколько подвыпившіе, мужики закричали, окруживъ батюшку:

— Отецъ преподобный!... Батюшка! Смотри-ка, а? Что, каковъ мужичокъ-то, а?

— Слава Богу!... Дай Богъ, дай Богъ!... Пріятно! — отговаривался батюшка, нѣсколько разъ пожимая руку Артамону.

— Да нѣтъ, ты говори: пора ли намъ перестать за бариномъ жить, а? Пора ли намъ за своимъ умомъ жить, а? Вотъ ты что говори!... А? Преподобный, такъ ли мы говоримъ?

— Справедливо... Что-жь, времена... Все во временахъ...

— То-то вотъ и есть... Это вотъ кто, гляди-ка!—тащили мужики подъ руки батюшку къ фотографическимъ карточкамъ.— Чьи это дѣти-то? Барскія, а? Смотри-ка, сертучки-то... А? Чьи дѣти, преподобный, говори!...

— Теряюсь, — пожималъ батюшка плечами и искуственно изумлялся.—Ваши?—обращался онъ съ улыбкой къ Артамону.

— Му-жиц-кіе, отецъ, мужицкіе!... Ты и знай... Да!... Мы вотъ съ отцомъ-то ихнимъ, съ Артамономъ-то, вмѣстѣ въ извозѣ полъ-Рассеи обтопали, а они... Вишь, они, мундирчики-то!... Такъ-то, другъ, понимай! Будетъ за барскимъ-то умомъ проживать,—свой найдемъ!... Дорогонекъ онъ, чужой-то умъ.

— Что-жь баринъ?... Конечно, ужь времена,—темно отговаривался батюшка.—Теперь и мужичкамъ дай Богъ.

— Умеръ, вишь ты, старикъ-то въ ночь? — спрашивали мужики.

— Скончался.

— Царство ему небесное! Добрый былъ старикъ, что говорить... Давно ужь пора было умирать, — и то ужь какъ будто за умъ зажилъ... Поди, годовъ 80 было.

— Да, такъ вотъ такъ-то, отецъ, и перевертывайся теперь мужичкомъ саиъ... Теперь ужь и ты передъ мужичкомъ походишь... Былъ ли у молодаго-то барина? Что?

— Заглядывалъ.

— Ну?

— Пустовато вокругъ, какъ будто эдакъ... не хозяйственно, сиротливо...

— А-а!

— Слышалъ отъ старичка Нила, будто, вишь, онъ ему говорилъ, что здѣсь, на родномъ гнѣздѣ, хочетъ поселиться.

— Че-ево?—переспросили внимательно мужики.

— Здѣсь, молъ, хочетъ остаться молодой-то.

Всѣ молчали. Потомъ одинъ мужикъ сказалъ, какъ бы мимоходомъ: «У насъ документы...» А другой подошелъ къ разсматривавшимъ фотографическія карточки студентамъ и спросилъ: «Что смотрите, а?... Чьи ребята-то расписаны тутъ?»

Студенты ухмыльнулись.

— А-а, то-то!—протянулъ мужикъ.—Артамоша, подчуй!... Поздравимся!...

И надъ столомъ опять раздалось:

— Пожалуйте... Сдѣлайте милость... Присядьте... Откушайте...

— Пріятно, весьма пріятно, — говорилъ батюшка, усаживаясь около стариковъ-отцовъ. — Пора принять утѣшеніе въ преклонныхъ лѣтахъ... Господь добродѣтель всегда наградитъ... Добродѣтель, Матвѣй Васильичъ, всегда будетъ награждена — и въ сей жизни, и въ будущей... Претерпѣли,—ну, и что-жь?... Господь взыщетъ... Всему времена и сроки...

— Сроки, батюшка, точно... Кушако-сь красненькаго-то!

Стали закусывать. Послѣ закуски подали обѣдъ. И вверху, и внизу повисъ въ воздухѣ сытый паръ отъ жирныхъ щей. Сначала обѣдали «парадно», съ причтомъ, съ близкими родными и уважаемыми знакомыми. Потомъ обѣдали «попроще» — съ бабами, близкими и дальними родственницами. Потомъ обѣдали

«еще попроще»: кормили вдовъ, сиротъ, стариковъ, бобылей, пропившихся мужиковъ... Иногда Артамонъ сходилъ внизъ, и тогда ему тамъ цѣловали руки, кланялись въ поясъ. Какой-то пьяный мужичокъ, которому онъ прислалъ денегъ на постройку избы послѣ пожара, теперь кланялся ему въ ноги, такъ какъ не могъ заплатить въ срокъ деньги. Артамонъ конфузливо и великодушно поднималъ мужика съ земли, махалъ рукой, говорилъ: «ну, ну... увидимъ послѣ, увидимъ, что дальше будетъ... Не будемъ старое поминать!... Подождемъ!...» Вотъ тутъ же полуслѣпой старикъ припалъ къ его рукѣ и плакалъ въ умиленіи. Этотъ старикъ года два тому ослѣпъ и Артамонъ на свой счетъ выписалъ его въ тотъ городъ, гдѣ онъ проживалъ, помѣстилъ въ клиники, вылѣчилъ и обратно отправилъ домой... Тутъ же толкался, пилъ и ѣлъ и старикъ Нилъ, давно уже ходившій по-міру.

— Нѣтъ, знаете, бѣда, какъ внизъ сойдешь, — говорилъ, добродушно улыбаясь, Артамонъ, поднявшись опять вверхъ. — Униженный ужь оченно народъ. Даже какъ-то тяжко смотрѣть, до чего онъ доходитъ...

И въ его словахъ звучало не то искреннее сожалѣніе, не то полупрезрѣніе. Вѣрнѣе, тутъ было и то, и другое.

А къ вечеру подпившіе мужики, сверстники Артамона, тащили изъ избы за руки и за полы Артамона Матвѣевича и Арину Антиповну.

— Пойдемъ, пойдемъ,— кричали они, надѣвая на Артамона картузъ. — Али мы отпотчивать тебя не сможемъ? Али, ты думаешь, мы изъ-за вина къ тебѣ ходили?... Нѣтъ, братъ, мы не изъ корысти... Мы тонко понимаемъ... Мы, братъ, Артамоша!... Свой, вотъ, главное дѣло—свой! Ты пойми...

— Позвольте... Иванъ Егорычъ... Ѳадей Петровичъ... Мы это понимаемъ... Мы вполнѣ цѣнимъ... Только очинно ужь мы за день смучились,—отбивался Артамонъ.

Но его съ женой все-таки увели. Ихъ водили изъ избы въ избу, имъ показывали свои хозяйства, передъ ними старались наивно похвастаться всѣмъ, что могло рекомендовать мужицкую умственность...

Была уже темная осенняя ночь. Народъ угомонился. Въ избахъ вездѣ погасли послѣдніе огни и только свѣтились желтыми пятнами два окна въ барскомъ домѣ, гдѣ стоялъ гробъ стараго

барина, да тускло горѣли свѣчи въ избѣ Кабана. Здѣсь вокругъ стола сидѣли усталые хозяева — самъ Кабанъ, старикъ-тесть и только-что возвратившіеся Артамонъ съ женой. Арина Антиповна сидѣла-сидѣла и вдругъ расплакалась.

— Чего ты, Ариша?—спросилъ ее отецъ.

— Тятенька, отъ радости... Отъ родной стороны... Оченно ужь мнѣ это непереносимо, — всхлипывая, отвѣчала Арина Антиповна.

— Ну, полно, полно, вишь, размякла...

— Думала ли я, тятенька, когда ни то, чтобы такое мнѣ счастье... такая ото всѣхъ къ намъ любовь... отъ родной сторонки...

— За доброту вашу!

— Велика ли наша доброта!... Нѣтъ, ужь это такъ, Богъ знаетъ за что... Такъ ужь это, отъ крови,— родная кровь... Вотъ вѣдь и мнѣ всѣхъ ихъ, нашихъ-то, деревенскихъ, жалко, всѣхъ люблю... Другой разъ на чужой-то сторонѣ вспомнишь и зальешься...

— Нну-у!—махнулъ рукой на жену Артамонъ, зѣвнувъ.— Значитъ, не даромъ, а есть за что: ты вотъ какъ говори!... Такъ ли, тятенька?—спросилъ онъ шутливо старика.

— Себялюбцы они, себя любятъ, вотъ они кого любятъ,— брюзгливо замѣтилъ старый Кабанъ.—Угорѣть съ ними не долго, коли головы не жаль.

— Ежели безъ понятія, угорѣть тутъ даже очень возможно,—заключилъ Артамонъ.

III.

Прошла недѣля. Старый баринъ былъ похороненъ «съ торжествомъ», какъ писали досужіе корреспонденты-обыватели, такъ какъ въ день похоронъ прискакали изъ города кое-какія административныя власти, вдругъ вспомнившія, что гдѣ-то тамъ неожиданно оказался существовавшимъ еще «одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ великой реформы». Всѣ они оказались, конечно, очень огорченными смертью старика, всѣ оказались такими глубокими цѣнителями «великой реформы», что долго уговаривали племянника позволить отвезти тѣло стараго генерала въ городъ, гдѣ и предать его землѣ, въ подобающемъ ему мѣстѣ и съ подобающимъ почетомъ. Но племянникъ, вообще человѣкъ мягкій, на этотъ разъ очень упорно не соглашался и полагалъ, что са-

мымъ подобающимъ мѣстомъ упокоенія стараго барина именно должно быть бѣдное сельское кладбище. Администраторы принуждены были ограничиться тѣмъ «торжествомъ», какое они своимъ присутствіемъ придавали деревенскимъ похоронамъ. Маленькая сельская церковь была полна народа. Было душно, дымно и пахло черезчуръ уже плохимъ ладаномъ и мужицкимъ полушубкомъ. Батюшка, не безъ искренняго волненія, сказалъ небольшое слово, въ которомъ, въ энергичныхъ выраженіяхъ обращаясь къ народу, указалъ на добродѣтельную жизнь покойника, полную самоотреченія въ пользу своихъ рабовъ,—упомянулъ, что добродѣтель никогда не остаётся неоцѣненною, на что указываетъ присутствіе при гробѣ почетныхъ гостей, и наконецъ, указывая на молодаго барина, воскликнулъ: «И се, передъ вами, благочестивые слушатели, достойный плодъ сей добродѣтели... Не бо́льная ли награда намъ, братія, на землѣ, ежели взращенные нами и вскормленные пойдутъ по стопамъ нашимъ и усугубятъ плоды добродѣтели? Да пребудутъ же, братія, имена и память сихъ подвижниковъ добродѣтели и печальниковъ о насъ, бѣдныхъ и слѣпыхъ, священны изъ рода въ родъ!» Добрый батюшка прослезился. Народъ былъ взволнованъ. Старики и женщины плакали. Молодой баринъ былъ блѣденъ.

Когда тѣло было предано землѣ и «все кончилось», молодой баринъ, на кладбищѣ же, объявилъ столпившимся около него заплаканнымъ и соболѣзнующимъ крестьянамъ, что онъ пріѣхалъ къ нимъ не за наслѣдствомъ, что, напротивъ, онъ, по примѣру дяди, отдаетъ имъ и ту, остальную, землю, такъ какъ, вмѣстѣ съ ними, раздѣляетъ ихъ воззрѣніе, что земля должна принадлежать тому, кто поливаетъ ее своимъ по́томъ и кровью,—что онъ проситъ отъ нихъ только одного—радушія, что себѣ оставляетъ только садъ съ клочкомъ земли, гдѣ онъ намѣренъ построить флигель и поселиться въ немъ; что въ замѣнъ ихъ радушія онъ предлагаетъ имъ всего себя—свой умъ, знаніе, опытность, душу и сердце... Пусть они идутъ къ нему прямо, какъ къ своему брату, за совѣтомъ, за добрымъ словомъ... Когда онъ кончилъ, стыдливо пряча лицо, расчувствовавшіеся крестьяне заговорили разомъ что-то очень нѣжное, очень любовное; головы заначались низкими поклонами, а старики ловили его «барскую ручку».

Прошла еще недѣля. Молодой баринъ, блѣдный, худой, съ еще болѣе потемнѣвшимъ лицомъ, ходилъ по пустымъ комнатамъ

барскаго дома. Вотъ уже три дня, какъ онъ былъ совершенно одинъ. Но не это, не свое одиночество гнело и ужасало его. Съ каждымъ часомъ въ его воображеніи, во всемъ ужасѣ, все яснѣе вставала картина десятилѣтняго одиночества его умнаго, добраго старика-дяди,—одиночества вотъ здѣсь, въ этихъ длинныхъ комнатахъ, съ полусвѣтомъ, пробивающимся въ окна сквозь густыя липы, которыя, дичая все больше и больше, окружили домъ какъ будто крѣпостными стѣнами. Сначала это одиночество было невольнымъ,—по велѣніямъ судьбы,—а затѣмъ старикъ, на склонѣ лѣтъ, тихо и незамѣтно впадая въ дѣтство, самъ уже полюбилъ его и не хотѣлъ съ нимъ разставаться.

Чѣмъ больше уходили часы за часами, сопровождаемые только гулкимъ стукомъ его коблуковъ, тѣмъ ужасъ молодаго человѣка возрасталъ все больше и больше... Цѣлый міръ фантастическою чередой проходитъ предъ нимъ,—міръ грозныхъ противорѣчій и парадоксовъ жизни, тяжелыхъ, непостижимыхъ; онъ наступалъ на него, оболакивалъ его, топилъ въ своей неизмѣримой глубинѣ... Вотъ помнитъ онъ этотъ же домъ за двадцать пять лѣтъ назадъ, во времена *рабства*,—и какою теплотой, какою жизнью дышалъ онъ: цѣлый рядъ живыхъ жизней копошился здѣсь около добраго барина,—цѣлая дворня жила его умомъ, его сердцемъ, согрѣваемая его патріархальною добротой, какъ дѣти, жавшіяся около отца: онъ считалъ ихъ всѣхъ *своими*, и они считали его *своимъ*, неразрывно связаннымъ съ ними какими-то крѣпкими, непостижимыми, почти родственными связями. Была ли когда хоть у одной изъ этихъ жизней мысль, что она можетъ думать, существовать, дѣйствовать отдѣльно, самостоятельно, безъ гармоніи съ *его* мыслью, съ его дѣйствіями? Было ли у нихъ что-либо свое, дорогое, завѣтное, что не связывалось бы съ нимъ, съ его существованіемъ? Даже сама деревня—какъ она близко, вплотную, стояла тогда къ этому дому... Вѣдь вотъ этотъ домъ теперь стоитъ на томъ же мѣстѣ, но какъ она теперь кажется далеко, будто ушла куда-то, а тогда она казалась вотъ здѣсь, тутъ, подъ окнами... Вся жизнь деревни врывалась постоянно вотъ сюда, въ самыя окна: барскій домъ слышалъ плачъ ребятишекъ, ругань мужей и женъ, шумъ сходки, горе и радость каждой избы,—все это неслось сюда сплошнымъ, живымъ шумомъ жизни... И точно также изъ этого барскаго дома неслось на деревню обратное теченіе: вся жизнь барскаго дома, его тревоги и радости, полнота или скудость его жизни, печаль и торжество — все отражалось

въ сотняхъ отраженій въ каждой, самой маленькой, крестьянской избѣ... «Нашъ баринъ... Наша усадьба... Мы купили рощу... Мы запустили пчелъ... У насъ въ саду урожай яблокъ и сливъ... У насъ отъ швейцарской коровы бычокъ на племя пущенъ... Наши барчата пріѣхали... Наша нянюшка скончалась: вчера хоронили... Мы отъ Царя-батюшки благодарность получили: ленту нашему барину прислали... У насъ горе: за лѣкаремъ посылали къ барынѣ... У насъ барченочекъ народился... Наши поля... Наши луга... Нашъ урожай»,—говорили мужики, складывая этотъ урожай въ барскіе закрома... И вся эта полнота и гармонія жизни, вся эта теплота царила здѣсь въ то время, когда *мы* брали съ этихъ, которые насъ и которыхъ мы называли *своими*,— все, что только можно было взять: свободу человѣческой личности, свободу его собственнаго ума, воли, желаній... А теперь?... И въ воображеніи молодаго барина ясно всталъ цѣлый рядъ годовъ, когда шагъ за шагомъ вся эта полнота и гармонія жизни расплывалась и таяла, какъ ледъ на припекѣ солнца, когда вся деревня—вся, цѣликомъ—отступала и уплывала куда-то, все дальше и дальше отъ барскаго дома,—и какъ же она теперь далеко!... И стала она уходить и уплывать именно съ того момента, когда ей сказали: «на, вотъ, это *твое*...» И чѣмъ больше торопился старикъ сбросить съ себя и съ своего народа «клеймо рабства», чѣмъ усерднѣе онъ хлопоталъ объ этомъ, тѣмъ ближе становился къ пропасти, тѣмъ быстрѣе увлекалъ его въ бездну потокъ жизненныхъ противорѣчій... Онъ, безкорыстный рыцарь «освобожденія», съ донъ-кихотскою беззавѣтностью откликнулся на «призывъ», и когда ударилъ часъ этого освобожденія, ему сказали: «довольно, даже слишкомъ!»—и предложили вкусить плоды этого освобожденія среди своихъ крѣпостныхъ, въ глуши собственнаго помѣстья. Онъ здѣсь сразу почувствовалъ исчезающую гармонію... Онъ съ лихорадочною торопливостью спѣшилъ заполнить все больше и больше раздвигавшееся пустое мѣсто, вмѣсто прежней гармоніи все больше расширявшуюся пропасть между нимъ и уплывавшею деревней,—стремился если не *тамъ*, не *вездѣ*, то хоть у себя провести «освобожденіе» послѣдовательно и радикально. И чѣмъ торопливѣе сбрасывалъ онъ спутывавшія и себя, и людей своихъ узы рабства, тѣмъ—о, ужасъ!—пропасть росла быстрѣе и быстрѣе... Глухое, холодное, черствое одиночество наплывало на него съ каждымъ годомъ все ужаснѣе, все настойчивѣе, какъ холодная весенняя вода разлива, охватывающая

своими льдяными объятіями береговые дома. Вотъ она все ближе, все выше и выше поднимается, все дальше разливается—позади, впереди, вокругъ—и наконецъ совсѣмъ отрѣзала отъ всего божьяго міра... Оставалось одно — или бѣжать, пока есть еще возможность, или погибнуть, потонуть въ холодной волнѣ... Старикъ предпочелъ послѣднее—и волна одиночества похоронила его.

«Что-жь онъ оставилъ мнѣ?—спрашивалъ молодой баринъ.—Неужели то же?»

Онъ еще не имѣлъ на этотъ вопросъ прямаго отвѣта, но уже одно это неимѣніе начинало его безпокоить и наполнять сердце гнетущими предчувствіями. Онъ рѣшилъ...

И въ ту минуту, когда онъ принялъ это рѣшеніе, скрипнула дверь его кабинета и въ ней остановились три фигуры: впереди стояла полная, пожилая женщина, уже знакомая читателю, а сзади ея, рядкомъ, старикъ-поваръ, ея мужъ, съ убитой и апатичною физіономіей, и одѣтый «по-статскому», съ толстою цѣпочкой на жилеткѣ, румяный, толстый и кудрявый—ея сынъ.

— Къ вамъ мы, батюшка-баринъ, — заговорила мягкимъ и слезливымъ голосомъ полная женщина въ платьѣ и платочкѣ, и всѣ три фигуры низко поклонились.

— Что вамъ нужно?—спросилъ баринъ ласково.

— Къ вашей милости,—проговорила неувѣренно женщина и стала дѣлать какіе-то грозные знаки глазами мужу и сыну, заставляя ихъ выступить на объясненіе; но тѣ, тоже мимикой и прячась за нее, упорно протестовали.

— Что же вы хотите?—спросилъ опять баринъ.

Пожилая женщина, поведя съ негодующимъ презрѣніемъ глазами на своего мужа, тотчасъ же измѣнила свою физіономію на умоляющую и смиренную.

— Не смѣемъ васъ, батюшка-баринъ, безпокоить, какъ, выходитъ, очинно намъ это чижело... Потому какъ съизмалолѣтства къ вашему дому привыкши,—начала полная женщина, путаясь въ словахъ.—Только мы, какъ, значитъ, теперь живемъ по увольнительному акту,—удумали мы ужь давно самую эту деревню оставить... Потому сталъ народъ теперь вольница, пьяница, воры и мошенники безъ барской власти, и жить намъ съ ними, привыкши къ господскимъ порядкамъ, стало утѣснительно...

— Вы хотите уѣхать?

— Такъ точно-съ, батюшка, милый баринъ! Въ городъ удумали давно ужь... Не хотѣли мы вамъ безпокойства этимъ дѣлать,

да видючи, какъ мы вамъ будемъ больше въ тягость, нежели въ пользу, такъ ужь...

— Какъ хотите,—поспѣшилъ сказать баринъ. — Я васъ не гоню... Напротивъ, я бы хотѣлъ, чтобы при мнѣ остались всѣ на своихъ мѣстахъ, по-старому, какъ при дядѣ были... Я никого не хочу выживать изъ дому... Притомъ, мнѣ все равно надобно и экономку, и повара, или кухарку.

— Такъ, такъ... Это точно, милый баринъ, что и вамъ прислуга потребуется... Только какъ, одумали мы, что вамъ напрасно будетъ насъ содержать... Вы—одинокіе, милый баринъ, хозяйственности у васъ большой не будетъ,—куда вамъ насъ, цѣлую ораву, откармливать!... Вѣдь это тоже расходъ, милый баринъ! Это мы тоже очинно понимаемъ... Къ чему же мы вамъ стѣсненіе будемъ дѣлать? Конечно, какъ встарину, мы были бы обвязаны... Ну, а теперь, какъ по увольнительному свидѣтельству царскому...

— Если вы желаете, я...

— Лучше такъ вамъ будетъ, милый баринъ, повѣрьте, лучше... Гдѣ теперь дворню большую содержать!... Харчи дорогіе... А попробуйте-ка, сударь, ихъ напоить да накормить! Вѣдь вонъ они какіе быки (показала женщина на своего мужа и сына). Я вѣдь у вашего дядюшки десять лѣтъ хозяйствомъ завѣдывала и знаю, каково жить... А вы, милый баринъ, наймете бобылочку изъ деревни—и предостаточно будетъ для васъ... Мы вамъ даже пріищемъ, такъ васъ не оставимъ... Помилуйте, вѣдь въ насъ тоже чувство есть...

— Благодарю васъ. Я васъ не стѣсняю.

— Очинно вамъ много благодарны, милый баринъ... Въ вѣкъ вашу ласку съ дяденькой не забудемъ... Позвольте ручку вашу поцѣловать намъ... Дозвольте въ послѣдній разокъ къ вашей милости прикоснуться.

— Нѣтъ, ужь это зачѣмъ же... Мы лучше такъ расцѣлуемся!—сказалъ баринъ, вспыхивая и быстро поднимаясь.

— Что вы, что вы, милый баринъ,—замахала руками полная женщина.—Ужь очинно вы снисходительны... Нѣтъ ужь, вы насъ не конфузьте, позвольте ручку одну... И то ужь для насъ это будетъ большимъ, даже можно сказать черезмѣрнымъ, награжденіемъ.

И женщина сердитымъ взглядомъ дала знакъ мужчинамъ. Всѣ стали ловить барскую ручку.

— А теперича, милый баринъ, вы ужь съ нашей совѣсти все снимите, до маковой росинки... Чтобы ужь на нашей душѣ ниже вотъ на ноготь ничего не лежало, — прибавила женщина, опять кланяясь.

— Что же вамъ еще нужно?

— Примите отъ меня хозяйство ваше и дяденьки, чтобъ ужь изъ рукъ въ руки...

— Да какъ же я буду принимать? Развѣ есть списки послѣ дяди?

— Какіе списки!... Что вы, милый баринъ!... Мы вѣкъ при дядюшкѣ прожили, родились при нихъ... Какіе списки!... Все на совѣсти моей было...

— Ну, вотъ, видите... Значитъ, что же я могу?... Все одно.

— Нѣтъ ужь, милый баринъ, вы насъ не конфузьте передъ людьми и Богомъ... Народишко нонѣ сталъ подлый, извольничался,—мало ли чего наплетутъ да наговорятъ... Нѣтъ ужь, милый баринъ, пожалуйста снимите съ моей совѣсти... Пущай сами вы своимъ глазкомъ увидите, что мы вѣрой и правдой служили, что ниже маковой росинки...

— Хорошо, хорошо, — прервалъ баринъ и пошелъ въ первый разъ осматривать хозяйство.

Пожилая женщина въ платочкѣ повела его въ буфетъ. Здѣсь заставила она его переглядѣть, тщательно завернутыя въ бумажки, полдюжины стертыхъ чайныхъ ложекъ, полдюжины разномастныхъ столовыхъ ложекъ, столько же попорченныхъ ножей и вилокъ и пр., и пр.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ баринъ въ лихорадочномъ безпокойствѣ. Онъ уже начиналъ чувствовать приступъ «ужаса».

— Все, все въ сохранности, милый баринъ,—говорила женщина.—Все, какъ свое око, берегла, что только могла... Только дяденька вашъ очень добродѣтельны были черезъ мѣру, — очень много зря дарили. Даже мы очинно ихъ милостями были взысканы... Святая ихъ добродѣтель!...

— Вотъ сюда пожалуйте, и сюда, и сюда,—водила его женщина, сопровождаемая молчаливыми свидѣтелями—мужемъ и сыномъ.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ баринъ совершеннно машинально.

Пришли въ сарай, въ конюшни.

— Вотъ тарантасикъ вамъ остался, а шарабанчикъ-то этотъ новенькій—нашъ, милый баринъ, все своими трудами... Изъ жилъ

тянулись, чтобъ эдакую вещицу пріобрѣсть... Лошадки-то вотъ вамъ только не осталось,—всѣ старыя-то пали... А этихъ вотъ жеребчиковъ-то все ужь мы выходили... Почесть своей кровью вспоили-вскормили... Для бѣднаго человѣка это чего стоитъ!... Не барское наше дѣло...

И когда баринъ кончилъ обходъ и осмотръ жалкаго барскаго инвентаря, когда онъ смотрѣлъ на стоявшіе у воротъ большіе воза съ «людскимъ скарбомъ», готовые тронуться въ путь, когда въ ушахъ его звучалъ все еще слезливый голосъ экономки,—ужасъ совершавшагося на его глазахъ грабежа поднималъ волосы на его головѣ...

«Скорѣе, скорѣе... долой... весь этотъ прахъ рабства!... Скорѣе стереть это ужасное клеймо, чтобы ничто не напоминало о немъ»—шепталъ онъ. И его мысль все упорнѣе и чаще останавливалась на деревнѣ. Но и деревня, казалось, уходила все дальше отъ его глазъ, вмѣстѣ съ медленно исчезавшими за березовой аллеей возами переселяющейся дворни.

Онъ рисковалъ остаться уже совершенно одинъ и захлебнуться волной холоднаго одиночества еще болѣе позорно, чѣмъ его дядя.

Онъ рѣшилъ... рѣшилъ самъ идти къ убѣгавшей отъ глазъ деревнѣ, но уже не ждать, пока она придетъ къ нему. Тутъ было послѣднее спасеніе.

IV.

Прошла еще недѣля. Баринъ все еще жилъ въ старомъ барскомъ домѣ. Его обычная умственная работа, подорванная въ самомъ корнѣ, шла вяло, безжизненно. Онъ еще ревнивѣе сталъ относиться къ небольшимъ сбереженіямъ, которыми онъ хотѣлъ обезпечить себѣ возможно большее право—уходить отъ жизни, отъ всего, что напоминало *тамъ* и что давало ему средства быть независимымъ здѣсь. Онъ сократилъ до minimum'а свои расходы, питаясь только тѣмъ, что могла предложить ему скудная избытками деревня. Старая дворовая дѣвка одна жила у него на кухнѣ и кое-какъ вела его хозяйство. Онъ былъ все еще одинъ и только старый деревенскій нищій Нилъ, съ навязчивымъ раболѣпіемъ, толкался каждый вечеръ у дверей его кабинета. Странно, молодой баринъ начиналъ все больше чувствовать себя неловко въ присутствіи этого старика. Ему казалось, что старикъ видитъ, что

совершается въ его душѣ, кругомъ него, и ему становилось досадно и стыдно... А старикъ все толкался и толкался у дверей. И чудилось иногда молодому барину, что онъ съ сожалѣніемъ, глядя на него, качаетъ своей лысой, большою головой.

Однажды между ними произошелъ такой разговоръ.

Стоялъ обычный осенній вечеръ. Холодный дождь стучалъ въ окна и дергалъ ставнями порывистый вѣтеръ. Молодой баринъ, едва высвободившись изъ глубокой грязи, стоявшей на деревенской улицѣ, только-что вернулся, нервный и недовольный, мокрый и перепачканный. Лицо его совсѣмъ потемнѣло.

— Проходи, проходи... Я не мѣшаю,—началъ своей обычною фразой старикъ Нилъ, толкаясь въ дверяхъ.—Я вотъ давно ужь у тебя тутъ сижу... Совсѣмъ барскій домъ забросили... Ты хоть бы попенялъ дѣвкѣ-то: чего она космы-то по чужимъ дворамъ треплетъ и день и ночь, а барскій домъ безъ призору покидаетъ...

— Ничего... Никто здѣсь не ограбитъ, — пробормоталъ баринъ.

— Не про грабежъ, а порядку нѣтъ... Хозяйства нѣтъ надлежащаго... Вѣдь народъ-то все видитъ, во всемъ оговариваетъ... Вотъ что, милячокъ!

Но баринъ махнулъ нетерпѣливо рукой, и Нилъ смолкъ.

— Самоваръ-то наставить ужь, что-ли?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Наставь,—проговорилъ баринъ упавшимъ голосомъ и тяжело сѣлъ въ кресло.

Нилъ недовольно покачалъ головой и ушелъ на кухню. Прошелъ почти часъ, когда онъ вернулся, а баринъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ, погруженный въ тяжелое забытье.

Старикъ, по обыкновенію, сѣлъ въ противоположный уголокъ у двери и, тихонько покашливая, покрякивая, поплевывая и понюхивая табакъ, что-то бормоталъ шепотомъ и поглядывалъ на барина.

— Сергѣй Андреичъ!—вдругъ окликнулъ Нилъ.

— Что ты?—спросилъ испуганно баринъ.

— Я тебѣ что́ хочу сказать...

— Ну?

— Ужь разступился бы ты, дѣлать нечего, купилъ бы, дружокъ, мужикамъ-то водки, накатилъ бы ихъ винищемъ...

Молодой баринъ вздрогнулъ.

Нилъ ждалъ отвѣта, но баринъ молчалъ.

— Что терзаться-то, дружокъ!... Куни, говорю, разступись ведеркомъ—да и накати ихъ... Можетъ они и полюбовнѣе къ тебѣ будутъ... Вѣдь нынче какой народъ-то? — Воры, мошенники, головорѣзы, оттябель,—вдругъ громко, волнуясь и вскочивъ со стула, заговорилъ старикъ, дергая своей жидкой, нерасчесанною бородой.—Они вѣдь ласки не понимаютъ... Сердца у нихъ нѣтъ!.. Что они отъ тебя рыло-то воротятъ? Что ты имъ—лиходѣй, что ли, въ самомъ дѣлѣ, а? А вѣдь они что дѣлаютъ... Вѣдь они въ лицо-то тебѣ лясы точатъ, а за глаза-то, какъ ты отъ нихъ изъ избы,—такъ они всѣ по задворкамъ да къ старостѣ, да въ волость, да къ Артамонычу, кричатъ: «у насъ документы!.. Даромъ, слышь, отдалъ... Приказали, такъ и отдалъ... Мы царскіе теперь, мы у казны... Чего онъ изъ насъ душу-то тянетъ?... Чего онъ здѣсь сидитъ?... Чего онъ, лиходѣй, выпытываетъ?... Вѣдь онъ насъ спокою лишилъ, сна не даетъ, кусокъ въ ротъ нейдетъ...» Они ужь вотъ по пяти разъ всѣ документы земельные осматривали... Ребятишкамъ своимъ строго-на-строго заказали съ тобой говорить... Меня ругательски ругаютъ... «Шатунъ, говорятъ, ты, попрошайка, лизоблюдъ барскій, старый песъ!...» У-у, негодное сѣмя!... Власти на него нѣтъ!... Распустили негодниковъ!... Ни тебѣ старшихъ не знаютъ, ни тебѣ Бога не помнятъ... За что они насъ съ тобой казнятъ, за что?... Вѣдь на тебѣ лица не стало... Понимаю,— по себѣ знаю... За что они насъ съ тобой казнятъ, негодное сѣмя?—вскрикивалъ старикъ, постоянно сурово моргая длинными сѣдыми бровями. Онъ весь былъ возмущеніе, негодованіе. Все его маленькое туловище, казалось, трепетало: онъ изгибался, тыкалъ въ воздухъ руками, стучалъ ногами.

Никогда еще баринъ раньше не только не видалъ его такимъ, но даже не предполагалъ, чтобы въ старомъ, раболѣпномъ нищемъ жила такая душевная сила, такая энергія.... Полными скрытаго страданія и въ то же время боязливаго изумленія глазами смотрѣлъ онъ въ лицо нищаго.

— Знаешь ли ты, баринъ, кто я?... Отчего я нищъ, сиръ и убогъ, а? Чего я по кабакамъ съ мѣшкомъ таскаюсь, да что собака у порога дрыхну, а?... Знаешь ли?—заговорилъ опять, еще съ большимъ негодованіемъ, старикъ, все ближе и ближе подступая къ барину.—Вѣдь у меня домъ былъ, настоящій крестьянскій дворъ... Трехъ сыновей я выростилъ. Держалъ ихъ въ страхѣ

Божіемъ... Кто передо мной смѣлъ пикнуть?... Передо мной семьято какъ листъ дрожала... Первымъ владыкой былъ я... На міру, въ волости—отъ всякаго почотъ, отъ всякаго уваженье... А теперь?... Ну, положимъ, гоняли меня на-долго, точно, въ Сибирь,—ну, это мое дѣло и за него одинъ я отвѣтственъ... А они-то что, какъ я вернулся, а? Вѣдь они меня, что тряпку, черезъ годъ выкинули... «Ты, говорятъ, своей власти укрощеніе сдѣлай... Будетъ, говорятъ... Мы, говорятъ, и сами теперь руки-то умѣемъ вертѣть да возжами охаживать... Мы, говорятъ, не посмотримъ, что отецъ... Не очень нонѣ взбалмошнымъ-то старикамъ баловаться позволяютъ!» Вотъ какъ заговорило негодное сѣмя!... Это за хлѣбъ-то мой, за мои-то уроки, за мою-то кровь, что я въ нихъ оставилъ?... Да чтобъ я имъ покорился!...

Старикъ вдругъ остановился и усталый опустился на стулъ. Онъ долго еще ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, сморкаясь и кашляя.

— Такъ-то, дружокъ... Ты ужь извини меня, что я въ горячность при тебѣ вошелъ... Горячъ я, съизмладости... А ты имъ купи водки-то, купи имъ, негодному отродью, залей имъ нутро-то!... Лучше будетъ, вѣрь Богу, лучше будетъ... А то смотри—худо не было бы.

Мраченъ былъ баринъ. Неясныя предчувствія томили его и раньше. Неловкость, какой-то стыдъ за себя и за мужиковъ постоянно ощущалъ онъ при встрѣчѣ съ ними. Какая-то бессердечная, жестокая ложь отношеній между ними клала свое проклятое клеймо на самыя искреннія слова, на самыя прекрасныя движенія и порывы души какъ съ той, такъ и съ другой стороны... Но того, что высказалъ ему старый Нилъ, не могъ подсказать ему самый мрачный пессимизмъ. Мысли его путались, на душѣ ощущалась пустота. Казалось, онъ былъ въ глухомъ лѣсу и передъ нимъ внезапно исчезла единственная тропинка, на которую онъ возлагалъ послѣднюю, хотя слабую, надежду.

V.

На утро, когда Сергѣй Андреевичъ Русановъ еще спалъ и не могъ высвободиться изъ-подъ тяжелаго кошмара, мучившаго его всю ночь, за дверями послышался разговоръ.

— Ты ужь здѣсь?... Что ты все тутъ толчешься,—строгимъ шепотомъ говорилъ батюшка, вытирая о половикъ большіе грязные сапоги въ передней.

— Ничего... Проходите, проходите, я не мѣшаю,—говорилъ старикъ Нилъ.

— Чего не мѣшаю? Что ты господина-то безпокоишь?... Экій навязчивый, братецъ ты мой... Лучше бы при семьѣ жилъ, помогалъ бы въ чемъ при хозяйствѣ, смирился бы, чѣмъ шататься по-міру да ко всѣмъ навязываться.

— Проходите, батюшка, проходите, я вамъ не мѣшаю,—ворчалъ старикъ.

— То-то, проходите!... Богу бы молился, грѣхи бы тяжкіе замаливалъ... Тебѣ бы, по-настоящему, изъ храма не выходить, постомъ и молитвой изможднть себя всячески, чтобы Вседержитель смиловался, а ты...

И батюшка, не договоривъ, на цыпочкахъ и тихо покашливая, вошелъ въ залу.

— Кто тамъ?—окрикнулъ Русановъ.

— Почиваете?—спросилъ въ свою очередь батюшка, просовывая голову въ отверстіе двери въ кабинетъ.

— Это вы, батюшка? Я сію минуту. Если не взыщете за безпорядокъ, входите пожалуйста.

— Рано, должно-быть, я,—замѣтилъ батюшка.

— Ничего. По-деревенски...

— Конечно, для насъ, напримѣръ, простота всего лучше,—ну, а для васъ, знаете, въ ущербъ какъ бы...

— Отчего такъ?

— Да ужь такъ-съ, что къ чему... А то подозрительныя мысли зарождаются въ окружающихъ...

— Полноте, батюшка... Изъ такихъ пустяковъ?

— Не говорите. Надо судить по жизни. Жизнь—штука тонкая-съ, милостивый государь! Тонкая-съ,—засмѣялся батюшка.— У васъ все старичокъ-то толчется?—спросилъ онъ, кивнувъ головой за дверь.

— Да. Онъ полюбилъ меня за что-то.

— Не совѣтовалъ бы вамъ приближать его къ своей особѣ.

— Отчего такъ?

— Плохаго поведенія... Его вѣдь и семья не принимаетъ... Такой баломутный старичишка, взбалмошный, самодурный... Три сына у него, все крестьяне хозяйственные, дѣльные, а ни у одного не ужился. Безпокойный старикъ!...

— Что же мнѣ-то, батюшка?... У нихъ свои дѣла, свои интересы.

— Такъ точно—у нихъ свои интересы... Ну, и притомъ вѣдь онъ въ Сибирь былъ сосланъ... Изъ Сибири возвращенъ по всемилостивѣйшему манифесту, — понизивъ голосъ, сказалъ батюшка.—Вѣдь онъ и къ барскому дѣлу былъ прикосновененъ.

— Какимъ же образомъ?

— Страшное дѣло!... Еще до «воли», разсказываютъ, въ здѣшнемъ бору нашли тѣло сосѣдняго помѣщика, г. Ворыпаева... Много-съ прикосновенныхъ, сказываютъ, было, даже изъ чужихъ деревень. Тутъ и Нилъ былъ-съ, сказываютъ... Въ то время онъ былъ мужикъ состоятельный, глава большой семьи.

— Ну-съ?

— Ну, и всѣхъ ихъ тогда—кого плетьми сѣкли, сквозь строй прогнали, на каторгу, кого на поселеніе... И старичокъ этотъ угодилъ... Вѣроломный крестьянинъ,—по всему видно!

Молодой баринъ вдругъ засмѣялся тихимъ, нервнымъ, ироническимъ смѣхомъ.

— Батюшка!... Вы правы: тонкая штука человѣческая жизнь,— замѣтилъ онъ, въ то время, какъ по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

— Да-съ, выраженіе справедливое... Я вамъ говорю,—поддакивалъ батюшка и нѣсколько въ недоумѣвающемъ изумленіи посматривалъ на молодаго человѣка.

— Знаете, я къ вамъ-съ... по дѣлу,—вдругъ заговорилъ батюшка, какъ будто боясь, чтобы странное настроеніе молодаго барина не помѣшало цѣли, съ которою онъ къ нему пришелъ.— Третій разъ ко мнѣ ужь мужички здѣшніе приходятъ... Въ большомъ они смущеніи... Извините, я, конечно, не отъ себя... Я какъ бы ходатай—не болѣе... Потому даже крестьянки, простыя бабы, такъ скажемъ, и тѣ приходили.

— Въ чемъ же дѣло?

— Касательно васъ... Конечно, крестьяне — народъ робкій, ну, и понятія недостаточно крѣпкія... Я, конечно, говорилъ, утѣшалъ, увѣщевалъ, а они всѣ въ одно твердятъ: «зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ему? Ежели онъ ужь добродѣтель намъ оказалъ, такъ и ушелъ бы... Что онъ намъ спокою не даетъ?... Вѣдь мы сна лишились, отъ пищи отбились... Какъ-нибудь ты насъ съ ними разрѣши, батюшка!» Просятъ... Повѣрите ли, и смѣхъ и горе... Конечно, говорю я, народъ робкій... Понятія твердаго объ жизни нѣтъ... Чудится ему всякое... Я увѣщевалъ, утѣшалъ, а все же...

— Ничего... Проходите, проходите, я не мѣшаю,—говорилъ старикъ Нилъ.

— Чего не мѣшаю? Что ты господина-то безпокоишь?... Экій навязчивый, братецъ ты мой... Лучше бы при семьѣ жилъ, помогалъ бы въ чемъ при хозяйствѣ, смирился бы, чѣмъ шататься по-міру да ко всѣмъ навязываться.

— Проходите, батюшка, проходите, я вамъ не мѣшаю,—ворчалъ старикъ.

— То-то, проходите!... Богу бы молился, грѣхи бы тяжкіе замаливалъ... Тебѣ бы, по-настоящему, изъ храма не выходить, постомъ и молитвой изможднать себя всячески, чтобы Вседержитель смиловался, а ты...

И батюшка, не договоривъ, на цыпочкахъ и тихо покашливая, вошелъ въ залу.

— Кто тамъ?—окрикнулъ Русановъ.

— Почиваете?—спросилъ въ свою очередь батюшка, просовывая голову въ отверстіе двери въ кабинетъ.

— Это вы, батюшка? Я сію минуту. Если не взыщете за безпорядокъ, входите пожалуйста.

— Рано, должно-быть, я,—замѣтилъ батюшка.

— Ничего. По-деревенски...

— Конечно, для насъ, напримѣръ, простота всего лучше,—ну, а для васъ, знаете, въ ущербъ какъ бы...

— Отчего такъ?

— Да ужь такъ-съ, что къ чему... А то подозрительныя мысли зарождаются въ окружающихъ...

— Полноте, батюшка... Изъ такихъ пустяковъ?

— Не говорите. Надо судить по жизни. Жизнь—штука тонкая-съ, милостивый государь! Тонкая-съ,—засмѣялся батюшка.— У васъ все старичокъ-то толчется?—спросилъ онъ, кивнувъ головой за дверь.

— Да. Онъ полюбилъ меня за что-то.

— Не совѣтовалъ бы вамъ приближать его къ своей особѣ.

— Отчего такъ?

— Плохаго поведенія... Его вѣдь и семья не принимаетъ... Такой баломутный старичишка, взбалмошный, самодурный... Три сына у него, все крестьяне хозяйственные, дѣльные, а ни у одного не ужился. Безпокойный старикъ!...

— Что же мнѣ-то, батюшка?... У нихъ свои дѣла, свои интересы.

— Такъ точно—у нихъ свои интересы... Ну, и притомъ вѣдь онъ въ Сибирь былъ сосланъ... Изъ Сибири возвращенъ по всемилостивѣйшему манифесту, — понизивъ голосъ, сказалъ батюшка.—Вѣдь онъ и къ барскому дѣлу былъ прикосновененъ.

— Какимъ же образомъ?

— Страшное дѣло!... Еще до «воли», разсказываютъ, въ здѣшнемъ бору нашли тѣло сосѣдняго помѣщика, г. Ворыпаева... Много-съ прикосновенныхъ, сказываютъ, было, даже изъ чужихъ деревень. Тутъ и Нилъ былъ-съ, сказываютъ... Въ то время онъ былъ мужикъ состоятельный, глава большой семьи.

— Ну-съ?

— Ну, и всѣхъ ихъ тогда—кого плетьми сѣкли, сквозь строй прогнали, на каторгу, кого на поселеніе... И старичокъ этотъ угодилъ... Вѣроломный крестьянинъ,—по всему видно!

Молодой баринъ вдругъ засмѣялся тихимъ, нервнымъ, ироническимъ смѣхомъ.

— Батюшка!... Вы правы: тонкая штука человѣческая жизнь,— замѣтилъ онъ, въ то время, какъ по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

— Да-съ, выраженіе справедливое... Я вамъ говорю,—подхватилъ батюшка и нѣсколько въ недоумѣвающемъ изумленіи посматривалъ на молодаго человѣка.

— Знаете, я къ вамъ-съ... по дѣлу,—вдругъ заговорилъ батюшка, какъ будто боясь, чтобы странное настроеніе молодаго барина не помѣшало цѣли, съ которою онъ къ нему пришелъ.— Третій разъ ко мнѣ ужь мужички здѣшніе приходятъ... Въ большомъ они смущеніи... Извините, я, конечно, не отъ себя... Я какъ бы ходатай—не болѣе... Потому даже крестьянки, простыя бабы, такъ скажемъ, и тѣ приходили.

— Въ чемъ же дѣло?

— Касательно васъ... Конечно, крестьяне — народъ робкій, ну, и понятія недостаточно крѣпкія... Я, конечно, говорилъ, утѣшалъ, увѣщевалъ, а они всѣ въ одно твердятъ: «зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ему? Ежели онъ ужь добродѣтель намъ оказалъ, такъ и ушелъ бы... Что онъ намъ спокою не даетъ?... Вѣдь мы сна лишились, отъ пищи отбились... Какъ-нибудь ты насъ съ ними разрѣши, батюшка!» Просятъ... Повѣрите ли, и смѣхъ и горе... Конечно, говорю я, народъ робкій... Понятія твердаго объ жизни нѣтъ... Чудится ему всякое... Я увѣщевалъ, утѣшалъ, а все же...

— Ничего... Проходите, проходите, я не мѣшаю,—говорилъ старикъ Нилъ.

— Чего не мѣшаю? Что ты господина-то безпокоишь?... Экій навязчивый, братецъ ты мой... Лучше бы при семьѣ жилъ, помогалъ бы въ чемъ при хозяйствѣ, смирился бы, чѣмъ шататься по-міру да ко всѣмъ навязываться.

— Проходите, батюшка, проходите, я вамъ не мѣшаю,—ворчалъ старикъ.

— То-то, проходите!... Богу бы молился, грѣхи бы тяжкіе замаливалъ... Тебѣ бы, по-настоящему, изъ храма не выходить, постомъ и молитвой изможднть себя всячески, чтобы Вседержитель смиловался, а ты...

И батюшка, не договорнвъ, на цыпочкахъ и тихо покашливая, вошелъ въ залу.

— Кто тамъ?—окрикнулъ Русановъ.

— Почиваете?—спросилъ въ свою очередь батюшка, просовывая голову въ отверстіе двери въ кабинетъ.

— Это вы, батюшка? Я сію минуту. Если не взыщете за безпорядокъ, входите пожалуйста.

— Рано, должно-быть, я,—замѣтилъ батюшка.

— Ничего. По-деревенски...

— Конечно, для насъ, напримѣръ, простота всего лучше,—ну, а для васъ, знаете, въ ущербъ какъ бы...

— Отчего такъ?

— Да ужь такъ-съ, что къ чему... А то подозрительныя мысли зарождаются въ окружающихъ...

— Полноте, батюшка... Изъ такихъ пустяковъ?

— Не говорите. Надо судить по жизни. Жизнь—штука тонкая-съ, милостивый государь! Тонкая-съ,—засмѣялся батюшка.— У васъ все старичокъ-то толчется?—спросилъ онъ, кивнувъ головой за дверь.

— Да. Онъ полюбилъ меня за что-то.

— Не совѣтовалъ бы вамъ приближать его къ своей особѣ.

— Отчего такъ?

— Плохаго поведенія... Его вѣдь и семья не принимаетъ... Такой баломутный старичишка, взбалмошный, самодурный... Три сына у него, все крестьяне хозяйственные, дѣльные, а ни у одного не ужился. Безпокойный старикъ!...

— Что же мнѣ-то, батюшка?... У нихъ свои дѣла, свои интересы.

— Такъ точно—у нихъ свои интересы... Ну, и притомъ вѣдь онъ въ Сибирь былъ сосланъ... Изъ Сибири возвращенъ по всемилостивѣйшему манифесту, — понизивъ голосъ, сказалъ батюшка.—Вѣдь онъ и къ барскому дѣлу былъ прикосновененъ.

— Какимъ же образомъ?

— Страшное дѣло!... Еще до «воли», разсказываютъ, въ здѣшнемъ бору нашли тѣло сосѣдняго помѣщика, г. Ворыпаева... Много-съ прикосновенныхъ, сказываютъ, было, даже изъ чужихъ деревень. Тутъ и Нилъ былъ-съ, сказываютъ... Въ то время онъ былъ мужикъ состоятельный, глава большой семьи.

— Ну-съ?

— Ну, и всѣхъ ихъ тогда—кого плетьми сѣкли, сквозь строй прогнали, на каторгу, кого на поселеніе... И старичокъ этотъ угодилъ... Вѣроломный крестьянинъ,—по всему видно!

Молодой баринъ вдругъ засмѣялся тихимъ, нервнымъ, ироническимъ смѣхомъ.

— Батюшка!... Вы правы: тонкая штука человѣческая жизнь,— замѣтилъ онъ, въ то время, какъ по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

— Да-съ, выраженіе справедливое... Я вамъ говорю,—поддакивалъ батюшка и нѣсколько въ недоумѣвающемъ изумленіи посматривалъ на молодаго человѣка.

— Знаете, я къ вамъ-съ... по дѣлу,—вдругъ заговорилъ батюшка, какъ будто боясь, чтобы странное настроеніе молодаго барина не помѣшало цѣли, съ которою онъ къ нему пришелъ.— Третій разъ ко мнѣ ужь мужички здѣшніе приходятъ... Въ большомъ они смущеніи... Извините, я, конечно, не отъ себя... Я какъ бы ходатай—не болѣе... Потому даже крестьянки, простыя бабы, такъ скажемъ, и тѣ приходили.

— Въ чемъ же дѣло?

— Касательно васъ... Конечно, крестьяне — народъ робкій, ну, и понятія недостаточно крѣпкія... Я, конечно, говорилъ, утѣшалъ, увѣщевалъ, а они всѣ въ одно твердятъ: «зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ему? Ежели онъ ужь добродѣтель намъ оказалъ, такъ и ушелъ бы... Что онъ намъ спокою не даетъ?... Вѣдь мы сна лишились, отъ пищи отбились... Какъ-нибудь ты насъ съ ними разрѣши, батюшка!» Просятъ... Повѣрите ли, и смѣхъ и горе... Конечно, говорю я, народъ робкій... Понятія твердаго объ жизни нѣтъ... Чудится ему всякое... Я увѣщевалъ, утѣшалъ, а все же...

— Ничего... Проходите, проходите, я не мѣшаю,—говорилъ старикъ Нилъ.

— Чего не мѣшаю? Что ты господина-то безпокоишь?... Экій навязчивый, братецъ ты мой... Лучше бы при семьѣ жилъ, помогалъ бы въ чемъ при хозяйствѣ, смирился бы, чѣмъ шататься по-міру да ко всѣмъ навязываться.

— Проходите, батюшка, проходите, я вамъ не мѣшаю,—ворчалъ старикъ.

— То-то, проходите!... Богу бы молился, грѣхи бы тяжкіе замаливалъ... Тебѣ бы, по-настоящему, изъ храма не выходить, постомъ и молитвой изможднать себя всячески, чтобы Вседержитель смиловался, а ты...

И батюшка, не договоривъ, на цыпочкахъ и тихо покашливая, вошелъ въ залу.

— Кто тамъ?—окрикнулъ Русановъ.

— Почиваете?—спросилъ въ свою очередь батюшка, просовывая голову въ отверстіе двери въ кабинетъ.

— Это вы, батюшка? Я сію минуту. Если не взыщете за безпорядокъ, входите пожалуйста.

— Рано, должно-быть, я,—замѣтилъ батюшка.

— Ничего. По-деревенски...

— Конечно, для насъ, напримѣръ, простота всего лучше,—ну, а для васъ, знаете, въ ущербъ какъ бы...

— Отчего такъ?

— Да ужь такъ-съ, что къ чему... А то подозрительныя мысли зарождаются въ окружающихъ...

— Полноте, батюшка... Изъ такихъ пустяковъ?

— Не говорите. Надо судить по жизни. Жизнь—штука тонкая-съ, милостивый государь! Тонкая-съ,—засмѣялся батюшка.— У васъ все старичокъ-то толчется?—спросилъ онъ, кивнувъ головой за дверь.

— Да. Онъ полюбилъ меня за что-то.

— Не совѣтовалъ бы вамъ приближать его къ своей особѣ.

— Отчего такъ?

— Плохаго поведенія... Его вѣдь и семья не принимаетъ... Такой баломутный старичишка, взбалмошный, самодурный... Три сына у него, все крестьяне хозяйственные, дѣльные, а ни у одного не ужился. Безпокойный старикъ!...

— Что же мнѣ-то, батюшка?... У нихъ свои дѣла, свои интересы.

— Такъ точно—у нихъ свои интересы... Ну, и притомъ вѣдь онъ въ Сибирь былъ сосланъ... Изъ Сибири возвращенъ по всемилостивѣйшему манифесту, — понизивъ голосъ, сказалъ батюшка.—Вѣдь онъ и къ барскому дѣлу былъ прикосновененъ.

— Какимъ же образомъ?

— Страшное дѣло!... Еще до «воли», разсказываютъ, въ здѣшнемъ бору нашли тѣло сосѣдняго помѣщика, г. Ворыпаева... Много-съ прикосновенныхъ, сказываютъ, было, даже изъ чужихъ деревень. Тутъ и Нилъ былъ-съ, сказываютъ... Въ то время онъ былъ мужикъ состоятельный, глава большой семьи.

— Ну-съ?

— Ну, и всѣхъ ихъ тогда—кого плетьми сѣкли, сквозь строй прогнали, на каторгу, кого на поселеніе... И старичокъ этотъ угодилъ... Вѣроломный крестьянинъ,—по всему видно!

Молодой баринъ вдругъ засмѣялся тихимъ, нервнымъ, ироническимъ смѣхомъ.

— Батюшка!... Вы правы: тонкая штука человѣческая жизнь,— замѣтилъ онъ, въ то время, какъ по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

— Да-съ, выраженіе справедливое... Я вамъ говорю,—поддакивалъ батюшка и нѣсколько въ недоумѣвающемъ изумленіи посматривалъ на молодаго человѣка.

— Знаете, я къ вамъ-съ... по дѣлу,—вдругъ заговорилъ батюшка, какъ будто боясь, чтобы странное настроеніе молодаго барина не помѣшало цѣли, съ которою онъ къ нему пришелъ.— Третій разъ ко мнѣ ужь мужички здѣшніе приходятъ... Въ большомъ они смущеніи... Извините, я, конечно, не отъ себя... Я какъ бы ходатай—не болѣе... Потому даже крестьянки, простыя бабы, такъ скажемъ, и тѣ приходили.

— Въ чемъ же дѣло?

— Касательно васъ... Конечно, крестьяне — народъ робкій, ну, и понятія недостаточно крѣпкія... Я, конечно, говорилъ, утѣшалъ, увѣщевалъ, а они всѣ въ одно твердятъ: «зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ему? Ежели онъ ужь добродѣтель намъ оказалъ, такъ и ушелъ бы... Что онъ намъ спокою не даетъ?... Вѣдь мы сна лишились, отъ пищи отбились... Какъ-нибудь ты насъ съ ними разрѣши, батюшка!» Просятъ... Повѣрите ли, и смѣхъ и горе... Конечно, говорю я, народъ робкій... Понятія твердаго объ жизни нѣтъ... Чудится ему всякое... Я увѣщевалъ, утѣшалъ, а все же...

— Ничего... Проходите, проходите, я не мѣшаю,—говорилъ старикъ Нилъ.

— Чего не мѣшаю? Что ты господина-то безпокоишь?... Экій навязчивый, братецъ ты мой... Лучше бы при семьѣ жилъ, помогалъ бы въ чемъ при хозяйствѣ, смирился бы, чѣмъ шататься по-міру да ко всѣмъ навязываться.

— Проходите, батюшка, проходите, я вамъ не мѣшаю,—ворчалъ старикъ.

— То-то, проходите!... Богу бы молился, грѣхи бы тяжкіе замаливалъ... Тебѣ бы, по-настоящему, изъ храма не выходить, постомъ и молитвой изможднть себя всячески, чтобы Вседержитель смиловался, а ты...

И батюшка, не договоривъ, на цыпочкахъ и тихо покашливая, вошелъ въ залу.

— Кто тамъ?—окрикнулъ Русановъ.

— Почиваете?—спросилъ въ свою очередь батюшка, просовывая голову въ отверстіе двери въ кабинетъ.

— Это вы, батюшка? Я сію минуту. Если не взыщете за безпорядокъ, входите пожалуйста.

— Рано, должно-быть, я,—замѣтилъ батюшка.

— Ничего. По-деревенски...

— Конечно, для насъ, напримѣръ, простота всего лучше,—ну, а для васъ, знаете, въ ущербъ какъ бы...

— Отчего такъ?

— Да ужь такъ-съ, что къ чему... А то подозрительныя мысли зарождаются въ окружающихъ...

— Полноте, батюшка... Изъ такихъ пустяковъ?

— Не говорите. Надо судить по жизни. Жизнь—штука тонкая-съ, милостивый государь! Тонкая-съ,—засмѣялся батюшка.— У васъ все старичокъ-то толчется?—спросилъ онъ, кивнувъ головой за дверь.

— Да. Онъ полюбилъ меня за что-то.

— Не совѣтовалъ бы вамъ приближать его къ своей особѣ.

— Отчего такъ?

— Плохаго поведенія... Его вѣдь и семья не принимаетъ... Такой баломутный старичишка, взбалмошный, самодурный... Три сына у него, все крестьяне хозяйственные, дѣльные, а ни у одного не ужился. Безпокойный старикъ!...

— Что же мнѣ-то, батюшка?... У нихъ свои дѣла, свои интересы.

— Такъ точно—у нихъ свои интересы... Ну, и притомъ вѣдь онъ въ Сибирь былъ сосланъ... Изъ Сибири возвращенъ по всемилостивѣйшему манифесту,—понизивъ голосъ, сказалъ батюшка.—Вѣдь онъ и къ барскому дѣлу былъ прикосновененъ.

— Какимъ же образомъ?

— Страшное дѣло!... Еще до «воли», разсказываютъ, въ здѣшнемъ бору нашли тѣло сосѣдняго помѣщика, г. Ворыпаева... Много-съ прикосновенныхъ, сказываютъ, было, даже изъ чужихъ деревень. Тутъ и Нилъ былъ-съ, сказываютъ... Въ то время онъ былъ мужикъ состоятельный, глава большой семьи.

— Ну-съ?

— Ну, и всѣхъ ихъ тогда—кого плетьми сѣкли, сквозь строй прогнали, на каторгу, кого на поселеніе... И старичокъ этотъ угодилъ... Вѣроломный крестьянинъ,—по всему видно!

Молодой баринъ вдругъ засмѣялся тихимъ, нервнымъ, ироническимъ смѣхомъ.

— Батюшка!... Вы правы: тонкая штука человѣческая жизнь,—замѣтилъ онъ, въ то время, какъ по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

— Да-съ, выраженіе справедливое... Я вамъ говорю,—поддакивалъ батюшка и нѣсколько въ недоумѣвающемъ изумленіи посматривалъ на молодаго человѣка.

— Знаете, я къ вамъ-съ... по дѣлу,—вдругъ заговорилъ батюшка, какъ будто боясь, чтобы странное настроеніе молодаго барина не помѣшало цѣли, съ которою онъ къ нему пришелъ.—Третій разъ ко мнѣ ужь мужички здѣшніе приходятъ... Въ большомъ они смущеніи... Извините, я, конечно, не отъ себя... Я какъ бы ходатай—не болѣе... Потому даже крестьянки, простыя бабы, такъ скажемъ, и тѣ приходили.

— Въ чемъ же дѣло?

— Касательно васъ... Конечно, крестьяне—народъ робкій, ну, и понятія недостаточно крѣпкія... Я, конечно, говорилъ, утѣшалъ, увѣщевалъ, а они всѣ въ одно твердятъ: «зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ему? Ежели онъ ужь добродѣтель намъ оказалъ, такъ и ушелъ бы... Что онъ намъ спокою не даетъ?... Вѣдь мы сна лишились, отъ пищи отбились... Какъ-нибудь ты насъ съ ними разрѣши, батюшка!» Просятъ... Повѣрите ли, и смѣхъ и горе... Конечно, говорю я, народъ робкій... Понятія твердаго объ жизни нѣтъ... Чудится ему всякое... Я увѣщевалъ, утѣшалъ, а все же...

Въ виду такихъ результатовъ, я пришелъ къ тому заключенію, что намъ слѣдуетъ совершенно измѣнить систему нашей финансовой и торговой политики и положительно забыть если не общія начала нашей финансовой политики, такъ какъ ими она не отличалась, то по крайней мѣрѣ тѣ тенденціи, которыя до сихъ поръ господствовали въ нашихъ руководящихъ сферахъ. Но въ какихъ же конкретныхъ формахъ должно выразиться это измѣненіе?—вотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго составляетъ предметъ настоящей статьи.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разрѣшенію этой задачи, мнѣ кажется, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ относится у насъ общественное мнѣніе къ этому вопросу, какія существуютъ предположенія о необходимыхъ мѣропріятіяхъ, и разсмотрѣть, насколько каждое изъ нихъ достигаетъ цѣли.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что оскудѣніе крестьянскаго сословія признается всѣми: объ этомъ фактѣ, повидимому, нѣтъ спора. Разнорѣчіе идетъ только о степени оскудѣнія: одни говорятъ, что оно очень значительно и идетъ crescendo, а потому считаютъ его хроническимъ недугомъ и требуютъ радикальныхъ средствъ для его излѣченія; другіе видятъ въ немъ, напротивъ, только временное явленіе, вызванное неурожаями послѣднихъ годовъ и развитіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, и поэтому ограничиваются предложеніемъ палліативныхъ средствъ; наконецъ, третьи приписываютъ его пьянству, получившему, по ихъ мнѣнію, значительное распространеніе въ послѣдніе годы, и поэтому сводятъ свои требованія, исключительно, къ ограниченію числа кабаковъ, вѣроятно, полагая, что народъ, какъ малый ребенокъ, потому только и пьянствуетъ, что видитъ много соблазна.

Само собою разумѣется, что правительственныя сферы не могутъ не прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія: отчасти онѣ стараются оріентироваться въ этомъ нестройномъ хорѣ различныхъ мнѣній и ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что наше финансовое положеніе далеко не утѣшительно и, несмотря на возросшую цифру доходовъ до небывалыхъ въ прежніе годы размѣровъ, дефицитъ, заявленный при началѣ года въ 50.000.000 рублей, долженъ, повидимому, превзойти 100.000.000 руб. Въ виду такого положенія дѣлъ, жалобы на несоразмѣрность выкупныхъ платежей со стоимостью крестьянскихъ надѣловъ и на скудость сихъ послѣднихъ не могли не обратить на себя вниманія, тѣмъ болѣе, что эти жалобы под-

тверждались не только значительными недоимками во многихъ мѣстностяхъ, но и оффиціальными статистическими изслѣдованіями. Съ другой стороны, значительныя прибыли по ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учрежденій,—прибыли, остававшіяся въ оборотахъ государственнаго банка,—приносили уже достаточный доходъ и, слѣдовательно, создавали готовыя средства для облегченія выкупныхъ платежей если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они наиболѣе обременительны. Вслѣдствіе этого создается правительственная коммиссія, которая находитъ возможнымъ понизить выкупные платежи на сумму 9.000.000 руб. и полагаетъ отнести эту сумму на пониженіе платежей сѣверныхъ губерній съ тѣмъ, чтобы по возможности уравнять ихъ съ арендною платой за землю. Хотя означенная цифра пониженія имѣетъ значеніе и по отношенію ко всей массѣ выкупныхъ платежей, такъ какъ составляетъ болѣе 20% общей ихъ суммы, но коммиссія не предложила общаго пониженія, имѣя въ виду, что несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ арендною платой за землю мѣшаетъ разрѣшенію другихъ государственныхъ вопросовъ, а именно—о паспортной системѣ и о переселеніяхъ. Такой взглядъ коммиссіи нельзя не признать правильнымъ, тѣмъ болѣе, что накопленіе недоимокъ вызываетъ самыя гибельныя послѣдствія для крестьянскаго хозяйства. Разъ значительная недоимка имѣетъ мѣсто, крестьянинъ уже перестаетъ заботиться объ улучшеніи своего хозяйства, изъ опасенія видѣть свое имущество проданнымъ за недоимку; онъ не только не увеличиваетъ количества необходимаго для удобренія земли скота, но доводитъ его до minimum'а, а вступивши на этотъ скользкій путь, очень скоро раззоряется. Земля перестаетъ быть для него средствомъ обезпеченія его быта и, наоборотъ, становится положительнымъ бременемъ, отъ котораго онъ ищетъ возможности освободиться. Въ виду важности такого положенія дѣлъ, которое подрываетъ самые источники государственнаго дохода, правительство рѣшилось подвергнуть проектъ коммиссіи обсужденію экспертовъ, приглашенныхъ изъ среды земскихъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, этотъ совѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, не привелъ ни къ какимъ полезнымъ результатамъ. Я говорю, какъ и слѣдовало ожидать, на томъ основаніи, что 12 человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не могли представлять собою интересовъ цѣлой Россіи, тѣмъ болѣе, что выборъ ихъ былъ сдѣланъ безъ участія заинтересованной стороны, да и самый вопросъ поставленъ былъ слишкомъ узко, такъ какъ пониженіе

выкупныхъ платежей можетъ облегчить положеніе только населенія сѣверныхъ губерній и вовсе не имѣетъ значенія тамъ, гдѣ крестьяне страдаютъ отъ скудости крестьянскихъ надѣловъ, что въ особенности вредитъ населенію средней полосы Россіи.

Хотя оффиціальныхъ извѣстій о совѣщаніяхъ созванныхъ экспертовъ я не имѣю въ виду, но, благодаря статьѣ г. Колюпанова, помѣщенной въ сентябрской книжкѣ *Русской Мысли*, можно составить себѣ довольно обстоятельное мнѣніе о характерѣ этихъ совѣщаній. Впрочемъ, это можно сказать только по отношенію къ мнѣнію большинства, къ которому принадлежалъ авторъ статьи, въ виду подробнаго изложенія соображеній, на которыхъ основывалось большинство экспертовъ. Что же касается остальныхъ мнѣній, заявленныхъ въ коммиссіи, то они изложены безъ всякихъ мотивовъ, что не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому обѣщанію, которое далъ авторъ на первой страницѣ своей статьи, говоря, что различныя мнѣнія будутъ переданы съ полною объективностью. При оцѣнкѣ мнѣній, мотивировка ихъ имѣетъ громадное значеніе, а потому я не могу не пожалѣть, что авторъ не исполнилъ своего обѣщанія.

Не имѣя въ виду подробно разбирать мнѣніе большинства, я тѣмъ не менѣе нахожу нужнымъ замѣтить, что самый первый вопросъ, т. е. исходная точка, избранная большинствомъ, была совершенно ошибочна. Этотъ первый вопросъ состоялъ въ томъ, что̀ такое по существу своему выкупной платежъ, тогда какъ слѣдовало поставить вопросъ: чѣмъ долженъ быть выкупной платежъ? Рѣшеніе вопроса, что̀ такое по существу своему выкупной платежъ, нисколько не подвигало экспертовъ впередъ при разрѣшеніи задачи, имъ предложенной. Они были призваны не для того, чтобъ оправдывать и объяснять сущность Положенія 19 февраля 1861 года,— цѣль ихъ призыва была совершенно иная. Двадцатилѣтній опытъ доказалъ, что Положеніе не вполнѣ оправдало возлагавшіяся на него надежды, что въ немъ встрѣчаются ошибочныя положенія и есть не мало пробѣловъ. Послѣдствія этихъ недостатковъ законодательства вызываютъ положительное оскудѣніе народа, игнорировать которое правительство не могло. Одною изъ причинъ такого̀ оскудѣнія было признано несоотвѣтствіе выкупныхъ платежей съ цѣнностію и доходностію земли. Эксперты не отрицаютъ этого, но они говорятъ, что это будто бы такъ и быть должно, такъ какъ составители Положенія 19 февраля опредѣлили оцѣночную сумму не по стоимости земель, а по капитализаціи

повинностей,—слѣдовательно, въ выкупной платежъ входитъ не только цѣнность земли, но и стоимость крестьянскаго труда. Положимъ, что гг. эксперты совершенно правы, и я даже готовъ согласиться съ ними, что составители Положенія сознательно приняли такой способъ оцѣнки, имѣя въ виду вознаградить помѣщика за потерю личнаго труда крестьянина, и только изъ приличія не высказали этого въ Положеніи, а заявили, что личный трудъ не подлежитъ выкупу. Но вѣдь порядокъ вещей, возникшій изъ такого положенія, и привелъ большинство крестьянъ къ положительному оскудѣнію, признанному не только правительствомъ, но и экспертами, и послѣдніе призваны были отнюдь не къ изслѣдованію, какимъ образомъ произошло то или другое постановленіе редакціонныхъ коммиссій. Правительство не нуждалось даже въ указаніи, въ чемъ состояла ошибочность постановленій редакціонныхъ коммиссій: двадцатилѣтній опытъ достаточно указалъ, что ошибка эта состояла именно въ той системѣ оцѣнки, которая была принята редакціонными коммиссіями,—и правительство рѣшило исправить эту ошибку, привести выкупные платежи въ соотвѣтствіе съ цѣнностію и доходностію земли и исключить изъ суммы выкупныхъ платежей элементъ личныхъ повинностей крестьянъ. Стало-быть задача экспертовъ состояла только въ томъ, чтобъ указать способъ наиболѣе правильнаго распредѣленія ассигнованныхъ суммъ между различными мѣстностями нашего отечества. Но большинство гг. экспертовъ (если возможно только назвать большинствомъ шесть человѣкъ изъ двѣнадцати) вовсе не поняло своей задачи и принялось обсуждать вопросъ, что̀ такое и какъ составился выкупной платежъ. Изъ чего бы онъ ни составился, онъ будетъ носить характеръ несправедливости до тѣхъ поръ, пока изъ него не будетъ исключенъ элементъ личной повинности. Вся путаница понятій въ крестьянскомъ вопросѣ происходитъ отъ коренной ошибки редакціонныхъ коммиссій, которыя изъ чисто-государственнаго вопроса сдѣлали вопросъ сословный и возложили на большинство крестьянъ выкупъ не только земли, но и личныхъ повинностей. При правильной постановкѣ вопроса часть выкупной ссуды необходимо должна была упасть на средства государственнаго казначейства, крестьяне же должны были принять на себя уплату только той части, которая соотвѣтствовала цѣнности земли. Такъ былъ разрѣшенъ вопросъ въ Австріи, несмотря на печальное положеніе въ то время австрійскихъ финансовъ. Государственные люди Австріи не опасались принять

на счетъ государства подобное обязательство, вполнѣ понимая производительность подобной временной затраты. У насъ было не такъ и намъ приходится черезъ 20 лѣтъ исправлять старыя ошибки, что̀, конечно, будетъ гораздо труднѣе.

Еслибы гг. эксперты понимали свою задачу и дѣйствительное положеніе дѣлъ, то имъ бы слѣдовало представить правительству, что въ настоящую минуту ограничиваться палліативною мѣрой пониженія выкупныхъ платежей невозможно, а необходимо взяться за радикальное измѣненіе условій государственнаго хозяйства, и что пониженіе выкупныхъ платежей только при такомъ измѣненіи и можетъ принести пользу.

Вмѣсто того, исходя изъ положенія, что выкупные платежи составляютъ повинность, большинство предложило сдѣлать одновременное пониженіе съ каждой окладной души по 1 руб. 26 коп. Какъ видитъ читатель, по мнѣнію гг. экспертовъ, ларчикъ очень просто открывался. Вся задача разрѣшалась простымъ дѣленіемъ суммы, предположенной для пониженія выкупныхъ платежей, на число душъ крестьянъ, выкупившихъ свои надѣлы и имѣющихъ поступить на обязательный выкупъ. Мнѣ кажется, что ариѳметическое дѣленіе могло быть произведено и безъ призыва экспертовъ,—для этого, конечно, нашлось бы достаточное число свѣдущихъ людей въ министерствахъ.

Ясно, что гг. эксперты рѣшительно не поняли своей задачи и просто примкнули къ мнѣнію г. Самарина, который еще прежде проводилъ тотъ же взглядъ въ газетѣ *Русь*, подробно разобранный въ *Русской Мысли*. Соглашаясь съ авторомъ этого разбора, я не буду утруждать читателя дальнѣйшимъ изложеніемъ мнѣнія большинства гг. экспертовъ, а замѣчу только, что я имѣлъ полное основаніе сказать, что первая попытка совѣщанія съ гг. экспертами привела къ полному фіаско, такъ какъ предложенная ими палліативная мѣра при настоящемъ положеніи дѣлъ не принесетъ ни малѣйшаго облегченія и какъ-то очень плохо вяжется съ повышеніемъ акциза на вино: одинъ сборщикъ возьметъ съ крестьянина менѣе, за то другой потребуетъ болѣе. Въ результатѣ же окажется еще одна неосуществившаяся надежда. Полумѣры ни къ чему другому и не ведутъ.

Ожидать, что мѣры къ ограниченію пьянства могутъ привести къ улучшенію экономическаго положенія народа, было бы также слишкомъ наивно. Прежде всего я думаю это на томъ простомъ основаніи, что никакого особеннаго пьянства въ русскомъ народѣ

не существуетъ, чему доказательствомъ служитъ лучше всего незначительное количество потребленія вина въ Россіи. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ потребленіе это превышаетъ русское, несмотря на то, что по климатическимъ условіямъ и въ виду растительной пищи, употребляемой нашимъ крестьяниномъ, слѣдовало бы ожидать бо́льшаго потребленія спиртныхъ напитковъ. Во-вторыхъ, на томъ основаніи, что если пьянство и существуетъ, то оно есть только слѣдствіе, а отнюдь не причина бѣдности. Между тѣмъ и правительственная коммиссія, и гг. эксперты, предлагая сокращеніе числа питейныхъ заведеній, предлагаютъ мѣры не противъ причины порождающей потребность, но противъ средствъ ея удовлетворенія, забывая, что если потребность существуетъ, то средства къ ея удовлетворенію всегда найдутся, несмотря ни на какія запрещенія. Въ-третьихъ, потому, что всѣ мѣры къ ограниченію возможности удовлетворенія существующей потребности поведутъ только къ монополіи и къ возвышенію цѣны на вино и, слѣдовательно, вызовутъ еще дальнѣйшее раззореніе крестьянъ, а съ ними и дальнѣйшее развитіе пьянства на счетъ правильнаго потребленія вина. Я бы понялъ обсужденіе кабацкаго вопроса, еслибы гг. эксперты задались изысканіемъ мѣръ къ удешевленію вина, къ достиженію такого порядка, при которомъ виноторговцы не могли бы взимать съ народа въ свою пользу другаго налога, гораздо болѣе обременительнаго, чѣмъ казенный налогъ. Что такой налогъ дѣйствительно взимается съ народа, это видно изъ слѣдующихъ соображеній: въ теченіе 1879 года акцизомъ оплаченнаго вина у насъ было 71.000.000 ведръ, продано же, конечно, гораздо болѣе. Продается вино по цѣнѣ отъ 6 до 10 рублей за ведро. Принимая среднюю цѣну въ 8 рублей и количество ведръ только одного оплаченнаго акцизомъ вина, оказывается, что народъ уплатилъ 568.000.000 рублей, между тѣмъ какъ правительство въ томъ году получило 228.000.000 всего питейнаго дохода, да стоимость вина могла обойтись со всѣми расходами и барышомъ виноторговцевъ не дороже 71.000.000 рублей. Такимъ образомъ оказывается, что на долю торговцевъ достается еще особый налогъ въ 269.000.000 рублей помимо казеннаго. Въ виду этихъ цифръ очень понятно, почему нѣкоторые земскіе органы желали бы забрать въ свои руки регулированіе питейной торговли. Вѣдь подобное право можетъ предоставить никакъ не менѣе выгодъ, чѣмъ любая концессія желѣзной дороги, въ особенности когда опредѣленіе количества питейныхъ

заведеній будетъ предоставлено земскимъ учрежденіямъ. А кому не памятна погоня земскихъ дѣятелей за концессіями желѣзныхъ дорогъ!...

Вотъ еслибы гг. эксперты возбудили вопросъ о возможности избавить народъ отъ подобнаго рода эксплуатаціи, тогда они сослужили бы дѣйствительную службу Русскому государству и русскому народу. Но тогда имъ бы слѣдовало говорить не о стѣсненіяхъ винной торговли, но о развитіи въ ней конкурренціи, такъ какъ только одно широкое развитіе конкурренціи и можетъ понизить существующія цѣны на вино, избавить народъ отъ громаднаго налога въ пользу кабатчиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести правильное потребленіе вина въ ущербъ пьянству.

Правильная организація переселенія также не можетъ разрѣшить нашего гордіева узла, такъ какъ отъ нея можно ожидать успѣха только по прошествіи десятковъ лѣтъ; кромѣ того дѣло это требуетъ значительныхъ затратъ какъ со стороны самихъ переселенцевъ, такъ и со стороны государственнаго казначейства, положеніе котораго настолько затруднительно, что удовлетвореніе даже смѣтныхъ расходовъ требуетъ экстраординарныхъ рессурсовъ, а изысканіе ихъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, становится вопросомъ. Поэтому всякій новый расходъ для государственнаго казначейства просто не мыслимъ, а безъ его содѣйствія переселеніе крестьянъ, наиболѣе въ этомъ нуждающихся, становится положительно невозможнымъ. Кромѣ того, по программѣ г. министра государственныхъ имуществъ, высказанной въ коммиссіи экспертовъ, вопросъ о переселеніи не можетъ принять значительныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ только въ восьми губерніяхъ черноземной полосы, въ числѣ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, оказывается болѣе 500.000 душъ, владѣющихъ надѣломъ менѣе 2-хъ десятинъ на душу, и, конечно, половина этого населенія должна нуждаться въ переселеніи. Въ виду означенныхъ соображеній разсчитывать на улучшеніе экономическаго положенія отъ правильнаго разрѣшенія вопроса о переселеніяхъ едва ли возможно. Наконецъ, переселеніе это есть только крайнее средство для выхода изъ бѣдственнаго положенія и по существу своему представляетъ только временное улучшеніе: оставленный переселенцами пробѣлъ быстро пополнится вслѣдствіе прироста населенія. Поэтому это не есть разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи быта сельскаго населенія, это—только отсрочка его рѣшенія, которое будетъ тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ болѣе будетъ отсрочиваться.

Нужно ли послѣ того говорить о такихъ мѣропріятіяхъ министерства государственныхъ имуществъ, какъ облегченія крестьянамъ доступа на торги по сдачѣ казенныхъ оброчныхъ статей и продажѣ казеннаго лѣса на срубъ? Что до меня касается, то я хорошо знаю крестьянскій бытъ и процедуры торговъ, чтобъ ожидать отъ подобныхъ мѣръ какихъ бы то ни было результатовъ въ пользу крестьянъ. Мнѣ не разъ случалось присутствовать на подобныхъ торгахъ и видѣть, какъ крестьяне—дѣйствительные владѣльцы оброчной статьи или покупщики лѣса—присутствуютъ на торгахъ и, имѣя даже ручательства своихъ обществъ, не участвуютъ въ торгахъ изъ опасенія, что кулаки набьютъ цѣны и результатомъ ихъ попытокъ будетъ лишь то, что имъ же придется платить гораздо дороже тѣмъ же кулакамъ. Къ тому же правило о платежѣ оброчной суммы впередъ къ 1-му января и къ 1-му іюля каждаго года дѣлаетъ для крестьянъ положительно невозможною съемку казенныхъ оброчныхъ статей. Крестьянинъ охотно заплатитъ двойную и болѣе сумму, но по снятіи хлѣба или травы, впередъ же не можетъ заплатить и дешевой цѣны. Наконецъ, величина оброчной статьи и необходимость входитъ въ соглашеніе съ цѣлымъ сельскимъ обществомъ или со многими домохозяевами заставляетъ его избѣгать прямыхъ условій съ казною. Значительная разница въ арендной платѣ, получаемой казною и съемщикомъ казенныхъ оброчныхъ статей, бываетъ слѣдствіемъ того, что послѣдній отдаетъ каждому крестьянину столько земли, сколько онъ въ состояніи обработать, и затѣмъ получаетъ плату по уборкѣ хлѣба или травы. Если министерство найдетъ возможнымъ примѣнить подобныя же условія, тогда, но только тогда, крестьяне будутъ брать казенныя земли въ аренду. Но главное, что пугаетъ крестьянъ, это торги и ихъ утвержденіе. Крестьяне охотно надбавятъ цѣну противъ съемщика, если имъ предложатъ взять эти земли безъ торговъ и съ платежомъ денегъ по снятіи хлѣба, но вовсе не пойдутъ на торги на основаніи нынѣ существующихъ условій. Въ отношеніи лѣсныхъ участковъ затрудненій для крестьянъ едва ли не болѣе, такъ какъ здѣсь условія вырубки и очистки участковъ еще сложнѣе. Здѣсь прижать крестьянина еще легче. Господинъ министръ государственныхъ имуществъ предполагалъ облегчить крестьянамъ доступъ къ торгамъ, предписавъ производить ихъ въ волостныхъ правленіяхъ. Но я замѣчу на это, что всякое злоупотребленіе при торгахъ гораздо возможнѣе въ во-

лостномъ правленіи, чѣмъ въ управленіи государственныхъ имуществъ, а потому въ этомъ перемѣщеніи я никакого облегченія не вижу. Частныя лица при сдачѣ своихъ земель никогда не прибѣгаютъ къ торгамъ, и тѣмъ не менѣе получаютъ гораздо болѣе высокую арендную плату,—зачѣмъ же нужны аукціонные торги вѣдомству государственныхъ имуществъ? Этого я не понимаю.

Итакъ, не только каждое изъ перечисленныхъ мною мѣропріятій, но и всѣ они вмѣстѣ далеко не разрѣшаютъ вопроса объ улучшеніи быта нашего сельскаго населенія. Всѣ подобные палліативы только затягиваютъ дѣло и ведутъ все къ большему и большему раззоренію крестьянъ. Если при господствующей торговой и финансовой политикѣ даже такая мѣра, какъ освобожденіе 20.000.000 людей отъ крѣпостной зависимости, не вызвала прочнаго и постояннаго улучшенія быта, то какимъ образомъ можно разсчитывать, что сбавка какихъ-нибудь двухъ или трехъ рублей съ работника можетъ оказать какое-нибудь вліяніе на развитіе крестьянскаго благосостоянія?

Нѣтъ, не подобныхъ мѣропріятій по государственному хозяйству требуетъ настоящее положеніе дѣла. Кромѣ обѣдненія народныхъ массъ, на которое литература давно уже указывала, въ настоящее время мы встрѣчаемся уже съ финансовымъ, торговымъ и желѣзнодорожнымъ кризисами. Нашъ финансовый горизонтъ окутанъ тучами, готовыми разразиться, а между тѣмъ намъ приходится разсуждать о возстановленіи главнаго источника государственнаго дохода, который находится далеко не въ авантажѣ и не въ состояніи дать новыхъ средствъ для поддержанія шаткаго положенія государственнаго хозяйства; напротивъ, этотъ главный источникъ самъ требуетъ не только льготъ, но и затратъ, чтобы не впасть въ окончательное раззореніе. Въ виду такого положенія дѣлъ, пора же перестать утѣшаться иллюзіями, въ родѣ урожая настоящаго года, и взглянуть истинѣ прямо въ глаза. А если мы сдѣлаемъ это, то увидимъ вотъ что: въ началѣ года, несмотря на доходный бюджетъ въ 628.000.000 руб., былъ предусмотрѣнъ дефицитъ въ 50.000.000 рублей, и этотъ дефицитъ, вслѣдствіе сверхсмѣтныхъ расходовъ и недоборовъ въ таможенномъ, питейномъ и податномъ налогахъ, можетъ превзойти 100.000.000 руб.; въ виду этого сдѣланъ новый заемъ, облигаціи котораго послѣ блестящей подписки не только не повысились въ цѣнѣ, но упали въ сравненіи съ подписною цѣной

на 2%; при такомъ положеніи былъ новый заемъ невозможенъ, а между тѣмъ въ декабрѣ предстоитъ уплата краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства на 50.000.000 руб. Государственный банкъ находится тоже не въ благопріятныхъ обстоятельствахъ: при наличной кассѣ въ 30.000.000 руб. кредитными билетами, онъ имѣетъ на текущемъ счету суммъ министерства финансовъ, которыя могутъ понадобиться каждый часъ, до 73.000.000 рублей, а въ перспективѣ ему предстоитъ постоянное истребованіе денегъ въ провинцію, которое, по обыкновенію, должно продолжиться до декабря мѣсяца. Сверхъ того, вслѣдствіе указа 1-го января настоящаго года, онъ обязанъ уничтожить кредитныхъ билетовъ на 50.00.000 рублей, которые онъ уже и получилъ изъ государственнаго казначейства облигаціями новаго займа, разобранными въ одинъ день. Какъ удовлетворитъ государственный банкъ всѣ эти обязательства—понять трудно, точно также какъ трудно понять и то, чѣмъ будетъ покрытъ и дефицитъ по бюджету настоящаго года.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ позволительно поставить вопросъ: не слишкомъ ли много мы тратили до сихъ поръ? Не слишкомъ ли быстро возросталъ нашъ бюджетъ?... Обратимся къ цифрамъ: въ 1867 году, за который мы имѣемъ уже обстоятельный отчетъ государственнаго контроля, нашъ расходъ простирался до 424.000.000 руб., а на нынѣшній 1881 годъ нашъ расходный бюджетъ исчисленъ въ 674.000.000 руб., съ присоединеніемъ же сверхсмѣтныхъ расходовъ, конечно, будетъ не менѣе 700.000.000 р. Я говорю не менѣе 700.000.000 на томъ основаніи, что одни расходы на текинскую экспедицію, по всей вѣроятности, пополнятъ эту сумму. Поэтому въ какія-нибудь 13 лѣтъ нашъ расходный бюджетъ выросъ на 65%. Такого громаднаго возрастанія расходовъ не представляетъ ни одно государство. Даже Франція, выдержавшая несчастную войну и заплатившая неслыханную въ лѣтописяхъ контрибуцію, и та не увеличила свой расходный бюджетъ въ такой пропорціи. Теперь спрашивается, возросло ли съ 1867 года народное благосостояніе настолько, чтобы наши главные плательщики податей и налоговъ могли безъ обремененія выносить возвышеніе бюджета на 65%, и возможно ли въ виду существующаго дефицита дальнѣйшее увеличеніе существующихъ налоговъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ самыхъ попыткахъ къ улучшенію экономическаго положенія сельскаго люда. Еслибъ это положеніе улучшалось, то

этихъ попытокъ, конечно, не могло бы существовать, въ особенности со стороны правительста. Но если онѣ есть, то отсюда прямой выводъ, что не только невозможно дальнѣйшее расширеніе нашего бюджета, но необходимо его сокращеніе.

Намъ могутъ возразить, что тяжесть нашего бюджета зависитъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія податей и налоговъ и что реформы въ этомъ смыслѣ могли бы не только сохранить государственному казначейству настоящія его средства, но и представить возможность ихъ увеличенія. Я не могу, конечно, отвергать значеніе этого возраженія: дѣйствительно, неравномѣрность распредѣленія податнаго бремени есть весьма серьезный недостатокъ нашей финансовой системы, но для того, чтобы финансовыя реформы возымѣли свое дѣйствіе и принесли благіе результаты, необходимо время, и притомъ довольно продолжительное: новые источники доходовъ не могутъ съ перваго раза доставить средства, способныя замѣнить прежнія обременительныя подати. При введеніи каждаго новаго налога необходима извѣстная осторожность въ опредѣленіи размѣра обложенія, во-первыхъ для того, чтобъ опредѣлить вліяніе этого налога на другія статьи государственныхъ доходовъ, во-вторыхъ для того, чтобы выработать наиболѣе удобныя формы его взиманія, въ-третьихъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не вызвать съ перваго же раза сильнаго противодѣйствія со стороны плательщиковъ налога и уклоненія отъ уплаты его, что могло бы повести къ ошибочному заключенію о значеніи новаго налога и возможной цифрѣ его поступленія. Кромѣ того, всякій новый налогъ вызываетъ измѣненія въ условіяхъ какой-либо отрасли хозяйства и эти измѣненія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше цифра обложенія. Поэтому какъ бы ни былъ способенъ объектъ обложенія выносить значительный налогъ, нельзя облагать его сразу высокою цифрой изъ опасенія измѣнить настолько условія хозяйства, что дальнѣйшее его продолженіе, а съ нимъ и поступленіе новаго дохода сдѣлается положительно невозможнымъ. Еслибы въ 1863 году былъ установленъ акцизъ съ вина и патентный сборъ въ нынѣшнихъ размѣрахъ, то винокуренная промышленность и винная торговля изобрѣли бы такую массу злоупотребленій, при которыхъ акцизная система потерпѣла бы положительное фіаско. Но постепенное возвышеніе акциза дало возможность постепенно примѣняться ко вновь возникавшимъ условіямъ хозяйства. Мы имѣемъ другой, еще болѣе краснорѣчивый, примѣръ съ этомъ отношеніи: это — налогъ на

нефтяное производство, который положительно парализовалъ дальнѣйшее развитіе этой отрасли промышленности и правительство должно было вовсе отмѣнить его. Наконецъ, какъ ни желательно введеніе новаго подоходнаго налога взамѣнъ подушной подати, но невозможно предположить, чтобъ этотъ налогъ съ перваго раза могъ быть назначенъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы вполнѣ возмѣстить государственному казначейству потерю подушной подати. Значительная цифра обложенія дохода съ перваго раза повела бы къ попыткамъ разными неблаговидными путями уменьшить цифру получаемаго дохода, вызвала бы деморализацію общества и увеличила бы издержки по повѣркѣ и взиманію налога.

Въ виду всѣхъ означенныхъ соображеній, я позволяю себѣ утверждать, что, несмотря на необходимость финансовыхъ реформъ, онѣ могутъ принести пользу только впослѣдствіи, между тѣмъ какъ для излѣченія нашего экономическаго недуга нужны быстрыя мѣропріятія, приносящія непосредственные результаты. Финансовыя реформы для общественнаго организма можно сравнить съ улучшеніемъ гигіеническихъ условій для человѣка, которыя могутъ предохранить отъ опасности заболѣванія; но когда человѣкъ уже заболѣлъ какою-либо острой и скоротечною болѣзнью, тогда одно улучшеніе гигіеническихъ условій для излѣченія болѣзни недостаточно, а необходимы быстрыя и положительныя средства для борьбы съ недугомъ. Нашъ общественный организмъ находится именно въ такомъ положеніи: онъ страдаетъ острымъ экономическимъ недугомъ вслѣдствіе того, что мы въ продолженіе 20 лѣтъ, несмотря на постоянныя заявленія литературы, нисколько не обращали вниманія на улучшеніе общихъ гигіеническихъ условій нашего существованія, и въ настоящее время намъ нельзя ограничиваться однимъ улучшеніемъ этихъ условій; намъ нужны быстрыя и радикальныя средства лѣченія и однимъ изъ такихъ средствъ можетъ быть значительное сокращеніе нашего бюджета,— сокращеніе, которое дало бы возможность отмѣнить наиболѣе вредные налоги, не стѣсняясь необходимостью замѣнить ихъ другими въ томъ же размѣрѣ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я предлагаю невозможное средство, что количество расходовъ вызывается обстоятельствами и нисколько не зависитъ отъ воли распорядителей, что поэтому сокращеніе расходовъ въ значительной степени не можетъ быть сдѣлано безъ вреда для государственной жизни, несмотря на все желаніе со стороны административныхъ властей. Вполнѣ призна-

вая важность подобнаго возраженія, я могу допустить его значеніе только при обыкновенныхъ нормальныхъ условіяхъ общественной жизни; но разъ общество выбито изъ нормальной колеи, разъ ему угрожаетъ—если не наступилъ уже—кризисъ, тогда правила обычной жизни должны быть отброшены въ сторону и для отвращенія дальнѣйшихъ бѣдствій должны быть принимаемы энергическія мѣры. Позволяю себѣ замѣтить моимъ воображаемымъ оппонентамъ, что всякія мѣры, принимаемыя въ видахъ отвращенія какой-либо опасности, должны быть своевременны, въ противномъ случаѣ тѣ усилія, которыя въ извѣстный моментъ были бы вполнѣ достаточными, могутъ оказаться слишкомъ слабыми, если этотъ моментъ будетъ пропущенъ. Урокъ, полученный нами подъ Плевной, слишкомъ краснорѣчивъ и слишкомъ дорого нами оплаченъ, чтобы не служить намъ съ пользою. Если мы вздумаемъ въ настоящее время ограничиваться ничтожными сокращеніями нашего бюджета, то очень можетъ быть, что черезъ два-три года Россія не въ состояніи будетъ оплачивать и той цифры, которую она безъ затрудненій оплатитъ теперь. Тогда придется, быть-можетъ, приносить еще большія жертвы, чѣмъ теперь, и онѣ все-таки не дадутъ тѣхъ послѣдствій, какихъ можно ожидать отъ значительнаго пониженія бюджетной суммы расходовъ въ настоящее время. Если бюджетная цифра нашихъ расходовъ не будетъ значительно понижена, то я позволю себѣ сказать, что сдѣланная ошибка подъ Плевной не послужила намъ урокомъ и повторяется вновь.

Конечно, оппоненты могутъ мнѣ замѣтить, что говорить о необходимости сокращенія расходовъ безъ указанія возможности этого сокращенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—значитъ пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Въ этомъ я не могу съ ними согласиться на томъ основаніи, что подробный анализъ нашего расходнаго бюджета можетъ составить предметъ не одной, а нѣсколькихъ статей, и отвлекъ бы меня совершенно въ сторону отъ поставленной себѣ задачи. Не отказываясь отъ этого анализа въ будущемъ, я утверждаю теперь только то, что настоящій нашъ расходный бюджетъ—не по силамъ Россіи, достаточнымъ доказательствомъ чего служитъ быстрое его возрастаніе въ связи съ положительнымъ обѣдненіемъ народныхъ массъ; что нашъ бюджетъ оплачивается не изъ чистаго дохода плательщика, а изъ его имущества, изъ его оборотнаго капитала,— слѣдовательно, подрываетъ въ корнѣ самый источникъ государствен-

наго дохода; что, вслѣдствіе этого, онъ долженъ быть сокращенъ и такое сокращеніе должно быть сдѣлано немедленно; что всякая отсрочка въ этомъ отношеніи будетъ отзываться вредно на экономическомъ положеніи народа и потребуетъ впослѣдствіи гораздо большаго сокращенія въ сравненіи съ тѣмъ, какое необходимо въ настоящее время. Что же касается размѣровъ этого пониженія, то оно должно быть сдѣлано настолько, чтобы доходный бюджетъ не только покрывалъ всю сумму расходовъ, но и представлялъ бы излишекъ, который обезпечилъ бы финансовому вѣдомству свободу дѣйствій при замѣнѣ обременительныхъ налоговъ другими—болѣе справедливыми и болѣе раціональными. Безъ такого серьезнаго пониженія нашего расходнаго бюджета никакія финансовыя реформы для насъ немыслимы и никакое улучшеніе народнаго быта невозможно.

Было однако же время, и очень недавно, когда подобныя жертвы вовсе не были нужны, когда однѣми финансовыми реформами и болѣе правильнымъ отношеніемъ къ крестьянскому дѣлу можно было не только избѣжать предстоящаго кризиса, но и исправить всѣ ошибки прежняго времени. Истекшее десятилѣтіе давало для этого полную возможность. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ наши финансы были сравнительно съ настоящимъ временемъ въ блестящемъ положеніи, нашъ кредитъ стоялъ твердо и мы безъ всякихъ затрудненій могли реализовать наши заграничные займы на условіяхъ положительно невозможныхъ теперь. Наконецъ и положеніе народа было иное,—средства его не были настолько истощены. Пусть не говорятъ, что предвидѣть такой оборотъ дѣлъ было нельзя, что при относительно хорошемъ финансовомъ положеніи нечего было спѣшить финансовыми реформами, что въ то время нельзя еще было замѣтить недостатковъ крестьянскаго положенія и т. д. Все это вполнѣ невѣрно. Были и въ то время люди, которые прямо указывали на недостатки нашей финансовой системы, на крѣпостной характеръ нашего бюджета, на вредъ нашей торговой политики, на раззорительную систему сооруженія желѣзныхъ дорогъ, на развивающійся ажіотажъ и жажду наживы и на возможность эксплуатаціи беззащитныхъ народныхъ массъ. Недостатка въ указаніяхъ на вредныя послѣдствія подобнаго порядка вещей не было: въ либеральной прессѣ была масса статей подобнаго рода. Кто же мѣшалъ обратить вниманіе на эти статьи, провѣрить ихъ и принять въ соображеніе? Но этими статьями не только никто не пользовался, но онѣ считались по-

ложительно вредными и вызывали или административныя кары, или неудовольствіе администраціи, въ глазахъ которой такой органъ печати становился подозрительнымъ. Вѣра въ непогрѣшимость административныхъ сферъ до того была сильна, что разсужденія прессы обращали на себя вниманіе только для того, чтобъ ихъ сдерживать, и тотъ администраторъ, который положительно игнорировалъ печать, считался либеральнымъ человѣкомъ. Но что же вышло изъ всего этого?—Такъ-называемыя *вредныя идеи*, за которыя наши періодическіе органы подвергались административнымъ карамъ, въ большинствѣ случаевъ были только указаніями на логическія и печальныя послѣдствія господствовавшей системы. Позднѣйшій опытъ подтвердилъ правильность этихъ указаній какъ нельзя болѣе, и поэтому въ нихъ не только не было ничего вреднаго, а напротивъ было много полезнаго, еслибы только пожелали ими воспользоваться. Дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобы пережитый нами опытъ послужилъ съ пользой на будущее время.

Да, было время, когда можно было избѣжать нынѣшняго положенія дѣлъ, но это время упущено и теперь приходится сдѣлать несравненно большія усилія для того, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія. Вмѣсто того, чтобы въ началѣ прошедшаго десятилѣтія обратиться серьезно къ крестьянскому вопросу и надлежащимъ образомъ взвѣсить всѣ послѣдствія сдѣланнаго въ теченіе 10 лѣтъ опыта, мы не только не замѣчали недостатковъ и пробѣловъ Положенія 19 февраля, но и убаюкивали себя разными иллюзіями, что все обстоитъ благополучно. Разъѣзжая по всѣмъ выстроеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, мы продолжали вѣрить въ ихъ магическую силу обогатить Россію, нисколько не подозрѣвая, что это средство обогащенія превратится въ средство разстройства государственныхъ финансовъ, и если сѣтовали, то только на то, что развитіе нашей желѣзнодорожной сѣти не идетъ такъ быстро, какъ мы того желали. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи мы, кажется, и теперь, несмотря на всѣ полученные уроки, очень мало исправились и продолжаемъ роптать, зачѣмъ не строятся Сибирская и Ташкентская дороги. Считая такимъ образомъ устройство желѣзнодорожной сѣти верхомъ прогресса и гарантіей будущаго богатства, мы до того увлеклись блестящимъ экономическимъ положеніемъ Россіи, до того убѣдились въ прочности нашего финансоваго положенія и въ готовности нашей арміи, что задались мыслію объ освобож-

деніи соплеменныхъ намъ народностей и предприняли раззорительную войну, которая стоила намъ болѣе ста тысячъ жизней и 1.200 милліоновъ рублей денегъ. Много ли, однако-жь, принесетъ пользы подобная жертва двумъ милліонамъ болгаръ, это пока извѣстно одному Богу; но нельзя при этомъ не замѣтить, что и одной десятой доли этой суммы было бы достаточно, чтобъ освободить совершенно отъ экономической зависимости тѣ 20 милліоновъ бывшихъ крѣпостныхъ, которые два вѣка выносили на себѣ бремя крѣпостнаго права и на которыхъ всецѣло была возложена обязанность расплачиваться за ихъ освобожденіе. Государственное хозяйство не находило такихъ средствъ для содѣйствія 20.000.000 своихъ гражданъ, въ видахъ возстановленія нарушенной справедливости и уничтоженія безнравственнаго начала, деморализовавшаго всѣ общественныя отношенія, а между тѣмъ могло найти 1.200 милл. руб. для освобожденія болгаръ, экономическій бытъ которыхъ, по свидѣтельству очевидцевъ, былъ въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ бытъ нашихъ освобожденныхъ крестьянъ. Подарокъ, который мы сдѣлали болгарамъ въ лицѣ разныхъ Эрнротовъ, оставшихся у нихъ послѣ прекращенія оккупаціи, повидимому, не можетъ даже сохранить намъ добрую память въ ихъ средѣ и поддержать наше вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ; что же касается территоріальныхъ пріобрѣтеній, то они сулятъ намъ новыя издержки и потому едва ли будутъ выгодны.

Всѣ подобныя ошибки внутренней и внѣшней политики*) создали намъ положеніе, которое требуетъ сильнаго пониженія нашего расходнаго бюджета; въ противномъ же случаѣ мы будемъ поставлены въ необходимость, по примѣру Турціи, отказаться отъ платежа нашихъ долговъ.

Другое средство къ поднятію нашего экономическаго положенія есть измѣненіе нашей торговой политики: мы должны положительно отказаться отъ всякаго содѣйствія торговлѣ и фабрич-

*) Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора, чтобы послѣдняя война, предпринятая съ цѣлію освобожденія славянъ отъ турецкаго владычества, была ошибкою съ нашей стороны. Мы говоримъ не о томъ, какъ мы воспользовались результатами нашей побѣды, но о цѣли и значеніи этой войны. Существуютъ для каждаго народа задачи, касающіяся его международнаго положенія, тѣсно связанныя съ его внутреннею жизнью, отъ участія въ рѣшеніи которыхъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказаться, и цѣли, которыя онъ не можетъ не преслѣдовать, если хочетъ исполнить свое историческое призваніе.—О значеніи для насъ славянскаго вопроса журналъ нашъ выскажется впослѣдствіи подробнѣе. *Ред.*

ной промышленности и обратить всѣ имѣющіяся въ виду средства государственнаго казначейства и государственнаго банка на поддержаніе и развитіе крестьянскаго сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Торговля и фабричная промышленность занимаютъ сравнительно ничтожное количество рукъ въ Россіи и поддержка, оказываемая этимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, производится только на счетъ сельскаго хозяйства, представляющаго собою важнѣйшій источникъ народнаго дохода. Очень естественно, что и заботы правительства должны быть сосредоточены на этой послѣдней отрасли производства. Между тѣмъ у насъ дѣло идетъ какъ разъ наоборотъ. Торговая дѣятельность, имѣющая въ виду только одну эксплоатацію потребителя и производителя и живущая на ихъ счетъ,—это такъ-сказать паразитная дѣятельность, — пользуется всѣми возможными преимуществами и привилегіями, начиная съ ничтожнаго обложенія и кончая значительнымъ кредитомъ въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и частные банки, пользуясь для этого кредитомъ въ государственномъ. Весь этотъ порядокъ вещей долженъ быть радикально измѣненъ. Разныхъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ можно терпѣть, но не дѣло государства давать въ ихъ руки новыя средства для эксплуатаціи и споліаціи производителей и потребителей: его дѣло—подумать о средствахъ къ развитію производительности труда и пособить ему. На этомъ основаніи всѣ средства государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій должны быть направлены на увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, когда въ нихъ чувствуется недостатокъ, на поддержаніе производительныхъ артелей въ кустарной промышленности, на возможность удешевленія земледѣльческихъ сельско-хозяйственныхъ орудій, доступныхъ крестьянскому хозяйству, поощрять по возможности хозяйство тѣхъ общинъ, которыя замѣнятъ раздѣлъ земли раздѣломъ продукта, и снабжать ихъ средствами для этого. Словомъ, оказывать пособіе никакъ не сильному меньшинству, а слабому большинству, и устранять по возможности эксплуатацію этого большинства кулаками и міроѣдами. Мнѣ скажутъ, что это не легко, и я готовъ согласиться съ этимъ; но вѣдь роль правительства, желающаго блюсти народные интересы, ни въ какомъ случаѣ не легка, въ какую бы сторону она ни была направлена. Но, дѣйствуя въ направленіи, на которое я указываю, правительственная власть скоро бы увидѣла плодотворные результаты своихъ трудовъ.

Выше я говорилъ о необходимости содѣйствія тѣмъ общинамъ, которыя замѣнятъ раздѣлъ земель раздѣломъ продукта. Въ нашей литературѣ было много споровъ о преимуществахъ общиннаго и личнаго владѣнія и съ обѣихъ сторонъ было высказано много вѣскихъ аргументовъ. Принадлежа къ лагерю защитниковъ поземельной общины, какъ единственной возможности сохранить самостоятельность рабочаго, я не могу, однакожь, не признать, что въ дѣлѣ улучшенія сельско-хозяйственной промышленности общинное землевладѣніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у насъ, можетъ служить до извѣстной степени помѣхою. Впрочемъ, форма личнаго землевладѣнія, имѣя на своей сторонѣ преимущество въ дѣлѣ примѣненія улучшенныхъ способовъ производства, въ концѣ концовъ ведетъ къ обезземеленію одной части населенія въ пользу другой. Обстоятельство это у насъ въ Россіи, въ виду положительной невозможности приложенія всей массы труда къ фабричному и заводскому производству, поведетъ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ: оно образуетъ бездомный классъ сельскихъ батраковъ, самый несчастный классъ людей, какой только возможно себѣ представить, въ особенности при нашихъ климатическихъ условіяхъ. Одно это возможное бѣдствіе заставляетъ пренебречь всѣми выгодами культуры при личной поземельной собственности и поддерживать общинное землевладѣніе, хотя бы въ ущербъ развитію земледѣльческой культуры. Нельзя упускать изъ вида, что развитіе культуры есть только средство для счастія человѣка, а потому не можетъ заслонять собою главной цѣли. Впрочемъ, говоря такъ, я имѣю въ виду общинное владѣніе въ той формѣ, какъ оно существуетъ въ нашемъ отечествѣ. Но нельзя же сказать, что существующая у насъ форма общиннаго владѣнія составляетъ наивысшій идеалъ, который не можетъ совершенствоваться. Мнѣ кажется, что она не только можетъ, но и должна идти впередъ вмѣстѣ съ развитіемъ образованія и съ усовершенствованіемъ культуры. Настоящая его форма есть только переходная ступень, которая должна вести къ болѣе совершенной формѣ, т. е. къ артельной обработкѣ общинныхъ полей и раздѣлу продукта. Если до сихъ поръ мы видимъ очень рѣдкія попытки введенія подобнаго хозяйства, то это только вслѣдствіе недостаточности развитія самихъ общинниковъ, бывшей до сихъ поръ безвыгодности улучшенныхъ способовъ хозяйства и привычки къ прежнему порядку пользованія. Но разъ крестьянинъ убѣдится въ пользѣ и необходимости улуч-

шеній, для него нисколько не будетъ затруднительно перейти къ обработкѣ полей артелью и къ раздѣлу продукта, тѣмъ болѣе, что и теперь есть примѣры подобнаго пользованія въ тѣхъ случаяхъ, когда земля трудно поддается правильному раздѣлу, такъ, напримѣръ, поемные луга и участки относительно небольшихъ размѣровъ, выдающіеся по своему плодородію. При такомъ способѣ пользованія общинною землей, всѣ преимущества личной собственности исчезаютъ; скажу болѣе: община, обрабатывающая свои поля артелью, имѣетъ гораздо большую возможность завести на общинный счетъ наилучшія и даже дорогія орудія и машины, чего личный собственникъ сдѣлать въ своемъ отдѣльномъ хозяйствѣ никогда не будетъ въ состояніи. Разъ подобный родъ хозяйства установится, примѣръ, по своей выгодности, будетъ заразителемъ и я нисколько не удивлюсь, что тогда крестьяне, даже подѣлившіе свою землю въ личную собственность, будутъ вводить у себя общинное владѣніе и артельную обработку полей. Выгоды кооперації, въ особенности въ сельскомъ хозяйствѣ, неисчислимы и народъ нашъ уже давно свыкся съ формою кооперативнаго труда. Русскій крестьянинъ знаетъ пользу артельнаго дѣла и въ виду этого не обращаетъ вниманія на разсчеты даже не совсѣмъ мелочные. Сколько разъ въ моей житейской практикѣ приходилось мнѣ спрашивать артельщиковъ при дѣлежѣ ими заработанныхъ денегъ поровну, почему они не принимаютъ въ разсчетъ неравенство физическихъ силъ, и всегда я получалъ со стороны наиболѣе сильныхъ рабочихъ одинъ отвѣтъ: «Ну, что-жь? Вѣдь сила у меня не купленая. Дѣло артельное, за то и съѣмъ я за артельною чашкой поболѣе другаго». При такихъ взглядахъ нашего рабочаго, артельному полевому хозяйству установиться не трудно: стоитъ только дать толчокъ подобному порядку вещей, а этотъ толчокъ могъ быть данъ открытіемъ кредита на покупку улучшенныхъ орудій тѣмъ общинамъ, которыя введутъ у себя артельное хозяйство.

Само собою разумѣется, что основаніе раздѣла продуктовъ, смотря по системѣ хозяйства, должно быть различно. Тамъ, гдѣ земли не удобряются, раздѣлъ продуктовъ можетъ быть сдѣланъ частію по количеству рабочихъ рукъ, частію по числу рабочаго скота; тамъ же, гдѣ земли требуютъ удобренія, количество послѣдняго должно войти третьимъ факторомъ раздѣла. Впрочемъ, если наши общинники выработали совершенно правильные и справедливые порядки для раздѣла земли, несмотря на значительную

иногда разницу ея качества, то тѣмъ легче они будутъ въ состояніи раздѣлить между собою и полученный ими урожай по количеству силъ и средствъ, затраченныхъ каждымъ.

Къ числу главныхъ средствъ для поднятія уровня благосостоянія нашего народа слѣдуетъ отнести также устройство нашего денежнаго обращенія. Разница курса нашего кредитнаго рубля на внѣшнемъ и внутреннемъ рынкахъ до сихъ поръ еще остается и отзывается всего болѣе на рабочемъ человѣкѣ. Всѣ предметы потребленія поднялись въ цѣнѣ и хлѣбъ, какъ отпускной товаръ, всего болѣе. Между тѣмъ крестьянинъ не продаетъ хлѣба, а потребляетъ его съ своимъ семействомъ и въ большинствѣ случаевъ покупаетъ его. Исключеніе составляютъ только тѣ крестьяне, которые арендуютъ землю у частныхъ владѣльцевъ. Но съ вздорожаніемъ хлѣба возрасла и арендная плата за землю настолько, что поглотила всю разницу бывшей и нынѣшней цѣны хлѣба; доля же нанимателя по вознагражденію его за работу и рискъ осталась прежняя. Точно также не повысилась и рабочая плата за трудъ, между тѣмъ какъ всѣ издержки рабочаго увеличились. Причиной такого положенія дѣлъ является то обстоятельство, что рабочему человѣку трудно понять значеніе дешевизны денегъ; для него долго еще будетъ оставаться нашъ кредитный рубль прежнимъ рублемъ, хотя въ дѣйствительности онъ далеко уже того не стоитъ. Только время и положительная невозможность существованія могутъ измѣнить его понятіе о стоимости денегъ, а до тѣхъ поръ капиталъ будетъ пользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ и эксплуатировать рабочаго до послѣдней крайности. — Подтвержденіе этой истины мы видимъ въ отчетахъ государственнаго банка. Накопленіе свободныхъ капиталовъ въ процентныхъ бумагахъ, внесенныхъ на храненіе, идетъ гораздо быстрѣе со времени выпуска 400.000.000 кредитныхъ билетовъ и паденія, вслѣдствіе этого, курса нашей валюты. Многое бы можно было сказать по поводу вредныхъ послѣдствій разстройства нашей системы денежнаго обращенія; но это отвлекло бы меня совершенно въ сторону, а потому о другихъ вредныхъ послѣдствіяхъ паденія нашей валюты я говорить не буду: въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду преимущественно интересы большинства населенія и, вслѣдствіе этого, указываю только на то обстоятельство, которое прямо и непосредственно дѣйствуетъ разорительно на всю массу крестьянскаго сословія. Мнѣ не только кажется, но я убѣжденъ въ томъ, что разстройство кресть-

янскаго хозяйства сдѣлалось особенно замѣтно въ послѣдніе годы, именно потому, что въ эти годы стоимость нашей валюты сильно понизилась, а это создало такую эксплуатацію рабочаго люда капиталомъ, какой прежде никогда не бывало. Я не хочу этимъ сказать, что паденіе цѣны нашей валюты вызвало разстройство крестьянскаго хозяйства. Нѣтъ, въ виду тѣхъ причинъ, на которыя я указалъ въ первой статьѣ, это разстройство было неизбѣжно помимо выпуска кредитныхъ билетовъ и паденія курса; но я думаю, что разстройство нашей денежной системы ускорило раззореніе крестьянъ. Еслибы на рынокъ не было брошено искусственно созданныхъ капиталовъ на 400.000.000 рублей, которые, несмотря на ихъ фиктивность, принимались народомъ за дѣйствительные, еслибы въ руки капиталистовъ не было вложено на такую сумму орудій эксплуатаціи, то настоящій кризисъ наступилъ бы гораздо позднѣе и мы, можетъ-быть, имѣли бы передъ собою время исправить тѣ недостатки крестьянскаго положенія и нашей финансовой системы, которые составляютъ коренную причину нашего экономическаго недуга. Впрочемъ, тогда быть-можетъ мы и не замѣтили бы, куда мы идемъ, и продолжали бы увѣрять себя, что у насъ все обстоитъ благополучно.

Но не одной этою стороной дѣла паденіе нашей валюты вредитъ интересамъ крестьянъ. Паденіе цѣны денегъ уменьшаетъ ихъ значеніе при удовлетвореніи государственныхъ потребностей и требуетъ увеличенія государственныхъ налоговъ. Къ несчастію нашему, рутинная практика у насъ такъ сильна, что, несмотря на всѣми сознанные недостатки нашего бюджета, который оплачивается доходомъ не съ имущества или капитала, а съ труда, — этотъ характеръ сохраняется и въ новыхъ требованіяхъ государственнаго казначейства. Никто у насъ не подумалъ объ увеличеніи налога на торговлю, которая при извѣстной высотѣ оборотовъ несетъ совершенно ничтожный налогъ; никто не подумалъ о налогѣ на ренту съ личной недвижимой собственности, и прежде всего послѣдовало установленіе новаго на пассажирскій сборъ, восемьдесятъ пять процентовъ котораго оплачивается третьимъ классомъ, то-есть рабочимъ людомъ, а затѣмъ возвышенъ акцизъ на вино, девяносто процентовъ котораго оплачивается тѣмъ же рабочимъ классомъ народа. Еслибы дѣйствительное экономическое положеніе нашего отечества было какъ слѣдуетъ оцѣнено въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, то подобныя мѣропріятія, конечно, не были бы допущены. Не говоря уже о томъ,

что сборъ съ пассажирскихъ билетовъ, уменьшая доходы желѣзныхъ дорогъ, упадаетъ въ значительной мѣрѣ на приплаты казны по гарантіи и поэтому отнюдь не отличается цѣлесообразностью; не говоря также и о томъ, что, падая на рабочій классъ, онъ стѣсняетъ передвиженіе населенія и затрудняетъ заработокъ тѣхъ плательщиковъ, на которыхъ лежитъ главный центръ тяжести нашего бюджета, и, слѣдовательно, можетъ вредить поступленію по другимъ статьямъ дохода, — довольно указать на его несправедливость въ томъ отношеніи, что онъ увеличивается съ разстояніемъ, которое нужно проѣхать, а потому берется казною не съ выгоды, которую получаетъ плательщикъ, а прямо пропорціоналенъ неудобствамъ мѣстожительства лица, подвергаемаго налогу, то-есть противорѣчитъ не только всѣмъ понятіямъ о справедливости, но и всѣмъ правиламъ финансовой науки.

Еще менѣе можетъ быть оправдано возвышеніе акциза на вино. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что такое возвышеніе становится въ положительный разрѣзъ какъ съ предыдущими, такъ и съ послѣдующими финансовыми мѣрами. Только въ исходѣ прошлаго года отмѣненъ налогъ на соль, благодѣтельными послѣдствіями котораго населеніе не могло еще воспользоваться въ теченіе истекающаго года, такъ какъ, по какому-то несчастному недоразумѣнію, акцизъ былъ сложенъ не съ владѣльцевъ соли, оплатившихъ налогъ, а былъ подаренъ оптовымъ торговцамъ, которымъ взносъ его былъ разсроченъ подъ залоги и которые получили его сполна въ продажной цѣнѣ соли. Только къ концу настоящаго года цѣна соли стала понижаться, и только въ будущемъ году населеніе можетъ почувствовать послѣдствія сложенія этого налога. Въ теченіе настоящаго года возникъ также вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей въ видахъ облегченія труднаго положенія крестьянъ и на дняхъ ожидается окончательное его разрѣшеніе. Между тѣмъ на ряду съ этими двумя мѣрами, какъ бы игнорируя мотивы, которыми обусловливались эти два мѣропріятія, наше финансовое вѣдомство возвышаетъ акцизъ на вино, не обращая никакаго вниманія на то, что оно обращается въ этомъ случаѣ съ своимъ требованіемъ къ тѣмъ же самымъ плательщикамъ, въ интересѣ которыхъ предприняты и сложеніе соленаго налога, и пониженіе выкупныхъ платежей, и такимъ образомъ совершенно парализуетъ значеніе этихъ полезныхъ мѣропріятій. Кромѣ того не подлежитъ спору, что всякій налогъ монополизируетъ предметы обложенія, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше

норма обложенія, то-есть возвышаетъ цѣну самаго продукта, независимо отъ акциза, тѣмъ болѣе, чѣмъ выше налогъ. Выше я указалъ, во что обходилась народу эта монополизація вина, вслѣдствіе высоты акциза и высоты патентнаго сбора, и теперь нельзя не замѣтить, что, при возвышеніи акциза съ 7 на 8 копѣекъ съ градуса, доля кабатчиковъ и виноторговцевъ въ суммѣ, взимаемой съ народа за вино, возрастетъ еще болѣе, между тѣмъ какъ доходъ казны можетъ остаться въ прежнемъ размѣрѣ, вслѣдствіе сокращенія правильнаго потребленія.

Если наше финансовое управленіе рѣшилось прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, успѣхъ коихъ можетъ быть даже сомнительнымъ, то отсюда ясно, что поступающихъ доходовъ недостаточно для удовлетворенія государственныхъ потребностей, а эта недостаточность есть прямое слѣдствіе паденія цѣнности кредитнаго рубля и можетъ вызвать установленіе новыхъ налоговъ и удержаніе старыхъ, даже признанныхъ наиболѣе вредными, то-есть будетъ мѣшать всякимъ благоразумнымъ финансовымъ реформамъ.

На этомъ основаніи разстройство нашего денежнаго обращенія есть такое зло, которое мѣшаетъ устраненію другихъ причинъ, вредно вліяющихъ на нашу экономическую жизнь, которое лежитъ, такимъ образомъ, камнемъ преткновенія поперекъ дороги каждому разумному начинанію и, какъ мнѣ кажется, должно быть устранено прежде всего. Наше финансовое управленіе не сомнѣвается въ этомъ и первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ указомъ 1-го января текущаго года, которымъ государственному банку былъ воспрещенъ дальнѣйшій выпускъ кредитныхъ билетовъ, а на государственное казначейство была возложена обязанность ежегодно въ теченіе 8 лѣтъ уплачивать банку по 50.000.000 руб. въ видахъ изъятія изъ обращенія и уничтоженія на такую же сумму кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе въ количествѣ 400.000.000 руб. на покрытіе расходовъ послѣдней войны. Судя по этому акту, надо полагать, что наше финансовое управленіе имѣетъ въ виду, путемъ постепеннаго изъятія кредитныхъ билетовъ, возстановленіе стоимости нашей валюты если не въ номинальной ея цѣнности, то по крайней мѣрѣ въ той, которая существовала до войны. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько такой порядокъ устройства нашего денежнаго обращенія будетъ соотвѣтствовать интересамъ большинства населенія, я долженъ замѣтить, что такой путь вполнѣ цѣлесообразенъ и этимъ путемъ Сѣверо-Американскіе Штаты дѣйстви-

тельно достигли возстановленія цѣнности своихъ гринбаковъ и ихъ свободнаго размѣна на золото по номинальной цѣнѣ. Но это имъ удалось на томъ основаніи, что они для извлеченія изъ обращенія бумажныхъ денегъ употребляли избытки доходовъ надъ расходами, которыхъ у нихъ оставалось по сту и болѣе милліоновъ долларовъ въ годъ. Но такой избытокъ доходовъ надъ расходами у нихъ оставался потому, что они не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ заключенія Ричмондскаго мира распустили свою армію и оставили ее въ количествѣ не болѣе 60.000 человѣкъ, а теперь не имѣютъ далеко и этой цифры. Мы же обязаны тратить на содержаніе нашей арміи до 200.000.000 рублей и не только не имѣемъ избытка доходовъ надъ расходами, но имѣемъ дефицитъ, который за текущій годъ долженъ достигнуть по меньшей мѣрѣ до ста милліоновъ рублей. Еслибы мы могли сохранить наши расходы настолько, чтобъ избавиться отъ дефицита и имѣть избытокъ дохода въ пятьдесятъ, по крайней мѣрѣ, милліоновъ рублей, то мы, конечно, могли бы разсчитывать на достиженіе цѣли, предположенной въ указѣ 1-го января 1880 года. Точно также еслибы мы, не касаясь интересовъ податныхъ классовъ, могли увеличить наши доходы настолько же, то, конечно, результатъ могъ быть тотъ же. Но этого нѣтъ и наше финансовое управленіе, какъ видно изъ указа о новомъ, пятомъ, выпускѣ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ на сто милліоновъ рублей, предполагало возможнымъ извлеченіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія посредствомъ займа. Между тѣмъ такой способъ изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія возможенъ только въ первое время послѣ ихъ выпуска, а не по истеченіи трехъ лѣтъ, когда каждое частное лицо для своихъ обыденныхъ расходовъ нуждается въ большей наличности, въ виду возвышенія цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ банкъ, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ увеличить свою кассу нисколько, несмотря на то, что получилъ, судя по балансу на 12 октября, до 15.000.000 рублей по новому займу. Увеличеніе кассы банка, по послѣднему октябрскому балансу, до 38.000.000 рублей объясняется увеличеніемъ текущаго счета государственнаго казначейства съ 50 до 62.000.000 рублей. Явленіе это вполнѣ естественное: всѣ свободные денежные знаки, ненужные въ ежедневномъ оборотѣ, и безъ того сосредоточиваются въ кассахъ государственнаго банка, какъ главнаго кредитнаго учрежденія въ государствѣ, имѣющаго свои органы во всѣхъ сколько-

нибудь значительныхъ центрахъ нашей промышленной и торговой дѣятельности, а потому всякій внутренній заемъ всегда упадетъ на вклады и текущіе счеты государственнаго банка и нисколько не увеличитъ наличности его кассы: это есть только переписка по бухгалтерскимъ книгамъ банка суммъ съ текущихъ счетовъ частныхъ кредитныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ на счетъ текущаго счета государственнаго казначейства, которое такимъ образомъ обязывается платить гораздо большій процентъ, чѣмъ платилъ государственный банкъ,—другихъ послѣдствій не будетъ. Наличныхъ кредитныхъ билетовъ, которые банкъ могъ бы уничтожить, заемъ никогда банку не дастъ: взамѣнъ продаваемыхъ имъ облигацій онъ получаетъ только чеки на свою кассу.

Мнѣ могутъ возразить, что въ іюнѣ текущаго года въ государственномъ банкѣ касса превышала 80.000.000 рублей и, слѣдовательно, онъ имѣлъ полную возможность уничтожить кредитныхъ билетовъ на 50.000.000 рублей, какъ то установлено указомъ 1 января 1880 года, оставаясь при кассѣ въ 30.000.000 руб. На такое возраженіе мы позволимъ себѣ спросить, что бы было съ банкомъ въ настоящее время, еслибъ онъ поступилъ такимъ образомъ въ іюнѣ?—Къ 12 октября касса его и безъ этого представляла лишь сумму въ 28.000.000 рублей. Еслибы государственный банкъ рѣшился тогда на уничтоженіе 50.000.000 р., то ему предстояло бы уже давно или прекратить свои платежи и ликвидировать, или возобновить вновь выпускъ кредитныхъ билетовъ, воспрещенный указомъ 1-го января 1880 года. Другаго выхода не было. Отсюда ясно, что сосредоточенные въ кассѣ банка въ іюнѣ и началѣ іюля 80.000.000 рублей находились тамъ лишь временно, подлежали востребованію и, слѣдовательно, не могли быть уничтожены.

Изъ всего, что мною сказано, прямо слѣдуетъ, что изъятіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ въ видахъ возстановленія ихъ цѣнности возможно только обращеніемъ на это избытка доходовъ, если таковой имѣется, другаго же средства для этого нѣтъ и быть не можетъ. Этотъ избытокъ можетъ быть только слѣдствіемъ или значительнаго увеличенія доходовъ при издержкахъ, остающихся въ прежнемъ размѣрѣ, или при сохраненіи той же цифры доходовъ, но при значительномъ сохраненіи расходовъ. Что касается перваго условія, то разсчитывать на него положительно невозможно, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ единственно возможный новый, сколько-нибудь значительный, налогъ есть подо-

ходный; но онъ съ перваго года по установленія не можетъ дать даже такую цифру дохода, которая необходима для отмѣны подушнаго налога. Вслѣдствіе этого, для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, то-есть для достиженія той цѣли, которою задалось наше финансовое управленіе, предложивъ законъ 1-го января 1881 года, остается только одно средство—сокращеніе нашихъ расходовъ на сумму по меньшей мѣрѣ до 150.000.000 рублей, удерживая государственный доходъ въ существующихъ размѣрахъ.

По всей вѣроятности, читатель, пробѣжавши эти строки, скажетъ, что я задаюсь несбыточными надеждами, увлекаюсь иллюзіями; но я, съ своей стороны, долженъ сказать, что я указываю только необходимыя условія, при которыхъ возможно осуществленіе предположеній о возстановленіи цѣнности нашей валюты, — предположеній, вовсе не мною сдѣланныхъ,—и думаю, что если и возможно достигнуть подобнаго сокращенія расходовъ, то не иначе, какъ измѣнивши кореннымъ образомъ всѣ условія нашей общественной жизни; при этомъ надо отказаться отъ всякаго вліянія на европейскія дѣла и сократить наши военные расходы до послѣдней крайности. Говоря такъ, я напередъ слышу насмѣшливые возгласы нашихъ воинствующихъ господъ: они навѣрное скажутъ, что это—пустыя бредни, что сокращать военные расходы въ то время, когда вся Европа вооружена съ головы до ногъ, значитъ подчиняться всѣмъ требованіямъ Бисмарковъ и Таафе, которые не остановятся устроить свои дѣла безъ всякаго вниманія къ нашимъ интересамъ, какъ только замѣтятъ слабость нашу въ военномъ отношеніи. Такіе возгласы я считаю чистѣйшими парадоксами. Чтобъ утверждать это, надо не понимать одной вещи, что Бисмарки и Таафе—далеко не такіе простаки, которымъ можно втирать очки, а люди очень хорошо знающіе наше дѣйствительное положеніе дѣлъ. Имъ очень хорошо извѣстно, что Россія при настоящихъ условіяхъ не имѣетъ никакой возможности помѣшать осуществленію какихъ бы то ни было ихъ плановъ, хотя бы эти планы шли въ положительный разрѣзъ съ нашими интересами. Отчего же, спрашиваю я, эти господа не пользуются удобнымъ для себя моментомъ нашей слабости и не посягаютъ на наши интересы, а напротивъ находятся съ нами въ наилучшихъ отношеніяхъ? Неужели наши военныя силы, какъ бы ни были онѣ хороши, при нашемъ финансовомъ положеніи, могутъ быть страшны для нихъ?—Не думаю. Послѣ недавнихъ

опытовъ, повидимому, въ этомъ отношеніи не можетъ быть спора. Если же это такъ, то спрашивается, для чего намъ нужно въ настоящее время наше вооруженное положеніе и самая многочисленная изъ всѣхъ европейскихъ державъ армія? Развѣ только для того, чтобы, истощая свои силы въ мирное время, быть позади другихъ въ необходимый моментъ?... Впрочемъ, намъ къ этому не превыкать стать. Передъ первой крымскою войной мы всего болѣе занимались нашими военными силами, а между тѣмъ не смогли отразить шестидесятитысячнаго корпуса, высадившагося у насъ въ Крыму. Передъ послѣднею войной мы тратили на наше вооруженіе до 200.000.000 рублей въ годъ, а между тѣмъ у турокъ оказались и ружья, и артиллерія лучше нашихъ. Поэтому не лучше ли было бы оставить всякую претензію на застращиванье нѣмцевъ и австрійцевъ и начать сберегать свои силы въ мирное время?... Жизнь общества должна складываться въ видахъ нормальнаго порядка вещей, а потому нельзя жить такъ, чтобы постоянно готовиться къ совершенно ненормальному военному положенію и приносить этому положенію въ жертву всѣ другіе интересы общества. Подобная политика, конечно, вызоветъ въ нашихъ сосѣдяхъ гораздо болѣе уваженія къ нашимъ тенденціямъ и создастъ намъ болѣе сильный авторитетъ, чѣмъ большая армія и народная бѣдность.

Да проститъ мнѣ читатель мое отступленіе въ область политики; каюсь, что увлекся, и затѣмъ возвращаюсь къ вопросу, меня занимающему. Я готовъ согласиться, что разсчитывать на указанное мною сокращеніе расходовъ, при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни, положительно невозможно, а слѣдовательно и возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля представляется мнѣ также невозможнымъ.

Но кромѣ того, что подобный результатъ оказывается невозможнымъ, онъ представляется мнѣ и нежелательнымъ, на томъ основаніи, что возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля произведетъ такую же пертурбацію въ сферѣ имущественныхъ отношеній, какъ и ея паденіе, но только въ обратномъ смыслѣ. При паденіи курса теряютъ кредиторы и выигрываютъ должники; при возстановленіи же его теряютъ должники и въ особенности государственное казначейство, на томъ основаніи, что займы, совершенные послѣ паденія курса бумажныхъ денегъ, придется оплачивать дорогими деньгами, отчего выиграютъ только капиталисты и этотъ выигрышъ ляжетъ тяжелымъ бременемъ на плательщиковъ налоговъ. Гово-

рятъ, что справедливость требуетъ, чтобы правительство, разъ выдавшее бумажныя деньги по ихъ номинальной цѣнѣ, возстановило ихъ курсъ; но дѣло въ томъ, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить и вознаградить именно тѣхъ лицъ, которыя теряли при паденіи курса, а справедливость можетъ быть соблюдена только при непремѣнномъ вознагражденіи потерпѣвшихъ. Между тѣмъ при возстановленіи курса бумажныхъ денегъ легко можетъ случиться, что выиграютъ совсѣмъ не тѣ лица, которыя теряли при паденіи ихъ стоимости, а именно тѣ, которыя тогда получили выгоду, и вновь потеряютъ тѣ, которыя тогда потеряли. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ именно такъ, потому что въ обоихъ случаяхъ обыкновенно выигрываетъ торгующій классъ, у котораго и деньги, и товары находятся въ постоянномъ обращеніи, и преимущественно люди торгующіе деньгами. Такимъ образомъ возстановленіемъ курса бумажныхъ денегъ не только не соблюдается справедливость, но она нарушается вторично, и такое нарушеніе тѣмъ болѣе вредно, что оно совершается въ пользу капиталистовъ и на счетъ плательщиковъ налоговъ. Для соблюденія справедливости въ этомъ отношеніи одно условіе: никогда не прибѣгать къ выпуску бумажныхъ денегъ въ такомъ количествѣ, которое не допускаетъ свободнаго размѣна. Разъ это условіе нарушено, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушается и справедливость, и притомъ безъ всякой возможности возстановить это нарушеніе и вознаградить потерпѣвшихъ.

Если съ одной стороны возстановленіе курса бумажныхъ денегъ не только невозможно, но и нежелательно, а съ другой—оставаться при существующемъ порядкѣ денежнаго обращенія также нельзя, то, спрашивается, какъ же выйдти изъ этой дилеммы?

Отвѣчаю: выходъ одинъ — это девальвація нашей валюты. Нашъ кредитный рубль упалъ: онъ стоитъ не болѣе 66 копѣекъ золотомъ, а мы продолжаемъ его считать въ 100 копѣекъ, создавая себѣ ни на чемъ не основанную иллюзію, что со временемъ онъ опять будетъ имѣть прежнюю стоимость. Подобная иллюзія вноситъ страшную путаницу въ наши понятія о цѣнности предметовъ, такъ какъ мы лишены всякаго опредѣленнаго и постояннаго мѣрила цѣнности; дайте намъ это мѣрило—и порядокъ въ экономическихъ оцѣнкахъ очень быстро возстановится, несмотря на сдѣланныя потери. Для этого необходимо признаніе совершившагося факта паденія цѣнности кредитнаго рубля не только со стороны общества, но и со стороны правительства.

Пусть кредитный рубль и выдается, и получается въ правительственныхъ кассахъ по той цѣнѣ, что онъ стóитъ на металлическія деньги, и мы вновь получимъ необходимое намъ мѣрило цѣнности. Если при этомъ и будетъ какая-нибудь потеря, то развѣ только на ту сумму кредитныхъ билетовъ, которая находится въ карманѣ каждаго отдѣльнаго лица. Само собою разумѣется, что подобная мѣра не можетъ быть принята внезапно: ей должны предшествовать предварительныя мѣры, на томъ основаніи, что между людьми совершаются не одни окончательныя сдѣлки, но и на извѣстные сроки въ будущемъ. Поэтому прежде, нежели приступить къ девальваціи кредитнаго рубля, необходимо разрѣшить пріемъ въ казначействахъ звонкой монеты по курсу и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить: а) писать всѣ обязательства на звонкую монету и б) въ обязательствахъ, уже совершенныхъ, суммы, опредѣленныя въ кредитныхъ рубляхъ, перечислять на звонкую монету по курсу. Установленіе извѣстнаго курса въ казначействахъ не можетъ встрѣтить затрудненій, такъ какъ подобный порядокъ практиковался у насъ въ первой половинѣ текущаго вѣка, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа. Чѣмъ скорѣе будетъ принята подобная мѣра, единственно возможная въ настоящее время, тѣмъ выгоднѣе будетъ и для правительства, и для общества, и тѣмъ возможнѣе будутъ всѣ дальнѣйшія финансовыя реформы.

Пониженіе цѣны кредитнаго рубля до его дѣйствительной стоимости на звонкую монету уничтожитъ ту фикцію, которою мы обманываемъ и себя, и другихъ, воображая, что мы имѣемъ въ рукахъ гораздо большую сумму, а затѣмъ сдѣлаетъ возможнымъ обращеніе звонкой монеты на нашемъ рынкѣ и тѣмъ установитъ извѣстную солидарность между нашимъ внутреннимъ и заграничнымъ рынками, такъ какъ регуляторомъ денежнаго обращенія и существующихъ цѣнъ будетъ не усмотрѣніе государственнаго банка, какъ это было до сихъ поръ, а приливъ и отливъ звонкой монеты, т. е. естественный законъ спроса и предложенія. Такимъ образомъ наша внѣшняя торговля не будетъ имѣть видъ временной спекуляціи на разность денежнаго курса, но приметъ характеръ правильныхъ и постоянныхъ сношеній, а потому и цѣны нашихъ отпускныхъ товаровъ не будутъ подвергаться такимъ значительнымъ колебаніямъ.

Но есть еще одно условіе, которое парализуетъ развитіе народнаго благосостоянія если не въ большей, то уже никакъ не

въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ указанныя выше: я говорю о нашей таможенной системѣ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительно ли наши народные интересы требуютъ охранительной политики по отношенію къ международному обмѣну? Одно сопоставленіе числа земледѣльческаго населенія съ городскимъ и фабричнымъ, а также цѣнности продуктовъ земледѣльческаго производства, съ одной стороны, и фабричнаго и заводскаго, съ другой, уже ясно укажетъ, что главный центръ тяжести нашего производства составляетъ сельское хозяйство и что мы можемъ быть богаты только въ томъ случаѣ, если сосредоточимъ всѣ свои заботы и попеченія на этой отрасли производства и будемъ направлять ее такъ, чтобы нашъ земледѣлецъ пользовался всѣми плодами своего труда. Если нужны цифры для доказательства важнаго значенія земледѣльческой промышленности въ нашемъ отечествѣ, то я сошлюсь снова на трудъ г. Николая, помѣщенный въ октябрской книжкѣ журнала *Слово* за 1880 годъ. Рядомъ цифръ, собранныхъ за десять лѣтъ, авторъ доказываетъ, что у насъ всѣ цифры банковой, желѣзнодорожной и таможенной статистики зависятъ вполнѣ отъ урожая, вмѣстѣ съ нимъ возвышаются и падаютъ, и что фабричная и заводская промышленность не имѣетъ на эти цифры ни малѣйшаго вліянія. Фактъ вполнѣ доказательный. Но кромѣ того мы знаемъ, что наши фабрики и заводы, со включеніемъ даже винокуренныхъ и мукомольныхъ, занимаютъ отъ 600 до 700 тысячъ рукъ не болѣе, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Такое количество рабочихъ силъ въ отношеніи 90-милліоннаго населенія всей Россіи составляетъ каплю въ морѣ. Между тѣмъ этого результата мы добились съ громадными пожертвованіями, введя сначала запретительную, а затѣмъ охранительную политику, и притомъ въ теченіе цѣлаго текущаго столѣтія. Если сосчитать, сколько переплатилъ русскій народъ за это время нашимъ фабрикантамъ и заводчикамъ, вслѣдствіе возвышенія таможенными пошлинами цѣнъ на предметы ихъ производства, то можно безъ ошибки сказать, что всѣ ихъ фабрики и заводы, со включеніемъ и тѣхъ капиталовъ, которыми они обладаютъ, не стоютъ и половины этихъ денегъ. Не разбогатѣлъ также и рабочій классъ нашихъ фабричныхъ и заводскихъ мѣстностей и жизнь его представляетъ самую жалкую картину человѣческаго существованія. Но, кромѣ упадка матеріальнаго благосостоянія, фабричная и заводская жизнь вноситъ страшную демонализацію въ нравы населенія, порождаетъ массу заразительныхъ

болѣзней, укорачиваетъ жизнь рабочаго и порождаетъ среди этого класса такую смертность, которая часто превышаетъ госпитальную. Впрочемъ, моя задача состоитъ въ указаніи чисто-экономической стороны дѣла и потому я не буду вдаваться въ описаніе всѣхъ страшныхъ послѣдствій искуственнаго насажденія у насъ фабричнаго и заводскаго производства,—я упомянулъ объ этомъ только мимоходомъ.

Итакъ, я утверждаю, что фабриканты и заводчики далеко не пользуются всѣмъ излишкомъ, который переплачиваетъ потребитель вслѣдствіе существованія охранительныхъ пошлинъ. Не пользуются имъ и рабочіе, такъ какъ они получаютъ жалкую заработную плату, которая даетъ имъ только возможность существованія. Излишекъ этотъ уходитъ сполна на борьбу съ невыгодными у насъ условіями производства, т. е. тратится самымъ непроизводительнымъ образомъ. Мы платимъ за то, что заграничный фабрикантъ имѣетъ даромъ, и притомъ вводимъ у себя такую систему производства, при которой на долю рабочаго класса достается только ничтожная доля результатовъ его труда. Фабрика при бѣдности и неразвитости нашего народа можетъ существовать только наемнымъ трудомъ, а такой трудъ,—по справедливому замѣчанію покойнаго князя Васильчикова,—есть *кабальный трудъ* и не можетъ быть названъ *трудомъ свободнымъ*. Послѣднимъ можетъ быть названъ только трудъ или въ собственномъ хозяйствѣ, или въ артели, то-есть когда результатъ труда всецѣло принадлежитъ трудящемуся человѣку. Между тѣмъ фабрика, вторгаясь въ среду нашего сельскаго населенія, подрываетъ въ корнѣ начало того свободнаго труда, принципъ котораго провозглашенъ былъ такъ торжественно Положеніемъ 19 февраля и идетъ прямо въ разрѣзъ съ этимъ Положеніемъ. Правда, что нѣкоторые недостатки этого Положенія и пробѣлы, существующіе въ немъ, создали почву для такого порядка вещей, но эти недостатки и пробѣлы могли быть исправлены и пополнены,—для этого было время. Но, къ сожалѣнію, со времени изданія крестьянскаго Положенія, всѣ наши мѣропріятія направлены исключительно къ поддержанію торговли и заводскаго и фабричнаго производства, основаннаго на наемномъ трудѣ, т. е. клонились къ разрушенію самаго понятія о свободномъ трудѣ. Такая политика не можетъ быть названа послѣдовательной, тѣмъ болѣе, что она вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ и сельско-хозяйственную дѣятельность нашего населенія,—ту дѣятельность, которая созда-

лась и существуетъ не только безъ всякой поддержки и покровительства, но служитъ почти исключительнымъ источникомъ средствъ для государственной жизни Россіи. Скажу болѣе, она существуетъ вопреки тѣмъ мѣрамъ, которыя, конечно, безсознательно, направлены во вредъ ея интересамъ и развитію.

Постараюсь доказать это положеніе. Выше было указано, какихъ ничтожныхъ результатовъ добились мы, покровительствуя фабричному производству, несмотря на значительныя жертвы, принесенныя для этой цѣли. Но на кого же падаютъ эти жертвы, какъ не на большинство русскаго народа, получающаго главныя средства своего существованія отъ земли? Только одни продукты сельскаго хозяйства, вслѣдствіе условій ихъ производства, въ состояніи оплатить тѣ пожертвованія, которыхъ требуетъ непроизводительная трата и силъ, и средствъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя не могутъ существовать безъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ. Всякая пошлина въ концѣ концовъ переходитъ на тѣхъ лицъ, результатъ труда которыхъ не пользуется и не можетъ пользоваться таможеннымъ покровительствомъ, хотя такой переходъ бываетъ иногда настолько сложенъ, что мы его и не замѣчаемъ. Строитель машинъ, заплативши пошлину за желѣзо, возвратитъ ее въ цѣнѣ своихъ машинъ; прядильщикъ хлопчатой бумаги, купивши машину, переложитъ цѣну ея на бумажную пряжу; фабрикантъ бумажныхъ тканей возвыситъ цѣну этой ткани и только крестьянинъ, купившій эту ткань, не въ состояніи переложить на покупателя той пошлины, которая съ него взята, такъ какъ его трудъ не пользуется таможеннымъ покровительствомъ. Такимъ образомъ потребитель ткани заплатитъ и пошлину на желѣзо, и возвышенную цѣну машины, бумажной пряжи и бумажной ткани. Русскій крестьянинъ не пьетъ шампанскаго, но онъ платитъ въ цѣнѣ бумажной ткани пошлину за то шампанское, которое выпьютъ фабриканты машинъ, бумажной пряжи и бумажной ткани, такъ какъ эти господа могутъ прикладывать стоимость своего содержанія на цѣну своихъ произведеній: высота таможенныхъ пошлинъ, а слѣдовательно и цѣна ихъ произведеній устанавливается на основаніи ихъ представленій и разсчетовъ, какъ спеціалистовъ этого дѣла. Однимъ словомъ, наше сельское хозяйство въ концѣ концовъ несетъ на себѣ всю тяжесть возвышенія цѣнъ, какъ послѣдствія высокихъ охранительныхъ пошлинъ, и оно одно только не можетъ претендовать на какое-либо охраненіе. На этомъ основаніи

казалось бы, что охранительная пошлина прямо противорѣчитъ интересамъ большинства нашего населенія, которое, нуждаясь въ продуктахъ фабричнаго производства, могло бы получать ихъ съ заграничныхъ рынковъ по цѣнамъ гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ цѣны приготовленныхъ дома. Къ несчастію, теорія меркантильной системы сбиваетъ съ толку наше общество. Люди думаютъ, что все богатство состоитъ въ деньгахъ и что, въ видахъ пріобрѣтенія богатства, нужно какъ можно болѣе продавать иностранцамъ и какъ можно менѣе покупать у нихъ. Никто не хочетъ понять той простой истины, что деньги нужны только какъ орудіе мѣны, и притомъ въ такомъ количествѣ, какое требуется для производства обмѣна, а ни болѣе, ни менѣе. Хотя каждый разсчетливый хозяинъ никогда не будетъ оставлять въ своей кассѣ излишнихъ денегъ, а непремѣнно или покупаетъ на нихъ какой-либо полезный для себя предметъ или отдаетъ ихъ кому-либо въ ссуду, и слѣдовательно знаетъ, что беречь деньги въ сундукѣ невыгодно; но какъ только вопросъ касается общественнаго хозяйства, то этотъ взглядъ сейчасъ же измѣняется, между тѣмъ какъ въ этомъ отношеніи общественное хозяйство ничѣмъ не отличается отъ частнаго. Тотъ же разсчетливый хозяинъ начинаетъ утверждать, что страна не должна ничего покупать у иностранцевъ, что это значитъ—позволять имъ эксплуатировать Россію, ставить ее въ зависимость отъ нихъ, дозволять имъ вывозить наши деньги за границу и тому подобные софизмы, которые указываютъ только, что люди такъ разсуждающіе никогда ясно не сознавали ни той роли, которую играютъ деньги въ общественныхъ оборотахъ, ни того значенія, какое имѣетъ международный обмѣнъ.

Не имѣя въ виду въ настоящей статьѣ возражать на всѣ парадоксальныя мнѣнія защитниковъ охранительной политики, я замѣчу только, что обиліе денегъ никогда не обогащало тѣхъ странъ, которыя пріобрѣтали ихъ, тѣмъ или другимъ путемъ, въ количествѣ болѣе чѣмъ требовалось совершающимися оборотами. Результатъ былъ тотъ же даже въ томъ случаѣ, когда брали ихъ, не давая въ возвратъ никакихъ другихъ цѣнностей. На нашихъ глазахъ совершился подобный примѣръ и Германія не только не разбогатѣла, взявши съ Франціи контрибуцію въ пять милліардовъ франковъ, но, напротивъ, много и очень много потеряла. Дѣло въ томъ, что обиліе денегъ въ странѣ только возвышаетъ цѣны всѣхъ предметовъ потребленія и всѣхъ биржевыхъ цѣнно-

стей, страна становится очень выгоднымъ рынкомъ для сбыта какъ товаровъ, такъ и процентныхъ бумагъ, вслѣдствіе чего избытокъ денегъ уходитъ изъ страны и наступаетъ кризисъ со всѣми его печальными послѣдствіями. Еслибъ обиліе денегъ могло обогащать страну, то создать богатство было бы очень легко, такъ какъ во внутреннихъ оборотахъ бумажныя деньги ничѣмъ не отличаются отъ звонкой монеты и послѣдствія ихъ избытка въ первое время одинаковы съ послѣдствіями внезапнаго наплыва звонкой монеты. Разница состоитъ въ томъ только, что звонкая монета, имѣя совершенно свободный исходъ на всемірный рынокъ, не долго остается въ странѣ, вслѣдствіе чего вызываетъ меньшую пертурбацію въ имущественныхъ отношеніяхъ и менѣе продолжительный кризисъ, чѣмъ бумажныя деньги.

Не могу также пройти молчаніемъ несостоятельности взгляда на выгодность и невыгодность торговаго баланса, составляемаго на основаніи таможенныхъ таблицъ ввоза и вывоза товаровъ. Не говоря уже о томъ, что оцѣнка товаровъ въ этомъ случаѣ значительно разнится съ дѣйствительными ихъ цѣнами, мнѣ кажется, что людямъ, не утратившимъ смысла, слѣдовало бы подумать, что международные счеты отнюдь не ограничиваются таможенными счетами, что процентныя бумаги, переходящія изъ одного государства въ другое, вовсе не входятъ въ эти счеты, что наличныя деньги, перевозимыя ежедневно изъ страны въ страну, также не принимаются въ разсчетъ, что контрабанда при высокихъ пошлинахъ имѣетъ очень важное значеніе, а обороты по этой операціи въ счетъ таможенъ не входятъ, что, наконецъ, черезъ границу перевозится масса цѣнностей, въ видѣ знанія и умѣнья, которыя также не включаются въ таможенныя таблицы, но за которыя платятся матеріальныя цѣнности. О какомъ же *торговомъ балансѣ* можно говорить, когда изъ общей бухгалтерской книги международнаго обмѣна таможнямъ извѣстна только нѣкоторая часть счетовъ этого обмѣна? Возможно ли послѣ этого придавать какое-нибудь значеніе той разницѣ, которая существуетъ между цифрами ввоза и вывоза? Люди, понимающіе механизмъ международнаго обмѣна, знаютъ, что ввозъ всегда равенъ вывозу, если принять въ разсчетъ всѣ возможные его элементы, на томъ простомъ основаніи, что никто принадлежащихъ ему цѣнностей не отдаетъ даромъ, что превышеніе ввоза надъ вывозомъ, замѣчаемое въ таможенныхъ таблицахъ, указываетъ на приливъ капиталовъ въ страну и что превышеніе вывоза надъ ввозомъ есть

признакъ обратнаго теченія капиталовъ. И то и другое теченіе можетъ быть и выгодно, и невыгодно, смотря по тому употребленію, которое было или будетъ сдѣлано съ этими капиталами; но самое теченіе ихъ въ ту или другую сторону еще ничего не указываетъ. Если я, наприм., вывезъ пшеницы въ Лондонъ на сто тысячъ рублей, поѣхалъ за границу и проигралъ эти деньги въ рулетку, то я несомнѣнно увеличилъ нашъ вывозъ, но Россія отъ этого конечно потеряла, между тѣмъ какъ таможня будетъ считать, что я моимъ оборотомъ улучшилъ положеніе торговаго баланса на сто тысячъ рублей. Другой примѣръ: я занялъ денегъ въ Англіи за 5% и привезъ оттуда машинъ на сто тысячъ рублей для устройства какого-либо промышленнаго предпріятія, которое даетъ 10% дохода. Я буду очень правильно считать, что Россія въ лицѣ моемъ пріобрѣла доходъ въ 5% со ста тысячъ рублей; между тѣмъ въ таможенныхъ счетахъ будетъ значиться, что Россія заплатила Англіи сто тысячъ руб. за машины, слѣдовательно торговый балансъ Россіи ухудшился на эту сумму. Такова вѣрность таможенныхъ счетовъ и таковъ смыслъ торговаго баланса.

Если же деньги не составляютъ богатства и нужны въ странѣ лишь въ извѣстномъ количествѣ, сообразномъ съ количествомъ оборотовъ, то привлекать или удерживать ихъ искуственно нѣтъ никакой надобности; если же, съ другой стороны, разница между ввозомъ и вывозомъ не означаетъ ни выгоды, ни убытка, то отсюда прямо слѣдуетъ, что система охраненія внутренняго производства посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, т. е. стремленіе болѣе продавать, чѣмъ покупать, основано на чистѣйшемъ недоразумѣніи и въ такой странѣ, какъ наше отечество, гдѣ преобладаетъ земледѣльческое производство, можетъ только вредить развитію нашего благосостоянія. Искуственно создаваемая обрабатывающая промышленность существуетъ только на счетъ земледѣльческой и вредитъ ей двоякимъ образомъ: съ одной стороны она отнимаетъ у нея матеріальныя и умственныя силы, съ другой—заставляетъ ее пріобрѣтать продукты производства по болѣе высокимъ цѣнамъ. Но особенный вредъ подобной системы состоитъ въ томъ, что она создаетъ цѣлый классъ промышленныхъ капиталистовъ, которые, отвлекая работника отъ собственнаго хозяйства, заставляютъ его трудиться по найму, т. е. замѣняютъ свободный трудъ трудомъ кабальнымъ,—и вноситъ въ среду рабочаго люда деморализацію.

Хуже всего однако-жь то, что подобныя жертвы не достигаютъ своихъ цѣлей,—искуственно создаваемая промышленность не пускаетъ корней на нашей почвѣ, и на это есть очень много причинъ. Какъ на одну изъ главныхъ, я указывалъ и въ первой моей статьѣ: это—отсутствіе внутренняго рынка, перваго условія для развитія всякой промышленности. Народъ нашъ или вовсе не покупаетъ продуктовъ фабричнаго и заводскаго производства, или покупаетъ ихъ очень мало, а достаточные классы представляютъ слишкомъ малый контингентъ потребителей, чтобъ обезпечить надлежащій сбытъ. Затѣмъ промышленность развитая и работающая для цѣлаго всемірнаго рынка гораздо воспріимчивѣе для всякаго рода усовершенствованій, въ особенности при дешевизнѣ капиталовъ, и потому разсчитывать, что вновь насаждаемая промышленность при дороговизнѣ капиталовъ можетъ сравняться когда-нибудь съ европейскимъ производствомъ—это значитъ гоняться за своею тѣнью. Далѣе, развитіе промышленности зависитъ не отъ одной только выгодности условій производства, но также отъ наличности матеріальныхъ и умственныхъ капиталовъ, при недостаткѣ которыхъ самыя выгодныя условія производства не создадутъ ничего кромѣ убытка. Наконецъ, при существующихъ условіяхъ международнаго обмѣна, таможенныя пошлины далеко не такое универсальное средство для устраненія конкурренціи болѣе развитой промышленности, какъ это кажется съ перваго раза.

Необходимо замѣтить, что деньги при производствѣ обмѣна играютъ роль только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но что въ общей массѣ обмѣновъ люди мѣняются продуктами своего или чужаго труда. Это положеніе еще болѣе приложимо въ обмѣнѣ международномъ, такъ что всѣ стороны обмѣниваются товарами, деньги же вовсе не переходятъ изъ страны въ страну или если и переходятъ, то только временно и затѣмъ, посредственно или непосредственно, возвращаются вновь туда, откуда пришли. Отсюда общій экономическій законъ, что ввозъ всегда равенъ вывозу товаровъ и что разница между этими цифрами является, во-первыхъ, отъ неполноты счетовъ международнаго обмѣна, во-вторыхъ, отъ неправильной оцѣнки товаровъ, въ-третьихъ, отъ того, что разница одного года покрывается обратною разницей другаго, и, въ-четвертыхъ, отъ прилива капиталовъ въ ту или другую сторону. Затѣмъ необходимо принять въ соображеніе, что отправленіе какого-либо товара изъ одной страны въ другую об-

легчаетъ значительно обратное отправленіе какого-либо другаго товара изъ послѣдней въ первую, такъ какъ при двойномъ оборотѣ всѣ расходы экспедиціи того и другаго товара обходятся дешевле и нѣтъ надобности въ расходахъ на пересылку денегъ, что совершается при посредствѣ банковъ—простымъ переводомъ съ получателя товара на отправителя. Вслѣдствіе этихъ удобствъ практика международной торговли еще болѣе усиливаетъ взаимное вліяніе ввоза и вывоза, такъ что увеличеніе вывоза можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, когда усиливается ввозъ, и наоборотъ.—Обстоятельство это имѣетъ огромное значеніе для нашего отечества въ его международныхъ торговыхъ оборотахъ, и вотъ въ какомъ отношеніи.

Между предметами нашего заграничнаго отпуска хлѣбъ составляетъ наиболѣе важную статью; а такъ какъ спросъ на этотъ продуктъ не можетъ возрастать далѣе извѣстнаго предѣла и ограничивается недостаткомъ его на заграничныхъ рынкахъ для годоваго продовольствія населенія,—недостаткомъ, пополняемымъ далеко не изъ одной Россіи,—то цѣны на нашемъ рынкѣ вполнѣ зависятъ отъ заграничнаго спроса, который въ свою очередь въ значительной степени зависитъ отъ сбыта въ Россіи заграничныхъ товаровъ. При ограниченіи возможности этого сбыта, т. е. при увеличеніи таможенныхъ пошлинъ, весьма естественно, что ограничивается и спросъ на нашъ хлѣбъ и цѣны на него понижаются, и притомъ въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ спросъ, такъ какъ избытокъ нашего хлѣба все-таки долженъ быть проданъ. При такихъ условіяхъ нашъ хлѣбъ можетъ понизиться настолько, что разница въ цѣнѣ его между нашимъ и англійскимъ рынкомъ будетъ настолько значительна, что англійскіе товары, приготовляемые въ видахъ будущаго сбыта, могутъ быть настолько понижены въ цѣнѣ, что оплата ихъ пошлиной сдѣлается совершенно возможной и тогда возникаетъ такое обстоятельство, что пошлина на продукты англійскаго производства будетъ оплачена пониженіемъ цѣны нашей пшеницы. Нѣчто подобное происходило у насъ въ 1878 году, когда наша пшеница на англійскія деньги покупалась очень дешево и когда стальные рельсы продавались въ Россіи дешевле шести фунтовъ за тонну, съ доставкою даже въ Таганрогъ.

Подобный переводъ ввозныхъ пошлинъ на предметы нашего отпуска тѣмъ болѣе возможенъ, что существующія коммиссіонерскія конторы, завѣдующія оптовою продажей заграничныхъ произведеній, завѣдуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нашимъ экспортомъ, т. е. по-

купаютъ наши продукты для отправки ихъ за границу. Для нихъ все равно, на какомъ товарѣ имѣть барыши,—для нихъ важно лишь то, чтобъ оборотъ, по вывозу товара изъ Англіи и по привозу туда нашего хлѣба, былъ покрытъ съ выгодою. Поясню мою мысль примѣромъ: положимъ, что, при отсутствіи ввозныхъ пошлинъ, цѣна на англійскіе рельсы установилась такая, что можно имѣть за пудъ англійскихъ рельсовъ пудъ нашей пшеницы. Но вотъ наше правительство устанавляетъ 35 копѣекъ пошлины на каждый пудъ рельсовъ и это дѣлаетъ невозможнымъ продажу англійскихъ рельсовъ на нашемъ рынкѣ, вслѣдствіе чего коммиссіонеръ не выписываетъ рельсовъ, потому его кредитъ сокращается на эту сумму и соразмѣрно съ этимъ онъ ограничиваетъ покупку нашей пшеницы; но такъ какъ цѣна нашей пшеницы въ портовыхъ городахъ совершенно зависитъ отъ заграничнаго спроса и съ уменьшеніемъ его цѣна падаетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, то это пониженіе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока пшеница не понизится именно настолько, насколько должна понизиться цѣна на рельсы для возможности за уплатой пошлины получить также за пудъ рельсовъ пудъ пшеницы. Тогда оборотъ снова дѣлается возможнымъ: заграничный корреспондентъ выпишетъ рельсы, продастъ ихъ съ пониженіемъ цѣны на сумму пошлины и купитъ на эти средства пшеницы для отправки въ Англію. Здѣсь наиболѣе важное значеніе имѣетъ наличность товара въ распоряженіи коммиссіонера. Денегъ онъ изъ Англіи получить не можетъ, но товара сколько угодно, и притомъ въ кредитъ. Какъ скоро товаръ погруженъ, то присланный ему коносаментъ даетъ ему уже значительную часть средствъ для закупки русскаго экспорта и для выдачи задатковъ. По полученіи товара онъ имѣетъ въ рукахъ или платежъ, или вексель за него, т. е. средства для оборота съ русскимъ экспортомъ, который можетъ совершиться только при извѣстномъ пониженіи цѣнъ. Стало-быть наибольшая часть нашихъ таможенныхъ пошлинъ оплачивается пониженіемъ цѣны нашихъ земледѣльческихъ произведеній, вслѣдствіе чего цѣны на заграничныя произведенія хотя и повышаются, но не настолько, чтобы конкурренція съ ними была возможна для нашихъ фабрикъ. Такимъ образомъ система таможенныхъ пошлинъ оказывается средствомъ далеко не цѣлесообразнымъ, а между тѣмъ она налагаетъ тяжелое бремя на земледѣльческую промышленность, вознаградить себя за которое послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Что же оказывается въ результатѣ подобной политики? *Мы создаемъ у себя заводскую и фабричную промышленность, которая, обогащая временно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, отрываетъ населеніе отъ производительнаго и самостоятельнаго труда въ земледѣльческой и кустарной промышленности, деморализуетъ его въ концѣ и заставляетъ его заниматься трудомъ чисто-кабальнымъ и положительно убыточнымъ, падающимъ всею своею тяжестью на земледѣльческую промышленность.* Потери наши вслѣдствіе такой политики неисчислимы; но еслибъ онѣ могли быть приведены въ извѣстность хотя бы въ самомъ неполномъ ихъ значеніи, то всякій непредубѣжденный человѣкъ пришелъ бы въ ужасъ отъ ихъ размѣровъ. Можно ли удивляться послѣ этого, что нашъ народъ бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ, когда онъ, кромѣ непосильныхъ и явныхъ налоговъ въ пользу государственнаго бюджета, выноситъ еще особые налоги, представляющіе оборотную сторону или нашей системы взиманія налоговъ (какъ, напримѣръ, налогъ въ пользу кабатчиковъ, вслѣдствіе монопольнаго возвышенія цѣнъ на вино), или нашей торговой политики, которая съ одной стороны возвышаетъ цѣны на предметы заводскаго и фабричнаго производствъ, а съ другой—понижаетъ цѣну на продукты земледѣльческой промышленности.

Но кромѣ того наша охранительная система не выдерживаетъ критики и въ отношеніи ея послѣдовательности. Мы прилагаемъ особыя старанія для сбыта нашихъ произведеній, совершенно игнорируя, что всякое увеличеніе вывоза само собою увеличиваетъ ввозъ заграничныхъ произведеній. Мы строимъ желѣзныя дороги, углубляемъ порты, дѣлаемъ въ нихъ различныя приспособленія, совершенно забывая, что тѣмъ самымъ мы создаемъ новую возможность проникать заграничнымъ произведеніямъ въ самые отдаленные уголки нашего отечества и тѣмъ парализуемъ въ сильной степени значеніе нашего охранительнаго тарифа. Но такъ какъ безъ подобныхъ улучшеній не мыслимо развитіе какой бы то ни было промышленности, то отсюда прямо слѣдуетъ, насколько несостоятельна система охраненія внутренняго производства путемъ таможенныхъ пошлинъ.

Еслибъ я предполагалъ выставить всѣ вредныя стороны охранительной политики, то я бы, конечно, могъ написать цѣлый томъ; но я имѣлъ въ виду указать преимущественно тотъ вредъ, который она наноситъ нашему сельскохозяйственному производ-

ству, отъ успѣховъ котораго зависитъ не только экономическое положеніе нашего населенія, но и все наше государственное благоустройство. Въ погонѣ за примѣрами западной Европы, мы старались насадить у насъ фабричное производство, забывая одно, что въ Европѣ оно явилось естественнымъ историческимъ слѣдствіемъ съ одной стороны роста населенія и невозможности приложенія всѣхъ наростающихъ силъ къ земледѣлію, съ другой—вызывалось накопленіемъ капиталовъ, искавшихъ для себя помѣщенія. Тамъ, быть-можетъ, и возникновеніе охранительной политики могло имѣть свой raison d'être въ видахъ доставленія народу, оставшемуся безъ занятій, возможности приложенія своего труда, а затѣмъ такая политика могла поддерживаться отчасти рутиной, отчасти опасеніемъ временныхъ затрудненій при возможномъ упадкѣ той или другой отрасли производства. Ничего подобнаго не было у насъ: мы просто были увлечены примѣромъ западной Европы, отъ которой не желали отставать, и, заводя фабрики и заводы, почти насильно отрывали населеніе отъ его исконныхъ занятій. Тамъ фабрика была единственнымъ выходомъ для голодающаго населенія, у насъ же она сдѣлалась школой разврата и гибелью затраченныхъ и дорого оплаченныхъ капиталовъ.

Говорю *гибелью* на томъ основаніи, что въ обработывающей промышленности нѣтъ предѣловъ для улучшеній производства, а всѣ эти улучшенія гораздо возможнѣе и доступнѣе для развитой промышленности въ странахъ обильныхъ капиталами, чѣмъ для нашей, едва существующей при пособіи таможенныхъ пошлинъ и казенныхъ субсидій. Каждый день мы слышимъ возгласы гг. протекціонистовъ о недостаточномъ огражденіи нашего производства, несмотря на то, что нашъ тарифъ выше всѣхъ европейскихъ тарифовъ и въ послѣднее время возвысился значительно. Мы можемъ поддерживать наши фабрики только постояннымъ возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ; но на все есть предѣлъ и мнѣ кажется, что недалеко то время, когда никакія пошлины не въ состояніи будутъ оберегать интересы нашихъ фабрикантовъ и такимъ образомъ затраченные капиталы должны будутъ погибнуть.

Въ заключеніе резюмирую все сказанное мной. Я не думаю, чтобы тѣ мѣры, о которыхъ такъ много говоритъ наша литература,—мѣры дѣйствительно полезныя при нормальномъ порядкѣ вещей,—могли быть приняты въ настоящее время въ такомъ объемѣ, чтобъ оказать существенное вліяніе на облегченіе труднаго положенія народа. Но еслибы даже и найдена была возможность принять

самыя энергическія мѣры въ этомъ отношеніи, то результаты ихъ окажутся только впослѣдствіи, между тѣмъ какъ народу нужно непосредственное и быстрое облегченіе. Всякій потерянный день усложняетъ задачу и затрудняетъ ея рѣшеніе. На этомъ основаніи я думаю, что первымъ нашимъ дѣломъ должно быть сокращеніе нашего расходнаго бюджета настолько, чтобъ уничтожить дефицитъ и обезпечить избытокъ дохода, который далъ бы возможность приступить къ необходимымъ финансовымъ и экономическимъ реформамъ. Между тѣмъ вся наша административная практика оставляетъ очень мало надежды на подобный исходъ. Есть нѣсколько дѣльныхъ мыслей, но всѣ статьи написаны съ цѣлью, если можно, еще больше раззорить и унизить Россію

А. Головачовъ.

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

(Окончаніе.)

Глава семнадцатая *).

Бываютъ въ февралѣ прекрасные теплые дни; но ошибается тотъ, кто думаетъ; что они приводятъ съ собой весну.

Сухая, холодная Сабина поддалась на время женственнымъ влеченіямъ; но какъ скоро горячее стремленіе насладиться материнскимъ счастьемъ было удовлетворено, сердце ея снова какъ будто сжалось и пламя, согрѣвшее ей грудь, угасло.

На приближенныхъ и даже на мужа все существо императрицы стало опять дѣйствовать непріятнымъ и отталкивающимъ образомъ.

Веръ заболѣлъ. У него появились первые признаки болѣзни печени, которую ему не разъ предсказывали врачи, если онъ, европеецъ, станетъ продолжать въ Александріи свою разгульную римскую жизнь.

Преторъ съ нетерпѣніемъ переносилъ первыя физическія страданія, ниспосланныя ему судьбой. Даже великая вѣсть, переданная ему Сабиной и осуществлявшая самыя смѣлыя его надежды, не могла примирить больнаго съ непривычнымъ для него состояніемъ.

Несмотря на всѣ старанія, гороскопъ Вера сдѣлался извѣстенъ Адріану, который изъ страха передъ ослѣпительнымъ блескомъ его созвѣздій едва не оставилъ мысль объ усыновленіи; за свое

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

содѣйствіе при тушеніи произведеннаго Антиноемъ пожара претору пришлось поплатиться тяжкою болѣзнью: все это заставляло его горько раскаиваться въ своемъ коварномъ вмѣшательствѣ въ разсчеты кесаря.

Человѣкъ охотно сваливаетъ на плечи другимъ всякое бремя, а особенно тяжесть собственной вины: больной проклиналъ и Антиноя, и ученость Симеона Бенъ Іохаи, такъ какъ безъ нихъ преступленіе, отравившее ему веселье жизни, осталось бы несовершеннымъ.

Адріанъ просилъ александрійцевъ отложить готовившіяся въ честь его зрѣлища и торжественныя процессіи, ибо онъ былъ еще занятъ наблюденіями относительно событій грядущаго года.

Каждый вечеръ отправлялся онъ теперь на высокую обсерваторію Серапеума и глядѣлъ оттуда на звѣздное небо. Десятаго января вычисленія его были окончены. Одиннадцатаго начались торжества. Они продолжались нѣсколько дней. Роль Роксаны, по желанію претора, была исполнена прекрасною дочерью еврея Аполлодора. — Всѣ отдѣльныя части устроенныхъ александрійцами празднествъ отличались великолѣпіемъ и блескомъ. Ни въ одной навмахіи не было уничтожено столько кораблей, какъ въ этомъ примѣрномъ сраженіи близъ городской гавани; даже въ римскомъ циркѣ не видано было большаго числа собранныхъ вмѣстѣ дикихъ звѣрей. А какимъ кровавымъ образомъ оканчивались сраженія гладіаторовъ, представлявшихъ пестрое, волновавшее душу зрителей, смѣшеніе бѣлыхъ и черныхъ бойцовъ!

Театральныя представленія, вслѣдствіе различныхъ элементовъ, совмѣщавшихся въ стѣнахъ этого города, средоточія египетской, греческой и восточной культуры, были настолько разнообразны, что оказались не такъ утомительны, какъ ожидали римляне.

При исполненіи трагедій и комедій не было недостатка въ поразительныхъ эффектахъ, какъ-то: пожарахъ, водопадахъ и тому подобномъ; это дало александрійскимъ актерамъ возможность выказать въ полномъ блескѣ свое искусство и Адріанъ съ своими спутниками не могли не согласиться, что даже въ Римѣ и Аѳинахъ имъ не случалось видѣть такой артистической игры.

Префектъ Тиціанъ во время этихъ празднествъ сильно страдалъ одышкой, а дѣла у него было вдоволь; несмотря на это, онъ дѣятельно помогалъ архитектору Понтію отыскивать Поллукса. Хотя они вскорѣ нашли Дориду съ Эвфоріономъ, но тѣ не могли дать никакихъ указаній, которыя навели бы на слѣдъ ихъ сына.

Паппія, прежняго хозяина пропавшаго ваятеля, не было въ городѣ, такъ какъ Адріанъ послалъ его въ Италію, въ свою виллу въ окрестностяхъ Тибура, чтобъ украсить ее центаврами и другими фигурами. Оставшаяся въ Александріи жена его увѣряла, что знаетъ про Поллукса только то, что онъ грубо отказался служить у ея мужа.

Товарищи несчастнаго не могли дать о немъ также никакихъ свѣдѣній, такъ какъ никто изъ нихъ не присутствовалъ при его арестѣ. Паппій былъ настолько осмотрителенъ, что упряталъ безъ свидѣтелей человѣка, котораго боялся.

Префектъ, равно какъ и архитекторъ и не думали искать честнаго малаго въ темницѣ, а еслибъ даже имъ и пришла эта мысль, то поиски оказались бы тщетными, такъ какъ Поллуксъ находился внѣ Александріи. Городскія тюрьмы послѣ празднествъ были переполнены и ваятеля засадили въ одну изъ тюрьмъ сосѣдняго Канопа. Тамъ же произведенъ былъ надъ нимъ судъ.

Поллуксъ откровенно признался, что взялъ серебряный колчанъ, и рѣзко возражалъ на обвиненія своего хозяина. Такимъ образомъ онъ съ самаго начала произвелъ дурное впечатлѣніе на судью, уважавшаго Паппія, какъ зажиточнаго и всѣми почитаемаго гражданина.

Подсудимаго даже не выслушали, какъ слѣдуетъ, и, основываясь на тяжкихъ, взводимыхъ на него, обвиненіяхъ и на его собственномъ признаніи, поспѣшно произнесли приговоръ.

Было бы, казалось, напрасною потерей времени выслушивать нелѣпыя басни, которыя разсказывалъ этотъ дерзкій подмастерье, забывшій всякое уваженіе къ своему хозяину и благодѣтелю. Двухгодичное размышленіе,—такъ надѣялся охранитель закона,—научитъ этого опаснаго бездѣльника уважать чужую собственность и не оскорблять тѣхъ, которымъ онъ обязанъ почтеніемъ и благодарностью.

Сидя въ канопской тюрьмѣ, Поллуксъ проклиналъ свою судьбу и тщетно надѣялся на помощь своихъ друзей. Послѣднимъ однако наконецъ надоѣли безплодные поиски за пропавшимъ товарищемъ и они только при случаѣ справлялись о немъ. Въ началѣ своего заключенія Поллуксъ велъ себя такъ буйно, что за нимъ усилили присмотръ; но потомъ онъ успокоился и проводилъ время въ безмолвномъ оцѣпененіи. Тюремщикъ, смотрѣвшій за нимъ, хорошо зналъ людей и могъ безошибочно предсказать, что молодой воръ черезъ два года выйдетъ изъ темницы помѣшаннымъ.

Тиціанъ, Понтій, Бальбилла и даже Антиной пытались заговаривать о ваятелѣ съ императоромъ, но изъ рѣзкихъ отвѣтовъ Адріана было ясно, что онъ не забылъ оскорбленія, нанесеннаго ему, какъ художнику.

Но кесарь доказалъ въ то же время, что помнитъ и все хорошее, пріятное: такъ, когда ему подали блюдо капусты съ сосисками, онъ улыбнулся и, вынувъ свой кошелекъ съ золотомъ, приказалъ слугѣ передать его Доридѣ.

Старики жили теперь въ собственномъ домикѣ вблизи жилища ихъ овдовѣвшей дочери, Діотимы. Они не терпѣли ни голода, ни нищеты, но въ нихъ произошла большая перемѣна.

Глаза бѣдной Дориды были воспалены отъ слезъ, которыя наполняли ихъ всякій разъ, когда какое-нибудь слово или какой-нибудь предметъ напоминали ей о Поллуксѣ, ея любимцѣ, ея гордости, ея надеждѣ. И какъ же мало было минутъ днемъ, когда она не думала о немъ!

Вскорѣ послѣ смерти Керавна Дорида отыскала Селену; но Ганна знала отъ Маріи, что это мать Поллукса, измѣнившаго ея питомицѣ, и потому не допустила ее къ больной.

При вторичномъ посѣщеніи Селена показалась Доридѣ крайне смущенной и сдержанной и старушка приписала это тому, что ея присутствіе въ тягость больной дѣвушкѣ.

У Арсинои, жилище которой она знала черезъ діакониссу, ее приняли еще хуже.

Дорида велѣла доложить о себѣ, какъ о матери ваятеля Поллукса, но ей отказали, сказавъ, что Арсиноя не можетъ съ ней говорить и разъ навсегда проситъ не безпокоить ее.

Когда Понтій отыскалъ старушку, онъ посовѣтовалъ ей еще разъ попытаться увидать Арсиною, которая была по-прежнему вѣрна ея сыну. Ободренная Дорида послѣдовала этому совѣту, но встрѣтилась съ самой Паулиной и та своимъ рѣзкимъ отказомъ оскорбила бѣдную женщину до слезъ.

Подарокъ императора былъ для бѣдняковъ очень кстати, такъ какъ Эвфоріонъ, вслѣдствіе волненій и горя почти лишившійся голоса, долженъ былъ оставить театръ и могъ участвовать только въ хорахъ, при исполненіи мистерій у небольшихъ сектъ или же въ свадебныхъ и погребальныхъ пѣсняхъ, за что получалъ всего по нѣскольку драхмъ.

Кромѣ того старики должны были содержать дочь, о которой

прежде заботился Поллуксъ, а птицъ, «грацій» и кошекъ надо было также кормить.

Ни Доридѣ, ни Эвфоріону и въ голову не приходило избавиться отъ любимыхъ животныхъ.

Днемъ старушка уже не могла болѣе смѣяться, но ночью у нея бывали сладкія мгновенія, когда она, полная надеждой, рисовала въ своемъ воображеніи радостныя картины будущаго и предавалась отраднымъ мечтамъ, которыя поддерживали ея мужество.

Часто она представляла себѣ Поллукса возвращающимся изъ Рима или Аѳинъ, куда онъ, можетъ-быть, бѣжалъ, увѣнчанный лаврами и съ несмѣтными богатствами.

Императоръ, который былъ такъ добръ, что вспомнилъ о ней, не могъ же вѣчно гнѣваться на бѣднаго юношу.

Можетъ-быть онъ и самъ велитъ разыскать Поллукса и вознаградитъ за всѣ перенесенныя имъ несчастія.

Дорида была по крайней мѣрѣ увѣрена, что ея любимецъ живъ, хотя Эвфоріонъ всячески старался убѣдить ее въ противномъ.

Пѣвецъ разсказывалъ много случаевъ тайныхъ убійствъ, но старушка не слушала и рѣшилась послать своего младшаго сына Тевкра, какъ скоро окончится его ученіе, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на поиски за пропавшимъ братомъ.

Антиной, обжоги котораго быстро зажили, благодаря внимательному уходу кесаря, сожалѣлъ объ исчезновеніи веселаго художника, единственнаго молодаго человѣка, возбудившаго въ немъ чувство дружбы, и не разъ собирался отыскать Дориду. Но теперь виѳинянинъ почти неотлучно находился при своемъ повелителѣ и выказывалъ такую предупредительность и услужливость, что Адріанъ даже ласково останавливалъ его рвеніе; если же Антиной иногда и могъ располагать часомъ свободнаго времени, онъ все-таки не шелъ далѣе намѣренія разыскать родителей Поллукса; вообще, требовались очень сильныя побудительныя причины, чтобы заставить нерѣшительнаго юношу исполнить задуманное.

Когда Антиноемъ овладѣвало желаніе видѣть Селену, тутъ не могло быть колебаній. Всякій разъ, какъ императоръ занятъ былъ диспутами въ музеѣ или выслушивалъ догматы различныхъ сектъ, излагаемые ихъ представителями, любимецъ его отправлялся къ загородному домику, въ которомъ, несмотря на февраль мѣсяцъ, все еще жила любимая имъ дѣвушка.

Юношѣ нѣсколько разъ удавалось прокрасться въ садъ Паулины, но надежда быть замѣченнымъ Селеной и говорить съ ней первое время не исполнялась.

Едва подходилъ онъ къ дому Ганны, какъ горбатая Марія заступала ему дорогу, передавала, въ какомъ состояніи находится ея подруга, и затѣмъ просила его удалиться.

Горбунья теперь уже не отлучалась отъ больной, такъ какъ за ея матерью ходила сестра, а Ганна выхлопотала Маріи право склеивать папирусные листья на дому.

Сама же вдова должна была по-прежнему посѣщать фабрику, потому что занимала должность надзирательницы.

Такимъ образомъ Антиной никогда не встрѣчалъ Ганны, а сталкивался постоянно съ Маріей.

Между прекраснымъ юношей и уродливою дѣвушкой установились болѣе или менѣе дружественныя отношенія.

На восклицаніе: «опять ты здѣсь», которымъ горбунья встрѣчала Антиноя, онъ бралъ ее за руку и начиналъ убѣдительно просить исполнить одинъ только разъ его желаніе. Но дѣвушка оставалась непреклонной и ласково отказывала ему.

Когда онъ приносилъ прекрасные цвѣты и умолялъ поставить ихъ въ комнату Селены отъ имени ея друга съ Лохіи, Марія соглашалась на его просьбу, но прибавляла, что напрасно говорить больной, отъ кого эти цвѣты.

Послѣ такого отказа Антиной прибѣгалъ къ ласковымъ и вкрадчивымъ словамъ, но никогда не рѣшался дѣйствовать силой.

Когда цвѣты стояли въ комнатѣ, Марія смотрѣла на нихъ гораздо чаще Селены.

Если Антиной подолгу не являлся, горбунья начинала тосковать и съ возрастающимъ безпокойствомъ ожидала его въ садикѣ своей подруги.

Съ такимъ лицомъ, какъ у него, она представляла себѣ ангеловъ и скоро ея представленіе о нихъ слилось въ его образѣ.

Въ своихъ молитвахъ она постоянно поминала прекраснаго язычника. Она думала о немъ всегда съ теплою нѣжностью, къ которой примѣшивалась скорбь о его погибшей душѣ.

Посѣщенія Антиноя, извѣстныя Ганнѣ черезъ Марію, начинали все болѣе и болѣе безпокоить вдову и она приказала горбуньѣ пострашать юношу тѣмъ, что позоветъ сторожа.

Почтенная женщина знала, кто былъ неутомимый поклонникъ

ея питомицы; это сообщилъ ей Масторъ, часто присутствовавшій при богослуженіи христіанъ.

Вся Александрія и даже вся имперія повторяла имя прекраснѣйшаго юноши того времени, любимца кесаря.

Ганна тоже много слышала о немъ; ей извѣстно было, что его воспѣвали поэты и языческія женщины добивались, какъ счастья, взглянуть на него.

Припоминая безнравственную жизнь римлянъ, она представляла себѣ Антиноя блестящимъ соколомъ, увивающимся вокругъ голубки, выжидая удобнаго мгновенія, чтобы заклевать ее.

Селена, какъ заключила діаконисса изъ ея разсказовъ, знала Антиноя, но, очевидно, не подозрѣвала, что обязана ему своимъ спасеніемъ—разъ отъ разъяреннаго дога, а позднѣе—отъ вѣрной погибели въ морскихъ волнахъ.

Въ концѣ февраля молодой виѳинянинъ приходилъ три дня сряду; тогда Ганна приказала привратнику строго слѣдить за юношей и не впускать его въ садъ, хотя бы для этого и потребовалась сила.

Но для влюбленнаго человѣка не существуетъ препятствій и Антиной продолжалъ свои посѣщенія.

Разъ ему наконецъ удалось увидать Селену, которая, слегка прихрамывая и опираясь на палку, гуляла въ садикѣ въ сопровожденіи вдовы и хорошенькаго бѣлокураго мальчика.

Все уродливое возбуждало въ Антиноѣ не состраданіе, а отвращеніе, такъ какъ нарушало обычную гармонію природы; но въ эту минуту его наполнило совсѣмъ иное чувство.

Горбатая Марія вначалѣ наводила на него страхъ своимъ безобразіемъ, но теперь онъ радовался встрѣчѣ съ нею, а хромая Селена казалась ему очаровательнѣе, чѣмъ когда-либо.

Какъ она прекрасна и стройна! Какая у нея своеобразная походка! Она, казалось ему, не хромала, а плавно покачивалась, какъ нереида, несомая вѣтромъ по волнамъ моря.

Любовь легко довольствуется всѣмъ; все, на что она ни распространяется, представляется ей въ какомъ-то возвышенномъ, идеальномъ видѣ. При свѣтѣ ея слабость становится добродѣтелью, недостатокъ—преимуществомъ.

Упорство виѳинянина не было единственною заботой Ганны; всѣ другія, впрочемъ, она переносила, конечно, не только безъ ропота, но даже съ радостью.

Приходилось содержать двухъ лишнихъ человѣкъ, а средства ея были очень скудны.

Чтобы не заставить своихъ питомцевъ терпѣть нужду, Ганна должна была неутомимо работать на фабрикѣ; кромѣ того она и дома цѣлыя ночи напролетъ склеивала папирусные листья.

Когда здоровье Селены поправилось, она охотно и усердно стала помогать своей доброй хозяйкѣ; но до этого въ теченіе нѣсколькихъ недѣль приходилось не допускать выздоравливающую до работы.

Марія посматривала на вдову съ тайнымъ безпокойствомъ, потому что та казалась ей блѣднѣе обыкновеннаго.

Разъ, когда съ ней сдѣлался обморокъ, горбунья собралась съ духомъ и начала доказывать, какъ неразумно злоупотреблять силами, дарованными Господомъ. Дѣвушка увѣряла Ганну, что если она будетъ продолжать работать день и ночь, а въ часы отдыха посѣщать бѣдныхъ и больныхъ, то вскорѣ сама будетъ нуждаться въ уходѣ.

— Хотя ночью подкрѣпляй себя необходимымъ сномъ, — упрашивала Марія.

— Жить надо,— отвѣчала вдова; — а я не могу занимать, такъ какъ знаю, что мнѣ нечѣмъ отдать.

— Попроси Паулину не брать съ тебя платы за жилище,— совѣтовала дѣвушка,—она охотно это сдѣлаетъ.

— Нѣтъ,—рѣшительно возразила Ганна.—Деньги, которыя я плачу за этотъ домикъ, идутъ на раздачу бѣднымъ; что мы даемъ имъ, то даемъ самому Богу, а Онъ ни на кого не налагаетъ непосильнаго бремени.

Селена выздоровѣла, но врачъ объявилъ, что никакое искусство не въ состояніи избавить ее отъ хромоты. Ганна полюбила ее, какъ родную дочь, а появленіе слѣпаго Геліоса, подобно радостному солнечному лучу, озарило домикъ вдовы.

Арсиноя могла навѣщать сестру только изрѣдка и то не иначе, какъ въ сопровожденіи своей воспитательницы.

Сестры никогда не разговаривали откровенно. Старшая дочь управителя была теперь довольна и весела, младшая же, напротивъ, грустила о пропавшемъ миломъ и плакала, чувствуя себя несчастною въ новомъ домѣ.

Остальнымъ маленькимъ сиротамъ Керавна жилось хорошо; ихъ иногда приводили къ Селенѣ и они съ любовью разсказывали о своихъ новыхъ радостяхъ.

Выздоровѣвшая дѣвушка облегчила своимъ подругамъ тяжесть ихъ труда, а въ началѣ марта вдова получила предложеніе, которое, еслибъ она приняла, могло дать иное направленіе ея простому образу жизни.

Одна изъ христіанскихъ общинъ, образовавшихся въ Верхнемъ Египтѣ, обратилась къ Александрійской церкви съ просьбой прислать ей пресвитера, діакона и діакониссу, чтобы руководить и поучать новокрещенныхъ, которыхъ насчитывалось тысячами. Требовались люди свѣдущіе и опытные и Ганну спросили, не рѣшится ли она оставить столицу и продолжать свою благодатную дѣятельность въ отдаленной Безѣ. Тамъ ее ожидалъ уютный домъ, пальмовый садъ, а община бралась обезпечить существованіе какъ ей самой, такъ и ея питомцамъ.

Вдова чувствовала, что сильно привыкла къ Александріи. Болѣе всего удерживали ее больные и бѣдные, въ которыхъ она принимала живое участіе. Ни одну заблудшую дѣвушку удалось ей спасти на фабрикѣ.

Ганна просила времени на размышленіе и ей дали сроку до пятнадцатаго марта; но уже пятаго числа она рѣшилась безповоротно.

Въ этотъ день вдова, по своему обыкновенію, находилась на фабрикѣ, а въ ея отсутствіе Антиною удалось уже передъ самымъ заходомъ солнца проникнуть въ садъ Паулины и пробраться до самаго домика Ганны.

Марія и на этотъ разъ во-время замѣтила юношу и ласково убѣждала его удалиться; но виѳинянинъ настойчиво умолялъ дѣвушку и въ сильномъ волненіи даже обнялъ ее.

— Милая, добрая Марія, — говорилъ Антиной вкрадчивымъ голосомъ,—позволь мнѣ только сегодня увидать ее и поговорить съ ней!

При этихъ словахъ юноша поцѣловалъ горбунью въ лобъ и прежде, нежели она успѣла опомниться, вбѣжалъ въ домъ къ Селенѣ.

Горбатая дѣвушка не понимала, что съ ней случилось. Подавленная смѣняющимися чувствами, она стояла неподвижно и, вся зардѣвшись отъ стыда, въ смущеніи смотрѣла въ землю.

Она чувствовала, что произошло нѣчто неподобающее, неслыханное, но вмѣстѣ съ тѣмъ была словно ослѣплена какимъ-то яркимъ свѣтомъ и къ дѣвичьей стыдливости примѣшивалось новое для нея, сладостное, чувство.

Чтобы собраться съ мыслями, Маріи потребовалось нѣсколько минутъ и ими-то Антиной не замедлилъ воспользоваться.

Быстрыми шагами направился онъ въ комнату, въ которую перенесъ Селену въ ту незабвенную ночь, и уже съ порога назвалъ ее по имени.

Она въ испугѣ отодвинула книгу, которую читала слѣпому брату.

Тогда онъ снова позвалъ ее умоляющимъ голосомъ.

Селена узнала его и спокойно спросила:

— Кого ты ищешь, меня или Ганну?

— Тебя, тебя!—съ жаромъ воскликнулъ юноша.—О, Селена! я не могу забыть тебя съ той ночи, какъ спасъ тебя изъ воды. Я погибаю отъ любви къ тебѣ. Неужели ты ни разу не подумала обо мнѣ и по-прежнему холодна и безчувственна, какъ въ ту минуту, когда ты уже на половину принадлежала смерти? Какъ тѣнь мертвеца, которая носится надъ мѣстомъ, гдѣ осталось все дорогое ему на землѣ, такъ я, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, брожу вокругъ этого дома и еще ни разу не удалось мнѣ высказать тебѣ того, что накопилось у меня на сердцѣ.

Съ этими словами Антиной опустился передъ нею, стараясь обнять ея колѣна.

Селена остановила его.

— Къ чему все это?—сказала она съ упрекомъ.—Встань и умѣрь свой порывъ.

— О, позволь, позволь мнѣ остаться такъ, — умолялъ онъ съ жаромъ. — Не будь такъ холодна и такъ жестока, сжалься надо мной и не отталкивай меня отъ себя.

— Встань!—повторила дѣвушка.—Я не хочу сердиться на тебя, потому что обязана быть тебѣ благодарною.

Юноша всталъ.

— Не благодарности нужно мнѣ, — проговорилъ онъ шепотомъ,—а любви, хоть немного любви.

— Я стараюсь любить всѣхъ людей,—возразила дѣвушка,—значитъ я люблю и тебя, тѣмъ болѣе, что ты сдѣлалъ мнѣ много добра.

— Селена, Селена! — воскликнулъ онъ въ восторгѣ, снова бросился передъ нею на колѣни и страстно схватилъ ее за руку. Но не успѣлъ онъ поднести эту руку къ губамъ, какъ въ комнату, вся пылая отъ волненія, вбѣжала Марія. Хриплымъ голосомъ, въ которомъ слышались негодованіе и досада, бѣдная гор-

бунья велѣла ему немедленно уйти. Всѣ попытки разжалобить ее, всѣ мольбы его остались тщетны.

— Если ты не послушаешься, — кричала она, — я позову мужчинъ, работающихъ въ саду. Я спрашиваю, хочешь ты слушаться или нѣтъ?

— Отчего ты такъ разсердилась, Марія?— спросилъ слѣпой Геліосъ.—Этотъ человѣкъ добрый и только сказалъ Селенѣ, что онъ ее любитъ.

Антиной съ умоляющимъ жестомъ указалъ на мальчика, но Марія уже стояла у окна и была готова кликнуть рабочихъ.

— Не надо, не надо! Я ухожу!—проговорилъ наконецъ Антиной и медленно направился къ двери, еще разъ устремивъ на Селену страстный и теплый взглядъ. Стыдъ и разочарованіе подавляли его, когда онъ покидалъ эту комнату, но въ то же время сердце его было полно счастья и гордости, словно ему удалось совершить великій подвигъ.

Въ саду ему повстрѣчалась Ганна, которая, увидавъ его, тотчасъ же ускоренными шагами направилась къ своему домику.

Вдова нашла Марію всю въ слезахъ, дрожащую отъ волненія, и вскорѣ была увѣдомлена обо всемъ, что случилось въ ея отсутствіе.

Черезъ часъ діаконисса объявила епископу, что принимаетъ сдѣланное ей предложеніе и согласна ѣхать въ Верхній Египетъ.

— Вмѣстѣ съ твоими питомцами?—спросилъ Евменій.

— Да. Конечно, сердечное желаніе Селены было бы принять крещеніе отъ тебя; но такъ какъ нужно еще цѣлый годъ для поученія...

— Я совершу завтра священный обрядъ.

— Завтра, добрый нашъ пастырь?

— Да, сестра... Я спокойно рѣшаюсь на это. Она оставила ветхаго человѣка въ волнахъ морскихъ и уже прошла жизненную школу прежде, чѣмъ мы сдѣлались ея наставниками. Уже вычницей приняла она на себя свой крестъ и несла его съ мужествомъ и терпѣніемъ истинной избранницы Господа. То, чего ей не доставало: вѣру, надежду и любовь—она обрѣла подъ твоею кровлей. Во имя Господа Іисуса благодарю тебя за эту душу, сестра.

— Я тутъ ни при чемъ,—смиренно возразила вдова.—Сердце ея было ожесточено, но не я, а теплая вѣра слѣпаго ребенка смягчила его.

— Ему и тебѣ обязана она спасеніемъ, — отвѣчалъ епископъ. — Оба они и должны вмѣстѣ принять крещеніе. Милому ребенку мы дадимъ имя прекраснѣйшаго изъ учениковъ Христовыхъ, Іоанна, Селена же, если ей самой это понравится, будетъ впредь называться Маѳой.

Глава восемнадцатая.

Селена и Геліосъ удостоились таинства крещенія и два дня позже Ганна съ своими питомцами и Маріей, въ сопровожденіи пресвитера Иларіона и одного изъ діаконовъ, уже садились на корабль, отплывавшій изъ Мареотической гавани къ мѣсту будущаго ихъ жительства, верхнеегипетскому городу Безѣ.

Убогая Марія выказала было минутную нерѣшимость, когда вдова спросила ее, согласна ли она послѣдовать за нею на чужбину.

Въ Александріи жила ея престарѣлая мать и кромѣ того... Но это самое «кромѣ того» сразу положило конецъ колебаніямъ горбуньи и заставило ее выговорить рѣшительное «да», такъ какъ относилось къ Антиною.

Мысль, что она никогда болѣе его не увидитъ, показалась бѣдной дѣвушкѣ въ первое мгновеніе невыносимою, такъ какъ прекрасный юноша одинъ только занималъ въ послѣднее время ея умъ и сердце; но сердце христіанки должно было всецѣло принадлежать Тому, Кто цѣною своей крови купилъ ей миръ здѣсь, на землѣ, и блаженство на небесахъ.

На слѣдующій день послѣ своего крещенія Селена отправилась въ городской домъ Паулины и со слезами простилась съ Арсиноей. Въ часъ разлуки любовь и дружба, соединявшія прежде сестеръ, казалось, опять воскресли. Селена, уже слышавшая отъ вдовы Пудента о смерти Поллукса, не чувствовала болѣе негодованія на соперницу, которая оплакивала молодаго ваятеля съ большею страстностью и скорбью, чѣмъ она сама, хотя прежде воспоминаніе о товарищѣ дѣтства не разъ смущало и туманило ея мысли.

Отъѣздъ изъ Александріи, гдѣ оставались сестры и братья Селены, былъ для нея, конечно, очень тяжелъ, но въ то же время она радовалась своему переселенію; она стала теперь совсѣмъ иною, чѣмъ была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и надѣялась вести на чужбинѣ новую, благочестивую жизнь.

Евменій и Анна были правы, утверждая, что слѣпой братъ Селены, а не кто другой, привелъ ее къ познанію истины.

Ребенокъ обратилъ сестру въ христіанство очень страннымъ, своеобразнымъ образомъ.

Уже увѣренія Мастора въ томъ, что Геліосъ вновь встрѣтитъ своего отца на лучезарномъ небѣ среди святыхъ ангеловъ, произвели сильное впечатлѣніе на живое воображеніе и мягкое сердце мальчика.

Въ домѣ Ганны надежда его увидать отца еще болѣе окрѣпла и вдова съ Маріей много разсказывали ему о милостивомъ и добромъ Богѣ, который любитъ дѣтей и призываетъ ихъ къ себѣ.

Когда Селена начала поправляться, Геліосъ радостно сообщилъ ей все слышанное отъ христіанокъ; но ей не понравились эти чудесныя фантастическія картины и она всячески старалась поколебать вѣру своего брата въ эти образы и обратить его вновь къ прежнимъ богамъ.

Но, стараясь руководить братомъ, дѣвушка сама мало-по-малу чувствовала себя принужденной слѣдовать по его пути. Сначала она ступала нерѣшительно, но Ганна поддерживала ее то примѣромъ, то добрымъ словомъ. Поучала вдова только тогда, когда Селена сама просила у нея объясненій.

Любовью и миромъ дышало все, что окружало сиротъ. Геліосъ чувствовалъ это и не разъ высказывалъ, и слова ребенка невольно дѣйствовали на сестру.

Подъ хорошимъ вліяніемъ окружающей обстановки въ Селенѣ развилось стремленіе относиться съ любовью ко всѣмъ людямъ, а ея братъ былъ первымъ, на кого обратилось пробудившееся въ ней мягкое чувство.

Прежде она радовалась, что жалкая земная жизнь кончается со смертью, но теперь у ней не нашлось отвѣта, когда Геліосъ спросилъ ее печальнымъ голосомъ:

— Неужели ты вовсе не желаешь увидать отца нашего и мать?

Одной мысли о свиданіи съ матерью было достаточно, чтобы заставить ее горячо желать жизни и за гробомъ, а благодаря усиліямъ Ганны искра надежды въ ея душѣ обратилась вскорѣ въ пламя.

Селена видѣла много горя и привыкла укорять боговъ въ жестокости; Геліосъ же не переставалъ ей говорить о любви Бога Отца и Сына къ людямъ и дѣтямъ.

— Развѣ не милосердъ Отецъ небесный,—спрашивалъ онъ,—что привелъ насъ въ домъ къ Ганнѣ?

— Положимъ, такъ; но насъ разлучили,—отвѣтила Селена.

— Погоди!—съ увѣренностью возразилъ ребенокъ,—на небѣ мы всѣ опять свидимся.

Выздоравливающая дѣвушка часто освѣдомлялась о своихъ братьяхъ и сестрахъ и Ганнѣ приходилось подробно описывать тѣ семьи, въ которыхъ находились сироты.

Не похоже было, чтобы вдова говорила неправду, да притомъ и дѣти подтверждали истину ея словъ, когда приходили навѣщать сестру; а все-таки Селена относилась недовѣрчиво къ разсказамъ Ганны про бытъ христіанскихъ семействъ.

Мать у христіанъ, по словамъ одного изъ великихъ учителей церкви, должна быть гордостью дѣтей, жена—гордостью мужа, мужъ и дѣти—гордостью жены, а Богъ—гордостью и славой всѣхъ членовъ семьи.

Любовь и вѣра и были дѣйствительно связующимъ началомъ семьи, а міръ и благочестіе—ея закономъ. И въ такой-то чистой, благотворной атмосферѣ, обаяніе которой Селена чувствовала вмѣстѣ съ Геліосомъ въ домикѣ Ганны, росли и ея маленькіе братья и сестры.

Здравый смыслъ говорилъ ей, что они всѣ погибли бы среди позора и нищеты, еслибъ отецъ, оставшись въ живыхъ, лишился своего мѣста.

А теперь? Ужь не дѣйствительно ли милостиво поступило божество съ бѣдными дѣтьми?

Любовью, одною любовью дышало все, что она видѣла и слышала, а между тѣмъ любовь ничего не дала ей кромѣ горя.

Почему суждено было ей столько выстрадать отъ чувства, красящаго жизнь другихъ? Неужели кто-либо вытерпѣлъ болѣе горестей, чѣмъ она?—Да, было существо страдавшее еще сильнѣе! Впечатлительный юноша ввелъ ее въ заблужденіе и затѣмъ не ей самой, а сестрѣ ея обѣщалъ счастье. Трудно было перенести такое разочарованіе, но Тотъ, о которомъ ей говорилъ Геліосъ, перенесъ горе несравненно тяжкое. То самое человѣчество, для искупленія грѣховъ котораго Онъ, Сынъ Божій, сошелъ на землю, вмѣсто благодарности распяло Его на крестѣ. Въ этомъ милосердомъ Спасителѣ Селена видѣла товарища по страданію и просила вдову разсказать ей о Немъ.

Селена принесла для своихъ родныхъ не одну жертву и она не могла забыть, сколько пришлось ей вынести при посѣщеніяхъ фабрики; Онъ же позволилъ осмѣять себя и пролилъ свою кровь за людей. И кто же была она въ сравненіи съ Сыномъ Божіимъ?!

Она полюбила Его образъ, она не уставала распрашивать о Его жизни, поученіяхъ и дѣлахъ и, незамѣтно для нея самой, насталъ день, когда душа ея оказалась готовою принять всѣми своими силами проповѣдь Христа.

Съ вѣрою у нея явилось и чуждое ей до тѣхъ поръ сознаніе грѣховности.

Селена работала въ домѣ отца изъ гордости и страха, но не по любви; священный даръ жизни она чуть было не отбросила отъ себя въ своемъ себялюбіи, не подумавъ о томъ, что станется послѣ ея смерти съ тѣми, о которыхъ она была обязана заботиться. Родную сестру свою, Поллукса, товарища своего дѣтства, она проклинала съ ожесточеніемъ и даже произносила хулу на небожителей, руководящихъ судьбою смертныхъ. Все это она съ прискорбіемъ сознала теперь; но въ то же время нашла и успокоеніе, узнавъ, что Сынъ Божій искупилъ міръ и взялъ на себя грѣхи кающихся грѣшниковъ.

Когда Селена выразила доброй вдовѣ свое желаніе стать христіанкой, Ганна привела къ ней епископа Евменія.

Онъ взялся лично руководить дѣвушкой и нашелъ въ ней полную жажды познанія ученицу.

Ея преждевременно увядшая душа быстро оживала подобно поблекшему цвѣтку, который опустили въ воду. Ей хотѣлось скорѣе выздоровѣть и окрѣпнуть, чтобы вмѣстѣ съ Ганной ходить за больными и доказать на дѣлѣ ту любовь къ людямъ, которую требуетъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей.

Въ новой вѣрѣ, которую она приняла, ее преимущественно радовало то, что эта вѣра обѣщала спасеніе не богатымъ, могущимъ приносить обильныя жертвы, но бѣднымъ и несчастнымъ, ищущимъ въ покаяніи прощенія; ей казалось, что она уже составляетъ со всѣми страждущими и обремененными какъ бы одну общую семью.

Дѣятельная, энергичная природа дѣвушки не могла довольствоваться одними добрыми намѣреніями; она жаждала дѣятельности, а Беза, куда Ганна хотѣла взять ее съ собой, представляла для этого обширное поприще. Надежды, возлагаемыя Селеной на будущее, придали ей еще болѣе бодрости и облегчили разлуку съ Александріей.

При попутномъ вѣтрѣ путешественники направились къ югу и счастливо достигли цѣли своего назначенія.

На второй день послѣ отъѣзда христіанъ Антиной прокрался въ садъ Паулины и, приближаясь къ домику вдовы, трепетно озирался, ожидая на каждомъ шагу встрѣчи съ убогой; но ея не было тутъ. Домикъ оказался свободнымъ.

Отсутствіе Маріи, повидимому благопріятствовавшее юношѣ, почему-то тревожило его.

Сердце его сильно билось отъ возможности застать наконецъ Селену безъ докучливыхъ свидѣтелей.

Не постучавшись, отворилъ онъ дверь, но не рѣшался переступить завѣтнаго порога, потому что въ передней находился совсѣмъ незнакомый ему человѣкъ.

Это былъ столяръ-христіанинъ, которому Паулина сдала свой опустѣвшій домикъ. Онъ спросилъ Антиноя, что ему угодно.

— Дома Ганна?—пробормоталъ виѳинянинъ.

— Она выѣхала отсюда.

— А ея воспитанница Селена?

— Переѣхала съ нею въ Верхній Египетъ. У тебя есть порученіе къ ней?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ пораженный до глубины души юноша.— Когда же онѣ уѣхали?

— Третьяго дня.

— И онѣ не намѣрены возвратиться?

— Развѣ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Когда Антиной вышелъ изъ сада, лицо его было блѣдно. Онъ былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, какъ бываетъ обманутъ путникъ въ пустынѣ, найдя засыпаннымъ источникъ, водой котораго надѣялся освѣжиться.

На слѣдующій день юноша, воспользовавшись первой свободною минутой, опять постучался къ столяру, чтобы справиться, въ какомъ именно мѣстѣ Верхняго Египта намѣревались расположиться переселенцы.

— Въ Безѣ,—отвѣтилъ ему простодушный ремесленникъ.

Антиной всегда былъ мечтателемъ, но такимъ вялымъ и безучастнымъ къ жизни, какъ теперь, Адріанъ еще никогда не видалъ его.

Когда императоръ пытался расшевелить своего любимца и принудить его быть бодрѣе, послѣдній глядѣлъ на своего повелителя умоляющими глазами, становился еще услужливѣе, но тщетно старался сдѣлать веселое лицо.

Даже во время охотъ, которыя Адріанъ не разъ предпринималъ въ Ливійской пустынѣ, Антиной не выходилъ изъ своей апатіи и оставался равнодушнымъ къ забавамъ, которымъ, бывало, предавался съ такимъ искусствомъ и беззавѣтностью.

Пребываніе императора въ Александріи продолжалось долѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ; онъ уже чувствовалъ пресыщеніе отъ празднествъ и торжествъ и былъ утомленъ словопреніями съ членами музея, безпрерывными столкновеніями съ мрачными мистиками, звѣздочетами, астрологами и шарлатанами всякаго рода, которыми кишѣлъ великолѣпный городъ.

Даже краткія аудіенціи, которыя онъ давалъ главамъ разныхъ сектъ, начинали надоѣдать ему; даже осмотръ фабрикъ и мастерскихъ города не занималъ его болѣе.

Однажды онъ объявилъ, что хочетъ посѣтить южныя области Нильской долины.

Уже давно просили его объ этой милости жрецы туземныхъ египетскихъ божествъ; не только его собственная любознательность и страсть къ путешествіямъ, но и важныя государственныя соображенія побуждали Адріана исполнить это желаніе самаго вліятельнаго сословія богатой южной провинціи.

Мысль увидать собственными глазами тѣ чудеса временъ фараоновъ, которыя привлекали столько путешественниковъ, развеселила кесаря и настроеніе его совсѣмъ прояснилось, когда онъ замѣтилъ, какъ живительно подѣйствовало на Антиноя его рѣшеніе предпринять поѣздку на югъ.

За послѣднія недѣли ничто не въ силахъ было возбудить въ любимцѣ Адріана хотя малѣйшую радость. Поклоненія знатныхъ александрійскихъ гражданокъ, которыя осаждали его не меньше римскихъ красавицъ, были ему невыносимо-противны.

На пирахъ онъ былъ молчаливымъ гостемъ и сосѣдство его никого не радовало.

Ни блестящія и возбуждающія зрѣлища въ циркѣ, ни удачные скачки и бѣга въ гипподромѣ не могли привлечь его вниманія.

Прежде Антиной охотно и внимательно слѣдилъ за пьесами Менандра и его подражателей, Алексія Аполлодора и Посидиппа, теперь же при исполненіи ихъ онъ неподвижно глядѣлъ передъ собой, мечтая о Селенѣ.

Возможность добраться до мѣста, гдѣ она жила, снова придала въ его глазахъ нѣкоторую привлекательность земному существованію.

Онъ могъ снова надѣяться, а кто видитъ вдалекѣ свѣтъ, тому окружающее кажется не столь мрачнымъ. Адріанъ радовался перемѣнѣ въ расположеніи своего любимца и велѣлъ ускорить приготовленія къ отъѣзду.

И все-таки протекло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ императоръ могъ отправиться въ путь.

Кесаря прежде всего озабочивала необходимость заселить вновь Ливію, опустошенную вслѣдствіе частыхъ возмущеній іудеевъ. Потомъ надо было рѣшить вопросъ о сооруженіи новыхъ почтовыхъ дорогъ, которыя связали и сблизили бы между собой части государства, и наконецъ Адріану приходилось выжидать формальнаго согласія сената на свои новыя постановленія насчетъ наслѣдственности правъ гражданства, даруемыхъ императоромъ.

Въ этомъ согласіи не могло быть сомнѣнія, но безъ него Адріанъ никогда не обходился при обнародованіи законовъ, — для него было важно, чтобъ его постановленія какъ можно скорѣе вступали въ силу.

При частыхъ посѣщеніяхъ музея повелитель тщательно освѣдомлялся о матеріальномъ положеніи каждаго изъ его сочленовъ, а теперь вырабатывалъ рядъ законоположеній, которыя должны были устранить отъ нихъ всѣ жизненныя заботы. Адріанъ обратилъ вниманіе и на судьбу престарѣлыхъ учителей и воспитателей юношества и старался облегчить ихъ участь.

Когда же Сабина начала представлять ему, въ какіе расходы могутъ вовлечь его эти новыя распоряженія, онъ отвѣчалъ ей:

— Мы кормимъ ветерановъ, которые служатъ государству тѣломъ и составляютъ его могущество и силу; почему же погибать среди заботъ тѣмъ, которые работаютъ умомъ и способствуютъ его духовному развитію? Кто изъ нихъ полезнѣе для имперіи? Чѣмъ труднѣе мнѣ, какъ императору, разрѣшить этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе чувствую я необходимость подводить подъ одно мѣрило чиновниковъ, воиновъ и старѣющихся учителей.

Александрійцы съ своей стороны тоже задерживали отъѣздъ Адріана новыми выраженіями своей преданности и уваженія къ его особѣ. Они провозгласили его богомъ, посвящали ему храмы и устраивали въ честь его безчисленныя торжества, съ видимымъ намѣреніемъ задобрить и расположить императора въ пользу своего города. Они всячески старались выразить, какъ рады его долгому пребыванію у нихъ, какъ гордятся такою милостью. Жадные до увеселеній горожане охотно пользовались удобнымъ

случаемъ удовлетворить своимъ желаніямъ и утопали въ рѣдкихъ и невиданныхъ до тѣхъ поръ паслажденіяхъ.

Посѣщеніе кесаря поглотило много милліоновъ и Адріанъ, который любилъ все узнавать и обо всемъ имѣть точныя свѣдѣнія, порицалъ легкомысліе и расточительность александрійскихъ гражданъ.

Полный признательности, онъ восхвалялъ позднѣе, въ письмахъ къ зятю своему Сервіану, богатство и трудолюбіе александрійцевъ, между которыми, по его словамъ, вовсе не было праздныхъ людей. «Одинъ,—писалъ Адріанъ,—выдѣлываетъ стекло, другой папирусъ, третій полотно; однимъ словомъ, каждый прилагаетъ свои руки къ дѣлу. Даже подагрики и хирагрики, даже слѣпые не остаются безъ занятій». Но при всемъ этомъ императоръ называетъ александрійцевъ непріятными людьми, съ злыми языками, которые не пощадили даже Вера и его любимца Антиноя. Іудеевъ, христіанъ и служителей Сераписа Адріанъ упрекаетъ далѣе въ томъ, что они покланяются вмѣсто олимпійскихъ божествъ только одному Богу; утверждая, что христіане воздаютъ почести Серапису, онъ хочетъ только сказать, что и они вѣрятъ въ дальнѣйшее существованіе души послѣ смерти.

Много хлопотъ причинилъ кесарю споръ о томъ, въ какой храмъ помѣстить вновь найденнаго Аписа. Священные быки уже издавна откармливались въ мемфисскомъ храмѣ Пта, но славный городъ древнихъ пирамидъ не могъ соперничать съ Александріей, въ которой храмъ Сераписа былъ вдесятеро вмѣстительнѣе и красивѣе древняго храма въ округѣ Сокари, близъ Мемфиса.

Александрійскіе египтяне, жившіе въ кварталѣ Ракотисъ, примыкавшемъ къ храму Сераписа, естественно желали имѣть у себя этого, обитающаго на землѣ въ образѣ быка, бога; но мемфитяне не уступали своихъ старинныхъ правъ и Адріану не легко было довести до удовлетворительнаго окончанія споръ, возмущавшій египтянъ до глубины души. Мемфисъ сохранилъ своего Аписа, а александрійскому Серапеуму обѣщаны были, какъ возмездіе, тѣ милости и награды, которыя прежде выпадали только на долю города пирамидъ.

Въ іюнѣ императору удалось наконецъ пуститься въ путь.

Онъ хотѣлъ путешествовать частью пѣшкомъ, частью на лошадяхъ, Сабина же должна была слѣдовать за нимъ на кораблѣ, какъ скоро наступитъ разливъ Нила.

Императрица охотно воротилась бы въ Римъ или Тибуръ, такъ какъ врачи приказали Веру оставить Египетъ при наступленіи лѣтнихъ жаровъ.

Уѣзжая съ женою въ Италію, преторъ разстался съ царственною четой какъ сынъ, но ни единое слово Адріана не позволило ему надѣяться, что вмѣстѣ съ правами сына онъ получитъ и права наслѣдника престола.

Болѣзнь и страданія сдерживали необузданную страсть прекраснаго сластолюбца къ наслажденіямъ, но не уничтожили ее, и въ Римѣ онъ продолжалъ неумѣренно пользоваться жизнью.

Колебанія Адріана часто безпокоили его, такъ какъ порфироносный сфинксъ уже не разъ разрѣшалъ предлагавшіяся ему загадки самымъ неожиданнымъ образомъ. Предсказанный Веру печальный конецъ не слишкомъ его озабочивалъ; напротивъ, пророчество Бенъ-Іохаи побуждало его торопиться испить до дна чашу жизненныхъ удовольствій, насколько это позволяла ему судьба.

Глава девятнадцатая.

Бальбилла съ своей неизмѣнной спутницей, Публій Бальбинъ и другіе знатные римляне, софистъ Фаворинъ и большая свита придворныхъ и слугъ должны были сопровождать императрицу во время ея путешествія по Нилу. Адріанъ взялъ съ собой только нѣсколько приближенныхъ и прекраснаго охотничьяго коня.

Еще не достигнувъ Мемфиса, императоръ, на пути своемъ черезъ Ливійскую пустыню, собственноручно убилъ нѣсколько львовъ и много другихъ дикихъ звѣрей; въ этихъ подвигахъ Антиной былъ по-прежнему его вѣрнымъ товарищемъ.

Хладнокровный въ опасностяхъ, неутомимый при переходахъ, довольный малымъ и всегда готовый услужить, онъ казался своему повелителю другомъ и спутникомъ, ниспосланнымъ ему самимъ божествомъ.

Когда случалось, что Адріанъ по цѣлымъ днямъ бывалъ погруженъ въ задумчивость и молчалъ, Антиной не тревожилъ его ни единымъ словомъ; но и тогда присутствіе виѳинянина было необходимо императору, такъ какъ одно сознаніе близости любимаго юноши уже дѣлало его счастливымъ.

Предпринятое Адріаномъ путешествіе доставляло и Антиною большое удовольствіе; онъ чувствовалъ, что можетъ быть сколько-

нибудь полезнымъ своему господину, и это облегчало тяжесть гнетущаго его преступленія.

Мечтательность была ему, кромѣ того, вообще, свойственнѣе, чѣмъ разговоры, а бодрыя движенія спасали его отъ вялости.

Въ Мемфисѣ Адріанъ былъ задержанъ на цѣлый мѣсяцъ.

Тамъ онъ встрѣтился съ кораблемъ Сабины и вмѣстѣ съ ней долженъ былъ посѣтить храмы египетскихъ божествъ, а потомъ, въ одѣяніи древнихъ фараоновъ, исполнить многіе обряды и церемоніи.

Сабинѣ казалось, что она умретъ отъ изнеможенія, когда ей пришлось въ длинныхъ одеждахъ повелительницъ Нильской долины, съ огромнымъ головнымъ уборомъ изъ орлиныхъ перьевъ, со множествомъ тяжеловѣсныхъ золотыхъ украшеній, шествовать рядомъ съ супругомъ въ процессіи по заламъ и кровлямъ въ святилище храмовъ.

Какимъ безсмысленнымъ формальностямъ приходилось подчиняться при этихъ процессіяхъ, при сколькихъ жертвоприношеніяхъ присутствовать!

Послѣ такихъ церемоній императрица чувствовала себя совершенно изнуренной отъ усталости, и дѣйствительно, не легко было выносить безконечныя куренія, окропленія, выслушивать такое множество литаній и гимновъ и проходить такія большія пространства; не легко было также, получая божескія почести, позволять украшать себя разнообразными вѣнцами, повязками и символическими предметами.

Адріанъ ободрялъ ее своимъ примѣромъ.

Онъ выказывалъ все серьезное величіе своей природы и держалъ себя между египтянами какъ настоящій египтянинъ. Адріану къ тому же нравилась мистическая мудрость жрецовъ, съ которыми онъ часто и много разговаривалъ.

Въ храмахъ другихъ городовъ, лежавшихъ южнѣе, царственные супруги подвергались также, какъ и въ Мемфисѣ, поклоненіямъ іерархіи и обоготворенію.

Тамъ, гдѣ Адріанъ давалъ средства для расширенія храмовъ, онъ долженъ былъ собственноручно производить обрядъ закладки.

При всемъ этомъ онъ находилъ время охотиться въ пустынѣ, заниматься дѣлами государства и осматривать замѣчательные памятники древнихъ временъ.

Въ Мемфисѣ императоръ посѣтилъ городъ мертвыхъ и пирамиды, осмотрѣлъ громадный сфинксъ, Серапеумъ и могилы аписовъ.

Передъ отъѣздомъ кесарь и его спутники вопросили оракула священнаго быка.

Поэтической Бальбиллѣ предсказана была блестящая будущность. Быкъ, которому она должна была, отвративъ лицо, дать пирогъ, оказался доволенъ ея приношеніемъ и лизнулъ ей руку.

Самъ Адріанъ еще не зналъ, что ему предсказалъ оракулъ, потому что жрецы аписа вручили ему свитокъ съ истолкованіемъ заключавшихся въ немъ знаковъ, но торжественно запретили открывать его ранѣе полугода.

Адріанъ встрѣчался съ своей супругой только въ болѣе значительныхъ городахъ, такъ какъ самъ продолжалъ путешествіе сухимъ путемъ, тогда какъ она ѣхала водой.

Корабли императрицы почти всегда достигали цѣли своего назначенія ранѣе, чѣмъ странствовавшій Адріанъ съ своею свитой. Въ честь пріѣзда запаздывавшаго повелителя устраивались торжества, на которыхъ Сабина рѣдко присутствовала. Тѣмъ усерднѣе старалась Бальбилла встрѣтить путешественниковъ радушнымъ привѣтомъ и пріятными неожиданностями.

Она благоговѣла передъ императоромъ, а красота его любимца своими неотразимыми чарами сильно дѣйствовала на ея художественную душу.

Любоваться красивымъ юношей доставляло ей наслажденіе, отъѣздъ его печалилъ ее, а при возвращеніи Антиноя она всегда первая его привѣтствовала.

А онъ, между тѣмъ, обращалъ на нее не болѣе вниманія, чѣмъ на другихъ женщинъ въ свитѣ Сабины; впрочемъ, Бальбилла и не желала ничего, кромѣ возможности его видѣть и восхищаться его красотой.

Еслибъ Антиной осмѣлился принять ея поклоненіе за любовь и предложить ей въ обмѣнъ свою, поэтесса исполнилась бы негодованіемъ; это не мѣшало ей однако вовсе не скрывать своего удивленія красотѣ виѳинянина и выражать его самымъ непритворнымъ образомъ.

Такъ, при возвращеніи путниковъ послѣ довольно долгаго отсутствія, Антиной находилъ въ отведенной ему каютѣ цвѣты и отборные фрукты рядомъ съ стихотвореніями, въ которыхъ его воспѣвала Бальбилла.

Онъ равнодушно прикладывалъ все это къ прежнимъ приношеніямъ дѣвушки и оказывалъ ей за это только ничтожное вниманіе.

Поэтессѣ остались неизвѣстными чувства, которыя къ ней питалъ ея идолъ, да она и не слишкомъ интересовалась ими.

До сихъ поръ она безъ труда оставалась въ границахъ приличія; но теперь ей иногда казалось, что она въ состояніи ихъ переступить.

Но какое было ей дѣло до мнѣнія окружающихъ и до внутренняго міра виѳинянина, когда ей нравилась только внѣшняя его форма?

Возможность возбудить въ немъ надежды, которыхъ она никогда не могла бы и не захотѣла осуществить, не пугала ее, потому что мысль объ этомъ не приходила ей въ голову. И все-таки она была недовольна собой.

Она знала, что былъ человѣкъ, который не одобрилъ бы ея образа дѣйствій, который уже разъ ясно выразилъ ей свое порицаніе за желаніе поднести юношѣ цвѣты; мнѣніе же этого человѣка имѣло для Бальбиллы болѣе значенія, чѣмъ осужденіе или одобреніе всѣхъ остальныхъ мужчинъ и женщинъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Этотъ единственный человѣкъ, пользовавшійся такимъ уваженіемъ поэтессы, былъ архитекторъ Понтій и, странное дѣло, самое воспоминаніе о немъ наталкивало Бальбиллу на всевозможныя дурачества.

Въ Александріи она часто видѣлась съ архитекторомъ и при разставаніи взяла съ него слово доставить ей удовольствіе своимъ обществомъ во время путешествія ея и императрицы по Нилу.

Но онъ не являлся и не давалъ о себѣ никакой вѣсти, хотя былъ здоровъ и чуть не ежедневно присылалъ императору собственноручно исписанные свитки.

Понтій, на вѣрность и преданность котораго она разсчитывала, какъ на каменную гору, оказывался такимъ же эгоистичнымъ и непостояннымъ, какъ всѣ люди.

Бальбилла не переставала думать о немъ и всякій разъ, какъ приходило какое-нибудь судно съ сѣвера и бросало якорь около ея корабля, надѣялась увидать его въ числѣ пріѣхавшихъ.

Она стремилась къ Понтію, какъ заблудившійся путникъ стремится найти покинувшаго его проводника, и все-таки сердилась на него,—не онъ ли разными способами показывалъ ей, что она ему дорога и имѣетъ власть надъ нимъ, и вдругъ теперь онъ не сдержалъ своего обѣщанія ѣхать съ ними и не показывался?

А она?

Его вѣрность тронула ее; къ внуку вольноотпущенника ея дѣда она была благосклоннѣе, нежели къ благороднѣйшимъ гражданамъ, равнымъ ей по происхожденію.

И несмотря на это Понтій помѣшалъ ей насладиться путешествіемъ и вмѣсто того, чтобы сопровождать ее, остался въ Александріи.

Какъ легко могъ бы онъ передать свои постройки другимъ архитекторамъ, которыхъ было такъ много въ городѣ!

Если онъ не освѣдомлялся о ней, то она и подавно не должна была о немъ распрашивать. Въ случаѣ его пріѣзда къ концу путешествія, она намѣревалась показать ему, какъ много обращаетъ вниманія на его увѣщанія.

Съ нетерпѣніемъ дожидалась благородная римлянка того времени, когда ей представится случай прочесть ему всѣ посвященные Антиною стихи и спросить его мнѣнія о нихъ.

Ей доставляло дѣтское удовольствіе увеличивать число этихъ маленькихъ произведеній, тщательно переписывать и отдѣлывать ихъ, выказывая при этомъ все свое искусство и знаніе. Она выбирала трудный размѣръ и писала одни стихи по-латыни, другіе на аттическомъ и третьи на эолійскомъ нарѣчіяхъ греческаго языка; послѣднимъ она теперь уже умѣла владѣть. Все это Бальбилла дѣлала, чтобы наказать и посердить Понтія и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать передъ нимъ свои дарованія въ полномъ блескѣ. Она воспѣвала Антиноя, имѣя въ виду Понтія, и не посылала любимцу кесаря ни одного цвѣтка, не подумавъ при этомъ съ капризною гримаской объ архитекторѣ.

Но дѣвушка не можетъ безнаказанно воспѣвать въ стихахъ красоту юноши и Бальбилла была по временамъ сама готова повѣрить, что любитъ Антиноя. Тогда она называла себя его Сафо, а онъ, казалось, непремѣнно долженъ былъ сдѣлаться ея Фаономъ.

Во время его отсутствія она тосковала по немъ и даже проливала слезы; но какъ скоро онъ возвращался и она снова видѣла его мало оживленныя черты и утомленный взглядъ глазъ, слышала сонливые «да» и «нѣтъ» на всѣ ея вопросы,— очарованіе исчезало и она откровенно сознавалась, что ей все равно любоваться живымъ Антиноемъ или его мраморнымъ изваяніемъ.

Въ такіе часы воспоминаніе объ архитекторѣ оживало въ ней съ особенною силой. Разъ кораблю императрицы случилось проплывать между лотосовыми листьями и Бальбилла замѣтила надъ

ними прекрасный распустившійся цвѣтокъ; впечатлительная дѣвушка, привыкшая облекать въ стихотворную форму всякое болѣе или менѣе замѣчательное явленіе, написала по этому поводу нѣсколько стиховъ; Антиноя она сравнивала въ нихъ съ цвѣткомъ лотоса, все назначеніе котораго блистать красотой, а Понтія—съ крѣпкимъ и надежнымъ кораблемъ, который манитъ путешествовать по далекимъ странамъ.

Стовратыя Ѳивы были конечною цѣлью поѣздки по Нилу.

Римскіе путешественники осмотрѣли въ этомъ городѣ все, что имъ показалось достойнымъ вниманія. Особенное удивленіе возбудили въ императрицѣ гробницы фараоновъ, высѣченныя въ нѣдрахъ скалъ, и величественные, хотя лишенные прежняго блеска, храмы въ западной части города мертвыхъ. Царственная чета со своею свитой три раза утромъ отправлялась слушать звуки, издаваемые знаменитымъ колоссомъ Мемнона, верхняя часть котораго упала на землю вслѣдствіе землетрясенія.

Бальбилла описала это событіе въ нѣсколькихъ длинныхъ стихотвореніяхъ, которыя Сабина велѣла высѣчь на камнѣ колосса. Поэтесса представила себѣ, что слышитъ голосъ Мемнона, который старается утѣшить пѣніемъ свою мать Эосъ, оплакивающую потерю своего другаго сына въ битвѣ при Троѣ. Стихи эти, на эолійскомъ нарѣчіи, Бальбилла подписала собственнымъ именемъ, при чемъ не преминула сообщить читателямъ, къ которымъ причисляла и Понтія, что происходитъ изъ рода царя Антіоха.

Огромные храмы по обоимъ берегамъ Нила превзошли всякія ожиданія кесаря, хотя сильно пострадали отъ землетрясеній и осадъ, а обѣднѣвшая каста жрецовъ въ Ѳивахъ не была болѣе въ состояніи не только возстановить ихъ, но и поддерживать.

Бальбилла сопровождала Адріана въ святилище Аммона въ восточной части Ѳивъ.

Величественные размѣры высочайшей изъ существовавшихъ на свѣтѣ залъ произвели глубокое впечатлѣніе на ея отзывчивую душу, и когда императоръ замѣтилъ, какъ она съ пылающими щеками то устремляла взоръ вверхъ, то, прислонившись къ колоннѣ, оглядывалась кругомъ, онъ спросилъ ее, какого рода чувства испытывала она въ этомъ истинномъ жилищѣ боговъ.

— Я чувствую прежде всего одно,—воскликнула поэтесса,—это то, что зодчество выше всѣхъ остальныхъ искусствъ. Храмъ этотъ представляется мнѣ величественной эпопеей; только тотъ,

чьей творческой фантазіи эта зала обязана существованіемъ, создалъ ее не изъ жалкихъ словъ, а изъ тяжелыхъ каменныхъ массъ. Тысячи частей соединяются здѣсь въ одно цѣлое и каждая изъ нихъ въ дивной гармоніи примыкаетъ къ другимъ и способствуетъ выраженію вдохновенной идеи, наполнявшей душу художника, творца этой залы. Какое другое искусство въ состояніи создать столь же непреходящее, столь же превышающее всякіе обычные размѣры произведенія?

— Поэтесса вѣнчаетъ лаврами архитектора, — шутливо замѣтилъ кесарь.—Но вѣдь царство поэта—безконечное, а развѣ зодчій можетъ когда-либо подняться выше конечнаго и ограниченнаго?

— Измѣримо ли существо безсмертныхъ?—спросила Бальбилла вмѣсто отвѣта.—Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ здѣсь, въ этой залѣ, кажется, могло бы вмѣститься божество.

— Потому что она обязана своимъ существованіемъ художнику, душа котораго, въ то время, какъ онъ творилъ, парила на границѣ вѣчности. Но развѣ ты думаешь, что этотъ храмъ переживетъ пѣснопѣнія Гомера?

— Нѣтъ; но воспоминаніе о немъ будетъ жить такъ же долго, какъ и гнѣвъ Ахилла и странствованія многоопытнаго Одиссея.

— Жаль, что тебя не слышитъ нашъ Понтій, —сказалъ императоръ.—Онъ окончилъ планъ творенія, которому суждено пережить и меня, и его, и всѣхъ насъ. Я говорю о своемъ мавзолеѣ. Кромѣ того мнѣ хочется поручить ему воздвигнуть въ Тибурѣ ворота, крытые дворы и палаты въ египетскомъ вкусѣ, которые напоминали бы намъ о нашемъ путешествіи въ эту чудесную страну. Я ожидаю его завтра.

— Завтра?—переспросила Бальбилла и яркій румянецъ залилъ лицо ея до самаго лба.

Глава двадцатая.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Ѳивъ, послѣдовавшаго втораго ноября, Адріанъ пришелъ къ важному рѣшенію, именно — признать Вера не только сыномъ, но и наслѣдникомъ.

Настоятельныя просьбы Сабины не могли бы однѣ положить конецъ его колебаніямъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія особенно въ это время усилились вслѣдствіе личныхъ желаній императора.

Супруга его желала имѣть сына, но вѣдь и его сердце стремилось къ тому же, только онъ уже нашелъ его въ Антиноѣ.

Любимецъ его былъ случайно найденный ребенокъ низкаго, но все-таки свободнаго происхожденія. Отъ кесаря зависѣло возвеличить его, довѣрить ему высшія почетныя должности въ Римѣ и наконецъ торжественно объявить его своимъ преемникомъ.

Антиной болѣе чѣмъ кто-либо заслуживалъ этого и только ему одному могъ онъ безъ зависти передать все то могущество, которымъ обладалъ самъ. Эти мысли, эти желанія уже много мѣсяцевъ волновали императора, но поведеніе и характеръ виѳинянина то и дѣло мѣшали ихъ осуществленію.

Адріанъ, серьезнѣе своихъ предшественниковъ заботившійся о томъ, чтобы поднять павшее значеніе сената, могъ тѣмъ не менѣе быть вполнѣ увѣреннымъ въ его согласіи на все, что будетъ угодно кесарю. Старыя республиканскія учрежденія признавались и продолжали свою дѣятельность даже при наиболѣе деспотическихъ изъ преемниковъ Августа. Конечно, всѣ эти учрежденія, какъ бы они ни назывались, должны были подчиняться волѣ императора; но все-таки они существовали и государство, даже съ вождемъ слабымъ и неопытнымъ, могло въ начертанныхъ и мудро сдвинутыхъ Адріаномъ границахъ оставаться попрежнему могущественнымъ и сильнымъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ однако не рѣшился бы и думать объ усыновленіи своего любимца.

Теперь исполненіе этого желанія казалось ему возможнѣе.

Антиной, правда, все еще оставался мечтателемъ, но странствія по Египту и охота сдѣлали его, казалось, бодрѣе и мужественнѣе, онъ сталъ понятливѣе, а послѣ отъѣзда изъ Ѳивъ бывалъ иногда даже веселъ и смѣлъ.

Воспитаніе Антиноя при такихъ условіяхъ не представлялось кесарю дѣломъ безнадежнымъ; постепенно пріучая его къ почестямъ и власти, онъ со временемъ смѣло могъ объявить юношу своимъ наслѣдникомъ.

Пока этотъ планъ долженъ былъ сохраняться въ тайнѣ.

Торжественнымъ усыновленіемъ Вера всякая возможноотъ избрать впослѣдствіи иного преемника была бы, казалось, уничтожена; но теперь Адріанъ могъ спокойно исполнить горячія желанія Сабины и ея любимца, ибо знаменитѣйшій изъ римскихъ врачей письменно увѣрилъ кесаря, что расшатанное здоровье претора возстановлено быть не можетъ и что жизнь его при са-

мыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ продлиться только небольшое число лѣтъ.

«Пусть же,—думалъ Адріанъ,—Веръ отойдетъ въ вѣчность спокойно, среди самыхъ блистательныхъ надеждъ. Когда онъ смежитъ глаза, тогда настанетъ время возвести на его мѣсто прекраснаго мечтателя, который успѣетъ сдѣлаться до тѣхъ поръ дѣятельнымъ и мужественнымъ».

На обратномъ пути изъ Ѳивъ въ Александрію Адріанъ встрѣтился въ Абидосѣ съ императрицей и открылъ ей свое намѣреніе объявить избраннаго ею сына своимъ наслѣдникомъ.

— Наконецъ-то!—воскликнула Сабина и въ голосѣ ея слышалась не-то радость, не-то досада на продолжительную нерѣшительность мужа.

Кесарь разрѣшилъ ей вернуться изъ Александріи въ Римъ и еще въ тотъ же день были отправлены гонцы съ посланіями къ сенату и египетскому префекту.

Въ рескриптѣ на имя Тиціана заключалось повелѣніе—торжественно, черезъ глашатаевъ, объявить городу объ усыновленіи претора, устроить по этому поводу празднество и даровать народу отъ лица императора всѣ тѣ милости и льготы, раздачу которыхъ египетскій обычай предписывалъ повелителю въ случаѣ рожденія наслѣдника.

Свита царственной четы отпраздновала рѣшеніе Адріана великолѣпными пиршествами.

Кесарь, однако, не удостоилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Переправившись близъ Антеополя черезъ Нилъ, онъ углубился въ пустыню, чтобъ оттуда проникнуть въ ущелья Аравійскихъ горъ и охотиться за дикими звѣрями. Сопровождали его только Антиной, Масторъ, да нѣсколько охотниковъ и собакъ.

Близъ Безы находились ожидавшія его суда. Посѣщеніе этой мѣстности онъ отсрочилъ до обратнаго пути, потому что находился теперь на западномъ берегу Нила, а переправа черезъ рѣку потребовала бы слишкомъ много времени. Душнымъ ноябрскимъ вечеромъ палатки путешественниковъ были разбиты между Ниломъ и известковымъ нагорьемъ, въ которомъ находился длинный рядъ пещеръ, вырытыхъ во времена фараоновъ.

Адріанъ посѣтилъ эти послѣднія, такъ какъ его забавляли замѣчательныя изображенія на ихъ стѣнахъ. Антиной не захотѣлъ сопутствовать кесарю въ этой прогулкѣ,—подобныя зрѣлища уже успѣли наскучить ему въ Верхнемъ Египтѣ. Онъ находилъ

эти картины однообразными и некрасивыми и у него не хватало терпѣнія додумываться, подобно своему повелителю, до ихъ значенія. Уже сотни разъ, чтобы не оставить Адріана одного, но, конечно, не для собственнаго удовольствія, посѣщалъ онъ такія старинныя пещеры; сегодня же онъ едва могъ сдерживать свое нетерпѣніе и волненіе въ ожиданіи ухода кесаря, зная, что только нѣсколько часовъ ходьбы отдѣляютъ его отъ Безы, гдѣ находилась Селена.

Отсутствіе императора, думалъ юноша, продолжится во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ или четырехъ часовъ, и онъ могъ бы, собравшись съ духомъ, успѣть разыскать дѣвушку, къ которой такъ горячо стремился, и все-таки вернуться раньше своего повелителя.

Антиной совсѣмъ было рѣшился, но на него напало раздумье. Передъ нимъ поднимался на гору императоръ, который могъ его видѣть; кромѣ того ожидались гонцы и ему было поручено принять ихъ. Въ случаѣ дурныхъ извѣстій господинъ его ни въ какомъ случаѣ не могъ быть оставленъ одинъ.

Разъ десять подходилъ онъ къ своей прекрасной охотничьей лошади и принимался надѣвать на нее узду, но каждый разъ мужество и рѣшимость покидали его.

Въ такихъ колебаніяхъ проходилъ часъ за часомъ и наконецъ стало такъ поздно, что кесарь могъ скоро вернуться и было бы безумiемъ долѣе думать объ осуществленіи задуманнаго плана.

Ожидавшійся вѣстникъ прибылъ съ нѣсколькими посланіями, но Адріана все еще не было.

Стало темнѣть и крупныя капли дождя падали съ обложившагося тучами неба, а Антиной былъ все еще одинъ. Къ тоскѣ влюбленнаго присоединилась досада на пропущенный случай увидать Селену и безпокойство вслѣдствіе долгаго отсутствія своего повелителя.

Несмотря на то, что дождь лилъ все сильнѣе и сильнѣе, онъ вышелъ на воздухъ, подавляющая духота котораго окончательно сломила слабую силу его воли, и кликнулъ собакъ, намѣреваясь отправиться съ ними на поиски императора; но въ эту минуту послышался громкій лай молосса и вскорѣ затѣмъ Адріанъ съ Масторомъ выступили изъ мрака въ освѣщенное кострами пространство вокругъ палатокъ.

Адріанъ едва удостоилъ своего любимца краткимъ привѣтствіемъ, молча дозволилъ Антиною вытереть свои мокрые волосы

и принялъ отъ него закуску, между тѣмъ какъ Масторъ омывалъ ему ноги и облекалъ его въ свѣжія одежды.

— Что за странный вечеръ! — проговорилъ онъ, наконецъ, возлежа съ виѳиняниномъ передъ приготовленною трапезой.—Какъ невыносимо-жгучъ и тяжелъ этотъ воздухъ!... Будемъ на-сторожѣ,—намъ предстоятъ тяжелыя испытанія.

— Что съ тобой случилось, государь?

— Многое. У самаго входа въ первую гробницу, куда я хотѣлъ войти, мы увидали чернокожую старуху, которая, словно желая загородить мнѣ дорогу, простирала руки и кричала какія-то дикія, противныя для слуха, слова.

— Ты понялъ ее?

— Нѣтъ. Кто же можетъ выучиться по-египетски?

— Значитъ ты не знаешь, что она тебѣ говорила?

— Мнѣ предстояло вскорѣ это узнать. Крики ея означали: «смерть, смерть!» Въ пещерѣ, охраняемой ею, лежало множество зачумленныхъ...

— Ты видѣлъ ихъ?

— Да. До сихъ поръ я только слыхалъ объ этой болѣзни. Проявленія ея ужасны и согласуются съ описаніями, которыя мнѣ приходилось читать.

— Государь!—воскликнулъ Антиной испуганно и съ упрекомъ.

— Отойдя отъ гробницы,—продолжалъ императоръ, не обращая вниманія на восклицанія юноши,—мы встрѣтили пожилаго человѣка, одѣтаго въ бѣлое, и дѣвушку, имѣвшую какую-то странную наружность. Несмотря на хромоту, она была замѣчательно красива.

— Она тоже шла къ больнымъ?

— Да, она несла имъ лѣкарство и хлѣбъ.

— Но она не входила къ нимъ? — съ живостью спросилъ Антиной.

— Нѣтъ, вошла, несмотря на мои предостереженія. Въ ея спутникѣ я узналъ стараго знакомаго.

— Стараго?

— Во всякомъ случаѣ старше меня. Мы встрѣчались съ нимъ въ Аѳинахъ, когда еще были молоды. Онъ держался тогда ученія платониковъ и былъ ревностнѣе, даже, можетъ-быть, даровитѣе всѣхъ насъ.

— Какъ же попалъ такой человѣкъ къ зачумленнымъ въ Безу? Развѣ онъ сдѣлался врачомъ?

— Нѣтъ. Онъ уже въ Аѳинахъ съ пламеннымъ рвеніемъ добивался истины, а теперь увѣряетъ, что нашелъ ее.

— Здѣсь, у египтянъ?

— Въ Александріи, у христіанъ.

— А эта хромая дѣвушка, сопровождавшая философа, также вѣритъ въ распятаго Бога?

— Да, она ходитъ у нихъ за больными. Надо сознаться, есть что-то величественное въ бредняхъ этихъ людей.

— Правда ли, что они покланяются ослу и голубямъ?

— Пустяки!

— Я тоже не хотѣлъ этому вѣрить; во всякомъ случаѣ они добры и помогаютъ всѣмъ страждущимъ, даже чужимъ, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ.

— Откуда ты это знаешь?

— Въ Александріи много говорятъ о христіанахъ.

— Да, да, къ несчастію... Я не преслѣдую воздушныхъ враговъ, къ числу которыхъ отношу мысли и вѣрованія людей; но мнѣ однако нерѣдко приходитъ на умъ вопросъ: можетъ ли быть полезнымъ для государства, чтобы граждане его переставали бороться съ невзгодами жизни и утѣшали себя въ нихъ надеждою на идеальное счастье въ какомъ-то другомъ мірѣ, который можетъ-быть и существуетъ только въ воображеніи людей, въ него вѣрящихъ.

— Я бы желалъ, чтобы жизнь кончалась со смертью,—задумчиво проговорилъ Антиной.—А все-таки...

— Ну?

— Еслибъ я былъ увѣренъ, что увижу въ этомъ другомъ мірѣ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ бы желалъ свидѣться, тогда, конечно, мнѣ захотѣлось бы жить вторично.

— Стало-быть, ты желалъ бы до скончанія вѣковъ толкаться среди старыхъ знакомыхъ, число которыхъ не уменьшалось бы, а увеличивалось смертью?

— Нѣтъ, не то, а мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность жить вѣчно съ нѣсколькими избранными.

— Что же, и я принадлежалъ бы къ ихъ числу?

— О, конечно!—воскликнулъ Антиной съ жаромъ и прильнулъ губами къ рукѣ Адріана.

— Я зналъ это; но даже ради того, чтобы никогда не разставаться съ тобой, моимъ любимцемъ, я бы не хотѣлъ пожертвовать единственнымъ правомъ, единственнымъ преимуществомъ человѣка передъ безсмертными богами.

— Что же это за право?

— Право покинуть ряды живущихъ, какъ только небытіе покажется мнѣ сноснѣе бытія и я вздумаю призвать смерть.

— Дѣйствительно, боги вѣдь не могутъ умирать.

— А христіане допускаютъ смерть только съ тѣмъ условіемъ, чтобы за нею начиналась новая жизнь.

— Лучшая, чѣмъ жизнь на землѣ?

— Они называютъ ее блаженною. Они вѣрятъ, что въ томъ лучшемъ мірѣ нѣтъ страданій, потому что Тотъ, котораго они называютъ своимъ Спасителемъ, распятый Христосъ, избавилъ ихъ своею смертью отъ всѣхъ мученій.

— Развѣ одинъ можетъ принять на себя страданія другихъ, какъ какую-нибудь одежду или тяжесть?

— Они говорятъ, что можетъ, а мой другъ изъ Аѳинъ въ этомъ вполнѣ увѣренъ. Впрочемъ, въ сочиненіяхъ маговъ можно найти не мало разсужденій относительно того, какимъ образомъ перелагать несчастія не только съ людей на животныхъ, но и съ одного человѣка на другаго. Надъ рабами были даже произведены замѣчательные опыты въ этомъ отношеніи и мнѣ еще часто приходится бороться въ нѣкоторыхъ провинціяхъ съ человѣческими жертвоприношеніями, которыми стараются умилостивить боговъ или снискать ихъ благоволеніе. Вспомни только безвинную Ифигенію, приведенную къ жертвенному алтарю. А развѣ бездна, открывавшаяся на Капитолійскомъ холмѣ, не закрылась, когда въ нее бросился Курцій? Если судьба направляетъ въ тебя смертоносную стрѣлу и я подставляю грудь, то рокъ, можетъ-быть, удовлетворится этимъ и не обратитъ вниманія на личность пораженнаго.

— Боги были бы не особенно разумны, еслибы не пожелали принять твоей крови вмѣсто моей.

— Жизнь молодаго дороже жизни старика. Для тебя разцвѣтетъ еще не мало радостей.

— А ты необходимъ всему міру.

— Мое мѣсто займетъ другой. Ты честолюбивъ, милый мой мальчикъ?

— Нѣтъ, государь!

— Такъ что же это значило: всѣ другіе поздравляли меня съ моимъ сыномъ Веромъ,—всѣ, кромѣ одного тебя? Развѣ мой выборъ тебѣ не понравился?

Антиной покраснѣлъ и въ смущеніи опустилъ глаза.

Адріанъ продолжалъ:

— Говори откровенно, что ты думаешь.

— Преторъ боленъ.

— Ему остается жить недолго, какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, и когда онъ умретъ...

— Онъ вѣдь можетъ и выздоровѣть.

— Если онъ умретъ, мнѣ придется искать другаго сына. Какъ ты полагаешь, отъ кого каждому, будь то рабъ или консулъ, пріятнѣе слышать названіе «отецъ»?

— Отъ того, кто его очень любитъ.

— Совершенная правда, и особенно если этотъ человѣкъ всегда остается ему непоколебимо-вѣренъ. Я такой же человѣкъ, какъ и другіе, а ты, милый, ближе всѣхъ моему сердцу и я благословлю тотъ день, когда буду имѣть возможность передъ всѣмъ свѣтомъ позволить тебѣ называть меня отцомъ. Не перебивай меня. Если ты разовьешь въ себѣ сильную волю и бодро, какъ на охотѣ, станешь вглядываться въ дѣла окружающихъ тебя людей, если ты изощришь свой умъ и постигнешь то, чему я буду учить тебя, то, можетъ статься, что со временемъ займешь мѣсто Вера...

— О, нѣтъ, этого не нужно!—воскликнулъ юноша, весь поблѣднѣвъ и съ умоляющимъ видомъ поднимая руки.

— Все великое, чѣмъ насъ поражаетъ судьба, представляется намъ страшнымъ, пока оно ново,—возразилъ Адріанъ.—Мореплаватель скоро привыкаетъ къ бурямъ, а пурпуръ въ концѣ концовъ кажется такою же простою одеждой, какъ и твой хитонъ.

— О, государь,—со страхомъ сказалъ Антиной,—умоляю тебя оставить эту мысль,—я не гожусь для величія!

— Изъ маленькихъ отростковъ выходятъ пальмы.

— Но вѣдь я только бѣдная травка, прозябающая подъ твоей защитой. Гордый Римъ...

— Римъ—мой рабъ! Ему пришлось покориться волѣ людей обыкновенныхъ и мнѣ бы хотѣлось ему показать, какъ пойдетъ пурпуръ къ прекраснѣйшему изъ его сыновей. Такого выбора свѣтъ можетъ ожидать отъ императора, котораго онъ уже давно знаетъ за художника, то-есть за жреца прекраснаго. Если такой выборъ не будетъ ему пріятенъ, то я силою заставлю его согласовать свой вкусъ съ моимъ!

— Ты смѣешься надо мной, великій государь!—воскликнулъ виѳинянинъ.—Конечно, это не можетъ быть твоимъ серьезнымъ намѣреніемъ, и если правда, что ты меня любишь...

— Что же тогда?

— Тогда ты позволишь мнѣ жить въ тиши для тебя и заботиться о тебѣ, тогда ты не станешь требовать отъ меня ничего, кромѣ поклоненія, любви и вѣрности.

— Ими я уже давно пользуюсь; но мнѣ хотѣлось бы наградить моего Антиноя за эти сокровища.

— Позволь мнѣ только оставаться съ тобой, позволь мнѣ, въ случаѣ надобности, пожертвовать для тебя жизнью.

— Мнѣ кажется, что ты былъ бы въ состояніи принести для меня ту жертву, о которой мы говорили.

— Каждую минуту, безъ малѣйшаго колебанія.

— Благодарю тебя за эти слова. Какимъ пріятнымъ, вопреки всѣмъ моимъ ожиданіямъ, оказался этотъ вечеръ!

— Ты думалъ, что онъ кончится плохо, потому, что тебя испугала старуха у входа въ склепъ.

— Смерть—ужасное слово. Правда, состояніе небытія не можетъ пугать мудреца, но шагъ отъ свѣта къ мраку страшитъ всякаго. Фигура старухи и ея крикливый голосъ не выходили у меня изъ головы. Потомъ этотъ христіанинъ, который велъ странныя, наводящія на сердце тревогу, рѣчи... Еще до сумерокъ отправился онъ съ прихрамывающей дѣвушкой домой. Я смотрѣлъ имъ въ слѣдъ и былъ ослѣпленъ солнцемъ, клонившимся къ закату за Ливійскими горами. Небо было ясно и только у горизонта, подъ самымъ дневнымъ свѣтиломъ, сгустились облака. На западѣ, по словамъ египтямъ, лежитъ царство смерти. Я невольно подумалъ объ этомъ и вдругъ и предсказаніе оракула, и несчастіе, которымъ грозятъ мнѣ въ нынѣшнемъ году звѣзды, и крикъ старой женщины — все это сразу пришло мнѣ на память. Видя, какъ солнце борется съ тучами и все болѣе и болѣе приближается къ цѣпи холмовъ по ту сторону рѣки, я сказалъ себѣ: «если оно зайдетъ въ полномъ блескѣ, я стану безъ боязни глядѣть впередъ, въ ожиданіи безмятежныхъ и радостныхъ дней; если же черныя тучи поглотятъ его еще до заката,—значитъ пророчеству суждено сбыться и приходится, убравъ паруса, покорно дожидаться бури».

— И что же случилось?

— Огненный шаръ продолжалъ по-прежнему пламенѣть, разсыпая во всѣ стороны багряные лучи, изъ которыхъ каждый блестѣлъ особымъ, отдѣльнымъ отъ другихъ, яркимъ свѣтомъ. Казалось, безчисленное множество стрѣлковъ собраны внутри за-

ходящаго свѣтила и мечутъ оттуда золотыя стрѣлы въ грозныя, враждебныя облака. Зрѣлище было чудесное и сердце мое уже начинало радостно биться; но вдругъ быстро, словно разъяренная нанесенными ей ранами, спустилась свинцовая туча, за ней другая, третья и мрачные демоны накинули сѣрое, изодранное покрывало на сіяющую главу Геліоса, какъ палачъ покрываетъ грубою, черною тканью голову осужденнаго, на котораго, готовясь задушить его, онъ опирается колѣнами.

Антиной при этомъ разсказѣ судорожно закрылъ лицо руками.

— Это ужасно, ужасно!—прошепталъ онъ въ страхѣ.—Что же ожидаетъ насъ впереди? Ты слышишь эти раскаты грома и удары дождя о кровлю палатки?

— Дождь льетъ какъ изъ ведра. Вода уже начинаетъ проникать сюда къ намъ. Надо велѣть рабамъ прорыть канавы для стока ея. Эй, кто тамъ?... Вбейте покрѣпче колья, а не то буря разнесетъ наше непрочное жилище.

— А какъ тяжелъ и удушливъ этотъ воздухъ!

— Горячій вѣтеръ, кажется, разогрѣваетъ дождевые потоки. Въ горлѣ пересыхаетъ отъ жара. Разбавь мнѣ водою кубокъ вина, Антиной! Есть новыя письма?

— Да, государь.

— Подай мнѣ ихъ, Масторъ!

Рабъ, изо всѣхъ силъ старавшійся удержать маленькими плотинами изъ земли и камней проникавшіе въ палатку потоки, вскочилъ, быстро вытеръ руки, взялъ мѣшокъ изъ предназначеннаго для храненія императорской корреспонденціи сундука и подалъ его своему повелителю.

Адріанъ открылъ кожаную сумку, вынулъ изъ нея свитокъ и быстро распечаталъ его.

— Что это значитъ?—воскликнулъ онъ, пробѣжавъ его содержаніе.—Я вскрылъ изреченіе оракула при храмѣ Аписа. Какимъ образомъ попало оно въ число новыхъ писемъ?

Антиной приблизился къ Адріану и взглянулъ на сумку.

— Масторъ ошибся,—сказалъ онъ:—это бумаги, привезенныя изъ Мемфиса. Я сейчасъ принесу тебѣ сумку съ новополученными письмами.

— Постой,—возразилъ императоръ, схватывая руку своего любимца.—Что это: игра случая, или воля судьбы? Почему именно сегодня попала мнѣ въ руки эта сумка? Почему изъ двадцати заключающихся въ ней свитковъ избралъ я именно этотъ? Смо-

три сюда, я объясню тебѣ эти знаки. Вотъ три пары рукъ, вооруженныхъ щитами и мечами, рядомъ съ названіемъ египетскаго мѣсяца, соотвѣтствующаго нашему ноябрю. Эти три фигуры означаютъ несчастіе. Лютни надъ ними предвѣщаютъ, напротивъ, счастіе. Эта мачта указываетъ на обычный ходъ событій. Три изъ этихъ гіероглифовъ стоятъ обыкновенно вмѣстѣ: три лютни означаютъ большое счастіе, двѣ лютни и мачта—счастіе и посредственное благосостояніе, пара рукъ и двѣ лютни—несчастіе, за которымъ слѣдуютъ лучшіе дни, и т. д. Здѣсь въ ноябрѣ начинаются вооруженныя руки; онѣ расположены все по-три и по-три и возвѣщаютъ одни только угрожающія бѣдствія, не смягченныя присутствіемъ благосклонной лютни. Видишь ли ты это? Понялъ ли ты значеніе этихъ знаковъ?

— Конечно, понялъ... Но вѣрно ли ты ихъ толкуешь? Борящіяся руки ведутъ, можетъ-быть, къ побѣдѣ.

— Нѣтъ. Египтянинъ изображаетъ ими борьбу, а борьба и волненіе для него то же, что мы называемъ несчастіемъ и зломъ.

— Какъ странно...

— Нѣтъ, это мысль хорошая. Они говорятъ, что все было первоначально создано богами добрымъ, но совершенныя сами по себѣ части вселенной измѣнили свою природу вслѣдствіе тревожныхъ и дисгармоническихъ смѣшеній. Это объясненіе далъ мнѣ жрецъ Аписа и вотъ, видишь, здѣсь возлѣ названія ноября стоятъ три борящихся руки: это—ужасные знаки! Если одна изъ молній, поминутно озаряющихъ ослѣпительнымъ свѣтомъ эту палатку, убьетъ и меня, и тебя, и всѣхъ насъ,—я ни мало не буду удивленъ. Тяжкія, тяжкія предстоятъ намъ бѣдствія!... Много надо мужества, чтобы при такихъ знаменіяхъ сохранить ясность взгляда и не отчаяваться.

— Употреби противъ борящихся рукъ египетскихъ божествъ твои собственныя,—онѣ такъ могущественны,—просилъ Антиной, но императоръ поникъ головой и обычная бодрость, казалось, покинула его.

— Сами небожители не въ силахъ бороться съ судьбой,—проговорилъ онъ глухо.

Гроза продолжала бушевать и буря не разъ вырывала изъ земли веревки, укрѣплявшія палатку, такъ что рабы должны были удерживать руками колеблющееся жилище своего господина. Тяжелыя тучи изливали потоки воды на горы пустыни, въ теченіе мно-

гихъ лѣтъ не освѣженныя ни одною каплей дождя, и обращали каждую трещину на ихъ крутыхъ склонахъ въ бурный ручей.

Ни Адріанъ, ни Антиной не сомкнули глазъ въ теченіе этой страшной ночи.

Императоръ вскрылъ еще только одинъ изъ свитковъ, находившихся въ поданной ему юношей сумкѣ. Это было посланіе префекта Тиціана, въ которомъ этотъ почтенный мужъ, страдая отъ издавна мучившей его одышки, просилъ разрѣшенія оставить государственную службу и удалиться въ свои помѣстья.

Лишиться на будущее время такого вѣрнаго помощника было для Адріана чувствительною потерей. Именно ему хотѣлъ онъ поручить умиротвореніе Іудеи, гдѣ недавно вспыхнули новыя возстанія,—дѣло, которое тотъ выполнилъ бы безъ кровопролитія. Уничтожить возмутившуюся провинцію съумѣли бы, конечно, и другіе, подчинить же ее снова римскому владычеству безъ насилія могъ одинъ только умный и добрый Тиціанъ.

У кесаря не хватило мужества распечатать въ эту ночь какое-нибудь другое письмо. Молча лежалъ онъ до разсвѣта на своей походной постели, припоминая черныя дѣла, совершенныя имъ въ жизни, умерщвленіе Нигрина, Таціана и другихъ сенаторовъ, посредствомъ котораго онъ упрочилъ за собою власть, и снова обѣщалъ богамъ обильныя жертвы, если они защитятъ его отъ приближающагося несчастія.

Когда онъ всталъ на слѣдующее утро, Антиной былъ испуганъ его видомъ: лицо и губы Адріана были блѣднѣе полотна.

Прочтя полученныя наканунѣ письма и бумаги, императоръ верхомъ, въ сопровожденіи Антиноя и Мастора, отправился въ Безу, чтобы тамъ дождаться своей свиты.

Глава двадцать первая.

Разсвирѣпѣвшія стихіи бушевали въ эту ночь и въ окрестностяхъ стариннаго принильскаго города Безы.

Граждане его сдѣлали все возможное, чтобы достойнымъ образомъ принять высокаго путешественника. Главныя улицы были разукрашены гирляндами цвѣтовъ, перекинутыми съ мачты на мачту и съ дома на домъ, а у гавани, на самомъ берегу рѣки, выставлены статуи императора и его супруги. Но буря свалила мачты вмѣстѣ съ гирляндами на землю, а расходившіяся волны рѣки, ударяясь съ дикою силой о берегъ, уносили съ собою ку-

сокъ за кускомъ плодородной прибрежной почвы и, врываясь въ трещины камня, подмывали высокую пристань.

Послѣ полуночи буря разразилась съ неслыханною яростью, сорвала со многихъ домовъ кровли изъ пальмовыхъ вѣтвей и обрушилась такими могучими ударами на нильскія воды, что онѣ походили на клокочущее море. Водяная стѣна со страшною силой разбивалась о земляной выступъ, на которомъ находились статуи царственной четы.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ начала заниматься заря, ничѣмъ не укрѣпленный мысъ не выдержалъ долѣе напора дикихъ волнъ, глыбы земли стали скатываться и съ плескомъ падать въ рѣку, а за ними съ громовымъ шумомъ послѣдовала и огромная масса берега.

Лежавшая за нимъ площадь начала осѣдать и статуя императора, стоявшая на ней, заколебалась и стала медленно наклоняться впередъ. Когда насталъ день, она уже лежала вмѣстѣ съ пьедесталомъ на землѣ и голова ея врѣзалась въ мокрый песокъ.

Граждане съ разсвѣтомъ покинули свои дома и вскорѣ узнали отъ рыбаковъ и корабельщиковъ о томъ, что случилось ночью на пристани. Когда буря улеглась, тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей толпились у гавани вокругъ упавшей статуи; всѣ видѣли оторванныя глыба и знали, что рѣка была причиной этого несчастія.

Ужь не нильскій ли богъ Гапи разгнѣвался на кесаря?

Во всякомъ случаѣ было ясно, что въ паденіи императорской статуи заключалось дурное предзнаменованіе.

Топархъ, главный сановникъ города, немедленно принялъ мѣры къ постановкѣ ея на прежне мѣсто, такъ какъ она оставалась неповрежденной, а Адріанъ могъ прибыть черезъ нѣсколько часовъ.

Множество городскихъ жителей, свободныхъ и рабовъ, усердно принялись за эту работу и вскорѣ исполненная въ египетскомъ стилѣ статуя властителя снова стояла на своемъ пьедесталѣ, обращенная неподвижнымъ ликомъ своимъ къ пристани. Изображеніе Сабины также пододвинули и Топархъ, довольный, возвратился въ свое жилище.

Большинство рабочихъ и зѣвакъ вмѣстѣ съ нимъ оставили пристань, но мѣсто ихъ заняла другая толпа любопытныхъ, которые, не видавъ статуи въ ея низвергнутомъ видѣ, пускались теперь въ разсужденія и догадки о причинахъ ея паденія.

— Буря ни въ какомъ случаѣ не могла опрокинуть этой тяжелой глыбы известняка,—говорилъ веревочникъ:—между ней и оторванною землей разстояніе не малое.

— Увѣряютъ, что она свалилась вслѣдъ за обрушившимся кускомъ берега,—возразилъ булочникъ.

— Такъ и было на самомъ дѣлѣ,—согласился матросъ.

— Пустяки! — воскликнулъ веревочникъ. — Еслибы статуя стояла на оторванномъ волнами выступѣ, она, конечно, упала бы въ воду и опустилась на дно рѣки; это понимаетъ всякій ребенокъ. Тутъ, очевидно, дѣйствовали другія силы.

— Можетъ-быть,—замѣтилъ одинъ изъ служителей при храмѣ, занимавшійся толкованіемъ разныхъ предзнаменованій,—сами боги низвергли это гордое изображеніе съ цѣлью предостеречь Адріана.

— Небожители въ наше время не вмѣшиваются болѣе въ дѣла людей,—возразилъ ему башмачникъ; — но въ эту ночь мирные граждане сидѣли по домамъ, а врагамъ императора была предоставлена полная свобода дѣйствій.

— Мы, кажется, вѣрные подданные, — замѣтилъ недовольнымъ голосомъ хлѣбопекъ.

— Безпокойный, вѣчно готовый къ волненіямъ народецъ — вотъ вы что такое! — отвѣчалъ римскій солдатъ, нѣкогда служившій, какъ и вся стоявшая въ этой мѣстности когорта, подъ начальствомъ жестокаго Тиннія Руфа въ Іудеѣ. — Между вами, поклонниками животныхъ, распри никогда не кончаются; о христіанахъ же, поселившихся по ту сторону ущелья, вы только умѣете разсказывать всякіе ужасы, а на дѣлѣ всегда готовы имъ льстить.

— Храбрый Фускъ говоритъ сущую правду,—вскричалъ какой-то нищій.—Этотъ сбродъ принесъ чуму въ наши дома. Гдѣ только ни появлялся моръ, всюду видѣли христіанъ и христіанокъ. Вотъ и къ брату моему они тоже являлись и цѣлыя ночи напролетъ просиживали съ его больными дѣтьми, которыя послѣ этого конечно умерли.

— Будь здѣсь мой старый легатъ Тинній Руфъ, — пробормоталъ сквозь зубы ветеранъ,—имъ всѣмъ пришлось бы не лучше, чѣмъ ихъ распятому Богу.

— У меня съ ними, понятно, не можетъ быть ничего общаго,—возразилъ хлѣбопекъ,—но правда должна оставаться правдой. Это—мирные, ласковые люди, исправные плательщики, ко-

торые ничего не дѣлаютъ дурнаго, а напротивъ помогаютъ многимъ бѣднякамъ.

— Помогаютъ? — воскликнулъ нищій, которому діаконъ общины въ Безѣ не давалъ милостыни, а предлагалъ работу. — Всѣ пятеро жрецовъ Сегеты при гротѣ Артемиды соблазнены ими и позорно покинули святилище своей богини. А это развѣ добро, что они отравили своими зельями дѣтей моего брата?

— Почему же бы имъ и не убивать дѣтей?—спросилъ солдатъ. — Мнѣ не разъ приходилось въ Сиріи слышать подобныя вещи, а что касается до этой статуи, то я готовъ не носить болѣе моего меча...

— Слушайте храбраго Фуска,—онъ не мало видывалъ на своемъ вѣку!—раздались крики въ толпѣ.

— Такъ я готовъ не носить болѣе моего меча, если это не они, пользуясь темнотой, опрокинули статую кесаря.

— Нѣтъ, нѣтъ,—рѣшительно возразилъ матросъ,—она сама упала вмѣстѣ съ оторваннымъ кускомъ земли; я вѣдь видѣлъ, какъ она лежала.

— Ужь ты не христіанинъ ли? — обратился къ нему ветеранъ.—Или ты думаешь, что я шутя поклялся своимъ мечомъ? Я, граждане, служилъ въ Виѳиніи, Сиріи и Іудеѣ и хорошо знаю этотъ народецъ. Я видалъ тамъ сотни христіанъ, которые жертвовали жизнью, какъ изношенною сандаліей, и потому только, что не хотѣли поклониться статуѣ императора и нашимъ богамъ.

— Слышите?...Каково?—заголосилъ нищій...—А видѣли ли вы хоть одного изъ нихъ въ числѣ гражданъ, собравшихся для поднятія статуи?

— Дѣйствительно, ихъ что-то не было видно,—сказалъ матросъ, начинавшій благоразумно соглашаться съ мнѣніемъ ветерана.

— Христіане повалили статую императора!—громкимъ голосомъ обратился нищій къ начинавшей волноваться толпѣ. — Это доказано и они должны за это поплатиться! Кто другъ божественному Адріану, ступай за мной!... Повытаскаемъ негодяевъ изъ ихъ жилищъ!

— Не надо смуты,—перебилъ расходившагося демагога ветеранъ.—Вотъ самъ трибунъ; онъ васъ выслушаетъ.

Римскій офицеръ, проходившій со взводомъ солдатъ, отправляясь на встрѣчу императору, былъ привѣтствованъ толпою гром-

кими криками. Водворивъ тишину, онъ велѣлъ солдату объяснить, что до такой степени взволновало гражданъ.

— Все это очень вѣроятно,—проговорилъ трибунъ, пожилой человѣкъ съ строгимъ выраженіемъ лица, также, какъ и Фускъ, служившій нѣкогда подъ начальствомъ Тиннія Руфа. — Все это очень возможно; но гдѣ же ваши доказательства?

— Большинство гражданъ помогало при поднятіи статуи, только одни христіане держались вдали отъ этой работы,—воскликнулъ нищій.—Ни одинъ изъ нихъ и не показывался, спроси хоть матроса, благородный мужъ,—онъ былъ все время на пристани и можетъ это засвидѣтельствовать.

— Да, это дѣйствительно болѣе чѣмъ подозрительно. Дѣло это должно быть строго изслѣдовано. Но прежде всего, граждане, соблюдайте порядокъ.

— Вотъ идетъ дѣвушка христіанка!—вскричалъ веревочникъ.

— Хромая Марѳа, я ее знаю,—перебилъ его нищій. — Она бѣгаетъ по всѣмъ зачумленнымъ домамъ и отравляетъ людей. У моего брата она торчала три дня и три ночи, перекладывая подушки дѣтямъ, пока они не умерли. Смерть всюду слѣдуетъ за нею по пятамъ.

Селена, названная при крещеніи Марѳой, спокойно шла, не обращая вниманія на толпу, со своимъ слѣпымъ братомъ Геліосомъ, теперь Іоанномъ, по тропинкѣ, спускавшейся съ крутаго берега къ пристани.

Она разсчитывала нанять тамъ лодку, чтобы переправиться черезъ рѣку въ селенье на лежавшемъ противъ самаго города островѣ. Тамъ жили больные христіане, которымъ ей хотѣлось помочь лѣкарствами и уходомъ.

Уже много мѣсяцевъ вся жизнь старшей дочери покойнаго Керавна была посвящена страждущимъ. Дѣятельная, подвижная, несмотря на свою хромоту, она помогала даже язычникамъ, не страшась ни чумы, ни лихорадки. Щеки ея, конечно, не сдѣлались отъ этого румянѣе, но въ глазахъ свѣтился какой-то мягкій, чистый блескъ, придававшій неземное выраженіе ея строгимъ, прекраснымъ чертамъ.

Когда христіанка поровнялась съ военачальникомъ, онъ нѣкоторое время глядѣлъ на нее молча, словно пораженный ея красотой.

— Эй, блѣдная дѣвушка! — крикнулъ онъ наконецъ: — Ты христіанка?

— Да, господинъ мой,—отвѣчала Селена, спокойно продолжая съ братомъ путь.

Римлянинъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и когда она, проходя мимо статуи Адріана, еще ниже опустила голову, чѣмъ прежде, онъ грубо приказалъ ей остановиться и объяснить ему, почему она отвернулась лицомъ отъ изображенія императора.

— Адріанъ нашъ повелитель, также какъ и вашъ,— отвѣчала дѣвушка.—Я спѣшу, такъ какъ на островѣ есть больные.

— Ну, добраго она имъ ничего не принесетъ,—воскликнулъ нищій.—Кто знаетъ, что тамъ у нея въ корзинѣ.

— Молчи!—прервалъ его трибунъ и снова обратился къ христіанкѣ:

— Говорятъ, что твои единовѣрцы низвергли сегодня ночью статую кесаря.

— Развѣ это можетъ быть правда? Мы почитаемъ императора не менѣе васъ.

— Я охотно повѣрю тебѣ, но ты должна доказать. Вотъ статуя божественнаго кесаря; ступай за мной и поклонись ему, какъ божеству.

Селена съ ужасомъ взглянула въ лицо суроваго воина и не могла отвѣтить ни единаго слова.

— Ну, что же?—спросилъ трибунъ.—Исполнишь ты мое требованіе?... Да или нѣтъ?

Селена силилась собраться съ духомъ, чтобъ отвѣчать; наконецъ, увидавъ, что ветеранъ уже простеръ руку, чтобы схватить ее, она произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Мы почитаемъ кесаря, но не покланяемся статуямъ и молимся одному Отцу Небесному.

— Что, я вамъ говорилъ?!—съ хохотомъ вскричалъ нищій.

— Еще разъ спрашиваю тебя,—воскликнулъ трибунъ,—согласна ты поклониться этому изображенію или отказываешься?

Жестокая борьба началась въ душѣ Селены. Отказаться исполнить требованіе римлянина — значило подвергнуть опасности собственную жизнь и возбудить народную ярость противъ своихъ единовѣрцевъ; покориться же значило оскорбить Бога, нарушить вѣрность возлюбленному ей Спасителю, согрѣшить противъ истины и совѣсти.

Страшный испугъ овладѣлъ ею и лишилъ ее силы молиться.

Она не могла, она не должна была сдѣлать то, что отъ нея требовали, а между тѣмъ могущественная во всякомъ смертномъ

любовь къ жизни словно толкала ее къ подножію каменныхъ идоловъ.

— Воздѣнь руки и молись божественному кесарю,—воскликнулъ грознѣе прежняго трибунъ, слѣдившій съ напряженіемъ, какъ и всѣ присутствовавшіе, за каждымъ движеніемъ христіанки.

Она, дрожа, поставила на землю свою корзинку и пыталась высвободить руку изъ руки брата; но слѣпой мальчикъ не отпускалъ ее. Онъ понималъ, чего требовали отъ его сестры; припоминая многіе слышанные имъ разсказы о мученикахъ, онъ догадывался, что̀ ожидало и ее, и его въ случаѣ ихъ сопротивленія волѣ римлянина; но онъ не боялся смерти.

— Мы не послушаемся ихъ, Марѳа,—шепталъ онъ ей,—мы не поклонимся идолу, мы останемся вѣрными Спасителю. Поверни меня спиною къ статуѣ и теперь прочтемъ вмѣстѣ «Отче нашъ!»

И громкимъ голосомъ, поднимая къ небу свои тусклые, никогда не видавшіе свѣта, глаза, ребенокъ прочелъ молитву Господню. Селена, повернувъ брата, сама отвернулась отъ идола, обратилась лицомъ къ морю и, воздѣвъ руки, послѣдовала примѣру маленькаго христіанина.

Геліосъ крѣпко прижался къ ней. Громкая мольба ея слилась съ тихою молитвой ребенка и оба не видали, не слышали и не чувствовали того, что съ ними дѣлали.

Слѣпому мальчику мерещился вдали чудный, яркій свѣтъ; дѣвушка видѣла передъ собою лучшую, полную любви и блаженства жизнь, между тѣмъ какъ ее повалили передъ статуей императора и разъяренная толпа утремилась на своихъ жертвъ.

Трибунъ напрасно старался удержать народъ.

Когда солдатамъ, наконецъ, удалось вырвать несчастныхъ изъ рукъ разсвирѣпѣвшихъ гражданъ, оба юныя сердца, полныя торжествомъ своей вѣры, полныя надеждою на лучшую, вѣчную жизнь, навсегда перестали биться.

Случившееся озаботило и обезпокоило военачальника.

Эта дѣвушка, этотъ прекрасный ребенокъ, лежавшіе бездыханными трупами передъ нимъ, были бы, думалось ему, достойны лучшей участи; онъ же съ своей стороны могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за ихъ смерть, такъ какъ по закону христіане безъ судебнаго приговора не могли быть наказаны за свою вѣру. Онъ велѣлъ поэтому отнести убитыхъ въ тотъ домъ, гдѣ они прежде жили, и запретилъ кому бы то ни было, подъ страхомъ

тяжелаго наказанія, показываться въ тотъ день въ христіанскомъ кварталѣ.

Нищій, такъ удачно возбуждавшій толпу противъ христіанъ, съ радостными криками проводилъ печальныя носилки и отправился затѣмъ въ домъ своего брата съ цѣлію разсказать женѣ его объ участи, которая постигла хромую Марѳу, уходившую до смерти ея дѣтей. Онъ ошибся однако, разсчитывая получить благодарность за принесенное имъ извѣстіе: бѣдная женщина оплакала Селену, какъ собственную дочь, и въ ужасѣ проклята его и другихъ убійцъ своей благодѣтельницы.

Передъ самымъ заходомъ солнца въ Безу прибылъ Адріанъ. Для него и для его свиты были приготовлены великолѣпныя палатки.

Несмотря на то, что встрѣтившія своего повелителя городскія власти нашли нужнымъ благоразумно умолчать о злополучномъ происшествіи со статуей, императоръ былъ сильно взволнованъ и чувствовалъ себя нездоровымъ.

Онъ пожелалъ остаться совершенно одинъ и предложилъ Антиною до наступленія ночи осмотрѣть городъ.

Виѳинянинъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе и, внутренно благодаря боговъ, пустился по разукрашенной цвѣтами главной улицѣ Безы. Отсюда онъ велѣлъ какому-то мальчику отвести себя въ христіанскій кварталъ.

Улицы этой части города казались вымершими. Всѣ двери были заперты, ни одного человѣка не было видно.

Антиной заплатилъ провожатому и сталъ съ сильно бьющимся сердцемъ ходить отъ одного дома къ другому. Всѣ они имѣли чистый, опрятный видъ и были окружены деревьями и кустами; надъ многими кровлями подымался дымъ, но жилища эти казались тѣмъ не менѣе покинутыми. Наконецъ юноша услышалъ человѣческіе голоса. Руководясь ими, онъ вышелъ узкимъ переулкомъ на площадку, занятую толпою мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собравшихся передъ небольшимъ домикомъ съ пальмовымъ садомъ.

Онъ обратился къ какому-то старцу, прося указать ему жилище Ганны; тотъ, молча, протянулъ руку по направленію къ строенію, привлекавшему вниманіе всѣхъ его единовѣрцевъ.

Сердце юноши бурно и быстро забилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ его охватила непонятная робость; въ головѣ его возникъ вопросъ, не лучше ли уйти и вернуться на другой день, чтобы застать Селену одну.

Нѣтъ, зачѣмъ уходить? Можетъ-быть ему суждено было увидѣть ее уже теперь.

Осторожно пробравшись черезъ толпу, затянувшую не то грустную, печальную, не то побѣдную пѣснь, юноша очутился передъ калиткою сада и увидалъ горбатую Марію.

Она стояла на колѣняхъ передъ закрытыми носилками и плакала.

Не умерла ли Ганна?

Нѣтъ, діаконисса была жива.

Вотъ она вышла изъ дверей своего жилища, опираясь на руку почтеннаго старца,—блѣдная, спокойная, безъ слезъ. Оба приблизились къ тому мѣсту, гдѣ молилась горбунья, старецъ произнесъ краткую молитву, затѣмъ нагнулся и снялъ пелену, покрывавшую носилки.

Антиной сдѣлалъ шагъ впередъ, но тотчасъ же, весь задрожавъ, подался назадъ и, быстро закрывъ глаза рукой, остался стоять какъ вкопанный.

Страстныхъ рыданій не было слышно.

Старецъ началъ говорить надгробное слово.

Вокругъ него тихо плакали, пѣли и молились, но Антиной не видалъ и не слыхалъ ничего.

Рука его опустилась, а глаза оставались прикованными къ блѣдному лицу покойницы, пока Ганна не закрыла снова носилокъ пеленой. Бѣдный юноша и тутъ не двинулся.

Только тогда, когда шесть дѣвушекъ подняли на плечи простой гробъ Селены, а четыре матери маленькій гробъ Геліоса, и все собраніе двинулось вмѣстѣ съ ними, Антиной очнулся и послѣдовалъ за погребальною процессіей. Издали видѣлъ онъ, какъ оба гроба внесли въ высѣченный въ скалѣ склепъ, какъ закрылись тяжелыя двери этого склепа и какъ разсѣялась сопровождавшая печальныя носилки толпа.

Наконецъ онъ остался одинъ у дверей гробницы.

Солнце зашло и темнота быстро покрывала долину и холмы.

Кругомъ не было никого, кто бы могъ за нимъ наблюдать; юноша страстно протянулъ руки, обнялъ холодныя колонки у дверей склепа, прильнулъ губами къ грубой поверхности дубовой двери и нѣсколько разъ ударялся объ нее лбомъ, когда нѣмая боль души заставляла вздрагивать его прекрасное тѣло.

Такъ простоялъ онъ нѣсколько минутъ, не слыша тихихъ, приближавшихся къ нему, шаговъ.

Это была горбатая Марія, которая шла еще разъ наединѣ помолиться у гроба любимой подруги.

Она тотчасъ же узнала юношу и тихо назвала его по имени.

— Марія!— воскликнулъ онъ, внезапно очнувшись, и, схвативъ ея руку, крѣпко сжалъ ее.—Какъ она умерла?

— Ее убили, — глухо отвѣчала горбунья. — Она не хотѣла поклониться статуѣ императора.

Антиной при этихъ словахъ содрогнулся.

— Почему же она этого не сдѣлала?—спросилъ онъ.

— Потому что осталась вѣрна своей вѣрѣ и надѣялась на милость нашего Искупителя. Теперь она—блаженный ангелъ.

— Ты въ этомъ увѣрена?

— Да, увѣрена такъ же тведро, какъ надѣюсь свидѣться на небесахъ съ мученицей, которую положили въ эту гробницу.

— Марія!

— Пусти мою руку.

— Хочешь ты сдѣлать мнѣ одолженіе, Марія?

— Конечно, хочу, Антиной, только, пожалуйста, не дотрогивайся до меня.

— Возьми эти деньги и купи на нихъ самые лучшіе вѣнки, какіе только найдешь. Повѣсь ихъ на эту гробницу и при этомъ воскликни: «отъ Антиноя Селенѣ!»

Горбунья взяла золото, которое далъ ей юноша.

— Сестра наша часто молилась за тебя, —сказала она послѣ минутнаго молчанія.

— Своему Богу?

— Она молилась нашему Искупителю, прося, чтобъ Онъ даровалъ блаженство и тебѣ. Господь сподобилъ ее мученической кончины; теперь она съ Нимъ и Онъ услышитъ ее.

Антиной слушалъ, склоня голову, и съ минуту не отвѣчалъ ни слова.

Потомъ онъ заговорилъ:

— Такъ дай же мнѣ еще разъ руку, Марія, и прощай. Будешь ли ты помнить обо мнѣ и такъ же молиться за меня вашему Спасителю?

— Да, да, и ты тоже не совсѣмъ забудешь бѣдную калѣку.

— Конечно, нѣтъ, милая, добрая дѣвушка! Быть-можетъ мы дѣйствительно еще когда-нибудь увидимся.

Съ этими словами Антиной отвернулся, быстро спустился съ холма и почти бѣгомъ направился черезъ городъ къ Нилу.

Взошедшій надъ горизонтомъ мѣсяцъ отражался въ прозрачныхъ водахъ успокоившейся рѣки. Точно такой же образъ блѣдноликей царицы ночи носился на морскихъ волнахъ, когда Антиной спасалъ Селену.

Юноша зналъ, что императоръ ждетъ, но не спѣшилъ туда, гдѣ были разбиты его палатки.

Сильное волненіе все болѣе и болѣе овладѣвало всѣмъ его существомъ.

Въ безпокойствѣ ходилъ онъ взадъ и впередъ по низменному прибрежью, быстро вызывая въ памяти главныя событія своей жизни.

Ему казалось, что онъ снова слышитъ каждое слово разговора, происходившаго наканунѣ между нимъ и Адріаномъ.

Передъ внутреннимъ окомъ его пронеслась мирная виѳинская родина, промелькнули мать и сестра, которыхъ ему не суждено было болѣе увидать.

Еще разъ пережилъ онъ тотъ ужасный часъ, когда обманулъ своего добраго повелителя и сдѣлался поджигателемъ. Смертельный страхъ напалъ на него снова при мысли о желаніи Адріана поставить его на мѣсто человѣка, котораго мудрый государь, можетъ-быть именно вслѣдствіе его преступленія, назначилъ своимъ преемникомъ.

Онъ, Антиной, неспособный позаботиться о завтрашнемъ днѣ, избѣгавшій разговоровъ съ серьезными людьми,—до такой степени трудно ему было слѣдить за ихъ мыслями,—онъ, умѣвшій только повиноваться и чувствовавшій себя счастливымъ только вдали отъ треволненій свѣта, наединѣ съ своимъ повелителемъ и своими мечтами, — онъ, облеченный пурпуромъ, отягченный государственными заботами и страшною отвѣтственностью?!...

Эта мысль казалась ему нелѣпой, чудовищной, а между тѣмъ Адріанъ никогда не отступался отъ разъ выраженнаго имъ желанія.

Будущее, какъ страшный, непримиримый врагъ, предстало передъ душой юноши.

Скорбь, тревога, несчастіе грозили ему отовсюду, куда онъ ни обращалъ взоры.

Его повелителя тоже ожидало въ грядущемъ что-то ужасное, а что именно, онъ не зналъ.

Страшное бѣдствіе близилось, оно должно было постигнуть Адріана, если... если не найдется кто-либо, кто защититъ отъ

него кесаря, если не найдется грудь, которая покорно приметъ ударъ, ниспосланный разгнѣваннымъ божествомъ.

Онъ, только онъ одинъ могъ и долженъ былъ это сдѣлать!

Какъ ослѣпительный лучъ свѣта, внезапно ворвавшійся въ мрачное подземелье, озарила эта мысль наполненную страха и тревоги душу Антиноя. Если у него хватитъ мужества, думалось ему, принести себя въ жертву, умереть для спасенія любимаго государя, тогда онъ искупитъ всю свою вину передъ нимъ,—тогда,—о, какое счастіе, какой восторгъ!—тогда, быть-можетъ, онъ получитъ доступъ въ блаженный міръ, открытый для него молитвами Селены, тогда онъ вновь увидитъ мать и отца, а позже и сестеръ и братьевъ и, наконецъ, теперь же, черезъ нѣсколько мгновеній, на вѣки соединится съ той, кого такъ любилъ и такъ оплакивалъ въ эту минуту.

Душа его наполнилась такимъ сладкимъ чувствомъ надежды, такимъ блаженствомъ, какихъ онъ еще не испытывалъ никогда.

Передъ нимъ струился Нилъ, у ногъ его колыхался челнокъ.

Виѳинянинъ съ силой толкнулъ его въ воду и, вскочивъ самъ, взялся за весла.

Въ это мгновеніе на берегу показался Масторъ, искавшій его по повелѣнію императора. При яркомъ свѣтѣ луны, озарявшей стройную фигуру кесарева любимца, рабъ тотчасъ же узналъ его и передалъ ему приказаніе своего господина.

Но Антиной не слушался его зова.

— Кланяйся государю,—крикнулъ онъ, удаляясь отъ берега,—кланяйся ему отъ меня тысячи и тысячи разъ и передай, что Антиной любилъ его болѣе жизни. Судьба требуетъ жертвы. Адріанъ необходимъ міру, а Антиной—жалкое ничто, которое не нужно никому, кромѣ своего господина; скажи ему, что Антиной умираетъ для него.

— Остановись, несчастный, вернись!—вскричалъ рабъ, кидаясь въ другую лодку, но челнокъ виѳинянина, гонимый мощными ударами веселъ, летитъ все быстрѣе и быстрѣе, и усилія Мастора догнать его остались напрасны.

Антиной достигъ, наконецъ, средины рѣки. Оцѣпенѣвшій отъ ужаса, рабъ увидалъ тогда, какъ брошенныя виѳиниянином весла пролетѣли по воздуху, какъ юноша, громко воскликнувъ: «Селена!»—бросился въ волны и какъ Нилъ поглотилъ прекраснѣйшую изъ жертвъ.

Глава двадцать вторая.

Ночь и полдня миновали со смерти виѳинянина. Лодки и барки со всѣхъ концовъ области столпились передъ Безой, чтобы разыскивать тѣло утопившагося юноши; берега кишѣли народомъ; ночью плошки и факелы на водѣ и на сушѣ затмили своимъ блескомъ лунный свѣтъ; но прекрасный трупъ все еще не находился.

Адріанъ зналъ, какимъ образомъ умеръ Антиной.

Масторъ долженъ былъ нѣсколько разъ повторить ему послѣднія слова его вѣрнаго товарища, не прибавивъ и не забывъ ни единаго. Императоръ удержалъ ихъ въ памяти и просидѣлъ до разсвѣта и съ разсвѣта до полудня, повторяя ихъ самому себѣ.

Убитый горемъ, сидѣлъ онъ, не двигаясь и не принимая пищи. Угрожавшее ему несчастіе обрушилось на него, и какое несчастіе! Еслибы жестокая судьба вмѣсто бѣдствій, которыя она ему назначала въ будущемъ, согласилась принять страданія, терзавшія теперь его душу, онъ могъ бы разсчитывать на долгіе безмятежные годы; но ему казалось, что онъ охотнѣе согласился бы прожить остатокъ дней своихъ въ печали и несчастіи съ Антиноемъ, чѣмъ наслаждаться безъ него всѣмъ тѣмъ, что зовется у людей счастіемъ, радостью и благоденствіемъ.

Сабина прибыла съ своей и его свитой, составлявшей цѣлое войско, но онъ строжайшимъ образомъ запретилъ допускать къ себѣ кого бы то ни было, не исключая своей жены.

Слезы, такъ часто облегчающія горе людей, не лились у него изъ глазъ, но мучительная боль сдавливала ему сердце, туманила умъ и дѣлала весь организмъ до такой степени раздражительнымъ, что каждый знакомый голосъ, даже чуть слышный вдали, приводилъ его въ волненіе и гнѣвъ.

Прибывшіе водой не могли размѣститься въ палаткахъ, разбитыхъ для нихъ по близости къ его ставкѣ, такъ какъ онъ желалъ оставаться одинъ, совершенно одинъ, съ своей душевною тоской.

Масторъ, въ которомъ онъ доселѣ видѣлъ скорѣе полезную вещь, чѣмъ человѣка, сдѣлался теперь ему ближе, и это понятно: онъ былъ свидѣтелемъ чудесной кончины его любимца.

По истеченіи самой ужасной ночи, которую императоръ когда-либо проводилъ, вѣрный рабъ, видя его блѣднымъ какъ смерть, спросилъ, не призвать ли врача.

Адріанъ отрицательно покачалъ головой.

— Еслибъ я могъ только, — сказалъ онъ, — плакать, какъ женщины, или какъ другіе отцы, у которыхъ смерть похищаетъ сыновей, это было бы для меня лучшимъ лѣкарствомъ... Вамъ, бѣдпымъ, придется теперь плохо, ибо солнце моей жизни утратило свой блескъ и деревья на пути моемъ лишились зелени.

Оставшись снова одинъ, онъ сталъ тупо глядѣть въ пространство и изрѣдка бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Все человѣчество должно стенать вмѣстѣ со мной! Еще вчера, еслибы спросили, сколь совершенная красота дана въ удѣлъ нашему роду, оно могло бы съ гордостью указать на тебя, дивный юноша, и отвѣтить: «красота боговъ». А теперь у пальмы срубили со ствола вѣнецъ и окалѣченное созданіе должно стыдиться собственнаго безобразія. Еслибы все человѣчество слилось въ одно, то сегодня оно походило бы на человѣка, у котораго выкололи правый глазъ. Не хочу я видѣть всѣхъ этихъ тощихъ и толстыхъ уродовъ, чтобъ они не внушили мнѣ отвращенія къ собственной породѣ!... О, мой вѣрный, добрый, прекрасный другъ, какимъ безумiемъ былъ ты ослѣпленъ! И все-таки я не могу его порицать. Ты нанесъ душѣ моей тягчайшую изъ всѣхъ возможныхъ ранъ, и я даже не могу за это сердиться. Вѣрность твоя была не человѣческая, божественная.

Съ этими словами онъ всталъ и произнесъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Я простираю руки, и вы, вѣчные боги, услышьте мою клятву: клянусь, что каждый городъ въ имперіи воздвигнетъ Антиною алтарь. Друга, котораго вы у меня похитили, я даю вамъ въ товарищи. Примите же его ласково, безсмертные правители вселенной! Кто изъ васъ дерзнетъ похвалиться, что прекраснѣе его? Кто изъ васъ оказалъ бы мнѣ столько же доброты и вѣрности, какъ вашъ новый товарищъ?

Обѣтъ этотъ, казалось, облегчилъ душу императора.

Съ полчаса онъ ходилъ твердыми шагами взадъ и впередъ по своей палаткѣ и затѣмъ велѣлъ позвать къ себѣ тайнаго секретаря Геліодора.

Грекъ написалъ то, что продиктовалъ ему кесарь.

Это было ни болѣе, ни менѣе какъ повелѣніе всему міру покланяться усопшему Антиною, какъ новому божеству.

Послѣ полудня задыхавшійся отъ быстраго бѣга гонецъ принесъ извѣстіе, что тѣло виѳинянина вытащено изъ воды.

Тысячи народа бросились на встрѣчу трупу, въ томъ числѣ и Бальбилла, которая, узнавъ о кончинѣ своего прекраснаго идола, вела себя какъ отчаянная.

Въ толпѣ гражданъ и рыбаковъ, въ черной траурной одеждѣ и съ распущенными волосами, бѣгала она взадъ и впередъ по берегу. Египтяне сравнивали ее съ горюющей Изидой, разыскивающей трупъ своего любимаго супруга Озириса.

Она не знала, что дѣлать отъ горя, и спутница ея тщетно старалась убѣдить ее сдерживаться и вспомнить о своемъ положеніи и достоинствѣ женщины. Бальбилла съ гнѣвомъ отвергала ея совѣты и, когда пришло извѣстіе, что прекрасная жертва Нила найдена, она пѣшкомъ устремилась ей на встрѣчу.

Ея имя было на всѣхъ устахъ; всѣ знали, что это подруга императрицы, и потому немедленно повиновались ей, когда она приказала носильщикамъ опустить тѣло на землю и снять покрывавшую его ткань.

Блѣдная и вся дрожа, приблизилась дѣвушка къ утонувшему и устремила на него взоръ. Но не долго могла она выдержать представившееся ей зрѣлище и, съ ужасомъ отвернувшись, велѣла носильщикамъ продолжать путь.

Наконецъ, печальное шествіе скрылось изъ виду и Бальбилла не слышала болѣе пронзительнаго воя египетскихъ женщинъ, которыя, посыпая себѣ грудь и голову землей, дико размахивали руками.

— Пойдемъ домой, Клавдія,—спокойно обратилась поэтесса къ своей спутницѣ.

Вечеромъ она явилась за ужиномъ, одѣтая въ черное, какъ и Сабина со всею своею свитой, но уже спокойная и готовая отвѣчать на всѣ вопросы.

Архитекторъ Понтій присоединился къ путешественникамъ въ Ѳивахъ и прибылъ вмѣстѣ съ ними въ Безу.

Бальбилла сдѣлала все, что только могла, чтобы наказать его за долгое отсутствіе, и безжалостно принудила прослушать всѣ свои стихотворныя посланія къ Антиною.

Понтій остался при этомъ вполнѣ спокойнымъ и такъ отнесся къ этимъ произведеніямъ, какъ будто они были посвящены не живому человѣку, а какой-нибудь статуѣ или божеству. Одну эпиграмму онъ хвалилъ, въ другой находилъ недостатки, третью окончательно порицалъ. Признаніе ея въ томъ, что она имѣла

обыкновеніе подносить Антиною цвѣты и фрукты, архитекторъ выслушалъ пожимая плечами.

— Продолжай и впредь дарить его такимъ образомъ,—сказалъ онъ ласково,—я вѣдь знаю, что ты не требуешь отъ этого божества возвратныхъ даровъ за свои приношенія.

Слова эти удивили и обрадовали Бальбиллу.

Понтій, очевидно, всегда понималъ ее и не заслуживалъ, чтобъ она огорчала его.

Она открыла ему душу, повѣдала, какъ сильно любитъ Антиноя, когда его нѣтъ, и потомъ, засмѣявшись, призналась, что становится совершенно равнодушной къ нему при свиданіи.

Когда, послѣ смерти виѳинянина, поэтесса потеряла всякое самообладаніе, Понтій не мѣшалъ ей предаваться своему отчаянію и просилъ Клавдію слѣдовать его примѣру.

На другой день послѣ того, какъ найденъ трупъ, онъ былъ сожженъ на кострѣ изъ драгоцѣннаго дерева.

Узнавъ, что смерть и пребываніе въ водѣ жестоко обезобразили тѣло его любимца, Адріанъ не захотѣлъ присутствовать при этомъ обрядѣ.

Нѣсколько часовъ спустя, послѣ того, какъ пепелъ виѳинянина былъ собранъ въ золотую урну и принесенъ Адріану, нильская флотилія, на одномъ изъ судовъ которой находился на этотъ разъ и императоръ, снялась съ якоря, чтобы безостановочно слѣдовать въ Александрію.

На галерѣ кесаря, въ продолженіе всего переѣзда, находились, кромѣ него, только Масторъ и одинъ изъ секретатей. Изрѣдка, впрочемъ, онъ приглашалъ къ себѣ Понтія, искренній, звучный голосъ котораго ему нравился. Бесѣды ихъ относились къ составленному архитекторомъ плану императорскаго мавзолея въ Римѣ и великолѣпному памятнику, который Адріанъ намѣренъ былъ воздвигнуть умершему. Памятникъ этотъ предполагалось поставить въ новомъ городѣ, уже названномъ имъ Антиноей, на мѣстѣ маленькой Безы.

Разговоры эти никогда не продолжались, однако, болѣе двухъ-трехъ часовъ и по истеченіи этого времени архитекторъ могъ снова возвращаться на корабль Сабины, на которомъ находилась Бальбилла.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отплытія изъ Безы онъ сидѣлъ вечеромъ наединѣ съ поэтессой на палубѣ судна, быстро скользившаго по ровной поверхности Нила.

Со времени смерти несчастнаго юноши Понтій, въ разговорахъ съ Бальбиллой, старался ни единымъ словомъ не напоминать ей объ Антиноѣ.

Теперь она стала снова такъ же внимательна и разговорчива, какъ прежде, и въ глазахъ ея по временамъ загорался даже лучъ прежняго беззаботнаго веселья.

— О чемъ ты сегодня бесѣдовалъ съ императоромъ?—спросила Бальбилла своего друга.

Понтій медлилъ отвѣтомъ и нѣкоторое время смотрѣлъ на устланную ковромъ поверхность палубы, обдумывая, рѣшиться ли ему произнести при поэтессѣ имя Антиноя.

Бальбилла замѣтила его колебаніе.

— Говори смѣло, — сказала она, — я все могу выслушать: это безуміе прошло.

— Кесарь работаетъ надъ планомъ новаго города, который намѣревается выстроить и назвать Антиноей, и приготовляетъ рисунки для памятника своему бѣдному любимцу, — отвѣчалъ ободренный Понтій. — Онъ не даетъ помогать себѣ, но я все-таки долженъ научить его отличать невозможное отъ возможнаго.

— Дѣло въ томъ, что онъ смотритъ на звѣзды, а ты увѣренно глядишь на дорогу, по которой идешь.

— Что колеблется и не имѣетъ прочнаго основанія, то не пригодно для зодчаго.

— Какъ это жестоко, Понтій! Я сама сознаюсь, что эти послѣднія недѣли вела себя очень глупо.

— Хорошо было бы, еслибы все колеблющееся такъ же быстро и спокойно снова приходило въ равновѣсіе, какъ ты! Антиной былъ полубогъ по красотѣ и къ тому же славный, честный юноша.

— Не говори мнѣ болѣе о немъ,—сказала Бальбилла, вздохнувъ.—Видъ его послѣ смерти былъ ужасенъ... Можешь ли ты простить мнѣ мое поведеніе?

— Да я никогда на тебя и не сердился.

— Но ты пересталъ уважать меня.

— Нѣтъ, Бальбилла. Красота, дорогая всякому, кого при рожденіи поцѣловала муза, привлекла твою легкокрылую поэтическую фантазію и, можетъ-быть, направляла ее на ложный путь. Но что-жь изъ этого? Благородная женственность моей пріятельницы ни разу не послѣдовала за нею. Она имѣетъ подъ собою твердую почву, въ этомъ я увѣренъ.

— Отъ души благодарю тебя за эти добрыя и ласковыя слова! Но ты слишкомъ добръ и снисходителенъ ко мнѣ. Я—бѣдное, колеблемое всякимъ вѣтеркомъ, существо,—безумная, которая никогда не знаетъ сама, что будетъ дѣлать въ слѣдующій часъ,—избалованный ребенокъ, которому хочется дѣлать именно то, чего не слѣдуетъ,—слабая дѣвушка, находящая удовольствіе въ борьбѣ съ мужчинами. Другими словами...

— Другими словами, прелестная любимица боговъ, то мужественно взбирающаяся на высокія скалы, то, какъ видѣніе, скользящая между цвѣтовъ въ сіяніи дня,—другими словами, существо, не имѣющее себѣ подобныхъ,—существо, которому, чтобы быть совершенствомъ между женщинами, не достаетъ только одного...

— Я знаю, чего мнѣ не достаетъ,—перебила его Бальбилла.—Мнѣ не достаетъ сильнаго мужа, который поддерживалъ бы меня и руководилъ своими совѣтами. Этимъ мужемъ можешь быть одинъ ты, ты—и никто другой, потому что, какъ скоро я чувствую твою близость, мнѣ кажется труднымъ, даже невозможнымъ сдѣлать что-нибудь, чего нельзя бы одобрить. Я сказала тебѣ, Понтій, какова я въ дѣйствительности. Хочешь ли ты взять меня со всѣми моими капризами, недостатками и слабостями?

— Бальбилла!—воскликнулъ архитекторъ внѣ себя отъ восторга и удивленія и покрылъ жаркими поцѣлуями протянутую ему дѣвушкой руку.

— Ты хочешь?... Ты согласенъ?... Ты никогда не покинешь меня, станешь руководить, поддерживать и лелѣять?

— До конца моихъ дней, до самой смерти, какъ родное дитя, какъ зеницу ока, какъ возлюбленную, какъ жену!

— О, Понтій, Понтій!—отвѣчала она, опираясь своими маленькими руками на его мощное плечо. — Эта минута возвращаетъ сиротѣ Бальбиллѣ отца и мать и вмѣстѣ съ тѣмъ даруетъ ей мужа, котораго избрало ея сердце.

— Такъ ты моя, моя?—воскликнулъ архитекторъ.— Вѣчные боги, цѣлую жизнь заботы и труда не позволяли мнѣ насладиться любовью, но теперь, даруя мнѣ такое сокровище, вы сторицею вознаграждаете меня за долгое терпѣніе!

— Какъ можешь ты, разсудительный человѣкъ, до такой степени преувеличивать цѣну своего сокровища? Кое-что доброе ты въ немъ, конечно, найдешь, хотя бы то, что оно уже не можетъ и не хочетъ существовать безъ своего обладателя.

— Мнѣ уже давно жизнь казалась пустою и холодною безъ тебя, единственное, несравненное созданіе!

— Почему же ты не пришелъ ранѣе и допустилъ меня поступать такъ безразсудно?

— Потому,—серьезно отвѣчалъ Понтій,—что стремиться къ солнцу казалось мнѣ слишкомъ дерзкимъ, потому что я не забылъ, что отецъ моего отца...

— Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, который способствовалъ величію моего дома...

— Помни, что онъ былъ рабомъ твоего дѣда; подумай объ этомъ хорошенько.

— Я это знаю; но знаю и то, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ болѣе тебя достойнаго свободы,—человѣка, которому я могла бы сказать съ такимъ же смиреніемъ, какъ тебѣ: возьми меня, жалкую, безразсудную, себѣ въ жены; руководи мною и сдѣлай изъ меня то, чѣмъ я должна и могу еще быть, для твоей и моей славы!

Продолжительное плаваніе по Нилу позволило архитектору и его возлюбленной цѣлыми днями наслаждаться своимъ счастьемъ. Незадолго передъ вступленіемъ флотиліи въ Мареотійскую гавань Александріи Понтій открылъ свою тайну императору. Слушая его, Адріанъ улыбнулся въ первый разъ со смерти своего любимца и приказалъ зодчему привести къ нему Бальбиллу.

— Я неправильно истолковалъ когда-то изреченіе, данное тебѣ Пиѳіей,—сказалъ онъ, соединивъ руки влюбленныхъ.—Ты его не знаешь, Понтій? Тебѣ нѣтъ надобности подсказывать мнѣ, дитя мое. То, что мнѣ пришлось прочитать разъ или два, навѣки остается у меня въ памяти. Вотъ что сказала Пиѳія:

«То, что досель высоко ты цѣнила, внезапно утратишь
И съ олимпійскихъ высотъ къ пыльной землѣ снизойдешь...
Но испытующій взглядъ подъ грудами праха и пыли
Крѣпкія стѣны найдетъ, мраморъ и прочный гранитъ».

— Ты сдѣлала хорошій выборъ, Бальбилла; оракулъ ручается тебѣ, что ты пойдешь въ жизни по твердому пути. Что касается до пыли, о которой онъ говоритъ, то, отчасти по крайней мѣрѣ, она дѣйствительно существуетъ, но рука твоего мужа съумѣетъ стряхнуть ее съ тебя. Празднуйте, когда захотите, вашу свадьбу въ Александріи, но потомъ переѣзжайте въ Римъ, — вотъ мое условіе. Мнѣ всегда хотѣлось обновить сословіе всадниковъ при-

соединеніемъ къ нему новыхъ, достойныхъ членовъ, ибо только такимъ способомъ можно поднять его падшее значеніе. Этотъ перстень дѣлаетъ тебя всадникомъ, любезный Понтій! Для такого человѣка, какъ ты, для мужа Бальбиллы и друга императора, конечно, найдется впослѣдствіи мѣсто и въ сенатѣ. Ты же, съ своей стороны, сдѣлай при постройкѣ моего мавзолея все, чего въ наше время можетъ достигнуть зодчество. Кстати, измѣнилъ ты планъ моста согласно моимъ указаніямъ?

Глава двадцать третья.

Въ Александріи вѣсть о назначеніи Вера преемникомъ императора была принята съ восторгомъ, граждане снова воспользовались случаемъ и празднество послѣдовало за празднествомъ. Тиціанъ позаботился и о томъ, чтобы были объявлены обычныя помилованія; такимъ образомъ растворились двери темницы въ Канопѣ, и скульпторъ Поллуксъ былъ освобожденъ.

Отъ долгаго заточенія художникъ поблѣднѣлъ, но не ослабъ и не похудѣлъ, творческая же сила и веселость, казалось, вовсе покинули его. Когда онъ, въ изорванномъ и испачканномъ хитонѣ, шелъ изъ Канопа въ Александрію, лицо его не выражало ни благодарности за неожиданно дарованную свободу, ни радости, въ ожиданіи свиданія съ Арсиноей. Безучастный ко всему, сталъ онъ бродить изъ улицы въ улицу, потупивъ глаза въ землю, пока, наконецъ, ноги его, привыкшіе къ изворотамъ роднаго города, сами не привели его къ дому сестры. Какъ обрадовались пришедшему Діотима и дѣти! Какъ всѣмъ хотѣлось поскорѣе проводить его къ новому домику стариковъ! А Дорида? Бѣдная Дорида!... у нея отъ радостнаго испуга помутилось въ глазахъ, и мужу пришлось поддержать ее, чтобъ она не упала, когда пропадавшій ея любимецъ, смерти котораго она такъ долго отказывалась вѣрить, предсталъ предъ нею и сказалъ своимъ ровнымъ голосомъ: «Это я!» И какъ обнимала она его! Какъ ласкала своего добраго бѣглеца, возвратившагося наконецъ!

И пѣвецъ радовался сыну по-своему, прозой и стихами; онъ даже вынулъ изъ завѣтнаго сундука лучшій свой театральный костюмъ и замѣнилъ имъ изорванный хитонъ Поллукса. Молодому ваятелю не легко было въ этотъ день довести до конца разсказъ о своихъ несчастіяхъ, такъ какъ отецъ безпрестанно

прерывалъ его вопросами и восклицаніями, а мать то и дѣло упрашивала его съѣсть или выпить чего-нибудь, даже когда онъ былъ уже совершенно сытъ и не могъ проглотить ни куска болѣе. Несмотря на его увѣренія, что онъ сытъ по горло, старушка ставила на огонь горшокъ за горшкомъ, приговаривая, что въ тюрьмѣ онъ долженъ былъ проголодаться на долгое время и что если теперь что-нибудь не идетъ ему въ горло, то часика черезъ два снова захочется ѣсть. Вечеромъ Эвфоріонъ самъ отвелъ сына въ баню и возвращаясь шелъ съ нимъ рядомъ, боясь отступить отъ него на шагъ; близость сына дѣйствовала на пѣвца какъ чисто-физическое пріятное ощущеніе. Вообще, онъ не былъ любопытенъ, но теперь не переставалъ распрашивать сына, пока мать не повела его къ свѣже-приготовленному ложу.

Когда ваятель, наконецъ, улегся, мать снова вошла къ нему, поцѣловала его въ лобъ и сказала:

— Сегодня у тебя еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе о тюрьмѣ, но завтра, милый, ты будешь, не правда ли, такой же, какъ всегда?

— Погоди, матушка, обойдется!—отвѣчалъ онъ.—Такое ложе успокоитъ человѣка лучше соннаго зелья; оно будетъ помягче тюремной доски.

— Ты даже не спросилъ о своей Арсиноѣ,—продолжала допрашивать Дорида.

— Что мнѣ за дѣло до нея? Не мѣшай мнѣ спать!

На слѣдующее утро Поллуксъ былъ все такъ же разсѣянъ и невнимателенъ, и состояніе его не измѣнялось въ продолженіе многихъ дней. Онъ ходилъ, поникнувъ головой, говорилъ только въ отвѣтъ на предлагаемые ему вопросы; когда же Дорида и Эвфоріонъ попробовали заговорить съ нимъ о его будущности, онъ отвѣчалъ только словами: «Развѣ я вамъ въ тягость?» или «Полно вамъ меня мучить».

При всемъ томъ онъ былъ ласковъ, бралъ дѣтей сестры на руки, насвистывалъ птицамъ, молча ходилъ по комнатамъ и ѣлъ за троихъ. Онъ навѣдывался объ Арсиноѣ и даже дошелъ разъ до дома, гдѣ она жила, но не постучался у двери Паулины, а оробѣлъ и смутился при видѣ великолѣпнаго дома.

Въ подобномъ бездѣйствіи онъ провелъ цѣлую недѣлю, слоняясь изъ комнаты въ комнату такъ уныло, что сердце матери надрывалось; наконецъ, у брата его, Тевкра, блеснула счастливая мысль.

Молодой рѣщикъ бывалъ рѣдкимъ гостемъ въ домѣ своихъ родителей, но съ возвращенія домой бѣднаго брата онъ сталъ бывать у нихъ чуть ли не каждый день.

Время его обученія было окончено; онъ становился мало-помалу однимъ изъ лучшихъ мастеровъ своего искусства, но ставилъ дарованіе брата выше своего и потому не переставалъ думать о томъ, какъ бы возбудить въ немъ влеченіе къ творчеству, которое, повидимому, навсегда оставило ваятеля.

— У этого стола,—сказалъ онъ матери, — сидитъ обыкновенно Поллуксъ. Я принесу сюда комокъ глины и кусокъ воску, а ты разложи все это на столѣ и рядомъ положи его инструменты; при видѣ всего этого, въ немъ можетъ-быть проснется желаніе работать, а еслибъ онъ только вылѣпилъ хотя куклу для дѣтей, дѣло пошло бы въ ходъ: отъ малаго онъ перешелъ бы къ великому.

Тевкръ принесъ обѣщанные глину и воскъ, а Дорида разложила ихъ на столѣ и съ замираніемъ сердца ожидала, что будетъ.

Въ это утро Поллуксъ всталъ поздно, какъ и всегда послѣ возвращенія, долго просидѣлъ передъ нетронутой тарелкой супу, поданной ему матерью на завтракъ, наконецъ, покончивъ съ завтракомъ, лѣниво подошелъ къ столу, постоялъ возлѣ него разсѣянно, взялъ въ руки комокъ глины, размялъ ее между пальцами, накаталъ изъ нея шариковъ и палочекъ, бросилъ все это и сказалъ, подперѣвъ голову руками:

— Вы хотите, чтобъ я принялся за работу, но дѣло не ладится,—изъ моего труда ничего не выйдетъ.

У старушки навернулись на глазахъ слезы, но она ничего не отвѣтила сыну.

Вечеромъ Поллуксъ попросилъ мать спрятать инструменты; когда она понесла ихъ въ кладовую, куда снасала весь свой ненужный хламъ, вдругъ при свѣтѣ ночника взоръ ея упалъ на стоявшую въ углу статую Антиноя, начатую ея несчастнымъ сыномъ. Тогда блеснула въ ней новая мысль: она позвала Эвфоріона и велѣла ему выбросить глину на дворъ, а восковую модель съ воскомъ поставить на столѣ Поллукса. Сама она положила возлѣ фигуры тѣ самые инструменты, которые употреблялъ ваятель въ знаменательный день ихъ изгнанія изъ Лохіи; затѣмъ попросила мужа уйти изъ дому съ ранняго утра и возвратиться лишь послѣ полудня.

— Замѣть мои слова, — сказала она:—когда онъ очутится передъ послѣднимъ своимъ еще не оконченнымъ трудомъ, и ему никто не будетъ мѣшать, быть-можетъ ему удастся возстановить порванную нить мышленія и продолжать трудъ, на которомъ застигло его несчастіе.

Сердце матери угадало настоящій путь къ спасенію сына.

Позавтракавъ, онъ, по обыкновенію, машинально, какъ и вчера, подошелъ къ столу, но взглядъ на свое послѣднее произведеніе подѣйствовалъ на него совершенно иначе, нежели видъ приготовленныхъ для него глины и воску.

Глаза его просвѣтлѣли; онъ медленно обошелъ вокругъ стола, смотря на свое произведеніе съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто въ первый разъ въ жизни ему случилось видѣть что-либо прекрасное.

Въ немъ видимо просыпались воспоминанія; онъ громко разсмѣялся, всплеснулъ руками и проговорилъ:

— Великолѣпно! Изъ этого можетъ кое-что выйдти!

Вялость и сонливость мигомъ исчезли; самоувѣренная улыбка заиграла на губахъ, и на этотъ разъ онъ рѣшительно схватился за воскъ.

Но онъ не сразу принялся за самое лѣпленіе, онъ только еще пробовалъ, сохранилась ли въ его пальцахъ сила ваянія и будетъ ли повиноваться имъ гибкій матеріалъ.

И воскъ такъ же, какъ и прежде, изгибался и вытягивался въ его рукахъ.

Можетъ-статься и все остальное было глупымъ бредомъ его воображенія—и то, что онъ уже не художникъ, и то, что тюрьма выморила изъ него талантъ, и все томленіе ужаса, сломившее было его существованіе...

Надо попробовать, не пойдетъ ли у него работа по-старому. Никого не было вблизи, кто бы могъ быть свидѣтелемъ неудачи.

Крупныя капли пота покрыли лобъ его, когда, наконецъ, сосредоточивъ въ себѣ самомъ силу воли, онъ отбросилъ назадъ свои кудрявые волосы и взялъ въ руки большой кусокъ воску.

Передъ нимъ стояла статуя Антиноя съ недоконченной еще головой.

Не удастся ли ему на память смоделировать эту прелестную головку?

Онъ тяжело дышалъ и пальцы его дрожали, начиная работу. Но вскорѣ рукамъ вернулось обычное спокойствіе, глаза стали

всматриваться въ предметы столь же проницательно, какъ и прежде, и дѣло видимо пошло на ладъ.

Прелестное лицо Антиноя какъ живое представлялось ему и когда мать его, четыре часа спустя, заглянула къ нему въ окно, чтобы видѣть, что сталось съ Поллуксомъ и удалась ли ея уловка, она громко и радостно вскрикнула: на полкѣ, близъ прежней восковой фигуры Антиноя, стояла теперь другая головка императорскаго любимца, черта въ черту похожая на первую.

Не успѣла Дорида переступить порогъ, сынъ бросился къ ней на встрѣчу, поднялъ ее на воздухъ, началъ цѣловать въ лобъ и въ уста и сказалъ, сіяя счастьемъ:

— Матушка, я еще могу работать! Я еще не погибъ.

Послѣ полудня пришелъ братъ ваятеля и, увидавъ его произведеніе, въ первый разъ отъ всей души порадовался его возвращенію.

Братья-художники сидѣли вдвоемъ и на жалобу ваятеля, что въ домѣ отца плохое освѣщеніе, рѣщикъ предложилъ ему перенести всю работу до окончанія въ свѣтлую мастерскую его хозяина. Въ это время старикъ Эвфоріонъ слазилъ въ самую глубь своей кладовой и вынесъ оттуда на свѣтъ старую амфору съ благороднымъ хіосскимъ виномъ; эту амфору когда-то подарилъ ему негоціантъ, къ свадьбѣ котораго онъ разучилъ хоръ юношей Гименею; онъ хранилъ ее уже двадцатый годъ, выжидая какого-нибудь особенно счастливаго событія; только эту амфору, да еще лучшую свою лютню вынесъ онъ собственными руками изъ привратницкой на Лохіи въ домъ своей сестры и оттуда въ новое свое жилище.

Съ гордостью поставилъ теперь старикъ старую амфору передъ сыновьями, но Дорида прикрыла ее руками.

— Я бы охотно поднесла вамъ этого нектара, — сказала она,—да и себѣ попросила бы чарочку, но мудрый полководецъ не празднуетъ побѣды до окончанія сраженія. Какъ скоро будетъ готова статуя прекраснаго юноши, я сама обовью плющомъ старую амфору и попрошу тебя, старикъ мой, принести ее опять сюда, но не прежде.

— Матушка говоритъ правду, — подтвердилъ Поллуксъ,—и такъ какъ амфора предназначается мнѣ, то я попрошу отца не снимать ея смоляной покрышки прежде, чѣмъ Арсиноя станетъ снова моею.

— Вотъ это такъ, сынъ мой! — воскликнула Дорида. — И тогда я не только амфору, но и всѣхъ васъ увѣнчаю благовонными розами.

На слѣдующій день Поллуксъ перенесъ свою модель къ прежнему хозяину брата. Достойный художникъ отвелъ для нея лучшее мѣсто въ своей мастерской; онъ высоко цѣнилъ дарованіе Поллукса и желалъ, на сколько могъ, изгладить зло, нанесенное юношѣ негодяемъ Паппіемъ.

Поллуксъ работалъ теперь отъ зари до заката солнца, съ наслажденіемъ предаваясь вновь проснувшейся жаждѣ творчества. Вмѣсто воску онъ употреблялъ глину и слѣпилъ высокую фигуру Антиноя въ видѣ Вакха, какимъ онъ долженъ былъ явиться морскимъ разбойникамъ. Обильная складками мантія ниспадала съ лѣваго плеча до щиколодки, оставляя открытыми прекрасноокругленную грудь и правую руку; роскошные, курчавые волосы были украшены вѣнкомъ изъ винограда съ красивою листвою и съ вплетеннымъ плодомъ ели. Лѣвая рука была приподнята и пальцы ея держали тирсъ, который нижнимъ концомъ упирался въ землю, а верхнимъ превышалъ голову божества. Рядомъ съ юнымъ богомъ стоялъ, полузакрытый мантіей, великолѣпный сосудъ съ виномъ.

Цѣлую недѣлю прилежно работалъ Поллуксъ и только съ наступленіемъ ночи бродилъ онъ передъ домомъ Паулины, не позволяя себѣ однако ни постучаться въ двери его, ни освѣдомиться о своей возлюбленной. Онъ слышалъ отъ матери, какъ тщательно оберегали его невѣсту отъ всякаго сообщенія съ нимъ и съ его родными; но не строгость христіанки удержала бы его войдти въ домъ и завладѣть лучшимъ своимъ сокровищемъ,—ему мѣшала приблизиться къ Арсиноѣ клятва, которую онъ далъ себѣ не выманивать дѣвушку изъ вѣрнаго убѣжища, пока не убѣдится самъ, что онъ истинный художникъ, могущій со-временемъ создать нѣчто великое; только тогда рѣшался онъ связать съ своею судьбой судьбу любимаго существа.

Когда же на утро восьмаго дня онъ позволилъ себѣ отдохнуть немного долѣе обыкновеннаго, хозяинъ его брата подошелъ къ неоконченному еще изваянію и, постоявъ передъ нимъ, вымолвилъ:

— Прелестно! Очаровательно! Наше время не произвело ничего подобнаго!

Часъ спустя, Поллуксъ стоялъ передъ домомъ Паулины и стучалъ тяжелымъ молоткомъ въ дверь.

Вышелъ слуга и спросилъ, что ему угодно; онъ попросилъ позволенія видѣть Паулину, но ея не было дома. Тогда молодой ваятель спросилъ Арсиною, дочь Керавна, принятую въ домъ Паулины.

Старый слуга покачалъ головой и сказалъ:

— Госпожа послала за нею въ погоню; она исчезла со вчерашняго дня. Такое неблагодарное созданіе! Ужь это не въ первый разъ она пытается убѣжать отсюда.

Художникъ засмѣялся и хлопнулъ по плечу стараго служителя.—Ужь я найду ее какъ-нибудь,—сказалъ онъ и, выбѣжавъ на улицу, поспѣшилъ къ своимъ родителямъ.

Многими благодѣяніями была осыпана Арсиноя въ домѣ Паулины, но не мало и горькихъ минутъ провела она въ немъ. Много мѣсяцевъ прошло для нея въ увѣренности, что возлюбленный ея умеръ; Понтій сообщилъ ей объ исчезновеніи Поллукса, благодѣтельница же ея иначе не говорила о немъ, какъ объ умершемъ. Желаніе поговорить о немъ съ кѣмъ-нибудь, кто любилъ его, не давало бѣдной Арсиноѣ покоя и она рѣшилась попросить позволенія у Паулины посѣтить его мать или, по крайней мѣрѣ, пригласить Дориду къ себѣ. Но вдова приказала ей оставить навсегда мысль о лѣпителѣ идоловъ, о самой же Доридѣ отозвалась съ презрѣніемъ.

Въ это же время Селенѣ пришлось покинуть Александрію и желаніе Арсинои повидаться съ прежними друзьями сдѣлалось неудержимымъ; однажды она вышла потихоньку изъ дому, чтобы разыскать домикъ Дориды, но привратникъ, которому запрещено было выпускать ее безъ разрѣшенія, примѣтилъ ее и вернулъ домой; то же повторилось и при другихъ попыткахъ Арсинои бѣжать изъ дома Паулины. Не одно только неисполнимое желаніе видѣть Дориду дѣлало для Арсинои невыносимымъ пребываніе ея въ домѣ благодѣтельницы, были и другія причины: она чувствовала себя плѣнницей, и дѣйствительно, послѣ каждой попытки бѣжать, свобода ея все болѣе и болѣе стѣснялась. Сама она скоро перестала подчиняться всѣмъ требованіямъ и начала отвѣчать своей благодѣтельницѣ со слезами и запальчивостью и даже съ проклятіями; всѣ эти выходки, хотя Паулина и увѣряла ее, что прощаетъ ей, имѣли послѣдствіемъ отмѣну прогулокъ и другія лишенія.

Арсиноя стала ненавидѣть не только свою благодѣтельницу, но и все, что съ нею было связано; время молитвы и уроки стали для нея пыткой и, не умѣя различать религію отъ тѣхъ, которые ей навязывали новую вѣру, она и для религіи закрыла свое сердце.

Епископъ Евменій, избранный тогда христіанами въ патріархи Александріи, посѣщалъ ее часто въ загородномъ домѣ Паулины не потому, чтобы вдова имѣла нужду въ его содѣйствіи или думала, что она одна не въ силахъ выполнить своей задачи, но почтенный старецъ сочувственно относился къ бѣдной дѣвушкѣ и въ разговорахъ своихъ съ нею старался въ полной красотѣ показать ей цѣль, къ которой ее старались приневолить.

Послѣ подобныхъ разговоровъ съ патріархомъ смирялось сердце дѣвушки и ей хотѣлось вѣрить въ Бога и любить Сына его, но стоило вдовѣ позвать ее въ учебную комнату и сказанное Евменіемъ повторить по-своему,—сердце бѣдняжки вновь обращалось въ камень и, когда ее призывали къ молитвѣ, она, правда, подымала руки къ небу, но твердила нарочно имена своихъ эллинскихъ боговъ.

У Паулины бывали иногда языческія женщины въ прекрасныхъ уборахъ и видъ ихъ напоминалъ Арсиноѣ то, лучшее для нея, время, когда, несмотря на всю свою бѣдность, она всегда имѣла голубую или красную ленточку, чтобы вплести въ волоса или обшить свой пеплумъ; теперь же она могла носить только бѣлыя одежды и малѣйшее украшеніе въ волосахъ или на платьѣ было ей воспрещено: «Такія суетныя игрушки,—говорила Паулина,—приличны язычницамъ. Господа радуютъ не тѣлеса и не одежды, а сердца людей».

Увы, сердце бѣднаго ребенка не могло радовать Отца Небеснаго. Въ немъ бушевали и досада, и горе, и нетерпѣніе съ ранняго утра до поздняго вечера.

Эта юная душа была создана для любви и радости, и ихъ была она лишена. Но Арсиноя не переставала стремиться къ нимъ.

Въ началѣ ноября, послѣ вновь неудавшагося побѣга, Паулинѣ вздумалось наказать ее тѣмъ, что сама она не сказала ей ни слова въ продолженіе четырнадцати дней, и рабамъ своимъ запретила говорить съ нею. Въ продолженіе этихъ двухъ недѣль словоохотливое дитя Греціи пришло въ совершенное отчаяніе; ей даже приходило на мысль взбѣжать на кровлю и броситься от-

туда внизъ; къ счастью, она была слишкомъ привязана къ жизни, чтобъ исполнить это намѣреніе.

Перваго декабря Паулина снова заговорила съ ней, простила ей, какъ и всегда, въ длинной рѣчи ея неблагодарность и заявила ей, сколько именно часовъ она молилась объ ея исправленіи и обращеніи.

Паулина говорила правду, но только вполовину: настоящей любви къ Арсиноѣ она не чувствовала и уже давно смотрѣла съ отвращеніемъ на ея присутствіе въ домѣ; но ей нужна была эта дѣвушка, чтобы посредствомъ ея выполнить свое горячее желаніе. Не для строптивой дѣвушки, а ради доставленія вѣчнаго блаженства своей дочери молилась она о томъ, чтобы сердце ея воспитанницы открылось наконецъ истинной вѣрѣ.

Наканунѣ того дня, когда Поллуксъ рѣшился наконецъ постучаться у дверей христіанки, солнце сіяло особенно весело, и Паулина дозволила своей воспитанницѣ прогуляться съ собою въ повозкѣ. Онѣ запоздали при посѣщеніи одного христіанскаго семейства, жившаго близъ Маріотскаго озера, такъ что возвращались уже къ ночи. Арсиноя давно привыкла, потупляя глаза для виду, замѣчать все, что дѣлается вокругъ повозки; при поворотѣ въ улицу, гдѣ онѣ жили, она издалека замѣтила высокую фигуру, которая, какъ ей показалось, имѣла сходство съ ея возлюбленнымъ.

Устремивъ на него взоры, она едва могла удержаться отъ крика: это былъ онъ, и никто другой, этотъ юноша, медленно шедшій по улицѣ; она не могла ошибиться, такъ какъ на одно мгновеніе лицо его и всю фигуру озарилъ свѣтъ факеловъ, которые несли рабы впереди повозки.

Онъ не погибъ, онъ живъ, онъ ищетъ ее!...

Ей хотѣлось на всю улицу провозгласить свое счастье, но она не двинулась, пока повозка Паулина не остановилась предъ дверью.

Привратникъ, по обыкновенію, подбѣжалъ, чтобы помочь госпожѣ своей выйти; Паулина обернулась къ Арсиноѣ спиной, а дѣвушка воспользовалась минутой, чтобы выпрыгнуть изъ противуположной дверцы и побѣжать по направленію той улицы, гдѣ показался ей ея возлюбленный.

Прежде чѣмъ нареченная мать успѣла замѣтить ея отсутствіе, бѣглянка очутилась среди густой толпы рабочихъ, выходившихъ въ этотъ праздничный вечеръ изъ мастерскихъ. Рабамъ

Паулины не удалось на этотъ разъ поймать Арсиною, и они должны были возвратиться домой, не выполнивъ своего дѣла, но и Арсиноѣ не удалось найти того, кого она искала. Цѣлый часъ она напрасно смотрѣла по сторонамъ, въ надеждѣ увидать его; наконецъ, видя неудачность этихъ попытокъ, она стала себя спрашивать, какъ бы ей найти домъ его родителей, такъ какъ согласилась бы скорѣе провести ночь у входа въ храмъ, вмѣстѣ съ несчастными, не имѣющими крова, чѣмъ возвратиться къ своей благодѣтельницѣ.

Сначала она чувствовала только блаженство быть свободной; когда же никто изъ прохожихъ не могъ сказать ей, гдѣ домъ пѣвца Эвфоріона, и молодые люди начали слѣдить за ней и кричать ей неприличныя слова, она бѣгомъ бросилась внизъ по улицѣ. Преслѣдователи еще не оставили ее, какъ вдругъ навстрѣчу попались носилки, окруженные ликторами и рабами, которые несли факелы. Въ носилкахъ сидѣла Юлія, добрая жена префекта. Арсиноя тотчасъ узнала ее, послѣдовала за носилками и вмѣстѣ съ ними достигла дверей дома префекта.

Выходя изъ носилокъ, матрона замѣтила дѣвушку, стоявшую скромно, съ умоляющимъ видомъ, на пути ея. Юлія съ участіемъ обратилась къ красивой дѣвушкѣ, о которой уже разъ заботилась, выслушала улыбаясь ея просьбы о пріютѣ на эту ночь и отвела ее къ префекту.

Тиціанъ былъ не совсѣмъ здоровъ, но онъ обрадовался дочери несчастнаго управителя, выслушалъ разсказъ о ея побѣгѣ со знаками неодобренія, но развеселился, когда узналъ, что ваятель Поллуксъ живъ.

Высокое, пышное ложе въ одной изъ комнатъ дворца префекта служило для отдохновенія гостей болѣе знатныхъ, чѣмъ Арсиноя, но никогда не покоился на немъ никто съ болѣе розовыми мечтами, чѣмъ эта сирота-бѣглянка, еще вчера засыпавшая вся въ слезахъ въ домѣ Паулины.

Глава двадцать четвертая.

На слѣдующій день Арсиноя поднялась рано утромъ, и первое чувство ея было смущеніе и безпокойство при видѣ окружавшей ее роскоши. Она думала о своемъ Поллуксѣ. Потомъ, освоившись со своей обстановкой, стала любоваться собственнымъ изображеніемъ въ зеркалѣ и сравнивать мягкость диванов пре-

фекта съ подушками въ домѣ Паулины. Она снова была плѣнницей, но на этотъ разъ ей нравилась ея тюрьма. Когда рабы проходили мимо ея двери, она прислушивалась къ походкамъ; можетъ-быть, чудилось ей, префектъ уже послалъ за Поллуксомъ и онъ идетъ для свиданія съ ней. Наконецъ вошла рабыня, которая принесла ей завтракъ и попросила ее, отъ имени своей госпожи, погулять по саду и полюбоваться цвѣтами и птицами, пока она не позоветъ ее.

Рано утромъ Тиціана увѣдомили о томъ, что Антиной искалъ смерти и нашелъ ее въ водахъ Нила.

Префектъ не столько пораженъ былъ гибелью несчастнаго юноши, сколько горемъ самого Адріана.

Приказавъ подчиненнымъ объявить народу о печальномъ событіи, приглашая гражданъ къ торжественному изъявленію своего прискорбія императору, онъ принялъ патріарха Эвменія. Со времени переговоровъ, которые Тиціанъ имѣлъ съ патріархомъ по поводу благодарственнаго молебствія христіанъ за спасеніе императора, почтенный старецъ принадлежалъ къ числу лучшихъ друзей префекта и его жены.

Въ бесѣдѣ съ патріархомъ Тиціанъ распространился о пагубномъ вліяніи на императора, а слѣдовательно и на государственныя дѣла, кончины человѣка, не отличавшагося никакими особенными дарованіями.

— Когда Адріану,— говорилъ префектъ,— удавалось доставить часъ или два отдыха своему незнающему покоя уму, или когда хотѣлъ онъ возстановить свои нравственныя силы, измученныя безпрерывными огорченіями, тяжелымъ трудомъ правленія или государственными заботами, онъ выѣзжалъ на охоту съ ловкимъ и сильнымъ юношей, или уединялся въ свои покои съ прекраснымъ и всею душой преданнымъ ему молодымъ товарищемъ. Одинъ видъ молодаго Виѳинянина уже радовалъ художественный вкусъ Адріана, и какъ умѣлъ въ подобныя минуты прислушиваться къ рѣчамъ его осмысленный, скромный и молчаливый юноша! Адріанъ любилъ его какъ сына, покойный же былъ привязанъ къ нему болѣе чѣмъ сыновнею привязанностью,—онъ доказалъ это своею смертью. Самъ императоръ говорилъ мнѣ: «Когда, среди шума и жизненныхъ тревогъ, попадется мнѣ на глаза Антиной, мнѣ кажется, будто я вижу чудный сонъ».

— Да, велика будетъ горесть Адріана о его погибели,— подтвердилъ патріархъ.

— И смерть эта еще болѣе омрачитъ его серьезный духъ, еще усилитъ его недовѣріе и раздражительность.

— Обстоятельства кончины Антиноя, пожалуй, еще болѣе утвердятъ его суевѣрное настроеніе,—сказалъ патріархъ.

— Этого также нужно опасаться. Во всякомъ случаѣ не веселые дни готовятся намъ. Возстаніе въ Іудеѣ унесетъ опять тысячи жертвъ.

— Что бы поручить тебѣ управленіе этою провинціей?

— Ты знашь состояніе моего здоровья, достойный мужъ! Бываютъ дни, когда я не могу ни говорить, ни думать; когда начинаются мои припадки, кажется, что меня медленно душатъ. Я отдавалъ много лѣтъ свои силы государству, и теперь — неправда ли? — имѣю право употребить ихъ на другое дѣло. Мы съ женой думаемъ переѣхать въ имѣнье мое на берегу Ларійскаго озера, чтобъ испытать, не удостоимся ли мы спасенія и не уразумѣемъ ли ту истину, на которую ты намъ указалъ. А, вотъ и ты, Юлія! Съ тѣхъ поръ, говорю, какъ созрѣла въ насъ обоихъ рѣшимость оставить міръ, не разъ вспомнили мы сказаніе еврейскаго мудреца, съ которымъ ты насъ познакомилъ, о томъ, какъ ангелъ божій, изгоняя первыхъ людей изъ рая, сказалъ имъ: «Съ этого дня да будетъ рай вашъ въ сердцѣ вашемъ»,— и вотъ мы намѣрены покинуть удовольствія большихъ городовъ.

— Мы уѣдемъ отсюда безъ сожалѣнія,—прервала Юлія супруга, — мы увозимъ съ собою зародышъ болѣе безмятежнаго, чистаго и прочнаго счастія.

— Аминь!—проговорилъ патріархъ.—Гдѣ двое вамъ подобныхъ собираются во едино, самъ Господь третьимъ въ такомъ союзѣ.

— Дай намъ въ спутники ученика своего Марціана, — просилъ префектъ.

— Охотно,—отвѣчалъ патріархъ.—Прислать его сейчасъ къ вамъ?

— Только не сейчасъ, — возразила Юлія. — У меня сегодня важное, хотя и веселое дѣло. Ты знаешь Паулину, вдову Пудента? Она взяла было себѣ на воспитаніе прелестное существо.

— Арсиною?... Но она бѣжала отъ нея.

— Мы ее пріютили,—сказалъ Тиціанъ.—Ея пріемной матери, кажется, не удалось ни привязать ее къ себѣ, ни подѣйствовать благотворно на ея душу.

— Да,—сказалъ патріархъ.—Къ сердцу ея былъ одинъ только ключъ—любовь. Паулина пыталась дѣйствовать на нее принужденіемъ и добилась только того, что она бѣжала. Но, смѣю ли спросить, какъ попала она въ домъ вашъ?

— Это я разскажу тебѣ современемъ,—сказалъ Тиціанъ.—Мы знаемъ ее не со вчерашняго дня.

— Паулина потребуетъ ее отъ васъ, пожалуй,—замѣтилъ съ сожалѣніемъ Эвменій.—Она повсюду разослала за нею гонцовъ, на дѣвушка никогда не разовьется подъ ея руководствомъ.

— Развѣ вдова формально усыновила ее?—спросилъ Тиціанъ.

— Нѣтъ, она все хотѣла это сдѣлать.

— Намѣренія передъ закономъ не имѣютъ никакого значенія, слѣдовательно мы можемъ защитить отъ Паулины нашу хорошенькую гостью.

— Я сейчасъ позову ее! — сказала матрона. —Она должно-быть давно ждетъ меня. Пойдемъ со мной, Эвменій!

— Съ удовольствіемъ. Мы съ маленькой Арсиноей старые пріятели и доброе слово отъ меня будетъ ей на пользу, а благословеніе не повредитъ и язычницѣ. Прощай, пока, Тиціанъ! Меня дома ожидаютъ діаконы.

Когда Юлія вернулась вмѣстѣ съ Арсиноей на мужскую половину, у дѣвушки блестѣли на глазахъ слезы: доброе слово старика сдѣлало свое дѣло, она была растрогана и нашла, что пребываніе у Паулины имѣло и свою хорошую для нея сторону.

Тиціанъ былъ не одинъ въ комнатѣ: съ нимъ разговаривалъ старый Плутархъ, поддерживаемый своими двумя спутниками. Онъ былъ весь въ черномъ и разукрашенъ уже не пестрыми, а бѣлыми цвѣтами, и въ этомъ одѣяніи казался еще уродливѣе.

Богачъ съ жаромъ о чемъ-то разговаривалъ, но при видѣ Арсинои сразу остановился, ударилъ въ ладоши и сказалъ, что онъ безъ ума отъ радости видѣть вновь свою Роксану, для которой понапрасну обошелъ всѣхъ золотыхъ мастеровъ города.

— Но теперь! — съ юношескимъ жаромъ воскликнулъ Плутархъ, — мнѣ надоѣло хранить твои золотые уборы,—у меня и безъ того много этого хламу. Они давно уже твои, и я сегодня же пришлю ихъ Юліи, чтобъ она ихъ надѣла на тебя. Дай мнѣ ручку, милая дѣвушка! Ты поблѣднѣла и похудѣла, но все такая же хорошенькая. Посмотри, Тиціанъ, вѣдь она и теперь годилась бы въ Роксаны! Только супругѣ твоей не худо бы поза-

ботиться объ ея одеждѣ. Вся въ бѣломъ и ни малѣйшаго украшенія въ волосахъ, точно христіанка!

— Я знаю человѣка, который сумѣетъ убрать къ лицу эти локоны,—сказала Юлія:—она невѣста ваятеля Поллукса.

— Поллукса?—вскричалъ Плутархъ въ волненіи.—Подвиньте меня ближе, Атласъ, Антей! Ваятель Поллуксъ—твой женихъ? Великій художникъ!... Это тотъ самый, о которомъ я сейчасъ говорилъ тебѣ, Тиціанъ.

— Ты знакомъ съ нимъ?—спросила жена префекта.

— Нѣтъ, но я только сейчасъ изъ мастерской рѣзчика Періандра и видѣлъ тамъ восковую модель Антиноя—дивное, несравненное, единственное произведеніе! Ни Фидій, ни Лизиппъ не постыдились бы подобнаго творенія!... Поллукса не было дома, и я уже заглазно купилъ его статую. Молодой художникъ вырѣжетъ мнѣ ее изъ мрамора, и Адріанъ будетъ въ восторгѣ отъ этого подобія своего любимца. И знатоки, и ничего не понимающіе въ художествѣ—всѣ будутъ отъ него въ восторгѣ. Весь вопросъ въ томъ, кому поднести императору статую: городу, или мнѣ одному? Пусть мужъ твой, Юлія, рѣшитъ это дѣло.

Во время этой рѣчи Арсиноя сіяла отъ радости, но она скромно отошла въ сторону, когда одинъ изъ подчиненныхъ префекта подалъ ему только-что полученную бумагу.

Префектъ пробѣжалъ ее и сказалъ женѣ и Плутарху:

— Императоръ повелѣваетъ воздавать Антиною божескія почести.

— Счастливецъ Поллуксъ! — воскликнулъ Плутархъ: — онъ слѣпилъ первое изваяніе новаго олимпійца. Я подарю его городу; городъ и поставитъ его въ храмѣ Антиноя, основаніе которому мы должны заложить до возвращенія императора. Прощайте! Поклонись отъ меня своему жениху, дитя мое. Поллуксъ будетъ первымъ изъ современныхъ ему художниковъ, а я первый открылъ эту новую звѣзду въ артистическомъ мірѣ. Вотъ уже восьмой художникъ, котораго я открываю вселенной. Изъ будущаго твоего шурина, Тевкра, тоже выйдетъ прокъ. Я заказалъ ему камею съ фигурой Антиноя. Еще разъ, прощайте,—мнѣ нужно въ совѣтъ, переговорить о храмѣ новому божеству. Эй вы, впередъ!

Часъ спустя, колесница Юліи остановилась у входа въ переулокъ, слишкомъ узкій для четверни лошадей. Переулокъ этотъ велъ къ зеленѣвшей площадкѣ, на которой стоялъ новый домикъ Эвфоріона.

Скороходъ Юліи отыскалъ жилище пѣвца и привелъ матрону съ Арсиноей на площадку прямо къ двери, въ которую оставалось только постучать.

— Какъ разгорѣлись твои щечки, милая!—сказала Юлія.—Я не хочу стѣснять вашего свиданія, а желаю только сдать тебя съ рукъ на руки твоей будущей матери. Войди въ домъ, Арктій, и попроси Дориду выйти ко мнѣ. Не называй меня по имени, а скажи только, что кто-то желаетъ ее видѣть.

Сердечко Арсинои такъ сильно билось, что она не въ состояніи была выговорить ни слова благодарности.

— Стань за эту пальму,—сказала Юлія.

Арсиноя повиновалась, но ей казалось, что какая-то посторонняя сила придвинула ее къ дереву. Изъ разговора Юліи съ Доридой она не слыхала ни слова; она могла только съ умиленіемъ вглядываться въ старое, доброе лицо матери ея Поллукса. Несмотря на красные отъ слезъ глаза и на глубокія борозды, проведенныя по лицу горемъ, она не могла наглядѣться на него. Лицо это напоминало ей счастливое время ея дѣтства, и ей скорѣе хотѣлось обнять радушную, добрую старушку.

Наконецъ ей удалось услышать слова матроны:

— И вотъ я передаю ее тебѣ. Она все такая же милая и красивая, какъ когда мы видѣли ее въ первый разъ въ театрѣ.

— Гдѣ она? Гдѣ она? — дрожащимъ голосомъ воскликнула старушка.

Юлія указала пальцемъ на пальму и только-что хотѣла позвать дѣвушку, какъ Арсиноя не могла уже болѣе противиться желанію обнять любимаго человѣка. На восклицаніе матери Поллуксъ выглянулъ изъ дверей, и невѣста его съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему на грудь.

Юлія глядѣла на обоихъ съ блестящими отъ слезъ глазами и наконецъ, обласкавъ и старыхъ, и молодыхъ, она простилась съ ними.

— Ѣду хлопотать о твоемъ приданомъ, милая моя!—сказала она Арсиноѣ.—На этотъ разъ твои наряды послужатъ тебѣ не на одинъ только разъ, а на цѣлую счастливую жизнь!

Вечеромъ того же дня изъ домика Эвфоріона раздавались веселыя пѣсни. Дорида съ мужемъ, Діотима съ Тевкромъ и Арсиноя съ Поллуксомъ возлежали, увѣнчанные цвѣтами вокругъ амфоры, увитой розами, и воспѣвали гимны радости и счастью, и искусству, и любви, и всѣмъ нежданнымъ благополучіямъ настоящаго дня.

Три недѣли спустя Адріанъ пріѣхалъ въ Александрію. Онъ держался далеко отъ празднествъ, устроенныхъ александрійцами въ честь новаго бога, и недовѣрчиво улыбнулся, когда ему сообщили, будто бы на небѣ появилась новая звѣзда, которую оракулъ призналъ душою его любимца. Когда богачъ Плутархъ подвелъ Адріана къ статуѣ Вакха-Антиноя, уже вполнѣ изваянной Поллуксомъ, Адріанъ былъ глубоко пораженъ и пожелалъ узнать имя человѣка, изваявшаго эти благородныя черты.

Никто изъ окружающихъ не рѣшался произнести это имя и только одинъ Понтій осмѣлился выступить за своего молодаго друга; онъ трогательно разсказалъ обо всемъ, случившемся съ художникомъ, и умолялъ императора даровать ему прощеніе.

Императоръ благосклонно кивнулъ головой Понтію и сказалъ:

— Ради покойнаго, прощаю.

Поллуксъ былъ подведенъ къ нему и императоръ протянулъ ему руку.

— Боги лишили меня его любви и преданности,—съ чувствомъ произнесъ онъ,—но ты сохранилъ мнѣ и міру его красоту.

Всѣ города имперіи усердствовали построеніемъ храмовъ новому божеству и сооруженіемъ ему статуй. Поллуксу, уже счастливому мужу красавицы Арсинои, предстояло представить во сто разныхъ мѣстъ бюсты и статуи Антиноя. Но онъ отказался отъ большинства заказовъ, не выпуская изъ мастерской своей ничего, что бы не было дѣломъ его собственныхъ рукъ, и всякій разъ по новому плану предоставляя другимъ художникамъ дѣлать копіи съ своихъ произведеній.

Бывшій хозяинъ его, Паппій, попытался было вернуться въ Александрію, но съ такимъ презрѣніемъ отвергнутъ былъ своими сотоварищами, что въ минуту отчаянія лишилъ себя жизни. Молодой Тевкръ сдѣлался первымъ рѣзчикомъ камей своего времени.

Анна скоро послѣ мученической смерти Селены оставила городъ Безу. Ей была предложена должность старшей діакониссы въ Александріи, и она до глубокой старости исполняла эту обязанность.

Убогая Марія не покинула мѣстечка на берегу Нила, которое, благодаря Адріану, скоро обратилось въ многолюдный городъ Антиною. У нея были тамъ двѣ могилы, отъ которыхъ она не въ силахъ была оторваться. Четыре года спустя послѣ своей женитьбы, Поллуксъ былъ призванъ въ Римъ самимъ императоромъ, который поручилъ ему сдѣлать свою собственную статую на ко-

лесницѣ, запряженной четверней. Это произведеніе должно было увѣнчать мавзолей Адріана, воздвигнутый Понтіемъ. Поллуксъ такъ исполнилъ порученную работу, что, осматривая ее, императоръ сказалъ, улыбаясь: «Теперь ты пріобрѣлъ право порицать и даже разбивать творенія другихъ художниковъ».

Въ почетѣ и довольствѣ жилъ съ тѣхъ поръ сынъ Эвфоріона на берегахъ Тибра съ вѣрной красавицей женою и дѣтьми, изъ которыхъ онъ вырабатывалъ достойныхъ гражданъ Риму. Супруги остались язычниками до самой смерти, но любовь, которую Эвменій открылъ питомицѣ Паулины, никогда не была ею забыта, и она сохраняла ей мѣсто и въ сердцѣ своемъ, и въ домѣ.

Дорида тихо скончалась за нѣсколько мѣсяцевъ до переселенія дѣтей ея въ Римъ; мужъ не долго пережилъ ее. Онъ умеръ отъ тоски по своей доброй подругѣ.

Архитекторъ Понтій остался другомъ Поллукса и на берегахъ Тибра. Бальбилла и супругъ ея подавали выродившимся согражданамъ своимъ примѣръ супружества въ духѣ древнихъ римлянъ. Бюстъ женщины-поэта былъ оконченъ Поллуксомъ еще въ Александріи и, несмотря на локончики, не былъ разбитъ Бальбиллой.

Веру предоставленъ былъ титулъ кесаря при жизни императора, но онъ умеръ еще прежде Адріана отъ долгой и изнурительной болѣзни. Люцилла самоотверженно ухаживала за нимъ, грустно сознавая, что теперь не имѣетъ соперницъ. Сынъ ея впослѣдствіи сдѣлался кесаремъ.

Предсказаніе префекта Тиціапа оказалось вѣрнымъ. Недостатки Адріана взросли съ годами и мелочность его характера и мыслей на старости лѣтъ выступила еще живѣе.

Тиціанъ и жена его покончили тихую жизнь вдали отъ міра и передъ смертью удостоились крещенія. Въ своемъ уединеніи на берегу озера они ни разу не вздохнули объ оставленномъ блескѣ, потому что имъ удалось всю прелесть жизни перенести въ сердце.

Невольникъ Масторъ первый принесъ Тиціану извѣстіе о смерти своего повелителя; Адріанъ еще при жизни освободилъ его и наградилъ его порядочнымъ состояніемъ. По смерти же Адріана Тиціанъ отдалъ ему въ управленіе одно изъ своихъ имѣній и до конца дней своихъ оставался дружнымъ съ сосѣдомъ христіаниномъ и миловидной дочерью его, выросшей среди единовѣрцевъ своего отца.

Сообщивъ женѣ о горестномъ событіи, Тиціанъ проговорилъ тихо и торжественно: «Умеръ великій управитель. Мелочность, искажавшая Адріана какъ человѣка, будетъ забыта потомствомъ; какъ повелитель, Адріанъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ, которыхъ судьба ставитъ тамъ, гдѣ они нужны, и которые, вѣрные обязанностямъ своимъ, борятся за нихъ до конца жизни. Мудрою умѣренностью онъ съумѣлъ побороть личное честолюбіе и сохранить всеобщую любовь, дѣйствуя въ разрѣзъ съ предубѣжденіями римскаго народа. Уступить во время ту часть провинцій, которая высосала бы всѣ силы государства, было мудрѣйшимъ его рѣшеніемъ. Но это государство въ новыхъ, имъ самимъ поставленныхъ, границахъ изъѣздилъ онъ вдоль и поперекъ, не боясь ни жару, ни холода, изучая его, какъ изучаютъ люди доставшуюся по наслѣдству землю. Его обязанность, какъ правителя, влекла его къ путешествіямъ, а любовь путешествовать облегчала ему эту обязанность. Даже непостижимое не ставило границъ его любознанію,—онъ стремился проникнуть глубже въ неизвѣданное, чѣмъ дано человѣку, и значительную долю своей громадной нравственной силы затрачивалъ на то, чтобы приподнять покровъ, скрывающій отъ людей будущую ихъ судьбу. Никто не имѣлъ болѣе его занятій, и ни одинъ императоръ не умѣлъ такъ непоколебимо преслѣдовать главную цѣль своей жизни — увеличеніе власти государства и упроченіе благосостоянія его гражданъ».

Алчущіе и жаждущіе правды.

Очерки современнаго сектантства.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

IV*).

У батюшки.

Изслѣдователю сектантства по необходимости приходится сталкиваться и имѣть дѣло съ мѣстными священниками. Въ самомъ дѣлѣ, кому, какъ не имъ, духовнымъ пастырямъ, должно быть ближе всего знакомо настроеніе прихожанъ, ихъ духовныхъ овецъ?

Село Яконово, служащее резиденціей приходскаго священника, по здѣшнему мѣсту большое, богатое село. Да и самый приходъ считается однимъ изъ самыхъ «хлѣбныхъ» и доходныхъ въ благочиніи.

Я постучалъ у крыльца большаго церковнаго дома.

— Кто тамъ?—сурово окликнулъ голосъ изъ комнаты и вслѣдъ затѣмъ изъ окна выглянуло жирное, рыхлое, лоснящееся лицо, принадлежавшее, по всѣмъ видимостямъ, матушкѣ-попадьѣ. При видѣ культурнаго человѣка, голосъ матушки вдругъ смягчился и она вѣжливо-слащавымъ тономъ проговорила:—Вамъ кого угодно?

— Батюшка дома?

— Кажись, дома... Пожалуйте...

Я вошелъ въ залу, для деревни весьма прилично убранную: крашеный полъ, тюлевые занавѣсы, хорошая мебель.

Батюшка, какъ оказалось, «отдыхалъ», то-есть попросту спалъ. Его разбудили и онъ вышелъ ко мнѣ заспанный и всклокоченный. Передо мною стоялъ длинный, костлявый, но жилистый

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

и еще крѣпкій старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ крохотною головой, съ красноватымъ, крайне помятымъ, дряблымъ лицомъ и шаршавою, тощею растительностью на подбородкѣ. Маленькія, жидкія, торчащія въ разныя стороны косички, мутные, испещренные мелкими кровяными жилками, глаза, большой, широкій, беззубый ротъ и какой-то шрамъ на носу—дѣлали наружность батюшки далеко не презентабельною. Движенія его были медленны и неуклюжи; говорилъ онъ глухо, неразборчиво, шамкая, постоянно останавливаясь и подыскивая слова. Въ довершеніе всего, отъ него сильно попахивало тѣмъ специфическимъ «душкомъ», который обыкновенно является у людей, сдѣлавшихъ постоянную привычку «къ чарочкѣ»; а его старый, на ватѣ, казинетовый подрясникъ, неуклюже сидѣвшій на его нескладной фигурѣ, казалось, весь былъ пропитанъ запахомъ тютюна.

Отрекомендовавшись, я попросилъ было его разсказать все, что ему извѣстно о состояніи сектантства въ его приходѣ, но тотчасъ же долженъ былъ убѣдиться, что батюшкѣ не подъ силу сколько-нибудь связный, послѣдовательный разсказъ. Пришлось задавать отдѣльные вопросы.

— Старовѣры есть въ вашемъ приходѣ?

— Старовѣры!... Какіе они старовѣры?... Наша вѣра—православная—самая старая, старѣе её нѣту.

Наконецъ, съ немалымъ трудомъ мнѣ удалось добиться слѣдующихъ данныхъ. Въ Яконовскомъ приходѣ старовѣры живутъ въ четырехъ деревняхъ: въ Бавыкинѣ, Сельцѣ, Насывкинѣ и Головорѣзовѣ. О сектахъ и толкахъ, на которые распадаются старовѣры, батюшка имѣлъ самыя смутныя представленія. По нѣкоторымъ признакамъ, однако, можно было заключить, что въ двухъ первыхъ деревняхъ, Бавыкинѣ и Сельцѣ, живутъ безпоповцы, а въ остальныхъ двухъ—Насывкинѣ и Головорѣзовѣ—послѣдователи поповскаго толка. На мои распросы о жизни и ученіи старовѣровъ батюшка категорически заявилъ, что онъ ничего по этому предмету не знаетъ, такъ какъ никогда не бываетъ у нихъ и «совсѣмъ не знается» съ ними.

— Вѣдь теперь имъ свобода!—съ недовольною миной говорилъ мой собесѣдникъ.—Что хотятъ, то и творятъ: сами крестятъ, сами вѣнчаютъ, сами хоронятъ... Насъ не зовутъ... Все разрѣшено, все!... Съ 1867 года дозволеніе вышло... Бумагу подавали,—ну, ихъ и отписали отъ церкви. Съ этой поры мы ихъ и не касаемся... А прежде и крестили, и хоронили все мы,—безъ

насъ они ничего не могли: хоть и крестили они, и вѣнчали по-своему, да все тайкомъ, тихонько, крадучись, а ужь теперь—въявь стали, никого не боятся, ни-ко-го!

— А много ли старовѣровъ въ этихъ деревняхъ?

— Бавыкино какъ есть все заражено. Я туда и не ѣзжу никогда,—ну ихъ!... Каждый разъ мимо проѣзжаю, какъ отъ зачумленныхъ все равно... Въ другихъ деревняхъ поменьше.

— А что вы скажете о новой сектѣ, появившейся у васъ?

— Это о сютаевской-то?

— Да, о ней... Что эта за секта?

— Это-то?...—Батюшка съ минуту помолчалъ. —Да это... это ужь прямо сказать—нигилисты!

— Какъ нигилисты?

— Н-ни-гилисты, какъ есть настоящіе нигилисты!... Ни Бога, ни царя—никого нѣтъ, никого знать не хотятъ... Вотъ какая это секта!

И батюшка раздраженно поднялся съ мѣста и направился въ сосѣднюю комнату. Черезъ минуту онъ явился оттуда, держа въ рукахъ старый, засаленный кисетъ, сшитый изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Развязавши кисетъ, батюшка началъ дрожащими руками свертывать «цыгарку» изъ обрывка какой-то ученической тетради.

— Не потребляете?—спросилъ онъ меня, кивая на кисетъ.

— Нѣтъ.

— Корешки... Отъ нихъ вреда человѣку нѣтъ... Можетъ папиросы уважаете?

Я отказался и постарался направить разговоръ на интересовавшій меня предметъ.

— Развѣ сютаевцы не признаютъ Бога?

— Какъ они признаютъ?—снова загорячился батюшка.—Все, все превратно, все по-своему... Зачѣмъ,—спрашиваю намеднись Сютаева,—зачѣмъ ты въ церковь не ходишь?—«А зачѣмъ, говоритъ, я пойду въ церковь?... Я самъ—церковь!»—Вотъ ты и поговори съ нимъ... Кресту не вѣруетъ, святыхъ иконъ не почитаетъ... «Это, говоритъ, идолы, которымъ вы покланяетесь... Стану, говоритъ, я вашимъ кумирамъ кланяться,—какъ же, жди те!»... Одно слово—отступникъ и еретикъ!

Батюшка усиленно затянулся, и густыя струи махорки закружились въ комнатномъ воздухѣ.

— А относительно власти?...

— Не признаетъ,—перебилъ батюшка,—государственной власти совсѣмъ не признаетъ...—«Земля...—говоритъ,— да нешто она царская?... Земля, говоритъ, Божья: Богъ намъ далъ ее, мы и должны владать...» Понимаете, къ чему это онъ клонитъ-то?... Да ужь что и говорить о властяхъ, коли онъ законъ Божій отвергъ, а вѣдь царская власть у насъ на законѣ Божіемъ основана.

— А я слышалъ, что эта секта власти признаетъ,—попытался возразить я.

— Лицемѣріе!... Одно лицемѣріе, повѣрьте... Какъ же онъ власть признаетъ, когда подати не платитъ, оброковъ не платитъ?

— Теперь они платятъ все. За Сютаевымъ, какъ я слышалъ, нѣтъ никакой недоимки.

— Да, это теперь, когда онъ увидѣлъ, что ничего ему не подѣлать... А прежде что?—Ни копѣйки не давалъ. Бывало старшина придетъ за оброкомъ, такъ онъ ворота запретъ, калитку на запоръ. «Не пущу,—говоритъ,—не будетъ тебѣ ни гроша!... Какой такой оброкъ? Какія подати? Куда онѣ идутъ? На кого? На какія надобности?...»—Вѣдь вотъ что онъ затѣвалъ... Прямо сказать—бунтъ!

Батюшка усиленно засосалъ «цыгарку».

— Бывало старшина честью ему говоритъ: «Чудакъ ты, Василій Кирилловъ, какъ же безъ податей-то? Нешто это возможно? Нешто начальство-то можетъ безъ жалованья-то служить, а?... Или члены тамъ разные, при разныхъ мѣстахъ, безъ жалованья-то, а?... Али опять войско, министры?... Что они даромъ, что-ли, будутъ тебѣ служить-то, суконное твое рыло, а?»

— Что-жь онъ?

— Онъ все свое: «По-мнѣ,—говоритъ,—хоть вѣкъ ихъ не будь... Зачѣмъ, говоритъ, намъ войско, зачѣмъ членовъ?» Слышите?!... «Прежде, говоритъ, безо всего безъ энтого жили... Намъ, говоритъ, все это безъ надобности...»

Батюшка бросилъ окурокъ, сердито плюнулъ на него и придавилъ ногой.

— Право, я ужь и не знаю, какъ это гражданское начальство можетъ терпѣть этакую... этакую зловредную секту!

— Но теперь они платятъ подати и оброки исправно?

— Еще бы имъ не платить!... Сколько разъ у нихъ старшина-то ворота ломалъ, сколько разъ имущество ихъ съ аукціона продавалъ... Видятъ, небось, теперь, что невыгодно, да-а!... Борова-то у него можетъ двадцать рублей стоила, а старшина-

то ее за десять продаетъ; лошадь-то сорокъ стоитъ, а продаютъ за пятнадцать,—по неволѣ будешь платить... Только все это лицемѣрно, все лицемѣрно... Сынъ его теперь на службу не хотѣлъ идти: хоть что хошь съ нимъ дѣлай, хоть до смерти запори,—не присягаетъ и дѣло съ концомъ... Такъ и теперь безъ присяги служитъ. Одно слово — бунтовщики, смуту затѣваютъ!... И то сказать: можетъ ли быть что доброе отъ человѣка, который... который святыя церкви не признаетъ, святыя иконы всячески поноситъ?...

— Говорятъ, у него иконы стоятъ въ избѣ?

— Стоятъ... Что-жь изъ того, что стоятъ?... А если кто войдетъ да перекрестится, Сютаевъ сейчасъ же и смѣяться: «Ну, кому ты, говоритъ, кланяешься-то? Доскамъ-то?... Вѣдь это малеваныя доски!»—Вотъ какой грубіанъ, богохульникъ!

— Таинства признаютъ сютаевцы?—спросилъ я.

— Ни-икакихъ! Никакихъ не признаютъ. Къ причастію не ходятъ, къ покаянію тоже... Къ священному сану никакого уваженія не имѣютъ,—даже, напротивъ, всячески издѣваются и поносятъ... Бракъ отрицаютъ,—живутъ все равно какъ скотъ... «Любовь, говорятъ, должна быть со всѣми... Нечего, молъ, разбирать, сноха ли, жена ли,—все дескать равно».

— Правда ли это?

— Гм... Доказать этого нельзя, только люди говорятъ... Ужь коли Сютаевъ дочь свою прямо, можно сказать, въ развратъ отдалъ, такъ чего тутъ путнаго ждать?

— Что же онъ сдѣлалъ съ своей дочерью?

— Взялъ парня изъ Удальцова, сына Ильи Иванова,—слышали можетъ, тоже по его вѣрѣ?—взялъ, привелъ его къ себѣ и говоритъ дочери: «Вотъ тебѣ, Домна (Домной дочь-то зовутъ) мужъ, ложись съ нимъ, живи...» Почиталъ чего-то изъ Евангелія... «любите, говоритъ, другъ дружку, почитайте»,—да и шабашъ... «Ступайте, говоритъ, съ Богомъ,—будетъ съ вами любовь супружеская...»

— А давно ли Сютаевъ отпалъ отъ церкви?

— Да лѣтъ шесть ужь будетъ.

— А прежде какъ онъ жилъ?

— Прежде?—Прежде былъ христіанинъ ревностный, да и къ церкви у него усердіе было большое... Можно такъ сказать, что онъ ревностнѣе всѣхъ былъ къ церкви... А потомъ сталъ отпадать, да отпадать, и совсѣмъ отшатнулся, вовсе совратился...

— Какъ же онъ совратился-то, гдѣ?

— Я и самъ добивался, гдѣ это онъ почерпнулъ эту самую ересь, и дознался-таки.

— Гдѣ же?

— Въ Питерѣ, отъ барона...

— Отъ какого барона?

— Этого я ужь не могу сказать... Только вѣрно знаю, что отъ барона; а ужь какой баронъ—Богъ его вѣдаетъ... Сютаевъ у этого барона шесть лѣтъ работалъ, монументъ дѣлалъ... А теперь-то оказалось, что баронъ-отъ—нигилистъ!

— Какъ же это оказалось?

— Люди говорятъ. Доказать этого, разумѣется, нельзя... Слышалъ я только, что этотъ баронъ Евангелія разсылаетъ по деревнямъ.

— А есть ли послѣдователи у Сютаева?

— Какъ не быть!... На худое-то у насъ всегда много охотниковъ. На доброе-то нѣтъ, а на худое—всегда!... Теперь такъ можно сказать, что вся деревня Шевелино погибаетъ,—вся заразилась его лжеученіемъ. Никто почти и на исповѣдь не ходитъ... Прежде эта деревня самая лучшая была по усердію къ церкви, первая можно сказать изо всего прихода, а теперь стала послѣдней... Въ нынѣшнемъ году изъ всей деревни всего-на-все два человѣка на исповѣди были: двѣ старушки—больше никого... Съ крестомъ въ праздникъ придешь, почти никто и не молится... Бросятъ тебѣ пятнадцать или двадцать копѣекъ,—какъ бы отвязаться поскорѣе... А другіе и вовсе не принимаютъ съ иконами, а коли и примутъ, такъ сами наровятъ уйти изъ избы-то куданибудь на это время, пока пропоешь, что слѣдуетъ... И не смотрятъ, и не глядятъ на священника-то...

Затѣмъ батюшка, по моей просьбѣ, перечислилъ всѣ тѣ семейства, которыя, по его мнѣнію, приняли ученіе Сютаева. Въ этомъ перечисленіи ему не мало помогала матушка-попадья, сидѣвшая въ другой комнатѣ и оттуда подсказывавшая батюшкѣ имена и фамиліи отступниковъ отъ церкви. Но при всемъ этомъ батюшка могъ назвать только восемь семействъ, члены которыхъ, по его увѣренію, всецѣло приняли ученіе Сютаева. Семейства эти распредѣляются между тремя деревнями: Шевелиномъ, Удальцовымъ и Запольемъ.

— Онъ хотѣлъ было и у насъ въ Яконовѣ свою ересь завести,—повадился сюда ходить... Есть тутъ одна вдова и у ней

сынъ молодой мужикъ, и мужикъ хорошій... Къ нимъ-то онъ и зачастилъ, и зачастилъ... И что же?—вѣдь онъ этого мужика совсѣмъ было съ толку сбилъ, да и старуха-то да-сдýри на старости лѣтъ приняла его ученіе... Задумали уже бросить село и ѣхать въ Шевелино, чтобы тамъ, значитъ, жить всѣмъ вмѣстѣ, устроить этакое... все общее, въ родѣ какъ... въ родѣ—эхъ, забылъ слово-то!—вотъ въ газетахъ пишутъ... Эхъ, чтобъ ему!...

— Коммуна, что ли?

— Вотъ, вотъ, вотъ, она самая!... Ну-съ хорошо. Пришелъ онъ какъ-то разъ сюда великимъ постомъ и сидитъ у вдовы... Народъ и говоритъ: «Пойдемъ, ребята, Сютаева слушать,—что онъ тамъ проповѣдуетъ?»—Приходятъ въ избу. А онъ сидитъ да свинину ѣстъ,—это ему нарочно на закуску дали.

— Къ водкѣ, что ли?

— Нѣтъ, водку они за грѣхъ считаютъ. Окромя чаю ничего не пьютъ... Какъ увидѣли мужики свинину,—«бей, говорятъ, его ребята,—что это онъ постовъ не соблюдаетъ?!...» Вытащили его изъ избы и давай лупить, и давай тузить, кто во что!... Смѣху тутъ было. Ха-ха-ха!... «Крестись!—говорятъ ему,—крестись, такой-сякой!» А онъ упирается, не хочетъ креста положить... Они вѣдь кресту не вѣруютъ: «въ душѣ, говорятъ, долженъ быть крестъ, въ сердцѣ...» Хорошо. Притащили его къ ручью... Можетъ запримѣтили на выгонѣ ручей у насъ?... Глубокій, большой ручей... А стояла ростопель,—ручей шумитъ, вода такъ и хлещетъ... Притащили его къ водѣ. «Крестись,—говорятъ,—такой-сякой, а не то—въ воду!...» И начали его въ воду окунать... Онъ рвется отъ нихъ, а они его въ воду, а вода-то холодная... Онъ брыкается руками, ногами, а креститься—каналья—не хочетъ... Народъ-отъ смотритъ, помираетъ со смѣху, хохочетъ....

Батюшка совсѣмъ развеселился.

— Съ тѣхъ поръ полно сюда ходить,—ш-а-абашъ,—какъ рукой сняло!... Это, какъ-то на Пасхѣ, былъ я съ иконами въ Шевелинѣ. Иду по деревнѣ, а Сютаевъ у воротъ стоитъ.—«Что, говоритъ, сборщики, ходите?...» Вѣдь каковъ грубіанъ!...—«Нѣтъ, молъ, мы не сборщики: мы—видишь съ чѣмъ—со святыми иконами».—«Зайди ко мнѣ поговорить».—«Нѣтъ, говорю, лучше ты къ намъ въ Яконово приходи... Помнишь, молъ, какъ тебя поучили тамъ? Каково выкупали-то? Здорово, небось, а? Ха-ха-ха!... Помнишь, говорю, али забылъ?... Приходи, такъ молъ еще

не такъ выкупаютъ!...» Ему не полюбилось, отвернулся и говорить не сталъ...

И батюшка снова смѣялся тѣмъ тихимъ, довольнымъ смѣхомъ, какимъ смѣются люди при воспоминаніи о чемъ-нибудь очень пріятномъ, отрадномъ.

— Правда, что Сютаевъ не запираетъ своего имущества и что у него совсѣмъ нѣтъ замковъ?

— Нѣтъ, теперь онъ эту самую глупость ужь оставилъ,—запираетъ, а прежде, дѣйствительно, никакихъ замковъ у него не было, все было открыто...

— Отчего же онъ сталъ запирать?

— Красть стали... Сначала баба въ амбаръ залѣзла... Бабато, правду сказать, зашибаетъ, захотѣла опохмѣлиться, а гдѣ взять? Знаетъ, что у Сютаева все настежь,—ну, и идетъ туда. Забралась въ амбаръ, набрала двѣ мѣрки ржи да и въ кабакъ. А за ней и другія повадились... Заперъ, небось...

— Не знаете ли вы, изъ-за чего распалась община, которую устроили было сютаевцы?

— Съ Луневымъ поссорились... Изъ-за этого и распалась. Луневъ жилъ исправно, торговалъ хорошо, деньжонки имѣлъ и вдругъ все оставилъ: это его Сютаевъ совратилъ. И вѣдь черезъ него Луневъ чуть всего не рѣшился, право! Онъ его до сумы чуть не довелъ... Ну, только жена его поддержала. А теперь онъ и самъ за умъ взялся: «нѣтъ, говоритъ, полно тебя слушать»,—и, кажись, опять началъ поторговывать полегоньку... Теперь у Сютаева большая дружба съ Ильей Ивановымъ, и хоть они вмѣстѣ не живутъ, однако я слышалъ, что у нихъ все сообща, все общее. Жена Ильи разсказывала мнѣ, что какъ-то Сютаевъ пришелъ къ нимъ и говоритъ: «дай, братъ, мнѣ тёлку,—нужна, молъ, мнѣ». А тотъ, Илья, и говоритъ: «что-жь, братъ (у нихъ все *братъ*—любимое слово), обирай, коли нужна», и пошелъ за тёлкой. Только тутъ жена вступилась.—«Съ чего, говоритъ, тебѣ тёлку? Я поила-поила, да и отдай? Да ни за что, говоритъ, ни въ жисть не отдамъ! Ишь что выдумали...» Такъ и не дала. Отъ этого больше у нихъ и раздоръ-отъ идетъ въ домѣ.

— Говорятъ, Илья жестоко обращается съ женой... Можетъ-быть онъ бьетъ ее?

— Нѣ-ѣтъ, этого у нихъ нѣтъ... Ка-акже, вѣдь они все-таки того... по духу... Хе-хе-хе! Она часто ко мнѣ ходитъ, жалуется, только о битьѣ никогда слова не говаривала.

— На что же она жалуется?

— Тѣснитъ, говоритъ: иконы всѣ перекололъ, молиться стало не на что. Все неудовольствія... Опять же насчетъ постовъ. *Они* не разбираютъ: среда ли, пятница ли, чистый ли понедѣльникъ,— для нихъ все равно. У нихъ круглый годъ масляница, каждый день молоко... А она этого не можетъ. Вотъ у нихъ и идетъ раздоръ.

— На какомъ же основаніи они отрицаютъ посты?

— Гм... основаніе!... Захотѣли вы тоже отъ этихъ людей основаній! Одно они толкуютъ: у Бога, молъ, всѣ дни одинаковы: что суббота, то пятница—все равно; значитъ—ѣшь что хочешь! Тогда постись, когда нѣтъ ничего... Вотъ они такъ-то обо всемъ разсуждаютъ. Все то есть нелѣпо, все нелѣпо... Кто понимаетъ, тотъ и говорить-то съ ними не станетъ.

— Что, они грамотны, или нѣтъ?

— Сютаевъ съ грѣхомъ пополамъ читаетъ, а Илья—тотъ ничего не смыслитъ. Однако книги тоже имѣетъ... ка-акже! Жена разсказывала: возьметъ, говоритъ, въ руки Евангеліе, развернетъ его и смотритъ, смотритъ, какъ будто понимаетъ что, — перелистываетъ, а самъ вѣдь ни аза въ глаза не знаетъ!... Вздохнетъ, говоритъ, и опять на полку положитъ, какъ будто и начитался... Просто смѣхъ съ ними!... Смѣхъ и горе.

Батюшка помолчалъ.

— Да и то надо сказать, что отъ этихъ самыхъ книгъ не малый вредъ идетъ въ народѣ.

— Какъ такъ?—изумился я.—Отъ какихъ книгъ?

— Отъ Евангелій, отъ этихъ самыхъ дешевыхъ изданій, отъ Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Кабы они могли понимать, что къ чему значитъ въ словѣ Божіемъ, тогда такъ, а то вѣдь они все по-своему, все превратно понимаютъ, все вкривь... Вотъ поэтому ко вреду все и идетъ... Ужь я, грѣшный человѣкъ, когда случится, отбираю у нихъ эти самыя книжки-то. «Дай-ка, молъ, мнѣ почитать,—я что-то этакого-то не видѣлъ...» А у меня ихъ пятнадцать штукъ!... Возьму да и оставлю у себя,— соблазну меньше... Да, большое зло отъ этой секты... И она не выведется такъ... Что-жь!... Преслѣдованій на нее никакихъ нѣтъ, никто ихъ хорошенько не пугнетъ,—вотъ они и колобродятъ... Да-а, безъ правительства ее не искоренить...

— Какія же мѣры, по вашему мнѣнію, слѣдовало бы предпринять относительно этой секты?

— Гражданская власть можетъ скорѣе прекратить... Писалъ я объ этомъ преосвященному, а онъ отписываетъ: «словомъ, говоритъ, Господнимъ, убѣжденіемъ...» Словомъ Господнимъ!... Да вѣдь это легко говорить тому, кто не знаетъ. А попробуй-ка на дѣлѣ, такъ и увидишь, что словомъ-то Господнимъ ничего не подѣлаешь съ этими народами... Да, ничего не прекратишь съ «убѣжденіемъ»-то... Назначили благочиннической совѣтъ «для увѣщанія»... Пріѣхалъ благочинный, священники... Привезли Сютаева, семейныхъ его, еще кой-кого... Что же? Часа три съ ними бились, а толку никакого. Каждый свое, кто во что горазд... Пришли всѣ съ книжками—съ Евангеліями... Бабенки—и тѣ какъ кричатъ—бѣда! Благочинный ихъ увѣщеваетъ, а они и слушать его не хотятъ, кричатъ: «мы теперь новая тварь, обновленная тварь... Прежде блуждали, теперь познали...»

— Обращался я какъ-то къ помощнику исправнина. Зачѣмъ, говорю, вы дозволяете въ подпольѣ хоронить? Сютаевцы хоронятъ гдѣ попадется: на огородѣ, въ избѣ подъ полами,—для нихъ все равно... Послали урядника. Тотъ пріѣхалъ, чаю у Сютаева попилъ, взялъ съ него десять рублей, да съ тѣмъ и уѣхалъ. А начальству доноситъ, что искалъ тѣла, но ничего подозрительнаго не отыскалось... Ну, слыхано ли дѣло, чтобы тѣла не найти? Вѣдь это не иголка. Какой же онъ послѣ этого урядникъ? Какъ же начальство-то не вникнетъ въ это дѣло?... Ну, возьми мать: она должна знать, гдѣ дитё схоронено... Взять ее, засадить, давать ей только чтобы не околѣла съ голоду!... Небось, скажетъ... Нѣтъ, это что?—Поблажки!... У меня бы она заговорила! Дали бы мнѣ жезлъ власти, какъ примѣрно становымъ, такъ я бы живо открылъ, я бы раскопалъ, я... я бы имъ показалъ!... Я... я...

И въ сильномъ раздраженіи батюшка снова берется за кисетъ, снова начинаетъ крутить «цыгарку» на этотъ разъ еще болѣе дрожащими руками... Я начинаю прощаться.

V.

Первыя знакомства.

На другой день моего пріѣзда въ Повѣдь въ этомъ селѣ былъ какой-то мѣстный праздникъ и вмѣстѣ базаръ. Устроившись на новой квартирѣ, я зашелъ къ Ивану Зиновеичу. Вся семья сидѣла за самоваромъ и усердно занималась чаепитіемъ.

Кромѣ своихъ тутъ было нѣсколько человѣкъ гостей, дальнихъ родственниковъ, пріѣхавшихъ въ Повѣдь на базаръ и праздникъ.

Иванъ Зиновеичъ разсказывалъ объ Ильѣ Ивановѣ.

— Урядникъ его спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты, Илья Ивановъ, образа раскололъ?»—А онъ говоритъ: «я имъ молился-молился, они меня не милуютъ, я взялъ да и раскололъ ихъ, а сынъ въ печку бросилъ».

При этомъ разсказѣ одни разсмѣялись, другіе же, большинство, сурово-неодобрительно покачивали головами. Но въ хозяйкѣ, женѣ Ивана Зиновеича, разсказъ этотъ видимо взволновалъ всю жолчь.

— Ишь какой богохульникъ! — горячо заговорила она, — ишь!... Нѣтъ, эту вѣру надоть прекратить, а то бѣда... Избави Богъ,—и она посматривала на всѣхъ, ожидая поддержки.

Однако никто не спѣшилъ становиться на ея сторону, и Иванъ Зиновеичъ своимъ всегдашнимъ тономъ «полированнаго» человѣка мягко замѣчаетъ:

— Не наше дѣло, матушка!... Это ужь начальству виднѣе.

Онъ, какъ и большинство нашихъ мужиковъ, не долюбливаетъ, когда жена слишкомъ рѣзко и самостоятельно выступаетъ въ какомъ-нибудь важномъ, серьезномъ дѣлѣ.

— Насильно, матушка, никого не спасешь, — внушительно заявляетъ одинъ изъ гостей.

— Онъ (Сютаевъ) какъ быть худого ничего не производитъ. Все старается какъ ни на есть лучше, чтобы все, значитъ, по правдѣ было... въ мірѣ, въ согласіи.

— Это вѣрно, онъ правды желаетъ, правды добивается.

— Какая тутъ правда, коли человѣкъ креста не несетъ!— возмущалась хозяйка.—Спроси ты его: есть ли у него крестъ-отъ за пазухой? Вѣдь у него нѣтъ креста-то!

Но Иванъ Зиновеичъ и тутъ не сдался.

— Да это што,—снова началъ онъ своимъ примирительнымъ тономъ.—Не надо этого говорить: мало ли людей креста не носятъ, а законъ все же исполняютъ. Это што! Не въ энтомъ сила.

Эти доводы однако нисколько не убѣждали его жены,—она не унималась.

— Дядя Михайла разсказывалъ, — повѣствовала она,—что это, говоритъ, Василій Кирилловичъ, у тебя иконъ-то нѣтъ въ избѣ? Божница-то, говоритъ, никакъ пустая стоитъ?—«Были, го-

воритъ, иконы-то, много было, да всѣ, говоритъ, признаться, вылиняли!»—Хозяйка съ негодованіемъ оглядѣла всѣхъ присутствовавшихъ. — Я дивлюсь, какъ у него языкъ-то не отсохъ. Вылиняли!... Вѣдь этакое слово сказалъ!

Она на минуту остановилась, чтобы разлить чай въ чашки, которыя ежеминутно опоражнивались гостями; но, покончивши съ чаемъ, тотчасъ же снова разразилась:

— Великимъ постомъ говядину трескаетъ!... Дивлюсь, какъ у него брюшина-то не лопнетъ!

Въ сущности это была женщина необыкновенно добрая, внимательная, даже если хотите деликатная; вообще она была крайне словоохотлива и говорлива, но ея болтливость всегда была самаго безобиднаго и добродушнаго свойства... А тутъ вдругъ—негодованіе, жолчь, чуть не свирѣпость. Ясно, что вопросъ, о которомъ шла рѣчь, затрогивалъ больное мѣсто.

На этотъ разъ она даже не замѣчала или вѣрнѣе не хотѣла замѣчать косыхъ, недовольныхъ взглядовъ своего мужа, котораго вообще замѣтно побаивалась и который давно уже поглядывалъ въ ея сторону, какъ бы желая сказать: «полно тебѣ, прикуси языкъ-то,—не твоего ума тутъ дѣло».

— Мы почитай что сусѣдями будемъ съ Шевелинымъ,—началъ одинъ изъ гостей, хранившій до тѣхъ поръ молчаніе.—Видимъ *его* жисть...

— Ну, и что же?—спросилъ я.

— Ва-а всемъ поступаетъ какъ слѣдыть быть, то-есть какъ нельзя лутче дѣлаетъ. Одно худо...

— Что такое?

— Иконы нарушилъ, посты нарушилъ. Кабы не это, прямо сказать—первый бы человѣкъ былъ по жизни.

Я спросилъ, начитанъ ли Сютаевъ и каково онъ говоритъ.

— Говоритъ онъ... одно слово—чѣтко говоритъ и отъ Святаго Писанія начитанъ въ избыткѣ, можно сказать.

— Резонисто говоритъ, авторитетно,—подтвердилъ «сусѣдъ».

Не желая откладывать въ дальній ящикъ, я рѣшилъ въ тотъ же день начать свое знакомство съ сютаевцами и на первый случай выбралъ Илью Иванова. Отъ Повѣди до Удальцова, гдѣ живетъ Илья, какъ я уже замѣтилъ, не болѣе трехъ верстъ. Дорога веселая и красивая: по высокимъ зеленымъ берегамъ рѣчки Повѣди густо разбросались деревеньки: Житниково, Голово-

рѣзово, Удальцово и проч. Мѣстность привольная, слегка холмистая, поля смѣняются рощами и перелѣсками. Бѣлая повѣдская церковь, стоящая на высокомъ берегу Повѣди, ярко свѣтлѣется далеко во всѣ стороны. Кругомъ, куда ни посмотришь, всюду сочная, свѣжая, весенняя зелень, кажется, такъ вотъ и прыскаетъ изъ земли.

Я иду по гладкой, ровной дорогѣ, что желтоватою полоской перерѣзываетъ зелень луговъ и полей и змѣйкой бѣжитъ по холмамъ. День выпалъ теплый и хотя бѣловатыя тучевыя облака по временамъ набѣгаютъ цѣлою гурьбой и закутываютъ солнце, но вскорѣ снова проносятся и снова синее небо привѣтливо сверкаетъ съ вышины и солнце снова таетъ въ огненныхъ снопахъ своихъ лучей.

Вотъ и Удальцово. На бревенчатомъ углу избы виситъ бѣлая дощечка, на которой черными буквами написано: «сельскій староста». Я подхожу къ избѣ и осторожно, какъ это обыкновенно дѣлаютъ странники, стучу палкой въ ставень.

— Хозяйка, а хозяйка!

— Кто тамъ? Чаво ты?—послышались вопросы и нѣсколько женскихъ лицъ показалось въ окнахъ.

— Нельзя ли молока испить?

— Молока-то?... Да, вишь, топленаго-то нѣтъ.

— Да мнѣ топленаго и не надо. Небось съ устоемъ есть?

— Какъ не быть... Ну, что же, ступай въ избу.

Я, разумѣется, не заставилъ себя ждать. Вхожу. Самая обыкновенная крестьянская изба; вся обстановка явно доказываетъ, что владѣлецъ этой хаты отнюдь не можетъ похвалиться своимъ достаткомъ. Голыя, темныя, бревенчатыя стѣны, лавки вокругъ, огромная закоптѣлая печь, низкія палати, съ которыхъ въ одномъ мѣстѣ свѣсилась пола стараго, грязнаго полушубка; маленькія окна съ зеленоватыми стеклами. Но есть въ этой хатѣ одна особенность, которая невольно бросается въ глаза и поражаетъ каждаго входящаго въ эту избу: это—полное отсутствіе иконъ. Правда, въ переднемъ углу, гдѣ всегда ставятся иконы, виднѣется большая полка, но на ней нѣтъ ни одной иконы; вмѣсто нихъ тутъ лежитъ нѣсколько книгъ.

На лавкахъ, идущихъ вдоль стѣнъ, сидятъ двѣ красивыя молодухи, хозяйка, пожилая, высокая баба, одѣтая вся въ темномъ и повязанная чернымъ платкомъ, и самъ Илья Ивановъ. Одна изъ молодухъ, какъ послѣ оказалось, была Домна, дочь

Сютаева, вышедшая замужъ за сына Ильи Иванова, другая—гостья, сосѣдка. На широкой скамейкѣ, приставленной сбоку печки, сидитъ дряхлая-предряхлая старуха, мать Ильи Иванова; она сидитъ, спустивши ноги къ полу и прислонивъ туловище и голову на груду грязнаго тряпья, замѣняющаго ей подушку. Вся высохшая, сморщенная, съ слабыми, трясущимися членами, полуглухая, полуслѣпая, она походила скорѣе на какую-то замогильную тѣнь, чѣмъ на живаго человѣка; казалось, въ этомъ, высохшемъ, какъ мумія, тѣлѣ не оставалось болѣе ни одной капли живой крови. По временамъ она приподнимала голову, дрожавшую на тонкой, морщинистой, худой шеѣ, неподвижно вперяла то на одного, то на другаго изъ насъ свои тусклые, слезящіеся, съ красными орбитами глаза и издавала какіе-то странные, стонущіе звуки. Богъ вѣсть что означали эти звуки; сначала мнѣ казалось, что она хотѣла выразить этими стонами ужасъ, который, по всему вѣроятію, должны были вызывать въ ней вольнодумныя рѣчи ея сына; но затѣмъ я убѣдился, что это—не то; скорѣе всего эти стоны были просто жалобами на судьбу, пославшую столь долгую жизнь, что она обратилась, наконецъ, въ тяжкое бремя. Жутко было смотрѣть на этотъ заживо разлагающійся организмъ.

Самъ Илья Ивановъ—высокій, крупный, широко-костный человѣкъ. Меня поразилъ цвѣтъ его лица—блѣдный, чуть не матовый, съ легкимъ землистымъ оттѣнкомъ; такія лица бываютъ у людей, которыхъ долгое время держатъ въ тюрьмѣ, безъ свѣжаго воздуха, безъ движенія. Очевидно, прежде онъ былъ брюнетъ; но теперь обильная сѣдина густо забѣлила волоса и особенно окладистую бороду и необыкновенно большія брови. Съ блѣднаго лица вдумчиво и нѣсколько грустно смотрятъ большіе, выразительные глаза; на лбу глубокія морщины. Движенія его медленны, лицо серьезно, въ общемъ вся фигура весьма внушительна.

Поздоровались; меня попросили сѣсть къ столу. Вскорѣ передо мной появилась корчажка съ густымъ, цѣльнымъ молокомъ и деревянная ложка, носившая несомнѣнные слѣды долгаго употребленія. Затѣмъ предложили, не нужно ли хлѣба, соблазняли «мягкимъ караваемъ»; все это дѣлалось и предлагалось какъ-то особенно радушно, любовно.

Разговоръ шелъ о только-что оконченныхъ посѣвахъ. Но затѣмъ незамѣтно и мало-по-малу перешелъ на вѣру, церковь и

священниковъ. Сколько помнится, началось съ праздниковъ. Жена Ильи укорила мужа, что онъ праздниковъ не почитаетъ, въ праздники работаетъ.

— Въ работѣ грѣха не бываетъ,—возразилъ Илья.—А такихъ праздниковъ, чтобы напиться, наѣсться—я не почитаю. Въ праздники нужно добрыя дѣла творить, бесѣдовать, совѣтовать. А мы вина накупимъ, напьемся. Споръ, ругань... Пересужаемъ другъ дружку, скверныя пѣсни...

— У васъ никакъ иконъ-то нѣтъ?—спросилъ я, взглянувъ въ передній уголъ.

Всѣ вдругъ замолчали, а Илья Ивановъ коротко проговорилъ: «Нѣту... Не держимъ».

Домна, которая, сидя на лавкѣ, вполголоса переговаривалась о чемъ-то съ гостьей, вдругъ смолкла.

— Ты въ избу-то вошелъ, небось креста не положилъ,—посмѣиваясь, сказала она мнѣ,—а тоже икону спрашиваешь!...

Я только-что хотѣлъ ей возразить, но меня перебила жена Ильи. Она вдругъ заговорила порывисто, спѣша, и въ тонѣ ея голоса ясно слышались и прорывались то раздраженіе, то насмѣшка.

— И хотѣлъ бы перекреститься, да не на што! Можетъ и хотѣлъ бы помолиться, да не кому,—уголъ-то пустой стоитъ... Ни одной-то святой иконы нѣтъ во всемъ домѣ... На што намъ иконы? Какая отъ нихъ польза есть? Мы ихъ лутче на истопку изведемъ, но крайней мѣрѣ дровамъ замѣна... А иконы намъ не нужны,—на што онѣ?!

Все время, какъ говорила жена, горькая улыба бродила по лицу Ильи. Но онъ и не думалъ перебивать ее; когда же она замолчала, онъ началъ:

— «Поклонитесь единому Богу... *Единому* Богу», сказано въ Писаніи,—медленно, съ чувствомъ произнесъ онъ.—А народъ-то иконы зоветъ Богами... Покланяется имъ... Чаетъ отъ нихъ зашшиту себѣ получить... Сколько у нихъ боговъ-то, подумаешь... Это ужь прямо идолопоклонство выходитъ. Въ Писаніи сказано: «деревянные, каменные, серебряные—не боги, а идолы».

— Когда этто мы Писанію-то обучились?—перебила жена.—Кажись, аза въ глаза не знали, а тоже о Писаніи разуждаемъ... Всѣ люди, выходитъ, вишь глупѣе насъ: всѣ иконамъ покланяются, одни мы не хотимъ... Этакіе мы особенные, ужь видно

и въ правду умнѣе насъ на свѣтѣ нѣтъ... Всѣ въ церковь ходятъ, а мы не хотимъ... Зачѣмъ туда идти? Тамъ зло,—передразнивала она кого-то.

— Да што такое церковь-то?... Ты объ этомъ-то посуди.

— А по-твоему што?—вызывающимъ тономъ перебила жена.

— Человѣкъ—вотъ что! Люди. Въ насъ самихъ церковь-то... А ты какъ думала? Мы сдѣлали церковь-то вертепомъ: идоловъ тамъ наставили, торгуемъ въ ней... А не для торговли она дадена, а для праведности, чтобы любовь въ ней была... А у насъ у всѣхъ корысть, а у священниковъ-то вдвое.

Жена вступилась за священниковъ.

— Ты пить-ись хочешь, а имъ, небось, голодомъ жить? Надо и имъ какъ ли питаться... У нихъ расходу-то, можетъ, побольше твово... Пословица говоритъ: купецъ—торгомъ, мужикъ—горбомъ, а попъ—горломъ... Всякому свое.

— Видно ты, Авдотья, забыла, какъ лонись батюшка-то о прибыткахъ своихъ говорилъ?... Кажись, при тебѣ разговоръ-отъ былъ. «Вотъ, говоритъ, у меня подрядчикъ,—а самъ на крестъ указываетъ,—не надо его лучше: махну имъ, и есть двадцать копѣекъ!»

Домна и гостья смѣялись.

— Какъ шибай кнутомъ,—продолжалъ Илья,—все равно и попъ крестомъ... Стало-быть они слѣпые вожди, стало-быть надо оставить ихъ, не ходить слѣдомъ за ними,—тутъ добра не будетъ: слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ.

Всѣ молчали; только хозяйка что-то бормотала про себя.

— Безъ покаянія человѣку спасенія не будетъ,—слышалось по временамъ.—Другихъ осуждаемъ, а сами закона не исполняемъ. Ты скажи лучше, давно ли ты на исповѣди-то былъ? Чай забылъ ужь.

— Давно не былъ, што и говорить... Да дастъ Богъ и совсѣмъ не пойду. А отчего? Я тебѣ скажу,—обратился Илья ко мнѣ.—Не говѣлъ я какъ-то, за недосугомъ больше, хоть и въ ту пору въ мысляхъ-то у меня ужь пошло энто сумленіе. Годъ не говѣлъ и другой не говѣлъ. Священникъ и пристаетъ: «Чего ты, говоритъ, къ исповѣди не идешь? Безъ покаянія, братъ, не спасешься, говоритъ, не думай, а душу, говоритъ, безпремѣнно загубишь, коли на исповѣдь не сходишь. Прямо, говоритъ, въ огнь кромѣшный уготоваешь».—Да вотъ, говорю, батюшка, недосугъ все, ужо соберусь.—«А мы за васъ, говоритъ, отвѣтъ должны

держать и передъ Богомъ и передъ начальствомъ. Начальство-то, говоритъ, вѣдь тоже о васъ попеченье имѣетъ: отчего, говоритъ, такой-то Илья Ивановъ въ исповѣдной не записанъ, а? Вотъ тутъ и отвѣчай, говоритъ, за вашего брата... А было бы ише за што. Ты не придешь на исповѣдь, другой не придетъ; ты ничего не принесешь, другой не принесетъ, а вѣдь мы энтимъ только и живемъ». Вижу я, куда это онъ клонитъ-то, и говорю ему: Ну, што же, батюшка, извольте молъ получить съ меня, я, дескать, не прочь,—и даю ему двадцать копѣекъ. Онъ сичасъ мягче сталъ и говоритъ:—«Ладно, братъ, я тебя запишу, что молъ былъ у исповѣди... не безпокойся, говоритъ». И пошелъ дальше. Только я этакъ остановилъ его маненько да и говорю:—«Стало-быть, батюшка, я теперь получилъ прощеніе въ грѣхахъ своихъ? Душу-то свою теперь ужь я не погублю, стало-быть?»—Онъ какъ глянетъ на меня, смотрѣлъ-смотрѣлъ, погрозилъ этакъ пальцемъ и говоритъ:—«Ты, смотри у меня, того... не заговаривайся больно! А не то, говоритъ, я найду на тебя расправу!» И пошелъ. Съ энтихъ самыхъ поръ я ужь больше не хожу на исповѣдь. Богъ съ ними!

— Хоть то хорошо, что не дорого берутъ за спасеніе-то: всего-то двадцать копѣекъ,—говорила, смѣясь, Домна.

— Ужь чего дешевле!—вторила ей гостья. Но она сейчасъ же спохватилась.—Охъ, согрѣшила я съ вами!—и стала собираться домой.

Старуха, мать Ильи, вдругъ заохала, застонала. На этотъ разъ въ ея стонахъ можно было явственно разслышать слова:—«Смерти... смерти Богъ не даетъ».

Обыкновенно положеніе такихъ старухъ и стариковъ въ крестьянской семьѣ весьма незавидное; семья всегда тяготится ими, такъ какъ они требуютъ за собой слишкомъ много ухода. Намъ случалось даже нерѣдко встрѣчать случаи замѣчательно безсердечнаго отношенія родной семьи къ своимъ одряхлѣвшимъ сочленамъ. Но,—съ удовольствіемъ отмѣчаемъ это,—ничего подобнаго не встрѣтили мы здѣсь, въ семьѣ Ильи Иванова; напротивъ, какъ онъ самъ, такъ и его жена да и остальные члены семьи относились къ этой развалинѣ-старухѣ съ полною заботливостью и вниманіемъ, вслушивались въ ея стоны и старались угадать ея желанія.

Старуха, наконецъ, успокоилась и разговоръ снова возобновился. Авдотья, жена Ильи, снова начала толковать объ иконахъ,

настаивая на томъ, что «нигдѣ не показано, чтобы рубить да колоть иконы на дрова».

— Нигдѣ не показано, чтобъ и покланяться иконамъ,—возражалъ мужъ.—Ты вѣришь попамъ, а слову Господню не вѣришь, Евангелію не вѣришь.

— Сютаевскому евангелію не вѣрю,—съ насмѣшкой говорила Авдотья,—да и вѣрить избави Богъ.

— Сютаевскому!... Нешто его Сютаевъ писалъ? Евангеліе-то, братъ, одно для всѣхъ,—апостолы писали. Тамъ объ иконахъ-то прямо обозначено, не помню только твердо—гдѣ, въ какомъ мѣстѣ...

Онъ полѣзъ на полку, досталъ оттуда Новый и Ветхій Завѣтъ на русскомъ языкѣ и положилъ передо мной.

— Не знаешь ли ты,—спросилъ онъ меня,—гдѣ это показано, что деревянные и каменные—не боги?

Для меня было ясно, что онъ говорилъ о текстѣ, столь распространенномъ среди молоканъ, штундистовъ и тому подобныхъ сектантовъ, это именно—о двадцатомъ стихѣ девятой главы «Откровенія Іоанна».

— «Чтобы не покланяться бѣсамъ и золотымъ, серебрянымъ, мѣднымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, которые не могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить»,—сказалъ я наизусть.—Это что ли?

— Вотъ-вотъ, это самое!—повторялъ Илья. Онъ, видимо, былъ очень доволенъ и замѣтно расположился въ мою пользу.—Вижу я,—сказалъ онъ,—что ты въ Писаніи свѣдущъ. Поговори со мной о законѣ, сдѣлай милость! Какъ ты насчетъ крещенія полагаешь?...

По многимъ причинамъ я вовсе не желалъ на этотъ разъ высказывать своихъ взглядовъ какъ на разные частные религіозные вопросы, такъ и на православіе вообще (что неизбѣжно пришлось бы при подобной бесѣдѣ), а потому, на просьбу Ильи, отвѣчалъ ему такъ:

— Къ чему много говорить о законѣ? Вѣдь сказано, что весь законъ въ одномъ словѣ заключается: «люби ближняго твоего какъ самого себя» (Послан. къ Галат. гл. 5, стихъ 14).

Илья вдругъ поднялся съ мѣста. Глаза его свѣтились; взволнованное чувство слышалось въ голосѣ.

— Вотъ это самое!... Это самое завсегда говоритъ братъ Василій,—произнесъ онъ.—Эти самыя слова!

— Кто это братъ Василій?—спросилъ я.

— Василій Кирилловъ, шевелинскій, Сютаевъ. Вотъ что она смѣялась-то: евангеліе-то, говоритъ, сютаевское,—этотъ самый. Ахъ, кабы ему съ тобой увидаться!

Само-собой понятно, что я какъ нельзя болѣе былъ радъ такому обороту. Мы условились увидѣться на другой же день. Илья обѣщалъ отправиться въ Шевелино и привести ко мнѣ Сютаева.

— Будемъ, безпремѣнно будемъ за утро. Мотри, ожидай,— говорилъ Илья, провожая меня на крыльцо.

VI.

Сютаевское евангеліе.

За все послѣднее время мнѣ пришлось такъ много наслушаться о Сютаевѣ, что, признаюсь, не безъ нѣкотораго волненія ожидалъ я на другой день встрѣчи съ этимъ человѣкомъ.

Седьмой часъ утра. Хозяйка внесла самоваръ и «доложила», что пришли какіе-то люди, «должно изъ Удальцова», и спрашиваютъ меня.

— Веди, веди ихъ сюда!

Дверь отворилась и вошелъ Илья Ивановъ. За нимъ переступилъ порогъ маленькій, тщедушный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, одѣтый въ суконный, потертый, съ узкими рукавами, туго застегнутый кафтанъ, изъ-подъ котораго виднѣлись синія, пестрядинныя порты и большіе, тяжелые, неуклюжіе сапоги; въ рукахъ онъ держалъ фуражку, какія обыкновенно носятъ въ городахъ рабочіе.

Все мое вниманіе сосредоточилось на этой маленькой, невзрачной фигурѣ и, признаюсь, что-то въ родѣ разочарованія, что-то въ родѣ обманутой надежды проскользнуло въ головѣ,—такъ та фигура была обыденна, такъ заурядна. Во всей внѣшности того человѣка не было рѣшительно ничего сколько-нибудь выающагося, ничего экспрессивнаго, если можно такъ выразиться; ни въ его осанкѣ, ни въ его походкѣ, ни въ его манерѣ держать себя, ни во взглядѣ, наконецъ, его простыхъ, добрыхъ сѣрыхъ глазъ съ бѣлобрысыми бровями — не было ничего такого, что бы хотя сколько-нибудь импонировало васъ,—ничего, что бы выдѣляло его изъ тысячи другихъ, подобныхъ ему, субъектовъ, составляющихъ сѣрую массу народную,—ничего, что бы говорило, что предъ вами стоитъ человѣкъ далеко не дюжинный, создатель

особаго ученія, съ новыми, неслыханными въ этой средѣ, принципами,—создатель «новой вѣры», пропагандистъ и проповѣдникъ, увлекшій за собой сотни людей.

Не то рыжеватые, не то бѣлобрысые, рѣдкіе волосы, всегда слипшіеся, всегда чѣмъ-то смоченные, зачесаны на выпуклый лобъ. Худое лицо съ розовымъ оттѣнкомъ, съ тонкимъ, маленькимъ носомъ и двуия рѣзкими морщинами, идущими отъ угловъ рта, кончалось острымъ подбородкомъ, на которомъ торчала клиномъ, или вѣрнѣе мочалкой, небольшая, всегда скомканная, блѣдно-рыжеватая бородёнка. На тонкихъ, сухихъ губахъ то появлялась, то снова исчезала какая-то особенная улыбка съ оттѣнкомъ грусти и горечи.

Они вошли, не крестясь; даже не взглянули на образа, висѣвшіе въ правомъ углу. Мнѣ показалось, что Илья Ивановъ былъ какъ-то особенно серьезенъ, сосредоточенъ, почти важенъ; въ то же время замѣтное, внутреннее возбужденіе сказывалось въ его движеніяхъ, въ его взглядѣ; не только лицо, но и губы его были совсѣмъ блѣдны.

Не безъ нѣкоторой торжественности представилъ онъ мнѣ своего учителя. Послѣ первыхъ привѣтствій мы усѣлись за столъ и принялись за чаепитіе. Дорогой я слышалъ отъ кого-то, что сютаевцы, подобно нѣкоторымъ изъ старовѣровъ, отрицаютъ чай и считаютъ за грѣхъ пить его.

— Все это пустое! — заговорилъ Сютаевъ, и его обычная усмѣшка засвѣтилась въ глазахъ, расплылась по лицу. А у него была замѣчательная усмѣшка: обыкновенно въ ней проглядывало какое-то горькое, скорбное чувство, чувство сокрушенія, соболѣзнованія или, если хотите, «міровой скорби»; но когда онъ начиналъ говорить о чемъ-нибудь веселомъ, отрадномъ, когда онъ начиналъ подтрунивать, иронизировать надъ чѣмъ-нибудь смѣшнымъ и нелѣпымъ,—тогда въ широкой усмѣшкѣ этого некрасиваго, обыденнаго мужицкаго лица появлялось столько добродушія, столько ясности, юмора и свѣта, что, глядя на него, ваше лицо совершенно невольно складывалось въ улыбку, а на душѣ у васъ становилось какъ-то особенно хорошо.

— У Бога все создано на пользу человѣка, — какой тутъ грѣхъ? Всякое произрастеніе — для человѣка: и чай растетъ, и хлѣбъ растетъ, и дубъ растетъ и... и ленъ растетъ,—все растетъ, и все для человѣка.

— А водка?

— Што-жь водка?—По-моему и въ водкѣ никакого грѣха нѣту. Напиваться—энто другое дѣло... А штобы выпить стаканчикъ, примѣрно, тутъ грѣха нѣтъ никакого.

— Отъ водки вредъ идетъ большой,—замѣтилъ Илья Ивановъ.

— Вредъ ото всего идетъ,—не отъ одной водки, а ото всего, ото всего... Захворалъ ты, къ примѣру,—дохтуръ тебѣ и хлѣба не дастъ, потому отъ него вредъ, отъ хлѣба-то... Ужь на што, кажись, хлѣбъ, а нельзя, ни-ни... Хлебай одно молоко и дѣло съ концомъ... А отъ водки, случаемъ, люди исцѣленіе получаютъ... Въ питьѣ, да въ ѣдѣ душа мѣру должна знать, а грѣха въ нихъ нѣтъ никакого.

— Ну, а свинина какъ?... Неужто тоже не грѣхъ?—спросилъ я.

Меня интересовалъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ извѣстно, что даже такіе раціоналисты, какъ молокане, считаютъ большимъ грѣхомъ употреблять въ пищу свиное мясо.

— Для чистаго — все чисто... И свинья на пользу идетъ. Коли въ мѣру, нѣтъ грѣха ни въ чемъ.

— Но, вѣдь, о свиньѣ,—возразилъ я,—прямо сказано въ Священномъ Писаніи, что хотя она и имѣетъ раздвоенное копыто, но жвачки не отрыгаетъ, а потому должна считаться нечистою.

Сютаевъ, улыбаясь, выслушалъ цитату.

— Энто гдѣ, бишь, сказано-то?—прищурившись, съ хитрымъ видомъ, спросилъ онъ.

— Въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ книгѣ Левитъ, глава 11-я,—отвѣчалъ я.

— Такъ... А что Спаситель сказалъ? «Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ»... Почитай-ка Матвѣя, 15-я глава, стихъ 11-й, почитай... Да и у Марка то же самое обозначено, да и у Луки то же самое... Стало-быть, што тутъ толковать!... Мы должны Спасителевымъ словамъ вѣрить... Въ одномъ мѣстѣ мнѣ свинины дали закусить, а дѣло-то великимъ постомъ было,—и я ѣлъ. Въ Евангеліи сказано: «и ежели придете въ какой городъ и примутъ васъ, ѣшьте, что вамъ предложатъ», и «ежели придете въ домъ, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть, и не переходите изъ дома въ домъ»... Евангеліе Луки, глава 10-я, стихъ 7 и 8. Вѣдь *прямо сказано*, чаво же мы ишо хитрить будемъ?

— Стало-быть, по-твоему, и посты?...

— Одна наша глупость, больше ничего,—отвѣчалъ Сютаевъ, наливая себѣ въ чай молока.—Въ молокѣ нѣтъ грѣха, поэтому

можно его хлебать и сегодня, и завтра, и завсегда, когда только захотѣлъ. Убивать—грѣхъ, поэтому и сегодня грѣхъ убивать, и завтра грѣхъ, и завсегда грѣхъ... Такъ и мясо, такъ и все... А у насъ малый ребенокъ заплачетъ, молока запроситъ,—мать сичасъ его въ голову—хлопъ! «Не знаешь, молъ, сегодня какой день-то?—Среда! Завтра дамъ, завтра — четвертокъ!»... Какой-же это постъ?

— Но, вѣдь, и самъ Іисусъ Христосъ постился,—возразилъ я.

Это замѣчаніе однако нисколько не смутило Сютаева. Онъ отвѣчалъ (передаю лишь общій смыслъ его возраженій), что пощеніе І. Христа не имѣетъ ничего общаго съ постами, установленными православною церковью. Онъ, Сютаевъ, признаетъ, что совершенное воздержаніе отъ пищи (какъ дѣлалъ Христосъ) въ теченіе нѣкотораго времени можетъ быть иногда очень полезно для обузданія страстей и похотей человѣка. Но къ этому средству человѣкъ долженъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ, какъ это дѣлалъ и Христосъ, и притомъ лишь тогда, когда дѣйствительно является у него желаніе, извѣстное настроеніе и потребность въ обузданіи плоти. Считать же постомъ извѣстное, строго-опредѣленное число дней и недѣль, разъ навсегда, для всѣхъ заранѣе назначенныхъ—нелѣпо. Точно также нелѣпо считать постомъ дни, въ которые люди вмѣсто мяса и молока «набиваютъ себѣ брюхо картошкой, рѣдькой, да грибами».

Когда вопросъ о постахъ и объ ограниченіяхъ въ пищѣ и питьѣ былъ достаточно исчерпанъ, разговоръ, мало по-малу, началъ направляться на болѣе существенныя, принципіальныя положенія ученія Сютаева.

Мнѣ не нужно было прибѣгать ни къ какимъ рѣшительно уловкамъ, чтобы вызвать откровенность и сообщительность Василія Кириллова. Достаточно было съ моей стороны заявить желаніе знать его ученіе, его толкованіе Евангелія, чтобы сразу же расположить его въ свою пользу и вызвать на разговоръ. Я сказалъ, что читалъ о немъ въ газетахъ, очень заинтересовался его ученіемъ и вотъ нарочно пріѣхалъ къ нему, чтобы лично познакомиться съ нимъ, поговорить, потолковать и лично убѣдиться, насколько справедливы газетные толки объ его ученіи и жизни. Онъ уже прежде слышалъ, что въ газетахъ писали о немъ: сыновья его, живущіе въ Петербургѣ, присылали ему оттуда тѣ нумера газетъ, въ которыхъ были помѣщены извѣстія о немъ... Съ добродушной, довѣрчивою улыбкой слушалъ онъ меня; мнѣ

показалось, что онъ былъ польщенъ тѣмъ, что, вотъ, человѣкъ, Богъ знаетъ откуда, пріѣхалъ нарочно только для того, чтобы повидаться и поговорить съ нимъ. Выслушавши меня, онъ съ разстановкой произнесъ:

— Господа пріѣзжаютъ къ намъ для оброка, али тѣло гдѣ убивши... А штобы для слова Господня—ни одинъ не пріѣдетъ, ни въ жисть!... А вотъ ты пріѣхалъ,—дай тебѣ Господи!...

И мы разговорились и проговорили цѣлый день, такъ-таки буквально цѣлый день, съ семи часовъ утра и до вечера, вплоть до шести часовъ, до тѣхъ поръ, пока хозяйка, очевидно, потерявъ всякое терпѣніе, вошла въ избу и, спросивъ: буду ли я обѣдать,—объявила, что «шти совсѣмъ простыли, а каша выгорѣла и засохла вся дочиста».

Съ этихъ поръ мы начали часто видаться съ Сютаевымъ: то онъ приходилъ ко мнѣ въ Повѣдь, то я ѣздилъ къ нему въ Шевелино. До встрѣчи съ Сютаевымъ я все боялся, что онъ, напуганный судами и преслѣдованіями, приметъ меня за чиновника и отнесется ко мнѣ недовѣрчиво и подозрительно. Но съ перваго же свиданія я убѣдился, что мои опасенія были напрасны. Мой пріѣздъ не возбудилъ въ Сютаевѣ и тѣни подозрительности и онъ отнесся ко мнѣ, какъ нельзя болѣе просто и вполнѣ довѣрчиво; даже деревенскіе слухи, сдѣлавшіе изъ меня на первыхъ порахъ какого-то соглядатая, чуть не шпіона, ни мало не испугали его.

— Люди говорятъ про тебя, што ты слѣдователь,—говорилъ мнѣ Сютаевъ.—А по мнѣ все равно, хто бы ни пріѣхалъ, хоть царь,—я принимаю всѣхъ... Думаю, што всякому нужно истину получить.

Съ полною готовностью вступалъ онъ въ пренія о вѣрѣ, о жизни, о церкви, откровенно и рѣзко разоблачалъ онъ всякаго рода «неправду», гнѣздящуюся, по его мнѣнію, въ церкви и въ жизни, и съ полною охотой, съ необыкновенною любовью развивалъ планъ того «устройства», которое непремѣнно должно явиться на мѣстѣ нынѣшнихъ «непорядковъ», чтобы даровать всѣмъ людямъ миръ и любовь.

Итакъ, послушаемъ сначала, что говоритъ Сютаевъ о церкви и каково его собственное ученіе о вѣрѣ, его «евангеліе», какъ, смѣясь надъ нимъ, называютъ его ученіе тѣ изъ мужиковъ и бабъ, которые остаются вѣрными приверженцами церкви.

— Никакой секты у насъ нѣтъ,—говоритъ Сютаевъ.—Мы желаемъ только быть «истинными христіанами».

— Въ чемъ же, по вашему, состоитъ истинное христіанство?

— Въ любви... Сказано, Богъ—любовь. Стало-быть, гдѣ любовь, тамъ и Богъ, а гдѣ любви нѣтъ, тамъ и Бога нѣтъ.

И затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ указаніе на текстъ: «Весь законъ въ одномъ словѣ заключается и т. д. (Посланіе къ Галатамъ, глава V, стихъ 14-й).

— Много разныхъ вѣръ на землѣ... Говорятъ, семьдесятъ семь вѣръ... Собрать бы всѣхъ вмѣстѣ отъ разныхъ вѣръ и сказать: «покажьте всякъ свою вѣру»,—штобы столковаться всѣмъ, штобы не было у тебя вѣры, у меня вѣры,—штобы не было раздору изъ-за вѣры... Вотъ, говорятъ, въ Москвѣ о вѣрахъ спорятъ. По-моему энто—пустое дѣло!... Вѣра одна: вѣра—любовь... Што тутъ спорить!

— Въ Св. Троицу вѣруете?

— Вѣруемъ.

— Что же это такое по-вашему Троица?

— По-нашему энто, все равно, тоже любовь: Богъ-Отецъ—любовь, Іисусъ Христосъ училъ любви и Духъ Святой черезъ апостоловъ тоже училъ любви. Стало-быть, все энто—одна любовь.

— Говорятъ, вы ветхаго завѣта не признаете?

— Нѣтъ, мы признаемъ ветхій завѣтъ, потому что Спаситель пришелъ не нарушить законъ, а только пополнить... Но Евангеліе—выше всего Писанія, выше всѣхъ книгъ... Въ ёмъ Спасителевы слова...

Говоря о «Писаніи», Сютаевъ всегда прибавляетъ: «не много надо читать, но разсудить,—разсудить все надо, разобрать». Ни Сютаевъ, ни его ближайшіе послѣдователи ничего не слыхали объ исправленіи патріархомъ Никономъ книгъ Священнаго Писанія. Въ ихъ глазахъ такъ-называемыя «старыя книги» не имѣютъ ровно никакого преимущества передъ «новыми».

— Со старовѣромъ какъ-то я говорилъ,—разсказывалъ Сютаевъ;—слушалъ онъ меня, слушалъ, а потомъ и говоритъ: «Нѣтъ у тебя истаго Бога!»—Какъ такъ нѣтъ? Отчего?—«Оттого, говоритъ, что у тебя креста нѣтъ». Сложилъ этакъ крестъ и говоритъ: «вотъ этотъ самый крестъ нуженъ,—безъ него спасенія человѣку нѣтъ... Да ишо, говоритъ, нужно старыя книги почитать». И началъ свою вѣру хвалить. Я ему и говорю: ты вѣру свою хвалишь, а огородъ, небось, дѣлишь—съ сусѣдями

брань заводишь, ссору. Ты, вишь, богачъ, ты имѣнія-то, небось, награбилъ, да ишо грабишь... Што же энто за вѣра?... Любовь нужно сотворить, а што твои старыя книги?... Вотъ новыя-то книги надоть пустить, штобы новую-то жисть устроить!

Уже изъ этихъ словъ можно видѣть завѣтную мысль Сютаева, главную, основную идею его ученія, его «евангелія». Все для жизни! Все для блага, для счастья человѣка!—вотъ та формула, которая невольно напрашивается изъ всѣхъ его рѣчей. Та или другая вѣра, то или другое ученіе, тѣ или другія книги тогда только и постольку именно и хороши, поскольку они служатъ водворенію между людьми любви, правды и мира. Умъ Сютаева одинаково чуждъ какъ суроваго, черствaго аскетизма, такъ и разныхъ стремленій и порывовъ въ туманную область мистицизма. Далѣе мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ.

Отсюда намъ будетъ понятно отношеніе Сютаева къ разнымъ установленіямъ, таинствамъ и обрядамъ церкви; ко всему этому онъ относится строго-критически. Такъ, по его мнѣнію, при рожденіи ребенка ничего не нужно дѣлать, кромѣ простаго омовенія, потому что ребенокъ въ это время не можетъ ничего сознавать. Крещеніе водою совсѣмъ не нужно. Сказано въ Писаніи, что нужно *переродиться духомъ*. Это значитъ—умертвить грѣхи и «переродить свое сердце», т. е. сдѣлать его доступнымъ всему хорошему. А это возможно лишь тогда, когда человѣкъ уже разовьется и будетъ въ состояніи «познать истину»... И когда я предлагалъ Сютаеву пилатовскій вопросъ: что такое истина,—онъ обыкновенно, не колеблясь, отвѣчалъ: «Истина—въ любви, въ обчей жизни».

Крещеніе, покаяніе, причащеніе, миропомазаніе, по ученію Сютаева, пустые обряды, которые не только никого изъ людей не останавливаютъ отъ грѣха и злыхъ дѣлъ, но, напротивъ, еще болѣе способствуютъ усиленію человѣческой грѣховности. Люди теперь постоянно грѣшатъ, постоянно нарушаютъ заповѣди Божіи, надѣясь, что все это имъ будетъ немедленно прощено, какъ только они сходятъ на исповѣдь и примутъ причастія.

Въ сущности же крещеніе—не что иное какъ «умерщвленіе грѣховъ», покаяніе—значитъ «всегда въ добрыхъ дѣлахъ находиться», причащеніе—значитъ «святыя дѣла дѣлать». Когда мы миромъ помазываемся, должны миръ творить. А между тѣмъ въ жизни ничего подобнаго нѣтъ.

— А священство?—спрашивалъ я.

— Священники... это—вожди духовные, наставники и учителя. Они должны быть «святые, непричастные злу, непорочные, отдѣленные отъ грѣшниковъ и превознесенные выше небесъ» (Посланіе къ Евреямъ, глава VII, стихъ 26-й).

О бракѣ Сютаевъ говоритъ такъ:

— Бракъ значитъ—нужно жить брачно, въ любви... Мнѣ говорятъ: «Ты браку не признаешь».—Я не признаю только лживый бракъ: когда я дерусь, бранюсь, дѣлюсь, тогда нѣтъ браку, нѣтъ любви. А любви нѣту и—таинства нѣту!... Сказано, что ежели при вѣнчаньи священникъ видитъ съ которой-либо стороны неправду и вѣнчаетъ, онъ тяжко грѣшитъ. Они (священники) заповѣдямъ не научаютъ. Я женился, не зналъ заповѣдей, жена моя не знала: бранились, ссорились... Нужно научить заповѣдямъ,—тогда могутъ жениться и жить въ любви. А теперь надѣваютъ вѣнцы и не знаютъ, какъ жить надо.

Я спросилъ Сютаева, какъ онъ выдалъ свою дочь за сына Ильи Иванова?

— И дочери, и жениху я все разсказалъ о любви... «Если вы это сохраните, то, значитъ, законъ Божій совершите; а не сохраните, прелюбодѣи будете... А больше всего почитайте всѣхъ людей за братьевъ и за сестеръ».

— Благословилъ ихъ?

— Нѣтъ... Благословленія никакого не даю.

— Отчего такъ?

— Прежде я сына благословлялъ, онъ въ Питерѣ жилъ. Послѣ узналъ, что сынъ ничего того не исполнялъ. Отчего?—Оттого, что заповѣдей, закону не зналъ, не былъ наученъ. А жениху и дочери я сказалъ: когда законъ Господень соблюдете, тогда и Господь васъ благословитъ, тогда и я благословлю. А малый-отъ (женихъ) до тѣхъ поръ жилъ въ Питерѣ на работѣ и сбился, началъ пьянствовать. Какъ бы его на путь наставить? Поговорили ему, женили; ему дочь моя по сердцу,—теперь живетъ хорошо. Вмѣстѣ въ Питерѣ съ моими ребятами живетъ. Родительскаго благословенія не просятъ теперь и живутъ хорошо; прежде просили и жили худо.

— Святыхъ вы признаете?

— Признаемъ. Сказано: «привѣтствуйте всѣхъ святыхъ». Нужно подражать ихъ жизни и дѣламъ.

На мой вопросъ: всѣхъ ли святыхъ они признаютъ,—Сютаевъ немного замялся и отвѣчалъ: «надо разсмотрѣть, што дѣлали святые, штобы ошибки не вышло». Но молиться святымъ отнюдь нельзя,—грѣхъ. Когда мы молимся святому, а не Богу, то этимъ самымъ мы какъ бы предпочитаемъ святаго Богу. Если мы будемъ молиться святымъ, то должны признать ихъ за боговъ,—слѣдовательно, у насъ будетъ множество боговъ,—между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Богъ одинъ.

Ни ангеловъ, ни дьяволовъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Люди злые—дѣти зла, дѣти дьявола; люди добрые—дѣти добра, дѣти ангела. Значитъ, подъ словомъ дьяволъ нужно разумѣть зло, а подъ словомъ ангелъ — добро. «Такихъ ангеловъ и дьяволовъ, которые съ крыльями и хвостами, такихъ мы не признаемъ,—говорятъ сютаевцы.—Никто изъ насъ ихъ не видалъ... Хоть бы разъ довелось увидѣть съ рогами да съ хвостами!»—смѣются они.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что сютаевцы совсѣмъ не раздѣляютъ тѣхъ суевѣрій, которыя такъ распространены среди простаго православнаго люда.

— Люди боятся въ лѣсъ ходить, въ озерѣ купаться,—говорятъ: водяной утопитъ, лѣшій уведетъ... И все это—пустое. Я вездѣ хожу,—говоритъ Сютаевъ, — и по ночамъ въ лѣсу ночевывалъ,—нѣтъ, никого не видишь, никто не покажется, никто не уводитъ...

Въ церковь сютаевцы не ходятъ,—не ходятъ по многимъ причинамъ. Одна изъ главныхъ причинъ состоитъ въ томъ, что люди, ходящіе въ церковь, нисколько, будто бы, не становятся отъ этого лучше и добрѣе,—жизнь ихъ чрезъ посѣщеніе церкви нисколько не улучшается. На вопросъ: отчего не ходишь въ церковь,—Сютаевъ обыкновенно отвѣчаетъ такъ:

— Знамо дѣло отчего: правды въ ней нѣтъ,—вотъ отчего! Мы въ церковь ходимъ, а сами деремся, ссоримся... Какая же тутъ польза? Въ церковь ходимъ, а сами страмимся, дѣлимся, грабимъ, позоримся... Вотъ отъ энтого отъ самаго и не хожу.

Вторая причина, оттолкнувшая сютаевцевъ отъ церкви, заключается, по ихъ словамъ, въ томъ, что въ церкви—вездѣ и во всемъ установлена, будто бы, торговля, купля и продажа. Торговля, даже внѣ церкви, сама по себѣ составляетъ, по мнѣнію сютаевцевъ, тяжкій грѣхъ, а въ церкви она является страшнымъ грѣхомъ и преступленіемъ. Между тѣмъ безъ денегъ ничего не дѣлается въ православной церкви. Зайдешь помолиться

Богу, смотришь—идутъ съ тарелочками, надо положить «на украшеніе храма» (а зачѣмъ ему украшеніе?). Затѣмъ купи свѣчку, заплати за крещеніе, заплати за вѣнчаніе, заплати за исповѣдь, заплати за причащеніе, заплати за похороны, за вѣнчикъ, заплати за поминовеніе, заплати за молебенъ, за панихиду... Словомъ, за все и за вся—плата и деньги. Безъ денегъ,—говорятъ сютаевцы, — въ вашей церкви нельзя ни родиться, ни умереть. Безъ денегъ священникъ не окрститъ, безъ денегъ не повѣнчаетъ,—мало этого, даже не похоронитъ безъ денегъ... Священники не должны брать денегъ за все это, такъ какъ они—пастыри, а не наемники и не торговцы.

— Теперь опять на монастыри собираютъ, на церкви,—говаривалъ Сютаевъ:—на святаго Трифона угодника, на Сергія, на Алексѣя, человѣка Божія, на Зосиму-Савватія,—на всякаго, на всякаго святаго. И все это—грѣхъ, и все это неправильно! Отощалъ што ли онъ? Оголодалъ, што ли, святой-отъ?... А другой, вѣдь, послѣднее отдаетъ,—думаетъ себѣ черезъ энто спасеніе получить... У насъ въ Толожни *) въ церкви Милій преподобный стоитъ, какъ бы въ часовни этакъ, изъ камня высѣченъ, большой, борода долгая, страшный такой... Народъ-отъ къ нему и несетъ, кто што можетъ: кто деньги, кто ленъ, кто яйца, кто масло, кто баранки, кто нитки, кто платки,—то-есть всѣмъ, всѣмъ несутъ... Какъ это дѣло разсудить, а?... Почитай-ка, что о жертвахъ-то сказано? Опять же есть въ Писаніи, што деревянные и каменные—не боги.

Далѣе, сютаевцы потому еще оставили ходить въ церковь, что тамъ «наставлены идолы», т. е. иконы, кланяться которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя («Поклонитесь единому Богу»). Что старыя, что новыя иконы—все равно: какъ тѣ, такъ и другія одинаково безполезны.

Наконецъ, то обстоятельство, что служба въ православной церкви происходитъ на славянскомъ, мало понятномъ народу, языкѣ, также является одною изъ причинъ, почему сютаевцы избѣгаютъ церкви. «Нужно,—говорятъ они,—чтобы все въ церкви читалось и пѣлось на знакомомъ языкѣ».

— Былъ я разъ у обѣдни,—церковь поправляли,—иконамъ не кланялся, такъ стоялъ. Кончилась служба, вышелъ изъ церкви, вижу—народъ идетъ. Сталъ я спрашивать: што читалъ священ-

*) Ближайшее къ Повѣди село.

никъ?... Што бы ты думалъ? Вѣдь не могли сказать, ни синя пороху не могли сказать,—не поняли...

Извѣстно, что старовѣры считаютъ большимъ грѣхомъ посѣщать православную церковь, но сютаевцы не считаютъ грѣхомъ побывать въ православной церкви,—они считаютъ только это дѣло безполезнымъ: «это совсѣмъ безъ надобности»,—говорятъ они.

— Я, пожалуй, самъ пойду въ церковь,—говаривалъ Сютаевъ,—но любовь не брошу,—нѣ-ѣтъ! По-язычески жить не стану,—нѣтъ!

Крестное знаменіе, по мнѣнію сютаевцевъ, совершенно ненужно: въ Евангеліи нигдѣ не упоминается объ этомъ; нигдѣ не говорится о сложеніи перстовъ, о поклонахъ, поэтому ничего этого не нужно; все это—безполезныя, пустыя выдумки. «Духомъ поклонитеся», сказано въ Евангеліи. «Богъ, вѣдь, не богатый мужикъ, который любитъ поклоны». А спорить о томъ, какъ креститься — двухперстнымъ или трехперстнымъ крестомъ — просто глупо.

Въ домахъ у сютаевцевъ никакого богослуженія не бываетъ, ибо въ Евангеліи ничего объ этомъ не сказано. Молитвъ у нихъ также никакихъ нѣтъ. Прежде, въ православіи, они читали молитвы, но затѣмъ всѣ бросили.

— Почему бросили?—спрашивалъ я.

— Если мы не исполняемъ ничего,—какая польза читать молитвы?... «Отче» читаемъ, а отца съ матерью не почитаемъ... Читаемъ: «не лиши меня царствія небеснаго»,—да, вѣдь, мы сами себя лишаемъ, потому что правды не ищемъ, по правдѣ не живемъ... Ты исполняй, дѣлай такъ, поступай по правдѣ. А если я исполняю, то на што мнѣ молитва?

Мощей сютаевцы не признаютъ.

— Искалъ я въ Евангеліи,—говоритъ Сютаевъ,—насчетъ мощей, все перечиталъ, только о мощахъ ни одного слова не нашелъ... Ходилъ я по монастырямъ по разнымъ, все мощей искалъ. Въ Коневцахъ былъ, на Валаамѣ. Мощи, говорятъ, лежатъ, только ничего не видно, все сокрыто.—Гдѣ, спрашиваю, мощи?—«Подъ спудомъ». — Можно, говорю, посмотрѣть? — «Нельзя». Просилъ какъ, каналася, штобы дозволили поклониться,—нѣтъ, не дали. За то на монастыри я насмотрѣлся: нѣтъ тамъ правды ни капельки. Придешь къ нимъ, перво-на-перво поведутъ тебя по колидору... Вотъ она, дверца, тебѣ бы туда, ты первый пришелъ,—

такъ нѣтъ, мимо ведутъ, дальше пихаютъ, а благородныхъ пущаютъ,—кто, значитъ, платьемъ почище, тѣхъ пускаютъ,—а ты все дальше... Весь колидоръ прошелъ, а нѣтъ тебѣ мѣста, не нашлось,—полѣзай на верёхъ; тамъ нары, темно, а внизу-то койки, тепло, свѣтло... Нѣту правды!... Люди смѣются мнѣ: поди, говорятъ, въ пустыню спасаться али въ монастырь, коли у насъ жисть не по тебѣ... Зачѣмъ я туда пойду? Тамъ—лежебоки, а я не хочу лежебокомъ быть... И насмотрѣлся я тамъ на жисть на монашенскую... Не приведи Богъ,—страмъ, просто страмъ!

Сютаевцы—горячіе враги всякаго рода обрядности, всѣхъ тѣхъ установленій церковныхъ и обычаевъ, которые, по ихъ мнѣнію, основываются на суевѣріи, рутинѣ или предразсудкѣ. Такъ, напримѣръ, они не хоронятъ своихъ покойниковъ на кладбищѣ, а зарываютъ ихъ гдѣ попадетъ, и объясняютъ подобныя дѣйствія такъ:

— Говорятъ, кладбище — мѣсто освященное, а другія мѣста не освященны... Неправда это: вся земля освященная, вездѣ одинакова земля. Поэтому я,—говоритъ Сютаевъ,—хороню, гдѣ придется, штобы показать, что земля вездѣ свята. Въ полѣ придется—въ полѣ похороню, на огородѣ придется—на огородѣ похороню,—для меня все равно... Говорятъ, духъ пойдетъ, запахъ... Не пойдетъ!... Мы зарываемъ глубоко, глубже вашего зарываемъ.

Но когда я начиналъ выставлять имъ на видъ неудобства хоронить покойниковъ вблизи отъ жилья, они соглашались со мной и въ принципѣ признавали, что было бы удобнѣе хоронить дальше отъ жилья, но они не могутъ этого дѣлать, такъ какъ, будучи вынуждены хоронить покойниковъ тайно, по ночамъ, по необходимости должны выбирать болѣе близкія мѣста, иначе ихъ легко могутъ накрыть и застать «на мѣстѣ преступленія».

«Почему же они хоронятъ тайно?»—спроситъ, быть-можетъ, читатель.—Да потому, что имъ запрещаютъ хоронить открыто безъ священника и безъ соблюденія извѣстныхъ обрядовъ. А сютаевцы съ своей стороны считаютъ совершенно излишнимъ участіе при похоронахъ священника («торговля, молъ») и въ то же время признаютъ совсѣмъ излишними всякаго рода обряды при похоронахъ. Простой гробъ-ящикъ, глубокая яма—и больше ничего: ни молитвъ, ни пѣній, ни свѣчъ, ни ладану не бываетъ у сютаевцевъ,—словомъ:

„Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка!“

Зажиганіе свѣчъ и лампадъ предъ иконами, куренье ладаномъ и тому подобные обряды сильно возмущаютъ сютаевцевъ и они рѣзко нападаютъ на православныхъ за «выдумку» и введеніе подобныхъ обрядовъ.

— Въ церковь ходишь?—спрашивалъ Сютаевъ въ моемъ присутствіи одного православнаго.

— Хожу.

— Свѣчи иконамъ ставишь?

— По силѣ-возможности...

— Зачѣмъ ты ихъ ставишь?

— Зачѣмъ?... Вотъ тоже спросилъ!... Не глупѣе тебя ставятъ.

— Ладно. Ты богатъ, у тебя кошель-отъ набитъ туго. Ты цѣльную горсть поставилъ; а я-то бѣденъ,—у меня не на што и свѣчки поставить. Стало-быть, я—погибъ, а ты—спасенъ?... Вѣрно?

— На свѣчку-то, братъ, хватитъ,—было бы усердіе,—на ё не много нужно...

— Ну, а у меня нѣтъ ничего, копѣйки за душой нѣтъ... Какъ тутъ быть? Стало-быть, я черезъ энто погибать долженъ, а?

Или иногда въ такомъ родѣ:

— Зачѣмъ у васъ въ церкви кадятъ? Зачѣмъ ладанъ курятъ? Къ чему энто?

— Вотъ ишо... Не нами заведено. Какъ отцы вѣровали, такъ и намъ должно придерживаться...

Подобные отвѣты, столь обычные въ устахъ русскаго мужика, всегда крайне раздражали Сютаева.

— Ежели мой отецъ-то въ яму ввалился, такъ и я долженъ за нимъ, а? Должонъ, али нѣтъ?—приставалъ онъ.

— Слава Богу, мы ишо не ямы, пока Богъ терпитъ,—оппонировалъ собесѣдникъ.

— Мы-то?... Мы, братъ, давно вси въ ямы,—вси, какъ есть, вси на Каиновомъ пути стоимъ...

Излишне, конечно, говорить, что «вѣра Сютаева» совсѣмъ не представляетъ собою какого-нибудь полнаго, законченнаго ученія, въ которомъ всевозможные теологическіе вопросы были бы разрѣшены и разработаны сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Его ученіе полно разнаго рода пробѣловъ; и это, разумѣется, вполнѣ понятно, и едва ли кто-нибудь можетъ ожи-

дать отъ еле-грамотныхъ людей совершенно цѣльной, стройной, вполнѣ выработанной теоріи или системы. Къ тому же,—и это прежде всего необходимо имѣть въ виду, — ученіе это до сихъ поръ еще находится въ періодѣ роста, развитія, формировки.

Весьма многіе даже изъ наиболѣе существенныхъ, основныхъ религіозныхъ вопросовъ до сихъ поръ остаются нерѣшенными сютаевцами. Къ числу этихъ нерѣшенныхъ вопросовъ можно отнести даже такой важный въ теологіи вопросъ, какъ о будущей загробной жизни и о мученіяхъ ада. — Разные нерѣшенные вопросы, волнуя пытливую мысль Сютаева, заставляютъ его глубже и прилежнѣе «вникать въ Писаніе». Но въ его распоряженіи имѣются только двѣ книги: Библія и сочиненіе Тихона Задонскаго. Не рѣдко онъ находитъ у послѣдняго прямые отвѣты на сомнѣнія, которыя мучаютъ его; онъ радъ этому, но въ то же время его останавливаетъ мысль: почему же въ Евангеліи нѣтъ столь же прямыхъ, опредѣленныхъ указаній, столь же категоричныхъ отвѣтовъ на эти самые вопросы? И вотъ въ душу Сютаева закрадывается новое сомнѣніе и онъ говоритъ: «надо разсмотрѣть, не ошибся ли Тихонъ».

Однажды, доказывая мнѣ одну изъ своихъ любимыхъ идей, о томъ, что рай будетъ здѣсь, на землѣ, Сютаевъ выразился такъ:

— Да, надо царствовать на землѣ... Што *тамъ* будетъ (онъ указалъ вверхъ, на небо), не знаю,—на томъ свѣтѣ не былъ... По-моему, тамъ—тьма!

Замѣтивъ, что я отмѣчалъ у себя карандашомъ его слова, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ такою просьбой:

— Што я тебѣ скажу, Александръ... Запиши ты, штобы энто дѣло разобрали (относительно загробной жизни), — сдѣлай такую милость, штобы тамъ ученые, толкователи разные, разсмотрѣли все по порядку,—не ошибся ли Тихонъ до самаго дѣла?

Придя къ убѣжденію, что въ церкви, какъ и въ жизни, нѣтъ правды (какъ онъ пришелъ къ этому убѣжденію, мы постараемся подробно разсказать въ одной изъ слѣдующихъ главъ), Сютаевъ счелъ необходимымъ отрѣшиться отъ всѣхъ тѣхъ взглядовъ и догматовъ, которые церковь преподаетъ вѣрующимъ. Но взамѣнъ отвергнутыхъ, опредѣленныхъ, давно изготовленныхъ церковью отвѣтовъ на тѣ или другіе запросы мысли ему, конечно, предстояло выработать и дать съ своей стороны новые отвѣты, которые бы успокоивали и удовлетворяли нравственное чувство и возбужденную критическую мысль. И вотъ началась работа—

горячая и страстная со стороны сердца и строгая и упорная со стороны мозга. Выше мы видѣли, къ чему привела эта работа, которая впрочемъ ни мало не прекращается и до сихъ поръ.

Хотя главными толками, будившими мысль и чувство Сютаева, всегда служили тѣ или другія печальныя, темныя явленія нашей общественной жизни, но при этомъ онъ постоянно стремился согласовать со Священнымъ Писаніемъ тѣ выводы, къ которымъ приводилъ его анализъ условій общественныхъ отношеній. Но чтобы сдѣлать это, прежде всего необходимо хорошо понять все Писаніе, особенно же Евангеліе и Новый Завѣтъ. А между тѣмъ въ этомъ Завѣтѣ встрѣчается такъ много неясныхъ, темныхъ мѣстъ, особенно же въ Апокалипсисѣ. Читаетъ, напримѣръ, Сютаевъ XIII главу Откровенія:

«И всталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ семью головами и десятью рогами; на рогахъ его было десять діадимъ, а на головахъ его имена богохульныя...» А потомъ дальше, въ 18 стихѣ, сказано: «здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря, ибо это число человѣческое. Число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть...»

Что же такое обозначаетъ этотъ звѣрь, эти головы, эти рога, діадимы? Вѣдь не зря же все это написано? Вѣдь сказано: «здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ пусть сочтетъ число звѣря...» И что это такое за число 666? Что оно означаетъ? Къ чему оно тутъ приведено?...

— По моему,—говоритъ Сютаевъ,—это должно полагать по заповѣдямъ... 6—это міръ въ шесть дней сотворенъ, 60—значитъ міръ содержитъ по десяти заповѣдей, а каждый день содержитъ по сотни (я ужъ не понялъ *чего* именно),—стало-быть 600, а всего и выходитъ 666.

Такъ онъ силится объяснить себѣ туманныя аллегоріи Апокалипсиса; но если вы докажете ему, что его толкованіе ошибочно, онъ ни на одну минуту не задумается отказаться отъ него. Вообще сютаевцы допускаютъ полную свободу толкованія Священнаго Писанія.

— Надо толковать,—говорятъ они,—надо истины добиваться. Часть истины познали какъ чрезъ туманное стекло,—говорится въ Писаніи,—остальное доискивать надо. Надо весь законъ Божій понять.

А когда ихъ спросишь, что они разумѣютъ подъ «закономъ Божіимъ», то они обыкновенно отвѣчаютъ:

— Какъ бы было другъ дружкѣ не вредно, то и законъ Божій.

Устроить «жисть по правдѣ», такъ, чтобы «другъ дружкѣ не вредно было», по мнѣнію сютаевцевъ, главная цѣль, главная задача «закона Божія», и въ то же время это-то именно «устройство» и составляетъ завѣтную мечту Сютаева и его послѣдователей. Онъ страстно интересуется всѣмъ, что только можетъ такъ или иначе помочь ему въ его стремленіяхъ осуществить это «устройство» жизни. Не разъ онъ спрашивалъ меня:

— А што, въ Москвѣ и въ разныхъ прочихъ городахъ толкователи есть у васъ насчетъ энтого, насчетъ правды-то, а?... Толкуютъ?—И затѣмъ обыкновенно прибавлялъ:—Я крохотный человѣкъ, — кто мнѣ повѣритъ?... А ежели бы отъ васъ, изъ высшихъ, изъ ученыхъ...

Меня поражала и въ то же время глубоко трогала та искренняя, горячая жажда истины, которая жгла сердце этого «крохотнаго человѣка». Чтобы понять впечатлѣніе, производимое въ этомъ случаѣ Василіемъ Кирилловымъ, мнѣ кажется, необходимо лично слышать то чувство, которымъ звучалъ его голосъ, когда онъ, бывало, вечеромъ, утомившись отъ безконечныхъ разговоровъ и споровъ, сидя у раскрытаго окна и глядя въ поле, задумчиво произносилъ, напримѣръ, такія слова:

— Эхъ,—кабы кто мнѣ дополнилъ што, указалъ, можетъ въ чемъ я маленечко невѣрно..., кажись, до смерти служилъ бы энтому человѣку!... И не знай, не знай, што бы только сдѣлалъ ему!...

Въ чемъ состояла сущность того «устройства», которымъ не на шутку думалъ Сютаевъ избавить людей отъ всякаго рода зла, грѣха и неправды, это мы узнаемъ изъ слѣдующей главы.

VII.

Проповѣдники любви, мира и братства.

Однажды я спросилъ Сютаева, слыхалъ ли онъ о томъ, что на свѣтѣ существуютъ разныя науки, изученіемъ которыхъ занимаются разные ученые люди, и какого онъ мнѣнія объ этихъ наукахъ и объ этихъ ученыхъ людяхъ.

— Слыхалъ я,—отвѣчалъ Сютаевъ,—што есть наука философія, которая учитъ какъ бы капиталъ нажить. До энтой философіи не надо дотыкаться, а надобно законъ Господень изучать, Евангеліе... Тѣ науки надобны, которыя учатъ, какъ лучше жить

людямъ... Надо доискиваться, какъ бы грѣшники не грѣшили, какъ бы воры не воровали.

Въ этомъ отвѣтѣ сказался весь Сютаевъ. «Доискаться», во что бы то ни стало, такого порядка вещей, такого устройства жизни, при которомъ бы «грѣшники не грѣшили», «воры не воровали»—вотъ сильнѣйшее, пламенное желаніе этого сермяжнаго философа, составившаго себѣ столь странное представленіе о философіи. Всѣ свои разговоры Василій Кирилловъ всегда и неизмѣнно сводитъ на эту любимую тему.

Я постараюсь воспроизвести здѣсь по возможности съ дословною точностью разговоръ, который на первыхъ же дняхъ моего знакомства съ Сютаевымъ мнѣ пришлось вести съ нимъ и который какъ нельзя болѣе раскрываетъ сокровенныя думы, желанія, стремленія сютаевцевъ и въ то же время вполнѣ объясняетъ причины того недовольства существующими «непорядками», которое испытывается всѣми послѣдователями Василья Кириллова. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи Ивана Зиновеича. Иванъ Зиновеичъ—мужикъ «съ копѣйкой», онъ торговываетъ, у него маленькая лавка, онъ частенько бываетъ въ городѣ, имѣетъ обращеніе съ господами и можетъ-быть поэтому въ разговорѣ онъ всегда сдержанъ, споровъ не долюбливаетъ, говоритъ «изъ-подъ политики...» Василій Кирилловъ, по обыкновенію своему, распространился по поводу «злобы», «непорядковъ», «обмана», которые будто бы въ концъ завладѣли жизнью.

— Да гдѣ ты обманъ-отъ видишь?... Ты скажи намъ, въ чемъ онъ?—спрашиваетъ Иванъ Зиновеичъ.

— Гдѣ?—удивляется Сютаевъ.—Да вездѣ! Вездѣ обманъ, вотъ што! Въ какой городъ ни придешь, вездѣ неправда. Вездѣ за мздой гоняются, какъ бы только прибытку больше нажить, какъ бы мошну набить, какъ бы, какъ бы... Каждый наровитъ побольше зацапать другъ передъ дружкой... Мнѣ счастье,—много нахваталъ, а у брата нѣтъ ничего... Всякъ себѣ, всякъ себѣ рветъ... У насъ теперь тридцать дворовъ, тридцать посѣвовъ. Огурцы, конопли—все раздѣливши. Тридцать у насъ сторожовъ!... А *когда устройство будетъ*, тогда одинъ сторожъ будетъ, а то ни одного не будетъ... Клѣти у насъ заперты на замкахъ, на запорахъ, скотъ у насъ запертъ... Открылъ клѣть—меня кругомъ обокрали. Клѣть теперь заперъ, отъ воровъ заперъ... Идите за мной, сейчасъ все отопру!... Пашни, сѣноко-

сы... какъ мы дѣлимъ?—Ссоры, брань, до драки доходитъ... Неужто Богъ этто постановилъ, а?... Не повѣрю!! Хоть тысча человѣкъ говори мнѣ этто, не повѣрю!...

Сютаевъ попалъ на свой конекъ. Силой, энергіей, страстью звучала его рѣчь. Широко, медленно ступая тяжелыми, ссохшимися сапогами, онъ то подходилъ къ самому столу, за которымъ сидѣли мы съ Иваномъ Зиновеичемъ, то снова удалялся въ глубь избы.

— Нѣту правды!—говорилъ онъ.—Проѣзжай по всей Имперіи, гдѣ найдешь?... Въ городахъ вси почестей ищутъ. А въ Священномъ Писаніи сказано: «не ищите почестей, не ищите сана...» «Ищите царства правды» — сказано... А мы ищемъ?— Никто не ищетъ! Не даромъ въ Писаніи говорится: «никто не возвышаетъ голоса за правду и никто не вступается за истину...» Этакихъ людей у насъ нѣтъ,—печально закончилъ Сютаевъ.—А надо намъ Бога искать,—охъ, надо, надо!...

— Какъ же мы должны жить, по-твоему?

— Не по-моему, а по-Божьему, — поправилъ старикъ.— А вотъ какъ,—быстро оживляясь, началъ Сютаевъ:—поле не должны дѣлить, лѣсъ не должны дѣлить, домы не должны дѣлить... А у насъ-то все дѣленное,—все, какъ есть все, всякій прутикъ раздѣливши... Это—лживые христіане: другъ друга гонятъ, другъ друга тѣснятъ, другъ друга ненавидятъ... Надо добрыя дѣла творить, а я раздѣлилъ: это—злыя дѣла. Вѣрующіе христіане не дѣлили ничего... Миръ надо творить,—миру нѣтъ; правду надо творить,—правды нѣтъ... У Тихона Задонскаго,—почитайка,—тамъ все описано, какъ первеющіе христіане жили и какъ жить указали.

— Какъ же они указали жить?

— Первое дѣло—замковъ не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судей и судовъ не надо, войны не надо... Другъ дружкѣ помогать, другъ дружку любить, грабежа-воровства не бояться.

— Какъ же не бояться-то?—спрашиваю я.

— Чу-удакъ человѣкъ!—говоритъ Иванъ Зиновеичъ, усмѣхаясь и крутя головой.

— Ахъ, другъ любезный! У праведныхъ христіанъ нѣтъ грабежу, потому они любятъ другъ дружку... Чего имъ бояться?... Рази я полѣзу къ тебѣ въ клѣть? Да ты мнѣ и такъ дашь...

— А если не дамъ?—спрашиваю я.

Иванъ Зиновеичъ смѣется: «вотъ это такъ».

— Какъ же ты не дашь-то? — удивленно переспрашиваетъ Сютаевъ.

— Очень даже просто, — говоритъ Иванъ Зиновеичъ, — не дамъ—и дѣло съ концомъ. Самъ добывай—вотъ что!

Сютаевъ разъахался.

— Ахъ, не дѣло ты говоришь!—съ жаромъ началъ онъ.— Ахъ, не дѣло, не дѣло!... Разсуди самъ: вѣдь тогда жисть-то будетъ какая, какая ты думаешь?—о-обчая! Вотъ што, другъ!... У всѣхъ будетъ одно сердце, одна душа, не будетъ ни твоего, ни моего,—всѣ будетъ мѣстное.

— Какъ мѣстное?

— Обчее, значитъ, не дѣленое... Да!... И не будетъ тогда никого нуждающагося, а вси будутъ довольны и вси изобильны... Почитай ты Дѣянія св. апостолъ, глава четвертая, стихъ... стихъ тридцать второй,—почитай!

— Да чего читать-то? Ты намъ самъ скажи, что тамъ написано,— замѣтилъ Иванъ Зиновеичъ.

— Изволь, другъ милый, скажу!

Сютаевъ беретъ въ руки Новый Завѣтъ и развертываетъ его.

— Вотъ што тамъ написано, другъ ты мой любезный,—говоритъ онъ, перелистывая книгу. Но цитата не находится, тогда онъ начинаетъ говорить на-память: — У вѣрующихъ христіанъ было одно сердце и одна душа; никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было обчее... Вотъ, мой другъ! Понялъ?

— Да вѣдь это, можетъ, ишо въ ту пору было, когда всѣхъ людей-то на свѣтѣ десять человѣкъ счетомъ было,—возражаетъ Иванъ Зиновеичъ.

Безъ труда разбиваетъ Василій Кирилловъ это возраженіе. Найдя текстъ, онъ обращаетъ вниманіе на слова: «*у множества же увѣровавшихъ* было одно сердце» и т. д.

— А вотъ ишо стихъ тридцать четвертый, — продолжаетъ Сютаевъ и читаетъ: — «и не было между ними никого нуждающагося...» Слышишь, братъ?—«Никого нуждающагося!... Ибо вси, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ: и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду»... Ну, понялъ теперь?

Вмѣсто отвѣта Иванъ Зиновеичъ тяжело вздыхаетъ, приговаривая: «о-охъ, грѣхи наши тяжкіе!»

А Василій Кирилловъ подходитъ къ окну, показываетъ пальцемъ на поле, широко растилавшееся во всѣ стороны, и говоритъ съ недовольнымъ видомъ:.

— Глянь-ка въ окошко-то: все межи, все межи... Смотрика, какъ поле-то располосовали... а-я-я!... Колько тутъ земли-то дарма пропадаетъ на энтихъ самыхъ межахъ... Али опять загороды,—къ чему онѣ намъ?... Иду я въ поле — изгороду городятъ... «Ребятушки, говорю, зачѣмъ намъ изгороды? Городимъ, городимъ, а вѣдь пользы-то какъ быть не видать. Не надо, говорю, энтого дѣлать»... Не послухали; сами загородили, рупь съ меня взяли за участокъ... На другой годъ то же, на третій то же... Четыре раза взыскивали... Какая же тутъ любовь?... Только я и теперь не горожу, и не буду!

Онъ прошелся по комнатѣ и затѣмъ снова подсѣлъ къ окну.

— Выйдешь въ поле: чьи это земли?—казенныя. Чей энтотъ лѣсъ?—господскій... Энто дѣло надо разсмотрѣть. Мы тоже были казенные, а другіе — господскіе... Дали же намъ надѣлъ (надѣлъ)... У другаго господина не одна тысча десятинъ. Онъ долженъ разсмотрѣть свой грѣхъ. Господина тогда не бросятъ хрестьяне... Господинъ теперь господствуетъ, а мы—рабствуемъ.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Такъ... Земля-то господская ишо... Изъ половины беремъ, позоримся—во какъ!... Я иду въ поле, а поле-то у господина снято... Господа должны землю отдать... Хрестьяне должны его (господина) не бросать... Вси должны сообча жить, сообча трудиться въ потѣ лица.

— А кто не пожелаетъ?

— Неволить нельзя, — слобóда должна быть... Въ царство Господне втащить насильно нельзя... Только желающіе... Зачѣмъ неволить! Сохрани Господи! Сказано: избранные съ избранными; кто пойметъ, тотъ только и пойдетъ на энто... Каждому воля, куда хошь ступай: отецъ направо, сынъ налѣво,—отецъ на правду, сынъ на кривду.

— Въ Писаніи сказано,—продолжалъ Сютаевъ, развертывая Евангеліе:—«стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства» *). Стало-быть въ слобóдѣ надо жить, а мы связаны.

— Чѣмъ?

---

*) Посланіе къ Галатамъ, глава 5-я, стихъ 1-й.

— Грѣхами, грѣхами связаны, неправдой связаны кругомъ.

Мало-по-малу разговоръ перешелъ на войну.

— По-твоему, стало-быть, выходитъ, войска-то теперь и не требуется?—спросилъ Иванъ Зиновеичъ.

— Теперь и войско требуется, и оброки злые требуются... Коли любви нѣтъ, тогда и война надобна, и замки надобны, и оброки надобны, и сторожа надобны... Только все энто—зло, все энто—неправда! Избраннымъ не слѣдуетъ энтого дѣлать... Война!... Ты скажи: для чего она?—Вѣдь для убивства. А коли любовь есть,—какая война? Если у насъ любовь,—тогда мы и хлѣбомъ, и животами, и всѣмъ помогаемъ другъ дружкѣ. А у насъ замѣсто того вражда, война, распря... Со старичкомъ я однимъ говорилъ, о смиренствѣ говорилъ, о любви. Онъ все слушалъ, слушалъ, да какъ дастъ мнѣ въ щеку!... Вотъ и вражда, вотъ и война.

— Все же, чай, въ солдаты-то надоть идти, коли начальство приказываетъ?—спросилъ Иванъ Зиновеичъ.

Василій Кирилловъ помолчалъ.

— Кабы двое, трое, много народу взяли бы да уговорились: не надо войны, не идти на войну... Сказали бы, што неладно идти, нельзя... Одному ничего нельзя подѣлать: ты хошь подѣлать, а тебя связываютъ. Сначала надо, штобы избранные съ избранными. Вдругъ не остановиться, когда мы всѣ заблудивши. Нужно поучаться другъ отъ дружки... Нужно исповѣдывать Христа, тогда и войны не нужно будетъ, и солдатовъ не нужно... Въ Евангеліи показано, штобы вси люди жили въ любви. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ; гдѣ любви нѣтъ, тамъ и Бога нѣтъ... Если выйдетъ вражда, — всѣмъ тяжело. А коли мы будемъ въ любви жить, то у насъ стѣна будетъ супротивъ врага,—да, стѣна,—почитай-ка Тихона Задонскаго... А со-временемъ и враговъ-то можетъ никакихъ не будетъ.

— А турка-то? Куда ты его дѣнешь?...

— Мы сами турка—вотъ што!... Турка-то тоже отъ Бога,—съ сердцемъ говоритъ Сютаевъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, приговаривая:—А-я-я! Какъ энто мы турки-то боимся, а себя-то не боимся,—зла не боимся, грѣха не боимся... Приди ты ко мнѣ татаринъ, еврей, турка,—рази я могу его тронуть? Да для меня вси равны, вси братья, вси ближніе!... Господь сотворилъ одного человѣка и отъ того человѣка народились вси люди, вси народы... Вси мы дѣти одного Отца Небеснаго,—вси, стало-быть,

братья?—Братья по духу. Только по дѣламъ своимъ раздѣлились: одни—добрые, другіе—злые.

— Ну, а ежели, къ примѣру, турка возьметъ насъ, завоюетъ, тогда что?—спрашиваетъ Иванъ Зиновеичъ.

— Онъ тогда насъ возьметъ, когда у насъ любви не будетъ.

— Да ужь тамъ какъ хошь... Только, къ примѣру говорю, ежели возьметъ насъ турка, что тогда дѣлать, а?... Вѣдь, поди, какъ-никакъ, а воевать все же придется?

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Сютаевъ.

— А то какъ же?... Неужли такъ-таки поддаться басурману?

— А мечъ духовный на што?

— Какой такой мечъ духовный? Что ты имъ сдѣлаешь?

— Мечъ-то духовный?... Мечъ духовный — любовь... Турки насъ возьмутъ, а мы ихъ въ любовь обратимъ. И будетъ у насъ единство, и будемъ мы вси единомысленные... И будетъ тогда всимъ добро и всимъ хорошо... Такъ-то, другъ! Сказано въ Писаніи: «возлюби ближняго твоего»... А кто нашъ ближній?—Всякъ человѣкъ, вотъ кто!... Духъ-отъ одинъ во всѣхъ людяхъ.

— Духъ-отъ одинъ, одначе вѣры-то, небось, разныя.

— Да какая у насъ вѣра?... Одинъ—такъ, другой—такъ. Одинъ грабитъ, другой убиваетъ... Все энто расколы... Нѣтъ у насъ вѣры! Вѣра одна, вѣра—любовь; а любви нѣтъ, значитъ и вѣры нѣтъ никакой.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я началъ распрашивать Сютаева объ его сынѣ, призывавшемся къ отбытію воинской повинности.

— Говорятъ, твой сынъ, Иванъ, отказался принять присягу? Правда это?

— Правда. Сынъ мой не принималъ присяги.

— Почему же?

— Почему?—горько усмѣхнулся Сютаевъ.—Нѣтъ, ты лутче скажи, къ чему присягать-то, а?... «Къ пролитію крови!...» «До послѣдней капли!...» Да нешто энто возможно? Гдѣ же энто намъ указано, штобы другъ дружку бить, другъ дружку колоть, кровь человѣческую проливать, а?... Опять же Евангеліе не приказываетъ кляться... «Не клянитеся всяко, но да будетъ ваше слово: да-да и ни-ни». Какъ же можно кляться?... И Тихонъ Задонскій говоритъ, што присяга вредна.

— Говорятъ, твой сынъ не хотѣлъ ружья въ руки брать?

— Не хотѣлъ, энто вѣрно... Зачѣмъ его брать? Вѣдь ружьето для убивства. А кого убивать-то,—убивать, когда они вси братья намъ?...

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Садили въ карцеръ... Военный начальникъ меня спрашиваетъ: «Энто твой сынъ?»—Мой, говорю.—«Можешь, говоритъ, ты заставить его слушать?»—Коли я добрыя дѣла дѣлать заставляю, должонъ слушать, а коли злыя—нѣтъ.—«Заставь, говоритъ, его насъ слушать, заставь, штобъ онъ съ ружьемъ всталъ».

— Нѣтъ, говорю, ваше благородіе, энтого мнѣ любовь не дозволитъ.

О дальнѣйшей судьбѣ своего сына Сютаевъ, какъ можно было заключить изъ его словъ, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній. «Взяли сына въ Тверь,— разсказывалъ онъ,— а оттуда угнали въ Свеаборгъ. Тамъ его судили; осудили на два съ половиной года въ крѣпость».

— Въ какую крѣпость?—спрашивалъ я.

— Въ Шлис... Шлис-сельбургскую.

Это вполнѣ правдоподобно, такъ какъ въ настоящее время Шлиссельбургская крѣпость обращена, какъ извѣстно, въ военно-дисциплинарный баталіонъ и туда заключаютъ нижнихъ воинскихъ чиновъ за разнаго рода нарушенія воинской дисциплины *). Но что теперь съ сыномъ, Сютаевъ не знаетъ, такъ какъ давно не получалъ отъ него никакихъ извѣстій. Я не могъ не замѣтить, что разговоръ о сынѣ поднимаетъ въ Сютаевѣ горькія, тяжелыя воспоминанія, а потому прекратилъ свои распросы и постарался дать другое направленіе нашему разговору.

Послѣ нѣкотораго перерыва въ разговорѣ Сютаевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «что я думаю насчетъ рая?

— То-есть, къ примѣру, гдѣ онъ будетъ, энтотъ рай-отъ?— пояснилъ онъ.

— А по-твоему гдѣ?—уклонился я отъ отвѣта.

— По-моему-то?—въ свою очередь переспросилъ Сютаевъ. И снова добродушно-хитрая усмѣшка засвѣтилась у него въ лицѣ.—По-моему на земли, на земли, другъ!... Прямо обозначено, какъ отрѣзано все равно. Гляди вотъ... И онъ торжественно прочелъ 10-й стихъ V главы «Откровенія» Іоанна:

---

*) См. нашъ разсказъ: „Шлиссельбургская крѣпость“, помѣщенный въ декабрской книжкѣ *Русской Мысли* за 1880-й годъ.

— «И мы будемъ царствовать на земли!»... Слышь? На земли, братъ, на земли,—радостно сіяя, повторялъ онъ, и было что-то дѣтски-наивное въ его радости.

— Какъ же это мы будемъ царствовать-то?—спросилъ я.

— Коли мы добрыя дѣла сотворимъ, то будетъ рай на земли, и будемъ мы въ ёмъ, въ энтомъ самомъ раю, царствовать.

— Да въ чемъ же наше царствованіе-то будетъ состоять?

— Царство-то наше?... Не будетъ грабежу, не будетъ убійства, дѣлежа не будетъ, ссоры и драки не будетъ, найму не будетъ, торговли не будетъ (шабашъ, братъ!—усмѣхнулся онъ въ сторону Ивана Зиновеича), денегъ не будетъ,—если братство будетъ, къ чему деньги? Любовь будетъ, смиренство... Энто гдѣ читается: «вся братія по духу?» Братолюбіе будетъ, единство... Вотъ какъ мы будемъ царствовать!

— Стой, погоди!—перебилъ Иванъ Зиновеичъ,—ишь сколько наговорилъ! Что ты сказалъ: найму не будетъ?

— Не будетъ,—твердо, увѣренно отвѣчалъ Сютаевъ.

— Что-жь, по-твоему, наемъ-отъ—грѣхъ, что ли?

— А ты какъ думалъ? Не грѣхъ?... Почитай-ка въ Евангеліи, што о наемникахъ-то сказано... Кто нанимается—грѣшитъ, а кто нанимаетъ—тотъ вдвое грѣшитъ.

Всѣ вдругъ замолчали. Иванъ Зиновеичъ сидѣлъ потупясь, очевидно, что-то обдумывая, что-то соображая. Но вотъ онъ поднимаетъ голову и, обращаясь къ Василью Кириллову, произноситъ:

— Это что ты разводишь насчетъ, значитъ, войны, насчетъ найму, али опять насчетъ торговли—этому, братъ, во вѣки не бывать... Н-да!

— Не бывать?—насмѣшливо, почти задорно, переспрашиваетъ Сютаевъ.—Ой-ли?

— Н-да!... Вотъ тебѣ и ой-ли... Что ты, до самаго дѣла, думаешь своей головой: неужто же начальство-то потерпитъ это, а?... Вотъ помяни ты меня на этомъ мѣстѣ, ничему-то этому не бывать,—вотъ что ты говоришь-то,—то-есть ни въ жисть!... Пустыя слова и больше ничего!

— Да отчего не бывать-то?

— Отчего?... Говорятъ тебѣ—начальство этого не потерпитъ... Вла-асть, власть не допуститъ!

Но о томъ, что думаетъ Сютаевъ о «начальствѣ» и властяхъ, поговоримъ въ слѣдующій разъ.

А. Пругавинъ.

МОЛОДЫЕ.

Разсказъ.

I.

Корридорный шелъ впереди со свѣчой, а за нимъ слѣдовала молодая женщина въ бархатной шубкѣ на дорогомъ мѣху изъ чернобурой лисицы, большаго роста, стройная, нѣсколько широкая въ плечахъ. Изъ-подъ вуалетки нельзя было въ полусвѣтѣ корридора разсмотрѣть цвѣтъ ея волосъ. Только большіе глаза, утомленные дорогой, темнѣлись на продолговатомъ бѣломъ лицѣ. Шагахъ въ двухъ отъ нея шелъ сухой, очень большаго роста, мужчина съ желтыми длинными бакенбардами, въ дорожной шотландской шапочкѣ и въ пальто халатомъ темно-сѣраго цвѣта. У него была наружность, какую вы встрѣчаете до сихъ поръ еще въ министерствахъ: запоздалая моложавость, сухія тонкія губы, сухой носъ съ pince-nez и желтоватые глаза съ брезгливымъ выраженіемъ. Еще подальше тяжелою походкой подвигалась толстая женщина, что-то въ родѣ экономки или няньки, съ головой укутанной въ платокъ и въ лисьемъ салопѣ.

Эти господа пріѣхали съ поѣздомъ южной дороги. Имъ приготовленъ былъ шестирублевый номеръ изъ двухъ комнатъ — гостиной и спальной. Войдя въ первую комнату, пріѣзжій спросилъ низкимъ и тупымъ голосомъ.

— А гдѣ другія вещи?—и сбросилъ свое пальто на диванъ.

Полная женщина съ пріемами и лицомъ няньки начала снимать шубку съ молодой дамы.

Это были мужъ и жена. Они держали себя такъ, точно будто имъ несовсѣмъ ловко было говорить другъ съ другомъ.

— Здѣсь, кажется, угарно?—замѣтилъ съ гримасой мужъ.

Корридорный отвѣтилъ, что въ этомъ отелѣ угарно быть не можетъ.

Дама спросила чаю и на вопросъ номернаго, гдѣ она прикажетъ накрыть, отвѣтила:

— Здѣсь, здѣсь.—И тотчасъ спросила, указывая на дверь:—Это въ спальню?

— Въ спальню,—сказалъ корридорный.—Вы изволили телеграфировать, чтобъ еще комнату съ кроватью. Все занято. Если угодно, будетъ черезъ номеръ.

Дама пожала плечами и, снимая вуалетку, отошла къ зеркалу. Ей было лѣтъ двадцать пять. Лицо сохраняло еще несомнѣнное дѣвическое выраженіе, но оно было крупно, съ темными глазами и темными же, почти черными, волосами, которые покрывали весь лобъ до бровей. Подбородокъ нѣсколько выдался и придавалъ лицу особенно характерную черту. Весь ея типъ былъ скорѣе южный.

— Вѣдь было сказано въ депешѣ,—выговорила она нетерпѣливо, грудным, пѣвучимъ голосомъ.

Мужъ въ это время снималъ съ себя сумку и, глядя на нее въ полъоборота, выговорилъ сквозь зубы:

— Вы, мой другъ, сдѣлаете себѣ изъ этой комнаты уборную.

— Какъ это удобно!—вырвалось у ней.

— Завтра освободится,—доложилъ номерной.

— Завтра мы ѣдемъ,—сказала дама и значительно посмотрѣла на мужа.

Онъ отошелъ къ камину и пустилъ въ полголоса:

— Смѣшно.

Дама подошла къ нему и еще тише сказала:

— Вы возьмете ту комнату.

— Какъ вамъ угодно.

Толстая женщина, освободившись отъ своего салопа и платка, оказалась не очень еще старой особой, въ темномъ шерстяномъ платьѣ съ пелериной, видомъ и манерами скорѣе экономка. Ея широкое и свѣжее еще лицо съ добрыми губами и глазами навыкатъ было смугло и еще болѣе, чѣмъ у дамы, отзывалось южнымъ типомъ. Она ходила по комнатѣ и осматривала ее; потомъ отворила дверь налѣво и сказала тономъ авторитетной няньки:

— Двѣ кровати приготовлено. Комната славная.

— Пойдемъ, няня,—сказала ей дама.—Положи вещи и сходи за теплой водой.

Она пропустила свою няньку въ дверь, притворила ее и стала спиной, держась за ручку, лицомъ къ мужу.

— Вы что гримасничаете?

— Я?—переспросилъ господинъ съ бакенбардами.

— Ну, да.

— Нисколько. Мнѣ кажется все это очень смѣшно, мой другъ.

— Пожалуйста безъ нравоученій! Я утомлена. Двое сутокъ въ вагонѣ. У меня есть свои привычки; вы это очень хорошо знали, когда становились со мной подъ вѣнецъ.

Мужъ сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе губами.

— Да, предчувствовалъ,—протянулъ онъ.

Она подошла къ нему очень быстрыми шагами. Глаза ея расширились, ноздри также. Слышно было по комнатѣ, какъ она сильнѣе задышала.

— Послушайте, Павелъ Петровичъ,—заговорила она,—я не предполагала, чтобы можно было на желѣзной дорогѣ въ сорокъ восемь часовъ такъ узнать человѣка. Надо бы вмѣсто этихъ модныхъ обязательныхъ поѣздокъ изъ-подъ вѣнца дѣлать ихъ до вѣнчанья.

— Ха-ха-ха!... По-американски?

— Да, по-американски,—отвѣтила она въ тонъ.—Сорокъ восемь часовъ въ одномъ купэ это—цѣлое откровеніе.

Онъ зѣвнулъ.

— Ахъ, Боже мой,—сказалъ онъ звукомъ человѣка утомленнаго и дорогой, и непріятностью разговора.—Говорите пожалуйста проще. Что это у васъ все какія-то фразы изъ русскихъ журналовъ! Это надо оставить. У васъ нервы: очень понятно,—вы плохо спали вторую ночь. Я бы вамъ не совѣтовалъ пить чай,—это ажитируетъ.

— Я буду пить и буду прекрасно спать. Совѣтую вамъ тоже въ вашемъ отдѣльномъ помѣщеніи...

Она выговорила эти послѣднія слова, подчеркнувъ ихъ, и нервно отворила дверь.

II.

Вошли два корридорныхъ мужика. Они внесли вещи. Жена приказала имъ внести большой сундукъ въ спальню, а мужъ замѣтилъ, что это безполезно, такъ какъ они хотятъ только пере-

ночевать. Жена отвѣтила, что она не знаетъ, какъ еще будетъ чувствовать себя завтра: можетъ-быть она проживетъ и двое сутокъ въ Москвѣ,—и двумъ корридорнымъ данъ былъ приказъ поставить сундукъ мужа въ отдѣльный номеръ черезъ комнату.

Нянька показалась на порогѣ и стала покрикивать на корридорнаго мужика. Господинъ съ бакенбардами морщился, и когда нянька и мужикъ скрылись за дверями, онъ всталъ съ кресла, гдѣ сидѣлъ, поморщивался и курилъ, и, подойдя къ молодой женщинѣ, выговорилъ брезгливо:

— Sophie, я вамъ уже, кажется, сказалъ дорогой, что ваша няня дѣйствуетъ и на мои нервы.

— Ну, такъ что же?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ сухо и небрежно.

— Вамъ надо взять другую горничную въ Петербургѣ. Пускай эта женщина, если вы привыкли къ ней, живетъ, но въ качествѣ экономки. Она слишкомъ вульгарна и...

— Да, она не изъ Faubourg St.-Germain,—перебила жена.

— Она позволяетъ себѣ такой тонъ... за панибрата.

— Это моя нянька, Павелъ Петровичъ, вы это хорошо знаете. Ничего въ ней нѣтъ особенно вульгарнаго. Она даже изъ бѣдныхъ чиновницъ. Добрая женщина, я къ ней привыкла,—у меня къ ней понятная слабость. Одна только Марья меня и любила-то, по правдѣ сказать.

Въ отвѣтъ на это послышался опять короткій и немножко въ носъ смѣхъ мужа, видимо раздражавшій жену.

— Ахъ, полноте,—возразилъ онъ.—У васъ какой-то пунктъ считать себя непонятой и всѣми обиженной. Что-жь такое, что вы остались сиротой безъ матери, но у отца блаженнѣе существованіе трудно себѣ и вообразить. Вы помыкали всѣми, какъ пѣшками, начиная съ того же самаго отца.

Она начала ходить по комнатѣ большими шагами и заложивъ руки за спину. Ея красивый и пышный бюстъ обтягивало дорожное суконное платье темно-песочнаго цвѣта.

— Хорошенькій у насъ разговоръ выходитъ на третій день послѣ свадьбы,—выговорила она точно про себя и остановилась посреди комнаты.

Принесли самоваръ. И это вызвало протестъ со стороны мужа.

— Очень хорошо сдѣлали, — сказала жена. — Я не люблю этихъ отвратительныхъ чайниковъ. Довольно ихъ было на желѣзной дорогѣ. Пора чувствовать себя хоть немножко дома.

Выговоривъ это, она ушла въ комнату. Петербургскій господинъ отдалъ приказаніе, чтобъ у него въ спальнѣ было ни очень жарко, ни очень свѣжо, и чтобы нагрѣли постельное бѣлье. Когда номерной переспросилъ его съ недоумѣніемъ, какъ нагрѣть, онъ приказалъ взять кувшинъ съ горячей водой и освѣдомился, что такое у нихъ въ отелѣ внизу: концертъ, или какой-нибудь вечеръ. Онъ видѣлъ, проходя, освѣщенную лѣстницу. Номерной сообщилъ, что у нихъ представленіе: любители играютъ пьесу. Ему приказано было принести афиши. Еще не было поздно. Онъ желалъ, повидимому, переодѣться и отправиться куда-нибудь скоротать вечеръ. Номерной еще не ушелъ, когда показалась изъ своей спальни молодая дама и потребовала, чтобы для ея няни приготовили комнату. Номерной предложилъ постлать въ передней. Мужъ согласился съ этимъ, но жена возмутилась и потребовала отдѣльной комнаты, даже если она будетъ стоить и не дешевле трехъ рублей.

Петербургскій господинъ опять отошелъ къ камину и пожалъ значительно плечами.

— Богъ знаетъ, что такое,—пробормоталъ онъ.

Дама подтвердила еще разъ, чтобы комната для няни была готова, и сѣла за самоваръ.

— Павелъ Петровичъ,—обратилась она къ мужу, — вы пожалуйста не стѣсняйтесь. Идите къ себѣ, умойтесь съ дороги,— вы такъ страдаете отъ избытка чистоплотности.

— Чистоплотности!...

— Слово не изящно?

— Да, его не употребляютъ.

— Гдѣ?

— Въ обществѣ людей моего круга.

Жена быстро поставила чайникъ, который только передъ этимъ взяла, и поднялась съ мѣста.

— Павелъ Петровичъ,—почти крикнула она,—я прошу васъ разъ навсегда не дѣлать мнѣ репримандовъ. Мнѣ двадцать шестой годъ, вы это прекрасно знали, когда женились на мнѣ. Передѣлывать меня поздно. Мой языкъ нисколько не хуже вашего; я нахожу, напротивъ, что онъ богаче и колоритнѣе. Говорить вашей чиновничьей остриженной прозой я не намѣрена.

Карцевъ (такъ звали мужа) подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ее за руку; она отстранила. Онъ выпрямился, точно хотѣлъ от-

ряхнуть пыль съ своего сѣраго дорожнаго пиджака. Желтоватыя его щеки покраснѣли, pince-nez слетѣло съ носа.

— Это уже выходитъ изъ всякихъ предѣловъ,—вырвалось у него.—У васъ нервы, но вѣдь я въ этомъ не виноватъ. Цѣлыхъ сорокъ восемь часовъ на желѣзной дорогѣ вы сначала какъ-то все меня оглядывали и выспрашивали и потомъ начали вести себя...

— Такъ, какъ вы сами на меня дѣйствовали, ни больше, ни меньше, Павелъ Петровичъ.

— Наконецъ, Sophie, это Богъ знаетъ на что похоже. Если бы здѣсь были посторонніе зрители, они подумали бы, что мы играемъ комедію и что нашъ бракъ что-то экстравагантное.

Онъ оперся на столъ и нагнулъ немного голову въ ея сторону.

— Знаете,—продолжалъ онъ,—будь я подозрителенъ, я бы сказалъ, глядя на васъ, что вашъ выходъ замужъ за меня какая-то макіавелевская комбинація.

— Какой стиль! — вскрикнула Карцева и отхлебнула изъ чашки.

— Я говорю серьезно и прошу меня выслушать, — продолжалъ мужъ.—Да, такъ оно могло показаться каждому, даже и наивному человѣку.

— Да что же такое?—досадливо выговорила она тономъ женщины, почувствовавшей что-то противное во рту.

— Вѣдь, если я не ошибаюсь,—выговаривалъ онъ точно дѣлалъ докладъ кому-нибудь, — вы были знакомы и съ разными передовыми юношами, съ разными упразднителями,—такъ, кажется, они называютъ себя? Почемъ же знать, можетъ-быть одинъ изъ нихъ и предложилъ вамъ такой проектъ: выйти замужъ за перваго попавшагося подходящаго человѣка и потомъ на желѣзной дорогѣ, послѣ вѣнца, повести дѣло къ разрыву...

— А вы считаете меня на это способной?—спросила она и ея полныя, выразительныя губы сложились въ усмѣшку.

— Я этого не говорю,—что же возмущаться? Обыкновенно между новыми людьми это дѣлается по взаимному соглашенію, не правда ли? Вы слишкомъ умны, чтобы сразу не разсмотрѣть, способенъ ли я пойти на такую сдѣлку; но все это я говорю, какъ бы сказать, въ видѣ... Словомъ, j'invente une situation...

Она откинулась на спинку кресла. Видно было, какъ самые звуки голоса этого человѣка несимпатичны ей, какъ она внутренно тяготится этою манерой тянуть слова и подыскивать выраженія.

— Прекрасно!—вскричала она.—Это довершаетъ, какъ послѣдній штрихъ, вашу душевную физіономію.

Карцевъ потянулся, отошелъ нѣсколько шаговъ къ камину, потомъ опять приблизился къ столу и выговорилъ гораздо выше звукомъ и злѣе:

— Софья Григорьевна, я нахожу такой тонъ совершенно неумѣстнымъ.

Онъ взялъ чашку и сѣлъ съ ней на противоположной сторонѣ гостиной, у маленькаго столика. Жена продолжала пить изъ своей чашки маленькими глотками.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣтила она, не мѣняя тона.—То, что вы сейчасъ сказали, въ сущности совсѣмъ меня не обидѣло. Можетъ-быть мнѣ въ самомъ дѣлѣ лучше было бы выйти за васъ—вотъ такъ, макіавелевскимъ способомъ, какъ вы выражаетесь... Только, Павелъ Петровичъ, надобности никакой не было. Мнѣ разсказывали про такія замужства; это дѣлается, когда дѣвушкѣ надо освободиться изъ-подъ гнета, она желаетъ жить на волѣ, ей необходимо ѣхать учиться или что-нибудь другое... Но мнѣ ничего этого не нужно было.

— Я полагаю.

— Я могла уѣхать куда мнѣ угодно, а вотъ видите не уѣхала.

Карцевъ всталъ.

— Вы говорите это такимъ тономъ, точно хотите сказать: и сдѣлала колоссальную глупость!

Она немного помолчала и потомъ перемѣнила выраженіе своего голоса.

— Перестанемъ, — выговорила она. — Въ самомъ дѣлѣ это банально такъ перебраниваться.

— Я надѣюсь,—подтвердилъ Карцевъ.

III.

Пришелъ опять номерной, подалъ афиши и удалился. Карцева спросила своего мужа, куда онъ собирается. Онъ посмотрѣлъ въ афиши и прочелъ, что даютъ «Женитьбу Бѣлугина». У нея вырвалось:

— Какъ они счастливы, эти любители! Имъ конечно веселѣе.

Няня Марья изъ двери спальной доложила, что все готово. Карцева предложила ей чаю.

Это вызвало опять разговоръ между супругами. Мужъ предупредилъ жену, что онъ не желаетъ сажать ея няньку за одинъ

столъ съ собою, потомъ поглядѣлъ опять въ афиши и спросилъ, не хочетъ ли она поѣхать смотрѣть «Демона».

— Я спать хочу,—рѣзко отвѣтила она.

Мужъ продолжалъ читать вслухъ: «во всѣхъ залахъ россійскаго благороднаго собранія маскарадъ. Оркестръ Рябова и хоръ русскихъ пѣвцовъ подъ управленіемъ г. Иванова». И задумался.

— Это васъ соблазняетъ?—спросила она.

— Нисколько. Но, право, я боюсь, что такой tête-à-tête окончательно разстроитъ ваши нервы.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, поѣзжайте, если вамъ хочется. Поѣзжайте слушать «Демона» или смотрѣть этихъ любителей... Идите.

— А еслибъ я поѣхалъ въ маскарадъ?—промолвилъ онъ и, подойдя къ чайному столу, оперся объ него обѣими руками.

— Почему же именно въ маскарадъ?—оживленнѣе спросила она.

— Такъ. Развѣ вамъ не все равно?

— Надо открывать сундуки, вынимать платье. Не поѣдете же вы въ этой дорожной визиткѣ.

— Это дѣло десяти минутъ.

— Какъ вамъ угодно,—проговорила Карцева совсѣмъ другимъ тономъ.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся мужъ.— Вотъ видите ли, Софья Григорьевна, вы наблюдали меня въ вагонѣ, производили мнѣ смотръ вѣроятно затѣмъ, чтобы въ чемъ-нибудь поймать, въ какомъ-нибудь противорѣчіи съ поступками моими или... я не знаю чѣмъ: тономъ, манерой...,—я въ это не желаю углубляться,—а вотъ теперь и я тоже вижу, что говорить легче, чѣмъ примѣнять слова къ дѣлу.

— Это что еще? — почти вскрикнула она и встала изъ-за стола.

— Позвольте мнѣ досказать,—продолжалъ мужъ, впадая опять въ свою манеру чиновника, докладывающаго о дѣлѣ.—Вы вѣдь были дѣвушкой передовой...

— Я и теперь дѣвушка!—значительно отвѣтила она.

Онъ не останавливался и продолжалъ:

— Вы меня даже немного напугали одно время своими взглядами, принципами, всѣмъ вашимъ... какъ это сказать... женскимъ радикализмомъ.

— Прекрасно.

— Такъ вотъ, откровенно говоря, я смущался одно время. Шире васъ никто, кажется, не смотрѣлъ ни на бракъ, ни на взаимную свободу супруговъ. А вотъ теперь: я вамъ шутя сказалъ, что поѣду въ маскарадъ, и васъ это совсѣмъ передернуло.

Она начала оправдываться и увѣрять, что ей рѣшительно все равно.

— Однако...—протянулъ мужъ, и въ этомъ словѣ было столько раздражающаго недовѣрія, что она опять не выдержала.

— Ваше желаніе, Павелъ Петровичъ, куда-нибудь дѣться, поѣхать въ маскарадъ сегодня—это окончательно рисуетъ человѣка.

— Я еще не высказалъ опредѣленнаго желанія,—возразилъ онъ.—Но если вы будете продолжать со мною въ такомъ тонѣ, я нарочно поѣду.

— Нарочно?

— Да.

— Въ видѣ исправительной мѣры?

— Въ видѣ огражденія себя на будущее время. Это—разъ. Да и вамъ не мѣшаетъ быть послѣдовательнѣе. Вы думаете, что достаточно говорить фразы, воображать себя передовой дѣвушкой безъ предразсудковъ. А вы читали когда-нибудь одну пьесу Дюма-фиса, въ которой женщина зрѣлыхъ лѣтъ, мать, съ передовыми идеями, воображала также, что она выше предразсудковъ, а когда сынъ ея проситъ позволенія на бракъ съ дѣвушкой хорошей, но съ дѣвицей-матерью, она возмущается...

— Что же тутъ общаго?—перебила Карцева.

— Очень много, только факты крупнѣе.

Онъ выговорилъ это какъ человѣкъ одержавшій побѣду, закурилъ папиросу и, какъ-то покачиваясь на длинныхъ, худыхъ ногахъ, подошелъ къ зеркалу и расправилъ свои бакенбарды.

Встала и Карцева. Щеки ея горѣли.

— И прекрасно,—сказала она болѣе глухимъ голосомъ.—Поѣзжайте, я буду очень рада,—мнѣ хочется спать. Я вижу, что если мы будемъ разговаривать такъ за самоваромъ, то мои нервы окончательно расходятся. Поѣзжайте, поѣзжайте, но позвольте мнѣ вамъ сказать, Павелъ Петровичъ, что ко всѣмъ вашимъ милымъ качествамъ присоединяется еще сухое упорство и злобность. Вамъ и не хочется совсѣмъ ѣхать, но вы нарочно поѣдете. Позвольте мнѣ объявить вамъ здѣсь разъ навсегда, что я такихъ свойствъ выносить не желаю. Вы можете ѣхать, но знайте, что это равносильно...

— Чему?—спросилъ Карцевъ умышленно спокойно.

— Разрыву!—выговорила она и посмотрѣла на него своими большими умными и смѣлыми глазами.

— Ха-ха-ха!... Полноте, что за комедія! Всему есть мѣра.

— Я говорю серьезно.

— А я не могу принимать этого серьезно.

Онъ пошелъ къ двери. Она сдѣлала два шага, хотѣла себя сдержать и все-таки окликнула его.

— Что вамъ угодно?—насмѣшливо кинулъ онъ ей.

— Вы ѣдете?

— Да-съ. До свиданія, до завтра.

И вышелъ, беззвучно ступая по ковру.

IV.

Въ комнатѣ тускловато горѣли свѣчи въ жирандоляхъ. Самоваръ пересталъ гудѣть. Молодая женщина прошлась нѣсколько разъ взадъ и впередъ, потомъ больше упала, чѣмъ сѣла, на диванъ. На лицѣ ея была и досада на себя, и раздраженіе па этого человѣка. А человѣкъ этотъ—ея мужъ и она по доброй волѣ шла за него, стояла съ нимъ подъ вѣнцомъ три дня тому назадъ.

Какъ это все и глупо, и пошло—то, что случилось сейчасъ. Формально онъ былъ правъ. Она начала къ нему придираться, говорила съ нимъ такимъ тономъ, какимъ конечно не говорятъ на третій день супружества, да еще во время любовнаго путешествія супруговъ на иностранный манеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ей сдѣлалось какъ бы и пріятно, но только на одинъ мигъ. Она точно почувствовала возможность освободиться...

— Софьюшка!— окликнулъ ее жирный и вздрагивающій голосъ няни съ порога спальни,—почивать бы тебѣ.

Карцева опустила голову и оперлась ею на ладонь правой руки.

— Няня, поди-ка сюда.

— Что, Софьюшка?—спросила Марья и, подойдя къ молодой женщинѣ, опустила ей правую руку на спину.

Карцева встала, обняла ее и потомъ опять опустилась вмѣстѣ съ нею на диванъ.

— Ахъ, няня, няня!—вырвалось у нея.

Трудно было ей еще говорить даже и Марьѣ.

— Что, неладно, вижу?

— Дрянь!—крупнымъ шепотомъ выговорила Карцева и тотчасъ подняла голову. Ея темно-малиновыя губы раскрылись и въ глазахъ промелькнулъ блескъ.

— Муженекъ-то?—тихимъ шепотомъ спросила Марья и нагнулась къ ней своимъ добрымъ лицомъ.

— Да, дрянь, да еще какая!

Тутъ только заслышались у ней въ голосѣ слезы. Она отвернула голову. Въ этомъ движеніи было что-то милое и дѣтское, несмотря на ея крупные размѣры.

— Я назадъ поѣду.

— Куда назадъ?—почти съ ужасомъ переспросила Марья.

— Къ отцу.

— Что ты Соничка!...

— Да, да, завтра поѣду. Спи здѣсь на диванѣ и запрись.

И тутъ она совершенно уже по-дѣтски поникла ей головой на плечо.

Протянулось молчаніе. Слезъ не было слышно. Потомъ сталъ раздаваться тихій голосъ няньки.

— Вотъ, Софьюшка,—приговаривала она, точно будто сидя въ сумеркахъ въ дѣвичьей,—все ты по-своему дѣлала, анъ и поймалась. Гдѣ у тебя глаза-то были? И я, даромъ что на мѣдныя деньги учена, говорила тебѣ; не такого нужно человѣка. Эдакій ты огонь! И съ дѣтства привыкла ты хозяйкой быть. Чего ужь грѣха таить, папенька-то весь свой вѣкъ прыгалъ, прыгалъ предъ тобой... И ума не приложу, зачѣмъ ты этого бѣлобрысаго выбрала. Захотѣлось генеральшей быть, что-ли, тамъ въ Петербургѣ? Или на деньги позарилась? Ты—богатая, а у него врядъ ли кромѣ жалованья много; я сейчасъ вижу, что онъ изъ такихъ. Да вѣдь какая сласть, хоть онъ и въ министры попадетъ?

Карцева молчала. Все это—правда, правда до смѣшнаго. И вотъ ея простая, немудрая Марья Захаровна подводитъ ей итоги. Такъ сдѣлалось ей горько и больно, почти физически больно, точно кто кольнулъ ее между ребрами.

— Да, да, няня,—глухо вскрикнула она и вскинула руки съ сжатыми кулаками.—Дура я, дура!... И что это дѣлается иногда? Была дѣвчонкой, потомъ старше, девятнадцати, двадцати лѣтъ, смѣялась надъ замужствомъ. Зачѣмъ, говорила я, пойду? Любить и такъ можно...

— Что ты, Соничка!—остановила нянька.

— Да ничего! Такъ вотъ и говорила, ты сама помнишь. А тутъ какая-то вялость на меня напала, все равно точно чего испугалась...

— Двадцать шестой годокъ пошелъ, Софьюшка...

— Да развѣ я старуха?—спросила Карцева и брови ея поднялись верхними концами.

— Старуха не старуха,—на видъ-то, пожалуй, и двадцати двухъ не дадутъ,—а такъ женскимъ дѣломъ что-то совѣстно становится...

Карцева встала и начала ходить по комнатѣ. Никогда еще не говорила она, даже съ этой Марьей Захаровной, такъ просто и тепло. Жалѣла она свою няньку, но держала себя балованной и часто высокомѣрной барышней.

— Да,—выговорила она,—не любила я никогда. Много, много разныхъ мужчинъ прыгали и въ деревнѣ, и за границей...

— Чего еще!—вырвалось у Марьи.—Тамъ на морѣ-то пучеглазый итальянецъ... Не больно онъ былъ мнѣ по нутру. Думала, ты за него собираешься. Увезъ бы, и все бы лучше. Тотъ какъ слѣдуетъ былъ: и глаза, и волосы, и ростъ, и пѣлъ какъ сладко... И богатъ былъ: сколько однѣхъ лошадей... Правилъ самъ. Точно картинка! И годами... много что года на три тебя старше. Не судьба!

Послѣднихъ словъ Марьи Карцева какъ будто не слыхала. Она повернулась быстро на коблукѣ и совсѣмъ другимъ голосомъ приказала:

— Открой сундукъ, вынь мнѣ черное платье! Я тоже поѣду въ маскарадъ.

Марья Захаровна не на шутку испугалась.

— Что это ты, Софьюшка! Какже это? Третьяго дня свадьба была; всю дорогу вы какъ-то ежились, а теперь одинъ другому на зло...

«Я не буду его женой. Завтра я уѣду,—рѣшила про себя молодая женщина.—Я хочу ему показать, что онъ для меня не существуетъ. Я не только не желаю ни въ чемъ уступать ему, но ни на каплю не уважаю его».

Нянька подошла къ ней близко, подставила свое доброе полное лицо и шутливо проговорила:

— Полно, кипятокъ! Вѣдь самой завтра стыдно будетъ.

— Ты не станешь открывать сундукъ? Не нужно. Пей чай.

Я сама одѣнусь,—мнѣ одно платье накинуть, маску тамъ напрокатъ достану. Пей тутъ чай и спроси у корридорнаго, куда ѣхать.

Она поцѣловала Марью.

— Голубушка няня, ты-то меня не разстроивай еще больше! Такъ надо сдѣлать, и я сдѣлаю.

Карцева убѣжала въ спальню. Марья Захаровна знала, что противорѣчить ей нельзя. Она допросила номернаго, гдѣ маскарадъ, можно ли нанять карету, и когда ея Софьюшка вошла въ гостиную въ черномъ платьѣ съ кружевною отдѣлкой, она спросила ее вполголоса:

— Софьюшка, ты нѣшто въ серьезъ это?

— Видишь, няня,—отвѣтила Карцева, поцѣловала ее и спросила еще разъ, уѣхалъ ли мужъ.

Оказалось, что онъ уже съ полчаса какъ уѣхалъ.

Няня укутала свою барышню и сѣла пить чай. Карцева приказала ей приготовить чего-нибудь поужинать.

V.

Часа три спустя въ той же гостиной шестирублеваго номера за столомъ, съ остатками ужина, сидѣла Карцева и рядомъ съ нею молодой мужчина во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Свѣчи догорали въ канделябрѣ; вся комната темнѣла по угламъ.

Мужчина—блондинъ, человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, съ изящной, нѣсколько полною фигурой, не похожъ былъ ни на адвоката, ни на отставнаго военнаго. Въ прическѣ, въ тонкихъ усахъ и въ подстриженной на щекахъ бородѣ было что-то отзывающееся жизнью за границей; но сѣрые глаза, очертанія лба, усмѣшка, манера сидѣть—все это было несомнѣнно русское.

Эта номерная гостиная съ остатками ужина и догорающимъ канделябромъ смотрѣла особымъ кабинетомъ ресторана. И запахъ въ ней стоялъ точно такой же — смѣсь папироснаго дыма съ испареніями ѣды. Голову Карцевой драпировала кружевная мантилья. Бюстомъ она наклонилась къ столу и положила на него лѣвую руку. На своего гостя смотрѣла она полузакрывъ глаза. Блѣдное ея лицо замѣтно подцвѣтилось румянцемъ нервнаго возбужденія. Она была чрезвычайно хороша въ эту минуту.

Молодой человѣкъ отложилъ папиросу, наклонился къ своей дамѣ и взялъ ее за руку.

— Кто вы и гдѣ я?—спросилъ онъ вполголоса, заглядывая ей въ лицо.

Тонъ у него былъ пріятный, не фатовской, говорилъ онъ теноровыми нотами.

— Угадайте,—отвѣтила Карцева.

— Зачѣмъ мнѣ угадывать? Я такъ счастливъ. Мнѣ все кажется, что это сонъ.

Онъ облокотился на столъ и еще продолжительнѣе поглядѣлъ въ лицо Карцевой. Въ его говорѣ было что-то изящное и мягкое. Чувствовалось, что этотъ человѣкъ заботился съ ранней молодости о своей дикціи.

— Вы допускаете,—спросила Карцева,—что могутъ быть такія встрѣчи, знаете, какъ...

— Какъ въ «Ромео и Юліи»?—подсказалъ онъ.

— Да.

Онъ еще придвинулся къ ней и немного опустилъ глаза.

— И очень допускаю,—выговорилъ онъ.

— А были въ вашей жизни такія точно встрѣчи?

— Совсѣмъ такихъ не было; я не хочу лгать. Разъ въ Италіи... Но тамъ это обошлось маленькимъ увлеченіемъ.

Тутъ онъ оглядѣлъ комнату, бросилъ взглядъ на дверь въ спальню и немного откинулся на спинку дивана.

— Вы здѣсь въ отелѣ?—спросилъ онъ.

Въ этомъ вопросѣ было и недоумѣніе, и удовольствіе, какое испытываетъ всякій мужчина, ожидающій развязки.

— Я пріѣзжая, — сказала Карцева.—Я уже это вамъ говорила.

— Вдова?

И этотъ вопросъ былъ сдѣланъ безъ излишняго заигрыванья.

— Можетъ-быть... Можетъ-быть,—выговорила Карцева и опустила голову.

Она помолчала нѣсколько секундъ и сдѣлала движеніе правою рукой.

— Нѣтъ, послушайте, — заговорила она,—мы не такъ съ вами... Видите ли, я не хотѣла бы ошибиться въ васъ. Мнѣ лицо ваше понравилось въ маскарадѣ. Въ васъ есть что-то не такое, какъ во всѣхъ этихъ фрачникахъ. И вотъ оказалось, что вы художникъ, много ѣздили, ищите хорошихъ ощущеній въ жизни, мнѣ съ вами сдѣлалось ужасно легко. Я опять очутилась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ когда-то было славно, молодо... Точно будто бы я годами была знакома съ вами...

— И я почувствовалъ точно то же,—искренно добавилъ онъ.

— Видите, это не спроста. Только позвольте, я уже сразу хочу договориться. Когда я вамъ предложила поѣхать ужинать, скажите, вы не посмотрѣли на это,—она невольно потупилась,—ну, какъ бы это сказать по-мужски?

— Зачѣмъ эти вопросы?—уклончиво замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, я хочу, чтобы все было ясно...

Она опять немного остановилась, какъ бы запнулась. Передъ ней мелькнулъ этотъ маскарадъ, куда она поѣхала не на зло своему мужу, а для того, быть-можетъ, чтобъ окончательно поставить ему свою отмѣтку. Она не въ первый разъ попадала въ маскарадъ. Въ Петербургѣ года два-три передъ тѣмъ они съ отцомъ проводили часто зимы и она бывала въ маскарадахъ купеческаго собранія. Тутъ въ Москвѣ ей показалось все очень провинціально: много мужчинъ въ сюртукахъ, вмѣсто домино безпрестанно простыя платья, даже цвѣтныя, обтрепанныя мантильи, чадъ отъ кухни и густыя волны дыма въ первой залѣ, гдѣ ужинаютъ. Вотъ она въ большой залѣ съ колоннами. Раздается пѣніе цыганъ, пары ходятъ вяло внизу. Ей даже сдѣлалось немного досадно на себя, что она поѣхала сюда. Въ одной изъ гостиныхъ, гдѣ было больше народа, на диванѣ, покрытомъ грязноватымъ холщовымъ чахломъ, въ углу, она тотчасъ же отыскала глазами мужа, въ очень живомъ разговорѣ съ маской. Эта маска была не похожа на другихъ,—въ бѣломъ атласномъ, дорогомъ домино, плотно укутанная въ бѣлую же кружевную мантилью, съ огромнымъ вѣеромъ и множествомъ браслетъ. Она прошла мимо нихъ два-три раза и схватила нѣсколько фразъ изъ разговора: маска была француженка; ея картавый и сиповатый голосъ рѣзко отдѣлялся отъ общаго гула. Карцевъ сидѣлъ къ ней близко и держалъ за обѣ руки; его правый бакенбардъ касался даже ея плеча.

Не ревность почувствовала она, но гадливость: никогда еще она не видѣла на его чиновничьемъ, статсъ-секретарскомъ лицѣ этихъ линій высушеннаго сатира. Такой онъ будетъ вѣроятно и тогда, когда станетъ требовать отъ нея супружескихъ ласкъ. Даже дрожь пробрала ее. И вопросъ, заданный ей нянькой Марьей, сталъ передъ ней еще безпощаднѣе. Зачѣмъ она шла за этого противнаго, долгоногаго, пошлаго карьериста, мѣтящаго въ министры?... И должна была отвѣтить себѣ, что и въ ней копошился червякъ тщеславія... Любви, страсти она не знала. Было нѣсколько увлеченій, въ томъ числѣ и тѣмъ итальянцемъ, что

вспоминала Марья. Надоѣло это мельканіе жениховъ, всякихъ ухаживателей военныхъ и штатскихъ—у себя въ деревнѣ, въ Петербургѣ, на водахъ, на морскомъ берегу. Себя она чувствовала личностью почти съ мужскимъ характеромъ. Что же такъ прозябать, дожидаться той минуты, когда старою дѣвой начнешь играть въ благотворительность или ударишься въ какую-нибудь душевную блажь?... А этотъ карьеристъ показался какъ разъ такимъ человѣкомъ, на котораго можно опереться и дѣлать общественное дѣло. Да, вотъ какой былъ главный мотивъ... Марья опять догадалась своимъ немудрымъ чутьемъ... Быть женой сановника, имѣть вліятельный сезонъ, направлять, играть роль не для пустаго чванства, а дѣйствительную роль... И этакъ было бы все лучше, чѣмъ метаться и прозябать изо дня въ день, а потомъ кончить тѣмъ, что кинуться на шею какому-нибудь итальянскому натурщику или заѣзжему спириту.

Ходить по этимъ плохо освѣщеннымъ гостинымъ, сталкиваться съ ужасными масками и «кавалерами», похожими на артельщиковъ, дѣлалось томительнымъ. Она выбрала перваго встрѣтившагося ей мущину съ другой внѣшностью, чѣмъ всѣ остальные, взяла его подъ руку и прямо заговорила съ нимъ хотя и на ты, по-маскарадному, но какъ со старымъ знакомымъ. Онъ отвѣчалъ ей въ тонъ. Она узнала, что его фамилія Парашинъ, что онъ учился въ университетѣ, что у него хорошія средства и съ дѣтства отецъ привилъ ему вкусы художника. Годами жилъ онъ въ Италіи, хорошо знаетъ Испанію, серьезно изучилъ не однѣ галлереи, но и всѣ частныя художественныя богатства. Ей сразу понравились его голосъ, мягкость тона, эти московскіе пѣвучіе звуки, воспитанность и какой-то оттѣнокъ всей бесѣды, говорящій, что этотъ любитель искусства ищетъ въ жизни не того, о чемъ толкуютъ другіе... Ей показалось, что такой человѣкъ пойметъ всякій душевный мотивъ.

VI.

— Скажу вамъ прямо,—заговорила опять Карцева,—меня возмутила одна вещь тамъ, въ маскарадѣ. Вы должны были замѣтить, что я вдругъ перемѣнила тонъ?

— Мнѣ не бросилось это въ глаза,—отвѣтилъ Парашинъ.

— Ну, хорошо, но это такъ было. Я въ этомъ не раскаяваюсь. Знаете, вы видите передъ собою женщину, сдѣлавшую ужасную глупость, но она еще поправима.

— Какую же?

— Выйти замужъ безъ привязанности.

— Да?—спросилъ онъ уже серьезнѣе.—Въ этомъ «да» почувствовалась нѣкоторая неловкость.

— А вотъ бываетъ же это. И посмотрите на меня: нужды нѣтъ, что вы знаете меня какихъ-нибудь два-три часа, а все-таки скажите: такая ли я женщина, чтобы поддаться ни съ того, ни съ сего чужой волѣ?

— Думаю, что нѣтъ.

— А все-таки глупость сдѣлала!

Она опустила обѣ руки на столъ и заговорила веселѣе. По глазамъ ея можно было догадаться, что и внутри у ней повеселѣло.

— Завтра, послѣ-завтра, когда вы все узнаете... Да впрочемъ что же! Скажите мнѣ, развѣ не можетъ быть такого положенія: дѣвушка, уже не очень молодая, на полной свободѣ, не знала любви... Вѣдь и вы тоже не знали, скажите?

— Серьезной страсти не зналъ,—выговорилъ онъ вдумчиво.

— Вотъ видите, а вы старше той дѣвушки. На нее находитъ затмѣніе... Но дѣло сдѣлано, обвѣнчались и потомъ въ вагонъ. И въ вагонѣ довольно было двухъ дней, чтобы разглядѣть супруга...

Парашинъ вдругъ разсмѣялся.

— И она окончательно убѣдилась,—продолжала Карцева,—что ея супругъ не только противенъ ей какъ человѣкъ, какъ мущина, но что и къ женщинѣ-то онъ не имѣетъ никакого уваженія.

— И вы убѣдились въ этомъ въ маскарадѣ?—Въ его вопросѣ чуть замѣтно зазвучала опять другая нота.

Карцева встала изъ-за стола и отошла къ камину.

— Да, я убѣдилась,—выговорила она все тѣмъ же возбужденно-веселымъ тономъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Стало-быть?...—спросилъ онъ, наклоняя голову.

Она взяла его руку и подвела къ небольшой козеткѣ.

— Сядемте,—сказала она.—Разумѣется, наша встрѣча, знакомство... То, что я вамъ говорила, не правда ли, странно, даже какъ бы это сказать... все это неприлично, скабрёзно?... Но оно такъ.

— Ахъ, Боже мой!—вскричалъ Парашинъ, но не очень пылко.—Мало ли что даетъ жизнь! Повторяю, все это какой-то чудный сонъ.

— Нѣтъ, это не сонъ,—выговорила она низкимъ голосомъ.—Мнѣ кажется, что у насъ натуры очень похожи. Мы люди одного сорта и намъ нужно имѣть больше смѣлости... Докажемте это!—вдругъ вскрикнула она и подняла голову.

— Какимъ же образомъ?—спросилъ вполголоса Парашинъ и правая рука его опустилась.

— Докончимъ наше приключеніе, не будемъ ничего бояться... Послушайте,—она наклонилась къ нему,—я вамъ нравлюсь?

Художникъ взялъ ее за руку и окинулъ ее мужскимъ взглядомъ.

— Чрезвычайно!

— Нѣтъ, я не хочу такого тона. Вы теперь видите, кто съ вами говоритъ и гдѣ вы.

Онъ это видѣлъ и, кажется, такое открытіе начинало выводить его изъ первоначальнаго маскараднаго настроенія.

— Вы мнѣ очень, очень симпатичны, — говорилъ онъ своимъ мягкимъ, нѣвучимъ голосомъ, — и, даже прямо сказать, я не встрѣчалъ такихъ женщинъ, а я много ѣздилъ. Въ васъ есть что-то поражающее меня своей оригинальностью, смѣлостью, какъ вы сейчасъ сказали. Я уже не говорю о наружности, о вашемъ изяществѣ. Вѣдь я художникъ,—правда диллетантъ, немножко баринъ, но все-таки художникъ,—и вотъ мнѣ кажется, что у васъ красота въ полной гармоніи съ вашимъ душевнымъ типомъ...

— Хорошо, хорошо, — перебила она, — я вамъ вѣрю. Такъ вотъ и разрѣшите наше приключеніе.

— Какъ? Приказывайте!—вскричалъ онъ уже возбужденно.

— Помогите мнѣ. Дѣвушка вполнѣ свободная, считавшая себя умницей... Та дѣвушка, что сдѣлала великую глупость—я.

Точно будто она поразила его неожиданностью: такъ быстро онъ всталъ и выговорилъ съ изумленіемъ:

— Вы замужемъ, и вы...

Еще разъ повторила Карцева ему исторію своего замужства, разсказала сцену, какая была въ этой самой комнатѣ, не утаила и того, что заставило ее поѣхать въ маскарадъ. Прежде, чѣмъ она подошла къ Парашину, она уже увидала вполнѣ, что такое ея супругъ, даже если требовать простой порядочности. Она не скрыла отъ художника, что ихъ разговоръ, ихъ быстрое

сближеніе показались ей не спроста. Ей не стоило никакого усилія пригласить его къ себѣ ужинать. Это была не бравада... Она просто хотѣла быть свободной вполнѣ, провести еще два часа вмѣстѣ, сдѣлать изъ этой встрѣчи что-нибудь хорошее, прочное...

Но красивый блондинъ, хотя и улыбался, внутренно слушалъ ее съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— И вашъ мужъ здѣсь?—спросилъ онъ, стараясь выговорить эти слова проще.

— Нѣтъ, онъ еще не возвращался,—отвѣтила Карцева совершенно небрежно.—Но онъ вернется вѣроятно черезъ полчаса, можетъ-быть сейчасъ.

— Вернется сюда, въ эту комнату?

— У него отдѣльная комната, но я думаю, что онъ придетъ сюда.

Парашинъ заходилъ.

— Но зачѣмъ же это?—вырвалось у него.—Мнѣ кажется, можно было бы вамъ, если вы окончательно рѣшились разорвать съ этимъ человѣкомъ, какъ это ни странно и порывисто, сдѣлать это иначе...

— То-есть какъ же иначе?—опять своимъ низкимъ, серьезнымъ голосомъ спросила Карцева.

— Безъ лишняго скандала.

Она подошла къ нему.

— Какой же можетъ быть скандалъ?

Онъ взялъ ее за руку и заговорилъ искренними звуками, точно старшій братъ или другъ женщины, рѣшившейся на что-нибудь неподходящее.

— Послушайте, я васъ старше, опытнѣе, наконецъ ваша симпатичность, прелесть, умъ—все это заставляетъ меня быть съ вами иначе. Я буду говорить какъ братъ...

— Какъ братъ?—повторила она и чуть замѣтно усмѣхнулась.

— Ни на что другое я не имѣю права,—продолжалъ онъ уже съ намѣренною сдержанностью.—Не дѣлайте этого, не давайте вашему мужу повода... Вы хотя и замужемъ, но, судя по вашимъ словамъ...

Онъ не договорилъ. Она своимъ лицомъ отвѣтила ему, что онъ не ошибается.

— Вотъ видите! Зачѣмъ же давать человѣку, котораго вы не уважаете, даже презираете, формальное право нападать на васъ? Не забывайте, что онъ все-таки мужъ вашъ. Вотъ сей-

часъ отворится дверь, онъ войдетъ, и что же ему представится? Вы черезъ двое сутокъ послѣ вашего вѣнчанія возвращаетесь изъ маскарада съ чужимъ мужчиной, приглашаете его къ себѣ, ужинаете съ нимъ... Вотъ даже остатки этого ужина. Всѣ улики противъ васъ.

— Я этого и хочу!—вскричала Карцева. Лицо ея улыбалось.

— Но зачѣмъ же? Если онъ не извергъ, не окончательный пошлякъ, то, мнѣ кажется, вы можете разойтись и просто, не прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ.

— Конечно; но я не желаю этого. Я дѣлаю это не для него,— я хочу видѣть, не ошибаюсь ли я еще разъ...

Продолжительно посмотрѣла она на Парашина. Онъ ничего не отвѣтилъ. Руки его не протянулись къ ней. Въ эту минуту дверь въ переднюю отворилась съ нѣкоторымъ усиліемъ.

VII.

Въ дверяхъ стоялъ Карцевъ въ шляпѣ и въ маскарадномъ туалетѣ. Парашинъ быстро подался назадъ. Онъ первый увидалъ его и шепотомъ спросилъ Карцеву:

— Это онъ?

Она нисколько не смутилась и сама повернулась къ двери.

— Павелъ Петровичъ,—заговорила она какъ ни въ чемъ ни бывало и даже насмѣшливо,—вы можетъ-быть не ужинали? Пожалуйста присядьте. Позвольте васъ познакомить: мой кавалеръ по маскараду. Поговорите, я сейчасъ.

Мужъ не успѣлъ даже осмотрѣться, какъ она уже скрылась за дверью въ спальню. Протянулась большая пауза. Оба мужчины смотрѣли другъ на друга. Парашинъ сначала улыбался, но нашелъ видно, что это неприлично или рискованно, и лицо его получило выраженіе, какое принимаютъ французскіе актеры передъ вызовомъ на дуэль.

Карцевъ, снявъ шляпу, подходилъ медленно къ нежданному гостю. Углы его сухаго рта оттянулись, онъ злобно прищурилъ глаза; въ эту минуту его точно перекосило. По возбужденной измятости лица видно было, что онъ самъ является съ ужина.

— Кто вы?—выговорилъ онъ и глухо, и трусливо.

Парашинъ смутился больше, чѣмъ желалъ.

— Вы изволили слышать сейчасъ.

— Ваша фамилія?—поднялъ голосъ Карцевъ.

Этотъ допросъ заставилъ Парашина пріободриться.

— Я не считаю нужнымъ говорить вамъ ее,—сказалъ онъ сухо и повернулся.

— Да что же это такое наконецъ?—вскричалъ Карцевъ.— Вы вѣрно думаете, что вы здѣсь...

— Пожалуйста,—остановилъ его художникъ,—не доканчивайте. Я знаю, гдѣ я. Ваша жена попросила меня проводить ее изъ маскарада и, какъ видите, пригласила меня поужинать.

Карьеристъ взялъ верхъ. Карцеву представились сейчасъ же всѣ послѣдствія скандала. Онъ схватился за голову и началъ своими длинными ногами бѣгать по комнатѣ.

— Это Богъ знаетъ что такое!—повторилъ онъ нѣсколько разъ и вдругъ кинулся въ двери спальной:

— Sophie! Софья Григорьевна!

— Воздержитесь,—говорилъ ему въ спину Парашинъ,—и позвольте мнѣ вамъ сказать, что я тутъ играю страдательную роль, но я вижу, что ваша супруга находится въ возбужденномъ состояніи. Она, кажется, имѣла причины поступить такъ эксцентрично. Прошу васъ однако вѣрить, что этотъ ужинъ не имѣлъ ничего обиднаго для вашей супружеской чести...

Карцевъ обернулся и оскалилъ длинные, желтоватые зубы.

— Милостивый государь,—прошипѣлъ онъ,—пожалуйста безъ этихъ объясненій! Я просилъ бы васъ удалиться.

Видимо облегченный, Парашинъ отступилъ два шага назадъ.

— Стало-быть,—сказалъ онъ,—вы вѣрите мнѣ? Вы видите, что я игралъ тутъ чисто-страдательную роль...

Выходъ Карцевой изъ спальни перебилъ его рѣчь. Она уже сняла мантилью. Ея бѣлая, строгихъ линій, шея обнажилась больше, лицо было очень блѣдно, губы нервно вздрагивали.

— Ха-ха-ха!—разразилась она.—Это прекрасно! Двое мужчинъ—мужъ зрѣлыхъ лѣтъ и молодой человѣкъ—en bonne fortune.

Она обернулась къ Парашину:

— Я васъ не подслушивала, но по неволѣ слышала вашъ разговоръ. И знаете ли?—я нарочно оставила васъ здѣсь...

— Софья Григорьевна,—перебилъ ее мужъ,—я прошу васъ прекратить... Это выше всякаго вѣроятія!...

Она сдѣлала только жестъ рукой.

— Съ вами я потомъ поговорю,—и, обернувшись опять къ Парашину, спросила:—Такъ вы играли страдательную роль?

Онъ промолчалъ.

— Вы извиняетесь?... Вамъ страшно стало?

Лицо Парашина сразу заалѣлось.

— Позвольте,—началъ онъ,—я думалъ, напротивъ, что вы оцѣните мое поведеніе...

— Я его и оцѣнила. Что же?—я опять ошиблась. Очень безумно, эксцентрично, даже ни на что не похоже!... И какъ глупо и скандально въ глазахъ супруга и въ глазахъ jeune premier. Вотъ я прямо говорю, что вы мнѣ понравились; я думала, что я найду въ васъ натуру, какая мнѣ нужна. Чего лучше было поставить васъ въ это положеніе, а вы вотъ какъ изъ него выходите...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, художникъ раздражался.

— Да что же вамъ угодно?—уже сухо спросилъ онъ.—Я не понимаю, какъ у васъ достаетъ...

— Смѣлости, хотите вы сказать?

— Да-съ, ея гораздо больше, чѣмъ нужно...

Карцева взялась за ручку двери правой рукой, а лѣвой сдѣлала кругъ въ воздухѣ.

— Такъ что же, господа,—еще возбужденнѣе начала она,—объяснитесь, покричите и, наконецъ, подеритесь или вызовите другъ друга на дуэль. Павелъ Петровичъ, вѣдь вы видите, какое положеніе? А вы,—она обернулась къ Парашину,—вы, monsieur Парашинъ... Вотъ мой мужъ, вы знаете мотивъ моего поведенія. Вы сейчасъ мнѣ говорили, и за этимъ столомъ, и на этомъ диванѣ, что наша встрѣча была для васъ чуднымъ сномъ, откровеніемъ, вы нашли, наконецъ, женщину, въ которой, какъ вы выразились, красота гармонируетъ съ душевнымъ содержаніемъ... Вѣдь такъ, кажется, вы говорили? Вы очень краснорѣчивы, даже для художника; замѣчательно хорошо говорите. Докажите же все это, я жду. Боже мой! еслибъ я была мужчиной, на вашемъ мѣстѣ... Такое приключеніе, такая встрѣча!... Можетъ ли все это быть выгоднѣе для васъ?

— Извините меня,—промолвилъ Парашинъ,—вашему мужу надо...

Она обернулась къ мужу:

— Хоть вы поддержите ваше достоинство,—вы имѣете на это полное право. Вотъ сейчасъ monsieur Парашинъ началъ даже читать мнѣ нотацію, испугался вашего прихода... И дѣйствительно, большой скандалъ! Меня застали съ чужимъ мужчиной, остатки ужина, номеръ отеля—en flagrant délit, съ поличнымъ!...

Злобность боролась въ карьеристѣ со страхомъ скандала. Онъ почти не могъ ничего выговорить,—до такой степени ему сжало горло. Съ большимъ усиліемъ вскрикнулъ онъ опять:

— Что же это такое?

— Вы сами видите,—отвѣтила она.

— Поводъ къ разрыву, что ли? Такъ развѣ нельзя было это сдѣлать иначе, если у васъ явилась такая предательская мысль?

— А вы какъ думаете?—спросила Карцева художника.

— Мнѣ кажется, мужъ вашъ по-своему правъ.

Раздался опять ея нервный хохотъ.

— Прекрасно, господа, вы стóите другъ друга! Такъ вы думаете, Павелъ Петровичъ, что и тутъ я только подвела васъ? Ухватилась за первое попавшееся средство, очень скандальное, чтобы дать вамъ возможность поймать меня и уличить въ супружеской невѣрности, сейчасъ въ отелѣ созвать прислугу?

Мужъ опустился въ кресло и вынулъ платокъ.

— Я не желаю вамъ отвѣчать,—все съ тѣмъ же усиліемъ выговорилъ онъ.

Тогда она подбѣжала къ нему и начала трясти его за руку.

— А, вы не желаете отвѣчать?!... Господинъ художникъ, пожалуйте сюда. Вы читали мнѣ нравоученіе,—надо было бы дослушать меня. А вы, Павелъ Петровичъ, вы смѣете говорить мнѣ такъ? Да, я сдѣлала все то, что вы видите. Я пріѣхала въ маскарадъ; меня окончательно взбѣсили ваша жесткость, упорство,—я захотѣла сейчасъ же разорвать съ вами. Вы сидите съ маской, съ француженкой; я, глядя на васъ, сказала себѣ: онъ по-своему имѣлъ право разсердиться, встрѣтился съ знакомой маской, болтаетъ съ нею—все это въ порядкѣ вещей. Но вы... вы черезъ полчаса уѣхали съ этой женщиной. Павелъ Петровичъ, я знаю, что это значитъ,—мнѣ двадцать шестой годъ... Не думайте, что я васъ приревновала. Но у васъ недостало, значитъ, простой брезгливости, тѣни уваженія ко мнѣ, какъ къ женщинѣ. А вы всего четвертый день считаетесь моимъ мужемъ. Замѣтьте, вы не сдѣлали этого раг dépit, въ отместку мнѣ, прямо въ глаза,—я бы допустила это,—но вы не знали, что я въ маскарадѣ.

Карцева освободила руку мужа и отошла въ сторону. Онъ молчалъ и вытирался платкомъ.

— Вотъ факты,—заговорила она.—Такъ поступилъ мужъ, а жена встрѣтила, послѣ того, какъ онъ уѣхалъ съ первой по-

павшейся кокоткой, молодаго человѣка... Онъ показался ей смѣлымъ, настоящимъ артистомъ. Она думала, что онъ способенъ сразу оцѣнить женщину и привязаться къ ней. Вотъ она пріѣхала съ нимъ сюда, разсказала ему все; она настолько увѣровала въ него, что не побоялась даже поставить его въ щекотливое положеніе. Напротивъ, она была убѣждена, что эта сцена окончится такъ, какъ она желала...

Карцева опустилась на диванъ и закрыла лицо руками на нѣсколько минутъ.

— Но зачѣмъ я все это говорю? Господа, вы можете подать другъ другу руку,—вы одинъ другаго стóите. Я васъ не удерживаю больше.

— Но послушайте, Софья Григорьевна,—крикнулъ было мужъ,—вы полагаете, что...

Она опять встала и подбѣжала къ нему.

— Что я полагаю, я вамъ завтра дамъ объ этомъ знать; но ваша ноґа не переступитъ этого порога. Больше вы не услышите моего голоса. Прощайте!

И обернувшись въ сторону гостя она добавила:

— Извините меня,—видно, для васъ такое испытаніе было слишкомъ сильно...

И мужъ и гость молчали. Она отвернулась отъ нихъ и слабѣющимъ голосомъ выговорила:

— Довольно. Прошу васъ, господа, оставьте меня...

Черезъ минуту гостиная опустѣла.

П. Боборыкинъ.

Москва. 1881 г.

ОШИБКА.

ЭСКИЗЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Генриха Сенкевича.

(съ польскаго.)

ВСТУПЛЕНІЕ.

Происшествіе, послужившее мнѣ предметомъ этого эскиза, случилось въ одномъ изъ американскихъ городковъ. Было ли это на западѣ или на востокѣ, я не могъ разузнать, хотя, собственно говоря, это не составляетъ особой важности. Можетъ-быть какой-нибудь нѣмецкій или американскій писатель воспользовался уже этимъ происшествіемъ, что, по моему мнѣнію, такъ же мало должно интересовать читателей, какъ и вопросъ о мѣстности.

Пользуясь авторскими правами, я переношу дѣйствіе въ Калифорнію, причемъ постараюсь придать моему разсказу характеристическія черты, свойственныя жизни здѣшняго малолюднаго городка.

Въ одной изъ мѣстностей графства Марипоза, пять лѣтъ тому назадъ, были открыты источники нефти. Огромныя выгоды, которыя приносятъ подобные источники въ Невадѣ и другихъ штатахъ, тотчасъ побудили нѣсколькихъ предпринимателей къ организаціи компаніи съ цѣлью эксплуатаціи новооткрытыхъ богатствъ.

Различныя машины, помпы, рычаги, лѣстницы, бочки и бочонки, буравы и котлы—привезены; дома для рабочихъ построены; мѣсто окрещено—Struck-oil (бьющее масло) и вскорѣ въ пустой и безлюдной мѣстности, гдѣ за годъ до того жили только кроты,

выросло поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ и обитаемое нѣсколькими сотнями рабочихъ.

Два года спустя Struck-oil назывался уже Struck-oil-city. Это былъ дѣйствительно «city» въ полномъ значеніи этого слова. Прошу замѣтить, что тутъ жили уже портной, башмачникъ, плотникъ, кузнецъ, мясникъ и докторъ-французъ, который во время оно брилъ бороды во Франціи, впрочемъ человѣкъ «ученый» и безвредный, что въ американскомъ докторѣ значитъ очень многое.

Докторъ, какъ это часто бываетъ въ маленькихъ городкахъ, держалъ въ то же время аптеку и почтовую контору, слѣдовательно имѣлъ тройную практику. Аптекаремъ онъ былъ такимъ же безвреднымъ, какъ и докторомъ: въ его аптекѣ можно было найти только два сорта лѣкарствъ—сахарный сиропъ и магнезію.

Этотъ безвредный и ласковый старичокъ обыкновенно говаривалъ своимъ паціентамъ:

— Не бойтесь никогда моихъ лѣкарствъ. У меня правило—прежде чѣмъ дать больному лѣкарство, самому принять такую же дозу, потому что, думаю, если оно мнѣ не повредитъ, то не повредитъ и больному. Вѣдь правда?

— Правда!— отвѣчали успокоенные обыватели, которымъ какъ-то въ голову не приходила мысль, что на обязанности врача вовсе не лежитъ нанесенія вреда больному.

Г. Дасонвиль (такъ назывался докторъ) въ особенности вѣрилъ въ чудодѣйственную силу магнезіи. Не разъ на митингахъ онъ снималъ шляпу съ головы и обращался къ публикѣ:

— Гг. и г-жи! Вотъ, смотрите, что такое значитъ магнезія. Мнѣ семьдесятъ лѣтъ; сорокъ лѣтъ, какъ я употребляю магнезію ежедневно, и ни одного сѣдаго волоса на головѣ.

Гг. и г-жи могли бы замѣтить, что у доктора дѣйствительно не было ни одного сѣдаго волоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ не было и никакого, потому что голова его напоминала колѣнку. Но такъ какъ эти замѣчанія ничѣмъ не помогли бы росту Struck-oil-city, то они и не дѣлались.

А Struck-oil-city все росло да росло. Черезъ два года къ нему провели вѣтвь желѣзной дороги. Городъ имѣлъ уже своихъ выборныхъ властей. Любимый всѣми докторъ былъ избранъ, какъ представитель интеллигенціи, судьею, польскій жидъ, м-ръ Девисъ (Давидъ)—шерифомъ, т. е. начальникомъ полиціи, которая состояла изъ одного шерифа, и никого болѣе. Построили школу,

бразды которой приняла нарочно выписанная «school ma'am», престарѣлая дѣвица съ вѣчнымъ флюсомъ. Наконецъ, явилась первая гостиница, подъ названіемъ United States Hotel.

«Business» *) также оживлялся. Вывозъ нефти приносилъ прекрасные барыши. Замѣтили, что м-ръ Девисъ приказалъ построить передъ своею лавкой стеклянную выставку, все равно, какъ въ С.-Франциско. На слѣдующемъ митингѣ обыватели принесли м-ру Девисъ публичную благодарность за это «новое украшеніе города», на что м-ръ Девисъ со скромностью почтеннаго гражданина воскликнулъ: «Thank you! Thank you! Ой-вай!

Гдѣ живутъ судья и шерифъ, тамъ бываютъ и дѣла. Это требуетъ переписки и бумаги и вотъ, на углу Cojotes-street, возникъ первый «stationery», то-есть складъ бумаги, гдѣ продавались также и политическія каррикатуры, представляющія Гранта въ видѣ мальчика, доящаго корову (символъ Соединенныхъ Штатовъ). Обязанности шерифа не предписывали ему возбранять продажу такихъ рисунковъ, ибо это до полиціи не относится.

Но это еще не все. Американскій городъ не можетъ жить безъ газеты. По прошествіи другаго года явился журналъ, подъ названіемъ *Saturday Weekly Review* (обозрѣніе субботне-еженедѣльное), считающее столько же подписчиковъ, сколько было жителей въ Struck-oil-city.

Редакторъ этого журнала былъ въ то же время его издателемъ, типографщикомъ, конторщикомъ и разнощикомъ. Ему тѣмъ удобнѣе было исполнять эту обязанность, что, кромѣ того, онъ держалъ коровъ и каждое утро долженъ былъ разносить молоко по домамъ. Это отнюдь не мѣшало ему начинать передовыя статьи словами: «Еслибы нашъ подлый президентъ Соединенныхъ Штатовъ послѣдовалъ совѣту, который мы предпослали ему въ прошломъ нумерѣ», и т. д.

Какъ мы видимъ, ни въ чемъ не было недостатка въ благословенномъ Struck-oil-city. Кромѣ того, такъ какъ рудокопы, занятые добываніемъ нефти, не обладаютъ никакими разбойническими наклонностями, свойственными искателямъ золота,—въ городѣ все было спокойно. Никто ни съ кѣмъ не дрался, о «Линчѣ» и слуху не было; жизнь текла спокойно: одинъ день походилъ, какъ двѣ капли воды, на другой. Утромъ каждый занимался *business*'омъ, вечеромъ жители жгли соръ на улицахъ и,

*) Торговля, занятіе.

если не было митинга, шли спать, зная, что завтра также будутъ вечеромъ жечь соръ.

Единственною непріятностью шерифа было то, что онъ никакъ не могъ отучить жителей отъ стрѣльбы изъ карабиновъ по дикимъ гусямъ, пролетавшимъ вечеромъ надъ городомъ. Городской уставъ запрещаетъ стрѣлять на улицахъ: «Еслибъ это былъ какой-нибудь паршивый городишко,—говорилъ шерифъ,—ну, какъ угодно; но въ такомъ огромномъ городѣ — пифъ-пафъ, пифъ-пафъ!—ужь очень нехорошо».

Жители слушали, кивали головами, говорили: «o, yes», но когда вечеромъ на румяномъ небѣ появлялись бѣлыя и сѣрыя вереницы, тянувшіяся съ горъ къ океану, каждый забывалъ о предостереженіи, хваталъ карабинъ и начиналась стрѣльба на славу.

Собственно говоря, м-ръ Девисъ могъ каждаго препроводить къ судьѣ, а судья оштрафовать его; но не надо забывать, что виновные были во время болѣзни паціентами доктора, а когда требовалась новая обувь, то гостями шерифа.

Въ Struck-oil-city было спокойно, какъ въ небѣ; однако вдругъ окончились эти прекрасные дни. Хозяинъ grocery воспылалъ смертельною ненавистью къ хозяйкѣ grocery, а хозяйка grocery къ хозяину grocery. Здѣсь необходимо объяснить, что въ Америкѣ называется grocery. Grocery — это лавка, продающая все. Тамъ можно достать муку, шляпы, сигары, метлы, пуговицы, рисъ, сардины, рубашки, солонину, сѣмена, блузу, бѣлье, ламповыя стекла, топоры, сухари, тарелки, бумажные воротнички, сушеную рыбу,—словомъ все, что можетъ понадобиться человѣку. Сначала была только одна grocery въ Struck-oil-city. Содержатель ея—нѣмецъ, по имени Гансъ Каше. Это былъ флегматичный нѣмецъ, родомъ изъ Пруссіи, имѣлъ 35 лѣтъ отъ роду и выпученные глаза, не былъ толстъ, но довольно солиденъ; ходилъ всегда безъ сюртука и никогда не выпускалъ трубки изъ зубъ. По-англійски зналъ—насколько нужно при «business», а больше ни въ зубъ толкнуть. Торговалъ однако хорошо, такъ что черезъ годъ уже о немъ толковали въ Struck-oil-city, что «онъ стоитъ» нѣсколько тысячъ долларовъ.

Вдругъ появилась другая grocery, и—о, чудо!—первую держалъ нѣмецъ, а другую открыла нѣмка. Kunegunde und Eduard, Eduard und Kunegunde! Между обѣими сторонами сразу возгорѣлась война, начавшаяся тѣмъ, что миссъ Неймапъ (или, какъ она сама себя называла, Ньюменъ) угощала на привѣтственномъ

завтракѣ лепешками изъ муки, смѣшанной съ содой и квасцами. Конечно, этимъ она повредила бы себѣ въ общественномъ мнѣніи, еслибы не утверждала сама и не выставляла свидѣтелей, что, не успѣвши распаковать своей муки, она купила ее у Ганса Каше. Выходило, что Гансъ Каше не что иное какъ завистникъ и негодяй, который этимъ хотѣлъ сразу уронить свою соперницу во мнѣніи жителей. Наконецъ, можно было догадаться, что двѣ grocery будутъ соперничать между собой, но никто не предполагалъ, что соперничество перейдетъ въ страшную личную ненависть. Ненависть эта вскорѣ дошла до такой степени, что Гансъ жегъ соръ только тогда, когда вѣтеръ относилъ дымъ къ лавкѣ его врага; врагъ же называлъ Ганса не иначе, какъ Dutchman (нѣмецъ), что тотъ считалъ за великое оскорбленіе.

Жители сначала смѣялись надъ обѣими сторонами, тѣмъ болѣе, что ни одна изъ нихъ не говорила по-англійски, однако постепенно, вслѣдствіе каждодневныхъ сношеній съ лавочниками, образовывались въ городѣ двѣ партіи, гансистовъ и нейманистовъ, которыя начали косо посматривать другъ на друга, что могло повредить счастью и покою республики Struck-oil-city и подготовить грозное будущее. Глубокій политикъ, м-ръ Девисъ, жаждалъ пресѣчь зло у самаго корня и всячески старался помирить нѣмку съ нѣмцемъ. Не разъ, бывало, станетъ онъ по серединѣ улицы и говоритъ роднымъ имъ языкомъ:

— Ну, что вы грызетесь? Какъ будто не у одного башмачника покупаете обувь! У меня теперь такіе башмаки, что во всемъ С.-Франциско не найдешь лучшихъ.

— Напрасно хвалить башмаки передъ тѣмъ, который скоро совсѣмъ безъ сапогъ будетъ ходить, — кисло прерывала миссъ Нейманъ.

— Я не пріобрѣтаю себѣ кредита ногами, — флегматично вставлялъ Гансъ.

Нужно знать, что миссъ Нейманъ, хотя и нѣмка, обладала дѣйствительно прекрасной ножкой,—понятно, что такія колкости наполняли ея сердце смертельнымъ гнѣвомъ.

Въ городѣ двѣ партіи ужь и на митингахъ начали разсуждать о дѣлахъ Ганса и миссъ Нейманъ; а такъ какъ въ Америкѣ никто не отыщетъ справедливости въ дѣлѣ съ женщиной, то большинство склонялось на сторону миссъ Нейманъ.

Скоро Гансъ замѣтилъ, что его лавка едва-едва ему окупается.

Но и миссъ Нейманъ тоже не загребала золота, потому что всѣ жительницы держали сторону Ганса: они замѣтили, что ихъ мужья очень часто дѣлаютъ закупки у прекрасной нѣмки и за каждою закупкой сидятъ подозрительно долго.

Когда покупателей не было ни въ одной изъ лавокъ, Гансъ и миссъ Нейманъ становились у дверей одинъ противъ другаго, бросая взоры, полные ярости. Миссъ Нейманъ въ это время подъ носъ напѣвала на голосъ: Mein lieber Augustin: «Dutchman, Dutchman, Du-Dutchman, Du-Dutchman—man».

М-ръ Гансъ смотрѣлъ сначала на ея ноги, потомъ на фигуру, потомъ въ лицо съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ смотрѣлъ, напримѣръ, на убитаго имъ, мѣсяцъ тому назадъ, крота, потомъ, разражаясь адскимъ смѣхомъ, выкрикивалъ:

— By God!

Ненависть въ этомъ флегматичномъ человѣкѣ дошла до того, что когда утромъ онъ выходилъ къ дверямъ, а миссъ Нейманъ не было, онъ ежился, какъ будто ему чего-то не доставало.

Миссъ Нейманъ имѣла на своей сторонѣ редактора *Saturday Weekly Review*. Гансъ убѣдился въ томъ, когда распустилъ слухъ, что миссъ Нейманъ носитъ искуственный бюстъ. Это было очень вѣроятно, потому что въ Америкѣ это считается очень обыкновеннымъ. Однако въ слѣдующемъ нумерѣ *Saturday Weekly Review* появилась громовая статья, въ которой редакторъ, говоря о нѣмцахъ вообще, кончилъ клятвеннымъ увѣреніемъ, какъ «вполнѣ убѣдившійся», что бюстъ одной оклеветанной леди совершенно натуральный.

Съ этого дня м-ръ Гансъ пилъ каждое утро черный кофе, потому что не хотѣлъ брать молока у редактора, за то миссъ Нейманъ стала брать постоянно двѣ порціи. Кромѣ того она приказала портному сшить платье, форма лифа котораго убѣдила всѣхъ, что Гансъ былъ дѣйствительно клеветникомъ.

Гансъ почувствовалъ себя безоружнымъ предъ женскою хитростью, а нѣмка между тѣмъ, каждое утро стоя передъ дверями, пѣла все громче и громче: «Dutchman, Dutchman, Du-Dutchman, Du-Dutchman—man».

«Что бы такое устроить ей?—думалъ Гансъ.—Развѣ куръ ея угостить тою пшеницей, что я для крысъ отравилъ?—Нѣтъ, заплатить прикажутъ... А, знаю что!»

И вечеромъ миссъ Нейманъ, къ великому своему удивленію, увидѣла м-ра Ганса, несущаго охапку дикихъ подсолнечниковъ и

раскладывающаго ихъ дорожкою предъ рѣшетчатымъ окномъ погреба. «Что это такое? Очень любопытно,—подумала она.—Вѣроятно, что-нибудь мнѣ въ пику». А въ это время совсѣмъ стемнѣло. М-ръ Гансъ уложилъ подсолнечники въ двѣ линіи, оставивъ по серединѣ свободнымъ проходъ къ окну погреба; потомъ вынесъ какой-то, покрытый полотномъ, предметъ, обратился задомъ къ миссъ Нейманъ и, снявъ покровъ съ таинственнаго предмета, обложилъ его листьями подсолнечника, потомъ приблизился къ стѣнѣ и сталъ что-то писать на ней.

Миссъ Нейманъ умирала отъ любопытства. «Непремѣнно обо мнѣ что-нибудь пишетъ. Пускай только всѣ спать лягутъ, пойду посмотрѣть, хотя бы меня смерть ожидала за это».

Окончивши свою работу, Гансъ ушелъ наверхъ и вскорѣ загасилъ свѣчу. Миссъ Нейманъ тотчасъ же поскорѣй набросила на себя капотъ, сунула голыя ноги въ туфли и выюркнула на улицу. Дошедши до подсолнечниковъ, она пошла прямо, дорожкою, къ окну, желая прочитать надпись на стѣнѣ.

Вдругъ изъ глазъ ея посыпались искры, верхняя половина тѣла откинулась назадъ, а изъ устъ вырвался сначала болѣзненный стонъ: «Ай-ай», а потомъ ужь отчаянный крикъ: «Помогите, помогите!!!»

Окно наверху раскрылось.

— Was ist das!—раздался спокойный голосъ Ганса. —Wer ist da?

— Проклятый Dutchman! — пищала миссъ.—Зарѣзалъ ты меня, убилъ! Завтра за это висѣть будешь... Помогите, помогите!

— Сейчасъ сойду,—сказалъ Гансъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ показался со свѣчой въ рукѣ, посмотрѣлъ на миссъ Нейманъ, которая стояла какъ вкопанная, потомъ взялся за бока и началъ хохотать:

— Что это, миссъ Нейманъ? Ха-ха-ха! Добрый вечеръ, миссъ! Ха-ха-ха!... Поставилъ капканъ для скунса, а поймалъ миссъ Нейманъ! Зачѣмъ это вы пожаловали заглядывать ко мнѣ въ погребъ? Я нарочно написалъ на стѣнѣ предостереженіе, чтобы никто не приближался. Кричите теперь сколько угодно; пускай всѣ люди сбѣгутся сюда, пускай всѣ увидятъ, что вы по ночамъ изволите заглядывать въ погребъ къ Dutchman'у... O, mein Gott! Кричите, кричите, а все-таки простойте до утра. Покойной ночи, миссъ, покойной ночи!

Положеніе миссъ Нейманъ было ужасно: кричать—сбѣжится народъ, скандалъ, а не кричать—стоять цѣлую ночь пойманною въ капканъ и все-таки на другой день представлять изъ себя интересное зрѣлище... А ноги болятъ все сильнѣе... Голова ея закружилась, въ глазахъ потемнѣло,—мѣсяцъ насмѣшливо подмигивалъ. Она лишилась чувствъ.

«Herr je!— воскликнулъ про себя Гансъ, — если она подохнетъ, то завтра и съ Линчемъ познакомишься». У него волосы на головѣ встали отъ страху.

Дѣлать было нечего, Гансъ отыскалъ поскорѣй ключъ, чтобы отпереть капканъ, что было не особенно удобно, такъ какъ этому мѣшалъ капотъ миссъ Нейманъ. Нужно было его немного приподнять... Несмотря на страхъ и злобу, Гансъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на прекрасныя, точно мраморныя, освѣщенныя красноватымъ свѣтомъ мѣсяца, ножки своего врага.

Можно было подумать, что теперь въ его ненависти была капля сожалѣнія. Онъ быстро отперъ капканъ, а такъ какъ миссъ до сихъ поръ не пришла еще въ себя, поднялъ ее и понесъ въ ея жилище. По дорогѣ его снова пробрала жалость. Потомъ онъ вернулся къ себѣ и цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ.

На утро миссъ Нейманъ не появлялась у дверей своей лавки для вокальныхъ упражненій.

Можетъ-быть она стыдилась, а можетъ-быть ковала козни.

Оказалось, ковала козни. Вечеромъ, въ этотъ же день, редакторъ *S. W. Review* вызвалъ Ганса на единоборство и при началѣ битвы подбилъ ему глазъ. Гансъ, приведенный въ отчаяніе, задалъ ему такую трепку, что послѣ не долгаго безполезнаго сопротивленія редакторъ упалъ, взывая: enough, enough! (довольно).

Неизвѣстно, какимъ образомъ, только не чрезъ Ганса, весь городъ узналъ о ночныхъ приключеніяхъ миссъ Нейманъ. Послѣ драки съ редакторомъ изъ души Ганса исчезла всякая жалость къ своему врагу, осталась одна злоба.

Гансъ чувствовалъ, что его ожидаетъ ударъ со стороны непріятеля, и скоро дождался. Владѣльцы лавокъ часто приклеиваютъ на дверяхъ объявленія о различныхъ товарахъ, всегда озаглавленныя «Notice». Съ другой стороны, нужно знать, что grocery всегда держитъ для кабаковъ ледъ, безъ котораго ни одинъ американецъ не станетъ пить ни пива, ни виски. Вдругъ у Ганса всѣ перестали брать ледъ. Огромные куски, привезен-

ные по желѣзной дорогѣ, растаяли въ погребѣ; убытку было на нѣсколько десятковъ долларовъ. Почему, отчего, какъ?... Гансъ видѣлъ, что даже его сторонники брали каждый день ледъ у миссъ Нейманъ; онъ рѣшительно не понималъ, что это значитъ, тѣмъ болѣе, что ни съ однимъ трактирщикомъ не ссорился.

Рѣшился разъяснить это.

— Отчего вы не берете у меня ледъ?— ломанымъ англійскимъ языкомъ спросилъ онъ у трактирщика Петерса, который въ это время проходилъ мимо его лавки.

— Да вы его не держите.

— Какъ не держу?

— Вѣрно, я знаю.

— Aber, я держу ледъ.

— А это что?—спросилъ трактирщикъ, указывая пальцемъ на приклеенное объявленіе.

Гансъ взглянулъ и позеленѣлъ отъ злости. Кто-то изъ его объявленія въ словѣ «Notice» выцарапалъ t изъ середины, вслѣдствіе чего изъ «Notice» сдѣлалось «No ice», т. е. нѣтъ льду.

— Donnerwetter!—закричалъ Гансъ и весь синій и дрожащій бросился въ лавку миссъ Нейманъ.

— Это подло!—кричалъ онъ въ бѣшенствѣ.—Зачѣмъ это вы выцарапали мнѣ букву изъ середины?

— Что я у васъ выцарапала изъ середины? — съ притворною наивностью спросила миссъ Нейманъ.

— Букву, говорю вамъ, букву t! Вы у меня t выцарапали! Aber goddam! такъ дальше быть не можетъ... Вы мнѣ должны заплатить за ледъ. Goddam, goddam!...

Онъ потерялъ свое обычное хладнокровіе и оралъ, какъ сумашедшій. Миссъ Нейманъ тоже кричала. Началъ собираться народъ.

— Помогите!—кричала миссъ Нейманъ,—Dutchman помѣшался: говоритъ, что я у него что-то выцарапала изъ середины, а я ничего не выцарапывала. Что мнѣ царанать?... Ничего не выцарапывала. Ей-богу, я его глаза бы выцарапала, еслибы могла, ничего больше!... Я — бѣдная женщина, одна, — онъ меня тутъ убьетъ, ограбитъ....

Она залилась горькими слезами. Американцы не разобрали, въ чемъ дѣло, но американцы не выносятъ женскихъ слезъ,— нѣмца тотчасъ за шиворотъ и за порогъ. Тотъ хотѣлъ было сопротивляться: гдѣ тамъ,—вылетѣлъ какъ стрѣла изъ лука, пе-

релетѣлъ черезъ улицу, влетѣлъ въ собственную дверь и растянулся.

Спустя недѣлю надъ его лавкой висѣла огромная вывѣска съ рисункомъ. Рисунокъ представлялъ обезьяну въ блузѣ, бѣломъ фартучкѣ и рукавахъ,—однимъ словомъ, миссъ Нейманъ. Внизу была надпись большими золотыми буквами: «Grocery подъ обезьяной».

Народъ толпился передъ вывѣской. Хохотъ выманилъ миссъ Нейманъ на улицу. Вышла, посмотрѣла, поблѣднѣла, но, не утративъ присутствія духа, замѣтила:

— Grocery подъ обезьяной?!... Ничего нѣтъ страннаго, потому что м-ръ Каше живетъ подъ grocery...

Однако ударъ мѣтко попалъ ей въ сердце. Въ полдень она слышала, какъ толпы дѣтей, проходя изъ школы около лавки, останавливались передъ вывѣской, крича:

— O! that's miss Neuman! Good evening, miss Neuman!

Это было ужь черезчуръ. Вечеромъ, когда пришелъ къ ней редакторъ, она сказала ему:

— Эта обезьяна—я! Знаю, что я, но не упущу своего. Онъ долженъ снять вывѣску и слизать своимъ языкомъ обезьяну при мнѣ.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Сейчасъ отправлюсь къ судьѣ.

— Какъ сейчасъ?

— Завтра.

Утромъ она вышла и, подойдя къ Гансу, сказала:

— Слушайте, господинъ нѣмецъ! я знаю, что обезьяна—это я, но все-таки пожалуйте со мной къ судьѣ. Посмотримъ, что онъ на это скажетъ.

— Скажетъ, что я имѣю право выставлять на своей вывѣскѣ, что мнѣ угодно.

— Это мы сейчасъ увидимъ.

Миссъ Нейманъ едва могла дышать.

— А откуда же вы знаете, что обезьяна—вы?

— Совѣсть мнѣ это говоритъ. Пойдемте, пойдемте къ судьѣ, а не то шерифъ васъ въ кандалахъ поведетъ.

— Отлично, пойду,—сказалъ Гансъ, увѣренный въ побѣдѣ.

Заперли лавки и пошли, обдумывая дорогою планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Лишь у самыхъ дверей судьи Дасонвиль вспо-

мнили, что они не знаютъ по-англійски, чтобъ объяснить дѣло. Что тутъ дѣлать?...

Вотъ шерифъ, какъ польскій жидъ, и по-нѣмецки знаетъ, и по-англійски.

Къ шерифу.

Но шерифъ сидѣлъ на телѣгѣ и собирался ѣхать.

— Убирайтесь къ дьяволу!—закричалъ онъ.—Весь городъ вы баломутите. Ходите же въ одной парѣ обуви цѣлый годъ. Я ѣду. God bye!

Гансъ подбоченился.

— Должны ждать до завтра,—сказалъ онъ флегматически.

— Я должна ждать? Скорѣй умру. Снимите обезьяну!

— Не сниму.

— Ну, такъ васъ самихъ повѣсятъ. Будете висѣть, нѣмецъ! Обойдусь и безъ шерифа. Судья и такъ знаетъ, въ чемъ дѣло.

— Пойдемте и безъ шерифа,—сказалъ нѣмецъ.

Мисъ Нейманъ однако ошибалась.

Только одинъ судья во всемъ городѣ не зналъ объ ихъ ссорахъ.

Добрый старикъ принималъ свою магнезію и ему казалось, что миръ сохраняется.

Принялъ онъ ихъ, какъ и всегда принималъ всякаго, учтиво и ласково:

— Покажите языки, дѣти мои!—сказалъ онъ.—Я сейчасъ вамъ пропишу...

Дѣти замахали руками, показывая, что не хотятъ лѣкарствъ. Миссъ Нейманъ повторяла:

— Совсѣмъ не то нужно, не то!

— Чего же?

Разсказывали, перебивая другъ друга. Что Гансъ слово, то миссъ десять. Наконецъ нѣмку осѣнила остроумная мысль—показать на сердце, чтобы дать понять, что Гансъ пронзилъ его седьмью мечами.

— Понимаю, понимаю теперь!—сказалъ докторъ.

Послѣ этого открылъ книжку и сталъ писать. Спросилъ Ганса, сколько ему лѣтъ.—36. Спросилъ миссъ—не помнитъ вѣрно: такъ, что-то около 25. All right! Какъ ихъ имена?—Гансъ—Лора. All right! Чѣмъ занимаются?—держатъ grocery. All right!... Потомъ еще какіе-то вопросы. Не понимали оба, но отвѣчали: yes! Докторъ кивнулъ головой. Все кончено.

Окончивши писать, онъ всталъ и вдругъ, къ великому удивленію Лоры, обнялъ ее и поцѣловалъ. Она приняла это за добрый знакъ и, полная розовыхъ надеждъ, отправилась домой.

По дорогѣ она сказала Гансу:

— Я вамъ покажу...

— Покажите другому кому-нибудь,—спокойно отвѣчалъ нѣмецъ.

На слѣдующее утро пришелъ шерифъ. Оба стояли передъ дверями. Гансъ пыхтѣлъ трубкой, а миссъ напѣвала: «Dutchman, Dutchman, Du-Dutchman, Du-Dutchman—man».

— Все еще хотите идти къ судьѣ?—спросилъ шерифъ.

— Мы уже были.

— Ну, и что-жь?

— Милый шерифъ, милый м-ръ Девисъ!—закричала миссъ.— Пойдите справьтесь. Мнѣ нужны башмаки. Замолвите за меня словечко передъ судьей. Видите, я бѣдная дѣвушка... одна...

Шерифъ отправился и черезъ четверть часа возвратился, но возвратился, неизвѣстно почему, окруженный толпою людей.

— Ну, что? Ну, какъ?—начали выпытывать враги.

— Все отлично, о!—сказалъ шерифъ.

— Ну, что же судья сдѣлалъ?

— Что онъ могъ сдѣлать дурнаго?—Онъ васъ оженилъ.

— О-же-нилъ?!!!...

— Такъ развѣ другіе-то люди не женятся?

Еслибы неожиданно ударила молнія, Гансъ и миссъ Нейманъ не были бы такъ поражены. Гансъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ, высунулъ языкъ и какъ дуракъ глядѣлъ на миссъ Нейманъ, а миссъ Нейманъ вытаращила глаза, разинула ротъ, высунула языкъ и какъ дура глядѣла на Ганса. Оба остолбенѣли, окаменѣли. Потомъ закричали:

— Я долженъ быть ея мужемъ?...

— Я должна быть его женою?...

— Караулъ! Никогда! Сейчасъ разводъ! Я не хочу!

— Нѣтъ, этого я не хочу!

— Лучше умереть! Караулъ! Разводъ, разводъ, разводъ!... Что это дѣлается?

— Любезные друзья,—сказалъ спокойно шерифъ,—чѣмъ тутъ крикъ поможетъ? Судья вѣнчаетъ, но развести не можетъ. Кчему кричать? Что вы, милліонеры, что ли, изъ Санъ-Франциско, чтобы разводиться? Вы знаете, сколько это стóитъ? Что тутъ

кричать? У меня есть хорошенькіе дѣтскіе башмаки; дешево продамъ. God bye!

Сказавши это, онъ ушелъ. Народъ тоже разбрелся. Новобрачные остались одни.

— Это французъ, — замѣтила новобрачная, — нарочно такъ сдѣлалъ, потому что мы нѣмцы.

— Richtig! — отвѣтилъ Гансъ.

— Такъ будемъ хлопотать о разводѣ.

— Я первый, — вы мнѣ *t* изъ середки выцарапали.

— Пѣтъ, сначала я, — вы меня въ капканъ поймали.

— Я вовсе не желаю жить съ вами!

— Я васъ терпѣть не могу!

Они разошлись и заперли лавки. Она сидѣла у себя, цѣлый день погруженная въ размышленія, онъ у себя. Прошла ночь. Ночь приноситъ покой. Однако оба и не думали о снѣ. Легли, но глаза ихъ не смыкались. Онъ думалъ: тамъ спитъ моя жена. Она: тамъ спитъ мой мужъ. И странныя какія-то чувства возникали въ ихъ сердцахъ. Это была ненависть, гнѣвъ въ соединеніи съ чувствомъ одиночества. Кромѣ того м-ръ Гансъ думалъ о своей обезьянѣ надъ лавкой. Какъ ее тутъ держать долѣе, когда это теперь каррикатура его жены? И ему казалось, что онъ поступилъ очень мерзко, приказавши намалевать эту обезьяну. Но все-таки это — миссъ Нейманъ! Онъ ее ненавидитъ. Черезъ нее у него ледъ растаялъ. Онъ ее поймалъ въ капканъ, при свѣтѣ мѣсяца.

Тутъ ему снова пришла на умъ картина, видѣнная имъ тогда. «Ну, что правда, то правда, она здоровая дѣвка, — думалъ онъ. — Но все-таки она меня не терпитъ, а я ее. Ахъ, Herr Gott, женился!... На комъ? — На миссъ Нейманъ. А тутъ разводъ во сколько въѣдетъ... Вся лавка того не стоитъ.

«Я — жена этого Dutchman'а, — говорила себѣ миссъ Нейманъ. — Я уже не дѣвушка..., т. е. вышла замужъ, хочу я сказать, хотя все-таки дѣвушка. Вышла замужъ! За кого? — За этого Каше, который меня поймалъ въ капканъ. Правда и то, что тогда онъ меня взялъ поперекъ и отнесъ наверхъ... Сильный должно-быть!... Вотъ такъ, взялъ меня поперекъ... Что это, шелестъ какой-то?...»

Шелеста никакого не было, но миссъ Нейманъ начала бояться, хотя прежде никогда не боялась.

«Однако, если онъ осмѣлится... Боже! — Потомъ она прибавила голосомъ, въ которомъ звучала нота разочарованія...— Но онъ не осмѣлится. Онъ...»

А боязнь все увеличивалась.

«Вотъ какъ быть женщинѣ одной,—продолжала она думать дальше.—Еслибы здѣсь былъ мужчина, было бы безопаснѣй. Что-то такое я слышала объ убійствахъ въ окрестностяхъ (объ убійствахъ миссъ Нейманъ не слыхала). Ей-богу, меня когда-нибудь тутъ убьютъ. Ахъ, этотъ Каше!... Отрѣзалъ мнѣ путь. Однако, нужно же поговорить о разводѣ».

Такъ думая, она безпокойно поворачивалась на широкой англійской постели и въ самомъ дѣлѣ чувствовала себя одинокой. Вдругъ вскочила снова.

На этотъ разъ ея страхъ имѣлъ законное основаніе. Въ тишинѣ ночной ясно раздавался стукъ молотка.

«Господи!—вскрикнула миссъ, — добираются до моей лавки!»

Она вскочила съ постели и подбѣжала къ окну, но, взглянувши, тотчасъ же успокоилась. Мѣсяцъ освѣщалъ лѣстницу, а на лѣстницѣ — полныя формы Ганса, отбивающаго молоткомъ гвозди отъ вывѣски съ обезьяной.

Миссъ Нейманъ потихоньку отворила окно.

«Кажется, онъ обезьяну снимаетъ... Это очень любезно съ его стороны»,—подумала она и почувствовала вдругъ, что ее какъ будто бы кольнуло въ сердце.

Гансъ потихоньку вытягивалъ гвозди. Желѣзный листъ съ шумомъ упалъ на землю. Гансъ слѣзъ, оторвалъ раму, листъ свернулъ въ трубку своими жилистыми руками и началъ отставлять лѣстницу.

Миссъ слѣдила за нимъ глазами... Ночь была тихая, теплая...

— М-ръ Гансъ!—шепнула вдругъ дѣвица.

— Вы не спите?—такъ же тихо отвѣчалъ Гансъ.

— Нѣтъ... Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ.

— Что вы дѣлаете?

— Снимаю обезьяну.

— Благодарю васъ, м-ръ Гансъ.

Минута молчанія.

— М-ръ Гансъ! —снова послышался голосъ дѣвы.

— Что, миссъ Лора?

— Нужно же намъ потолковать о разводѣ.

— Да, миссъ Лора.

— Завтра?

— Завтра.

Минута молчанія. Мѣсяцъ смѣется, собаки не лаютъ.

— М-ръ Гансъ!

— Что, миссъ Лора?

— Мнѣ необходимъ этотъ разводъ.

Голосъ миссъ Нейманъ звучалъ грустью.

— И мнѣ, миссъ Лора.

Голосъ Ганса былъ печаленъ.

— Видите ли, какъ бы не опоздать.

— Лучше не опаздывать.

— Чѣмъ скорѣй принять какія-либо мѣры, тѣмъ лучше.

— Тѣмъ лучше, миссъ Лора.

— Мы можемъ сейчасъ поговорить...

— Если позволите...

— Такъ вы придете ко мнѣ?

— Я только одѣнусь.

— Не нужно церемоній.

Двери внизу отворились, м-ръ Гансъ исчезъ во мракѣ и черезъ мгновеніе очутился въ комнаткѣ тихой, теплой, уютной. Миссъ Лора въ бѣломъ шлафоркѣ была восхитительна.

— Я слушаю,—сказалъ Гансъ размякшимъ голосомъ.

— Видите ли, я бы очень, очень хотѣла добиться развода, но... боюсь, чтобы насъ какъ бы съ улицы не замѣтили.

— Въ комнатѣ темно,—сказалъ Гансъ.

— Ахъ, правда!—отвѣтила дѣва.

Началась бесѣда о разводѣ, но она не подлежитъ описанію. Миръ возвратился въ Struck-oil-city.

В. Л.

Изъ Людвига Кондратовича.

Освобожденіе крестьянъ.

Читалъ я, что люди права получаютъ
По волѣ священной Царя-исполина,
И былъ я увѣренъ, что жертвъ не считаютъ
Тяжелыми въ доброй отчизнѣ литвина.
Въ тотъ годъ я пророчилъ при новомъ порядкѣ
Обильную жатву общественной нивы;
Смотрѣть ежедневно ходилъ я къ рогаткѣ,
Какъ шляхта отвсюду спѣшитъ на призывы.
Когда меня пыль отъ колесъ осыпала
И лица знакомыя часто мелькали,
Я плакалъ... Ужели же пыль вызывала
Градъ слезъ, иль изъ сердца онѣ выступали?
Не знаю... Но волю слезамъ давши чистымъ,
Я знаю, что крѣпко люблю свою братью,
Что прадѣдъ мой старый литвиномъ былъ истымъ,
Что шляхтичъ я родомъ съ гербовой печатью.

Я думалъ: «Напрасно враги такъ шумѣли,
Шляхетское имя порочили съ жаромъ:
Не нынче, такъ завтра увижу на дѣлѣ,
Что шляхтой до нынѣ зовутъ насъ не даромъ;
Не нынче, такъ завтра узнаетъ Европа,
Россія и Польша узнаютъ съ восторгомъ,
Что мы, добровольно снявъ цѣпи съ холопа,
Преступнымъ себя не позорили торгомъ;
А тѣ, что примѣромъ для родины были,
Являлись главою и сердцемъ собраній,—

Тѣ люди, что маршальскій жезлъ *) заслужили,—
Они отрекутся по собственной волѣ
Отъ рабства, бичи предавая проклятью...»
Гордиться мнѣ было въ то время грѣшно ли,
Что шляхтичъ я родомъ съ гербовой печатью?

Со шляхтою мѣсяцъ назадъ тому ровно
Я въ Гроднѣ пилъ тостъ за великое дѣло,
Читалъ я горячее слово изъ Ковно,
Какъ братъ писалъ къ брату: «Работа приспѣла!
Хоть грунтъ нашъ безплоденъ и деньги мнѣ, право,
Теперь очень нужны, но, Богъ хочетъ видно,—
Отрекся я, братецъ, отъ панскаго права:
Мнѣ рабовладѣльцемъ грѣшно быть и стыдно».
И думалъ я: «Спѣсь-то въ васъ, братцы, какая!
Какое мнѣ дѣло, до Ковно, до Гродно!...
И Вильна, въ великое дѣло вникая,
Навѣрно, окончитъ его благородно.
Тамъ къ общему благу пылаютъ любовью...
Я знаю литовскую добрую братью
И въ правѣ гордиться литовскою кровью,
Какъ шляхтичъ природный съ гербовой печатью.

«Изъ старыхъ Ошмянъ, и изъ Трокъ, и изъ Лиды,
Съ Дисны и съ Вилейки вся шляхта родная
Вопросъ о народѣ рѣшитъ безъ обиды,
Всѣ нужды, невзгоды крестьянскія зная.
Цвѣтъ власти губернской, еще такъ недавно
Встрѣчаемый съ шумнымъ восторгомъ, всеобщимъ,
Ужели отстаивать будетъ безславно
Ужасное рабство и всѣ мы возропщемъ?...»
Однако, свершилось... О, край мой, измяли
Вѣнецъ твой, запачкавъ его преступленьемъ!...
Отцы твои цѣпи народа спаяли,
Свои имена подписавъ подъ рѣшеньемъ
О панской опекѣ надъ бѣднымъ народомъ...
Историкъ за это предастъ ихъ проклятью...
Мнѣ стыдно за Вильно... Не шляхтичъ я родомъ...
Позоръ мнѣ съ моею шляхетской печатью!...

*) Въ Западномъ краѣ маршалами зовутъ предводителей дворянства. *Примѣч. переводчика.*

Что я могу нарисовать.

Карандашъ взявши въ руки (у меня есть повадка),
На-обумъ начинаю ставить чёрточки рядомъ,
И невольно выходитъ иль литовская хатка,
Или дворикъ литовскій, или храмъ съ сельскимъ садомъ.

То, что въ свѣтѣ всего мнѣ милѣй и дороже,
Начертить на бумагѣ я съумѣю заочно;
А начну рисовать замокъ панскій и—что же?—
Карандашъ мой ломаться начнетъ, какъ нарочно.

То ли дѣло видъ хаты! Я простыми штрихами
Стѣны выведу, окна, бревна, ветхую крышу
И подъ крышей той, словно, смѣхъ ребяческій слышу,
Слышу юношей говоръ и старухъ съ стариками,—

Слышу юность, что терпитъ, и вѣритъ, и любитъ,
Слышу старость, что въ прошломъ живетъ постоянно.
Дѣтски-чисты ихъ думы, нищета ихъ не губитъ,
Хотя вѣтеръ поетъ о нуждѣ безпрестанно...

То ли дѣло храмъ сельскій съ колокольней убогой!
Я его нарисую и легко, и проворно.
И мнѣ чудится пастырь, добродѣтельно-строгій,
Разсѣвающій въ паствѣ добродѣтели зерна.

Вмѣстѣ съ нимъ будто вижу органиста сѣдаго:
Предъ вечерней молитвой онъ звонить начинаетъ
И въ дрожаніи звуковъ, въ звукахъ эхо святаго
Голосъ Бога онъ чуетъ и Его созерцаетъ.

Вотъ и дворикъ шляхетскій, и гумно съ огородомъ!
Самъ невольно рисуетъ карандашъ мой летучій
Скромный дворикъ и, вѣтви пораскинувшій сводомъ,
Съ головою поникшей, у крыльца дубъ могучій.

Вотъ и весь-то ничтожный мой талантъ, и не смѣю
Даромъ этимъ гордиться,—вѣдь, немного въ томъ чести...
Да еще крестъ могильный начертить я умѣю,
Подъ какимъ лечь желалъ бы со отцомъ своимъ вмѣстѣ.

Старые часы.

Вотъ искусное издѣлье: человѣческая сила
Время пойманное въ этотъ узкій ящикъ заключила
И съ тѣхъ поръ, словно сердце, въ немъ бьется.
Мѣдный ящикъ оживила неустанная работа,
Что-то двигаетъ въ немъ стрѣлку и шипитъ, и шепчетъ что-то,
Точно пульсъ, звонкій бой раздается.

Сколько этими часами было прòбито мгновеній,
Сколько вызвонено ими и смертей, и дней рожденій,
Перемѣнъ, насъ давившихъ, какъ бремя.
А желѣзная пружина безпощадно, неуклонно,
Въ металлической груди ихъ намъ твердитъ неугомонно,
Что впередъ подвигается время.

На короткія минуты тонкой стрѣлкой размѣряя
Годы цѣлой нашей жизни, то грозя, то укоряя,
Воркотню она вдругъ поднимаетъ:
—«Не теряйте жизни даромъ, не бездѣйствуйте... За дѣло,
За работу принимайтесь! Нѣтъ инаго вамъ удѣла,
Иль позоръ впереди ожидаетъ.

«Долго старые куранты на стѣнѣ протяжно били
И отцамъ служили вашимъ, къ мысли, къ дѣлу ихъ будили,
Призывали къ трудамъ гражданина.
Звонъ бакаловъ, взрывы смѣха заглушали ихъ ворчанье,
Но раздался звукъ внезапный, какъ предсмертный стонъ страданья,—
Часовая сломалась пружина».

Снова гири подтянули, стрѣлку сдвинули и снова
Время новой эры стрѣлка намъ указывать готова;
Но часы не поютъ ужь такъ звонко,
И пружина тише бьется, тише двигаются гири,
Чтобъ великихъ думъ эпохи не вспугнуть невольно въ мірѣ
И чтобъ сна не нарушить ребенка.

Что-то выдумаетъ мудрость? Что во снѣ увидятъ дѣти?
Какъ воспользуется жизнью человѣчество на свѣтѣ?
То—великіе дни созиданья.

Міръ очнулся, словно сотни онъ коней своихъ сѣдлаетъ,
За его горячимъ пульсомъ бой часовъ не поспѣваетъ,—
Ихъ давно прекратилось ворчанье.

Время двигается тихо, а прогрессъ орломъ несется,—
Съ визгомъ пара, машинъ громомъ, какъ титанъ, впередъ онъ рвется,
Какъ титанъ, поднимаетъ онъ плечи,
Шаръ земной сбираясь сдвинуть съ оси старой, въ бой вступаетъ,
Съ первымъ натискомъ побѣды торжество провозглашаетъ,
Съ тьмой и зломъ не пугается встрѣчи.

Боже, въ часъ его полета соколинаго предъ битвой,
Пусть чело свое крестомъ онъ осѣнитъ, склонясь съ молитвой!
Подкрѣпи его свѣтлыя мысли,
Помоги его порывамъ, чтобы сердце не смутилось,
Чтобъ надъ безднами пространства голова не закружилась
И чтобъ крылья его не повисли.

Пусть крылатая дружина, видя добрыя стремленья
И благую цѣль прогресса, дастъ ему благословенье
Съ новой силой для новыхъ открытій.
Ты же милостивъ будь, Боже, въ безконечной благостынѣ,
Въ день, когда часы ударятъ переходъ къ иной годинѣ,
Наканунѣ великихъ событій!

Бьютъ часы секунду—новый человѣкъ на свѣтъ родится,
Бьютъ часы секунду—въ мірѣ кто-нибудь да въ гробъ ложится,—
Міръ безпечно не дремлетъ на ложѣ.
Поколѣніе смѣняетъ постоянно поколѣнье,—
Вносятъ въ міръ иныя мысли, идеалы и волненья
Твои дѣти земныя, о, Боже!...

Чтобы юность не сбивалась въ эти дни съ пути прямаго,
Дай наставниковъ ей мудрыхъ, охраняющихъ сурово
Добродѣтели зерна благія...
Вдохнови ихъ! И кто свято исполнялъ свое призванье,
Справедливо награди ихъ—о, Создатель!—за дѣянья
Для прогресса земли дорогія.

Ранній мотылекъ.

Мальчикъ, потише! Не грѣхъ тебѣ, что ли?
Бабочкѣ этой такъ весело въ полѣ,
Жизнь ей теперь такъ сладка!...
Дай ей весельемъ вполнѣ насладиться...
Вотъ она въ солнечномъ блескѣ кружится...
Лучше не тронь мотылька!

Пусть онъ порхаетъ и землю цѣлуетъ.
Счастье его такъ не долго балуетъ,—
Жизнь его такъ коротка!
Крылушки блещутъ, горятъ его глазки,—
Любы ему поля вешнія краски...
Лучше не тронь мотылька!

Что для насъ часъ, то для бѣднаго вѣчность.
Свойства его—чистота и безпечность...
Съ каждой былинки, съ цвѣтка,
Непостижимую чувствуя радость,
Онъ бы по каплѣ хотѣлъ выпить сладость...
Лучше не тронь мотылька!

Пьетъ онъ цикуту, о розахъ мечтая,
Страшные яды безвредно глотая...
Пусть же ихъ пьетъ онъ, пока
Прелесть находитъ въ цвѣточномъ бальзамѣ
И передъ нашими вьется глазами...
Мальчикъ, не тронь мотылька!

Если-жь давно онъ, какъ мы, прозябаетъ,
То, что мы знаемъ, и онъ тоже знаетъ,—
Знаетъ, что значитъ тоска,—
Пусть не дождется зари онъ вечерней
И не узнаетъ всѣхъ жизненныхъ терній,—
Мальчикъ, убей мотылька!

Д. Минаевъ.

Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ.

II *).

Въ первой статьѣ, посвященной вопросу о прочности педагогическихъ результатовъ отъ народной школы при существующихъ условіяхъ *), я представилъ факты изъ трехъ уѣздовъ двухъ губерній, изъ Александровскаго и Маріупольскаго уѣздовъ Екатеринославской и Бердянскаго уѣзда Таврической губерніи. Въ первой статьѣ наши наблюденія касались приблизительно пятисотъ крестьянъ, побывавшихъ въ школѣ, въ большинствѣ случаевъ, не менѣе двухъ зимъ. Въ предлагаемой статьѣ мы будемъ имѣть дѣло только съ шестьюдесятью питомцами народнаго училища, но уже не съ юга Россіи, а изъ центральной полосы, и притомъ изъ трехъ разныхъ губерній, Московской, Владимірской и Смоленской. Эти свѣдѣнія доставлены мнѣ почтенною сподвижницею народнаго образованія, графинею Прасковьею Сергѣевною Уваровою, которая была столь благосклонна, произведши испытанія по моей программѣ, переслать мнѣ въ подлинникѣ экзаменаціонныя работы. Къ сожалѣнію, пришлось собирать прежнихъ учениковъ школы въ такое время, когда наиболѣе взрослыхъ изъ нихъ не оказалось дома изъ-за отхожихъ промысловъ, а потому средній возрастъ явившихся на испытаніе въ центральной полосѣ Россіи не вполнѣ соотвѣтствуетъ стремленію моему присмотрѣться къ образовательному уровню *взрослыхъ* грамотныхъ крестьянъ: возрастъ въ 14,2 года, получающійся въ среднемъ выводѣ для названныхъ выше трехъ центральныхъ губерній, представляетъ возрастъ подростка, но не взрослаго, которымъ оказывается для южной полосы, какъ припомнятъ читатели, 18,2 года. Тѣмъ не менѣе предлагаемые мною здѣсь выводы имѣютъ самое непосредственное отношеніе къ главнѣйшей изъ занимающихъ насъ темъ—къ вопросу о томъ, насколько улетучиваются познанія нашихъ школьниковъ послѣ школы, разучиваются

*) *Русская Мысль*, кн. X.

ли они и насколько. Предлагаемыя нами изслѣдованія ближайшимъ образомъ касаются этого вопроса, такъ какъ, согласно приводимымъ ниже даннымъ, въ центральной полосѣ крестьянскій мальчикъ, *къ несчастью*, уже одиннадцати лѣтъ, среднимъ счетомъ, покидаетъ школу, а потому прошли среднимъ счетомъ цѣлыхъ три года съ того времени, когда подростки обучались, и до того времени, когда изучаемые мною нынѣ экзамены на два часа вызвали ихъ изъ обстановки, разрушающей созданное школою. За три года много утечетъ воды и много утратится свѣдѣній каждымъ изъ тѣхъ, кто не поддерживаетъ своихъ знаній посредствомъ повторенія, произойдетъ ли послѣднее хотя бы въ зимней, повторительной, воскресной школѣ, или посредствомъ чтенія книгъ, гораздо чаще предлагающихъ намъ старое, при новыхъ лишь сочетаніяхъ, нежели дающихъ намъ дѣйствительно для насъ новое.

Первая работа моя по изслѣдованію степени производительности начальнаго обученія для народа, при отсутствіи повторительныхъ школъ, книгъ и читаленъ, была настолько обстоятельна по отношенію къ одной мѣстности нашего отечества, что въ настоящее время я не имѣю надобности возвращаться ко всѣмъ вопросамъ, вытекшимъ изъ перваго изслѣдованія. Теперь мы можемъ отнестись къ тѣмъ центральнымъ губерніямъ, съ которыми имѣемъ дѣло, *сравнительно* съ югомъ Россіи, нами уже изученнымъ, для того, чтобы прослѣдить, въ чемъ состоитъ различіе обѣихъ полосъ, что касается школьнаго дѣла, и подтверждаются ли и для центральныхъ губерній тѣ законы, которые были подмѣчены нами для южныхъ,—наконецъ, для того, чтобъ исчерпать всѣ тѣ полезныя указанія, которыя намъ даны ученическими сочиненіями изъ двухъ школъ Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, изъ одной Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи, и одной школы Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

Уже при первомъ взглядѣ на результаты испытаній взрослыхъ въ степной, безлюдной, земледѣльческой полосѣ Россіи и въ густо населенной и фабричной части ея бросается въ глаза культурное превосходство послѣдней: такъ, помѣщаемая въ этой статьѣ (стр. 4 и 5) вѣдомость показываетъ, что въ центральной полосѣ, гдѣ пріобрѣтеніе книги несравненно легче, нежели въ нашихъ степяхъ, не оказалось на четыре школы и одного такого бывшаго питомца ихъ, который не имѣлъ бы у себя дома книги, между тѣмъ въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ 13% явившихся на испытаніе оказались безъ книгъ. Правда, что и въ центральной мѣстности Россіи оказались у питомцевъ школы почти исключительно книги духовнаго содержанія, которыя не могли замѣнить повторительнаго курса; тѣмъ не менѣе невозможно не признать того, что и такія книги, не говоря о воспитательномъ значеніи ихъ, могутъ не допускать рецидивизма въ неграмотность, насколько вообще имѣніе въ домѣ одной-единственной книги можетъ пріохочивать къ чтенію. Еще гораздо рѣзче различіе двухъ разсматриваемыхъ нами полосъ, что касается числа написан-

ныхъ писемъ: между тѣмъ какъ въ рѣдко населенной мѣстности, лишенной путей сообщенія, большинство взрослыхъ крестьянъ, собравшихся къ экзамену, не написали за двѣнадцать мѣсяцевъ ни одного письма, — въ центральныхъ губерніяхъ, при малыхъ разстояніяхъ селъ другъ отъ друга и отъ городовъ и при изобиліи почтовыхъ конторъ и путей, такихъ крестьянъ оказалось относительно въ десять разъ менѣе, нежели въ южной Россіи: въ центральной полосѣ только 6,6% всего числа явившихся къ испытанію не написали за годъ ни одного письма, между тѣмъ какъ въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ такихъ было 67%.

Всѣ эти факты не удивятъ того, кто сознаетъ, что воспитываетъ не одна школа, но и жизнь, и кто понимаетъ, на сколько бытовыя условія видоизмѣняютъ самую школу; вопросы эти однако на столько существенны и такъ часто упускаются нами изъ виду, что невозможно на нихъ не остановиться. Такъ, напримѣръ, присмотримся хоть къ тому, во что превращается кажущееся *сходство* школьнаго дѣла въ двухъ разсматриваемыхъ нами полосахъ: мы видѣли въ первой статьѣ, что для Александровскаго и Маріупольскаго уѣздовъ средняя продолжительность школьнаго обученія для крестьянина выражалась скромною цифрой 3,8 зимы, теперь же мы видимъ, что для центральной полосы она составляетъ 3,11 зимы; тутъ не только сходство, но почти тождественность, которая весьма наставительна въ томъ отношеніи, что еще разъ подтверждаетъ для всей Россіи, что мы не въ правѣ разсчитывать болѣе чѣмъ на три года обученія въ народной школѣ. Эта тождественность тѣмъ любопытнѣе, что ученики юга Россіи, къ намъ явившіеся взрослыми, гораздо старше учениковъ центра и что эти послѣдніе, какъ *позднѣйшіе* питомцы школы, доказали, что въ отношеніи трехзимняго курса обученія дѣло не измѣнилось и въ послѣднее время, когда народъ, вслѣдствіе успѣха школы и льготъ, предоставленныхъ грамотнымъ законами о воинской повинности, сталъ относиться къ школьному обученію съ гораздо бо̀льшимъ сочувствіемъ. Трехлѣтній учебный курсъ, установленный нами еще въ 1867 году, оказался на столько соотвѣтствующимъ экономическому уровню народа, что я могъ бы привести примѣры того, какъ открытіе двухкласснаго министерскаго училища съ *пятилѣтнимъ* курсомъ въ селѣ было равносильно уничтоженію школы, такъ какъ до старшаго отдѣленія втораго класса достигаетъ такое ничтожное число дѣтей, изъ-за которыхъ не стоитъ отказывать въ пріемѣ въ первый младшій классъ массѣ желающихъ въ него поступить и не находящихъ въ немъ мѣста изъ-за «комплекта»; откройте два параллельныхъ «первыхъ» класса въ селѣ—и у васъ будетъ 120 учащихся, а при двухъ классахъ у васъ будетъ 60 въ первомъ и 15 во второмъ. Но, не отвлекаясь въ сторону, возвратимся къ замѣченной нами тождественности между среднею продолжительностію учебнаго курса въ центральной и южной Россіи. Повторяю, что это только кажущееся сходство, подъ которымъ скрывается весьма крупное различіе, еще разъ ука-

НАЗВАНІЕ СЕЛЪ.	Грамотные крестьяне, оставившіе школу не менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ.								
	Число учившихся, явившихся къ испытанію.	Средній возрастъ.	Возрастъ старшаго изъ явившихся.	Возрастъ младшаго изъ явившихся.	Среднее число лѣтъ со времени оставленія школы.	Среднее число зимъ, посвященныхъ школѣ.	Есть грамотные въ семьѣ въ % случаяхъ.	Число испытуемыхъ, не имѣющихъ дома ни одной книги.	Число не явившихся ни одного
	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9
Смоленская губернія.									
Гжатскій уѣздъ.									
1. Село Вешки	12	15	19	12	2,75	2,5	12	—	
Владимірская губернія.									
Муромскій уѣздъ.									
2. Село Севастлейки	16	12,6	16	10	2	3,5	12	—	
Московская губернія.									
Можайскій уѣздъ.									
3. Село Боршово	6	13	17	11	2,3	3,6	5	—	
4. Село Порѣчье	26	17	26	12	4	2,8	20	—	
	60	14,2	26	10	2,77	3,11	49	—	

Успѣхи, обнаруженные на испытаніи весною 1881 года.																		
Чтеніе.				Письмо.					Счетъ.					Законъ Божій.				
Читать начинали:	Изъ числа сознательно читающихъ.			Не въ состояніи подписаться и обозначить годъ, мѣс. и число.	Не съумѣли написать сочиненія во время испытанія.	Изъ написавшихъ сочиненіе.			Пишутъ числа только до десятковъ.	Ошиблись, писавши до тысячи.	Не въ состояніи сложить письменно.	Изъ рѣшившихъ задачу.		Знаютъ молитвы.	Знакомы съ Новымъ Завѣтомъ.	Знакомы съ Ветхимъ Завѣтомъ.	Читаютъ по-славянски хорошо.	Читаютъ по-славянски удовлетворительно.
	Посредственно.	Удовлетворительно.	Весьма удовлетворительно.			Посредственно.	Удовлетворительно.	Весьма удовлетворительно.				Ошибочно вычислили.	Дѣлали болѣе трудную задачу.					
10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.
1	1	4	6	—	—	10	2	—	—	—	—	3	10	12	12	12	8	4
—	—	11	5	—	—	—	1	15	—	—	—	—	15	16	16	16	16	—
-	4	2	—	—	—	6	—	—	—	2	—	1	5	6	6	6	1	5
1	4	2	19	—	—	11	4	11	—	1	2	2	19	26	26	25	16	10
2	9	19	30	—	—	27	7	26	—	3	2	6	49	60	60	59	41	19

зывающее на преимущество обстановки школы въ центрѣ сравнительно съ югомъ: въ нашихъ степяхъ учебную зиму составляютъ среднимъ счетомъ не болѣе пяти мѣсяцевъ, такъ какъ полевыя работы прекращаются не ранѣе конца октября мѣсяца, иногда и въ ноябрѣ, а возобновляются въ половинѣ марта, иногда же и въ февралѣ мѣсяцѣ; не такъ въ центрѣ Россіи, гдѣ учебная зима состоитъ по крайней мѣрѣ изъ шести съ половиною мѣсяцевъ, что за три года составитъ четыре съ половиною мѣсяца лишнихъ обученія по сравненію съ югомъ, т. е. почти *цѣлымъ учебнымъ годомъ больше*, если считать учебный годъ въ селѣ въ пять мѣсяцевъ, какимъ онъ и бываетъ на югѣ Россіи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что ученикъ, посѣщавшій школу въ теченіе трехъ зимъ въ Московской губерніи, обучался почти столько же времени, какъ ученикъ, четыре года или четыре зимы пробывшій въ южнорусской школѣ. Этого не слѣдуетъ забывать при сравненіи результатовъ обученія въ обѣихъ полосахъ и при изслѣдованіи вопроса о томъ, сколько тамъ и здѣсь оказывается разучивающихся.

Столь же существенное значеніе для различія въ успѣхахъ обученія, въ степени рецидивизма и необходимости повторительныхъ школъ имѣетъ и племенной составъ населенія, отразившійся и на письменныхъ работахъ малорусскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ учениковъ, изученныхъ нами въ первой статьѣ, и великорусскихъ учениковъ, работы которыхъ теперь у насъ предъ глазами. Разговорный языкъ массы крестьянскаго населенія нашихъ центральныхъ губерній возведенъ, какъ извѣстно, нашими геніальными писателями со степени діалекта до степени литературнаго языка, общаго для всего отечества; вслѣдствіе этого ученики Московской и Владимірской губерніи не только легко понимаютъ разговорную рѣчь образованныхъ классовъ, т. е. и учителя въ школѣ, но и книжный литературный языкъ, какъ свой родной, на которомъ они говорятъ. Малороссы же Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ не только затрудняются въ пониманіи книгъ, но часто и въ пониманіи самыхъ обыденныхъ словъ великорусскаго языка, на которомъ, какъ извѣстно, малороссъ не говоритъ. Приведу лишь нѣсколько примѣровъ для лицъ, вовсе незнакомыхъ съ этимъ дѣломъ и тѣмъ не менѣе вліяющихъ на народныя школы всей Россіи или значительныхъ частей ея. Ученикъ изъ малороссовъ, поступая въ школу, не понимаетъ слѣдующихъ выраженій учителя: «Сколько тебѣ лѣтъ? Слышишь ли ты, что я тебѣ говорю? Видишь ли ты это? Смотри на меня; говори громче!» Малороссъ разберетъ тутъ ровно столько же, сколько пойметъ великороссъ въ слѣдующемъ переводѣ на малорусскій языкъ вышеприведенныхъ предложеній: «Скільки тоби годівъ. Ты чуешь, що я тобі кажу. Бачишь ли ты це? Дывысь на мене; дужче кажы!» А вотъ, напримѣръ, предложеніе, въ которомъ малорусскій мальчикъ не понимаетъ ничего, кромѣ словъ «въ» и «мы»: «Въ комнатѣ мы видимъ полъ, потолокъ, полку, шкапъ, образъ...» Онъ пони-

маетъ тутъ ровнёшенько столько же, сколько пойметъ великороссъ, когда мы скажемъ ему то же по-малорусски: «У хаті мы бачимо долівку, стелю, грубу, Бога.... «Не тронь моего волчка» будетъ совершенно непонятно для малорусскаго школьника, которому учитель долженъ перевести это, если только это не будетъ сочтено «малорусскимъ сепаратизмомъ», слѣдующими словами: «Не займай моей дзыгы». Наконецъ, пусть читатель только узнаетъ, что «луна» по-малорусски значитъ «эхо», и затѣмъ представитъ себѣ, сколько пойметъ малорусскій мальчикъ, читая такое легкое для великоросса стихотвореніе Пушкина, какъ «Зимняя дорога», въ которомъ, какъ извѣстно, «луна», то-есть для малоросса *эхо*, пробирается сквозь туманы и проливаетъ свѣтъ.... Сказаннаго, я полагаю, достаточно для того, чтобъ убѣдить въ томъ, что даже при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій однихъ племенныхъ различій достаточно для того, чтобъ успѣхи обученія въ южнорусскихъ народныхъ школахъ были слабѣе, нежели въ центральныхъ, и чтобы поэтому мы на югѣ относились еще внимательнѣе и осторожнѣе къ возможности рецидивизма въ неграмотность, нежели въ центрѣ.

Наконецъ, намъ остается остановиться еще разъ на томъ бытовомъ отличіи юга отъ центральной области, на которое я уже указалъ мимоходомъ, говоря о томъ, что въ послѣдней экзамены, произведенные въ іюнѣ, не застали взрослыхъ изъ питомцевъ народной школы дома. Въ степной черноземной полосѣ взрослое населеніе только въ голодные годы отлучается для заработковъ, и то не подалеку; въ нормальные же годы оно находитъ работу въ собственномъ хозяйствѣ и у крупныхъ землевладѣльцевъ, постоянно нуждающихся въ рабочихъ. Это до такой степени вѣрно, что въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ даже и въ слѣдъ за голоднымъ 1880 годомъ изъ шести селъ въ трехъ *средній* возрастъ грамотныхъ, явившихся на испытаніе, оказался 19-лѣтнимъ. Между тѣмъ въ центральной области земледѣльческое населеніе настолько отвлекается отъ деревень фабричными и иными заработками, что въ этой полосѣ отъ четырехъ селъ только въ одномъ собрались для испытанія въ грамотности среднимъ счетомъ семнадцатилѣтніе, а для четырехъ селъ въ совокупности получился средній возрастъ экзаменовавшихся въ 14 лѣтъ съ небольшимъ. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что результаты испытанія должны были получиться гораздо слабѣе въ южцой Россіи, нежели въ центральной, такъ какъ въ первой явились крестьяне значительно старше, а потому и отдѣленные отъ школы гораздо болѣе значительнымъ промежуткомъ времени, который, за отсутствіемъ повторительныхъ школъ, книгъ и библіотекъ, постепенно разрушаетъ созданное школою, и притомъ тѣмъ легче, чѣмъ хуже что-либо усвоено въ школѣ или чѣмъ короче былъ періодъ школьнаго обученія. Еслибъ я въ своей статистикѣ—педагогической программѣ для экзамена—взрослыхъ грамотныхъ ограничился однимъ вопросомъ о томъ, который годъ испытуемому,

не сопоставивъ съ нимъ указаній на то, давно ли онъ бросилъ школу, то, имѣя дѣло съ учениками Владимірской, Московской и Смоленской губерній и узнавъ о томъ, что среднимъ счетомъ явились къ экзамену четырнадцатилѣтніе, мы могли бы подумать, что испытанію подверглись дѣти, едва успѣвшія окончить курсъ и лишь весьма мало успѣвшія забыть, а потому и не могущія служить иллюстраціей того, на сколько улетучиваются въ народѣ знанія, выносимыя изъ начальнаго училища. На дѣлѣ оказывается не такъ: изъ доставленныхъ по моей программѣ данныхъ видно, что изъ четырехъ случаевъ только въ одномъ прошло среднимъ счетомъ два года отъ времени оставленія дѣтьми школы до испытанія ихъ, а въ трехъ случаяхъ—больше, причемъ въ одномъ изъ послѣднихъ экзаменъ былъ отдѣленъ отъ школьнаго обученія даже промежуткомъ времени въ цѣлыхъ четыре года, который могъ сильно отозваться на знаніяхъ учениковъ. Значитъ, изучаемые нами теперь факты идутъ къ дѣлу, и если окажется, что на югѣ ученики забыли гораздо болѣе, чѣмъ въ центрѣ Россіи, то это будетъ объясняться, какъ сказано выше, тѣмъ, что въ центральной полосѣ, благодаря продолжительности зимы, за три года выигрывается, по сравненію съ южнорусскими степями, почти цѣлая учебная зима въ четыре съ половиною мѣсяца; это будетъ объясняться также и тѣми трудностями, которыя встрѣчаютъ малороссъ, грекъ, нѣмецъ, молдаванинъ, болгаринъ въ изученіи русскаго языка, а не только тѣмъ, что на югѣ намъ удалось подвергнуть испытанію въ грамотности гораздо болѣе взрослыхъ крестьянъ. Впрочемъ и это послѣднее обстоятельство не могло остаться безъ существеннаго вліянія, такъ какъ въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ прошло среднимъ счетомъ 5,6 года послѣ прекращенія обученія до экзамена, а въ центральныхъ губерніяхъ почти вдвое *меньше* времени, всего 2,77 года. Слѣдовательно, допустивъ даже не существующее равенство прочихъ условій, южнорусскіе ученики вдвое дольше центральныхъ подвергались обстоятельствамъ, разрушавшимъ вынесенное ими изъ школы,—вынесенное ими, впрочемъ, вѣроятно, прочнѣе, чѣмъ въ центрѣ Россіи, такъ какъ тамъ обученіе продолжалось дольше и происходило на родномъ языкѣ массы народа.

Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ оговорокъ возможно сравнить, съ пользою для дѣла, результаты обученія, добытые въ обѣихъ, разсматриваемыхъ нами, полосахъ Россіи. Мы видѣли, что машинально читающихъ, т. е. разучившихся читать, оказалось на югѣ крайне мало, менѣе $^1/_{11}$ изъ числа дѣйствительно взрослыхъ, явившихся къ испытанію; такія лица оказывались почти исключительно только въ средѣ обучавшихся лишь одну зиму, или пять учебныхъ мѣсяцевъ, и при томъ условіи, что со времени обученія ихъ прошло не мало лѣтъ. Но такихъ рецидивистовъ оказалось всего 2 на 60 въ центральной области, какъ видно изъ прилагаемой къ этой статьѣ вѣдомости. Зависитъ ли это отъ того, что въ центральныхъ губерніяхъ и одну зиму обучавшіеся учились не 5 мѣсяцевъ, а $6^1/_2$ мѣ-

сяцевъ, или отъ другихъ, указанныхъ нами, условій, рѣшить не беремся; но, судя по самымъ точнымъ наблюденіямъ на югѣ Россіи, я смѣло могу предрекать и для центра ея, что если настолько благопріятными оказались статистическіе выводы при крайне ничтожномъ числѣ лицъ, испытанныхъ въ центрѣ (60 крестьянъ, вмѣсто 500 крестьянъ, подвергнутыхъ экзамену на югѣ) и при крайней молодости проэкзаменованныхъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы со временемъ и въ центрѣ Россіи, при всей благопріятности условій, не оказалось большее число рецидивистовъ, возможность появленія которыхъ мы обязаны предусмотрѣть и предупредить.

Мнѣ кажется даже, что для центральной области, судя по сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ, существуетъ одна особенная, спеціальная опасность, которой мы не знаемъ на югѣ: я говорю о томъ, какихъ лѣтъ дѣти перестаютъ учиться въ школѣ. Эту крайне любопытную цифру мы можемъ получить, если вычтемъ среднее число лѣтъ, протекшее отъ прекращенія обученія до экзамена изъ средняго возраста проэкзаменованныхъ; въ такомъ случаѣ для Александровскаго и Маріупольскаго уѣздовъ получится 18,$_2$ лѣтъ безъ 5,$_6$ лѣтъ, т. е. окажется, что на югѣ крестьянскій мальчикъ среднимъ счетомъ покидаетъ школу 12,$_6$ лѣтъ. И это—уже крайне неотрадное указаніе: мальчику еще нѣтъ 13 лѣтъ, какъ онъ уже на всю жизнь перестаетъ учиться, на всю жизнь лишается въ большинствѣ случаевъ книги и всякихъ иныхъ средствъ къ возобновленію и восполненію добытаго въ училищѣ. Что же сказать о томъ, что для центральныхъ губерній получается такое вычисленіе: 14,$_2$ года безъ 2,$_{77}$ года, т. е. что въ этой мѣстности крестьянскій мальчикъ *перестаетъ* учиться на всю жизнь, едва ему минетъ одиннадцать лѣтъ, т. е. въ такое время, когда, съ наступленіемъ гимназическаго курса, едва *начинается* обученіе дѣтей относительно достаточныхъ сословій, разсчитанное, принимая во вниманіе среднее и высшее образованіе, еще на цѣлыя двѣнадцать *лѣтъ* дальнѣйшаго обученія, по девяти, а не по пяти мѣсяцевъ въ каждомъ году. Дѣлая столько для ничтожнаго, по численности, меньшинства населенія, неужели мы не предоставимъ огромнѣйшему большинству его, обучающемуся за всю-то жизнь свою всего какихъ-нибудь 15 *мѣсяцевъ*, а не лѣтъ, хотя бы повторительныхъ, зимнихъ, воскресныхъ школъ, которыхъ оно жаждетъ?... Но вопросъ теперь не въ томъ,—мы указываемъ на особенную опасность рецидивизма, существующую для центральной полосы, по бытовымъ условіямъ своимъ выпускающей дѣтей изъ школы непомѣрно малолѣтними. Дѣло-то тутъ въ томъ, что малѣйшаго знакомства съ вопросомъ достаточно для того, чтобы знать, что не въ 11 лѣтъ учившійся сознаетъ пользу отъ грамотности, а попозже; что не въ 11 лѣтъ питомецъ народной школы начинаетъ прилагать и тѣмъ поддерживать знанія, сообщенныя училищемъ; что, затѣмъ, развитіе и домашняя подготовка восьмилѣтняго *крестьянскаго* мальчика едва ли превышаетъ, въ боль-

шинствѣ случаевъ, умственный уровень пятилѣтняго ребенка изъ достаточной и учившейся семьи; что, наконецъ, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и принимая въ разсчетъ невозможность для народа обойтись болѣе чѣмъ на три зимы безъ рабочей силы дѣтей, необходимо желать того, чтобы народная школа не выпускала, но, по возможности, только принимала одиннадцатилѣтнихъ. Но видно, что въ центральной полосѣ это немыслимо по бытовымъ условіямъ,—въ такомъ случаѣ не обязана ли она призадуматься надъ тѣмъ, что гораздо менѣе вѣроятія на то, чтобъ одиннадцатилѣтній мальчикъ уже настолько развился и сталъ любознательнымъ, чтобы чтеніемъ поддержать свои знанія, нежели на то, чтобы такъ поступилъ 14-лѣтній,—и не обязана ли эта мѣстность хотя бы до этого возраста, по окончаніи курса начальной школы, поддержать питомца ея посѣщеніемъ въ теченіе зимы, по воскресеньямъ, часа на два или на три, повторительной школы, которая упражняла бы его въ чтеніи, письмѣ, счетѣ и повторяла бы пройденное по закону Божію. Всякое повтореніе становится притупляющимъ затверживаніемъ, или долбнею, если однажды воспринятый ученикомъ матеріалъ будетъ предлагаться ему все въ томъ же видѣ, въ тѣхъ же сочетаніяхъ, безъ притока свѣжей струи, возбуждающей работу сознанія, въ видѣ по крупинкамъ подбавляемаго новаго матеріала; отсюда прямо слѣдуетъ, что *повторительныя* школы должны быть въ то же время неизбѣжно продолжательными, или дополнительными, и тогда народъ за нихъ скажетъ искреннее спасибо.

Возвращаясь къ сравненію результатовъ испытанія грамотныхъ въ двухъ полосахъ Россіи, мы скажемъ, что, по добытымъ нами оттуда свѣдѣніямъ, въ центральной полосѣ еще почти нѣтъ рецидивистовъ въ неграмотность при среднемъ возрастѣ испытуемыхъ въ 14,2 года; но если для этого возраста ихъ только 2 на 60, или 3% съ небольшимъ, то кто поручится за то, что ихъ не больше для старшихъ и что ихъ не станетъ тѣмъ больше, чѣмъ долѣе будетъ продолжаться отсутствіе повторительныхъ школъ, книгъ и библіотекъ?

Если, продолжая сравненіе двухъ полосъ, перейдемъ отъ чтенія къ письму, то центральныя губерніи окажутся гораздо выше южныхъ въ томъ отношеніи, что въ послѣднихъ примѣрно 1/20 экзаменовавшихся не были въ состояніи написать сочиненіе во время экзамена, а такихъ не оказалось *ни одного* въ центральной полосѣ. Но при этомъ я долженъ остановить вниманіе читателя еще на одномъ обстоятельствѣ, котораго изъ статистической вѣдомости не видно: въ центральныхъ губерніяхъ сочиненія на тему о пользѣ грамотности написаны съ несравненно меньшимъ числомъ орѳографическихъ ошибокъ, нежели въ южнорусскихъ школахъ; но, если не ошибаюсь, нерѣдко орѳографическая правильность письма достигалась въ ущербъ навыка въ изложеніи своей мысли; между тѣмъ какъ, при неимѣніи въ народной школѣ времени для того, чтобы въ равной мѣрѣ упражнять въ правописаніи и умѣньи облекать свою мысль

въ писанное слово, несомнѣнно слѣдуетъ отдать преимущество послѣднему, не пренебрегая правописаніемъ, но отодвигая его на задній планъ. Повидимому, не такъ поступаютъ въ тѣхъ школахъ центральной мѣстности, письменныя работы которыхъ мнѣ сообщены: я могъ бы привести не одинъ примѣръ такого сочиненія въ четыре или пять строкъ ученическаго письма, которое написано почти безупречно въ орѳографическомъ отношеніи, но по изложенію весьма неудовлетворительно и поражаетъ скудостію мышленія писавшаго. Но я не стану останавливаться на этихъ вопросахъ, какъ слишкомъ спеціальныхъ; не стану останавливаться и на томъ, что письменныя работы учениковъ школы въ Севастлейкахъ, Смоленской губерніи, представляются совершенно исключительными и по грамотности письма, и по толковости изложенія; если же я вообще коснулся этихъ вопросовъ, то потому, что желательно было прослѣдить за тѣмъ, гдѣ болѣе работы послѣ школы—что касается письма—въ центрѣ или на югѣ. Послѣдній превзойденъ центромъ не только по числу способныхъ вообще изложить свою мысль на бумагѣ, но и по числу весьма удовлетворительно написавшихъ сочиненіе. Это объясняется уже указанными мною бытовыми условіями обѣихъ мѣстностей. Но при повторительныхъ школахъ результаты и въ центрѣ были бы неизмѣримо выше, такъ какъ теперь изъ четырехъ школъ центральныхъ губерній въ двухъ не оказалось ни одного весьма удовлетворительнаго сочиненія, а такой школы не оказалось ни одной изъ шести школъ двухъ южныхъ уѣздовъ, гдѣ число весьма удовлетворительныхъ письменныхъ работъ составило отъ $^1/_6$ до почти $^1/_3$ всего числа сочиненій школы. Быть можетъ, что это различіе объясняется и самою системой обученія правописанію и сочиненію, на которой я уже останавливалъ вниманіе читателей собственно потому, что возможно болѣе частое и возможно лучшее упражненіе учащихся въ письменномъ изложеніи своей мысли имѣетъ огромное значеніе, какъ средство къ утвержденію пройденнаго и къ предупрежденію рецидивизма.

Что касается счета, то обѣ разсматриваемыя нами мѣстности Россіи, центральная и южная, близко подходятъ другъ къ другу только по умѣнью учившихся крестьянъ написать безошибочно число до тысячи; въ обоихъ случаяхъ число лицъ, допустившихъ ошибку на экзаменѣ, до-нельзя ничтожно. Но чѣмъ менѣе времени затрачивала школа на какое-либо ариѳметическое упражненіе, тѣмъ болѣе и отстаетъ южная полоса отъ центральной, какъ располагавшая болѣе краткимъ періодомъ обученія, какъ боровшаяся съ трудностями языка и какъ производившая экзаменъ гораздо болѣе взрослымъ крестьянамъ. Такъ, напримѣръ, уже не рѣшившихъ задачи на первыя два дѣйствія значительно больше на югѣ, чѣмъ въ центрѣ Россіи, хотя и тамъ, и здѣсь огромное большинство экзаменовавшихся этому не разучились; но въ рѣшеніи «болѣе трудной задачи», состоявшей въ вопросѣ, сколько вершковъ въ 25 верстахъ, для рѣшенія котораго нужно было помнить мѣры, таблицу умноженія и самое производство болѣе

сложнаго ариѳметическаго дѣйствія, южнорусскіе ученики остались далеко позади центральныхъ, такъ какъ школа не успѣла надлежащимъ образомъ утвердить навыкъ въ этомъ отношеніи, а жизнь въ степной земледѣльческой полосѣ представляла менѣе случаевъ приложить знанія этого рода, нежели сколько могъ представить бытъ крестьянина въ центральной промышленной полосѣ: такую «болѣе трудную задачу» рѣшили только 31% изъ числа взрослыхъ грамотныхъ, явившихся на испытаніе въ Маріупольскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, а въ центральной области рѣшили ее 68% экзаменовавшихся. Но въ данномъ случаѣ мы не въ правѣ успокоивать себя благопріятностію результатовъ; мы не въ правѣ почить на лаврахъ потому, что доказана для обѣихъ полосъ Россіи, и самымъ осязательнымъ образомъ, производительность народной школы даже при отсутствіи повторительныхъ школъ, книгъ и библіотекъ,— мы обязаны, напротивъ, спросить себя, почему не рѣшили такой легчайшей задачи, какова вышеприведенная, 32% или почти цѣлая треть учениковъ центральной полосы, вопреки всѣмъ благопріятнымъ условіямъ. Несомнѣнно, потому, что разучились, такъ какъ трудно допустить, чтобы, при выпускѣ изъ школы, подобная задача могла затруднить ихъ. Значитъ, и въ центральной полосѣ Россіи необходимы повторительныя школы по воскреснымъ днямъ, зимою. Сравненіе обѣихъ полосъ убѣдило насъ въ томъ, что чѣмъ короче періодъ обученія и чѣмъ неблагопріятнѣе вообще обстановка школы, тѣмъ болѣе необходимы повторительныя школы, безъ которыхъ нельзя, впрочемъ, обойтись даже и тамъ, гдѣ еще мало замѣтенъ или вовсе не замѣтенъ полный рецидивизмъ въ неграмотность; въ такихъ мѣстностяхъ повторительныя школы неизбѣжны, какъ лучшее средство противъ уменьшенія въ юношествѣ вынесенныхъ имъ изъ школы знаній и къ восполненію допущенныхъ школою пробѣловъ.

Сказаннымъ мы должны закончить сравненіе школьнаго дѣла центра и юга Россіи въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ мы не имѣемъ для юга данныхъ объ успѣхахъ по закону Божію, сообщенныхъ намъ изъ центральной области. Данныхъ этихъ я не имѣю потому, что не собиралъ ихъ, а не собиралъ ихъ потому, что желалъ избѣжать недоразумѣній, такъ какъ эти данныя касаются области, къ сожалѣнію, совершенно изъятой изъ вѣдѣнія мірянъ. Теперь мнѣ остается лишь порадоваться отъ души тому, что почтенная графиня Уварова, какъ учредительница и попечительница школъ, имѣла возможность проникнуть и въ область закона Божія и убѣдиться въ томъ, что въ этомъ отношеніи въ четырехъ изслѣдованныхъ ею школахъ учебные результаты весьма отрадны. Но, не относя этого спеціально къ народнымъ школамъ центральной полосы, а къ русской школѣ вообще, я позволяю себѣ вопросъ: тѣмъ ли должна ограничиваться задача по преподаванію закона Божія, чтобы школьники знали молитвы и были ознакомлены съ событіями ветхаго и новаго завѣтовъ? Эти познанія несомнѣнно цѣнны, но въ нихъ ли главная суть

религіознаго обученія и воспитанія? Этотъ вопросъ ставится, впрочемъ, не мною однимъ, но—что несравненно важнѣе и любопытнѣе—онъ ставится въ одной изъ письменныхъ работъ, намъ сообщенныхъ изъ Московской губерніи. Существующее у насъ преподаваніе закона Божія, гораздо болѣе задающееся сообщеніемъ фактовъ, нежели возбужденіемъ религіознаго чувства, нежели воспитаніемъ въ дѣтяхъ любви къ евангельскому ученію и стремленія прилагать его въ жизни, подвергается критической оцѣнкѣ не мною, но крестьяниномъ 23-хъ лѣтъ, который, поучившись въ народной школѣ, впослѣдствіи достигъ безусловной грамотности и развился. Воспользуемся же столь рѣдкимъ случаемъ послушать, какъ отзывается воспитанникъ народной школы о преподаваніи въ ней закона Божія. Еслибъ этотъ крестьянинъ сталъ равнодушнымъ къ религіи, или даже впалъ въ безвѣріе, то и критикой его можно бы не интересоваться, опасаясь односторонности и несправедливости; но такого явленія нѣтъ въ данномъ случаѣ: искренняя исповѣдь крестьянина обличаетъ въ немъ теплое религіозное чувство, доказываетъ, что въ этомъ отношеніи онъ не порвалъ связи съ народомъ, а потому и стоитъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушаться къ его словамъ. «Нельзя не сознаться, — пишетъ онъ, — что преподаваніе закона Божія въ нашихъ школахъ, какъ главнаго предмета, крайне обременительно для учащихся. Хотя у насъ и приняты въ школахъ довольно сокращенные учебники по этому предмету, Базарова и Соколова, но все же и эти учебники далеко не удовлетворительны и, какъ мнѣ кажется, слишкомъ объемисты. А можетъ-быть это зависитъ отъ преподавателей; но какъ бы то ни было, только положительно извѣстно, что дѣло преподаванія закона Божія не даетъ у насъ хорошихъ результатовъ. Печальнѣе всего то обстоятельство, что *предметомъ отвращенія становятся тѣ самые предметы, свободное почитаніе которыхъ и искреннее благоговѣніе предъ которыми составляютъ всю цѣль преподаванія Закона Божія*».—Какой наставительный урокъ изъ устъ питомца народной школы, изъ устъ крестьянина! Но послушаемъ дальше: «Неужели можно думать, что ребёнокъ тѣмъ болѣе будетъ религіозенъ, чѣмъ болѣе будетъ знать событій изъ священной исторіи?... Къ чему торопиться начинять головы дѣтей въ короткій періодъ времени возможно большею массой религіозныхъ фактовъ? Не значитъ ли это, что мы хотимъ искуственно ускорить естественный ростъ религіозной мысли?...» Не имѣя возможности исчерпать здѣсь этого существеннѣйшаго вопроса, я считалъ бы однако недобросовѣстнымъ не заявить, что преподаваніе огромнаго большинства изъ извѣстныхъ мнѣ сельскихъ законоучителей отличается мертвымъ и бездушнымъ, схоластическимъ формализмомъ, вліяетъ на образъ жизни дѣтей менѣе всей совокупности воспитывающаго начальнаго обученія, въ противность мнѣнію Кера, который говоритъ: «Если хотите, чтобъ я судилъ объ успѣхахъ дѣтей по закону Божію, то скажите мнѣ, какъ они *ведутъ* себя, а не то, какъ они отвѣчаютъ на экзаменахъ по этому предмету».

Впрочемъ, и въ этомъ направленіи необходимы тактъ и осторожность, безъ которыхъ легко впасть въ піетизмъ и мистицизмъ и тѣмъ омрачить чистую, радужную и безмятежную душу ребенка. Сообщенныя мнѣ изъ центральныхъ губерній письменныя работы на тему о пользѣ грамотности представляютъ въ этомъ отношеніи большой интересъ: такъ, въ числѣ четырехъ селъ, въ которыхъ приглашались взрослые грамотные на испытаніе, есть одно, въ которомъ несомнѣнно и осязательно самое благотворное религіозное вліяніе учителя на учениковъ; въ этой школѣ Законъ Божій дѣйствительно проводится въ жизнь дѣтей, но въ ней-то и встрѣчается такое уклоненіе, которое нежелательно въ интересѣ безмятежія дѣтской души, въ интересѣ трезвости отношенія ребенка къ окружающему его міру. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ учениковъ въ своей письменной работѣ; указавъ на то, что въ школѣ ему давалось хорошо все, за исключеніемъ ариѳметики, мальчикъ 12 лѣтъ, окончившій курсъ уже годъ тому назадъ, продолжаетъ: «Учитель однажды спросилъ меня, почему ты отлично знаешь законъ Божій,—разсказываешь, объясняешь все хорошо, что тебя ни заставишь,—а ариѳметика тебѣ не дается? Я промолчалъ. Онъ, подумавши, долго чего-то искалъ, потомъ нашелъ онъ книжку и далъ мнѣ прочесть. Я прочиталъ: въ ней была помѣщена статья о преподобномъ Сергіи, какъ ему не давалась грамотность, какъ онъ далеко отставалъ отъ товарищей, какъ онъ разъ плакалъ, зашедши въ лѣсъ, и послѣ того наученъ былъ постоянно читать молитву Святому Духу. Я, какъ только это прочелъ, такъ и сталъ поступать, какъ преподобный Сергій: постоянно читалъ молитву Святому Духу; немного спустя, побившись трудно по ариѳметикѣ, я сталъ понимать гораздо лучше товарищей и выдержалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ первымъ... По оному примѣру я и другимъ совѣтовалъ бы поступать».

Полагаю, что сказанное не нуждается въ комментаріяхъ для всякаго здравомыслящаго читателя. Полагаю также, что не нуждается въ оправданіи и то, что я, знакомя, по мѣрѣ силъ, публику съ образовательнымъ уровнемъ учившихся въ народной школѣ крестьянъ, придаю большое значеніе лежащимъ предо мною письменнымъ работамъ ихъ и извлекаю изъ нихъ то, что должно интересовать не однихъ педагоговъ, но всѣхъ, кому близки къ сердцу судьбы народнаго образованія въ отечествѣ. Подѣлюсь съ читателемъ еще нѣкоторыми данными изъ первыхъ рукъ, указывающими на то, какое вліяніе можетъ имѣть подростающее поколѣніе, воспитанное школою, на темное поколѣніе взрослыхъ, не прошедшихъ чрезъ школу.

Вотъ отъ слова до слова письменная работа 13-лѣтняго крестьянина Владимірской губерніи, села Севастлейки, Павла Иванова, учившагося три года и окончившаго курсъ, къ несчастію, уже 11 лѣтъ: «Я разъ бралъ у учителя, по выходѣ изъ школы, книгу церковную о проповѣдяхъ, часто читалъ ее за столомъ всѣмъ моимъ роднымъ; мать у меня была

раскольница и умерла безъ покаянія, а отецъ придерживается раскола нѣсколько. Отецъ мой слушалъ, слушалъ, да и заплакалъ. «Паня, неужели мы безъ покаянія, не пріобщившись Св. Таинъ, должны всѣ погибнуть?» Я сказалъ: «да, батюшка, правда!» Я ему нашелъ Евангеліе и прочиталъ... Онъ послѣ этого сталъ посѣщать храмъ, хотя не часто; но все-таки оставилъ, я увѣренъ, вполнѣ свою мнимую вѣру. Еще примѣръ одинъ скажу: когда забрили моего брата въ рекруты, онъ не зналъ даже никакой молитвы; я его обучилъ съ голоса и сказалъ ему: «какъ, братъ, ты пойдешь воевать, не зная молитвы? Всякое дѣло начинается съ молитвы». Потомъ мнѣ пришло на мысль обучить его поскорѣе, а ихъ послѣ принятія присяги отпустили. Я окончилъ курсъ первымъ, получилъ похвальный листъ и свидѣтельство, часто послушивалъ, какъ учитель обучалъ малолѣтокъ въ младшей группѣ; думаю: дай, пойду къ учителю и попрошу у него буквъ (т. е. подвижныхъ, на картонѣ), да руководства Вахрушовой. Прихожу. Къ счастію, учитель меня принялъ ласково и далъ мнѣ всего, даже наставилъ меня кое въ чемъ; я принялся брата учить по аспидной доскѣ; такимъ образомъ мы отправили его; онъ сталъ все разбирать въ книгѣ и писать на аспидной доскѣ». Въ этой работѣ я исправилъ много знаковъ препинанія, но орѳографическихъ ошибокъ пришлось исправить всего три. Если только рука учителя не коснулась этой работы, на что я надѣюсь, то нельзя не признать ее въ высшей степени замѣчательной по возрасту и времени обученія подростка. Что бы вышло изъ *такихъ* учениковъ въ повторительныхъ, дополнительныхъ школахъ?

Но и такимъ ученикамъ въ настоящее время нечего читать по выходѣ изъ школы; такъ же, какъ и въ сочиненіяхъ, разсмотрѣнныхъ мною въ первой статьѣ, и въ письменныхъ работахъ изъ четырехъ селъ центральной Россіи, крайне часто раздаются жалобы на то, что нечего читать. Долго ли мы еще будемъ, молча и бездѣйствуя, прислушиваться къ этимъ сѣтованіямъ народа? Долго ли еще мы будемъ, убѣдившись наконецъ въ неизбѣжной необходимости школъ, понуждать открытіе ихъ и затѣмъ всячески хлопотать о томъ, какъ бы крестьянинъ, за отсутствіемъ повторительныхъ школъ, книгъ и читаленъ, поскорѣе забылъ то, чему его научили? Было время, когда мы думали, что народную школу слѣдуетъ сооружать безъ фундамента, а потому мы возражали противъ учительскихъ семинарій; но это время прошло: мы возвели фундаментъ и стѣны на немъ, начальную школу, и теперь никакъ въ толкъ того не возьмемъ, что стѣны нужны покрыть крышей и что безъ защиты повторительной школы должно постепенно вывѣтриваться, подъ вліяніемъ условій русской жизни, созданное начальною школой. Этого мало, что въ настоящее время можно считать фактически доказаннымъ для центральной и степной полосъ Россіи огромную производительность школы даже при существующихъ условіяхъ,—этого мало, такъ какъ крайне легко увеличить

производительность ея и ослабить разрушающее вліяніе нашей жизни посредствомъ повторительныхъ школъ и читаленъ.

Закончу стихотвореніемъ 23 лѣтняго крестьянина Московской губерніи, назвать котораго я не имѣю полномочія; это стихотвореніе не только обличаетъ талантъ въ авторѣ, но и выражаетъ желаніе, побудившее и меня написать предлагаемую статью:

Родина.

Вся полна суровости
Жизнь въ тебѣ, родной!
Дышешь все глубокою
Скорбью и тоской:
Воетъ непогодушка,
Стонетъ темный лѣсъ,
Рѣдко грѣетъ солнышко
Съ сумрачныхъ небесъ.
Въ воздухѣ туманныя
Ходятъ облака;
Спитъ, морозомъ скована,
Быстрая рѣка.
Часто ночь безъ мѣсяца,
Тусклый, сѣрый день,
Жалкія, печальныя
Хаты деревень.
Жметъ морозомъ, холодно...
Стынетъ кровь въ груди...
Ждетъ ли тебя, родина,
Счастье впереди?...
Заблеститъ ли солнышко
Съ выси голубой?
И пройдетъ ли ноченька
Съ тьмою вѣковой?!

Деревня „Нескучное“
Екатер. губ.

Бар. Н. Корфъ.

Полемика и логика г. Евгенія Маркова.

Евгеній Марковъ: «Сельское правосудіе», *Русская Рѣчь*, іюль 1881 г.; «Уѣздное управленіе», *Русская Рѣчь*, сентябрь 1881 г.

Мнѣ страхъ волнуетъ кровь,
Когда оселъ и волкъ поютъ хвалу свободѣ,
Или когда змѣя воркуетъ про любовь.

Гейне (изъ посмертныхъ стих.).

Характеристикѣ полемики г. Евгенія Маркова посвятимъ только нѣсколько строкъ, логика же его заслуживаетъ большаго вниманія, особенно потому, что она лишь типичный образъ той логики, какою блещетъ въ настоящее время, къ тому же по данному вопросу о сельскомъ и уѣздномъ управленіи, значительная часть земской Россіи.

Первое мѣсто—характеристикѣ полемики.

Только немногіе голоса въ литературѣ, заявляетъ г. Марковъ, отстаиваютъ волостные суды. «Среди этого рода статей нельзя не обратить вниманія на рядъ статей о волостныхъ судахъ г. Ренскаго (Денскаго, г. Марковъ!) въ апрѣльской и майской книжкахъ *Русской Мысли*» (*Рус. Рѣчь*., VII, 217.)

Мы не претендовали на вниманіе г. Маркова, но если онъ вздумалъ публично выступить противъ насъ съ полемикой, хотя лишь на трехъ страницахъ, то мы въ правѣ претендовать на добросовѣстное съ его стороны отношеніе къ дѣлу. Какъ удовлетворяетъ этой претензіи г. Марковъ, сейчасъ увидимъ.

Не будемъ говорить о томъ, какъ искажаетъ насъ г. Марковъ, передавая своими словами нашу исходную точку зрѣнія на корень золъ въ крестьянскомъ самоуправленіи,—это былъ бы длинный разговоръ. Возьмемъ слѣдующую цитату: «Отстраните отъ мужика все это начальство, всѣхъ этихъ непрошенныхъ культуръ-трегеровъ, оставьте волостному суду разбираться, какъ онъ самъ знаетъ, безъ *всякихъ* касацій и апелляцій,—и въ волостномъ судѣ воцарится правда и порядокъ. Такова общая идея статьи г. Ренскаго» (Денскаго!) (*Рус. Рѣчь*, VII, 218).

Такимъ образомъ, по г. Маркову, выходитъ, что мы отрицаемъ *всякія* кассаціи и апелляціи. Между тѣмъ по этому поводу мы говорили: «Принимая во вниманіе заявленіе крестьянъ и проектируемое нами расширеніе предѣловъ юрисдикціи волостнаго суда, мы считаемъ необходимымъ учрежденіе апелляціонной инстанціи, и эта инстанція должна состоять исключительно изъ крестьянъ» (*Рус. Мысль*, V, 43). Это не случайная, не мимолетная наша фраза, которую легко было бы опустить изъ вниманія,—напротивъ, положеніе, что апелляціонная инстанція должна состоять исключительно изъ крестьянъ, мы развивали на цѣлыхъ семи страницахъ. И г. Марковъ ихъ просмотрѣлъ!

Далѣе г. Марковъ задается цѣлію показать противорѣчіе логикѣ, шаткость и тенденціозность нашей мысли, что,—добавляетъ онъ при этомъ,—«замѣчается, къ сожалѣнію, далеко не въ одномъ трудѣ г. Ренскаго» (Денскаго!). Задавшись такою цѣлью, авторъ утверждаетъ, что, по взгляду нашему и подобныхъ намъ народниковъ-мистиковъ, «*всякое* прикосновеніе ихъ (образованныхъ классовъ) къ народу есть проказа своего рода», что «человѣчество и крестьянство совершенны сами по себѣ. Портитъ ихъ глупое вмѣшательство власти, ложныя (?!) *требованія образованія*. *Отклоните ихъ*, и на другой день получите образцовое человѣчество, образцовое крестьянство». Поэтому г. Марковъ видитъ логическое противорѣчіе такихъ «друзей народа» въ томъ, что они «горячатся за необходимость широкаго народнаго образованія, свободы слова и проч. *Гнилое заразительное образованіе*, *распространяемое свободнымъ словомъ*, не должно бы, казалось, имѣть никакой цѣны въ глазахъ сторонниковъ народныхъ взглядовъ» (*Р. Р.*, VII, 219).

Гдѣ, г. Марковъ, вы видѣли народниковъ, которые образованіе, да еще распространяемое свободнымъ словомъ, считали бы, по отношенію къ народу, гнилымъ и заразительнымъ? Гдѣ вы видѣли такихъ народниковъ, которые на всякое прикосновеніе образованныхъ классовъ къ народу смотрѣли бы какъ на проказу? Укажите намъ такихъ народниковъ! Что касается насъ, то мы дѣйствительно категорически отрицаемъ всякое вожденіе народа образованными классами на поводу, но никакъ не всякое прикосновеніе послѣднихъ къ первому. Въ разбираемой вами нашей статьѣ вы могли прочесть по данному вопросу напр. слѣдующее: «Пусть пока сближеніе обычая съ закономъ идетъ помимо уставовъ и инструкцій, только путемъ развитія грамотности, путемъ умственнаго свободнаго общенія народа съ интеллигенціей и культурными классами» (*Р. М.*, V, 42). Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу мы писали: «Людямъ мечтающимъ о цивилизаторской роли мы можемъ только сказать: если вы, господа, искренни, бѣгите отъ оффиціальнаго руководительства,—оно зиждется на авторитетѣ. А можно ли хотя малѣйшій косвенный подрывъ подъ признанный авторитетъ оставить безнаказаннымъ?» Развивъ послѣднюю мысль, мы продолжали: «между тѣмъ воспитывать народъ, «чернь непросвѣщен-

ную», можно и помимо экзекуцій, циркуляровъ и предписаній, именно путемъ личной добропорядочности, примѣромъ, путемъ убѣжденія, расширенія кругозора воспитываемыхъ» (*Р. М.*, V, 48).

Однако время оставить полемическія красоты курскаго помѣщика,—слѣдуетъ пощадить читателя. А васъ, г. Евгеній Марковъ, пусть ужь сами боги наградятъ достодолжнымъ образомъ если не въ сей жизни, то хотя въ будущей,—пусть наградятъ васъ за вашу... Подбирайте дополненіе къ сказуемому сами!

Теперь ознакомимся съ логикой г. Маркова. Будемъ говорить преимущественно подлинными его словами, чтобы какъ-нибудь г. Марковъ не заподозрилъ насъ въ такихъ же поэтическихъ вольностяхъ, какими обладаетъ, при изложеніи чужихъ мыслей, онъ самъ лично. Также, чтобы никто не могъ счесть цитатъ нашихъ передержками и подборомъ незаконченныхъ фразъ, онѣ должны быть нѣсколько длинны; но надѣемся, читатель не поставитъ намъ этого въ вину: логика г. Маркова въ высшей степени самобытна, а главное она,— мы ужь оговаривались,— лишь типичный образчикъ логики извѣстной части земско-культурной Россіи.

Предметъ статей г. Маркова—вопросъ о сельскомъ правосудіи и вообще о крестьянскомъ самоуправленіи. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, сведенъ у насъ на вопросъ объ опекѣ надъ мужикомъ. Г. Марковъ,—что и приличествуетъ «свѣдущему» земскому джентльмену,—рѣшаетъ его не съ плеча. Онъ прежде всего доказываетъ необходимость перенести центръ крестьянскаго самоуправленія изъ волости въ сельскую общину; затѣмъ разсматриваетъ рядъ другихъ вопросовъ, отъ которыхъ вопросъ объ опекѣ находится въ прямой логической зависимости, какъ выводъ отъ посылокъ. Вотъ эти вопросы: можетъ ли крестьянство управляться самостоятельно? Полезно ли вообще вмѣшательство въ жизнь народа чуждыхъ ему элементовъ? И, наконецъ, могутъ ли и способны ли современные представители нашихъ культуръ-интеллигентныхъ классовъ быть полезными для деревни въ роли опекуновъ?—Прослѣдимъ въ порядкѣ, какъ г. Марковъ рѣшаетъ эти вопросы и къ какимъ выводамъ послѣ этого онъ приходитъ.

Онъ высказывается очень опредѣленно: «При всѣхъ частныхъ несовершенствахъ и несправедливостяхъ общинной жизни,—говоритъ авторъ,—все-таки невозможно отрицать того осязательнаго факта, что, по тѣмъ или другимъ причинамъ, община съумѣла вообще охранить права каждаго, даже слабѣйшаго, члена своего; что ея распредѣленіе правъ и обязанностей каждаго, ея способы возстановленія нарушеннаго экономическаго равновѣсія *отличаются духомъ особенной справедливости и практической примѣнимости, рѣзко выдѣляющимъ ея бытъ изъ другихъ формъ нашей общественной жизни*» (*Р. Р.*, VII, 232). Въ другомъ мѣстѣ г. Марковъ называетъ общину «*самою испытанною историческою и общественною силою*» (*Р. Р.*, IX, 315). Точно также *въ современномъ «общественномъ*

быту Россіи, по словамъ автора, *почти единственнымъ живучимъ и плодотворнымъ началомъ является пока самостоятельная и общественная жизнь крестьянской общины»* (*Р. Р.*, IX, 271). «Если мы всѣ сходимся на признаніи за общиною способности вѣрно и безпристрастно распредѣлять между собою права пользованія общими земельными угодьями и исполненіе лежащаго на общинѣ тягла, то, *по самымъ азбучнымъ требованіямъ логики, мы обязаны признать за нею и вообще способность*, съ сравнительнымъ безпристрастіемъ и вѣрностью, разбираться во внутреннихъ ссорахъ и спорахъ своихъ сообщественниковъ» (ibid., VII, 232). «Мы полагаемъ, что не можетъ быть никакого основательнаго препятствія поручить суду самой общины всѣ внутреннія треволненія между ея членами. Она сама *лучше всѣхъ судей въ свѣтѣ* знаетъ, что кому принадлежать должно, кто кого дѣйствительно обижаетъ и кто на кого только кляузничаетъ. Она болѣе всѣхъ заинтересована въ томъ, *чтобы въ ней соблюдались выработанные жизнью порядки наслѣдованія и пользованія*, чтобы» и т. д., и т. д. (*Р. Р.*, VII, 234). Г. Марковъ вообще такъ довѣрчиво относится къ сельскому обществу, что проектируетъ расширеніе юрисдикціи сельскаго суда и по гражданскимъ, и по уголовнымъ дѣламъ (*Р. Р.*, VII, 238), а относительно формальности и канцелярщины идетъ такъ далеко, что отрицаетъ письменное изложеніе даже сути приговоровъ. Но что особенно важно, онъ признаетъ за крестьянствомъ также силы и способность контролировать органы своего самоуправленія; онъ говоритъ: «Одно, что слѣдовало бы установить общимъ правиломъ для всѣхъ сельскихъ судовъ и что дѣйствительно признается обязательнымъ въ сознаніи самого народа,— это предоставленіе цѣлому сельскому сходу права измѣнять, отмѣнять или окончательно утверждать своимъ согласіемъ постановленія сельскихъ судей, въ какой бы формѣ ни производили они свой судъ. *Сельскій сходъ представитъ собой дѣйствительную, а не мнимую контролирующую инстанцію, обладающую всѣми нравственными и матеріальными способами для поддержанія правосудія внутри общины»* (*Р. Р.*, VII, 239).—Все это, по увѣренію автора, говоритъ онъ «съ полною вѣрою и рѣшимостію» (*Р. Р.*, VII, 238).

Такимъ образомъ г. Марковъ безъ малѣйшаго колебанія признаетъ за крестьянствомъ исторически выработанную, сохранившуюся до настоящаго времени, полную способность управляться съ своими дѣлами совершенно самостоятельно. Параллельно съ такимъ признаніемъ онъ въ принципѣ и рѣшительно возстаетъ противъ всякаго вмѣшательства въ жизнь деревни чуждыхъ ей элементовъ. Такъ мы читаемъ: «*Всякое вторженіе въ нее, съ самою благонамѣренною цѣлью, чуждыхъ взглядовъ и точекъ зрѣнія, всякая попытка мѣрить дѣла общины на иной, хотя бы и усовершенствованный, аршинъ*, примѣнить къ нимъ цѣли и пріемы, которыхъ не вѣдаетъ сельская жизнь крестьянина, которыми она не руководится и руководиться не хочетъ, — *было бы* безплоднымъ *деспотизмомъ*

я теоретическою иллюзіею» (*Р. Р.*, VII, 209). «Нѣтъ ничего опаснѣе, по нашему убѣжденію, какъ впускать слишкомъ и глубоко въ непочатую почву нашего патріархально живущаго крестьянства людей совсѣмъ иного міросозерцанія, иныхъ пріемовъ и цѣлей». При такихъ условіяхъ «*нечувствительно, по роковому закону вещей*, явится ненавистная мужику, не подходящая ко всему складу жизни его, бумажная формальность и систематичность; *чуждыя* ему *теоретическія воззрѣнія* станутъ для него обязательнымъ руководствомъ въ дѣлахъ, слишкомъ тѣсно и часто прикасающихся къ нему, и *изломаютъ, сами того не подозрѣвая, его* крѣпко выработанную, доказавшую свою историческую прочность, *общественную жизнь* въ нѣчто ему ненужное и непонятное» (*Р. Р.*, IX, 271). Поэтому какъ хозяйственная, такъ и общественная жизнь села «должны остаться въ сторонѣ отъ всякой непосредственной опеки», пока эта жизнь «не пріобрѣла характера правонарушенія» (*Р. Р.*, VII, 208). «Мы должны желать, чтобы само крестьянство, пока оно остается крестьянствомъ, сельскимъ сословіемъ, стояло по возможности на *прочныхъ и чистыхъ основахъ*, именно крестьянскаго сельскаго быта, а не какого-нибудь инаго. Эти *основы*, впереди которыхъ, конечно, слѣдуетъ назвать сельскую общину, *должны развиваться и совершенствоваться не искусственными поправками нашей лжемудрствующей «интелигентной» мысли*, часто насилующей гораздо болѣе здравую, хотя простую и грубую, практическую точку зрѣнія крестьянина, *а внутреннимъ улучшеніемъ жизни и мысли самаго крестьянства*» (ibid., 210).

Отвергнувъ такъ рѣшительно опеку надъ крестьянствомъ въ принципѣ, г. Марковъ, должно-быть для большей убѣдительности, останавливается еще на характерѣ нашихъ современныхъ культуръ-интеллигентныхъ общественныхъ дѣятелей. Авторъ называетъ ихъ «заносчивыми и торопливыми цивилизаторами». Они заявляютъ себя «неподѣлимымъ влеченіемъ жить и дѣйствовать. Нѣтъ ничего дѣйствительно нужнаго, такъ лучше выдумать, а все-таки связать свое имя съ какимъ-нибудь крупнымъ актомъ земской жизни»... «Чѣмъ энергичнѣе и способнѣе эти люди, тѣмъ дороже обходятся ихъ опыты благодѣтельствованія человѣчеству. Признаемся, мы ужасно боимся этой нетерпѣливой и рѣшительной цивилизаціи нашего неумытаго черноземнаго села энергическими земскими дѣятелями. Они какъ разъ умоютъ и облагородятъ его насильно» (*Р. Р.*, IX, 274). Останавливая впослѣдствіи свое вниманіе спеціально на мировымъ судьяхъ, авторъ заявляетъ: «Все, что мы говорили выше о непригодности и опасности непосредственнаго вторженія въ бытъ крестьянъ идей и формъ чуждаго имъ міра цивилизаціи, все это имѣетъ силу и относительно мироваго судьи» (*Р. Р.*, IX, 305). Затѣмъ по вопросу, насколько мировые судьи компетентны въ рѣшеніи и разсмотрѣніи дѣлъ и тяжбъ на основаніи обычнаго права, мы читаемъ: «*Мировой судья* хотя и можетъ быть очень близокъ къ жизни крестьянъ, все-таки не перестаетъ

быть человѣкомъ иной среды, иныхъ понятій и привычекъ. Если его поставить непосредственнымъ судьею крестьянства, онъ, *при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, исказитъ мало-по-малу живой плодотворный характеръ бытовыхъ отношеній крестьянъ, разстроитъ, самъ того не вѣдая,* существующую крѣпость ихъ сельскаго строя и не съумѣетъ замѣнить его ничѣмъ, болѣе практичнымъ» (ibid., 306). Даже «глубокій знатокъ крестьянскихъ обычаевъ и нравовъ, способный написать о нихъ цѣлое серьезное изслѣдованіе, невольно выдумывалъ бы и искажалъ своими рѣшеніями крестьянскую жизнь. Такой судья-знатокъ не могъ бы относиться къ вопросамъ крестьянскаго быта совершенно свободно, такъ сказать творчески, какъ относится къ нимъ судья-крестьянинъ; онъ сидѣлъ бы, если можно выразиться, въ плѣну у изученнаго имъ обычая и вѣрованій крестьянства; былъ бы вынужденъ подводить подъ нихъ мертвенно и механически живые случаи, которые судья-крестьянинъ, при своемъ непосредственномъ внутреннемъ сродствѣ съ этими критеріумами суда, разрѣшалъ бы въ высшей степени жизненно, свободно и многосторонне» (*P. P.*, VII, 225).

Такъ рѣшительны и опредѣленны взгляды автора. Читали мы все это и недоумѣвали: чѣмъ это мы заслужили немилостивое отношеніе къ намъ г. Маркова? За что онъ называетъ насъ *мистиками*?... Наши взгляды тѣмъ только и отличаются отъ взглядовъ автора, что они не такъ розовы, что выражены не столь краснорѣчиво, а главное—мы высказывали ихъ не голословно, говорили не общія фразы, какъ дѣлаетъ г. Марковъ, а выводили наши положенія, на глазахъ читателя, изъ анализа данныхъ жизни. Впрочемъ недоумѣнія наши легко разрѣшились, когда мы дошли до выводовъ автора. Оказалось, что наши формы мышленія совершенно различны. У насъ, народниковъ, логика обыкновенная, общечеловѣческая, а у г. Маркова—совершенно особенная, самобытная. Вотъ его логика.

Посылка первая. Исторія наша и текущая жизнь доказали, что крестьянство, преимущественно предъ другими сословіями, вполнѣ способно управляться со всѣми своими дѣлами совершенно самостоятельно; *всякое* вмѣшательство въ жизнь деревни въ роли руководителей просвѣщенныхъ классовъ безусловно вредно, такъ какъ даже самые лучшіе представители культуръ-интеллигенціи, «по роковому закону вещей», безсильны принесть пользу крестьянству, способны лишь извратить и изнасиловать здравую жизнь его и не въ состояніи замѣнить разрушенное чѣмъ-либо лучшимъ.

Посылка вторая. Все сказанное о культуръ-интеллигентныхъ опекунахъ крестьянства вообще относится до современныхъ общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и до мировыхъ судей, тѣмъ въ большей степени, что они заражены цивилизаторскимъ зудомъ.

Умозаключеніе. Для блага нашего народа необходимо всѣ дѣла крестьянъ—и судебныя, и хозяйственно-общинныя—подчинить и непосредствен-

но, и въ апелляціонномъ порядкѣ вѣдѣнію мировыхъ судей и снабдить ихъ самыми широкими правами и самостоятельностію, какими не обладали еще ни посредники, ни непремѣнные члены, ни сами исправники.

Вы не вѣрите, читатель, въ возможность существованія такой логики? Чтобъ убѣдить васъ, будемъ опять цитировать автора. Прослѣдимъ и то нехитрое соображеніе, при посредствѣ котораго онъ пытается смягчить неожиданность своего вывода.

«Хотя общинный складъ жизни,—говоритъ г. Марковъ,—безспорно представляетъ собою сильное орудіе для защиты интереса даже слабѣйшихъ, однако опытъ показываетъ, что и это орудіе не всегда обезпечиваетъ крестьянамъ правду и порядокъ ихъ внутренней жизни» (*Р. Р.*, IX, 295). «Еслибы мы,—продолжаетъ авторъ,—убѣдились, что невозможно никакимъ способомъ направлять внутреннюю жизнь сельской общины на путь справедливости, безъ посягательства на основной характеръ ея, безъ насильственнаго вторженія въ нее чуждыхъ ей началъ и цѣлей, — то мы прямо и рѣшительно отреклись бы отъ всякой попытки этого направленія и исправленія, и изъ двухъ непримиримыхъ золъ, не колеблясь, выбрали бы меньшее, т. е. предоставили бы сельскую общину ея судьбѣ, свободному развитію, на ея собственный страхъ, всѣхъ ея естественныхъ свойствъ, полезныхъ и вредныхъ, всѣхъ ея силъ и слабостей» (ibid., 296).

Очевидно, г. Марковъ на распутьи. Но его выводитъ изъ смущенія фактъ, что крестьяне нерѣдко апеллируютъ къ начальству на рѣшенія своего суда и схода. Для примѣра (о, какой удачный примѣръ!) онъ говоритъ: «съ непоколебимой увѣренностью въ существованіе какого-то непоколебимаго и правосуднаго закона, предусматривающаго всѣ случаи ихъ жизни, приносятъ крестьяне жалобы на приговоры сельскаго схода объ отобраніи земельныхъ надѣловъ и проч. Крестьянину невозможно сжиться съ мыслью, что онъ можетъ платить за свой надѣлъ оброки и выкупъ въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, и потомъ вдругъ лишиться этой собственности своей безъ всякаго вознагражденія и безъ всякаго другаго основанія, кромѣ желанія сельскаго схода отдать его надѣлъ другому лицу» (*Р. Р.*, IX, 297). Такимъ образомъ,—заключаетъ авторъ,—«понятіе о безконтрольномъ и безапеляціонномъ распоряженіи сельскаго міра чуждо крестьянину и противорѣчитъ въ корнѣ его представленію о законѣ и власти государства» (ibid., 298). И дѣйствительно,—продолжаетъ онъ,—«никогда русская крестьянская община не смотрѣла на себя какъ на самостоятельное, полновластное государство, выше котораго и властнѣе котораго нѣтъ ничего» (ibid., 300).

Мы не будемъ спорить съ авторомъ, насколько правдивы эти обобщенія, не будемъ доказывать ему, что указанное имъ понятіе крестьянъ, поскольку оно существуетъ, по его же взглядамъ, должно счесть лишь печальнымъ результатомъ глубокой исторической неправды, — наша цѣль прослѣдить его логику. Идемъ за нимъ далѣе.

Озаренный послѣднимъ своимъ соображеніемъ, г. Марковъ съ легкимъ сердцемъ и свободно сожигаетъ всѣхъ боговъ, передъ которыми только-что такъ благоговѣйно преклонялся, и категорично заключаетъ: итакъ, опекунъ надъ крестьянами долженъ быть и нынѣ, и самымъ лучшимъ опекуномъ можетъ быть мировой судья. Остается опредѣлить его права. А на нихъ г. Марковъ очень щедръ. Всѣ крупные факты сельской *судебной хроники* въ апелляціонномъ порядкѣ «должны стать предметомъ судебнаго разслѣдованія мироваго судьи, истекаютъ ли они изъ дѣйствій сельскихъ судовъ, сельскихъ сходовъ или должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія» (*Р. Р.*, IX, 306). Этого мало: «Для избавленія крестьянъ отъ невозможныхъ и недоступныхъ для нихъ окружныхъ судовъ, мировому судьѣ слѣдовало бы предоставить разрѣшеніе споровъ и о недвижимомъ имуществѣ, не только о движимомъ, и притомъ не до 500 рублей, какъ теперь, а гораздо выше, хотя бы, напримѣръ, до 3.000 р. для имуществъ, не входящихъ въ крестьянскій надѣлъ, а объ имуществахъ крестьянскаго надѣла на всякую сумму» (*Р. Р.*, IX, 312). Далѣе г. Марковъ считаетъ «неестественнымъ и неправильнымъ» существующее законоположеніе, по которому «посредники и крестьянскія присутствія лишены всякаго права принимать жалобы *на приговоры сельскихъ сходовъ* по ихъ существу и обязаны только удостовѣряться въ формальной законности приговоровъ» (ibid., 301). Между тѣмъ «можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и самое большинство міра систематически злоупотреблять своимъ абсолютнымъ правомъ и сдѣлать невозможнымъ существованіе меньшинства, обложить его непомѣрно, отобрать у него надѣлы и т. п. Необходимо, чтобы возможность подобныхъ дѣйствій встрѣчалась съ другою возможностью—прекращать ихъ» (ibid., 302). Этою возможностью долженъ обладать мировой судья. На правѣ уничтожить земельную общину полномочія мироваго судьи, которыми надѣляетъ его г. Марковъ, не кончаются. «Само собою разумѣется, что судебная дѣятельность мироваго судьи не можетъ руководствоваться тѣми формальными правилами закона, которыя помѣщены въ уставѣ для мировыхъ судей, а должна происходить на основаніяхъ гораздо болѣе широкихъ и свободныхъ». Потомъ г. Марковъ предлагаетъ «предоставить его (мироваго) совѣсти и его благоразумію прекращеніе очевидно неосновательныхъ жалобъ и исковъ безъ дальнѣйшаго движенія ихъ и безъ всякаго оформливанія, съ однимъ *развѣ* словеснымъ разъясненіемъ, необходимымъ для дѣла. По крайней мѣрѣ въ настоящее время многіе дѣльные волостные старшины *такимъ путемъ патріархальнаго внушенія и словесныхъ приказаній* нерѣдко устраняютъ отъ безплодныхъ, разорительныхъ и развращающихъ кляузъ трудовое крестьянское населеніе своихъ волостей» (*Р. Р.*, IX, 310). Однимъ словомъ, мироваго судью слѣдуетъ сдѣлать «*для всѣхъ очевиднымъ и для всѣхъ авторитетнымъ, такъ сказать, хозяиномъ участка въ судебномъ отношеніи*» (*Р. Р.*, IX, 312).

Итакъ, имѣющіе народиться, по проекту г. Маркова, новые сатрапы въ Русской землѣ должны обладать слѣдующими правами: 1) правомъ вмѣшиваться въ сельскохозяйственную жизнь общины, 2) правомъ разбирать и непосредственно, и въ апелляціонномъ порядкѣ тяжбы крестьянъ на всякую сумму, 3) правомъ во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться личнымъ усмотрѣніемъ, 4) правомъ по своему произволу, безъ всякаго оформливанія, прекращать всякіе иски и жалобы крестьянъ и 5) правомъ отеческаго (патріархальнаго тожь) внушенія.

Неужели, спроситъ читатель, для этихъ имѣющихъ народиться сатраповъ не полагается со стороны г. Маркова никакой узды?—Положительно никакой, читатель! Проектировалъ, впрочемъ, г. Марковъ надѣть одну легонькую уздечку на своихъ судей à la старшина волостной, но и ту тотчасъ однимъ почеркомъ пера уничтожилъ совершенно. При всякомъ вхожденіи мироваго судьи въ дѣла крестьянъ,—говорилъ онъ,—«пусть вокругъ него встанутъ человѣка три изъ надежнѣйшихъ сельскихъ судей окрестныхъ деревень, выбранныхъ для этого сельскимъ сходомъ» (*Р. Р.*, IX, 306). Но, сказавъ это, г. Марковъ, должно-быть для успокоенія зачавшихся въ его утробѣ сатраповъ, тотчасъ добавляетъ: «Не думаемъ, чтобы мироваго судью слѣдовало связывать обязательнымъ голосомъ этихъ сельскихъ судей; но не думаемъ также, чтобы мировой судья часто рѣшался пренебречь такимъ авторитетнымъ содѣйствіемъ, какъ совѣтъ этихъ дѣйствительно «свѣдущихъ людей» (ibid., 307).

Къ такимъ выводамъ изъ своихъ посылокъ пришелъ г. Марковъ. Не правда ли, самобытная у него логика?... Ознакомившись съ нею, долго мы раздумывали, чѣмъ бы объяснить такую диковинную ея самобытность. Не слишкомъ ли увлекаются курскіе помѣщики*) своими краснорѣчивыми словоизліяніями? — думали мы. — Можетъ-быть они, по примѣру своихъ пѣвцовъ-соловьевъ, въ пылу краснорѣчія закрываютъ глаза на все, что ихъ окружаетъ,—на все, что было прежде и что ожидаетъ впереди? Но и это наше предположеніе оказалось несостоятельнымъ. Не могутъ же курскіе соловьи быть примѣромъ, напримѣръ, для угрюмыхъ сѣверянъ, можетъ-быть, никогда даже не видавшихъ столь славныхъ пѣвцовъ. Между тѣмъ логикой курянъ заражены культурные земцы и сѣвера и юга, и востока и запада, и центра Россіи. Вездѣ культурные земцы громятъ бюрократію за излишнюю опеку надъ мужикомъ, убившую и развратившую его, какъ утверждаютъ многіе ораторы въ пылу краснорѣчія. Но такія рѣчи обыкновенно заканчиваютъ они лишь проектами передачи опеки изъ рукъ бюрократіи въ свои собственныя,—проектами рас-

*) Мы говоримъ «курскіе помѣщики», а не въ единственномъ числѣ, на основаніи завѣренія г. Маркова, что взгляды, излагаемые имъ, выражаютъ не одно его личное мнѣніе, а «общій выводъ, къ которому пришли болѣе или менѣе единодушно многіе мѣстные дѣятели, близко знающіе крестьянское дѣло и искренно заинтересованные правильною постановкою его» *Р. Р.*, VII, 204).

ширенія ея, опеки, стремленіемъ проникнуть въ самый центръ крестьянской жизни, въ сферу обычнаго права, въ жизнь земельной общины, на что еще никогда не заявляла въ законодательномъ порядкѣ своихъ притязаній бюрократія. Такъ пало наше предположеніе о подражаніи курскихъ помѣщиковъ своимъ соловьямъ. Строить другія предположенія для объясненія диковинной самобытности въ логикѣ нашихъ земцевъ мы были безсильны. Но тутъ неожиданно пришли намъ на память слова Гейне:

Мнѣ страхъ волнуетъ кровь,
Когда оселъ и волкъ поютъ хвалу свободѣ,
Или когда змѣя воркуетъ про любовь.

Имѣютъ ли эти слова поэта отношеніе къ логикѣ г. Маркова и ему подобныхъ культурныхъ земцевъ, утверждать мы не беремся. Пусть они сами, наединѣ съ своею совѣстью, рѣшатъ этотъ вопросъ.

Но какъ бы тамъ они его ни рѣшили, а положеніе вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи и печально, и опасно, и... странно! Всѣ и вся жалуются на излишекъ всюду опеки, всѣ и вся плачутся, что администрація встала для всѣхъ и всюду поперекъ дороги; плачутся наши культурные люди и за себя, и, чуть ли еще не болѣе, за мужика!... Но вотъ явилась возможность вмѣсто проливанія слезъ сказать дѣйствительное слово, и что же? — Культурные люди изъ плачущихъ агнцевъ мгновенно превращаются въ ядовитыхъ змѣй: они просятъ себѣ права не только опекать мужика, не только смотрѣть, чтобъ онъ не вздумалъ дальше извѣстной границы шагъ сдѣлать, но просятъ еще права внутреннюю жизнь деревни — и общинно-хозяйственную, и правовую — перекраивать по-своему. Медвѣжью услугу сдѣлаетъ земство Россіи, если добьется права насиловать жизнь деревни на законномъ основаніи. Истинно-цивилизаторская роль его должна заключаться не въ правѣ наградить мужика, при посредствѣ огня и меча, своею цивилизаціей, а въ устраненіи условій, которыя мѣшаютъ правильному и естественному развитію здравой деревенской жизни. Теперь жизнь деревни густо окутана мракомъ невѣдомыхъ крестьянству инструкцій, циркуляровъ и канцелярщины. Въ статьяхъ о волостномъ судѣ мы подробно рисовали безпомощное положеніе мужика при искуственно и противозаконно созданной для него обязанности, оставивъ «свои распорядки», всюду руководствоваться писаннымъ правомъ, закономъ. Полное незнакомство съ закономъ и горькимъ опытомъ воспитанный страхъ, погрѣшивъ противъ него, накликать на себя тяжкую бѣду, обрекаютъ «темнаго» мужика на безусловное послушаніе и покорность предъ полузрячимъ волостнымъ писаремъ и т. п. людомъ. Въ этомъ—корень золъ въ крестьянскомъ самоуправленіи, и при борьбѣ со зломъ нужно разить его здѣсь. Поэтому земство наше выполнитъ великую задачу, если дастъ возможность мужику жить своимъ умомъ, а не писарскимъ, дастъ возможность ему идти, при свѣтѣ знанія, своею

дорогой, а не невѣдомою въ потьмахъ. Для этого земство должно общинно-бытовую и правовую жизнь деревни оставить неприкосновенною, должно по селамъ настроить школъ, а циркуляры, инструкціи и всю канцелярщину съ мужицкой дороги убрать и взять въ свое вѣдѣніе. Это—первое и главное. Но разъ мужикъ будетъ имѣть право на самоуправленіе, необходимо, чтобъ онъ имѣлъ еще возможность самъ контролировать его: то, что легко скрыть отъ заѣзжаго посѣтителя, трудно припрятать отъ глазъ цѣлаго общества; между тѣмъ въ настоящее время за попытку со стороны крестьянъ контролировать органы своего самоуправленія властные культурные поводыри зачисляютъ ихъ, непрошенныхъ контролеровъ, въ разрядъ бунтовщиковъ.

Но не будемъ повторяться. Эти и другія положенія касательно крестьянскаго самоуправленія были уже нами развиты подробно и *не голословно* въ статьѣ о волостномъ судѣ.

В. Е. Денскій.

Отвѣтъ на одно изъ «Польскихъ писемъ».

Многоуваемый г. В. Р. К., авторъ «Польскихъ писемъ» въ журналѣ *Русская Мысль*, былъ такъ обязателенъ, что, въ пятомъ письмѣ своемъ, почтилъ меня отвѣтомъ на мое письмо, напечатанное въ іюньской книгѣ журнала, несмотря на то, что испрошенное мною объясненіе недоразумѣнія, вызваннаго одною изъ его прежнихъ статей по польскому вопросу, было мнѣ дано уже, въ главномъ, почтенною редакціей *Русской Мысли*. Спасибо вамъ сердечное, справедливые и честные люди! Спасибо и за ваше искреннее сочувствіе польскому народу, и за вашъ благородный и спокойный тонъ объясненій съ поляками. Цѣль ваша достигнута: во всемъ, въ чемъ вамъ желательно было убѣдить меня и моихъ единомышленниковъ, вы убѣдили. Намъ остается только пожелать, чтобы голосъ вашъ не остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, а былъ настолько же убѣдителенъ и для русскаго общества. «То, — говоритъ варшавскій журналъ Atenеum (іюнь 1881 г.),—что печатаютъ люди добросовѣстные, люди знающіе дѣло, какъ гг. Пыпинъ, Юрьевъ, Михневичъ и нѣсколько другихъ, это не многочисленныхъ находитъ читателей; напротивъ, такія писанія профессора П. (это говорилось по поводу статей профессора П. изъ города К., напечатанныхъ въ №№ 1829, 1854 и 1855 *Новаго Времени*), такую газету какъ *Новое Время* читаютъ ежедневно десятки тысячъ. Не заглушатъ ли сѣянныя, хотя бы такими бездарными руками, крапива и иное зелье маленькаго растеньица, едва только начавшаго, стараніями вышеупомянутыхъ писателей, прорастать,—кто же отвѣтитъ на это»?.

Безусловно соглашаясь съ тѣмъ, что истинная наука не имѣетъ національности, не отрицая крайне вреднаго стремленія нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ націонализировать извѣстныя отрасли науки (что, впрочемъ, какъ это и вы сами, многоуважаемый г. В. Р. К., замѣтили, есть слѣдствіе особеннымъ образомъ сложившейся судьбы поляковъ), не отрицая той пользы, которую русскіе ученые могли бы принести польскому обществу, еслибъ оставили идею руссификаціи,—я тѣмъ не менѣе счи-

таю своею обязанностью представить вамъ одно мое объясненіе и одно возраженіе.

Объясненіе мое заключается въ томъ, что, говоря о польскомъ университетѣ въ Варшавѣ, я очень далекъ былъ отъ мысли, чтобы всѣ науки въ этомъ университетѣ были непремѣнно преподаваемы поляками. Не о русскихъ профессорахъ, но о русскомъ языкѣ въ преподаваніи говорилъ я. Я думалъ, что если какой-нибудь не-русскій ученый, желая, почему-либо, занять каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, долженъ прежде всего сдѣлаться понятнымъ для своихъ слушателей, выучившись объясняться на мѣстномъ языкѣ,—то отчего бы не признать справедливымъ, что и русскому ученому, прибывшему въ Польшу съ высокою миссіей примиренія двухъ народовъ, слѣдуетъ сдѣлать то же? Единственно въ смыслѣ *преподаванія на польскомъ языкѣ* хотя бы не только русскими, но даже исключительно иностранными учеными, если только они истинные представители науки, — я употребилъ выраженіе «польскій университетъ». Мнѣ могутъ замѣтить, во-первыхъ, что вѣдь польская молодежь достаточно подготовляется въ гимназіяхъ, чтобы понимать университетскія лекціи на русскомъ языкѣ. Это-то именно обстоятельство я и имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что народный языкъ въ главномъ храмѣ народнаго просвѣщенія есть главный оплотъ національной неприкосновенности. Въ сущности я въ такой же мѣрѣ, какъ и вы, убѣжденъ въ томъ, что народный языкъ не столько въ университетѣ, сколько въ народной школѣ и средне-учебномъ заведеніи служитъ оплотомъ національности и что этой послѣдней главная опасность угрожаетъ со стороны попытокъ денаціонализировать низшую школу. Но я, въ письмѣ своемъ, не касался всѣхъ учебныхъ заведеній Царства Польскаго, а говорилъ только объ одномъ университетѣ, думая при этомъ: если въ Варшавѣ имѣетъ быть и на будущее время русскій университетъ (высказаннаго вами въ майской книгѣ журнала я, дѣйствительно, тогда еще не читалъ, такъ какъ писалъ въ апрѣлѣ), то необходимо, чтобы молодежь, учащаяся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, совершенствовалась соотвѣтственно въ знаніи русскаго языка; а потому на этотъ послѣдній предметъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, оставляя по-прежнему польскій языкъ *необязательнымъ* и даже преподавая его на русскомъ языкѣ. Затѣмъ, для успѣшныхъ занятій науками въ среднихъ школахъ, необходимо будетъ давать дѣтямъ очень основательную подготовку по русскому языку въ семьѣ и народной школѣ, а все это, въ концѣ концовъ, должно заставить польскихъ родителей, желающихъ своимъ дѣтямъ дать образованіе, вступить именно въ заколдованный кругъ и выбирать между прогрессомъ и денаціонализаціей съ одной стороны и сохраненіемъ національности и застоемъ, съ другой. Я допускалъ только одно изъ двухъ направленій образованія въ Польшѣ: или польское, обезпечивающее національность, но основанное не на политически-тенденціозно-враждебныхъ

Россіи стремленіяхъ, а только на преподаваніи, съ начала до конца, по-польски, съ обязательнымъ обученіемъ русскому языку и словесности въ гимназіяхъ и университетѣ,—или же русское, съ русскимъ языкомъ въ низшихъ и высшихъ школахъ, имѣющее цѣлью денаціонализировать, но крайне раздражающее поляковъ и ставящее ихъ во враждебное, по отношенію къ Россіи, положеніе. Вотъ почему польскій университетъ въ Варшавѣ, лишь въ смыслѣ части одной, предполагаемой, цѣлой національной системы, я и назвалъ оплотомъ національности. Во-вторыхъ, мнѣ могутъ замѣтить, что польскій языкъ не есть что-нибудь такое, что человѣку, посвятившему себя наукѣ, знать необходимо. Да, не всякому ученому это необходимо. Но человѣку, отправляющемуся въ Польшу, чтобы занять тамъ каѳедру въ университетѣ, не съ цѣлью пропаганды руссификаціи, но съ цѣлью примиренія польскаго народа съ русскимъ,—такое знаніе, по моему крайнему разумѣнію, рѣшительно необходимо. Вѣдь миссіонеры, вступавшіе въ среду иноплеменниковъ, для проповѣдыванія истинъ христіанскаго ученія о братской любви и уваженіи къ ближнему, могучее средство для достиженія своей цѣли находили въ умѣньи высказывать эти истины на собственномъ языкѣ иноплеменниковъ. Вѣдь вы же сами, уважаемый г. В. Р. К., разсуждающій съ такимъ пониманіемъ вещей о польскихъ дѣлахъ, черпали свои научныя по этому предмету данныя не изъ однихъ только русскихъ и иностранныхъ источниковъ, но навѣрно знаете прекрасно и польскій языкъ; познакомиться съ нимъ, вѣроятно, не составило для васъ особенной трудности, а пользу отъ знанія этого языка, при разсмотрѣніи польскаго вопроса, вы признаете, потому что это знаніе даетъ вамъ преимущество быть прежде всего безпристрастнымъ, а вслѣдствіе этого, хотя вы и не излагаете вашихъ идей устно по-польски, а пишете по-русски,—поляки читаютъ ваши «Польскія письма» съ довѣріемъ и съ пользою. Вы даже прямо сказали, что «знаніе чужаго языка для образованнаго человѣка — не лишнее бремя, а положительная необходимость».—Это мое объясненіе.

Возраженіе мое состоитъ въ слѣдующемъ: поляковъ постоянно обвиняютъ въ томъ, что они упорно, систематически, игнорируютъ все русское и избѣгаютъ всякой съ русскими духовной связи. Объ этомъ и вы намекнули въ пятомъ письмѣ вашемъ. Смѣю увѣрить васъ, что прежде всего ни одинъ изъ поляковъ, честныхъ и развитыхъ, никогда не игнорировалъ тѣхъ русскихъ, которые сколько-нибудь сочувственно и справедливо отнеслись когда-либо, или относятся въ настоящее время къ Польшѣ. Поляки не игнорируютъ также и русскихъ ученыхъ, поскольку они являются достойными представителями истинной науки. Мнѣ извѣстно много поляковъ, окончившихъ курсъ въ русскихъ университетахъ еще въ то время, когда въ Польшѣ мѣстный языкъ пользовался правами гражданства. Всѣ они, не переставая быть поляками, въ высшей степени сроднились съ своими университетами, вошли въ тѣсную духовную связь

съ лучшими изъ профессоровъ своихъ, личности и рѣчи которыхъ оставили неизгладимые, на всю жизнь, слѣды въ ихъ памяти, а сѣянныя въ юныхъ душахъ ихъ, русскими руками, сѣмена производили плоды пріятные и польскому обществу. Польскіе историки, грѣшившіе было, дѣйствительно, непризнаваніемъ русскихъ изслѣдователей польской старины, теперь, для выясненія исторической правды, особенно по исторіи раздѣловъ Польши, пользуются и ихъ трудами, хотя и признаютъ ихъ иногда односторонними (для примѣра, я могу указать на «Очерки исторіи Польши»— Dzieje Polski и zarysie — краковскаго профессора Бобржинскаго. Краковъ 1881 г.). Русскія монографіи по польской исторіи переводятся на польскій языкъ (хоть бы напримѣръ Иловайскаго «Гродненскій сеймъ 1793 г., послѣдній сеймъ Рѣчи-Посполитой»—Sejm grodnieński 1793 г.—Познань 1871 г.). Польскія періодическія изданія знакомятъ поляковъ съ русскою жизнью и литературой. Если же поляки относятся сдержанно и сухо къ тѣмъ изъ русскихъ, которые сами игнорируютъ ихъ въ высшей еще мѣрѣ, потому что игнорируютъ не только польскую науку и литературу, но и самыя насущныя, законныя потребности поляковъ, и отъ которыхъ кромѣ оскорбленій, клеветы и ненависти ничего другаго не испытывали, то такая сдержанность и сухость должна быть признана если ужь не похвальной, то по крайней мѣрѣ вполнѣ естественной. Можно еще, пожалуй, упрекнуть поляковъ, живущихъ постоянно въ предѣлахъ Царства Польскаго, въ томъ, что они иногда относятся недружелюбно къ русскимъ, безъ разбора, только потому, что они—русскіе. Но даже и въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго. Въ русскомъ обществѣ поляки видятъ двѣ партіи: консервативную и либеральную; въ то время, когда первая есть, между прочимъ, лагерь злѣйшихъ враговъ польской національности, въ послѣдней поляки находятъ сильную поддержку и естественно обращаютъ къ ней всѣ свои симпатіи. Могутъ ли однако поляки, не живущіе въ Имперіи и знакомящіеся съ проявленіями русской жизни, главнымъ образомъ, изъ газетъ и журналовъ, знать положительно, къ какой изъ партій склоняется большинство русскаго народа? А между тѣмъ и въ администраціи, и среди выдающихся общественныхъ дѣятелей, и среди представителей литературы то и дѣло раздаются голоса въ высшей степени для поляковъ недоброжелательные. Если даже въ романахъ нѣкоторые, иногда и очень просвѣщенные и вліятельные, писатели, какъ напр. Достоевскій, рисуя образы несимпатичнаго, смѣшнаго или просто грязнаго, воплощеніемъ всего этого дѣлаютъ поляковъ, то извинительно, если эти послѣдніе, встрѣчаясь у себя дома съ русскимъ незнакомцемъ, пока не узнаютъ, кого въ немъ должны видѣть, врага или союзника,— относятся къ нему сдержанно и подозрительно. Я не обладаю достаточнымъ краснорѣчіемъ, чтобъ убѣдить всѣхъ, что въ числѣ національныхъ свойствъ польскаго характера нѣтъ, такъ-сказать органическаго, нерасположенія къ русскимъ. Но мнѣ хотѣлось бы только сдѣлать хоть сколь-

ко-нибудь яснымъ, что всякій разъ, когда русскіе положили объясниться съ поляками по душѣ, безъ предвзятыхъ или внушенныхъ идей, они очень скоро убѣждались, что, въ сущности, между ними немного пунктовъ разногласія, и, при незначительныхъ обоюдныхъ уступкахъ, приходили къ полному соглашенію. Имѣлъ вѣдь даже польскій поэтъ Мицкевичъ,—котораго обыкновенно считаютъ самымъ ярымъ фанатикомъ польскаго дѣла и злѣйшимъ врагомъ Россіи,—своихъ русскихъ друзей (przyjaciół moskali), которые не были однако измѣнниками своего отечества, хотя и сочувствовали полякамъ. Живетъ же въ Россіи цѣлая масса поляковъ не только въ мирѣ и согласіи съ русскими, но и въ самыхъ близкихъ, искренно-сердечныхъ съ ними отношеніяхъ, несмотря на то, что нѣкоторые московскіе патріоты видятъ въ такихъ отношеніяхъ, съ русской стороны, тупоуміе и измѣну.

Вотъ все, что я хотѣлъ возразить вамъ, многоуважаемый г. В. Р. К.! Ко всему сказанному мною въ настоящей замѣткѣ я долженъ прибавить, что и я, точно также какъ и вы, касался польскихъ дѣлъ лишь принципіально, ибо и мнѣ отлично извѣстно, что какъ передѣлка университета, такъ и измѣненіе порядка вещей въ Царствѣ Польскомъ, вообще, не отъ насъ непосредственно зависитъ. Какъ бы то ни было,—Богъ въ помощь вамъ!

І. Л.

Москва.
11 октября 1881 г.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-ой, *В. И. Семевскаго*. Томъ I: Введеніе.—Крѣпостные крестьяне.—Поссессіонные крестьяне.

Желаніе улучшить положеніе крестьянъ — будетъ ли то въ экономическомъ или соціальномъ отношеніи—только тогда можетъ принять правильный и прочный ходъ и оказать извѣстные благотворные результаты, когда это желаніе опирается на всестороннее изученіе прошлаго этого народа, когда оно отвѣчаетъ его основному характеру; знаніе же послѣдняго нельзя основывать только на изученіи его современнаго положенія. Именно это убѣжденіе и руководитъ В. И. Семевскаго въ названномъ трудѣ. Онъ работаетъ цѣлыхъ десять лѣтъ надъ выясненіемъ положенія крѣпостныхъ и поссессіонныхъ *) крестьянъ въ Великороссіи во времена императрицы Екатерины II-ой и въ своемъ пространномъ введеніи къ названному труду настойчиво требуетъ отъ интеллигенціи внимательнаго изученія «прошлаго» русскаго народа.

«Наша интеллигенція,—говоритъ онъ,—обязана потрудиться на пользу крестьянъ и въ жизни, и въ наукѣ; ученые должны прежде всего внимательно изучить *прошлое* и настоящее положеніе народа... Послѣднее правильно понимается только при основательномъ знакомствѣ съ первымъ» (стр. VII). Сознаніемъ необходимой связи настоящаго съ прошлымъ нашего крестьянина до того проникнутъ г. Семевскій, что не пропускаетъ ни одного удобнаго случая сопоставить эти оба положенія и, какъ надлежитъ историку, выводы изъ этихъ сопоставленій дѣлаетъ безпристрастно, основывая ихъ на цифрахъ. Напримѣръ, говоря о количествѣ земли, какое давалось во владѣніе отъ помѣщика крѣпостному временъ Екатерины II-ой, онъ тотчасъ сравниваетъ это количество съ существующими надѣлами въ настоящее время. Сравненіе выходитъ весьма любопытное. «По нашему выясненію,—говоритъ г. Семевскій,—оказалось, что въ пользованіи оброчныхъ было среднимъ числомъ около 13,5 дес., а барщинныхъ приблизительно 8 десятинъ. Если для сравненія съ настоящимъ временемъ принять средній душевой надѣлъ во 2-ой половинѣ XVIII-го в. въ 11 де-

*) Т. е. приписанныхъ къ какому-нибудь заводу или фабрикѣ.

сятинъ, а въ настоящее время въ 3½ дес., то мы придемъ къ выводу, что бывшіе крѣпостные крестьяне (не говоря уже о получившихъ даровой надѣлъ) имѣютъ въ настоящее время *въ три раза менѣе земли, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ*» (стр. 43). Причемъ для выясненія картины настоящаго положенія крестьянъ не мѣшаетъ прибавить, что теперь они не пользуются ни даровыми сѣменами, ни даровымъ хлѣбомъ во время неурожаевъ, какъ то было сто лѣтъ тому назадъ, *когда у нихъ земли было въ три раза больше.*

Вотъ еще не менѣе любопытное сопоставленіе прошлаго съ настоящимъ, хотя, правда, основанное на очень скудныхъ данныхъ за неимѣніемъ у автора подъ руками точныхъ цифръ о положеніи рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ въ настоящее время:

«Между тѣмъ какъ въ первые годы XIX в. средній рабочій день равнялся *12 часамъ*, въ настоящее время, по свидѣтельству г. Исаева, если даже не считать исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ продолжительность рабочаго дня повышается до 16—17 часовъ, всего чаще фабричные работаютъ 13—14 часовъ (стр. 483)... Средняя годовая плата рабочему въ первые годы XIX в. была 60 р., а въ 1867—1871 годахъ—108 руб. Повидимому, вознагражденіе рабочаго увеличилось, такъ какъ на 60 р. въ первые годы XIX в. можно было купить 11 четвертей ржи, а на 108 р. въ 1867—1871 годахъ—15 четвертей... Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это повышеніе чисто-фиктивное. Прежде всего надо замѣтить, что количество рабочихъ часовъ въ теченіе 75 лѣтъ весьма значительно увеличилось... Наконецъ, нужно помнить, что фабрикантъ въ началѣ XIX в. сплошь и рядомъ платилъ подати и другіе сборы за своего рабочаго, оказывалъ ему различныя вспоможенія въ видѣ уступки при продажѣ хлѣба и т. д., отъ чего современные заводовладѣтели совершенно избавлены» (стр. 484). Заводчики начала XIX в. нерѣдко давали своимъ рабочимъ даровыя помѣщенія, даровое топливо. Теперь же съ рабочаго на фабрикѣ берутъ и за отопленіе, и за освѣщеніе, и за помѣщеніе, и притомъ чѣмъ меньше фабрика или заводъ, тѣмъ меньше жалованья получаетъ рабочій, тѣмъ больше взимается съ него вышеуказанныхъ поборовъ и тѣмъ больше вычитается штрафныхъ. Такой выводъ напрашивается самъ собой изъ крайне любопытныхъ статистическихъ таблицъ, помѣщенныхъ докторомъ Эрисманомъ въ его почтенномъ трудѣ: «Изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Клинскаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи».

Приходится весьма пожалѣть, что трудъ г. Эрисмана и такой же трудъ г. Погожева не попали въ руки г. Семевскаго, когда онъ дѣлалъ свои сравнительные выводы о положеніи фабричныхъ начала XIX в. и современныхъ намъ, а довольствовался только работой г. Исаева *). Но этотъ

*) Книги гг. Эрисмана и Погожева вышли въ декабрѣ 1880 г., а названная книга г. Семевскаго въ апрѣлѣ 1881 года.

пробѣлъ можно было бы какъ-нибудь пополнить, еслибы г. Семевскій не сдѣлалъ одного упущенія въ своей работѣ, еслибъ онъ не поскупился на приложеніе таблички цифръ, указывающихъ заработную плату, число рабочихъ часовъ, дней и вообще экономическаго положенія поссессіонныхъ крестьянъ. Такія таблички, по нашему мнѣнію, весьма бы облегчили сравнительный способъ изученія нашихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

Но, кажется, это единственный упрекъ, какой мы можемъ сдѣлать почтенному изслѣдователю крестьянъ въ царствованіе Екатерины II-ой. Трудъ г. Семевскаго—въ высшей степени обстоятельный и полный; онъ оставляетъ за собой почти все, что было сдѣлано по этому вопросу до него. Въ введеніи онъ дѣлаетъ не только указаніе на исторію литературы изучаемаго вопроса, но оцѣниваетъ каждое сочиненіе, указываетъ на его характерныя особенности и значеніе для будущихъ историковъ народа; послѣднимъ онъ даетъ путеводную нить, которая избавитъ ихъ отъ массы напраснаго труда. Авторъ указываетъ не только русскія сочиненія по этому вопросу, но и иностранныя, рисующія положеніе крестьянъ во Франціи, Германіи, а также и положеніе литературы этого вопроса на Западѣ,—указываетъ не только печатные матеріалы, но и рукописные, архивные и т. д.

Сравнительный методъ изслѣдованія является преобладающимъ въ названномъ трудѣ г. Семевскаго: многія главы, гдѣ онъ говоритъ, напримѣръ, о количествѣ владѣемой крестьянами земли, объ отношеніи къ нимъ помѣщиковъ и т. д., оканчиваются сопоставленіемъ этого положенія на Западѣ и у насъ.

И говорить нечего, какъ интересны выводы изъ этихъ сопоставленій. Несмотря на все тяжелое de facto положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ во времена Екатерины II-ой, законъ нашъ не предписывалъ имъ того, чѣмъ онъ обязывалъ, напримѣръ, «серва» во Франціи по отношенію къ своему господину... Въ крестьянскихъ наказахъ 1789 г. встрѣчаемъ,—говоритъ г. Семевскій,—настоятельныя требованія уничтожить *право сеньора цѣловать новобрачную* «et autres usages autragents et extravagants» (стр. 288). Зависимость сервовъ отъ сеньоровъ сказывалась и въ такъ-называемыхъ *смѣшныхъ правахъ* (droits ridicules). Въ одномъ наказѣ названы слѣдующія изъ нихъ: игра въ мячъ, прыганье въ рѣчку тѣхъ, которые продали рыбу, *обязанность пугать лягушекъ въ прудахъ замка для доставленія спокойнаго сна сеньору*, или провозить яйцо въ запряженной повозкѣ, прыганье вступившихъ въ бракъ черезъ стѣны кладбища и другія права «столь же смѣшныя» (стр. 77).

Даже бѣглая рецензія показываетъ, сколько любопытныхъ данныхъ и выводовъ даетъ книга г. Семевскаго о положеніи такъ сильно занимающаго всѣхъ въ настоящее царствованіе крестьянскаго люда. Она рисуетъ яркими красками, какія даетъ сама дѣйствительность, положеніе тогдашняго крестьянина у добраго помѣщика и помѣщика-изверга, который могъ дѣлать съ крѣпостнымъ все, что его барской прихоти было

угодно: онъ могъ драть,—положимъ, не до смерти, что, впрочемъ, случалось не рѣдко и что представить въ законномъ видѣ, не подлежащемъ наказанію, почти всегда удавалось всесильному противъ безсильнаго мужика помѣщику; онъ могъ и продать своего крѣпостнаго, и промѣнять его на щенка, и разлучить съ женой, дѣтьми, и женить, на комъ ему вздумается, и, мало этого, сослать его на каторгу безъ суда и расправы.

Мы приведемъ нѣсколько фактовъ, какими переполнена книга г. Семевскаго, чтобы показать, до чего доходили помѣщичій произволъ и безсердечіе.

«Однажды во время представленія «Дидоны»,—пишетъ одинъ французъ о Россіи,—господину не понравилась игра главной актрисы (она была его крѣпостная); онъ вбѣжалъ на сцену и отвѣсилъ тяжелую оплеуху несчастной Дидонѣ, вскричавъ: «я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ! Послѣ представленія отправляйся на конюшню за наградой, которая тебя ждетъ!» Дидона, поморщившись отъ боли, причиненной оплеухой, вновь вошла въ свою роль и продолжала арію, какъ ни въ чемъ ни бывало» (стр. 139).

Но надо замѣтить, что самодуры-помѣщики никогда не доходили дотѣхъ степеней тиранства, какія практиковались зачастую госпожами Простаковыми. Вотъ одинъ изъ характернѣйшихъ фактовъ того времени, разсказываемый про графиню Н. В. Салтыкову, жену фельдмаршала Н. И. Салтыкова, воспитателя императора Александра Павловича. Она «держала у себя въ клѣткѣ крѣпостнаго парикмахера, чтобы никто не узналъ, что она носитъ парикъ. Три года сряду онъ прожилъ въ этомъ заточеніи и когда вышелъ оттуда на свѣтъ, то страшно было глядѣть на него,—до такой степени онъ былъ сгорбленъ, блѣденъ и хилъ, какъ дряхлый старикъ». Изъ своей тюрьмы онъ освободился бѣгствомъ. Графиня начала его разыскивить, боясь, что онъ откроетъ ея тайну. Императоръ, узнавъ, «какую жизнь приходилось прежде вести парикмахеру, запретилъ разыскивать бѣглеца, но въ то же время, изъ уваженія къ своему бывшему воспитателю, приказалъ успокоить графиню оффиціальнымъ извѣщеніемъ, что тѣло парикмахера найдено въ Невѣ. Такимъ образомъ,—говоритъ г. Семевскій,—оказалось нужнымъ не наказать графиню за ея злодѣйство, а успокоить ея тревогу и опасенія относительно возможности раскрытія ея тайны» (стр. 144).

Всѣхъ помѣщиковъ и помѣщицъ въ изобрѣтательности тиранства и въ звѣрствѣ превосходила во времена императрицы Екатерины II-ой извѣстная Салтычиха, Дарья Салтыкова. Жизнь крѣпостныхъ у этой помѣщицы-изверга есть безконечный мартирологъ. Достаточно сказать, что она сама била плетью раздѣтыхъ до-нага мужиковъ, била по «самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла», а дѣвушекъ приказывала пороть мужикамъ. Безстыдство и звѣрство этой женщины доходили до того, что она приказывала провинившейся передъ ней горничной положить груди на мра-

морную доску и стегала ихъ сама. Мало этого, она обливала лица своихъ крѣпостныхъ кипяткомъ, «поджигала на головѣ волосы, брала за уши раскаленными щипцами, била головою объ стѣну... Зимою послѣ наказанія выставляла босыхъ людей на морозъ, морила голодомъ (стр. 199). Такъ наказывала она «за нечистое мытье бѣлья и половъ».

Что же оставалось дѣлать крѣпостнымъ у такого демона-помѣщицы? Разумѣется, просить защиты, и въ 1762 году двоимъ изъ ея крестьянъ удалось подать челобитную Императрицѣ.

Послѣ произведеннаго разслѣдованія дѣла, по которому Салтычиха оказалась виновной въ смерти *отъ побоевъ 75 человѣкъ*, юстицъ-коллегія присудила: «Салтыковой отсѣчь голову и тѣло положить на колесо...» Но Императрица измѣнила этотъ приговоръ и 2 октября 1768 года рѣшила: лишить Салтыкову дворянскаго званія и называть просто Дарьей Николаевой, выставить въ Москвѣ на эшафотѣ къ столбу съ надписью: «мучительница и душегубица», продержать ее такимъ образомъ цѣлый часъ, затѣмъ, надѣвъ на нее оковы, отвезти въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ, подлѣ какой-нибудь церкви посадить въ нарочно сдѣланную темную подземную тюрьму и содержать ее тамъ до смерти» (стр. 202 и 203). Какъ извѣстно, Салтыкова 11 лѣтъ прожила въ подземной тюрьмѣ Ивановскаго монастыря, изъ которой была затѣмъ переведена въ застѣнокъ того же монастыря, гдѣ прожила до 1801 г. и гдѣ родила ребенка отъ караульнаго.

Но далеко не всегда подача челобитныхъ имѣла результатомъ раскрытіе злоупотребленій помѣщичьею властью; бывало не разъ, что не только не разслѣдовалось дѣло, на которое указывалось въ челобитной, а еще челобитчика жестоко наказывали за его смѣлость, такъ какъ указомъ 2 декабря 1762 года строго запрещалось крестьянамъ подавать челобитныя въ собственныя руки Государыни. Но, несмотря на этотъ указъ, выборные изъ крестьянъ (ходатаи) старались вручить челобитныя непосредственно самой Императрицѣ, въ противномъ случаѣ имъ нечего было ждать ни безпристрастнаго суда, ни безпристрастнаго разслѣдованія. Когда же, вмѣсто разслѣдованія дѣла, ихъ стали наказывать за нарушеніе указа 1762 года, когда у нихъ пропала послѣдняя надежда на возможность найти защиту отъ произвола помѣщиковъ, то, весьма естественно, имъ пришлось прибѣгать къ крайнему исходу въ ихъ безысходномъ положеніи—къ бунту.

Крестьянскіе бунты начинаютъ рѣзко обозначаться съ 1762 года, когда манифестомъ Петра III было объявлено объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы. Крестьяне ждали, что вмѣстѣ съ этимъ будутъ прекращены и ихъ крѣпостныя отношенія къ помѣщикамъ,—отношенія, которыя, какъ намъ извѣстно, были созданы правительствомъ въ интересахъ государственной службы, обязательной для помѣщиковъ. Но 19 іюня того же года крестьянамъ было объявлено, что ихъ отношенія остаются

прежними. Это извѣстіе до того взволновало крестьянъ, что въ Клинскій и Тверской уѣзды пришлось послать команду въ 400 человѣкъ солдатъ и 4 пушки для усмиренія крестьянъ. Послѣ этого движеніе среди крестьянъ съ каждымъ годомъ начинаетъ усиливаться. Указъ 2 декабря 1762 года дѣлаетъ положеніе ихъ еще безотраднѣе, и они съ этихъ поръ начинаютъ прямо прибѣгать къ самообороне: нападаютъ на помѣщиковъ, поджигаютъ ихъ дома и даже убиваютъ ихъ самихъ. Случалось, что и прибывавшей на мѣсто командѣ не легко было водворить тишину и потушить хоть на время пожаръ, который снова вспыхивалъ съ еще большею силой; случалось, что крестьяне оказывали командѣ такое энергичное сопротивленіе, что изъ солдатъ многіе оставались мертвыми на мѣстѣ усмиренія.

Бунты стали повторяться такъ часто, что въ октябрѣ 1763 года военная коллегія принуждена была составить «общія правила, которыми должны были впредь руководиться начальники военныхъ отрядовъ, посылаемыхъ для усмиренія крестьянъ» (стр. 360).

Но такъ какъ, кромѣ составленія правилъ для усмиренія бунтующихъ, ничего не вырабатывалось для улучшенія ихъ невыносимой участи, то мы видимъ, что движеніе крестьянское въ 1766, 1767 и 1768 гг. еще болѣе усиливается: «въ 1767 году было убито много помѣщиковъ».— Фактъ созванія законодательной коммиссіи,—по мнѣнію г. Семевскаго,— могъ подать еще новый поводъ къ волненію крѣпостныхъ: «созваніе законодательной коммиссіи возбуждало нѣкоторыя надежды въ крѣпостномъ населеніи Россіи»... (стр. 366).

Крестьянскія волненія продолжались съ 1762 по 1769 годъ, затѣмъ года три-четыре стихли; но эту тишину г. Семевскій называетъ «затишьемъ передъ бурей»: крестьяне ждутъ облегченія своей участи, ждутъ воли. Но воли отъ Государыни нѣтъ; за то ее обѣщаетъ дать Пугачовъ... Его манифесты обѣщаютъ крестьянамъ не только облегченія изъ-подъ крѣпостной зависимости, они обѣщаютъ больше: «*снятіе податей, избавленіе отъ рекрутчины, владѣніе землей, лѣсами, съ покосами, угодьями... безъ покупки и безъ оброку*».

Такими манифестами, разумѣется, Пугачову не трудно было привлечь на свою сторону крестьянъ: они охотно присоединялись къ нему, охотно шли противъ своихъ враговъ—помѣщиковъ, вѣшали ихъ, убивали, и не только самихъ помѣщиковъ, но и женъ, и дѣтей ихъ. Г. Семевскій говоритъ, что при убійствѣ дворянъ имѣлось въ виду именно истребленіе этого сословія, что «видно изъ значительнаго количества убитыхъ дѣтей»*).

Несмотря на суровую расправу съ пугачовскими бунтовщиками, въ 1778 г. въ Новгородской губ., у графа Апраксина, снова произошло возстаніе крестьянъ, а въ 1789 г. считается послѣднее крестьянское вол-

---

*) Во время Пугачовскаго бунта убито 1.572 челов. дворянъ, изъ которыхъ 796 муж., 474 жен. и *304* дѣтей обоего пола.

неніе при императрицѣ Екатеринѣ II-й... «Но немедленно по вступленіи на престолъ императора Павла началось волненіе крѣпостныхъ *въ одиннадцати губерніяхъ*» (стр. 390).

Хотя, въ виду крайне интереснаго содержанія книги г. Семевскаго, мы перешли обычный размѣръ рецензіи, тѣмъ не менѣе мы принуждены пройти молчаніемъ всю вторую часть названной книги: «Поссессіонные крестьяне», которая представляетъ положеніе этихъ крестьянъ не только во время царствованія императрицы Екатерины II, а начиная со временъ Петра В. и кончая первыми годами XIX вѣка. Рекомендуемъ всѣмъ интересующимся и занимающимся изученіемъ быта рабочихъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ — самимъ непосредственно познакомиться съ этимъ интереснымъ и настолько же добросовѣстно составленнымъ трудомъ, какъ и вся названная книга г. Семевскаго, которая составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ начинающуюся у насъ «исторію народа русскаго».

Историческія сочиненія. «Пушкинъ». *В. Стоюнина.* С.-Пб. 1881 года.

Біографія, какъ и исторія, требуетъ отъ автора творчества, силы фантазіи, которая дала бы возможность понять духъ эпохи и нарисовать полный, вѣрный дѣйствительности, образъ на основаніи даннаго контура и имѣющихся штриховъ.

Жаль, что художникамъ нельзя навязывать свои темы! Какой бы благодарный трудъ могла представить для истиннаго таланта біографія Пушкина, еслибы воспользоваться опубликованнымъ въ послѣднее время матеріаломъ, а главнымъ образомъ его собственною перепиской. Понять художника-поэта, оцѣнить его, заглянуть въ тайники его души и воспроизвести его образъ можетъ только біографъ-художникъ, которому самому нечужды поэтическіе порывы души, который понимаетъ ихъ не усиліемъ ума, а всѣмъ существомъ своимъ, какъ нѣчто близкое, родное. Въ противномъ случаѣ, несмотря на богатый матеріалъ и на самое добросовѣстное отношеніе къ нему со стороны біографа, образъ поэта во всей своей полнотѣ не выступитъ передъ читателемъ.

Именно это можно сказать про книгу г. Стоюнина: «Пушкинъ», хотя, правда, авторъ самъ на второй же страницѣ отказывается отъ притязанія писать біографію Пушкина: «Я хочу,—говоритъ онъ,—сдѣлать только историческую характеристику времени Пушкина въ связи съ его литературною дѣятельностью, представить эту геніальную личность такъ, какъ она создается въ воображеніи отъ изученія извѣстныхъ фактовъ его жизни». Но мы должны сказать, что при чтеніи его книги именно и чувствуется постоянно, что мало помогало ему воображеніе, мало размаху брала его кисть, чтобы нарисовать личность поэта,—что-то ученически-несмѣлое, казенное чувствуется почти во всей первой половинѣ книги, почему эта половина и читается вяло. Ранніе годы Пушкина рисуются

такъ же туманно, какъ и во всѣхъ предшествовавшихъ попыткахъ написать компилятивную біографію Пушкина. За то вторая половина книги, начиная съ главы «Скитальческая жизнь», до того захватываетъ читателя, что ему трудно оторваться. Такой интересъ объясняется обиліемъ новаго матеріала, который внесъ въ свою книгу г. Стоюнинъ,—матеріала, дающаго новое освѣщеніе личности Пушкина. Обычно привыкли смотрѣть на тотъ періодъ жизни поэта, который слѣдовалъ за его личнымъ свиданіемъ съ императоромъ Николаемъ, какъ на такой моментъ, когда Пушкинъ «сжегъ все, чему покланялся», вошелъ въ обыденную колею жизни, примирившись и покорившись, и зажилъ спокойно и счастливо. Но такой взглядъ, несмотря на всю давность, всецѣло разрушается новымъ, недавно опубликованнымъ, матеріаломъ. Если поэтъ подвергался гоненію вплоть до выѣзда изъ села Михайловскаго, когда за нимъ пріѣхалъ фельдъегерь, то послѣ свиданія съ императоромъ онъ подвергся еще болѣе сильному надзору. «Бенкендорфъ считалъ своею обязанностью не спускать глазъ съ *освобожденнаго* поэта». Пушкинъ сначала этого не подозрѣвалъ. «Но ему скоро пришлось убѣдиться, что въ благоустроенномъ государствѣ и у поэта должно быть свое начальство, безъ позволенія котораго онъ не въ правѣ сдѣлать ни одного свободнаго шага», хотя бы самаго невиннѣйшаго свойства, напр. прочитать въ литературномъ кружкѣ сцены изъ ненапечатанной еще тогда драмы «Борисъ Годуновъ». Его сейчасъ же за *такой поступокъ* обвинили *въ непослушаніи волѣ Государя*. За нимъ слѣдятъ, какъ за самымъ опаснымъ революціонеромъ, стихамъ его придаютъ особое значеніе, ихъ конфискуютъ (стихотвореніе «Андре Шенье»); лицъ, у которыхъ отбираютъ его стихи, арестовываютъ, а ему самому постоянно дѣлаютъ допросы...

Что долженъ былъ испытывать *освобожденный* поэтъ, очутившись вдругъ въ такихъ тискахъ,—поэтъ, мечтавшій о такой свободѣ, чтобъ

«.....никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать»?

Ему оставалось одно—бѣжать, бѣжать куда-нибудь подальше, за иною жизнью, иными впечатлѣніями. И вотъ въ 1828 году онъ проситъ черезъ Бенкендорфа дозволить ему поступить въ армію, идущую противъ турокъ. Но и это не для него,—*ему отказываютъ*. Отказъ доводитъ «его до болѣзненности: въ немъ сильно разливается жолчь». Чувствуя, что не въ силахъ долѣе выносить поднадзорной жизни, онъ просится въ Парижъ. «Но его напугали дурными послѣдствіями отъ его прошенія и уговорили взять его назадъ. Въ утѣшеніе представляли ему, что отказъ Императора принять его въ армію показываетъ только, что онъ расположенъ къ поэту и бережетъ его».

Поэту теперь оставалось одно утѣшеніе—бесѣдовать *въ тиши* съ своею музою о существующей несправедливости. И вотъ изъ наболѣвшаго, измученнаго сердца вырывается негодующій крикъ:

«Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу».

Но и эта бесѣда Пушкина съ музой должна была происходить въ строжайшей тиши, такъ какъ все, что ни выходило изъ-подъ пера поэта со времени его *освобожденія*, все должно было проходить черезъ высшую цензуру. Даже «Борисъ Годуновъ»—и тотъ не могъ появиться безъ этого горнила очищенія. На рукописи этой драмы, возвращенной поэту, была сдѣлана слѣдующая приписка: «Государь замѣтилъ въ драмѣ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, еслибы сочинитель *передѣлалъ* ее въ историческій романъ, на подобіе Вальтеръ Скотта». «Жалѣю,—отвѣтилъ поэтъ,—что я не въ силахъ уже *передѣлать* мною однажды написанное».

Не менѣе, если не болѣе, непріятностей сыпалось въ то время на Пушкина и со стороны тогдашней журналистики и литературы, которая монополизировалась, благодаря цензурнымъ условіямъ, въ рукахъ Булгарина и Греча, смотрѣвшихъ на Пушкина какъ на врага; и эти два литературные Аякса не брезговали въ своей злобѣ на поэта даже доносами: они клеветали на него и его друзей... Общество тоже не давало отдыха поэту. Онъ видѣлъ въ немъ только толпу, съ которой у него не было

«Ни общихъ мнѣній, ни страстей».

И Пушкинъ дѣлаетъ новую попытку: онъ просится во Францію, Италію и даже хоть въ Китай. Но на эту просьбу «онъ получилъ только *упрекъ*, что противорѣчитъ волѣ того, кто осыпалъ его столькими благодѣяніями». Но Пушкинъ уже не въ силахъ былъ сохранять положеніе *прикованнаго* къ Петербургу: «Онъ въ мартѣ того же года *внезапно* уѣхалъ въ Москву». Въ погонѣ за нимъ отъ шефа жандармовъ полетѣлъ запросъ, «почему онъ не предувѣдомилъ о своемъ отъѣздѣ, и при этомъ ему было выставлено на видъ, что *всѣ непріятности, которымъ онъ можетъ подвергнуться за свои своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ своему собственному поведенію*» (стр. 345).

Намъ мѣсто не позволяетъ слѣдить далѣе за всѣми удобствами, какія доставилъ поэту переходъ изъ положенія «изгнанника» въ положеніе «поднадзорнаго»; достаточно сказать, что надзоръ за нимъ былъ весьма тщательный и простирался даже на его семейную переписку: его *письма къ женѣ* перехватывались, прочитывались и доставлялись, куда слѣдуетъ.

Читая это, невольно задаешься вопросомъ, до чего были доведены его нервы, и какъ глубоко, мучительно долженъ былъ страдать поэтъ, знавшій за собой только одну вину, что «*родился съ душою и талантомъ*».

Почитайте его письма, гдѣ онъ выступаетъ самъ безъ сковывающей его думы и мысли цензуры; почитайте названную книжку Стоюнина, которая, благодаря собранному матеріалу, заставляетъ сильно болѣть за поэта, за нашъ первый истинно-великій талантъ, къ которому судьба отнеслась какъ мачиха и котораго образъ долженъ быть очищенъ слѣдующими поколѣніями отъ тѣхъ пошлыхъ клеветъ, которыя набросили на него его же враги-современники.

Не можемъ не пожалѣть, что г. Стоюнинъ мѣстами скупится въ своей книгѣ на фактическій матеріалъ. Наприм., онъ говоритъ: «Намъ не приходится входить въ подробности его (т. е. Пушкина) отношеній ко всѣмъ членамъ семьи, такъ какъ о томъ говорили уже другіе» (стр. 262). Странная отговорка!...Почему послѣднее обстоятельство можетъ служить помѣхой, если авторъ задался цѣлью представить личность поэта, какою она создается въ воображеніи отъ изученія его жизни? Если слѣдовать правилу—говорить только о томъ, о чемъ еще другіе не говорили, то автору объ очень многомъ пришлось бы совсѣмъ умолчать. Но онъ, къ чести его, не молчитъ: такъ, напр., онъ приводитъ разсказъ о дуэли и смерти Пушкина, о которыхъ говорили другіе несравненно больше и подробнѣе, чѣмъ объ отношеніяхъ поэта къ семьѣ.

Желаніе автора доказать, что Пушкинъ хотѣлъ поставить поэзію въ связь съ роднымъ прошлымъ, иногда доходитъ до крайности: онъ навязываетъ это желаніе поэту даже тамъ, гдѣ у Пушкина еще чувствуется просто отголосокъ зависимости отъ поэзіи Державина. Вотъ напримѣръ:

«Тебя я *воспою*, герой,
О, Котляревскій, *бичъ* Кавказа!
Куда ни мчался онъ грозой,
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена.
Но се—Востокъ подъемлетъ вой!
Поникни снѣжною главою,
Смирись, Кавказъ,—идетъ Ермоловъ...»

Эти стихи просятъ подписи Державина, а не новаго поэта, съ новыми замыслами и идеалами, которые пришли къ нему позднѣй, когда начался его самостоятельный ростъ.

Не можемъ также согласиться съ оптимистическимъ взглядомъ автора на всѣ неожиданныя случайности, налетавшія на Пушкина до начала его «Скитальнической жизни». По мнѣнію автора, все къ лучшему: ссылаютъ Пушкина на югъ — къ лучшему, Пушкинъ съ Инзовымъ переѣзжаетъ изъ Екатеринослава въ Кишиневъ—къ лучшему; изъ Одессы Пуш-

кина ссылаютъ въ село Михайловское—къ лучшему... А намъ кажется, что для поэта могло бы быть и другое лучшее: намъ кажется, что для развитія его таланта, для роста его взглядовъ, обновленія впечатлѣній—поѣздка съ свободною подорожной была бы много удобнѣе...

Но во всякомъ случаѣ мы охотно привѣтствуемъ книгу г. Стоюнина, отличающуюся, надо замѣтить, пріятной и чистенькою внѣшностью: если она не рисуетъ намъ полнаго образа поэта, то по крайней мѣрѣ даетъ намекъ на этотъ образъ.

Крестьянскія дѣти. *А. Потѣхина.* Съ 18-ю рисунками Н. Каразина. Москва 1881 года.

Въ обществѣ постоянно раздаются жалобы на отсутствіе у насъ порядочныхъ дѣтскихъ книгъ, и эти жалобы вполнѣ справедливы, несмотря на «обиліе изданій для дѣтей». Книгъ дѣтскихъ у насъ много, но порядочныхъ почти нѣтъ. Авторы дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ слишкомъ мало предъявляютъ требованій къ самимъ себѣ: они полагаютъ, что для дѣтей писать можетъ всякій, не обладая ни талантомъ, ни творчествомъ. Величайшее заблужденіе: созданіе повѣсти какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей требуетъ того и другаго, а не ума только и *придумыванія*.

Откройте любую дѣтскую книжку для чтенія, вышедшую за послѣднее время, и васъ поразитъ въ каждой изъ нихъ настоятельное и исключительное желаніе автора вложить въ молодую голову кучу разнообразныхъ полезныхъ свѣдѣній. Желаніе, разумѣется, весьма похвальное, если авторъ съумѣлъ создать такую фабулу, которая въ состояніи заинтересовать юнаго читателя настолько, что онъ и не замѣтитъ хитраго умысла автора—поучать. Вотъ этого-то *умѣнья* у нашихъ писателей дѣтскихъ книжекъ и нѣтъ, т. е., иными словами, у нихъ нѣтъ того, что должно быть у писателя-беллетриста, нѣтъ творчества, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя замѣнить обдумываніемъ и придумываніемъ.

Среди такой бѣдности нашей дѣтской литературы всякій талантливый вкладъ въ нее долженъ обратить на себя особое вниманіе. Потому мы съ живѣйшею радостью привѣтствуемъ книгу г. А. Потѣхина; «Крестьянскія дѣти». Для ея оцѣнки достаточно сказать, что *она съ удовольствіемъ можетъ быть прочтена не только ребенкомъ 10—11—12 лѣтъ, но и взрослымъ*. Въ нашихъ глазахъ это — главное мѣрило достоинства дѣтской книги. Мы съ удовольствіемъ прочли книгу г. Потѣхина. Она заинтересовываетъ читателя фабулой несложной крестьянской жизни, при чемъ неизбѣжно знакомитъ съ формой и подробностями этой жизни, съ крестьянскимъ управленіемъ, общиннымъ владѣніемъ, полевыми и домашними работами, участіемъ въ нихъ мущинъ и женщинъ, съ жизнью на фабрикѣ и т. д. Книга написана прекраснымъ языкомъ, въ перемежку, гдѣ того требуетъ фабула, съ народною рѣчью, не избѣгая даже тех-

ническихъ выраженій, которыя употребляются въ крестьянскомъ обиходѣ. Сама жизнь изображается безъ утрировки, съ ея хорошими и дурными сторонами. Изданіе книги прекрасное, да и картинки, которыми мы въ русскихъ изданіяхъ мало избалованы, весьма сносны. Объ одномъ только можно пожалѣть, что авторъ обратилъ мало вниманія на правильность орѳографіи. Послѣдняя въ дѣтской книгѣ должна быть тщательно корректирована и ни въ какомъ случаѣ не изобиловать такими недосмотрами, какъ, напр., ктому (стр. 138), завотъ (стр. 139), вѣтъ (стр. 140) и т. д. и т. д.

Стихотворенія А. В. Кольцова. Седьмое изданіе *К. Т. Солдатенкова*. Цѣна 20 к. сер. Москва 1880 года.

Полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ А. В. Кольцовъ выступилъ на литературное поприще въ качествѣ поэта-самоучки; но и теперь многія изъ его самобытныхъ, выдающихся по прелести и оригинальности, стихотвореній читаются съ неменьшимъ удовольствіемъ. Его картина «Урожая» и теперь поражаетъ какъ вѣрнымъ изображеніемъ нравственной и матеріальной зависимости сельскаго люда отъ «хлѣбушка», такъ и особою, только ему свойственною силой стиха. Напримѣръ, что за оргинальная музыка слышится въ слѣдующихъ строфахъ, гдѣ изображается, какъ день, «подобравъ туманъ выше темя горъ»,

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

—

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину....

—

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго....

—

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой..... («Урожай», стр. 53).

Здѣсь чувствуется совершенно своеобразное изображеніе картины, которая, несмотря на всю метафоричность языка, поражаетъ читателя вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности.

Или припомнимъ другое стихотвореніе «Пора любви», въ которомъ такъ чудно указано магическое вліяніе природы на человѣка. Нѣчто весьма схожее съ этимъ стихотвореніемъ—какъ по основной мысли содержанія, такъ и по музыкѣ стиха—далъ намъ покойный Некрасовъ въ одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ—«Зеленый шумъ». Напомнимъ читателю эти оба стихотворенія въ тѣхъ отрывкахъ, которые какъ бы невольно вызываютъ другъ друга.

Весною стень зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна... («Пора любви»).

Развѣ не слышится вамъ, читатель, за этими строками:

Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ?

Птички поютъ у Кольцова свои пѣсенки чудныя:

Ихъ слушаетъ красавица
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя,—
Въ нихъ сила есть любовная.....

Также и хозяинъ Натальи Патрикѣевны у Некрасова не понималъ силы и значенія новой пѣсни весны, которую лепечутъ:

И липа блѣднолистая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой.
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ,—
Шумятъ они по-новому,
По-новому—весеннему....

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ стихотвореніи, по-началу рѣчь идетъ о драмѣ и чуется недобрый конецъ. Но «степь зеленая», «птички—пѣвучія»... предотвратили у Кольцова дурной исходъ для молодца:

Ахъ, степь, ты, степь зеленая,
Вы пташечки нѣвучія!
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника...
У васъ весной присуха есть
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ....

Сколько силы въ послѣднихъ стихахъ и какъ слышится здѣсь то непосредственно-дѣтское отношеніе къ природѣ и воззрѣніе на міръ, какое можетъ быть у незатронутаго цивилизаціей простаго народа!

У Некрасова въ окончаніи стихотворенія чувствуется больше разсудочности, чѣмъ непосредственной наивности. Онъ говоритъ, что при приближеніи зеленаго шума—

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна въ лѣсу, въ лугу:
Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И—Богъ тебѣ судья!

Замѣчательно, что, несмотря на приведенные прекрасные стихи Некрасова, появившіеся *черезъ 30 лѣтъ* послѣ названнаго стихотворенія Кольцова, «Пора любви», поставленная съ ними рядомъ, не утрачиваетъ своей прелести, хотя, правда, драматизмъ положенія у Некрасова выдержаннѣе: у Кольцова парень много говоритъ о своей тоскѣ и любви къ дѣвушкѣ и совсѣмъ не оставляетъ мѣста для фантазіи читателя; у Некрасова же — полный просторъ, и читатель, дѣйствительно, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй замираетъ отъ ожидаемой трагедіи.

Но входить въ разборъ стихотвореній Кольцова мы не будемъ,—они давно оцѣнены Бѣлинскимъ въ его прекрасной статьѣ: «А. В. Кольцовъ». Эта статья обычно прикладывалась почти цѣликомъ къ прежнимъ изданіямъ стихотвореній Кольцова, въ послѣднемъ же изданіи она значительно сокращена: выкинута не только вся вторая половина статьи, гдѣ Бѣлинскій оцѣниваетъ Кольцова, какъ поэта, но даже и изъ первой половины—біографіи—выкинуты мѣста, фразы, слова. Напримѣръ, выкинуто слѣдующее мѣсто: «Эти подробности (то-есть о несчастной судьбѣ дѣвушки, которую онъ любилъ) мы слышали отъ самого Кольцова въ 1838 году. Несмотря на то, что онъ вспоминалъ горе, постигшее его назадъ тому болѣе десяти лѣтъ, лицо его было блѣдно, слова съ трудомъ и медленно выходили изъ его устъ и, говоря, онъ смотрѣлъ въ сторону и внизъ» и т. д. («Стихотворенія Кольцова», стр. 18-я 5-го изданія). Чѣмъ руководился издатель при этихъ сокращеніяхъ—трудно предположить, кромѣ желанія сократить вообще число печатныхъ листовъ, такъ какъ книжка послѣдняго изданія пущена по 20 коп. вмѣсто 50. Если же имѣлось въ виду сдѣлать это изданіе доступнѣе для большинства не только по цѣнѣ, но и по содержанію, то приведенное выше мѣсто не представляетъ ничего труднаго для пониманія; скорѣй же съ этою цѣлью слѣдо-

вало выпустить стихотворенія изъ отдѣла «Думы», которыя отличаются своимъ туманномистическимъ содержаніемъ.

Что же касается до внѣшности разсматриваемаго нами изданія, то на 20 коп. оно издано сносно, хотя, разумѣется, желательно, чтобы такіе извѣстные и состоятельные издатели, какъ К. Т. Солдатенковъ, давали и за 20 копѣекъ что-нибудь поизящнѣе.

Откликъ. Литературный сборникъ. Въ пользу студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ города С.-Петербурга. 1881 г.

Цѣль и причина появленія сборника ясна изъ заглавія: «въ пользу студентовъ и слушательницъ».

«Откликъ» представляетъ довольно чистенькое изданіе: хорошая бумага, прекрасный шрифтъ. Издатели—студенты: П. Якубовичъ и В. Шаталовъ. Первому принадлежатъ въ сборникѣ четыре стихотворенія, изъ которыхъ стихотвореніе: «Подъ снѣгомъ», несмотря на подраженіе, очень недурно.

Рядомъ съ новыми выступающими на литературное поприще именами въ сборникѣ встрѣчаются и давно знакомыя: А. Н. Плещеевъ, Я. Полонскій, Н. Златовратскій, А. Михайловъ и др.; каждый изъ нихъ внесъ *въ пользу* студентовъ и слушательницъ свой вкладъ.

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ статьяхъ, повѣстяхъ и стихотвореніяхъ, вошедшихъ въ составъ «Отклика», какъ за неимѣніемъ мѣста, такъ и по причинѣ слишкомъ юношеской наивности большинства статей. Разверните статью: «Пища и ея физіологическое значеніе». Что это—популярное изложеніе азбучныхъ физіологическихъ истинъ, что пища важна для человѣка, что безъ пищи онъ не можетъ жить,—чѣмъ больше у человѣка пищи, тѣмъ онъ богаче и наоборотъ и т. д.? Правда, все это говорится авторомъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, а главное—съ добрымъ намѣреніемъ, въ которомъ нельзя отказать ни одному изъ вкладчиковъ «Отклика».

Статья г. Венгерова: «Достоевскій и причины его популярности въ послѣдніе годы»—приходится какъ нельзя кстати какъ по времени, такъ и по мѣсту. Дѣйствительно молодежь должна была дать отвѣтъ на просившійся и не разъ срывавшійся во время похоронъ Достоевскаго вопросъ: «За что она такъ любитъ его? Чѣмъ онъ заслужилъ ея любовь»?

Статья г. Венгерова даетъ настолько обстоятельный отвѣтъ, насколько возможно то сдѣлать, не пускаясь въ фактическія указанія. Достоевскій,—говоритъ онъ,—умѣлъ искренно любить, и молодежь, всегда чуткая, не могла не оцѣнить этого; онъ училъ ее любить всѣхъ, потонуть въ этой любви, слиться въ ней; онъ говорилъ о братствѣ объ единеніи, и то были не простыя фразы. Потомъ..... Достоевскій любилъ народъ.

Новѣсти, разсказы и очерки, входящіе въ составъ «Отклика», совершенно придавливаютъ читателя своими тяжелыми мотивами, не вознаграждая при этомъ ни интересомъ сюжета, ни талантливымъ изображеніемъ жизни.

Таковъ разсказъ Н. Никифорова—«Колдунъ», «Одни»—г. Брацевича и другъ. Разсказъ «По пути въ деревню» — весь тенденція. Это—статья о невзгодахъ крестьянской жизни, адвокатская рѣчь, если хотите, только не повѣсть, хотя вся она ведется въ діалогической формѣ—между барином и ямщикомъ.

Самыя интересныя беллетристическія произведенія сборника принадлежатъ перу г. Михайлова (Шеллера)—«Старая крыса» и г. Златовратскаго—«Старый грѣшникъ».

Послѣдняя живо рисуетъ картину студенческой жизни и нѣсколькими штрихами возсоздаетъ образъ старика-идеалиста, который, несмотря на свои преклонные годы, имѣетъ близкое душевное родство съ современною ему молодежью и ничего общаго съ своей родною семьей. Семья эта живо выступаетъ передъ читателемъ, когда старичка, разстроеннаго, почти больнаго, привозятъ домой изъ кружка молодежи, съ каждымъ днемъ убывающей по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ...

«Въ эту минуту въ комнату быстро вошелъ мужчина лѣтъ 30 во фракѣ, съ дорогимъ портфелемъ въ рукахъ.

«—Что такое съ папой?... Я сейчасъ только изъ суда,—говорилъ молодой юристъ, старательно снимая перчатки.—Что съ папой?!.. Только сейчасъ кончилось засѣданіе.... Сидѣли шесть часовъ.... Что съ нимъ?

«—Богъ знаетъ, гдѣ былъ.... Вернулся только-что и вотъ...—проговорила сѣдая дама, пожимая сердито плечами.

«—Обыкновенная исторія,—сказалъ сынъ, въ свою очередь пожимая плечами.—До такихъ лѣтъ дожить и не быть благоразумнымъ...»

Приведенныхъ строкъ достаточно, чтобы понять тяжелое положеніе «Стараго грѣшника» среди «праведниковъ». Но при этомъ невольно навязывается вопросъ, неразрѣшаемый авторомъ: какимъ же образомъ отъ «грѣшника» произошло такое «праведное» поколѣніе?

Не дуренъ также очеркъ Михайлова: «Старая крыса». Это одинъ изъ гоголевскихъ типовъ, порожденный условіями недавняго прошлаго: чиновникъ оставшійся за штатомъ послѣ судебной реформы; его судьба—кабацкій шутъ, предметъ всеобщихъ насмѣшекъ, готовый все претерпѣть изъ-за стакана водки. Онъ не разъ пробуетъ остановить, подобно Акакію Акакіевичу, сыплющіяся на него насмѣшки кутящей компаніи, но безуспѣшно: пьяные люди не перестаютъ хохотать и кричать: «Нѣтъ, а ты прежде заслужи, да попляши, тогда и горло промочишь».

Между стихотвореніями, вошедшими въ сборникъ, попадаются такія, которыя не допускаютъ критики, напоминая пословицу: «Даровому коню въ зубы не смотрятъ». Зато стихотвореніе г-жи Барыковой и г. Плещеева составляютъ прекрасное украшеніе «Отклика».

Надѣемся, что цѣль и причина появленія сборника вызовутъ къ нему полное вниманіе и сочувствіе со стороны общества.

К.

Баронъ Н. А. Корфъ: «Нашъ Другъ». Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1881.

Имя барона Корфа давно уже пользуется почетною и широкою извѣстностью. Начальная земская школа многимъ обязана этому неутомимому *земскому* педагогу, который посвящаетъ свои знанія и свои выдающіяся дарованія святому дѣлу распространенія образованія среди русскаго народа. Въ то время, когда администрація нашего *просвѣщенія* заимствовала и осуществляла французскую централизацію въ управленіи школою, внося въ нее мертвенное однообразіе и убогую казенную программу, лучшіе люди образованнаго общества выступили съ иными требованіями. Въ числѣ этихъ людей одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ, конечно, нашему знаменитому писателю, графу Л. Н. Толстому. Представителемъ того же *земскаго* взгляда на задачи народной школы является и авторъ прекрасной книги, заглавіе которой приведено выше.

Начальная народная школа должна служить не подготовительною только школою для дальнѣйшаго образованія, но и воспитательнымъ заведеніемъ, дальше котораго громадное большинство учениковъ идти не можетъ и за которымъ для нихъ остается безконечная область *самообразованія*. Естественно поэтому, что въ программу начальной народной школы необходимо слѣдуетъ ввести весьма разнообразныя свѣдѣнія объ окружающемъ крестьянъ мірѣ, о важнѣйшихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать. Само собою разумѣется, что это необходимое требованіе въ значительной степени усложняетъ и безъ того нелегкую задачу сельской школы. Задача эта становится даже неосуществимою при отсутствіи вполнѣ надежныхъ книгъ и пособій.

Книга барона Корфа, первое изданіе которой разошлось въ огромномъ количествѣ оттисковъ, принадлежитъ именно къ числу сочиненій, обусловливающихъ возможность правильнаго веденія школы. Благодаря удачному подбору предметовъ для статей и разсказовъ, міросозерцаніе крестьянскаго мальчика или дѣвочки должно постепенно расширяться. То, что находится на глазахъ у ученика, получаетъ въ книгѣ барона Корфа болѣе обстоятельное и правильное объясненіе, чѣмъ даваемое обыденнымъ здравымъ смысломъ или стариннымъ предразсудкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ сознаніе ребенка вводится много новаго, умъ его обогащается разнообразными полезными свѣдѣніями. На ряду съ свѣдѣніями о домашнихъ животныхъ баронъ Корфъ помѣщаетъ разсказы о животныхъ другихъ частей свѣта. Обычные юридическіе акты, безъ которыхъ не обходится теперь крестьянская жизнь, также находятъ себѣ мѣсто на страницахъ «Нашего Друга»; вы встрѣчаете и разсказы о великихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, и т. д.

Конечно, можно представить нѣкоторыя возраженія или замѣчанія на отдѣльныя объясненія высокоуважаемаго нами автора, можно кое-что замѣтить и о выборѣ статей; но эти замѣчанія не умаляютъ, разумѣется, выдающихся достоинствъ книги барона Корфа. Давно извѣстно, что la cri-

tique est aisée. Быть-можетъ, впрочемъ, нѣкоторыя изъ нашихъ соображеній и пригодятся автору «Нашего Друга» при послѣдующихъ изданіяхъ этой прекрасной книги.

Намъ кажется, напримѣръ, что баронъ Корфъ не достаточно полно объясняетъ значеніе бумажныхъ денегъ въ статьѣ, озаглавленной «Для чего и какъ люди торгуютъ» (стр. 99—100). Въ статьѣ сказано: «Такъ какъ золотомъ и серебромъ легко обмануть, подмѣшавъ въ нихъ другихъ металловъ, а вѣсить ихъ всякій разъ, при мѣнѣ на товаръ, на вѣсахъ неудобно, то люди придумали золотыя, серебряныя и мѣдныя *деньги*». Черезъ нѣсколько строкъ говорится: «Вотъ на эти-то монеты, или *кредитные билеты*, т. е. бумажныя деньги, которыя можно промѣнять на металлическія, и обмѣниваются, т. е. покупаются, всякіе товары». Указать, въ нѣсколькихъ словахъ, на соотношеніе между количествомъ звонкой монеты, обращающейся въ странѣ, и количествомъ бумажныхъ денегъ, на принудительный курсъ послѣднихъ и т. п.—было бы, думается намъ, далеко не безполезно въ книгѣ, подобной сочиненію барона Корфа. Сочиненіе это, по мысли самого почтеннаго автора, носитъ энциклопедическій характеръ.

На стр. 101, въ статьѣ «Какъ занимаютъ деньги», встрѣчается слѣдующее неточное выраженіе: «по одному *проценту*, т. е. по одной копѣйкѣ на рубль *въ мѣсяцъ*». По общеупотребительному въ наукѣ и жизни выраженію, проценты есть прибыль на сто въ *годъ*, и крестьянинъ, слѣдовательно, заключилъ заемъ по 12 р. с.

Въ книгѣ барона Корфа преобладающее мѣсто отведено естествознанію. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовали бы въ послѣдующихъ изданіяхъ «Нашего Друга» расширеніе свѣдѣній по устройству и управленію Россіи, конечно, не въ ущербъ свѣдѣніямъ иного рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было бы видѣть и нѣкоторое измѣненіе въ выборѣ стихотвореній и разсказовъ нашихъ замѣчательныхъ писателей. Мы думаемъ, напримѣръ, что стихотвореніе «Слезы» (Тютчева), при всей его музыкальности, легко можно было бы замѣнить другимъ, болѣе подходящимъ къ пониманію крестьянскаго мальчика. Точно также разсказъ изъ «Мертвыхъ душъ» (о Коробочкѣ) и нѣкоторые другіе («Добрый день Степана Михайловича», «Юродивый Гриша») выбраны не вполнѣ удачно. «Добрый день Степана Михайловича», отрывокъ изъ превосходнѣйшаго произведенія, представляетъ собою картинку изъ добраго стараго времени, когда царило крѣпостное право. Объ этомъ послѣднемъ народу надо бы забыть поскорѣе.

Въ книгѣ барона Корфа особенно пріятно отмѣтить удачное стремленіе удовлетворить не утилитарнымъ только требованіямъ, не только дать полезныя свѣдѣнія, но и повліять на нравственную, на эстетическую сторону воспитанника. Нерѣдко приходится, къ сожалѣнію, выслушивать мнѣнія, по которымъ изъ народной школы должны быть изгнаны стихотворенія Пушкина или Лермонтова, разсказы Толстаго или Тургенева.

Эта *польза*, разсчитанная на завтрашній день, противорѣчитъ основному требованію воспитанія, которое имѣетъ въ виду *человѣка*, гармоническое развитіе всѣхъ его способностей. Баронъ Корфъ удовлетворяетъ этому требованію, давая мѣсто въ своей книгѣ и баснѣ, и разсказу, и стихотворенію нашихъ знаменитыхъ писателей. Было бы, пожалуй, желательно дальнѣйшее усиленіе этого отдѣла въ «Нашемъ Другѣ», какъ нѣкоторый противовѣсъ естественному реализму русскаго человѣка,—реализму, котораго требуютъ нашъ климатъ и наша исторія.

Мы не сомнѣваемся, что второе изданіе «Нашего Друга» будетъ имѣть еще бо́льшій успѣхъ, нежели первое.

Викторъ Гольцевъ.

Ф. Гольцендорфъ: **Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни.** Пер. съ нѣм. подъ редакціей *Н. Ѳ. Анненскаго*. Изд. *Ф. Павленкова*. С.-Петербургъ. 1881 г.

Эта, небольшая по формату, книжка полна самаго животрепещущаго интереса для русской читающей публики. Тема, выбранная авторомъ весьма удачно, имѣетъ и вообще сама по себѣ большой интересъ; но интересъ ея возрастаетъ для насъ еще болѣе, благодаря современнымъ, переживаемымъ нами, обстоятельствамъ.

Въ западной Европѣ общественное мнѣніе достигло въ настоящее время могущественнаго развитія и является тамъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ факторовъ государственной жизни. Къ голосу общественнаго мнѣнія прислушиваются выдающіеся политическіе дѣятели и въ рѣдкихъ случаяхъ не многіе изъ нихъ рѣшаются противодѣйствовать ему. Право общественнаго мнѣнія высказываться громко и публично по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ какое-либо общественное значеніе, свобода его проявленія и выраженія во всѣхъ формахъ и всѣми, выработанными культурною жизнью и техникой, способами—никѣмъ не оспариваются въ цивилизованныхъ странахъ, имѣющихъ и спеціальные органы для законнаго представительства мнѣнія общества.

У насъ въ Россіи дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Не только въ принципѣ отрицаютъ въ весьма вліятельномъ лагерѣ права общественнаго мнѣнія и необходимость его участія въ государственныхъ дѣлахъ, но и на практикѣ оно лишено возможности высказываться такъ твердо, опредѣленно и открыто, какъ на Западѣ. Излюбленная административными вѣдомствами канцелярская тайна до сихъ поръ крѣпко держится на Руси. Большинство мѣропріятій и явленій государственной жизни до того момента, когда они становятся уже осуществившимися фактами, неизвѣстны ни обществу, ни печати. Во многихъ случаяхъ оффиціальное заявленіе голоса общества явилось бы правонарушеніемъ... Несмотря однако на все это, общественное мнѣніе и у насъ находитъ себѣ и матеріалъ, и форму

для проявленія во всѣхъ вопросахъ выдающейся важности. Такъ относительно основнаго государственнаго вопроса, выдвинутаго теперь на первый планъ нашею жизнью, голосъ русскаго общества высказывается съ ясностью и опредѣленностью, не допускающими никакихъ сомнѣній.

Общественное мнѣніе является одинаково интереснымъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, и для политика-практика, и для человѣка науки. Авторъ не берется всесторонне изобразить сущность общественнаго мнѣнія: его цѣль только «наглядно представить то мѣсто, которое занимало общественное мнѣніе въ ходѣ всемірнаго историческаго прогресса, опредѣлить его содержаніе, оцѣнить его значеніе, показать способъ его происхожденія и затѣмъ перейти къ вопросу о положеніи, въ какомъ должно стоять по отношенію къ нему современное государство».. Конечно, и эта задача достаточно обширная и достойная серьезнаго изслѣдованія.

Профессоръ Гольцендорфъ, коснувшись лишь слегка и вкратцѣ значенія общественнаго мнѣнія въ классическомъ мірѣ и въ средніе вѣка, переходитъ къ общественному мнѣнію въ новое время, выясняетъ понятіе его, предметъ и содержаніе. Особенно поучительными являются тѣ главы, въ которыхъ авторъ разсматриваетъ процессъ образованія общественнаго мнѣнія и задачу государства по отношенію къ нему.

Новое время въ отношеніи общественнаго мнѣнія характеризуется тѣмъ, что послѣднее образуется быстро, охватываетъ въ короткое время огромныя пространства и отличается меньшею устойчивостью въ сравненіи съ общественнымъ мнѣніемъ прежнихъ вѣковъ, которое больше опиралось на историческія преданія и на традиціи народа. Образованіе обширныхъ государственныхъ территорій и техническія усовершенствованія средствъ сообщенія главнымъ образомъ и создали этотъ новый характеръ общественнаго мнѣнія. Сила привычки, мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ ослабѣваетъ, своеобразія духовной одежды людей уравниваются и особенности группъ населенія по мѣстнымъ районамъ стушевываются. Существенное значеніе при образованіи современнаго общественнаго мнѣнія имѣетъ и то обстоятельство, что главнѣйшею заботой большинства въ настоящее время представляется стремленіе обезпечить свое существованіе съ экономической стороны, а событіямъ общественной жизни удѣляется сравнительно мало времени. «Въ цѣломъ установленіе опредѣленнаго, яснаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія встрѣчаетъ, повидимому, въ настоящее время, несмотря на улучшенія средствъ сообщенія, болѣе препятствій, чѣмъ прежде». Профессоръ Гольцендорфъ не доволенъ современнымъ общественнымъ мнѣніемъ еще въ томъ отношеніи, что оно не отличается самостоятельностью, что, можетъ-быть, объясняется умственною лѣнью и усталостью отъ экономической дѣятельности. Правда, и въ прежнія времена надъ общественнымъ мнѣніемъ господствовала непреложная сила традиціи, авторитета, не подлежащаго оспариванію. И теперь оно создается не путемъ критической работы мышленія, на которую способны лишь не-

многія личности, а чаще подражаніемъ; мнѣнія, которыя чаще и громче всего повторяются въ извѣстной средѣ, мало-по-малу становятся общими и считаются неоспоримыми. Средства для выраженія общественнаго мнѣнія—подача, наприм., массовыхъ петицій, митинги и народныя собранія, чуткая и отзывчивая печать—являются въ то же время и факторами, создающими и развивающими его. Мнѣнія массъ создаются не разсужденіями и преніями, а преимущественно на настроеніе умовъ массъ оказываютъ вліяніе «крупные факты, глубоко проникающіе въ народную жизнь». Общественное мнѣніе является болѣе прочнымъ и устойчивымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе самостоятельнымъ по своему происхожденію, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда источникомъ его служитъ народное чувство.

Значеніе общественнаго мнѣнія, безспорно, плодотворно, если только оно не будетъ выходить изъ границъ терпимости къ другимъ мнѣніямъ. Поэтому никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что общественное мнѣніе, т. е. мнѣніе большинства народа, также способно заблуждаться и имѣетъ не много основаній считаться болѣе вѣрнымъ и справедливымъ, нежели мнѣніе меньшинства или отдѣльныхъ лицъ, и что въ области мнѣній не можетъ быть принято начало большинства, которое необходимо должно быть признано въ сферѣ дѣйствій. При ущущеніи этихъ двухъ условій общественное мнѣніе приметъ, по мнѣнію Гольцендорфа, деспотическій, слѣдовательно—вредный, характеръ.

Относительно нормальной сферы вліянія общественнаго мнѣнія надо сказать вообще, чѣмъ въ болѣе общей формѣ ставится вопросъ, чѣмъ менѣе знакомство съ нимъ требуетъ технической подготовки и спеціальныхъ знаній, чѣмъ ближе она соприкасается съ областью нравственной жизни, тѣмъ скорѣе общественное мнѣніе народа даетъ на него практически-пригодный отвѣтъ. Наиболѣе пригодная область для господства общественнаго мнѣнія—это область политической нравственности. «Притязанія общественнаго мнѣнія,—говоритъ авторъ,—на значеніе цензурующей власти въ области народной нравственности едва ли могутъ кому-либо казаться сомнительными, такъ какъ именно въ этомъ отношеніи современная государственная жизнь представляетъ прискорбные пробѣлы». И именно въ этой области общественное мнѣніе, напримѣръ Англіи, принесло особенно плодотворные результаты. Такіе «великіе культурно-историческіе результаты», какъ «эмансипація евреевъ и католиковъ, отмѣна старыхъ жестокихъ уголовныхъ законовъ и разныя улучшенія въ тюремномъ дѣлѣ, достигнутые общими, совокупными усиліями внѣ-оффиціальныхъ круговъ», «борьба противъ жестокаго обращенія съ животными, поддерживаемая многочисленными частными обществами, вытѣсненіе старой продажности изъ парламентскихъ нравовъ, различныя улучшенія въ положеніи рабочихъ, уничтоженіе поединковъ и, наконецъ, самое важное, уничтоженіе невольничества—вотъ завоеванія общественнаго мнѣнія, на-

шедшаго себѣ великихъ руководителей, бывшихъ въ то же время и его первыми слугами».

Относительно нѣкоторыхъ вопросовъ Гольцендорфъ полагаетъ, что общественное мнѣніе само должно стараться устранить ихъ отъ публичнаго обсужденія, какъ, напримѣръ, вопросы религіозные. «Какъ не каждый разговоръ,—говоритъ онъ,—удобенъ въ обществѣ дѣтей, такъ точно не каждый споръ можно вести передъ толпою». Въ этомъ трудно согласиться съ авторомъ. Аналогія въ данномъ случаѣ между «дѣтьми» и «толпой» далеко не принадлежитъ къ числу удачныхъ. Вѣдь еще за нѣсколько страницъ раньше Гольцендорфъ признаетъ «толпу» компетентной разсуждать о вопросахъ, касающихся нравственности и законодательства. Да это и невозможно въ виду того высокого значенія, которое имѣютъ нерѣдко и теперь еще для «толпы» религіозные интересы. У насъ въ Россіи происходитъ теперь, какъ извѣстно, въ средѣ народа сильное религіозное броженіе: растетъ расколъ, распространяется штунда и въ большомъ числѣ возникаютъ новыя секты. Интересъ къ религіознымъ преніямъ и выясненію сущности вѣры является здѣсь насущною потребностью массъ народа. И, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что гласное, публичное обсужденіе и полная свобода проповѣди дали бы здѣсь богатые и полезные плоды. Именно свобода публичныхъ преній о сущности вѣры содѣйствовала бы побѣдѣ раціоналистическихъ началъ надъ мистическими и схоластическими ученіями, побѣдѣ здоровыхъ и жизненныхъ принциповъ надъ мертвою буквой. Тайна, отсутствіе публичнаго обсужденія и свободной критики, не помогая нисколько неоспоримости авторитета господствующей церкви, содѣйствуетъ лишь тому, что вредныя и мистическія секты отвоевываютъ часть почвы у сектъ раціоналистическихъ. Однако, въ виду безусловнаго перевѣса послѣднихъ и при настоящихъ условіяхъ, можно при условіи свободнаго обсужденія и критики ожидать ихъ полной побѣды.

Переходя къ вопросу о задачѣ государства по отношенію къ общественному мнѣнію, необходимо имѣть въ виду, полагаетъ Гольцендорфъ, что отсутствіе *всякаго* проявленія общественнаго мнѣнія немыслимо, что заглушить его насильственнымъ образомъ нѣтъ возможности, поэтому государственная власть *по необходимости* должна считаться съ нимъ. Пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ въ теченіе продолжительнаго времени, можно придти «только къ двумъ результатамъ: или къ возстанію противъ слабаго правительства, вслѣдствіе отчаянія въ возможности мирнаго осуществленія желаемыхъ реформъ, или же къ постепенному отупѣнію общественнаго мнѣнія, лишеннаго арены для своей дѣятельности». Разумнѣе всего со стороны государства, давая полный просторъ для проявленія и развитія общественнаго мнѣнія, позаботиться о томъ, чтобъ оно имѣло разсудительный, правильный и самостоятельный характеръ. Поэтому слѣдуетъ озаботиться *политическимъ образованіемъ* массъ. От-

сюда является необходимость расширить права населенія и область мѣстнаго самоуправленія, установить живое общеніе между «народными массами и массами, живущими умственною жизнью», облегчить «возможность вліянія на воспитаніе общественнаго мнѣнія наукѣ, стоящей внѣ интересовъ партій».

Гольцендорфъ относится враждебно къ политическимъ партіямъ, также какъ и къ газетной прессѣ, которая разрослась въ западной Европѣ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ нашей прессѣ мечтать пока даже очень трудно. Враждебность къ газетамъ отчасти, пожалуй, объясняется неустойчивостью и крайнею поверхностью ихъ сужденій въ большинствѣ случаевъ. Но отрицать полезность и необходимость политическихъ партій нельзя, по крайней мѣрѣ, еще въ настоящее время. Ни одинъ великій принципъ, требующій практическаго осуществленія, не можетъ стать сразу достояніемъ массы и осуществленіе насущнѣйшихъ интересовъ народа могло бы затянуться на слишкомъ далекій срокъ, еслибъ энергическая дѣятельность партій, съ одной стороны побуждая власть, а съ другой—призывая голосъ общественнаго мнѣнія, постоянно не настаивала на этомъ.

Нельзя не пожелать книжкѣ профессора Гольцендорфа, переведенной на русскій языкъ Н. Ѳ. Анненскимъ, возможно болѣе широкаго круга читателей, въ виду множества превосходныхъ и серьезныхъ мыслей, которыя высказываетъ ученый авторъ. Мы увѣрены, что каждый, кто обратится къ этой книгѣ, употребитъ свое время вполнѣ производительно.

М. Ш.

Дѣла Сербіи.

Каждому изъ насъ, русскихъ, побывавшихъ въ Сербіи, въ этомъ богатомъ и далекомъ уголкѣ Европы, невольно прежде всего бросались въ глаза обиліе и богатство сербскаго крестьянина. Несмотря на то, что Сербія находилась въ то время (до 1876 г.) еще въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, несмотря на то, что Сербія, какъ и Болгарія, считались у насъ угнетенными странами, жаждущими своего освобожденія изъ-подъ турецкаго владычества,—онѣ, все-таки, въ особенности Сербія, были во всѣхъ отношеніяхъ цвѣтущими странами, утопавшими въ своихъ природныхъ богатствахъ. До сихъ поръ еще можно слышать сожалѣнія сербскихъ крестьянъ о томъ счастливомъ времени, когда они, не побуждаемые своимъ правительствомъ, послѣ одного урожайнаго года сидѣли по три года, не обработывая своей земли. Сербія не знала, что такое нищій; каждый сербскій селякъ жилъ, сравнительно съ жизнію нашего русскаго мужика, богатымъ помѣщикомъ. Почти три четверти вѣка прошло, какъ сербскія вассальныя отношенія къ Турціи существовали только на бумагѣ. Кромѣ богатства сербскаго крестьянина, имѣвшаго свои виноградники, сады, двадцатилѣтнія вина, десятки и даже сотни свиней и барановъ, Сербія имѣла свой народный парламентъ—скупштину, въ которой представитель чуть не каждаго села имѣлъ право поднять свой голосъ и сказать свое «да» и «нѣтъ»,—имѣла своихъ министровъ, свой сенатъ, свои административныя учрежденія и свое войско. Порта вовсе не мѣшалась во внутреннія дѣла Сербіи, а послѣдняя жила спокойно, зная, что въ случаѣ какихъ-нибудь внѣшнихъ переворотовъ въ европейской политикѣ за ней стоитъ могущественная, еще въ то время, Турція. Такимъ образомъ благосостояніе Сербіи продолжалось до роковаго для нея герцеговинскаго возстанія, сочиненнаго, какъ всѣмъ извѣстно, алчною политикой Австріи, давно точившей свои зубы на богатства Балканскаго полуострова.

Боснійско-герцеговинскіе сербы, распаленные подстрекательствомъ Австріи, все шире и шире распространяли кругъ своихъ дѣйствій. Сербскій народъ княжества хотя видѣлъ и слышалъ о звѣрствахъ турокъ, но онъ

все-таки, сознавая свое безсиліе, не могъ прибѣгнуть въ помощь своимъ братьямъ; министры же его, наоборотъ, побуждаемые чувствомъ славолюбія, претендовавшіе на запись своихъ именъ въ исторію, собирали по улицамъ Бѣлграда толпы мальчишекъ и праздношатающійся людъ, ходили по своей столицѣ съ патріотическими пѣснями и требовали (отъ самихъ себя) объявленія войны Турціи; между тѣмъ они ни чуть не сознавали или проще сказать не хотѣли сознать, что для войны съ Турецкой имперіей у нихъ не было ни денегъ, ни подготовленнаго войска, ни людей, хотя сколько-нибудь смыслящихъ въ военномъ дѣлѣ. Все, что ни дѣлали, они дѣлали въ разсчетѣ на Россію, «авось она поможетъ намъ». И дѣйствительно, они не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. На искуственно возбужденный воинственный пылъ сербовъ русскій народъ горячо отозвался. Съ самыхъ далекихъ окраинъ нашего обширнаго царства сталъ стекаться въ Сербію русскій людъ, русскія деньги. Молитвы русскихъ за успѣхъ сербскаго оружія возносились во всѣхъ церквахъ селъ и городовъ. Но, увы, вся эта помощь въ дѣйствительности не помогла сербамъ,—напротивъ, продлила дни ихъ потерь и страданій. Несмотря на всѣ усилія, энергію, военный умъ сербскаго главнокомандующаго, а нашего соотечественника, генерала М. Г. Черняева, духъ въ сербскихъ войскахъ началъ окончательно падать, сербскіе офицеры стали враждебно относиться къ русскимъ, стали возбуждать ненависть къ нимъ; однимъ словомъ, при бѣдныхъ средствахъ Сербіи, при этихъ мелкихъ дрязгахъ, несогласіи и зависти сербской интеллигенціи, войска сербскія, къ глубокому прискорбію, и безъ того не желавшія войны, окончательно не имѣли желанія драться противъ сильнѣйшаго въ три раза непріятеля. Такое положеніе дѣлъ довело сербовъ до Джуниса. Русскіе добровольцы, русская помощь сдѣлали все, что могли; долѣе продолжать борьбу было невозможно. Турецкіе герои минувшей русско-турецкой войны: Абдулъ-Кирим, Сулейманъ, Омеръ, Османъ и другіе генералы славились и въ сербскую войну. 17-го октября 1876 года доказало намъ, что Турція вовсе не такъ безсильна, какъ рисовали намъ ее наши досужіе корреспонденты, и еслибы не одно слово Царя-Освободителя, сказавшаго Турціи: «стой, дальше ни шагу!»—быть бы туркамъ снова въ Бѣлградѣ.

Паденіе Джуниса произвело страшную панику во всей странѣ. Проклятія на сочинителей войны сыпались со всѣхъ сторонъ. Народъ негодовалъ на князя и на его министровъ, но послѣдніе только въ эту критическую минуту сознали, что они со своей воинственною политикой зашли черезчуръ далеко.

Угрозы и страшное слово *месть*, переходившее изъ устъ въ уста, заставило князя встрепенуться и позаботиться о себѣ. «Прошу васъ немедленно пожаловать ко мнѣ,—писалъ онъ 17 октября одному изъ членовъ государственнаго совѣта:—я долженъ переговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ».

— Прихожу я во дворецъ,—разсказывалъ этотъ сербскій сановникъ,—смотрю—всѣ придворные повѣсивши носы дожидаются какихъ-то приказаній, караулы при входахъ удвоены, княжескій эскадронъ, построенный на дворѣ, тоже чего-то ждетъ. Въ комнатахъ дворца лежали чемоданы и царилъ какой-то безпорядокъ.

— Что это все означаетъ, ваша свѣтлость?—спросилъ я князя.

— Я на нѣкоторое время уѣзжаю въ Австрію,—оставаться теперь мнѣ здѣсь нельзя. Пока возбужденные умы безтолковаго народа не успокоются, я буду жить тамъ, а совѣтъ министровъ на время будетъ завѣдывать дѣлами княжества.

— Въ критическую минуту, когда Сербіи грозитъ страшное несчастіе отъ ожесточенныхъ турецкихъ полчищъ, покидать отечество, господарь, нельзя. Нельзя и бросать народъ на милость и немилость нашихъ враговъ.

— Что же я буду дѣлать, когда грозятъ убить меня? Мнѣ каждый часъ доносятъ, что толпы раздраженнаго народа по улицамъ все становятся гуще и гуще, да и изъ внутренности Сербіи получаются не совсѣмъ утѣшительныя вѣсти.

— Вы спрашиваете, что вамъ дѣлать? Не вѣрьте слухамъ, что вамъ грозитъ опасность. Народъ, понесшій столько потерь, дѣйствительно раздраженъ, но онъ все-таки далекъ отъ такой мысли.

— Нѣтъ, я никому не вѣрю. Я не вѣрю въ преданность своихъ приближенныхъ!—отвѣтилъ князь.

— Если такъ, то вамъ все-таки уѣзжать въ Австрію нельзя,—вы должны ѣхать въ армію, чтобы своимъ присутствіемъ поднять упавшій духъ въ войскахъ. Если вы не вѣрите въ преданность своихъ приближенныхъ, то составьте конвой изъ русскихъ, которыхъ въ настоящее время много въ Бѣлградѣ, и поѣзжайте подъ ихъ охраною въ Делиградъ.

Князь такъ и сдѣлалъ. Конвоированный слишкомъ 100 русскими добровольцами, онъ 18-го октября рано утромъ выѣхалъ въ Делиградъ, но на дорогѣ, въ Парачинѣ, имъ было получено извѣстіе, что, по державному слову покойнаго Государя Императора, движеніе турокъ во внутрь Сербіи остановлено и заключено шестинедѣльное перемиріе.

Война кончилась. Благодаря вмѣшательству европейскихъ державъ, Сербія, какъ побѣжденная, ничѣмъ не поплатилась за желаніе своихъ министровъ-патріотовъ поиграть въ войну. Что народъ не желалъ войны, это видно изъ списковъ раненыхъ, въ которыхъ почти треть значились съ отстрѣленными указательными пальцами на лѣвой рукѣ. Въ началѣ войны такой способъ избѣжанія турецкихъ пуль принялъ было широкіе размѣры, но, благодаря присутствію русскихъ въ рядахъ войскъ, зло это мало-по-малу стало искореняться.

«Три тысячи русскихъ добровольцевъ, правда, не могли перетянуть вѣсы побѣды въ войну 1876 года на сторону братьевъ своихъ, но въ

долинахъ Тимока, Моравы, Ибра и Дрины и на высотахъ около Алексинаца и Джуниса большая половина ихъ засвидѣтельствовала своею кровью полное пожертвованіе и преданность сербскому дѣлу и свою братскую любовь къ сербамъ». Этими немногими словами, высказанными М. Г. Черняевымъ за нѣсколько дней до открытія памятника русскимъ добровольцамъ, сказано много.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на Сербію во время войны Россіи съ Турціей.

Въ 1877 году, во время труднаго положенія русской арміи подъ Плевной, сербское правительство заключило съ русскими военную конвенцію, на основаніи которой оно обязалось начать военныя дѣйствія съ 80 тысячами войска, чтобъ оттянуть турецкія силы отъ Плевны и тѣмъ облегчить русской арміи взятіе этого пункта. Половина субсидіи для этого дѣла была уже передана Россіей Сербіи. Подъ предлогомъ неготовности, сербское правительство не объявляло войны Турціи до тѣхъ поръ, пока участь войны не была рѣшена подъ Плевною, т. е. до того времени, когда содѣйствіе Сербіи было совсѣмъ не нужно. Она была равнодушной зрительницей кругомъ нея происходившей кровавой драмы.

Многіе увѣряютъ, что Россія сама останавливала Сербію оть военныхъ дѣйствій. Насколько эти увѣренія вѣрны, мы не знаемъ, но между прочимъ нельзя допустить и того, чтобы Россія, которой весьма полезна могла быть помощь Сербіи, особенно во время страшныхъ потерь нашихъ около Плевны, не захотѣла воспользоватся этою помощью, тѣмъ болѣе, что деньги въ количествѣ 7.000.000 франковъ, какъ я уже сказалъ, на эту цѣль были переданы сербскому правительству. По увѣренію же самихъ сербовъ, ихъ правительство не начинало военныхъ дѣйствій, во-первыхъ, потому, что Австрія не хотѣла этого, а во-вторыхъ потому, что не надѣялась на вѣрность своихъ войскъ, между которыми въ то время была сильная ненависть къ князю и его министрамъ за прошлогоднюю попытку ихъ играть жизнью и смертью людей. Топольскій бунтъ, произведенный лѣтомъ 1877 года двумя баталіонами пѣхоты, ясно свидѣтельствуетъ намъ, что опасенія правительства не были напрасны; войска громко протестовали противъ новой войны; правительство же, не желая компрометтировать себя передъ цѣлою Европой, простое дисциплинарное непослушаніе войскъ облекло въ политическій заговоръ противъ династіи Обреновичей.

Кончилась и эта война; русскія войска были около стѣнъ Константинополя, а сербскія—около Софіи и Приштины. Проведенная во время перемирія демаркаціонная линія принудила сербовъ, къ глубокому ихъ огорченію, оставить занятые ими пункты, вслѣдствіе чего ропотъ на русскихъ, немного утихшій было послѣ первой войны, снова всплылъ наружу, а Санъ-Стефанскій договоръ и затѣмъ Берлинскій конгрессъ сдѣлали Россію первымъ врагомъ для сербской интеллигенціи. На Берлинскомъ конгрессѣ, кинутая Россіей на жертву Австріи, Сербія только *по милости* графа

Андраши выговорила себѣ Пиротъ—этотъ, по увѣренію самихъ сербовъ, совершенно болгарскій городъ. Взявши изъ рукъ Андраши Пиротъ, г. Ристичъ, представитель Сербіи, въ дипломатическихъ пріемныхъ Берлина *) обязался передъ Австріей быть всегда готовымъ къ ея услугамъ. Отдача Босніи и Герцеговины Берлинскимъ конрессомъ Австріи окончательно вооружила не только оффиціальную Сербію, но и весь сербскій народъ противъ Россіи, затѣмъ споръ сербовъ съ болгарами изъ-за Трна и Брезника, что побудило Дундукова-Корсакова послать русскія войска на спорную мѣстность, совсѣмъ убѣдилъ сербовъ, что русскіе—ихъ закоренѣлые враги.

Многіе сербы полагали, что Сербія послѣ русско-турецкой войны будетъ снова такъ же обширна, какъ было нѣкогда обширно царство Душана въ первой половинѣ XIV вѣка; но мечты ихъ не сбылись. Они хотѣли быть совершенно независимыми—и Берлинскій конгрессъ далъ имъ эту независимость, снялъ съ нихъ ярмо Турціи, кромѣ того значительно расширилъ границы Сербіи и увеличилъ на 500.000 ея населеніе.

И вотъ мы видимъ Сербію независимою и... окруженною со всѣхъ сторонъ врагами: Австріей, Турціей, Румыніей, Венгріей и... даже Болгаріей, которую сербы съ незапамятныхъ временъ Симеона Сильнаго считаютъ своимъ злѣйшимъ врагомъ, а въ особенности теперь, когда Россія стала покровительствовать ей. Спавшіе до сихъ поръ сербскіе *ученые* партіоты (М. Миноевичъ, П. Сречковичъ и др.) проснулись и начали чертить карты и проповѣдывать, что *болгары не что иное какъ татары, что двѣ трети населенія Балканскаго полуострова составляютъ сербы, пришедшіе изъ Индіи, что даже во французскомъ народѣ большею частью течетъ сербская кровь, ибо бѣлая полоса въ національномъ флагѣ Франціи есть прямое доказательство этого* **). До фанатизма увлеченные своими открытіями, они до сихъ поръ не могутъ равнодушно пройти мимо русскаго, чтобы не уколоть его любовью русскихъ къ болгарамъ и не обозвать его сербофобомъ.

Не успѣла еще независимая Сербія осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, какъ уже австрійская цивилизація во всѣхъ родахъ и видахъ стала гигантскими шагами переправляться черезъ Саву и Дунай въ столицу новосозданнаго княжества. Сады превратились въ кафе-шантаны, съ австро-венгерскими пѣвицами, поющими грязныя шансонетки и задирающими до нельзя высоко ноги; по кофейнямъ кельнеры при встрѣчѣ съ гостями обращаются къ нимъ не иначе, какъ на нѣмецкомъ языкѣ. До сихъ поръ изрѣдка слышанные звуки шарманки теперь назойливо деруть уши непривычнаго къ нимъ серба. Вотъ плоды независимости!... Гдѣ та

*) Всѣ дипломаты, кромѣ австрійскаго, отталкивали его отъ себя и не хотѣли даже говорить съ нимъ.

**) Эти слова были произнесены М. Миноевичемъ на скупштинѣ въ Нишѣ 1879 г.

деспотичная Турція, подъ игомъ которой такъ привольно и хорошо жилось сербамъ?—Ея ужь нѣтъ. На мѣсто ея Австрія указываетъ сербскому князю, правительству и народу путь, которымъ они должны идти... Крѣпко почесывается сербскій мужикъ при каждомъ новомъ налогѣ на его семью и не хотя вытаскиваетъ изъ своего кармана или же снимаетъ съ шеи своей жены годами скопленные золотые дукаты и меджидіи... Новое положеніе независимаго княжества и ея господаря требуетъ новыхъ расходовъ, во-первыхъ, для обереганія своихъ границъ со стороны новыхъ враговъ и, во-вторыхъ, для большаго блеска своего двора... Такимъ образомъ результаты обѣихъ войнъ перебросили сербскій народъ изъ огня въ полымя...

Кончился Берлинскій конгрессъ, кончились *народные* праздники по поводу объявленія независимости. Сербскому Кавуру предстояло позаботиться объ обязательствахъ, данныхъ имъ Андраши въ Берлинѣ. Объ этихъ обязательствахъ австрійскій министръ-резидентъ Гербертъ считалъ долгомъ своимъ напоминать ежедневно Ристичу,—тому самому Ристичу, который унаслѣдовалъ отъ покойнаго князя Михаила талантъ довести сербскую полицію до совершенства. Австрія, видя, что сербскій Кавуръ откладываетъ исполненіе своихъ обязательствъ, представила ему ноту, а вмѣстѣ съ ней и проектъ желѣзнодорожной конвенціи, въ которой категорически сказала, чтобы ровно черезъ шесть мѣсяцевъ со дня ратификціи означенной конвенціи Сербія начала постройку своей дороги. Нечего дѣлать: «взялся за гужъ, не говори что не дюжъ»,—Ристичу волей-неволей пришлось созвать скупштину, члены которой хотя и были выбраны подъ палкой вышколенной имъ полиціи, но все-таки сильно страшили его, такъ какъ въ народѣ съ давнихъ поръ родилась уже мысль, что корень всему злу—Ристичъ; да, ему и слѣдовало бояться, ибо онъ хорошо сознавалъ, что первая война сочинена имъ самимъ, а отъ ней и посыпались всѣ бѣдствія на народъ.

Скупштина была собрана въ маѣ 1880 г.; но прежде, чѣмъ открыть ее, Ристичъ заблагоразсудилъ окружить сборный пунктъ скупштины, Крагуевацъ, полиціей, чтобы попридержать за полы того, кто осмѣлился бы выносить соръ изъ дому. Корреспондентамъ строго-настрого было запрещено отправлять свои письма, не предъявивъ ихъ предварительно строжайшему цензору Туцаковичу, бывшему въ то время министромъ полиціи Ристича. Тѣ же письма и телеграммы, которыя не предъявлялись цензору, никогда не доходили до мѣста своего назначенія. Впрочемъ не только въ это время, но и всегда масса писемъ пропадала на сербскихъ почтахъ: такъ, напримѣръ, въ концѣ прошлаго года въ бѣлградскомъ почтамтѣ было найдено около 2.000 писемъ, въ томъ числѣ нѣсколько денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ, не отправленныхъ по адресу.

Во время полнаго господства Ристича выборы депутатовъ въ скупштину производились, обыкновенно, по его приказанію, подъ сильнымъ дав-

леніемъ полиціи. Впрочемъ подобный способъ выборовъ практиковался и предшественниками Ристича, практикуется и теперь его наслѣдниками, вслѣдствіе чего на сторонѣ правительства въ скупштинахъ было всегда огромное большинство, съ помощью котораго оно могло проводить безпрепятственно какія ему угодно дѣла и узаконять ихъ.

Послѣ пяти-шести засѣданій Ристичъ, имѣя на своей сторонѣ большинство, вышелъ побѣдителемъ, т. е. заставилъ народное собраніе принять предложенную Австріей желѣзнодорожную конвенцію, на основаніи которой Австрія фактически дѣлается хозяйкой сербской дороги и владѣльцемъ одной части сербской территоріи. Постройку дороги по означенной конвенціи Сербія должна была начать не позже 3 декабря 1880 года. Такимъ образомъ шагъ къ самобичеванію Сербіи сдѣланъ Ристичемъ въ маѣ 1880 года. Чѣмъ руководился Ристичъ, принимая изъ рукъ Австріи такія тяжелыя для Сербіи условія, одному ему извѣстно. Не можетъ быть, чтобы, подписывая эту конвенцію, онъ не понималъ, что однимъ почеркомъ своего пера онъ вводилъ Сербію если не совсѣмъ въ вассальныя отношенія къ Австро-Венгріи, то прямо въ сферу ея интересовъ. Извѣстное письмо Стевчи Михайловича къ крагуевацкому депутату Я. Туцаковичу, а также и народное негодованіе не могли остановить упрямую волю Ристича отъ подписи означенной конвенціи съ Австро-Венгріей. При голосованіи большинство составляло 124, оппозиція — 40 и трое депутатовъ воздержались отъ подачи своихъ голосовъ.

— Что-то будетъ съ Сербіей!?—восклицали тогда оппозиціонеры, голосъ которыхъ остался голосомъ вопіющихъ въ пустынѣ.

— Что-то будетъ съ нами!?—втихомолку говорили люди, не принадлежащіе ни къ одной партіи.

Послѣ ратификаціи желѣзнодорожной конвенціи (3 іюня 1880 г.) Миланъ Обреновичъ IV, какъ независимый уже князь Сербіи, поспѣшилъ въ Вѣну, чтобы лично засвидѣтельствовать его апостольскому королевскому величеству Францу-Іосифу свою благодарность за его благосклонность къ маленькой Сербіи и *защиту* сербскихъ интересовъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Пріемъ, оказанный ему въ Вѣнѣ, сербы называютъ радушно-восторженнымъ. Обдѣлавши тамъ свои дѣла съ австрійскими министрами и получивши за услуги мадьярскій орденъ Св. Стефана, князь вернулся въ свою столицу въ самомъ безпечно-веселомъ расположеніи духа. Вслѣдъ за его пріѣздомъ внутренность его дворца стала съ каждымъ новымъ днемъ принимать новую физіономію: новая мебель, серебро, картины, новые мундиры на придворныхъ слугахъ—все рельефнѣй и рельефнѣй стало очертывать *независимое* положеніе его уже не «свѣтлости», а «высочества». До сихъ поръ рѣдко освѣщенный дворецъ князя съ возвращеніемъ его изъ Вѣны принялъ другой видъ. Тысячи огней, звуки катильона и вальса еженедѣльно, по четвергамъ, стали нарушать до сихъ поръ весьма рѣдко нарушаемую тишину семейнаго дома сербскихъ господарей.

Иностраннымъ представителямъ въ Бѣлградѣ, не находившимъ себѣ мѣста отъ скуки, теперь вмѣнено въ обязанность бывать съ ихъ секретарями и семействами на еженедѣльныхъ раутахъ во дворцѣ. Кромѣ дипломатическаго корпуса, министровъ, членовъ государственнаго совѣта и другихъ чиновниковъ, на раутъ приглашались и офицеры съ своими женами, которымъ ни подъ какимъ видомъ больше двухъ разъ подъ рядъ одного платья на раутъ надѣвать не дозволялось, въ противномъ случаѣ прямымъ начальникамъ ихъ мужей вмѣнялось въ обязанность напоминать, чтобъ ихъ жены построже придерживались придворнаго этикета.

Однимъ словомъ, съ возвращеніемъ князя Милана изъ Вѣны все пошло на новый ладъ; даже миніатюрныя комнатки княжескаго дома получили названіе «бѣлыхъ», «голубыхъ» и «желтыхъ» залъ. Сербскій мужикъ не такъ давно еще входилъ съ трубкой и безъ доклада къ своему господарю, теперь же не можетъ безъ посредства различныхъ секретарей и адъютантовъ поговорить съ своимъ княземъ наединѣ. Сербскій дворъ имѣетъ теперь своего *гофмаршала* и свою *гофмейстерину*, на обязанности которыхъ лежитъ изученіе придворныхъ европейскихъ этикетовъ и церемоній и вводить ихъ при дворѣ сербскаго князя.

Вотъ результаты независимости и поѣздки сербскаго князя въ Вѣну!... Самые древніе обычаи сербскаго народа, самые любимые его костюмы по одному слову гофмаршала мѣняются на фраки и платья съ туго затягивающими корсетами... Давно ли сербскіе князья плясали съ своимъ народомъ на народныхъ праздникахъ любимое имъ «коло?» *)? То счастливое время живо еще въ памяти каждаго серба.

Тотчасъ же по пріѣздѣ князя Милана изъ Вѣны по городу стали носиться слухи о скоромъ паденіи всемогущаго Ристича, или «маленькаго Бисмарка», какъ здѣсь его величаютъ. Слухи эти весьма скоро оправдались. Одни говорили, что Ристичъ, въ виду затянувшихся переговоровъ съ Австріей о торговомъ трактатѣ, не захотѣлъ самъ оставаться у дѣлъ и вышелъ въ отставку, а другіе такъ прямо утверждали, что, по настоянію Австріи, князь самъ попросилъ Ристича выйти въ отставку. Это предположеніе вѣрнѣе всего, хотя приверженцы Ристича до сихъ поръ стараются увѣрить всѣхъ и каждаго въ противномъ и даже самый выходъ его въ отставку обстановили такъ, что Ристичъ, по ихъ словамъ, *не согласившійся* на уступки Австріи, вышелъ самымъ ярымъ защитникомъ сербскихъ интересовъ и горячимъ патріотомъ. Между тѣмъ самъ Ристичъ хорошо понималъ, что оставаться у дѣлъ въ то время, когда нужно заключать торговый договоръ съ Австріей и рѣшить окончательно желѣзнодорожный вопросъ, ему было невозможно, такъ какъ для рѣшенія этихъ вопросовъ необходимо было созвать народное собраніе, для котораго требовалось произвести новые выборы, а на благополучный результатъ этихъ

*) Національный танецъ сербовъ.

выборовъ, послѣ всѣхъ его уступокъ въ пользу Австріи, онъ ни въ какомъ случаѣ разсчитывать для себя не могъ, такъ какъ радикальная партія (впослѣдствіи перемѣнившая эту кличку на «либеральную»), во главѣ которой были нынѣшніе министры и ихъ приверженцы, посредствомъ своего органа *Видело* и агентовъ, сильно интриговала въ странѣ противъ Ристича и его компаніи. Да и въ народѣ ненависть къ Ристичу росла съ каждымъ новымъ днемъ, особенно со дня смерти Адама Богосовлевича. Адамъ Богосовлевичъ принадлежалъ къ ярымъ членамъ народной партіи. Загадочная и вмѣстѣ съ тѣмъ внезапная его болѣзнь въ тюрьмѣ, куда онъ попалъ по волѣ Ристича, который, считая его опаснымъ для себя врагомъ въ скупштинѣ, приказалъ его арестовать за мнимую кражу кукурузы изъ общественнаго амбара, и затѣмъ моментальная его смерть въ больницѣ невольно заставляли думать всѣхъ и каждаго, что смерть Богосовлевича была не естественная, а насильственная. Слыша со всѣхъ сторонъ, что въ народѣ родилось сильное убѣжденіе въ неестественной смерти Богосовлевича, Ристичъ, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе, отправилъ на мѣсто происшествія (въ Копривницу) докторскую коммиссію, къ которой присоединились нѣсколько докторовъ, командированныхъ друзьями покойнаго. Прибывъ на мѣсто, доктора обѣихъ партій, конечно, не могли согласиться между собой: сторонники Ристича утверждали, что смерть Богосовлевича произошла отъ воспаленія легкихъ, а противники прямо говорили, что онъ отравленъ,—что не было еще примѣра, чтобы люди на третій день умирали отъ воспаленія легкихъ. Мало того, что всѣ подозрѣнія въ насильственной смерти Богосовлевича остаются и до сихъ поръ подозрѣніями, Ристичъ оффиціальнымъ путемъ запрещалъ друзьямъ покойнаго служить по немъ панихиды въ церквахъ; ученики же школъ, замѣченные на этихъ панихидахъ, увольнялись немедленно изъ учебныхъ заведеній. Кромѣ Ристича, носящаго и до сихъ поръ на себѣ подозрѣніе въ смерти Богосовлевича, нельзя пройти молчаніемъ и его друга, Ранку Алимпича, который, по словамъ сербовъ, тоже не погнушался отправить на тотъ свѣтъ двухъ ненавистныхъ ему людей: священника М. Берича и поэта Георгія Якшича,—перваго, какъ говорятъ, онъ разстрѣлялъ за то, что онъ, какъ священникъ, по примѣру своихъ отцовъ, надѣлъ на себя саблю во время первой сербской войны, чѣмъ нарушилъ современную дисциплину, а втораго за то, что онъ въ своихъ запискахъ о дѣйствіяхъ дринской арміи неучтиво отзывался о немъ, какъ о командующемъ арміей; онъ, Алимпичъ, призвалъ его къ себѣ въ министерство публичныхъ работъ и тамъ съ помощью своихъ подчиненныхъ такъ его бѣднаго отдубасилъ, что онъ, несчастный, на пятый день умеръ, оставивъ послѣ себя жену и трехъ малолѣтныхъ дѣтей. Вождямъ радикальной партіи, проповѣдывавшимъ въ *Видело* всѣ блага для народа, самимъ чрезвычайно хотѣлось стать во главѣ государственнаго правленія. Задолго еще до паденія Ристича, органу послѣдняго, *Истоку*, пришлось горячо бороться съ *Виде-*

ломъ. Чуть не площадною бранью они ругались, ругаются и до сихъ поръ другъ съ другомъ. Нѣтъ ни одного нумера, въ которомъ та или другая партія не возводила бы массу обвиненій и клеветы. Всѣ усилія *Истока* отбить отъ себя нападенія виделовцевъ оказались тщетны и слабы. Побѣда была одержана и сербскій «Кавуръ въ пеленкахъ», принуждавшій сельскія общины обязательно покупать его портреты, палъ. Радость его враговъ была неописанна. Во всѣхъ городахъ чуть не благодарственные молебны служились Богу его врагами и дѣлались демонстраціи въ пользу новаго, *либеральнаго*, министерства, члены котораго, принявъ бразды правленія въ свои руки, не захотѣли долѣе величать себя радикалами и переименовались въ либераловъ.

Первымъ дѣломъ новаго министерства была забота о дарованіи княземъ амнистіи всѣмъ государственнымъ преступникамъ, томившимся по казематамъ Бѣлградской крѣпости. Просьба его была уважена княземъ и всѣ государственные преступники получили свободу и гражданскія права. Между получившими свободу находился и Чумичъ, бывшій министръ-президентъ и министръ юстиціи. Чумичъ былъ въ 1877 году замѣшанъ въ извѣстномъ топольскомъ дѣлѣ, за что первоначально и былъ приговоренъ къ смертной казни, но затѣмъ, по просьбѣ гражданъ Бѣлграда, это наказаніе было замѣнено княземъ семилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. По словамъ многихъ сербовъ, во время тюремнаго заключенія Чумича въ Пожаревацѣ было произведено, неизвѣстно кѣмъ, два покушенія на его жизнь. Въ настоящее время Чумичъ занимается адвокатурой въ Бѣлградѣ.

Вторымъ дѣломъ новаго кабинета было распустить скупштинскихъ депутатовъ, избранныхъ въ правленіе Ристича, и произвести новые выборы.

Подъ вліяніемъ хорошихъ обѣщаній, наградъ, угрозъ, временнаго увольненія въ отставку съ пенсіями, при содѣйствіи своей полиціи,—однимъ словомъ, еще при болѣе изысканныхъ мѣрахъ, чѣмъ было при Ристичѣ,—выборы депутатовъ прошли *благополучно* для новаго министерства; только трое на 180 человѣкъ были выбраны сторонниками Ристича.

Тотчасъ же по составленіи кабинета по городу были пущены въ ходъ слухи о дарованіи свободы печати, измѣненіи конституціи, общественныхъ сходкахъ и массѣ другихъ заманчивыхъ проектовъ новыхъ министровъ. «Наконецъ-то мы увидимъ свѣтъ и правду!» говорили довѣрчивые сербы. Но на самомъ-то дѣлѣ они горько ошибались, слѣпо довѣрившись и положившись на обѣщанія и честность своихъ новыхъ министровъ, девизъ которыхъ былъ не «законъ и правда», а «благосостояніе своего кармана». Ристичъ для Сербіи былъ зародышемъ зла, а новые министры, какъ показалъ ихъ образъ дѣйствій, явились ярыми проводниками этого зла. Не обращая вниманія на общественное мнѣніе, печать и негодованіе, они со дня открытія скупштины (съ 4 января) окончательно были поглощены своими личными интересами. Новые министры, на которыхъ сербскій на-

родъ возлагалъ всѣ свои надежды, что вотъ, наконецъ, нашлись патріоты, которые уничтожутъ зло въ корнѣ, оказались покровителями зла.

Между массой, разбиравшихся въ скупштинѣ нынѣшняго года, вопросовъ я остановлюсь только на двухъ изъ нихъ, такъ-сказать главныхъ, послужившихъ поводомъ для окончательнаго разлада между партіями, а главное—между народомъ и правительствомъ. Партій, скажу въ скобкахъ, въ Сербіи многое множество; между ними главное мѣсто занимаютъ такъ-называемыя: либеральная, или правительственная, консервативная, вождь которой—Марковичъ, радикальная, затѣмъ слѣдуютъ: соціалъ-демократическая—Карагеоргіевича, русская—Ристича, Чумича, Калевича и масса другихъ. Къ правительственной партіи принадлежатъ всѣ тѣ, кто поощряетъ дѣйствія правительства и превозноситъ его до небесъ. Къ консервативной партіи причисляются всѣ противники первой войны и недовольные нововведеніемъ въ домашней жизни княжества. Эта партія въ настоящее время почти совсѣмъ бездѣйствуетъ. Радикальная или народная партія хотя и очень велика въ Сербіи, но она до того безсильна, что, несмотря на всѣ незаконные поступки своихъ министровъ, по сіе время не въ состояніи была ни разу воспрепятствовать злу, хотя и имѣетъ свой органъ *Самоуправу*. Вожди ея, добившись своихъ личныхъ выгодъ или министерскихъ мѣстъ, бросаютъ народъ и, затѣмъ, сами идутъ противъ него, какъ это и случилось въ прошломъ году. До паденія Ристича настоящіе министры Сербіи: Горошанинъ, Міятовичъ и Пирочанацъ считались вождями народа и руководителями его завѣтныхъ мыслей, на дѣлѣ же оказалось противное: народъ только въ лицѣ ихъ отогрѣлъ на своей груди лютыхъ змѣй, измѣнниковъ и предателей. Вождями народа въ Сербіи люди считаются только до тѣхъ поръ, пока они не добьются для себя, *посредствомъ народа же*, мѣстъ съ жирнымъ, какъ выражаются сербы, жалованьемъ. Такимъ образомъ весь сербскій народъ есть не что иное какъ слѣпое орудіе время отъ времени появляющихся авантюристовъ. Соціалъ-демократическая партія хотя и имѣетъ порядочное число членовъ и свой органъ *Радникъ*, но вожди ея, безошибочно можно сказать, преслѣдуютъ почти однѣ и тѣ же цѣли, какъ и описанные вожди радикальной партіи, развѣ только съ маленькими варіяціями. Русской партіи въ Сербіи *вовсе не существуетъ*. Хотя у насъ иногда и говорятъ, что русская партія въ Сербіи сдѣлала вотъ то-то, или думаетъ сдѣлать то-то, но это совершенно ошибочно. Нельзя въ самомъ дѣлѣ двухъ-трехъ лицъ, какъ, напримѣръ, митрополита Михаила, архимандрита Нестора и еще кого-нибудь назвать цѣлою партіей, несмотря на то, что подъ руководствомъ этихъ единичныхъ людей было сдѣлано много хорошаго во время сербско-турецкой войны и послѣ нея. Мы теперь часто читаемъ въ органахъ Ристича и его комп. восхваленіе русскихъ, о необходимости сербамъ идти за Россіей и т. п. Неужели на основаніи этихъ громкихъ, но пустыхъ, фразъ мы должны считать ихъ русскою партіей? Неужели можно вѣрить тому самому Ристичу, который не далѣе

какъ годъ тому назадъ, или лучше сказать съ первой сербской войны и до своего паденія ругалъ въ своемъ *Истокѣ* Россію и русскихъ на чемъ свѣтъ стоитъ? Неужели мы должны вѣрить въ искренность какихъ-нибудь Васильевичей, Милоевичей, Іовичичей, Румичичей, Павловичей и другихъ особъ, получившихъ свое воспитаніе въ Россіи и на русскія деньги?... Они еще хуже, чѣмъ кто-либо другой, ругаютъ все русское. Они даже не стыдятся хвастать, что все, что въ нихъ есть дурнаго, перенято ими отъ русскихъ. Въ Сербіи нѣтъ ни одного человѣка, который, получивъ свое образованіе на русскія деньги, былъ бы другомъ русскихъ.

Весь сербскій народъ, къ которому въ крайности или для своихъ личныхъ выгодъ обращается сербская интеллигенція въ лицѣ Ристичей, Горошаниновъ, Пирочанацевъ и другихъ, по духу можно назвать русскою партіей, готовой, ни минуты не думая, идти за Россіей, жертвовать собой для ея благосостоянія и славы. Эта, самая сильнѣйшая по численности своей, партія горячо любитъ Россію, ея Царя и русскій народъ; но она, какъ мы уже сказали выше, совершенно безсильна во всякомъ внутреннемъ или внѣшнемъ дѣлѣ, потому что у нея нѣтъ вождей-патріотовъ, которые вывели бы весь сербскій народъ на путь правды, на путь мирной и спокойной внутренней жизни, которые сближали бы его съ Россіей, которые бы воспитывали въ немъ любовь къ своимъ братьямъ, не только русскимъ, но болгарамъ, черногорцамъ и, вообще, всѣмъ славянамъ; эти люди, наоборотъ, стараются въ глазахъ своего народа очернить русскихъ самою черною грязью. Они прибѣгаютъ къ Россіи только тогда, когда имъ нужна помощь отъ нея, иначе они и знать не хотятъ русскихъ. Но сербскій народъ безъ вождей не въ состояніи ничего сдѣлать для своего сближенія съ Россіей. На основаніи всего высказаннаго можно прямо заключать, что скорѣе въ Турціи найдется русская партія, чѣмъ въ Сербіи. О другихъ партіяхъ, почти-что не имѣющихъ никакого значенія въ странѣ, мы считаемъ лишнимъ что-нибудь говорить.

Однимъ словомъ, какъ только новый министръ вступаетъ на должность, у него тотчасъ же является своя партія. Главнымъ занятіемъ всѣхъ этихъ партій есть руготня, доносъ и клевета одна на другую. Вся суть ихъ дѣла состоитъ въ низкихъ домогательствахъ мѣстъ съ хорошимъ содержаніемъ; своихъ же какихъ-нибудь порядочныхъ убѣжденій у нихъ вовсе не существуетъ, да и не можетъ существовать, потому что каждый изъ сербовъ, окончившій курсъ въ какой-нибудь сельской школѣ, думаетъ уже о томъ, какъ бы сдѣлаться министромъ хоть даже *на одинъ день*. Единодушнаго согласія между сербами не можетъ быть, потому что гдѣ два образованныхъ серба, тамъ непремѣнно три мнѣнія.

Самымъ жгучимъ вопросомъ въ скупштинѣ нынѣшняго года былъ желѣзнодорожный вопросъ, на которомъ я хочу остановиться, чтобы взглянуть на него съ экономическо-политической точки зрѣнія для Сербіи.

Желѣзнодорожное дѣло для Сербіи есть дѣло совершенно новое, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ оно было новостью для самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы. Какъ тогда почти всѣми государствами допускались ошибки, такъ и теперь въ Сербіи, при самомъ, такъ сказать, приступѣ къ этому дѣлу, совершено уже нѣсколько капитальныхъ ошибокъ. Это вполнѣ логично и никто въ этомъ не въ правѣ упрекать Сербію, которая не имѣетъ ни одного спеціалиста ни для разрѣшенія технической стороны желѣзнодорожнаго дѣла, ни для устройства финансовой его части. Можно ли упрекнуть въ томъ Сербію, что люди призванные рѣшать этотъ вопросъ не знали различія между акціями и облигаціями, что лица, спеціально назначенныя руководить рѣшеніемъ этого дѣла, отдали преимущество частной желѣзной дорогѣ передъ государственной? Нельзя нисколько упрекнуть государственныхъ людей Сербіи въ незнакомствѣ ихъ съ этимъ дѣломъ, какъ нельзя было бы упрекать государственныхъ людей Германіи въ томъ, что они незнакомы съ торговлей опіума или турецкихъ правителей съ торговлею свиньями, такъ какъ Германія не употребляетъ опіума, а Турція не ѣстъ свиней.

Желѣзнодорожный вопросъ въ Европѣ послѣ ряда ошибокъ разработанъ окончательно и сдѣлался, такъ сказать, достояніемъ всей публики, поэтому Сербіи, не имѣющей своихъ спеціалистовъ, не слѣдовало идти ощупью и самой разрабатывать его; ей оставалось, не повторяя тѣхъ же ошибокъ, воспользоваться готовымъ опытомъ другихъ странъ. Между тѣмъ она, или, проще сказать, ея руководители задались мыслью разработать самимъ этотъ вопросъ, и что же?—Кромѣ громадныхъ промаховъ въ результатѣ у нихъ ничего не оказалось.

Несмотря на то, что во всей Европѣ признано, на основаніи опыта, неудобство частныхъ дорогъ и нѣкоторыя государства уже сдѣлали починъ къ выкупу ихъ изъ частныхъ рукъ по увеличенной цѣнѣ противъ ихъ дѣйствительной стоимости; несмотря на примѣръ ближайшей сосѣдки своей, Румыніи, только-что выкупившей изъ частныхъ рукъ свои дороги,—сербское правительство рѣшило собрать коммиссію изъ людей совершенно незнакомыхъ съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, предоставивъ имъ рѣшить, выгоднѣе ли для Сербіи частныя дороги или государственныя. Коммиссія эта, конечно, ни къ какому выводу не пришла: одна половина членовъ ея голословно стала за частную дорогу, а другая за государственную. Такъ этотъ вопросъ и остался нерѣшеннымъ.

Въ предположеніи отдать постройку дороги въ частныя руки коммиссія выработала условія совершенно несообразныя съ условіями, существующими во всѣхъ государствахъ Европы и Америки, и на основаніи этихъ условій правительство вызвало всѣхъ желающихъ на конкурсъ. На случай же постройки дороги за счетъ государства правительство предписало всѣмъ своимъ посланникамъ при европейскихъ дворахъ одновременно войти съ банкирами въ переговоры о заключеніи для Сербіи займа въ 100.000.000

франковъ на постройку дороги. Результатъ обоихъ мѣропріятій былъ крайне неудаченъ и дискредитировалъ во всей Европѣ сербское желѣзнодорожное дѣло. На конкурсъ не явилось ни одного серьезнаго предпринимателя, а сербскіе посланники получили единодушный отказъ отъ всѣхъ банкировъ реализировать сербскій желѣзнодорожный заемъ. Передаютъ даже, что парижскій Ротшильдъ сказалъ сербскому посланнику, что *если Австрія поручится за Сербію, тогда, пожалуй, онъ дастъ ей денегъ.*

Частная дорога ни въ какомъ случаѣ не обойдется дешевле народу, чѣмъ государственная, такъ какъ невозможно допустить, чтобы Бонту, вызвавшійся строить сербскую дорогу, строилъ ее въ ущербъ своему карману, а сербскому народу не все ли равно, въ какой формѣ вытянутъ у него деньги...

Какая бы ни была въ финансовомъ отношеніи сильная компанія, все же она не можетъ занять деньги на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какъ государство, и вся эта приплата должна неизбѣжно пасть на самую же Сербію, какъ это и случилось уже съ отдачей дороги Бонту.

Сербія почти до сихъ поръ не пользовалась вовсе кредитомъ на европейскихъ денежныхъ рынкахъ,—всѣ деньги, которыя она доставала, она достала въ Россіи. Такъ, первый заемъ въ 1862 году, сдѣланный непосредственно сербскимъ правительствомъ у русскаго въ размѣрѣ, если не ошибаюсь, 16.000 дукатовъ, оплачивался исправно только до 1876 года, затѣмъ до нынѣшняго года не уплачивалось ни процентовъ, ни погашенія. Второй заемъ 1876 года, послѣ точно такой же на европейскихъ рынкахъ неудачной попытки, какая была сдѣлана въ концѣ 1880 года для желѣзнодорожнаго дѣла, былъ заключенъ въ Россіи; и по этому займу только съ нынѣшняго года стали уплачиваться проценты и погашеніе. Третій небольшой заемъ былъ сдѣланъ въ томъ же 1876 году сербскимъ правительствомъ у Славянскаго благотворительнаго Общества въ размѣрѣ 100.000 руб. сер. По этому займу сербское правительство, не уважив даже подписи своего государя, отказалось платить проценты и погашеніе и завело съ Славянскимъ Обществомъ процессъ весьма неблаговиднаго свойства, представивъ предварительно означенному Обществу контръ-счетъ, въ которомъ оно не постыдилось даже выставить расходы по лѣченію и погребенію умершихъ отъ ранъ русскихъ добровольцевъ.

По внутреннему займу, сдѣланному въ томъ же 1876 году, Сербія не исполняетъ этихъ обязательствъ и относительно своихъ подданныхъ.

Могутъ сказать, что всѣ эти обязательства сдѣланы тѣмъ правительствомъ, которое, потерявъ нравственное вліяніе въ странѣ, вынуждено было удалиться. На это не трудно возразить: въ Сербіи правительство конституціонное, стало-быть всѣ эти акты были утверждены представителями страны и выполненіе непосредственно находилось подъ ихъ наблюденіемъ. Если обязательства сербскаго правительства, одобренныя народнымъ собраніемъ, не выполняются и страна не выражаетъ къ нему

довѣрія, то какимъ же образомъ европейское общество дастъ свои сбереженія Сербіи?...

И на это намъ, пожалуй, могутъ возразить, что принятыя Сербіей обязательства были, такъ сказать, интимныя, домашнія, и что о неисполненіи ихъ никому въ Европѣ не извѣстно. Но тѣ, которые такъ думаютъ, жестоко ошибаются. Нѣтъ ничего чутче европейскихъ биржъ,—можно сказать, что для нихъ даже нѣтъ государственныхъ и коммерческихъ тайнъ или по крайней мѣрѣ эти тайны узнаются впервые на биржахъ. Какимъ же образомъ этимъ биржамъ будетъ не извѣстно, что занятыя пять лѣтъ тому назадъ у Россіи деньги выплачиваются *только* съ нынѣшняго года, и то съ грѣхомъ пополамъ, что выпущенныя сербскимъ правительствомъ бумаги внутренняго займа не имѣли до сихъ поръ въ самой Сербіи никакой цѣнности и что русское благотворительное общество оффиціально взыскиваетъ съ Сербіи данные ей на честное слово 100.000 рублей?...

Несмотря на такое печальное положеніе сербскаго кредита, Сербія, положительно можно утверждать, могла бы въ себѣ найти достаточно жизненной силы, отыскать въ самой себѣ источникъ для возстановленія своего кредита и построить дорогу за свой счетъ.

Почти всѣ бывшія у Сербіи подъ рукой частныя предложенія (за исключеніемъ развѣ одной русской компаніи Полякова) не были серьезны и имѣли характеръ биржевой игры, не исключая и компаніи Баранова, во главѣ которой стоялъ простой русскій подрядчикъ, окруженный толпою поляковъ, и которой, по слухамъ, покровительствовалъ одинъ высокій дипломатическій сановникъ, г. Г.

На основаніи всего выше сказаннаго, Сербіи предстоялъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ одинъ изъ двухъ выходовъ: или построить свою дорогу за свой счетъ, не прибѣгая ни къ какимъ частнымъ компаніямъ, къ какой бы націи онѣ ни принадлежали, или же чистосердечно отдать свою дорогу съ первыхъ рукъ Австріи, а вмѣстѣ съ ней фактически сдѣлаться ея провинціей, потому что, отдавъ дорогу въ частныя руки, въ результатѣ она все равно была бы австрійской, а Сербіи пришлось бы приплатить только частной компаніи за посредничество между ею и Австріей. Сербія такъ и сдѣлала: она выбрала австро-венгерскую компанію, во главѣ которой стоитъ французское имя Бонту. Капиталъ этой компаніи принадлежитъ іезуитской клерикальной партіи въ Австріи, основавшей недавно свой банкъ подъ именемъ «Länder-Bank» въ Пештѣ. Компанія эта рекомендована главою такъ-называемой консервативной партіи, г. Мариновичемъ, который не затруднился прислать съ повѣреннымъ г. Бонту, Гаркуромъ, своего сына.

Политическая подкладка предложеній Бонту ясна какъ день. Бонту предложилъ національный банкъ, какъ средство для осуществленія желѣзной дороги, что весьма логично. Онъ потребовалъ, чтобы правленіе бу-

дущаго банка, равно какъ и правленіе желѣзной дороги отъ Пешта черезъ Бѣлградъ до Враньи — были въ его рукахъ и находились бы въ Вѣнѣ или Пештѣ, чтобы весь персоналъ желѣзной дороги назначался имъ самимъ. Такимъ образомъ Сербія, вслѣдствіе своей распущенности и безпечности относительно принимаемыхъ на себя какъ моральныхъ, такъ и матеріальныхъ обязательствъ, очутилась между молотомъ и наковальней.

Теперь считаю необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на теченіе желѣзнодорожнаго дѣла въ сербскомъ народномъ собраніи.

Еще за нѣсколько дней до открытія засѣданій въ скупштинѣ члены ея раздѣлились на два лагеря: правительственный и народный, или радикальный, какъ его здѣсь величаютъ. Обѣ партіи имѣли свои клубы, въ которыхъ онѣ ежедневно обсуждали планы своихъ дѣйствій.

Въ первый день разбирательства желѣзнодорожнаго вопроса министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи, Горошанинъ, счелъ за нужное, во избѣжаніе предвидѣннаго имъ большаго стеченія народа, пригласить полицію для охраненія всѣхъ входовъ въ скупштину отъ тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы безъ билета пробраться въ залу засѣданія. Видя такое грубое насиліе со стороны министра полиціи и совсѣмъ новый, до сихъ поръ не существовавшій, даже и при Ристичѣ, порядокъ, многіе изъ депутатовъ изъявили протестъ, но голосъ ихъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ спеціальной оцѣнкѣ сдѣланнаго г. Бонту предложенія, скупштина рѣшила выбрать изъ своей среды коммиссію въ 15 человѣкъ, которой и передать это предложеніе для спеціальнаго разбора. Почти ровно мѣсяцъ (съ 6 февраля по 4 марта) коммиссія занималась разсмотрѣніемъ этого предложенія. Передъ окончаніемъ своей работы она въ свою очередь раздѣлилась на двѣ стороны, изъ которыхъ одна въ 8 человѣкъ была за предложеніе, а другая въ 6 *) противъ, требовавшая окончательнаго уничтоженія договора правительства съ Бонту. Послѣ жаркихъ преній, чуть не доходившихъ до рукопашной свалки, скупштиною рѣшено было обсудить каждый пунктъ условій Бонту всѣмъ собраніемъ. Нечего говорить, что при разборѣ каждаго пункта говорилось много. Особенно члены народной партіи говорили много, толково и дѣльно: они доказывали, что нѣтъ ни одного пункта, въ которомъ бы не проглядывала задняя мысль Бонту запутать Сербію въ своихъ ловко раскинутыхъ передъ сербскими министрами тенетахъ,—говорили, что весь этотъ проектъ основанъ на одной выгодѣ для Бонту и окончательной погибели сербскаго народа. Какъ ни старались сербскіе министры и ихъ покорнѣйшіе слуги доказать своимъ противникамъ всю выгоду дѣлаемыхъ Сербіи предложеній, но все было напрасно, — доказательства ихъ были слабы противъ доказательствъ народной партіи и ни на чемъ не основаны.

*) 15-й членъ коммиссіи, купецъ Атула, чтобы не навлечь на себя негодованія какъ со стороны правительства, если онъ будетъ „*противъ*“, такъ и со стороны народа, если будетъ „*за*“, уѣхалъ въ отпускъ.

Въ своихъ рѣчахъ радикалы прямо говорили: «Наши министры *продаютъ насъ*, какъ мужикъ продаетъ своихъ свиней; они *взяли взятку*, иначе не увѣряли бы, что этимъ предложеніемъ Бонту озолочаетъ каждаго серба, — что, принимая его условія, онъ дѣлается какъ бы кучеромъ на нашей дорогѣ (въ публикѣ слышенъ смѣхъ, а со скамей депутатовъ крики: «а мы лошадьми»),—что тотъ слѣпъ, который не видитъ всю пользу Сербіи отъ условій Бонту.

Въ своей защитительной рѣчи г. Міятовичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, самъ высказался, что Европа не имѣетъ довѣрія къ Сербіи. «Даже Бельгія спрашивала насъ: правда ли, что мы не платимъ своихъ долговъ? Мы отвѣтили, что это—правда. На основаніи этого, какъ бы мы ни хотѣли строить сами дорогу, мы не можемъ найти въ Европѣ заемъ. По нашему мнѣнію, Бонту даетъ самыя лучшія гарантіи. Что Австрія придетъ къ намъ въ качествѣ экзекутора, какъ это говорятъ нѣкоторые депутаты, это—неправда. Я не могу допустить той мысли, чтобы Австрія когда-либо имѣла намѣреніе погубить Сербію. Компанія Бонту посвятила себя исключительно интересамъ балканскихъ народовъ».

Но сказкѣ г. Міятовича никто не вѣрилъ. «Насъ потомство будетъ проклинать,—говорили одни,—что мы по приказанію нашихъ министровъ идемъ сами въ желѣзныя лапы Австріи. Если мы за линію Бѣлградъ-Нишъ отдаемъ все наше имущество, то что же мы дадимъ за линію Нишъ-Пиротъ? У насъ ужь ничего не осталось,—все отдали. Министры наши заботятся о благосостояніи своего кармана, а не народа. Договоръ съ Бонту сдѣланъ противузаконно, поэтому мы требуемъ, чтобъ онъ былъ уничтоженъ. 34 желѣзнодорожныхъ станцій—это 34 колоніи чуждой народности. Все содержаніе договора говоритъ только въ пользу Бонту, котораго договоръ этотъ ничѣмъ не ограничиваетъ. Правительство заключало договоръ не говоря ни кому ни слова, дѣлало все въ тайнѣ. Министры наши однимъ почеркомъ пера окунули не только что всѣхъ насъ, но и нашихъ дѣтей и внуковъ въ неоплатные долги. Мы должны встать на пути ихъ своеволія».

«Не такъ давно еще каждый путешественникъ завидовалъ богатству Сербіи,—говорили другіе.—Она была счастлива, не имѣла богатыхъ землевладѣльцевъ, но и не имѣла бѣдныхъ. Не такъ давно слышались еще пѣсни довольства, а теперь?—теперь народъ нашъ все ниже и глубже падаетъ въ бездну, уготованную нашими министрами; по милости ихъ онъ потерялъ свою свободу и независимость. Нынче сотни семействъ почти умираютъ съ голоду. Что мы скажемъ народу въ оправданіе нашихъ министровъ?—Ничего. Настоящій договоръ унижаетъ Сербію,—мы въ его власти. Мы не можемъ себѣ представить, какъ правительство могло взять на себя такую отвѣтственность передъ народомъ,—оно будетъ проклято имъ! Какъ у гг. министровъ не дрожали руки, когда они подписывали этотъ договоръ?! Они стараются увѣрить насъ, что Бонту пришелъ осчастливить Сербію,

обогатить ее. Не вѣрьте, братья, не вѣрьте никому! Здѣсь дѣло не совсѣмъ чисто, да оно при такомъ большомъ предпріятіи и не можетъ быть или очень рѣдко бываетъ чисто».

На такія рѣчи сербскихъ патріотовъ *) Міятовичъ и Горошанинъ пробовали было защищаться и говорить, чтобъ ихъ не задѣвали, что они терпѣливо слушаютъ все, что они оскорблены взводимымъ на нихъ и ихъ товарищей обвиненіемъ, что они дѣло это обдѣлали съ глазу на глазъ и что они подкуплены. «Вы не имѣете права порочить честныхъ людей,—говорилъ Міятовичъ.—Мы могли собрать васъ въ какой-нибудь трущобѣ, а не въ Бѣлградѣ. При насъ все свободно разбирается и критикуется въ газетахъ. Мы ограждаемъ себя отъ всякаго подозрѣнія. Бонту обязался заплатить за насъ неустойку Австріи, если мы не будемъ готовы съ нашею дорогой къ сроку. Гарантіей Бонту служитъ его всемірная извѣстность, солидность и богатство, а наши гарантіи на бумагѣ: хотимъ — исполнимъ ихъ, хотимъ—нѣтъ. Настоящій договоръ есть единственное спасеніе для нашего народа».

Послѣ такой тирады министра финансовъ съ разныхъ сторонъ послышались крики: «Солидность Бонту не гарантируетъ нашихъ кармановъ!... Мы радовались, когда настоящіе министры еще не были министрами. Мы думали, что они будутъ исполнителями народной воли—и только, а оказалось наоборотъ!... Мы просимъ не принуждать насъ силой и наградами дѣлать то, что противно народнымъ интересамъ. Не ходите путемъ Ристича,—далеко не уйдете!...»

Всѣхъ говорившихъ объ условіяхъ Бонту было слишкомъ 80 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 20 принадлежали къ правительственной партіи.

Пренія по этому дѣлу продолжались шесть дней, съ 4 по 10 марта. Въ это время князь Миланъ, видя такое упорство со стороны радикальной партіи и непослушаніе его воли, рѣшился пригласить къ себѣ вождей этой партіи и сдѣлать имъ лично отеческое наставленіе.

— Я слышалъ, что вы идете противъ договора моего правительства съ Бонту?—обратился его высочество къ одному депутату изъ радикальной партіи.

— Да, ваше высочество,—было отвѣтомъ.

— Почему же это?—спросилъ князь.

— Потому, что, по нашему убѣжденію, отъ этого договора пользы сербскому народу никакой не будетъ.

— Кто это вамъ сказалъ? Неужели вы думаете, что я, вашъ князь, не понимаю, что хорошо и что дурно для моего отечества?

---

*) Между которыми выдавались—Тайсичъ, Яковлевичъ, Дидичъ, Катичъ (крестьяне), Петровичъ, Милетичъ, Протичъ (священники), Несторовичъ, Мессаровичъ, Тупаковичъ (купцы) и многіе другіе.

— За нашъ образъ дѣйствій мы будемъ отвѣчать передъ народомъ,— отвѣтилъ радикалъ.

— Я разрѣшаю васъ отъ отвѣтственности и совѣтую вамъ вотировать за договоръ.

— Я готовъ вѣрой и правдой служить своему господарю, но этого сдѣлать не могу.

— Почему, почему?... Говорите!

— Потому что не хочу ссориться съ своею совѣстью.!

— Раскаиваться послѣ будете, да!... Я слышалъ, что въ городѣ говорятъ, будто я и мои министры подкуплены кѣмъ-то?—какъ будто между прочимъ спросилъ князь.

— Что касается васъ, я ничего подобнаго не слыхалъ, но про министровъ всѣ въ одинъ голосъ говорятъ.

Такіе же разговоры князь Миланъ велъ и съ другими радикалами и всѣ они выдержали свое достоиство, не смущаясь смотрѣли въ глаза главы государства. Бонту и его агенты въ свою очередь тоже не спали въ это горячее время. Они посредствомъ презрѣннаго металла пріобрѣли весьма скоро въ скупштинѣ своихъ агентовъ въ лицѣ господъ Ракича, Глишича, Жунича и другихъ депутатовъ, бывшихъ до сихъ поръ ярыми защитниками своего отечества и врагами всѣхъ, до сихъ поръ сидѣвшихъ на стульяхъ, министровъ. Особенно выдался Глишичъ: этого человѣка всѣ любили и цѣнили за его смѣлую защиту сербскаго народа. Такъ, напримѣръ, въ майской скупштинѣ 1880 года (въ Крагуевцѣ) при дебатахъ о желѣзнодорожной конвенціи съ Австро-Венгріей онъ говорилъ: «Съ приходомъ перваго австрійскаго поѣзда мы услышимъ свистокъ, который на подобіе колокола будетъ призывать насъ на панихиду по нашей свободной и независимой Сербіи...» А теперь?—Теперь этотъ человѣкъ и нѣкоторые его друзья, по общему голосу, куплены вмѣстѣ съ ихъ убѣжденіями и мыслями компаніей Бонту.

Несмотря на всѣ усилія народной партіи доказать гг. министрамъ и ихъ поклонникамъ, что, подписывая этотъ договоръ, они подписываютъ смертный приговоръ Сербіи,—имъ все-таки не удалось достигнуть своей цѣли. Приверженцы правительства, заинтересованные своими личными выгодами, сидѣли молча, какъ истуканы, не пытаясь даже поддерживать своихъ патроновъ. Они сознавали, что сказать они ничего не могутъ, сидѣли и дожидались, когда придетъ та минута, въ которую они скажутъ свое «за».

Раздраженіе по поводу такого насилія со стороны правительства въ народѣ было ужасное. Всѣ видѣли и знали, что воспрепятствовать этому никто не можетъ; многіе даже думали и надѣялись, что вотъ-вотъ Россія, по примѣру 1876 года, скажетъ (только не Турціи, а Сербіи): «стой Сербія, дальше ни шагу»,—но эти надежды не сбылись. Хотя русскій министръ въ Бѣлградѣ, г. Персіяни, и сообщилъ кому слѣдуетъ о положеніи

дѣлъ въ Сербіи, но онъ, по слухамъ, получилъ приблизительно такого рода отвѣтъ: «*Предоставьте сербовъ самимъ себѣ,—пусть дѣлаютъ, что хотятъ*».

Наканунѣ роковаго для Сербіи дня, а именно 9 марта, еще до открытія засѣданія между правительственными членами шелъ какой-то оживленный разговоръ и суета. По собраннымъ затѣмъ подъ рукою справкамъ оказалось, что почти всѣмъ правительственнымъ, а также и нѣкоторымъ народнымъ депутатамъ обѣщаны министрами награды, повышенія по службѣ и денежныя субсидіи, если они сегодня постараются повести дѣло такъ, чтобы завтра можно было надѣяться на окончательное его рѣшеніе, такъ какъ радикальная партія старается какъ можно долѣе протянуть его, что, конечно, было непріятно для правительства.

Многіе сербы, видя такую ревностную заботу своихъ министровъ о благѣ народа, но не зная о всѣхъ способахъ, пущенныхъ ими въ ходъ для достиженія своей цѣли, невольно задавались вопросомъ: откуда такая ревность? Откуда такая забота о Бонту у людей, утверждавшихъ, что принципъ ихъ политики состоитъ въ томъ, чтобы *спрашивать народъ* и предоставлять ему полную свободу дѣйствій? Не изъ Австріи ли?... Г. Бонту называетъ себя французомъ, представителемъ Société d'Union Générale à Paris, хотя нельзя скрыть—и Länder-Bank'a, который управляется тѣмъ же г. Бонту вмѣстѣ съ польскими ясновельможными графами Австрійской имперіи.

Рѣшать такъ скоро желѣзнодорожный вопросъ, какъ хотѣли министры, невозможно было, потому что до многихъ еще изъ депутатовъ не дошла очередь высказать свое мнѣніе. Но министрамъ нужно было зацѣпиться за что-нибудь и этимъ отнять охоту даромъ терять время,—они были увѣрены, что сколько бы ни говорили ихъ противники, все равно напрасно.

Въ это время по очереди долженъ былъ говорить одинъ изъ правительственныхъ депутатовъ, С. Николаевичъ, профессоръ Великой школы, человѣкъ извѣстный независимостью своего характера.

Послѣ короткаго, но толковаго обзора желѣзнодорожнаго вопроса съ политико-экономической точки зрѣнія для Сербіи, г. Николаевичъ перешелъ на нравственное его значеніе и на образъ дѣйствій настоящихъ министровъ. Характеризуя постоянно, съ 1858 года, колеблющуюся между Россіей и Австріей политику Сербіи, онъ указывалъ, что Сербіи пора сознать свое значеніе въ средѣ балканскихъ народовъ и государствъ, что договоръ съ г. Бонту подчиняетъ ее австро-венгерскимъ интересамъ и связываетъ по рукамъ и ногамъ при предстоящихъ великихъ дѣлахъ на Балканскомъ полуостровѣ.

«Наши министры,— говорилъ онъ,— подаютъ наше знамя Австріи, а большинство скупштины, какъ представители народа, помогаютъ имъ, и въ этомъ случаѣ *мы дѣлаемся измѣнниками славянъ Балканскаго полу-*

острова. Когда министры наши бросятся въ объятія Австріи, тогда народъ сербскій опомнится, запрудитъ Саву и Дунай рельсами, вагонами и человѣческими трупами, будетъ искать свое спасеніе у Россіи...»

Рѣчь г. Николаевича была прервана бурными криками вскочившихъ со своихъ мѣстъ правительственныхъ членовъ, причемъ крайніе сторонники министровъ чуть было не бросились съ кулаками на смѣлаго оратора. «Довольно говорено!»—кричали одни.—«Возми слово «измѣнники» назадъ!»—«Правда, правда, такъ... Совершенно вѣрно!... Спасибо Николаевичу!»—кричали другіе.

Несмотря на усиленные звонки предсѣдателя, крикъ, шумъ не утихалъ, а еще болѣе усиливался. Народъ, стоявшій на улицѣ, около зданія скупштины, толпою въ тысячу слишкомъ человѣкъ, слыша, что въ скупштинѣ поднялся страшный крикъ, захотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло, и началъ въ свою очередь кричать и ломать двери. Полиція, попытавшаяся было силою остановить народное волненіе, была избита камнями и кирпичами, вынимаемыми изъ мостовой и тротуаровъ. Горошанинъ, какъ министръ полиціи, видя, что его подчиненные чины уходятъ съ поля битвы съ разбитыми головами, озаботился немедленно вызвать резервы въ образѣ конныхъ и пѣшихъ жандармовъ, а Пирочанацъ, министръ-президентъ, въ это время поскакалъ къ князю съ доносомъ на бунтовщиковъ. Черезъ ¹/₄ часа вернувшись изъ дворца, Пирочанацъ передалъ предсѣдателю скупштины, а также и своимъ коллегамъ, что его высочество выразилъ свое желаніе, чтобъ этотъ вопросъ во что бы то ни стало былъ рѣшенъ сегодня же. Какъ только по данному звонку крики стали мало-по-малу утихать, такъ тотчасъ же съ разныхъ сторонъ послышались громкія требованія подкупленныхъ чинами и наградами депутатовъ: «Довольно говорено!... Мы хорошо ознакомились съ дѣломъ... Нечего насъ учить, что хорошо, а что дурно». Другіе опять кричали: «Говорить въ скупштинѣ никогда ни одному депутату не запрещалось,—пусть говорятъ, что у кого есть на душѣ...» Послѣ долгихъ споровъ наконецъ было рѣшено голосовать, кто «за продолженіе преній», а кто—«противъ». По счету голосовъ, на сторонѣ правительства было 12 голосами больше. Такимъ образомъ и здѣсь народная партія была побѣждена. Этимъ послѣднимъ актомъ было рѣшено все. Теперь оставались только за министрами и членами желѣзнодорожной комиссіи заключительныя рѣчи и затѣмъ уже надлежало спросить въ послѣдній разъ депутатовъ, кто «за предложеніе Бонту», а кто «противъ».

Такъ какъ въ этотъ день было уже поздно гг. министрамъ снова показывать свое ораторское искусство, то рѣшено было отложить рѣшеніе дѣла до другаго дня, то-есть до 10 марта. Въ этомъ же засѣданіи одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ, почетныхъ членовъ скупштины, Ѳедоръ Тупаковичъ, бывшій не разъ и предсѣдателемъ народнаго собранія, считая постановленіе скупштины о прекращеніи преній незаконнымъ, положилъ

свой мандатъ на предсѣдательскій столъ и отказался отъ полномочій депутата.

На слѣдующій день послѣ заключительныхъ рѣчей, когда стали собирать голоса, то еще двое изъ подавшихъ свой голосъ противъ договора сложили съ себя полномочія и отказались отъ участія въ дѣлахъ скупштины, одинъ изъ коихъ—бѣлградскій депутатъ г. Мессаровичъ, бывшій до той поры однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ настоящаго министерства. При письменномъ и открытомъ голосованіи оказалось 97 голосовъ «за», 57 «противъ» и 5 удержались отъ голосованія.

Странно!... Вчера при голосованіи, продолжать ли дебаты или приступить къ окончательному рѣшенію, на сторонѣ правительства было 12 голосами больше, чѣмъ въ оппозиціи, а сегодня такая огромная разница: большинство чуть не вдвое больше оппозиціи!... Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ Сербіи очень часто люди не только за одну ночь, но даже за одинъ часъ мѣняютъ свои убѣжденія...

Итакъ, пѣсенка Сербіи пропѣта. Что же мы теперь видимъ?—Бонту, обязавшись передъ Сербіей построить ей дорогу къ 3 іюля 1883 года, только съ іюля мѣсяца нынѣшняго года приступилъ къ сооруженію насыпи отъ Бѣлграда къ Топчидеру. Сдѣлавъ это, онъ съ перваго числа сентября бросилъ продолжать это дѣло до будущей весны. Такимъ образомъ у него останется только годъ, въ который трудно предположить, чтобъ онъ могъ построить ее къ сроку. Послѣ этого, спрашивается, при чемъ же тутъ были завѣренія сербскихъ министровъ, утверждавшихъ въ скупштинѣ, что Бонту заплатитъ Австріи неустойку за свое халатное отношеніе къ дѣлу? Для чего сербскимъ министрамъ нужно было откапывать какого-то Бонту, когда у нихъ подъ руками были еще другія, болѣе выгодныя, предложенія? Такъ, напримѣръ, русская компанія Полякова предлагала Сербіи построить дорогу почти на 15 милліоновъ франковъ дешевле, чѣмъ Бонту, и по окончаніи постройки передать дорогу для эксплуатаціи самому правительству; а Бонту, мало того, что будетъ строить сербскую дорогу на тѣ 6 милліоновъ франковъ, которые ему будетъ выдавать ежегодно Сербія, пользуется еще правомъ ея эксплуатаціи въ теченіе 25 лѣтъ. Кромѣ русской компаніи была еще одна англійская, довольно солидная компанія баронета Танкреда, условія которой также много легче были условій Бонту. На эти компаніи какъ печать, такъ и общественное мнѣніе указывали правительству, но оно шло своею дорогой, никого не слушая.

Почему же оно не слушало?—Потому, что какъ Россія, такъ и Англія имѣютъ свои заднія политическія мысли!—отвѣтятъ намъ сербскіе министры.

Послѣ довольно обширнаго обзора желѣзнодорожнаго дѣла перехожу теперь къ торговому договору Сербіи съ Австро-Венгріей.

Торговый договоръ Сербіи съ Австріей принятъ въ скупштинѣ 112 голосами противъ 28. Договоръ этотъ, какъ я говорилъ уже выше, былъ главною причиной, по мнѣнію приверженцевъ стараго кабинета, паденія

Ристича. Австрія, какъ извѣстно, требовала отъ Сербіи признанія за нею правъ «привилегированной державы», не давая взамѣнъ Сербіи никакихъ обязательствъ съ своей стороны, основываясь только на трактатахъ, заключенныхъ съ Турціей въ 1718 и 1862 годахъ, когда Сербіи еще не существовало, или когда она была вассаломъ Турціи.

Въ общихъ чертахъ намъ извѣстны результаты переговоровъ Сербіи съ Австріей о торговомъ договорѣ, который тянется съ 1879 года. Австрія противилась сперва связывать себя торговымъ трактатомъ съ Сербіей,—ей и безъ него было хорошо. Она произвольно возвышала пошлины на вывозимые изъ Сербіи продукты, а послѣдняя, вслѣдствіе этого, терпѣла большіе убытки; она положительно не знала, куда сбывать свои произведенія; повсюду слышались жалобы на экономическое разстройство страны. Но въ то же время признать за Австріей право «*самой привилегированной державы*»—значило бы отдать свою экономическую независимость на неопредѣленный срокъ во власть Австріи.

Для того, чтобы вполнѣ выяснить всѣ дурныя стороны для Сербіи торговой конвенціи, заключенной между ею и Австріей, будемъ здѣсь говорить словами самихъ сербовъ, которымъ это дѣло совершенно родное,—словами тѣхъ людей, которые боролись и доказывали, что этотъ договоръ ставитъ Сербію въ экономическую зависимость отъ Австріи.

Вотъ главные недостатки договора, которые, по мнѣнію меньшинства торговой коммиссіи въ скупштинѣ и по мнѣнію каждаго серба, искренно любящаго свое отечество, давали полное право Сербіи не принимать отъ Австріи столь тяжелыхъ условій:

«Договоръ этотъ не только не защищаетъ наше производство и нашу промышленность, но, напротивъ, направленъ противъ нихъ.

«Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе большинства, что положеніе нашего молодаго, независимаго государства стѣснено Берлинскимъ конгрессомъ и отдѣльною конвенціей Ристича съ Андраши, но ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться, что изъ положенія, созданнаго этимъ конгрессомъ, могъ истечь такой торговый договоръ, какой намъ представленъ.

«Если была ошибка въ томъ, что Ристичъ отдѣлился отъ коммиссіи à quatre, если была ошибка, что онъ обязался строить желѣзную дорогу, а не обезпечилъ связь послѣдней съ Солониками и Константинополемъ,—тогда нужно было ту ошибку тотчасъ же исправить. Нужно было прежде всего, прежде договора съ Бонту и торговой конвенціи обезпечить связь съ сказанными пунктами, затѣмъ слѣдовало пользоваться тѣми же средствами, которыя Австрія употребила въ отношеніи принятыхъ на себя обязательствъ къ Сербіи. Кромѣ этого слѣдовало стараться, чтобы сербскимъ произведеніямъ были открыты другіе европейскіе рынки.

«Когда бы это все было устроено правительствомъ, тогда только должно было приступить къ торговому договору на основаніи *равноправности*, какъ это было сказано въ адресѣ къ князю.

«Австрія не оттолкнула бы отъ себя законное предложеніе, чтобы Сербія пользовалась въ такой мѣрѣ торговымъ договоромъ, какую она для себя требуетъ. Какъ она желаетъ обезпечить своимъ произведеніямъ широкое поле, такъ точно и Сербіи нужно достигнуть этого на иностранныхъ рынкахъ. По нашему мнѣнію, нашимъ коммиссарамъ слѣдовало хорошенько разобрать всѣ эти мельчайшія подробности до подписанія договора.

«Конечно, изъ всѣхъ этихъ вопросовъ главнымъ былъ тотъ, на которомъ палъ Ристичъ, т. е. имѣютъ ли для Сербіи обязательную силу тѣ договоры, которые нѣкогда заключала Турція съ Австро-Венгріей, или: соглашается ли Австрія заключить съ Сербіей договоръ на основаніи равноправности?

«Судя по заключенному договору, можно сказать, что нами молча признано основаніе старыхъ договоровъ Австріи съ Турціей. Сербіи предоставлено взимать только тотъ доходъ, который она прежде, на основаніи status quo, получала въ видѣ пошлинъ и разныхъ таксъ съ товаровъ, перевозимыхъ черезъ ея границу.

«Австрія съумѣла сочинить торговый договоръ съ такими прибавленіями къ нему, что все, что она намъ, повидимому, даетъ, она возвращаетъ себѣ обратно другими путями, а что остается у насъ, то намъ положительно вредно.

«Въ договорѣ не упоминаются ни старые трактаты, ни 37 ст. Берлинскаго конгресса, ни отдѣльная конвенція Ристича съ Андраши; въ немъ не упоминается объ уничтоженіи всѣхъ старыхъ договоровъ, которые бы, по мнѣнію Австро-Венгріи, имѣли связывающую силу для Сербіи. Все это смутно и неопредѣленно въ консульской конвенціи, гдѣ въ концѣ § 13 говорится, что царско-королевско-апостольское величество отказывается отъ привилегій, которыми пользовались до сихъ поръ его подданные на основаніи капитуляціи, заключенной между Австро-Венгріей и Турціей».

Въ XVI статьѣ трактата говорится: «Этотъ договоръ простирается на всѣ владѣнія, входящія и имѣющія войти въ таможенный союзъ Австро-Венгріи». Сербскіе коммиссары, заключавшіе торговый трактатъ съ Австріей, по словамъ самихъ же сербовъ, были такъ услужливы, что поспѣшили признать за Австріей право не только на всѣ земли, входящія въ составъ имперіи, но и на тѣ, которыя позднѣе войдутъ въ ея таможенный союзъ. Они заботились о будущемъ благосостояніи Австріи, а между тѣмъ совсѣмъ забыли про свое отечество. Все это, собственно говоря, было бы маловажно, еслибы рядомъ съ этимъ не стояли другія, болѣе серьезныя, ошибки, которыя отнимаютъ у Сербіи всякую возможность развиться въ экономическомъ отношеніи.

«Прежде всего подписанный договоръ,—говорится дальше въ мнѣніи меньшинства коммисіи,—противенъ сербскому конституціонному уставу: II-я статья этого договора оскорбляетъ 132 статью нашей конституціи, ко-

торая запрещаетъ иностранцамъ и евреямъ поселяться во внутренности Сербіи и покупать недвижимое имущество, а II-я статья торговаго договора говоритъ: «Подданные обѣихъ договаривающихся сторонъ пользуются взаимнымъ правомъ, какъ подданные той страны, ѣздить по шоссейнымъ и желѣзнымъ дорогамъ и рѣкамъ; могутъ поселяться или временно проживать вездѣ, покупать всевозможныя земли, дома, или брать ихъ въ аренду; вообще могутъ пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество, распоряжаться ими какъ хотятъ, въ особенности продавать его, передавать его духовнымъ завѣщаніемъ другимъ или наслѣдствомъ ab intestato,—все это безъ одобренія и разрѣшенія государственныхъ властей и т. д., не дѣлая никакихъ различій по народности и вѣроисповѣданію».

По сербскимъ законамъ никто не можетъ, а въ особенности правительство, не уважать конституціоннаго устава или принуждать къ этому народное собраніе. Настоящіе министры до составленія изъ себя кабинета строго осуждали неисполнителей закона, а теперь сами пошли по той же дорогѣ. По приведенной статьѣ трактата иностранные подданные имѣютъ право покупать недвижимое имущество, поселять на немъ кого они хотятъ и основывать цѣлыя колоніи чуждаго сербамъ элемента, чего до сихъ поръ никогда не было. Этимъ Сербія открыла свои двери иностранцамъ и евреямъ, которые будутъ покупать для себя земли, сколько хотятъ и гдѣ хотятъ. Мало этого, въ той же статьѣ говорится, что «подданные одной договаривающейся стороны не могутъ на землѣ другой стороны пользоваться гражданскими правами до тѣхъ поръ, пока не будутъ уволены изъ подданства своего отечества». Но основаніи этого иностранцы могутъ жить въ Сербіи сотни лѣтъ и все-таки оставаться чужими для нея.

III-я статья договора даетъ право иностранцамъ не переходить въ сербское подданство, чѣмъ избавляетъ ихъ отъ всякихъ обязательныхъ военныхъ, административныхъ и другихъ общественныхъ службъ, отъ военнаго постоя, военныхъ налоговъ, реквизиціи и др. повинностей, а только они, какъ и сербскіе подданные, платятъ подати за свое недвижимое имущество.

Статья V-я обязываетъ обѣ договаривающіяся стороны не стѣснять взаимную торговлю никакими запрещеніями при ввозѣ, вывозѣ и перевозѣ, но въ то же время имъ дозволяется отступать отъ этого правила:

а) при существующей (или какая впредь будетъ учреждена) монополіи на табакъ, соль и порохъ;

б) ради цѣлей санитарной и ветеринарной полиціи, сообразно съ международными правилами, и—

в) въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, для военныхъ потребностей.

На основаніи этой статьи Австрія всегда имѣетъ право запретить Сербіи какъ провозъ табаку черезъ ея границу, такъ и ввозъ соли, что совершенно противно сербскимъ экономическимъ интересамъ. Всѣ остальныя

статьи этой конвенціи такъ устроены, что Австріи всегда будетъ больше пользы, чѣмъ Сербіи.

Этимъ договоромъ она окончательно убиваетъ то производство, которое только-что начало развиваться или которое легко могло бы развиться согласно потребности въ странѣ. Сырью же сербскому она открыла широкое поле и обязало Сербію не налагать никакой вывозной пошлины на него. Такъ, напримѣръ, изъ Сербіи должна вывозиться въ Австро-Венгрію свободно, безпошлинно, кожа вмѣстѣ съ шерстью и безъ оной, необработанною (въ сыромъ, квашеномъ или сушеномъ видѣ); въ прибавленіи же къ конвенціи Австрія позволяетъ Сербіи наложить на выработанную кожу 30 франковъ пошлины на 100 кило и только 6% на готовую обувь.

Изъ всѣхъ статей этой конвенціи ясно видно, что Австрія всѣми силами постаралась помѣшать развитію труда и производства въ Сербіи.

«Вотъ правительство, вотъ коммиссары, которые составляли этотъ договоръ, говорили члены меньшинства коммиссіи.—Пусть они теперь найдутъ хоть одинъ пунктъ, который бы ясно обезпечивалъ конкурренцію какого-нибудь сербскаго продукта въ Австро-Венгріи! Почему нигдѣ ни о какомъ продуктѣ не говорится, что Австрія не смѣетъ его обложить большей или меньшею пошлиной, но совершенно въ такой же мѣрѣ, въ какой она обложила свой продуктъ?!...

«Мы знаемъ, что нашимъ произведеніямъ трудно конкуррировать съ Австро-Венгріей; мы знаемъ, что капиталъ тамъ много дешевле, чѣмъ здѣсь; мы знаемъ, что тамъ дешевле рабочій трудъ—и все-таки Австро-венгерскіе коммиссары обезпечили преимущество своимъ продуктамъ надъ нашими. Наши же коммиссары заботились, чтобы настоящій трактатъ распространялся и на тѣ предѣлы, которые позднѣе войдутъ въ таможенный союзъ Австро-Венгріи. Какая разница?!... Насколько мы могли оцѣнить изъ данныхъ, находившихся подъ нашими руками, настоящій трактатъ, онъ, по нашему убѣжденію, совсѣмъ не составленъ на основаніи равноправности, а еще меньше на основаніи желанія поднять наше домашнее производство, и поэтому наше мнѣніе—не принимать его, а составить новый на основаніи равноправности».

Несмотря на всѣ эти промахи, скупштина все-таки приняла торговый договоръ огромнымъ большинствомъ.

Какая же это скупштина,—спроситъ кто-нибудь,—что она толкаетъ сербскій народъ въ пропасть?—Та самая, которая приняла и договоръ Бонту съ правительствомъ! Та самая, которая явно высказывала желаніе исключить изъ числа учебныхъ предметовъ законъ Божій въ школахъ!...

Вотъ какая скупштина поставила ее на край пропасти!...

Въ Сербіи почти нѣтъ людей, которымъ можно вѣрить, что доказало намъ большинство послѣдней скупштины. Даже тѣ, которые не далѣе какъ полтора года тому назадъ, въ день двадцатипятилѣтія царствованія Царя-Освободителя, говорили объ исторической связи сербскаго народа съ рус-

скимъ, о необходимости сербамъ идти объ руку съ Россіей, объ единствѣ,— теперь указываютъ своимъ соотечественникамъ на Россію и на русскихъ, какъ на прокаженныхъ, отъ которыхъ нужно дальше себя держать, уничтожаютъ русскій языкъ, только-что было привившійся къ сербскимъ школамъ, замѣняютъ его нѣмецкимъ, уничтожаютъ все, что носитъ на себѣ русское имя. Ты ли это тотъ Новаковичъ *), который такъ смѣло, если не сказать дерзко, передъ всѣми иностранными представителями говорилъ 19 февраля 1880 года, въ домѣ русскаго посланника, о необходимости сербовъ какъ можно ближе стоять къ Россіи?...

Послѣ заключенія торговаго договора съ Австро-Венгріей сербскій князь снова отправился къ австрійскому и берлинскому дворамъ и только оттуда, спустя уже пять мѣсяцевъ, пріѣхалъ въ Петербургъ поклониться праху Царя-Освободителя. При возвращеніи изъ Пертербурга онъ на обратномъ пути опять завернулъ въ Вѣну. По возвращеніи его въ Бѣлградъ, митрополитъ отправился къ нему во дворецъ, но не былъ принятъ. Затѣмъ спустя немного времени въ Бѣлградѣ, по обыкновенію, собрался ежегодный архіерейскій соборъ, члены котораго, съ митрополитомъ во главѣ, передъ началомъ своихъ трудовъ отправились во дворецъ, чтобы представиться князю; но князь Миланъ снова не принялъ ни митрополита, ни другихъ епископовъ. На слѣдующій день по пріѣздѣ князя изъ-за границы въ оффиціозномъ органѣ *Видело* появилась ругательная статья, направленная исключительно противъ митрополита, котораго передовые люди Сербіи ругали чуть не площадною бранью...

Къ довершенію всего этого, сербское правительство не замедлило нанести послѣдній ударъ сербской православной церкви въ лицѣ митрополита Михаила, удаливъ его съ каѳедры архіепископа бѣлградскаго и митрополита сербскаго безъ всякаго къ этому повода и даже безъ суда.

«Лукинъ день (18 октября) нынѣшняго года принесъ намъ весьма важныя перемѣны въ церковной іерархіи,—говоритъ оффиціозный органъ сербскаго предательскаго правительства *Видело* въ своей передовой статьѣ отъ 21 октября.—Митрополитъ Михаилъ указомъ его высочества удаленъ отъ администраціи бѣлградскаго архіепископства и сербской митрополіи. Управленіе этими дѣлами поручено епископу неготинскому, Моисею, старѣйшему между епископами.

«Каждый сербскій гражданинъ можетъ теперь видѣть и провѣрить, куда бы насъ повела та теорія, которую митрополитъ Михаилъ показалъ въ своихъ поступкахъ и которую онъ защищаетъ въ своихъ письмахъ, говоря, что правительство не совсѣмъ ясно поняло свою обязанность и вышло изъ границъ закона.

---

*) Новаковичъ—министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Въ первой половинѣ 1880 года онъ былъ профессоромъ исторіи въ бѣлградской „Великой школѣ“.

«Митрополитъ Михаилъ очень рано сѣлъ на архіерейскую каѳедру. Можно сказать, что онъ почти со школьной скамьи занялъ это мѣсто. На эту высоту воздвигла его отеческая доброта покойнаго митрополита Петра.

«Прошло немного времени, какъ важныя политическія перемѣны въ Сербіи удалили изъ Сербіи митрополита Петра. Передъ молодымъ владыкою Михаиломъ было два выхода: *или держаться канона и при жизни митрополита Петра, который былъ его личнымъ благодѣтелемъ, не садиться на митрополичій престолъ*,—это меньше относилось бы къ суетѣ и кошельку и дало бы ему уваженіе и въ средѣ духовенства, и въ средѣ народа, — или *сѣсть на митрополичью каѳедру и получать, вмѣстѣ съ властью надъ церковью, 5.000 талеровъ ежегодно жалованья, но это внесло бы соблазнъ въ церковь.*

«Михаилъ преклонился передъ симъ послѣднимъ».

Какая грубая и наглая ложь! Сербскіе министры, писавшіе эти строки, вѣроятно не думали о томъ, что на свѣтѣ существуютъ историки, которые записываютъ всѣ важныя событія въ мірѣ. «Князь Милошъ безпрестанно напоминалъ объ избраніи новаго митрополита, но епископъ Михаилъ, бывшій въ то время епископомъ шабацкимъ, отклонялъ его отъ этой мысли подъ разными предлогами, ссылаясь, главнымъ образомъ, на то, что пока митрополитъ Петръ не получитъ епархіи въ Австріи, невозможно занять его мѣсто въ Бѣлградѣ безъ нарушенія каноновъ и приличій», говоритъ уважаемый профессоръ и историкъ Н. А. Поповъ въ своей статьѣ «Второе правленіе Милоша Обреновича». Изъ приведеннаго факта видно, что митрополитъ Михаилъ самъ не желалъ нарушать каноновъ и занимать каѳедру митрополита, когда митрополитъ Петръ былъ еще живъ.

Что же касается того, что онъ чуть не со школьной скамьи сдѣлался епископомъ, то это только дѣлаетъ ему честь. Уже въ молодые годы (29 лѣтъ) онъ пользовался уваженіемъ знавшихъ его людей. Митрополитомъ Сербіи онъ сдѣлался не посредствомъ какихъ-нибудь происковъ или интригъ, а по волѣ князя Милоша, дѣда настоящаго князя, и по выбору церковнаго синода.

«Константинопольскій патріархъ,—говоритъ въ своей статьѣ Н. А. Поповъ,—одобрилъ выборъ, сдѣланный сербскимъ синодомъ, а новый митрополитъ, умѣвшій возбудить къ себѣ симпатіи соотечественниковъ, получилъ съ одной стороны благодарственный адресъ отъ жителей Шабца, терявшихъ въ немъ епархіальнаго епископа, но получившихъ главу всей сербской церкви, а съ другой—множество поздравительныхъ телеграммъ, между которыми особенно интересна была телеграмма Милоша Поповича, редактора *Српске Новине*». Эта оффиціальная телеграмма, посланная въ самый день избранія новаго митрополита, гласила: «Поздравляю Сербію съ счастливымъ событіемъ, давшимъ ея церкви въ лицѣ вашемъ главу,

которая возвыситъ ее до славы и чести, къ коимъ привелъ ее нѣкогда первый архіерей, учитель и просвѣтитель сербскій, св. Савва, на престолъ коего нынѣ, милостію господаря, возсѣли вы, какъ наидостойный преемникъ. Да сохранитъ васъ всеблагій Богъ на святомъ престолѣ многіе годы, на счастіе и душевное благо добраго нашего народа, на преуспѣяніе и совершеніе святыхъ христіанскихъ истинъ въ сердцахъ нашихъ, на возвышеніе и умственное облагороженіе служителей престола Божія и на матеріальное ихъ благосостояніе къ прославленію дорогаго имени сербскаго. Народъ и церковь сербская нашли въ васъ новаго св. Савву». Самъ старый князь Милошъ извѣстилъ объ избраніи епископа Михаила въ митрополиты жителей Бѣлграда нарочною телеграммой.

Старый князь Милошъ возвелъ Михаила въ митрополичій санъ, а его внукъ Миланъ низвергнулъ послѣдняго съ высоты, заслуженнаго имъ въ теченіе 27 лѣтъ, духовнаго положенія въ православномъ мірѣ.

«Митрополитъ управлялъ сербскою церковью съ 26 іюля 1859 г. по 18 октября 1881 года,—говоритъ далѣе *Видело*.—Въ теченіе всего этого времени онъ постоянно вмѣшивался во все и вся, только церковь очень мало безпокоилъ своею заботой объ ея преуспѣяніи. О всѣхъ его трудахъ можно сказать: *моя корысть и моя слава* (суета) и затѣмъ: *корысть партіи, во главѣ которой я**). Поэтому нынче при прощаньи сербская церковь не должна сожалѣть объ этомъ человѣкѣ».

Трудно представить себѣ, чтобы въ княжествѣ Сербскомъ нашелся хоть одинъ искренній патріотъ, который бы съ болью въ сердцѣ не пожалѣлъ о постигшемъ сербскую церковь несчастіи. Не сотни, а тысячи людей найдутся, которые получали отъ него матеріальную помощь и слышали утѣшительное слово въ тяжелыя минуты. Двери его дома никогда и ни въ какое время не затворялись ни передъ кѣмъ; десятки бѣдныхъ обѣдали въ его кухнѣ; сотни бѣдныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, благодаря его отеческимъ стараніямъ, получили школьное образованіе какъ въ Сербіи, такъ и въ разныхъ концахъ Россіи.

Врядъ ли найдется въ славянскомъ мірѣ много людей, которые столько трудились по освобожденію балканскихъ славянъ, какъ митрополитъ Михаилъ. На немъ лежала трудная задача предсѣдателя «Краснаго Креста». Онъ помогалъ и утѣшалъ раненыхъ и осиротѣлыхъ вдовъ и матерей. Онъ добросовѣстно и со стараніемъ исполнялъ то, что налагала на него его святая обязанность... Кромѣ того его забота распространена далеко за предѣлы своего отечества. Множество церквей въ Турціи благословляютъ его имя и его щедрую руку. Ни одинъ священникъ, ни одинъ учитель, прибывающіе изъ турецкихъ провинцій, не возвратились домой безъ поученія, утѣшенія, ободренія и даже безъ матеріальной помощи.

---

*) Эти слова подчеркнуты въ *Видело*.

Первый оффиціальный актъ, указывающій ближайшія причины раздора, произшедшаго между митрополитомъ и правительствомъ, есть соборное постановленіе, состоявшееся 23 сентября 1881 года. Вотъ его содержаніе:

«Соборъ архіерейскій, заботясь по своей обязанности о сохраненіи православія въ чистотѣ, провѣря предварительно новый законъ о налогѣ на духовенство съ церковными канонами, изъявляетъ, что настоящій законъ, въ которомъ говорится о взиманіи пошлины за архіерейское благословеніе и священническіе чины, получаемые духовенствомъ по благодати Св. Духа, противенъ канонамъ святой православной церкви. На основаніи этого онъ требуетъ, чтобъ онъ былъ исправленъ согласно съ вышесказанными канонами, которые мы обязаны сохранять невредимо. Соборъ считаетъ также несоотвѣтственнымъ, что настоящій законъ изданъ безъ предварительнаго соглашенія съ архіерейскимъ соборомъ».

Слѣдуютъ подписи: «*Архіепископъ бѣлградскій, митрополитъ сербскій Михаилъ; епископы: нишскій Викторъ, неготинскій Моисей, ужицкій Викентій* и *шабацкій Іеронимъ*».

Это постановленіе архіерейскаго собора митрополитъ препроводилъ министру Новаковичу со слѣдующимъ письмомъ: «*Правительство увидитъ, что всѣ отечественные архіереи не могутъ принять и въ своихъ богохранимыхъ епархіяхъ руководствоваться закономъ о таксахъ въ настоящей его редакціи*».

Министръ духовныхъ дѣлъ, найдя въ этихъ словахъ митрополита преступленіе противъ государственныхъ законовъ, ухватился за нихъ какъ утопающій за соломенку. Онъ пришелъ 15 октября вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Поповичемъ въ домъ митрополита и тамъ въ присутствіи послѣдняго принудилъ всѣхъ епископовъ отказаться на бумагѣ отъ соборнаго постановленія и собственноручной подписи. Въ своемъ письменномъ отказѣ допрошенные епископы отвѣтили, что *они совсѣмъ и не думали рѣшать въ соборѣ, что они не могутъ принять законъ и не могутъ покориться ему, а напротивъ—они рѣшили подчиниться ему до тѣхъ поръ, пока онъ обыкновеннымъ порядкомъ не будетъ измѣненъ.*

И здѣсь человѣческая совѣсть епископовъ сербскихъ: Моисея, Викентія, Виктора и Іеронима—не могла не покривить душою передъ Богомъ. Они отказались отъ своего рѣшенія и собственноручной подписи.

Тотчасъ же по письменномъ отказѣ епископовъ отъ соборнаго рѣшенія митрополитъ 16 октября послалъ письмо къ министру-президенту Пирочанацу, въ которомъ онъ писалъ: «Вчера, 15 октября, послѣ полудня г. министръ Новаковичъ приходилъ съ своимъ секретаремъ въ митрополію и по комнатамъ выслушивалъ по-одиночкѣ членовъ архіерейскаго собора, не обращая вниманія на то, что предсѣдатель собора находился у себя дома.

«Извольте разсудить, *во-первыхъ*, по закону ли это сдѣлано, который говоритъ о сохраненіи порядка въ іерархіи, и, *во-вторыхъ*, кто смѣетъ объ-

яснить слова нашего письма раньше, чѣмъ самъ авторъ его не объяснитъ значеніе выраженныхъ въ немъ словъ?

«Прошу васъ безпристрастно оцѣнить настоящія слова и сказать, есть ли тутъ оправдательная причина того шага, который сдѣланъ былъ вчера такимъ способомъ, который противозаконенъ и унизителенъ.

«Пользуясь случаемъ, прошу васъ дозволить мнѣ напомнить вамъ объ одной еще неправильности.

«Въ Сербіи никто не осуждается до тѣхъ поръ, пока не будетъ выслушанъ, а г. министръ Новаковичъ осудилъ митрополита этой земли не выслушаннаго и въ настоящее время хватается за слова, выбираемыя имъ изъ писемъ, отдѣльно отъ содержанія, чтобы только снова обвинить, на стыдъ церкви и государства, не выслушаннаго митрополита.

«Видя, что правительство склонно сдѣлать такія измѣненія въ законѣ о таксѣ, какія требуетъ соборъ и какія обѣщалъ министръ Новаковичъ члену собора, епископу неготинскому, мы высказали въ письмѣ, что настоящій законъ не можетъ быть введенъ, ибо онъ противенъ церковнымъ канонамъ, вслѣдствіе чего и не можетъ быть принятъ для руководства.

«Не понимаемъ, зачѣмъ предпринимаются такія дѣйствія, которыя не исправляютъ, но еще больше запутываютъ дѣло, а желаніе и намѣреніе наше—исправить его.

«Надѣясь на вашу безпристрастность, прошу васъ найти достойный и для церкви, и для государства способъ, а послѣдній, по нашему мышленію, тотъ, который означенъ въ соборномъ рѣшеніи.

«Съ уваженіемъ остаюсь вашъ молитвенникъ, архипастырь бѣлградскій и митрополитъ сербскій, *«Михаилъ»*.

Узнавъ объ этомъ письмѣ, Новаковичъ тотчасъ же составилъ докладъ о митрополитѣ князю, на основаніи котораго и послѣдовалъ обыскъ и затѣмъ княжескій указъ объ увольненіи митрополита Михаила отъ управленія сербскою церковью.

Теперь заглянемъ въ засѣданіе, еще незакрытаго, сербскаго архіерейскаго собора. Посмотримъ, что тамъ дѣлаетъ новый администраторъ и другіе пастыри сербской церкви.

Въ первомъ засѣданіи 20 октября были прочитаны указы объ увольненіи митрополита и о назначеніи на его мѣсто Моисея. Эти указы были лично переданы еще 18 числа Новаковичемъ митрополиту и Моисею. Во второмъ засѣданіи, 21 числа, Моисей прочиталъ собору циркуляръ Новаковича отъ 20 числа, которымъ Моисей приглашается на основаніи указа принять управленіе дѣлами сербской митрополіи и предпринять *всѣ необходимыя мѣры для исполненія указа*.

Усмотрѣвъ, что въ циркулярѣ ни слова не говорится о причинахъ, побудившихъ правительство уволить митрополита Михаила, соборъ единогласно рѣшилъ написать Новаковичу письмо. Въ письмѣ этомъ, между

прочимъ, сказано, что «соборъ архіерейскій съ сожалѣніемъ видитъ, что положеніе архіереевъ становится изолированнымъ и безправнымъ и что отечественные архіереи, находясь въ такомъ унизительномъ положеніи, не могутъ съ достоинствомъ исполнять свои тяжелыя обязанности какъ въ отношеніи церкви, такъ и въ отношеніи государства. Вслѣдствіе этого всѣ отечественные архіереи единогласно рѣшили, что имъ невозможно долѣе оставаться во главѣ управленія ввѣренныхъ имъ епархій». Это письмо было подписано всѣми епископами, не исключая и Моисея. Этимъ было закончено второе засѣданіе собора.

22 октября Новаковичъ отвѣтилъ архіереямъ на письмо, что правительство для суда надъ митрополитомъ Михаиломъ не обратилось къ нимъ потому, что поступокъ митрополита не подлежитъ разбирательству собора. Что же касается безправности архіереевъ, то Новаковичъ поспѣшилъ отвѣтить, что правительство само сожалѣетъ о таковомъ, опредѣленномъ закономъ, положеніи архіереевъ, а потому оно готово на первой же законодательной сессіи исправить этотъ законъ въ пользу послѣднихъ.

Архіереи удивились такому отвѣту и на другой день, 23 числа, отправили второе письмо Новаковичу, въ которомъ заявили, что соборъ, по внимательномъ разсмотрѣніи этого предмета, съ глубокимъ сожалѣніемъ нашелъ, что если правительство дѣйствительно находитъ права и положеніе архіереевъ неудовлетворительными, то все-таки соборъ и его члены не могутъ съ своей стороны отказаться отъ правъ, данныхъ имъ церковью. На основаніи этого архіереи отказываются отъ всякаго дальнѣйшаго дѣйствія какъ въ соборѣ, такъ и въ своихъ епархіяхъ.

Это письмо было отправлено въ $10^1/_2$ часовъ утра, а въ $11^1/_2$ того же дня Горошанинъ, министръ полиціи, былъ уже въ митрополіи, откуда онъ вмѣстѣ со всѣми епископами въ $12^1/_4$ часовъ поѣхалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Что тамъ происходило, мы подробно не знаемъ, но намъ извѣстно, что правительство возвратило архіереямъ ихъ соборное письмо, въ которомъ, какъ сказано выше, всѣ они отказывались отъ своихъ каѳедръ.

Вслѣдъ за этимъ Моисей уже оффиціально взялъ въ свои руки правленіе сербскою церковью и издалъ циркулярное предписаніе, чтобы вмѣсто митрополита Михаила поминать въ церквахъ епископа Моисея, какъ признаннаго соборомъ 24 октября преемника митрополичьей каѳедры.

Сербія отдала все и даже честь свою Австріи. Затѣмъ не пройдетъ много времени, какъ мы услышимъ объ австро-сербской военной конвенціи, которая и увѣнчаетъ объединеніе всѣхъ сербовъ, не исключая и черногорцевъ, подъ главенствомъ воинствующей противъ славянства и православія католической Австріи...

Каждому, хорошо изучившему внутреннее состояніе Сербскаго княжества, не можетъ не броситься въ глаза, что эта часть сербскаго племени,

завоевавъ себѣ свободу цѣною русской крови, не воспользовалась нисколько своею свободою. Въ продолженіе почти ³/₄ вѣка сербы княжества, пользуясь своей благодатною почвой, только разлѣнились и потеряли всякую энергію. Интеллигенція ихъ, соприкоснувшись съ западною цивилизаціей, сдѣлалась чуждой практической жизни и отдѣлилась отъ народа. Ни народъ не вѣритъ въ свою интеллигенцію, ни интеллигенція не вѣритъ въ свой народъ. Бѣлградъ и многіе другіе города Сербіи сдѣлались исключительно городами чиновниковъ, борющихся между собою изъ-за мѣстъ. Администрація ихъ запуталась въ формализмѣ и безсильна во всякомъ практическомъ дѣлѣ.

При такомъ состояніи Сербскаго княжества оно неминуемо сдѣлается легкою добычей Австро-Венгріи.

Бѣдный сербскій народъ! развѣ ты для того только велъ вѣковую борьбу съ твоимъ заклятымъ врагомъ, чтобы сбросить тяжелое ярмо Турціи и надѣть на себя желѣзныя цѣпи Австріи, орелъ которой все глубже и глубже вонзаетъ свои острые когти въ твое живое тѣло?!...

«Мертвымъ съ могилы возврата нѣтъ», говоритъ наша пословица. Но можетъ-быть Сербія находится въ летаргіи?... Если такъ, то дай Богъ, чтобъ она скорѣе проснулась отъ этого страшнаго сна!...

С. Чурсинъ.

Изъ Англіи.

Смута въ Ирландіи и внѣшняя политика Гладстона.

Положеніе Англіи въ дѣлахъ внѣшней политики и внутреннія ея затрудненія, тормозящія присущее ей стремленіе къ первенствующему значенію въ дѣлахъ вселенной, могутъ служить назидательнымъ примѣромъ для прочихъ государствъ. Въ настоящую минуту особенно интересно прослѣдить, какими путями виги, ставшіе съ Гладстономъ во главѣ правительства, идутъ къ разрѣшенію тѣхъ задачъ, къ которымъ они сами относились столь неодобрительно, въ то время, когда правительственная власть находилась въ рукахъ тори подъ предводительствомъ лорда Биконсфильда и лорда Дерби. Самый щекотливый вопросъ, затрудняющій безъ исключенія каждаго государственнаго дѣятеля въ Англіи, это—вопросъ ирландскій. Постоянно отстраняемый, онъ тѣмъ не менѣе періодически всплываетъ подъ новою формой. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ борьба велась на почвѣ религіи, потомъ стала борьбой политической, а теперь обратилась въ соціальную, но суть вопроса не измѣнилась. Ирландцы желаютъ быть сами у себя хозяевами, издавать собственные законы, управлять страной по своему благоусмотрѣнію, а этого они не могутъ достигнуть иначе, какъ свергнувъ иго Англіи, тяготѣющей надъ ними своимъ духовенствомъ, своимъ парламентомъ, своими магнатами или ландлордами.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Ирландія, разсчитывая на поддержку Франціи, воевавшей съ Англіей, возстала за свою независимость, но неудачная экспедиція генерала Гошъ повела только къ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ ирландской автономіи и къ замѣнѣ ирландскаго парламента парламентомъ Соединеннаго Королевства.

Когда, послѣ великихъ французскихъ войнъ, сама Англія подняла знамя свободы по ту сторону Атлантическаго океана, содѣйствовавъ независимости старыхъ испанскихъ колоній, Ирландіи показалось, что и для нея наступила удобная минута заручиться нѣкоторыми правами. Проученная горькимъ опытомъ и узнавъ на дѣлѣ силу противника, она потребовала не всего разомъ, а ограничилась на первыхъ порахъ однимъ вопросомъ о религіозной свободѣ; она достигла своей цѣли, благодаря поддержкѣ въ англійскомъ парламентѣ

нѣкоторыхъ англичанъ, самихъ заинтересованныхъ въ томъ же вопросѣ. Но этимъ Ирландія не удовлетворилась,—возникло новое движеніе, имѣвшее цѣлью возстановленіе парламента въ Дублинѣ, хотя подвластнаго Соединенному Королевству. Это движеніе не достигло желанной цѣли. Несмотря на принудительныя мѣры и всякія стѣсненія, смута однако долго не прекращалась. Законы, писанные для Ирландіи внѣ Ирландіи и утверждаемые въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ сами ирландцы находятся въ меньшинствѣ, довели страну до крайней бѣдности и способствовали развитію эмиграціи въ громадныхъ размѣрахъ, такъ что въ теперешнее время ирланды, населяющіе Америку, Канаду и Австралію, численностью своею превосходятъ число жителей въ самой Ирландіи. Эмигранты эти всѣ остались вѣрными преданіямъ роднаго края и нѣкоторые изъ нихъ, располагая большими денежными средствами, щедро помогаютъ соотечественникамъ въ борьбѣ съ Англіей.

Такимъ путемъ возникла земельная лига (land-league), имѣющая цѣлью освобожденіе ирландскихъ хлѣбопашцевъ отъ произвола англійскихъ землевладѣльцевъ, которые, какъ извѣстно, владѣютъ большею частью земель въ Ирландіи.

Аграрная лига образовалась подъ предводительствомъ Карла-Стюарта Парнелля, ландлорда и члена парламента. Она олицетворяетъ въ себѣ теперешнее аграрное движеніе и преслѣдуетъ свои цѣли съ тою же настойчивостью, съ которою нѣкогда выступали на борьбу съ Англіей О'Бріенъ, руководитель политическаго движенія, О'Коннель—религіознаго и Вольфъ Тонъ—давнишней борьбы за независимость.

Первоначальная программа аграрной лиги была изъ самыхъ умѣренныхъ и заключалась въ трехъ пунктахъ: «fair rents, fexity of tenure и free sale, т. е. 1) умѣренная арендная плата за землю, 2) право удержанія аренды и 3) право перепродажи аренды. Она извѣстна подъ названіемъ программы трехъ F (Ф) по первой буквѣ трехъ пунктовъ; къ ней сочувственно отнеслись всѣ ирландцы безъ различія сословій и религіи, и естественно, что общее единодушіе повліяло на правительство. Когда власть находилась еще въ рукахъ тори, а виги стояли въ оппозиціи, они неоднократно ратовали за справедливость нѣкоторыхъ требованій Ирландіи, и Гладстонъ, сдѣлавшись главой кабинета, внесъ въ парламентъ законопроектъ о пересмотрѣ аграрныхъ условій въ Ирландіи. Этотъ аграрный билль, передѣланный и пересмотрѣнный парламентомъ, получилъ законную силу въ прошлую сессію.

Но, какъ всякая полумѣра, новый законъ, раздражившій ландлордовъ, не удовлетворилъ ирландцевъ, въ чемъ даже сознается самъ лодъ Дерби, заявившій, что билль далеко не такъ страшенъ для англійскихъ землевладѣльцевъ, какъ они воображали, и потому никакъ не можетъ понравиться ирландцамъ. Онъ высказываетъ свое мнѣніе въ любопытной статьѣ, помѣщенной въ октябрской книжкѣ журнала «The nineteenth century»

(XIX-й вѣкъ). Въ ней лордъ Дерби сперва задаетъ вопросъ, подорветъ ли аграрный билль политическое и соціальное вліяніе землевладѣльцевъ, ихъ авторитетъ въ глазахъ фермеровъ, пріятность ихъ жизни въ помѣстьяхъ и цифру ихъ доходовъ. Онъ доказываетъ, что вліяніе землевладѣльца, какъ было, такъ и останется ничтожнымъ; англійскіе землевладѣльцы часто усвоиваютъ ирландскіе взгляды; ирландецъ подаетъ исключительно голосъ за землевладѣльцевъ, сроднившихся съ нимъ духомъ; общественное вліяніе не подлежитъ власти закона. Что касается авторитета въ глазахъ фермеровъ, то ландлордъ дѣйствительно теряетъ право выгнать фермера, исправно вносящаго аренду; шумъ же первоначально былъ поднятъ изъ-за удаленія неисправныхъ плательщиковъ, а для нихъ аграрный билль не измѣнилъ прежняго закона. Пріятность жизни въ помѣстьяхъ ничуть не стѣснена новыми постановленіями. Остается вопросъ о цифрѣ доходовъ. Для нормальнаго опредѣленія арендныхъ платежей и удовлетворенія фермеровъ, находящихъ, что они обременены черезчуръ высокою платой за землю, вновь учрежденъ Land-court, земельный судъ, самостоятельный въ своихъ распоряженіяхъ. Большая часть арендныхъ суммъ довольно низка и не была повышаема въ теченіе долгихъ лѣтъ; немыслимо, чтобы судъ уменьшилъ плату, которая исправно вносилась изъ года въ годъ. Главныя жалобы и неудовольствія были отъ мелкихъ фермеровъ. Крупные англійскіе землевладѣльцы остаются въ сторонѣ и дѣло въ данномъ случаѣ болѣе относится къ мелкимъ ирландскимъ землевладѣльцамъ, угнетавшимъ фермеровъ, потому что сами находились подъ давленіемъ мѣстныхъ ростовщиковъ. Въ общемъ итогѣ лордъ Дерби находитъ, что крупный землевладѣлецъ ничего не теряетъ по новому закону, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выигрываетъ; страдательнымъ лицомъ является мелкій землевладѣлецъ, угнетающій другихъ, потому что его самого угнетаютъ. Лордъ Дерби замѣчаетъ, что фермеръ, поставленный въ независимое положеніе отъ владѣльца, не имѣющаго права прогнать его, теряетъ возможность по-прежнему кредитоваться у владѣльца, занимая у него деньги на постройки и другія хозяйственныя затраты.—Обсуждая вопросъ мелкаго землевладѣнія въ Ирландіи, лордъ Дерби проводитъ параллель между крестьяниномъ-собственникомъ французомъ и ирландцемъ. Французъ бережливъ и хлопочетъ о томъ, чтобы дѣтямъ жилось не хуже, чѣмъ ему самому; ирландецъ же расточителенъ и крайне беззаботенъ. По мнѣнію лорда Дерби, экономическое положеніе ирландцевъ не улучшилось бы и въ томъ случаѣ, еслибы вся земля поступила въ ихъ распоряженіе; онъ находитъ, что эмиграція для нихъ лучшій исходъ, что въ самомъ краѣ ихъ ожидаетъ одно раззореніе, тѣмъ болѣе, что промышленность въ Ирландіи не развита и потому нѣтъ прочныхъ гарантій для будущаго благосостоянія Ирландіи.

Послѣ этого заключенія лордъ Дерби переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса, можно ли ожидать усмиренія края отъ утвержденія аграрнаго билля.

Смуты въ Ирландіи, вызванныя дѣйствіями земельной лиги и Парнелля, вынудили Гладстона къ этой мѣрѣ: «Иначе какъ намъ справиться съ Ирландіей?»—вопрошалъ онъ.

Но если Ирландія добилась уступки, вызванной только страхомъ и необходимостью, гдѣ же тутъ можетъ быть надежда на успокоеніе? Всѣ данныя на то, что успѣхъ придастъ ей смѣлость, тѣмъ болѣе, что земельный судъ, дѣйствуя справедливо, по всей вѣроятности, только въ немногихъ случаяхъ уменьшитъ цифру арендныхъ платежей и большинство фермеровъ останется недовольнымъ и обманутымъ въ своихъ надеждахъ. Мелкіе фермеры въ Ирландіи находятся въ крайне стѣсненномъ положеніи: одинъ неурожай ихъ раззоряетъ, второй неурожай обрекаетъ на голодную смерть,—такъ что въ западной части Ирландіи большая часть фермеровъ подлежатъ и въ силу новаго закона лишенію фермъ въ пользу если не ландлорда, то заимодавца.

Лордъ Дерби полагаетъ, что ирландскіе политическіе дѣятели не удовлетворятся и въ томъ случаѣ, когда земельный судъ уменьшитъ арендные платежи на всѣ пятнадцать лѣтъ, по предоставленному ему на то праву,—они въ сущности стремятся къ автономіи Ирландіи и учрежденію собственнаго парламента. Онъ вполнѣ убѣжденъ, что если обратиться къ общей подачѣ голосовъ, то четыре пятыхъ всего населенія выскажутся за home-rule (самоуправленіе) и что весь ландлордизмъ въ глазахъ ирландцевъ есть не что иное какъ англійскій гарнизонъ. Несмотря на то, что цѣль примиренія не достигнута введеніемъ аграрнаго билля, лордъ Дерби видитъ въ новомъ законѣ нѣкоторыя полезныя стороны: удовлетвореніе англійскихъ фермеровъ графства Ульстеръ, обезпеченіе передъ закономъ ирландскихъ фермеровъ, которые для огражденія личныхъ интересовъ могутъ отказаться отъ политическихъ цѣлей, а болѣе всего внутреннее удовлетвореніе Англіи и Шотландіи тѣмъ, что всѣ уступки сдѣланы для справедливаго успокоенія умовъ,—слѣдовательно можно теперь съ спокойною совѣстью приступить къ необходимымъ мѣрамъ для введенія земельнаго билля законнымъ путемъ. «Не будемъ лелѣять себя надеждой,—говоритъ лордъ Дерби,—видѣть передъ собой народъ примиренный, довольный и преданный. Это—самообольщеніе. Здѣсь начало, а не конецъ борьбы. Мы уже видали въ другихъ государствахъ, съ какою настойчивостью и силой ведется борьба, основанная на принципѣ національности; теперь намъ приходится самимъ познакомиться съ подобнымъ движеніемъ».

Лордъ Дерби, извѣстный до смерти отца подъ именемъ лорда Станлей, четырнадцатый графъ въ семействѣ, является передъ нами естественнымъ представителемъ англійской аристократіи. Онъ былъ министромъ во время правленія тори, но склоненъ къ либерализму, и Гладстонъ имѣлъ въ виду замѣнить имъ лорда Гренвилля, а потому его мнѣніе объ ирландскомъ вопросѣ имѣетъ существенное значеніе. Хотя въ его сужденіяхъ объ Ирландіи не проявляется ни малѣйшаго состраданія къ ея несчастіямъ и онъ от-

носится къ нимъ съ тѣмъ же холоднымъ равнодушіемъ, съ которымъ Сципіонъ древняго Рима пѣкогда глядѣлъ на судьбы побѣжденныхъ имъ народовъ, однако нельзя не признать вѣрности нѣкоторыхъ его взглядовъ. Онъ не вдается въ иллюзіи виговъ, что ирланды успокоятся, и видитъ въ микроскопическихъ уступкахъ, сдѣланныхъ имъ, лишь новый поводъ къ недовольству высшихъ классовъ и дальнѣйшимъ требованіямъ низшихъ. «Читая ирландскія газеты,—говоритъ онъ,—не трудно убѣдиться, что цѣли дѣятелей лиги—не экономическія и не филантропическія. Они преслѣдуютъ идею національности: Ирландія—ирландцамъ! Землевладѣльцы выставляются угнетателями, а ландлорды—разбойниками. Въ сущности же ихъ вина въ глазахъ народа та, что они представляютъ собою англійскій гарнизонъ и поддерживаютъ систему, въ силу которой ирландскія дѣла рѣшаются въ Вестминстерѣ, а не въ Дублинѣ. Намъ нечего повторять знаменательныхъ словъ, сказанныхъ Парнеллемъ прошлою зимой,—его нельзя упрекнуть въ пустословіи. Мы всѣ понимаемъ, что Парнелль и его приверженцы желаютъ удаленія ландлордовъ, но мнѣ кажется, что въ Англіи мы не достаточно сознаемъ то, что это—средство, а не цѣль».

Новый земельный законъ заключается въ томъ, что ирландскій фермеръ не можетъ быть самовольно удаленъ съ арендуемой имъ земли, имѣетъ право передать ее кому пожелаетъ и обязанъ платить справедливую аренду, устанавливаемую земельнымъ судомъ, служащимъ посредникомъ между владѣльцемъ и арендаторомъ. Владѣлецъ не имѣетъ права повысить платы, регулированной судомъ. Многіе изъ англичанъ въ парламентѣ и внѣ парламента находятъ, что этотъ законъ есть нарушеніе права собственности и что фермеру предоставлены какъ бы общія съ владѣльцемъ права на арендуемую землю. Многіе же изъ ирландцевъ несочувственно относятся къ аграрному биллю, боясь этимъ признать право собственности англійскихъ ландлордовъ на ирландскую землю. Права собственности въ Ирландіи не подлежатъ общимъ законамъ, которыми ограждаются имущественные интересы въ другихъ странахъ. Г. Годкинъ въ своемъ сочиненіи: «Land-war in Ireland» (аграрная война въ Ирландіи) рисуетъ англичанамъ картину ихъ собственнаго положенія въ такомъ случаѣ, еслибы король нормандскій, живущій въ Парижѣ, управлялъ Англіей и посылалъ вице-короля въ Лондонъ.

«Представьте себѣ,—говоритъ онъ,—англійскій парламентъ, подвластный французскому, гдѣ бы всѣ дѣла рѣшались въ пользу нормандскихъ интересовъ, оффиціальныя должности раздавались нормандцамъ и церковная собственность переходила къ нимъ же, въ ущербъ туземцамъ. Представьте англійскій парламентъ, закупленный и запуганный, провозглашающій соединенное королевство Франціи и Англіи. Представьте англійскія земли конфискованными, владѣльцевъ вытѣсненными, помѣстья ихъ розданными чужеземнымъ солдатамъ, съ правомъ угнетенія и уничтоженія туземнаго населенія. Представьте жестокій сводъ законовъ, дающій право французъ-

скому ландлорду самовольно сгонять англійскаго фермера. Пусть англійскіе законодатели и писатели представятъ себѣ такіе порядки, они лучше поймутъ «ирландскія затрудненія» и всю несправедливость безсовѣстныхъ государственныхъ дѣятелей, объясняющихъ несчастія Ирландіи необузданнымъ характеромъ и варварствомъ ея жителей».

Дѣйствительно, вся исторія Ирландіи изображаетъ длинный рядъ насилій, злоупотребленій и необузданнаго самовластія англичанъ. Гили (Healy), членъ парламента, описываетъ въ только-что вышедшемъ сочиненіи (1881) ужасающія подробности насилій надъ ирландцами во время королевы Елизаветы и ея преемникомъ. Мы можемъ прослѣдить ту же систему жестокостей и произвола въ мемуарахъ объ Ирландіи О'Коннелля и въ другихъ историческихъ памятникахъ.

Изъ внимательнаго ознакомленія со всѣмъ ходомъ историческихъ событій выносится убѣжденіе, что двигатели вражды между Англіей и Ирландіей—не религіозный фонатизмъ, не политическія цѣли, а послѣдовательное стремленіе одного народа обогатиться на счетъ другаго. Вотъ основной принципъ землевладѣнія въ Ирландіи. Понятно, что побѣжденный народъ, размножившійся вопреки голода и бѣдности, всѣми мѣрами хлопочетъ о возвращеніи давно утраченной собственности и съ необыкновенною настойчивостью стремится вытѣснить узурпаторовъ. Въ данномъ случаѣ возможность соглашенія между владѣльцами и фермерами весьма сомнительна, такъ какъ и та и другая сторона одинаково отвергаютъ законность требованій противника. Любопытная черта ирландскаго вопроса, этой вѣковой тяжбы, поступившей нынѣ на судъ всего міра, это—невозмутимость совѣсти англійскихъ ландлордовъ, владѣющихъ ирландскою землей. Они такъ увѣрены въ своихъ правахъ на землю, что безъ зазора сгоняютъ цѣлыя селенія и превращаютъ землю въ пастбища для скота.

Лордъ Дуфферинъ (недавно бывшій посланникомъ въ Россіи), въ письмѣ адресованномъ въ *Таймсъ* въ 1877 году, говоритъ: «Не природа, а люди виноваты въ плачевномъ положеніи Ирландіи. Въ чемъ причина ея крайняго раззоренія, какъ не въ слабыхъ сторонахъ ея администраціи? Этотъ прекрасный островъ представляетъ всѣ условія матеріальнаго благосостоянія: плодородную почву, орошенную прекрасными рѣками, превосходный климатъ, самые удобные морскіе порты для торговли и населеніе физически здоровое, одаренное пылкимъ умомъ и сердцемъ».

Многіе писатели и политическіе дѣятели Англіи: Милль, Брайтъ, лордъ Грей, лордъ Джонъ Россель—въ свое время ратовали противъ раззоренія Ирландіи; не даромъ Гладстонъ сказалъ въ прошломъ 1880 году: «Отказъ фермеру въ арендуемой имъ землѣ равносиленъ для него смертному приговору». И онъ правъ. Хлѣбопашество—единственное средство къ существованію, оставленное ирландцамъ, ибо промыслы въ Ирландіи искони вѣковъ находились въ рукахъ англичанъ. Въ 1880 году въ Дублинѣ было 91 большихъ фабрикъ шерстяныхъ матерій, теперь осталась одна (Butt.

The Irish people and the Irish land). Куда же дѣваться массѣ людей, у которыхъ отнята всякая возможность прокормиться?

Въ газетѣ «Dayly Telegraph» отъ 14 ноября 1880 года выставлено нѣсколько цифръ, показывающихъ несообразность арендныхъ платежей со стоимостью земли на западѣ Ирландіи. «Фермеръ Джонъ Гради,—говоритъ газета,—платитъ за землю, оцѣненную въ 3 фунта стерлинг. 12 шиллинговъ, 9 фун. стерлинг. аренды; Томасъ Боллъ платитъ за землю, оцѣненную въ 1 фун. 12 шил., 6 ф. ст. аренды за исключеніемъ податей. Немыслимо, чтобы люди могли просуществовать при такихъ арендныхъ условіяхъ, нанимая землю, разработанную ими самими или ихъ предшественниками и на улучшеніе которой самъ владѣлецъ не истратилъ ни гроша. Въ сущности ирландскіе земледѣльцы вносятъ аренду за свои фермы деньгами, заработанными ими во время жнитва въ Англіи. Жизнь ихъ—вѣчное рабство на пользу землевладѣльца, тѣмъ болѣе, что въ краѣ нѣтъ промышленности кромѣ земледѣлія».

Въ той же газетѣ въ январѣ 1880 года была напечатана корреспонденція, описывающая нищету въ Ирландіи: «Я подошелъ,—пишетъ корреспондентъ,—къ раззоренной хижинѣ, изъ которой дымъ выходилъ черезъ дверь. Я никогда не могъ подумать, что это—обитаемое жилище. Меня просили войти чрезъ отверстіе, не имѣющее болѣе четырехъ футовъ вышины; въ первую минуту я почти задохся отъ смрада. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ, подъ раззоренной крышей, подпертою деревянными столбами, по которымъ стекала сырость на грязный земляной полъ, безъ оконъ, безъ всякой домашней утвари, при освѣщеніи хворостяныхъ вязанокъ, брошенныхъ въ печку,—обрѣталось десять человѣкъ: мужъ, жена, шестеро дѣтей и двое стариковъ, родителей жены; нѣкоторыя изъ дѣтей были совершенно голы. Несчастное семейство, сидя на корточкахъ, питалось скудною кашицей изъ кукурузы. «Вотъ и вся пища бѣдныхъ дѣтей на сегоднешній день!»—сказалъ отецъ.

Одинъ французскій писатель, Гюставъ де-Бомонъ, издавшій сочиненіе объ Ирландіи въ 1837 году, писалъ, что «онъ видалъ индѣйцевъ въ лѣсахъ, негровъ въ оковахъ, но что на свѣтѣ ничего нѣтъ ужаснѣе типа ирландской нищеты».

Въ министерство Роберта Пиля въ 1843 году, благодаря настоятельному требованію Шермана Крофорда, было приступлено къ изслѣдованію аграрнаго вопроса въ Ирландіи; комиссія, составленная исключительно изъ ландлордовъ, засѣдала два года: допрошены были землевладѣльцы, управляющіе, сборщики, фермеры; докладъ комиссіи послужилъ первымъ основаніемъ для преній палаты общинъ объ аграрной реформѣ въ Ирландіи. Лордъ Станлей (теперешній лордъ Дерби), выслушавъ докладъ комиссіи, тогда же сказалъ, что для улучшеніи быта въ Ирландіи нужна не эмиграція, а коренное переустройство арендной системы. Онъ предложилъ законо-проектъ, который бы обезпечивалъ фермеровъ,

затратившихъ капиталъ на улучшеніе своихъ фермъ, но ирландскіе ландлорды возстали противъ его предложенія и палата лордовъ отвергла его. Тутъ начался цѣлый рядъ неудачныхъ опытовъ для регулированія отношеній между ландлордами и фермерами, каждый годъ возникали въ парламентѣ новые законо-проекты и каждый годъ они упорно отклонялись палатой лордовъ. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1847 года Крофордъ тщетно ратовалъ въ парламентѣ о необходимости обезпеченія правъ ирландскихъ фермеровъ, поощренія земледѣлія и доставленія заработка земледѣльцамъ. Въ 1852 году, когда образовалась первая лига, онъ же изложилъ парламенту ея программу и настаивалъ на соглашеніи съ фермерами. Съ 1870 по 1880 годъ было внесено въ парламентъ двадцать восемь законо-проектовъ, клонившихся къ разрѣшенію ирландскаго вопроса, но всѣ стремленія благонамѣренныхъ политическихъ дѣятелей оказались безплодными, благодаря неуклонной оппозиціи лордовъ; за то репрессивныя мѣры, вводившія осадное положеніе въ краѣ, одобрялись парламентомъ и съ 1830 года мы насчитываемъ 48 законовъ, утвержденныхъ парламентомъ въ насильственномъ духѣ. По выраженію Гиля (Healey), справедливому аграрному закону такъ же трудно пройти въ парламентѣ, составленномъ изъ ландлордовъ, какъ верблюду пройти чрезъ игольныя уши. Не мудрено представить себѣ отчаяніе ирландцевъ, которымъ приходится въ добавокъ переносить невзгоды періодическихъ неурожаевъ. И вотъ возникли тайныя общества, заговоры и пущены въ ходъ убійства. Наконецъ, въ послѣднихъ годахъ, въ виду крайняго раззоренія послѣ ужасныхъ неурожаевъ, составилось общество, имѣющее спеціальною цѣлью реформу аграрной системы. Первый митингъ, подъ предсѣдательствомъ Михаила Давиттъ, собрался въ апрѣлѣ 1879 года и толковалъ исключительно объ уменьшеніи арендныхъ платежей. Не получивъ удовлетворенія въ парламентѣ, общество вторично собралось въ Дублинѣ въ октябрѣ того же года и, подъ предводительствомъ гг. Парнелль, Давиттъ, Диллонъ, Віетлъ, Бреннанъ, Секстонъ, Еянъ, образовалась правильная національная аграрная лига, задавшаяся цѣлью уничтоженія ландлордизма, т. е. освобожденія края отъ тиранніи ландлордовъ и полученія принадлежащихъ имъ земель конституціонными путями и за справедливое вознагражденіе.

Если вспомнить, что въ 1833 году Англія истратила 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ для уничтоженія рабства въ Западной Индіи, какъ не понадѣяться, что она согласится принесть жертву для освобожденія ирландцевъ, готовыхъ въ потѣ лица и до изнеможенія силъ отработать тѣ суммы, которыя Англія употребила бы на ихъ освобожденіе? Гладстонъ самъ допускалъ возможность подобной развязки, когда говорилъ въ Вестъ-Калдерѣ 27 ноября 1879 года, что «есть люди, весьма уважаемые мною, которые думаютъ, что коренная реформа фермерской системы отстранитъ наши земледѣльческія невзгоды; говорю именно о тѣхъ, которые считаютъ нарѣзку земли на небольшіе участки лучшимъ исходомъ для

разрѣшенія вопроса. Если этотъ проектъ послужитъ къ дѣйствительному благосостоянію массы населенія, то я самъ лично не стану опровергать его, какъ противный правамъ собственности. Я признаю за правительствомъ полное право выкупать ирландскія земли и дѣлить ихъ на мелкіе участки. Мнѣ кажется, что въ сущности никто не имѣетъ права возставать противъ этого принципа. Крупные землевладѣльцы поставлены въ исключительное положеніе въ сравненіи съ владѣльцами движимыхъ имуществъ. Недвижимая собственность, въ силу самихъ обстоятельствъ, стѣсняетъ общую дѣятельность и промышленность болѣе, нежели движимое имущество. И потому я откровенно сознаюсь, что обязательное отчужденіе имущества правительствомъ есть мѣра исполнимая и честная по принципу».

Въ аграрномъ биллѣ, внесенномъ Гладстономъ въ парламентъ, онъ умолчалъ объ отчужденіи земельной собственности, чтобы дать биллю возможность пройти въ обѣихъ палатахъ. По всѣмъ вышеизложеннымъ даннымъ, слѣдовало разсчитывать на упорное сопротивленіе палаты лордовъ, тѣмъ болѣе, что, въ виду льготъ, предоставляемыхъ ирландскимъ фермерамъ, англійскіе фермеры могли бы и съ своей стороны заявить такія же требованія. Съ другой стороны, несмотря на рвеніе предводителей земельной лиги, засѣдающихъ въ парламентѣ и горячо ратовавшихъ за расширеніе аграрнаго билля, нѣкоторые изъ нихъ и даже самъ Парнелль на первыхъ порахъ клонились къ принятію билля, съ тѣмъ, чтобы на дѣлѣ увидать, какія будутъ отъ него послѣдствія, такъ что въ самой лигѣ образовались двѣ партіи—ирландскихъ непримиримыхъ и оппортюнистовъ. Парнелль однако, опасаясь за свою популярность и не желая лишиться предводительства своей партіи, вскорѣ вернулся въ лагерь непримиримыхъ и еще до начала парламентскихъ преній объ аграрномъ биллѣ обратился съ краснорѣчивымъ посланіемъ къ Виктору Гюго, въ которомъ, не касаясь матеріальной стороны вопроса, указалъ на нравственное право свободнаго существованія каждаго народа въ своемъ отечествѣ; послышался голосъ патріота, отстаивающаго независимость роднаго края. Тѣмъ не менѣе, между предводителями земельной лиги и прежними автономистами и сепаратистами не установилось настоящаго согласія; лигѣ было поставлено въ упрекъ, что она заботится о матеріальномъ благосостояніи одного класса, въ ущербъ общимъ національнымъ интересамъ, что и высказалъ одинъ изъ ирландскихъ политическихъ изгнанниковъ, О'Лири, который обратился прямо къ Парнеллю и выставилъ ему могущія возникнуть дилеммы: «или вы получите нѣкоторыя уступки, которыя, удовлетворивъ отдѣльныхъ лицъ, разъединятъ наши силы; или вы разочаруетесь, увидавъ, что уступки—фиктивныя; вы упадете духомъ, когда выйдетъ на дѣлѣ, что всѣ ваши старанія кончились ничѣмъ». Нѣкоторые же изъ предводителей лиги, между прочимъ Давиттъ, вышедшій изъ рабочаго класса, человѣкъ хотя мало образованный, но имѣющій большое вліяніе, отстаивали противуположное

мнѣніе и указывали на невозможность руководить массою людей въ силу однѣхъ только теорій, не доставляя имъ никакихъ существенныхъ выгодъ.

Чтобъ яснѣе понять, чего хотѣлъ самъ Гладстонъ и почему земельная лига отказалась принять билль, вотированный парламентомъ, необходимо нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ предыдущими событіями.

Аграрный билль 1881 года есть не что иное какъ дополненіе билля, уже разъ внесеннаго Гладстономъ въ парламентъ въ 1870 году. Исключительное положеніе фермеровъ на сѣверѣ Ирландіи, въ провинціи Ульстеръ (Ulster), послужило основаніемъ аграрной реформы, предположенной для всего края. Въ этой провинціи, еще со временъ Елизаветы и Кромвеля, туземное населеніе было вытѣснено и земли заселены англійскими и шотландскими эмигрантами, исповѣдавшими протестантскую религію. Фермеры той мѣстности искони вѣковъ поставили себя въ независимое отношеніе къ ландлордамъ. Стоя на томъ, что каменистая и болотистая почва страны была разработана ихъ предками безъ всякаго содѣйствія со стороны ландлордовъ, они создали себѣ свои исключительныя правила, получившія въ той мѣстности силу обычнаго права, въ силу котораго они считали своимъ неотъемлемымъ правомъ родовое пользованіе своими фермами, вслѣдствіе чего каждая попытка ландлордовъ относительно выселенія или повышенія аренды встрѣчала съ ихъ стороны отчаянное сопротивленіе. Въ статьѣ своей, помѣщенной въ «Nouvelle Revue» (Парижъ, сентябрь 1881), маркизъ Бландфордъ говоритъ: «Изгнаніе фермеровъ въ Ульстерѣ развило въ населеніи неимовѣрную жестокость нравовъ. По природѣ жители этой провинціи не склонны ни къ убійству, ни къ грабежу; но какъ только дѣло коснется ихъ выселенія изъ занимаемыхъ ими фермъ или повышенія арендной платы, имъ всякое преступленіе уже не по чемъ и они съ неумолимою жестокостью преслѣдуютъ не только владѣльцевъ и ихъ управляющихъ, но каждаго новаго арендатора. Эта оборонительная система противъ давленія ландлордовъ такъ вкоренилась въ обычаяхъ страны, что годовая цифра аграрныхъ убійствъ уже давно служитъ для правительства мѣриломъ спокойствія края, а въ самомъ народѣ существуетъ молчаливое соглашеніе прикрывать и защищать передъ закономъ всѣхъ покушающихся на жизнь и имущество ландлордовъ».

Аграрный законъ 1870 года узаконилъ установленный въ провинціи Ульстеръ обычай и распространилъ на всю Ирландію право мелкаго фермера требовать отъ ландлорда, въ случаѣ изгнанія, денежнаго вознагражденія за сдѣланныя имъ улучшенія земли, соразмѣрно долгосрочности аренды и стоимости затратъ; вопросъ же о повышеніи арендной платы не былъ затронутъ въ биллѣ, да къ тому же судебныя взысканія вознагражденій были такъ усложнены и сопряжены съ такими затратами, что немыслимо было бѣднымъ людямъ воспользоваться установленнымъ правомъ. Аграрный законъ 1881 года даетъ болѣе существенное обезпеченіе фермерамъ. Между прочимъ вотировано устройство ссудной коммиссіи для

вспомоществованія фермерамъ, вступившимъ въ соглашеніе съ владѣльцами для покупки занимаемыхъ ими фермъ. Ссуда выдается до 3.000 ф. ст. на одного покупателя, въ размѣрѣ трехъ четвертей стоимости покупки, и погашается въ теченіе 35 лѣтъ ежегоднымъ взносомъ 5% съ капитала. Коммиссіи также поручено оказывать вспомоществованіе эмигрантамъ, выселяющимся въ Канаду и другія англійскія колоніи.

Гладстону пришлось выдержать нападки ландлордовъ, находившихъ, что онъ посягнулъ на ихъ право собственности; но у самого Гладстона есть внутреннее убѣжденіе, раздѣляемое многими другими лицами, что право собственности въ Ирландіи не подлежатъ общимъ законамъ другихъ странъ. Покончивъ съ натянутымъ положеніемъ, онъ надѣялся спасти Англію отъ сильнѣйшихъ потрясеній, которыя могли бы отозваться на Англіи и на самихъ ландлордахъ гораздо тяжелѣе незначительныхъ убытковъ, причиненныхъ имъ аграрнымъ биллемъ, да къ тому же, вотъ уже два года, арендные платежи совсѣмъ не вносятся, вслѣдствіе пропаганды земельной лиги. При установленіи правильнаго фермерскаго права (tenant right) неисправный плательщикъ теряетъ всѣ свои преимущества. По словамъ маркиза Бландфордъ, Гладстонъ имѣлъ въ виду уже бывшій на его глазахъ примѣръ: продажу ирландскимъ земледѣльцамъ имѣній протестантской церкви, владѣвшей въ Ирландіи, десять лѣтъ тому назадъ, 105.000 акровъ земли, обработанныхъ 8.432 фермерами, платившими 95.430 фунт. стерл. ежегодной аренды. Эти земли распроданы въ числѣ 6.057 участковъ; на покупку выдавалось правительствомъ три четверти стоимости покупаемаго участка; ссуда погашается ежегоднымъ 4% взносомъ въ теченіе 32 лѣтъ. Изъ 6.057 лицъ, купившихъ участки, только 388 оказались неисправными плательщиками, да и то, вслѣдствіе послѣднихъ тяжелыхъ неурожайныхъ годовъ. Гладстонъ также надѣялся на прекращенія «baycottage», т. е. народнаго отлученія, которому подвергаются въ Ирландіи люди, отстаивающіе интересы ландлордовъ противъ земледѣльцевъ и фермеровъ. Названіе это произошло отъ имени нѣкоего капитана Бейкотъ, подпавшаго подъ подобный приговоръ. Эта современная форма отлученія воспрещаетъ всякія сношенія съ приговореннымъ; отъ него всѣ отворачиваются, какъ отъ зачумленнаго, никто не имѣетъ права продать ему хоть бы кусокъ хлѣба или фунтъ соли и всякій нарушившій подобный общественный приговоръ преслѣдуется съ неумолимою жестокостью. Мы читаемъ въ ирландскихъ газетахъ описаніе убійствъ и всякихъ насилій не только надъ «baycotted», отлученными, но и надъ каждымъ вступающимъ съ ними въ какія-либо сношенія. Осаднымъ положеніемъ въ Ирландіи Англія можетъ-быть прекратитъ эти насилія, но во всякомъ случаѣ, несмотря на всю силу англійскаго правительства, не легко дается ему борьба съ Ирландіей.

Многіе изъ англичанъ находятъ, что если правительство рѣшилось на законное утвержденіе фермерскихъ правъ, то проще было бы сразу ввести

систему выкупа земли правительствомъ у ландлорда и перепродажи ея фермерамъ. Аграрный билль однако ограничился тѣмъ, что оставилъ вопросъ открытымъ и предоставилъ покупку и продажу обоюдному соглашенію, облегчая только покупку земли фермерамъ. Вообще въ биллѣ много усложненій и неясныхъ пунктовъ, могущихъ подорвать довѣріе фермеровъ къ благодѣяніямъ новаго земельнаго закона.

Нѣкоторые изъ англійскихъ ландлордовъ дошли до того, что сами сознались въ консервативномъ духѣ билля Гладстона. Узаконивая права фермеровъ на пользованіе землей, онъ скрѣпляетъ имущественныя права ландлордовъ. Въ сущности билль есть окончательный ударъ, нанесенный прежней феодальной системѣ, но ничуть не образецъ тѣхъ аграрныхъ реформъ, къ которымъ стремятся ирландцы наравнѣ съ прочими европейскими народами.

Въ прочихъ государствахъ Европы принято смотрѣть на ирландскій вопросъ какъ на религіозную борьбу. Вопросъ былъ дѣйствительно религіознымъ въ тотъ моментъ, когда дѣло шло объ освобожденіи большинства націи отъ вліянія протестантскаго духовенства, тяготѣвшаго надъ католическою страной въ силу привилегій, дарованныхъ протестантизму, какъ государственной религіи. Ирландское духовенство всегда отличалось большимъ патріотизмомъ. Замѣчательно однако, что во всѣхъ большихъ ирландскихъ движеніяхъ протестанты всегда сливались съ католиками. Между главными вождями различныхъ политическихъ партій протестанты являются наравнѣ съ католиками, и самъ Парнелль протестантъ. «Ирландскій вопросъ,—писалъ онъ въ февралѣ 1881 года,—не есть борьба за вѣроисповѣданія. Это—борьба за существованіе пятимилліоннаго населенія, возставшаго во имя справедливости противъ привилегированнаго сословія, чуждаго ему по происхожденію и по направленію, противъ несправедливыхъ угнетателей, опирающихся на вооруженную силу чуждаго намъ государства. Какія видимъ мы послѣдствія владычества этого привилегированнаго сословія?

«Цѣлый рядъ поколѣній погибающихъ голодною смертію!...

«Нѣтъ словъ для описанія всѣхъ страданій, всѣхъ ужасовъ, которыхъ намъ на своемъ вѣку пришлось быть свидѣтелями. Ирландцы милліонами выгонялись изъ своихъ хижинъ, сотни тысячъ умирали отъ голода... и это въ странѣ богатой и плодородной.

«Половина населенія нуждается въ кускѣ насущнаго хлѣба, а 10.000 ландлордовъ, изъ которыхъ иные во всю жизнь даже не видали Ирландіи, утопаютъ въ роскоши и удовольствіяхъ въ силу варварскаго закона, эксплоатирующаго трудъ бѣдняка. Мы боремся противъ системы, породившей эти ужасы».

Когда вслѣдъ за утвержденіемъ земельнаго билля состоялся въ Дублинѣ конвентъ лиги и собралось 1.300 представителей изъ разныхъ мѣстностей и между ними нѣсколько членовъ парламента, Парнелль въ своей рѣчи возсталъ противъ новаго закона, указалъ на его недостатки, убѣ-

ждалъ фермеровъ не принимать его, и указалъ на необходимость требовать автóноміи Ирландіи, опираясь на новое доказательство, что законъ, писанный внѣ страны, не можетъ упрочить ея благоденствія. «Докажемъ своими дѣйствіями,—воскликнулъ онъ въ заключеніе,— что мы понимаемъ всю важность принятой на себя задачи. Забудемъ о своихъ личныхъ интересахъ и вспомнимъ о благѣ цѣлой страны. Постараемся общими силами возвратить Ирландіи принадлежащее ей мѣсто на земномъ шарѣ и упрочить счастіе и независимость будущихъ поколѣній хотя бы цѣною временныхъ страданій и личныхъ жертвъ».

Конвентъ лиги сдѣлалъ три постановленія: 1) осудилъ принудительный тонъ, которымъ Гладстонъ сопровождаетъ объявленіе земельнаго закона; 2) отказался принять законъ, какъ предвѣстникъ мира, до тѣхъ поръ, пока не будутъ выпущены изъ тюрьмъ заключенные въ силу охранительнаго закона, въ числѣ коихъ находится Михаилъ Давиттъ; 3) отвергъ какое-либо разрѣшеніе аграрнаго вопроса, не клонящееся къ искорененію ландлордизма. Въ заключеніе рѣшено стремиться всѣми силами къ автономіи Ирландіи.—Англійское правительство рѣшилось оказать энергическое сопротивленіе пропагандѣ земельной лиги. Послѣдовалъ арестъ Парпелля и его главныхъ союзниковъ.

Но вожди земельной лиги и изъ тюрьмы обратились къ ирландскому народу, призывая его къ возстанію противъ владычества Англіи и къ открытому сопротивленію новому закону. Лозунгомъ своимъ они провозгласили: «No rento!» (не платить арендъ). На воззваніи, помѣченномъ 18 октября 1881 года, имѣются слѣдующія подписи: Карлъ-Стюартъ Парнелль, президентъ. Тюрьма Кильмейнгамъ.—А. И. Кетль, почетный секретарь. Тюрьма Кильмейнгамъ.—Михаилъ Давиттъ, почетный секретарь. Тюрьма Портландъ.—Томасъ Брейнанъ, почетный секретарь. Тюрьма Кильмейнгамъ.—Джонъ Диллонъ и Томасъ Секстонъ, начальники распорядительнаго комитета. Тюрьма Кильмейнгамъ.—Патрицій Еганъ, кассиръ.— Паринсъ.

Такъ какъ арестъ вождей аграрной лиги служилъ отвѣтомъ англійскаго правительства на протестъ дублинскаго конвента, то въ данномъ случаѣ за воззваніемъ заключенныхъ вождей послѣдовало оффиціальное уничтоженіе самой лиги и провозглашеніе ея преступнымъ союзомъ. Эта крайняя мѣра Гладстону не по душѣ,—онъ предпочелъ бы образованіе лиги ландлордовъ для противодѣйствія лигѣ и борьбу съ нею на болѣе легальной почвѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ Лидсѣ онъ высказалъ сожалѣніе, что ирландскіе землевладѣльцы, прямо заинтересованные въ дѣлѣ, мало поддерживаютъ англійское правительство въ борьбѣ съ возстаніемъ, на что ирландскіе ландлорды возразили, что они пожертвовали 60.000 фунтовъ стерл. на вспомоществованіе землевладѣльцамъ, пострадавшимъ отъ насилій аграрной лиги, тогда какъ въ Англіи подписка ограничилась лишь 500 фунт. стерл. Гладстонъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и замѣтилъ, что Англія не можетъ быть отвѣтственна за убытки, при-

чиненные возстаніемъ, и что землевладѣльцамъ, получающимъ до 17 милліоновъ фунт. стерл. дохода изъ Ирландіи, слѣдовало бы самимъ позаботиться о борьбѣ съ лигой. Но ирландскіе магнаты, по своему обыкновенію, довольствуются лишь жалобами, приносимыми ими вице-королю, и требованіемъ осаднаго положенія края.

Циркуляръ, гласящій объ уничтоженіи аграрной лиги, привелъ ихъ въ восторгъ. Передаемъ циркуляръ въ подлинномъ переводѣ:

«Въ виду того, что сообщество, поименовавшее себя «ирландской національной земельной лигой», усвоило себѣ право вмѣшиваться въ законныя обязательства подданныхъ королевы, а преимущественно въ дѣло контролированія отношеній землевладѣльцевъ къ фермерамъ;

«въ виду того, что это сообщество опирается на системѣ насилія, открытаго сопротивленія законамъ правосудія и отклоненія подданныхъ ея величества отъ исполненія законныхъ контрактовъ и обязательствъ;

«въ виду того, что это сообщество нынѣ открыто провозгласило свое намѣреніе воспротивиться внесенію арендныхъ платежей и соблюденію закона въ королевствѣ Ирландіи,—

«мы этимъ циркуляромъ предупреждаемъ всѣхъ и каждаго, что сообщество, называемое «ирландской національной земельною лигой» или какимъ-либо другимъ именемъ, есть союзъ незаконный и преступный и что всѣ собранія, въ которыхъ будутъ проводиться его мысли и намѣренія, будутъ также считаться противозаконными и преступными, воспрещаться и разгоняться силой.

«Мы предупреждаемъ, что всѣ подданныя ея королевскаго величества, имѣвшіе сношенія съ этимъ союзомъ, обязаны отъ него отдѣлиться и ни въ чемъ не оказывать ему содѣйствія.

«При семъ объявляемъ, что правительство употребитъ всѣ зависящія отъ него мѣры для защиты подданныхъ королевы въ Ирландіи, для содѣйствія имъ въ исполненіи законныхъ обязательствъ и устраненія какихъ бы то ни было противозаконій.

«Мы обращаемся посредствомъ настоящаго циркуляра ко всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ королевы въ надеждѣ найти въ нихъ поддержку правительственной власти въ королевствѣ Ирландіи».

Циркуляръ подписалъ В. Е. Форстеръ, лордъ-лейтенантъ Ирландіи.

Вся сила правительственной власти и на этотъ разъ явилась въ защиту ландлордизма. Аграрная лига, возставшая противъ ландлордовъ, возмечтала поработить ихъ силой своего единодушія, но ландлорды, испуганные крушеніемъ своихъ привилегій, прекрасно поняли, что сила ихъ зиждется въ изолированности фермеровъ, и достигли оффиціальнаго уничтоженія земельной лиги. Тѣмъ не менѣе лига существуетъ и будетъ существовать. Лишенная возможности дѣйствовать открыто, она, несомнѣнно, превратится въ тайное общество.

Чѣмъ же кончится движеніе противъ ландлордовъ?

Несмотря на воззваніе земельной лиги, извѣстное число фермеровъ не захотятъ отказаться отъ выгодъ, предоставленныхъ имъ аграрнымъ биллемъ, и обратятся къ содѣйствію судовъ для провѣрки своихъ контрактовъ и опредѣленія платежей; но этимъ путемъ большинство, раззоренное систематической эксплуатаціей, не получитъ облегченія, — ему нужно болѣе радикальное вспомоществованіе. Если аграрный судъ съумѣетъ внушить фермерамъ довѣріе къ себѣ безпристрастностью и гуманностью въ своихъ приговорахъ, то край быть-можетъ нѣсколько успокоится. Но тутъ-то и есть камень претыновенія: дѣйствія земельнаго суда не только ограничены биллемъ, но и сомнительно, чтобы сами судьи добровольно отрѣшились отъ преданій, связывающихъ ихъ съ ландлордизмомъ, малѣйшая же несправедливость съ ихъ стороны сдѣлается орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, которые не желаютъ удовлетвориться новымъ закономъ.

Англійское правительство не пренебрегло и нравственными мѣрами для успокоенія края: оно обратилось къ содѣйствію католическаго духовенства, имѣющаго большое вліяніе на ирландскій народъ. Духовенство первоначально отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ земельной лигѣ. Священники въ Ирландіи большею частью изъ крестьянъ, и очень естественно, что ихъ симпатіи клонились къ сторонѣ, отстаивающей интересы земледѣльческаго класса; но когда вожди лиги выступили на путь если не открытой революціи, за то весьма близкій къ ней, духовенство отступило и изъявило готовность содѣйствовать умиротворенію. Епископъ Крокъ первый грамогласно осудилъ воззваніе заключенныхъ вождей лиги и произнесенный ими лозунгъ: «не платить арендъ». Хотя сомнительно, чтобы духовенство, цѣнящее свою популярность, энергично возстало противъ лиги; но оно можетъ парализировать ея дѣйствія, чего и желаетъ англійское правительство, вступившее въ сношенія съ Ватиканомъ, въ надеждѣ на отлученіе отъ церкви лиги и ея дѣятелей.

Папство, ради какихъ-нибудь незначительныхъ въ его пользу уступокъ, неоднократно являлось въ исторіи подавляющимъ элементомъ въ различныхъ національныхъ движеніяхъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ Ватиканъ отвернулся отъ Ирландіи ради возстановленія католической іерархіи въ Англіи. Ирландецъ Вейсманъ подалъ руку этой сдѣлкѣ и получилъ архіепископство Вестминстерское. Еррингтонъ, также ирландецъ, отправился теперь въ Римъ для переговоровъ съ римскою куріей. Левъ XIII повидимому расположенъ содѣйствовать успокоенію Ирландіи, разсчитывая на поддержку Англіи для облегченія собственнаго затруднительнаго положенія. Если святому отцу уже невозможно увлекаться мечтами о возстановленіи свѣтской власти, то для него важно сохраненіе занятаго имъ положенія въ Римѣ и присутствіе при его особѣ дипломатическаго корпуса, аккредитованнаго католическими державами. О безполезности этихъ дипломатовъ уже поговариваютъ въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ и лучшимъ средствомъ для сохраненія этихъ послѣднихъ осколковъ папскаго вели-

чія было бы назначеніе къ особѣ св. отца дипломатовъ протестантскихъ и православныхъ державъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что прежній авторитетъ церкви въ послѣдніе годы утратилъ часть своего значенія въ Ирландіи, и весьма вѣроятно, что если ирландцу придется выбирать между церковью и пользованіемъ землею, духовенство своими противодѣйствіями лиги нанесетъ себѣ чувствительный ударъ. Нѣкоторые священники, приверженцы лиги, уже отправились въ Америку проповѣдывать тамошнимъ эмигрантамъ не религіозныя истины, а политическія и соціальныя идеи, набирать тамъ сторонниковъ лиги. Эпоха смиренія миновала для Ирландіи,—въ каждомъ ирландцѣ таится непримиримая вражда къ Англіи. Обманутые поочередно всѣми партіями, и вигами и тори, успокоивавшими ихъ пустыми надеждами, завлекавшими ихъ мнимыми уступками и забытыми обѣщаніями, — ирландцы теперь разсчитываютъ только на самихъ себя, на бѣдняковъ, влачащихъ горемычную жизнь въ отечествѣ, и на выселенцевъ, разбогатѣвшихъ въ эмиграціи, но не перестающихъ стремиться всею душой къ своей родинѣ.

Вожди аграрной лиги справедливо разсчитываютъ на поддержку собратій въ Америкѣ. Послѣдніе постоянно снабжаютъ земляковъ огромными суммами и вносятъ добровольно возложенный на себя налогъ съ большею охотой и аккуратностью, нежели многіе плательщики другихъ странъ, находящихся подъ принудительною силой законовъ. Между эмигрантами насчитываются не только милліонеры, но люди занимающіе важные посты въ правительственныхъ сферахъ, и у всѣхъ одна завѣтная мечта—независимость Ирландіи.

Любопытно, что въ Ирландіи англійскій языкъ замѣнилъ древнее національное кельтское нарѣчіе, а чувство національности осталось во всей силѣ. Одинъ ирландскій публицистъ однажды написалъ по этому поводу: «проклиная Англію на англійскомъ языкѣ, наши проклятія не теряютъ своей силы, а только звучнѣе раздаются въ ушахъ угнетателей». Отдѣльное нарѣчіе есть только оттѣнокъ національности, которая заключается во внутреннемъ сознаніи, «въ національной совѣсти народа», по словамъ Мацціни, теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ въ Италіи.

Ирландія ни подъ какимъ видомъ не желаетъ остаться въ зависимости отъ Англіи. Усилія Англіи удержать свое владычество породили въ сердцахъ ирландцевъ чувство непримиримой вражды не только къ самому правительству, но къ каждому отдѣльному англичанину, на котораго они смотрятъ какъ на сообщника своего правительства. Эта ненависть еще болѣе раздражается англійской лицемѣрною политикой, въ силу которой самыя строгія репрессивныя мѣры облекаются личиной либерализма въ глазахъ иностранныхъ государствъ. Ирландцы въ своей борьбѣ съ Англіей исключительно опираются на самихъ себя и отлично сознаютъ, что имъ нечего ожидать отъ европейскихъ государствъ, игнорирующихъ ихъ существованіе

и не желающихъ идти наперекоръ Англіи въ вопросѣ жизненномъ для нея, но второстепенномъ для европейскихъ интересовъ.

Ирландцы долго уповали на поддержку Франціи, но эти надежды никогда не оправдывались.

Хотя теперешняя либеральная пресса во Франціи, начиная съ Gazette de France и кончая самыми непримиримыми органами, и относится сочувственно къ ирландскому возстанію, за то умѣренныя республиканскія правительственныя газеты, въ угоду Англіи, враждебны Ирландіи; особенно зло относится къ ней République Française, органъ Гамбетты. Когда Парнелль пріѣзжалъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Парижъ и имѣлъ свиданіе съ Викторомъ Гюго, маститый поэтъ далъ ему обѣщаніе поднять голосъ въ защиту несчастной Ирландіи, но впослѣдствіи друзья отклонили его отъ вмѣшательства въ ирландскія дѣла, чтобъ этимъ не компрометтировать своей славы въ глазахъ англичанъ и не усложнить политики Франціи.

Ирландцы, уповая на самихъ себя, тѣмъ не менѣе усердно разыскиваютъ враговъ Англіи въ обоихъ полушаріяхъ, разсчитывая, что чѣмъ болѣе усложнятся внѣшнія политическія дѣла Англіи, тѣмъ легче имъ будетъ добиться отъ нея уступокъ. Въ Европѣ часто удивлялись странной политикѣ, называемой «обструкціонизмомъ», которою, посредствомъ возбужденія разныхъ пустыхъ и ненужныхъ вопросовъ, тормозился правильный ходъ парламентскихъ преній въ Англіи; именно этотъ школьный пріемъ въ парламентѣ можетъ болѣе всего другаго убѣдить самихъ англичанъ въ неудобствѣ слиянія ирландскаго парламента съ англійскимъ. Было время, когда ирландскіе политическіе дѣятели воображали, что они, поддерживая ту или другую англійскую партію въ парламентѣ, добьются льготъ и себѣ, но нынѣ они окончательно убѣдились, что въ Англіи имъ не на кого возлагать надеждъ.

Лордъ Веллингтонъ, устранившій стѣсненія католиковъ, полагалъ, что удовлетвореніемъ религіознаго чувства онъ умиротворитъ политическія страсти Ирландіи, и ошибся. Гладстонъ, внесшій въ парламентъ земельный билль, разсчитывалъ, что онъ этою полумѣрой удовлетворитъ матеріальные интересы нѣкоторой части населенія и этимъ разъединитъ политическія партіи; но движеніе «home-rulers» автономистовъ все болѣе и болѣе усиливается. Арестъ Парнелля, какъ и арестъ О'Коннеля сорокъ лѣтъ тому назадъ, не подавитъ возстанія, и уменьшеніе земельнымъ судомъ арендныхъ платежей хоть на цѣлую четверть ихъ стоимости не уничтожитъ народнаго движенія. Фермеры воспользуются предложенными имъ льготами, но въ душѣ не успокоятся. Время упущено,—теперь поздно: что двадцать, десять лѣтъ тому назадъ было бы принято съ благодарностью, теперь кажется каплей въ морѣ.

Въ то самое время, какъ органы печати, преданные Гладстону, выставляютъ благодѣянія земельнаго билля, высчитываютъ число просьбъ,

поступившихъ на разсмотрѣніе суда (по ихъ счету 16.000), восхваляютъ безпристрастіе судей,—автономисты опять выступаютъ на сцену, собираются въ Дублинѣ и на многолюдномъ митингѣ составляютъ слѣдующее воззваніе:

«Необходимость отдѣльнаго ирландскаго парламента никогда не ощущалась болѣе, чѣмъ въ настоящую минуту. Мы всѣ свидѣтели послѣдствій насильственныхъ мѣръ, введенныхъ правительствомъ. Мы окружены войсками, раздражающими населеніе; на площадяхъ нашихъ городовъ стоятъ пушки; публичныя собранія воспрещаются и разгоняются. Полиція осаждаетъ даже наши частныя жилища и разгоняетъ самые незначительные дружескіе кружки.

«Наша свобода отдана на произволъ генеральнаго секретаря вице-короля и, по доносамъ его шпіоновъ, честные люди, даже выбранные въ представители народа, ежедневно арестуются и заключаются въ тюрьмахъ безъ суда и даже безъ составленія обвинительнаго акта. При такихъ обстоятельствахъ является два вопроса: во-первыхъ, имѣетъ ли подобная предупредительная система право на существованіе? Во-вторыхъ, если народъ покоряется подобнымъ порядкамъ и не старается избавиться отъ нихъ въ силу своихъ конституціонныхъ правъ, не заслуживаетъ ли онъ самъ, чтобъ имъ погоняли какъ стадомъ барановъ?

«Соединеніе Ирландіи съ Англіей не только повело къ уничтоженію всякой конституціонной свободы, но къ общему народному неудовольствію, обѣднѣнію и униженію.

«Политика принудительныхъ мѣръ возбудила общую ненависть и негодованіе, денежные убытки и потерю людей.

«Что же касается до земельнаго закона, то ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не согласится, чтобы можно было прекратить борьбу, которая семь лѣтъ ведется изъ-за національныхъ правъ, ради того только, что одному отдѣльному классу цѣлаго населенія сдѣлано нѣсколько уступокъ. Мы желаемъ такихъ правъ, которыя разомъ покончили бы наши вѣковыя смуты,—свободы, дарованной всѣмъ бѣлокожимъ, подданнымъ Британскаго королевства, т. е. права самостоятельнаго рѣшенія нашихъ домашнихъ дѣлъ, предоставляя императорскому сенату, въ которомъ будутъ засѣдать наши представители, рѣшеніе дѣлъ, относящихся до цѣлой имперіи».

Цѣль, къ которой стремятся ирландскіе автономисты, тождественна съ тѣмъ, чего достигла Венгрія. Они претендуютъ на отдѣльный парламентъ въ Дублинѣ подъ владычествомъ Ганноверской династіи, точно также какъ венгерцы настояли на парламентѣ въ Пештѣ, не отдѣляясь отъ короны Габсбурговъ. Очень правдоподобно, что ирландцы добьются своей цѣли и нѣтъ причины предполагать, что учрежденіе ирландскаго парламента въ Дублинѣ ослабитъ силу Англіи и умалитъ ея величіе.

Хотя Гладстонъ не особенно тревожился безпорядками въ Ирландіи, ему все-таки не лестно, что реформа, на которой онъ надѣялся умиротворить край, въ сущности принята несочувственно; но онъ можетъ утѣшиться благопріятнымъ настроеніемъ внѣшнихъ политическихъ дѣлъ. Принявъ должность премьера, Гладстонъ не измѣнилъ политики, за которую такъ пламенно ратовалъ, стоя во главѣ оппозиціи противъ кабинета лорда Биконсфильда; еще двадцать лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ ярымъ защитникомъ угнетенныхъ подданныхъ короля Фердинанда неаполитанскаго, потомъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ описывалъ страданія болгарскаго народа, требовалъ автономіи Болгаріи и Румыніи, отстаивалъ грековъ противъ Биконсфильда; онъ во всякое время являлся ревностнымъ поборникомъ свободы народовъ восточной Европы. Черезъ его содѣйствіе состоялось въ 1862 году присоединеніе Іоническихъ острововъ къ Греціи, а по недавно обнародованнымъ документамъ изъ *синихъ книгъ* выяснилось, что если Англія не оказала поддержки Греціи и не настояла на исполненіи данныхъ ей обѣщаній на Берлинскомъ конгрессѣ, то виноватъ не Гладстонъ, а помѣшало дипломатическое отступленіе Бартелеми Сентъ-Илера передъ австро-германскою коалиціей, которая въ лицѣ посланниковъ Пруссіи и Австріи высказалась въ пользу Турціи.

Не многіе министры излагали свою программу внѣшней политики съ такою ясностью, какъ Гладстонъ. Вмѣсто прежней формы англійскихъ министровъ, гласящей: «мы знать не хотимъ кого бы то ни было, отрицающаго неприкосновенность Оттоманской имперіи»,—онъ высказался за автономію провинцій, принадлежащихъ Турціи, съ тѣмъ, чтобы славянскія земли отошли славянамъ, греческія—грекамъ и чтобы страны, гдѣ населеніе смѣшанное, управлялись бы смѣшанною администраціей. По его мнѣнію, Константинополь долженъ сдѣлаться свободнымъ городомъ и свободнымъ портомъ для торговли подъ гарантіей Европы. Онъ не требуетъ изгнанія мусульманъ, а желалъ бы покончить съ ихъ плачевнымъ правительствомъ, съ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы права мусульманскаго населенія были обезпечены наравнѣ съ прочими жителями страны.

Россія не встрѣчаетъ въ кабинетѣ Гладстона той систематической оппозиціи, которою была проникнута вся политика лорда Биконсфильда, представителя старой Англіи.

Что касается до Австріи, считавшейся издавна самой вѣрной континентальною союзницей Англіи, то ее нѣсколько озадачиваетъ veto, наложенное Англіей относительно ея расширенія на Балканскомъ полуостровѣ. Лордъ Солсбери съ радостью привѣтствовалъ на Берлинскомъ конгрессѣ возложенное Европой на Австрію порученіе—временно занять Боснію и Герцеговину и сдѣлаться какъ бы охранительницей Балкановъ отъ будущихъ захватовъ Россіи. Сообщая Англіи эту удавшуюся комбинацію, придуманную графомъ Андраши, принцемъ Бисмаркомъ и лордомъ Биконсфиль-

домъ, онъ назвалъ ее «доброй вѣстью великой радости» («Good tidings of a great joy»).

Когда австрійскія войска перешли Саву, президентъ венгерскаго министерства Тиша (Tisza), желая задобрить венгерцевъ и польстить ихъ антипатіи къ славянамъ, сказалъ: «Наша цѣль наступить на голову славянскаго змѣя». Лордъ Солсбери, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны открыто заявлялъ надежду, что провинціи, отрѣзанныя отъ Турціи, достанутся не Россіи, а Австріи. Гладстонъ желаетъ автономіи всѣхъ провинцій, отдѣлившихся отъ Турціи; въ этомъ духѣ онъ сказалъ рѣчь избирателямъ въ Мидлотіанѣ 22 марта 1880 года и опозорилъ корыстолюбивыя намѣренія Австріи характеристичнымъ выраженіемъ: «off hands!» («руки прочь!») Это слово непріятно озадачило Австрію. Тогда Гладстонъ въ слѣдующей рѣчи изъявилъ готовность отнестись къ Австріи съ должнымъ уваженіемъ въ томъ только случаѣ, если императоръ и его первый министръ пришлютъ Англіи формальное увѣреніе, что Австрія отказывается отъ всякаго посягательства на свободу населенія Балканскаго полуострова; вслѣдствіе чего послѣдовало заявленіе графа Кайроли, посланника Австро-Венгріи въ Лондонѣ, что «австро-венгерское правительство не имѣетъ никакихъ намѣреній на расширеніе правъ, установленныхъ Берлинскимъ трактатомъ», чѣмъ Гладстонъ и удовлетворился (письмо Foreign-office 6 мая 1880 г.).

Англія присудила себѣ въ видѣ вознагражденія островъ Кипръ, уступленный ей Портой по прямому договору съ лордомъ Биконсфильдомъ. Эта сдѣлка была такимъ же неожиданнымъ сюрпризомъ для Европы, какъ покупка англійскимъ правительствомъ у Египта акцій Суэзскаго канала, представленная на одобреніе европейскихъ державъ единовременно съ Берлинскимъ трактатомъ.

Хоть Англія никогда не пренебрегала удобнымъ случаемъ занять выгодный стратегическій пунктъ на земномъ шарѣ, она достаточно дальновидна, чтобы во-время удалиться; она до сихъ поръ оставляетъ за собой Гибралтаръ, значительно утратившій свое значеніе въ послѣдніе годы, но бросила Корфу, и очень можетъ быть, что въ недальнемъ будущемъ она найдетъ удобнымъ отказаться отъ Кипра. Ея главное вниманіе теперь устремлено на Малую Азію; она мечтаетъ о проведеніи обширныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ Индіи. Старая Англія Биконсфильда до сихъ поръ держится традиціонной вражды къ Россіи изъ страха потерять Индію, но новая Англія Гладстона не прочь отъ экономическихъ соглашеній съ Россіей для укрѣпленія владычества обѣихъ державъ въ Азіи на мирныхъ началахъ.

Лорду Дуфферинъ, посланнику въ Константинополѣ, былъ отданъ приказъ немедленно хлопотать о приведеніи въ исполненіе трактата 1878 года относительно Арменіи, но послѣднія событія въ Египтѣ на время отодвинули эту заботу на второй планъ. Кризисъ въ Египтѣ важенъ, но

онъ былъ бы еще серьезнѣе, еслибы въ главѣ англійскаго правительства не стоялъ Гладстонъ, человѣкъ, питающій искреннее уваженіе къ автономіи другихъ странъ, а во Франціи не былъ бы министромъ иностранныхъ дѣлъ Бартелеми Сентъ-Илеръ, опытный дипломатъ, знающій всю подноготную египетскихъ дѣлъ.

Гладстонъ въ слѣдующихъ словахъ на дняхъ изложилъ политику Англіи въ Египтѣ: «Дѣйствовать за-одно съ дружественной и союзной намъ Франціей—вотъ руководящее начало нашей политики въ Египтѣ. Мы убѣждены, что и въ будущемъ единодушіе наше съ Франціей ни въ чемъ не нарушится. Мы постараемся отстранить недоразумѣнія между Египтомъ и султаномъ и надѣемся успѣть въ этомъ, но не желаемъ переступать предѣловъ теперешняго нашего вмѣшательства въ египетскія дѣла, если насъ не вызоветъ на это какая-нибудь крайняя необходимость. Нашими дѣйствіями будутъ руководить не династическіе и эгоистическіе принципы, не интересы Англіи, а главнымъ образомъ заботы о благосостояніи самого Египта».

Франціи и Англіи до сего времени удавалось отстранять всѣ прочія державы, даже Италію, отъ вмѣшательства въ египетскія дѣла, оговариваясь тѣмъ, что дѣло идетъ исключительно объ обезпеченіи процентовъ заимодавцевъ, большею частью французовъ и англичанъ. Очевидно, что какъ только мнимый финансовый вопросъ приметъ политическій характеръ, другія великія державы вмѣшаются и заявятъ, что въ египетскомъ вопросѣ заинтересованы не только Франція и Англія, но и вся Европа. Франція и Англія чуть-чуть не столкнулись въ туниссномъ вопросѣ, такъ какъ въ тамошнихъ торговыхъ предпріятіяхъ участвуютъ капиталисты обѣихъ націй. Англія въ данномъ случаѣ поступила осторожно и отстранилась отъ вмѣшательства, предоставивъ Франціи сводить счеты съ раздраженной Италіей. Англія не преминетъ, конечно, воспользоваться затрудненіями Франціи въ Тунисѣ, чтобы выговорить себѣ какія-нибудь существенныя преимущества въ другомъ мѣстѣ. Относительно Трансваальской республики Гладстонъ долженъ былъ сдѣлать уступки. Боеры, населяющіе эту небольшую республику, потомки голландцевъ и французскихъ гугенотовъ; они не пожелали подчиниться владычеству Англіи, овладѣвшей мысомъ Доброй Надежды, и, удалившись въ глубину страны, основали колоніи и довели ихъ до цвѣтущаго положенія. Въ 1852 году Англія признала независимость Тринсваальской республики, но въ 1877 году нашла удобнымъ присоединить ее къ своимъ владѣніямъ; возникла ожесточенная борьба, въ которой боеры одержали верхъ; вмѣсто того, чтобы двинуть всѣ силы Англіи на удержаніе несправедливаго захвата, Гладстонъ уступилъ и предложилъ заключить конвенцію, обезпечивающую права боеровъ. Предложенный договоръ заключается въ томъ, что у боеровъ будетъ своя армія, что англійскіе гарнизоны будутъ занимать форты только до ратификаціи конвенціи, что республика признаетъ верховную власть королевы Вик-

торіи и англійскій резидентъ будетъ жить въ столицѣ, но что страна будетъ пользоваться полной автономіей и управляться по собственному благоусмотрѣнію. Докладъ Гладстона былъ принятъ въ парламентѣ съ громкими рукоплесканіями, отъ которыхъ воздержались только немногіе тори. Національное собраніе боеровъ, противъ ожиданія англичанъ, отказалось подписать конвенцію. Гладстонъ изъявилъ готовность на новыя уступки и высказалъ надежду, что конвенція будетъ вскорѣ подписана.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей Гладстонъ (8 октября 1881 года) высказалъ полное сочувствіе новому положенію дѣлъ въ Афганистанѣ. Осуждая преслѣдованіе научныхъ границъ, уничтожающихъ всякую матеріальную и нравственную прегради между Индіей и Россіей, онъ сказалъ: «Я съ удовольствіемъ скажу вамъ, что мы совершенно отказались отъ этого безразсуднаго и преступнаго предпріятія. Намъ удалось вырвать нѣсколько скандальныхъ страницъ нашей исторіи».

Наконецъ на обѣдѣ у лордъ-мэра въ началѣ ноября текущаго года Гладстонъ радовался упроченію мира въ южной Африкѣ и на границахъ Индіи, а министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гренвилль объявилъ объ окончательномъ присоединеніи Ѳессаліи къ Греціи, подтвердилъ соглашеніе между Франціей и Англіей по дѣламъ Египта и выразилъ надежду на заключеніе торговаго договора между обѣими странами въ виду не только расширенія торговыхъ сношеній, но и скрѣпленія дружественнаго союза Англіи съ Франціей.

L. A. D.

Лондонъ.
13 ноября 1881 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тревожныя свѣдѣнія о состояніи крестьянскаго хозяйства.—Необходимость борьбы съ источниками нашихъ бѣдствій.—Вопросъ о народномъ образованіи.—Отвѣтъ *Новому Времени*.

Хорошій урожай нынѣшняго года въ черноземной полосѣ Россіи привелъ общество въ оптимистическое настроеніе. Точно гора съ плечъ свалилась. Со свойственнымъ русскому человѣку благодушіемъ, послѣ состоянія духа, близкаго къ отчаянію, мы пришли въ по-истинѣ кандидовское настроеніе. Отученные намѣстниками, волостелями, приказами, воеводами и канцеляріями отъ всякой предусмотрительности, отъ всякой планомѣрной общественной дѣятельности, мы совершенно успокоились на нынѣшнемъ днѣ, наивно уповая, что и завтрашній день будетъ не хуже. Запасовъ въ знаніи, запасовъ въ имуществѣ у насъ такъ мало, что каждый годъ благосостояніе и самая жизнь русскаго крестьянина, русскаго рабочаго вообще, можетъ подвергаться и часто подвергается въ дѣйствительности трудно отвратимой или совсѣмъ неотвратимой опасности. Налетаетъ саранча, наползаетъ червь,—урожай истребляется, общество приходитъ въ ужасъ, а мужику не хватаетъ куска хлѣба, въ буквальномъ и страшномъ смыслѣ слова.

Намъ не разъ приходилось высказывать эту неновую мысль, но мы не можемъ не повторить ее и теперь, заключая внутреннее обозрѣніе *Русской Мысли* во второй годъ ея существованія. Отъ одного изъ людей, особенно свѣдущихъ въ вопросахъ народнаго хозяйства, мы получили слѣдующую статью, которая, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ глубокаго вниманія:

«Въ нынѣшнемъ году,—пишетъ почтенный авторъ статьи,—на черноземѣ средней и южной Россіи хлѣба и травы уродились удовлетворительно; къ сожалѣнію, того же нельзя сказать о нашемъ уныломъ нечерноземномъ сѣверѣ. Изъ всѣхъ губерній этой, и безъ того нехлѣбородной, полосы, начиная съ Архангельской и кончая Московскою, приносятся нерадостныя вѣсти: рожь родилась посредственно и гораздо хуже прошлогодняго, ячмень и овесъ—плохо, травы же—такъ скудно, какъ никогда: по крайней мѣрѣ, старожилы не запомнятъ такого неурожая травъ. Мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ изъ цѣлой массы писемъ, полученныхъ нами отъ людей, близко стоящихъ къ нуждѣ, осязающихъ, чувствующихъ ее. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ попали въ печать, но несравненно больше не напечатано: провинція что-то мало надѣется на силу печатнаго слова, ибо привыкла видѣть печать безсильною провести въ жизнь

самыя элементарныя и очевидныя истины. «Ну, напечатаемъ, — думаетъ провинціалъ, — корреспонденцію: тяжело, молъ, живется, а тяжело вотъ отъ того-то и отъ этого. Прочтутъ ее, потолкуютъ о ней денекъ-другой, а тамъ и забудутъ».

«По-истинѣ, замѣчательно спокойно, можно сказать—апатично, наше такъ-называемое интеллигентное общество. Случись неурожай, подобный нашему нынѣшнему, въ какой-нибудь западно-европейской странѣ или въ Сѣверо-Американскахъ Штатахъ, это событіе было бы предметомъ общаго вниманія: правительство, общественныя учрежденія, частныя лица, печать — все занялось бы изученіемъ размѣровъ, характера, причинъ невзгоды, а въ результатѣ получился бы рядъ цѣлесообразныхъ и полезныхъ мѣропріятій. У насъ не то: мы всего больше, повидимому, надѣемся на канцеляріи, на ихъ отношенія и циркуляры за нумерами въ пять цифръ, и тогда уже, когда канцеляріи окажутся безсильными, когда бѣдствіе достигнетъ громадныхъ размѣровъ, прибѣгаемъ къ содѣйствію общества. Да и это дѣлаемъ какъ-то нехотя, съ оглядкой, съ боязнью: какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не услышать правду.

«Какъ, однако, мы ни апатичны, какъ ни увѣрены въ томъ, что все идетъ къ лучшему въ нашемъ лучшемъ изъ міровъ, все же не можемъ оставаться совершенно глухими къ скорбнымъ голосамъ, доходящимъ до насъ изъ провинціи. Послушаемте, что пишутъ изъ Тверской губерніи о результатахъ нынѣшняго хозяйственнаго года для крестьянъ и для частныхъ владѣльцевъ. Пишутъ люди, довольно хорошо знакомые съ экономическими условіями Тверской губерніи: «Главнѣйшая бѣда у насъ,—говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ,—это недостатокъ кормовыхъ средствъ, особенно сѣна. Сѣна мало всюду въ Тверской губерніи, но наиболѣе пострадали отъ неурожая травъ открытыя, безлѣсныя мѣстности». Другой корреспондентъ, съ сѣверо-востока Весьегонскаго уѣзда, пишетъ: «Въ общемъ можно считать, что въ нынѣшнемъ году поставлено у насъ сѣна на заливныхъ лугахъ на треть меньше нормальнаго, въ поляхъ же и пустошахъ—не болѣе половины, да и въ томъ очень много гнилья. Многіе крестьяне совсѣмъ сгноили сѣно, которое такъ и осталось неубраннымъ. Причина та, что съ 20-го іюля по 23-е августа у насъ ежедневно лили дожди, а нынче, какъ на зло, крестьяне стали косить луга поздно, все ростили траву: «Чего косить-то? Травы вытереть нечѣмъ». Травы и яровые хлѣба дурно уродились отъ того, что весенніе холода долго не давали хода ни травѣ, ни овсу, а тутъ пошли жары, началась засуха: траву и свернуло, да и овесъ тоже вышелъ очень малъ, ненажинистъ и неумолотенъ. Никто изъ крестьянъ въ нашей мѣстности не ожидаетъ даже и самъ-другъ овса» *). Рожь уродилась хоть и умолотна, но рѣдка, такъ что урожай ржи можетъ считаться лишь посредственнымъ, а не хорошимъ. Кромѣ того, у насъ нынче появился червь и у большинства полѣлъ много озими: въ нѣкоторыхъ деревняхъ—на половину, мѣстами же

*) Это говорится о сѣверо-восточной части Весьегонскаго уѣзда; въ цѣлой губерніи средній урожай овса самъ 3, нынѣшній же—самъ 2½, при посѣвѣ 3 четвертей на десятину.

(особливо тамъ, гдѣ пораньше сѣяли) «на-очистку», такъ что многіе пересѣвали озимь, чѣмъ уменьшили и безъ того незначительный свой запасъ ржи *). Да и вообще у насъ крестьяне на рожь, для уплаты податей, не разсчитываютъ: изъ нихъ рѣдко кому не приходится покупать рожь для прокормленія своей семьи; остаются, стало-быть, овесъ да скотъ. Овесъ, вслѣдствіе неурожая, крестьяне стараются приберечь на сѣмена, а скотъ, въ виду скуднаго сбора сѣна и при необходимости уплатить подати, крестьяне начали продавать съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Но такъ какъ охотниковъ продать скотъ и уплатить подати оказалось слишкомъ много, то цѣна на мясо опустилась безобразно низко: мясники покупаютъ скотъ съ разсчетомъ, чтобы мясо имъ не обходилось дороже рубля за пудъ, и то хорошее, а плохаго мяса барышники совсѣмъ не покупаютъ. Тощую скотину крестьяне сами колютъ и сами везутъ на базаръ, гдѣ еще болѣе сбиваютъ цѣну. На многихъ рынкахъ въ началѣ осени цѣна говядинѣ доходила до 80 коп. пудъ, въ то время, когда на тѣхъ же рынкахъ ржаная мука продавалась по 1 руб. 50 коп. пудъ. Корова, за которую еще лѣтомъ давали 25 руб., идетъ теперь за 12 руб., которая поменьше—за 9 р. Овецъ нѣкоторые крестьяне закололи всѣхъ: «корень вывели», у большинства осталось овецъ не больше трети противъ прошлогодняго количества. Лошадей постарше отдаютъ «на кожу», т. е. за ту цѣну, какую дадутъ за кожу. Извѣстны случаи, когда крестьяне отдавали лошадей даромъ: «бери, кто хочетъ, работай хоть пять годовъ, а когда лошадь околѣетъ, отдай кожу назадъ». И это не только ужь совсѣмъ старыя лошади, а и такія, которыя года три-четыре могутъ работать. Много продаютъ и нестарыхъ лошадей совершенно за безцѣнокъ, только бы не кормить дома, такъ какъ цѣна на сѣно достигла небывалой высоты: 40 коп. пудъ, и это въ самыхъ глухихъ, далекихъ отъ рынковъ и обильныхъ пустошами мѣстностяхъ; въ мѣстахъ же побойчѣе и побѣднѣе сѣнокосами—доходитъ она до 50 коп. за пудъ и выше. Таковы цѣны на сѣно осенью: до чего же онѣ должны дойти весною? Размѣры крестьянской нужды, заставляющей крестьянъ продавать такъ много скота,—опредѣлить трудно, тѣмъ болѣе, что продажа еще не прекратилась: гурты несчастныхъ крестьянскихъ коровенокъ продолжаютъ проходить къ мясникамъ подъ ножъ. Однако и теперь уже можно сказать, что коровъ убыло на треть, нетелей и телятъ — больше чѣмъ на половину, овецъ—на половину. Коней также поубавилось: трудно сказать—сколько, но во всякомъ случаѣ не менѣе десятой доли.

«И все это оказывается не въ одной какой-либо небольшой мѣстности Тверской губерніи, а повсемѣстно. Нужда наступила тяжелая и между различными полосами губерніи разница только та, что въ однѣхъ нужда эта переносится съ меньшимъ (благодаря промысловымъ заработкамъ), а въ другихъ—съ большимъ горемъ. Климатическія условія въ различнымъ мѣстностяхъ губерніи мало между собою разнятся; весенніе холода всюду дали себя почувствовать, недостатокъ кормовыхъ средствъ всюду небывалый.

*) Всего опустошительнѣе работалъ червь въ восточной и сѣверной частяхъ губерніи.

«Въ результатѣ климатическихъ и хозяйственныхъ невзгодъ нынѣшняго года неизбѣжны:

1. Страшная у крестьянъ и у прочихъ хозяевъ убыль удобренія, которымъ губернія и безъ того не богата.

2. Истощеніе земли, упадокъ полеводства и оскудѣніе хлѣбныхъ урожаевъ на нѣсколько лѣтъ.

3. Уменьшеніе, вслѣдствіе убыли лошадей, работоспособности нашихъ деревень (меньше напашутъ, меньше хлѣба насѣютъ, больше крестьянскихъ полосокъ кустомъ заростетъ).

4. Усиленное предложеніе рукъ на всевозможныхъ промысловыхъ заработкахъ, отчего неминуемо должна понизиться заработная плата.

5. Замедленіе (вслѣдствіе недостатка питанія) естественной прибыли населенія въ цѣлой губерніи и вымираніе его во многихъ, наиболѣе тощихъ, ея мѣстностяхъ.

6. Уменьшеніе платежныхъ средствъ податнаго населеніе и возрастаніе всевозможныхъ податныхъ недоимокъ.

«Такой-то годъ наступилъ теперь для Тверской губерніи, а вмѣстѣ съ нею, какъ извѣстно, и для многихъ другихъ мѣстностей сѣверной, нечерноземной полосы Россіи. Но спрашивается: что можетъ сдѣлать для уменьшенія народной нужды и для предотвращенія ея тяжкихъ послѣдствій земство, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ?

«Если принять, что сѣна уродилось только на одну треть противъ средняго урожая (мѣстные жители считаютъ «недородъ» болѣе значительнымъ), то и въ такомъ случаѣ недостаетъ 20 милліоновъ пудовъ сѣна, стоимость которыхъ даже теперь, въ началѣ зимы, простирается до восьми милліоновъ рублей. Недочетъ въ овсѣ, если вмѣсто трехъ зеренъ онъ даетъ только два съ половиною, простирается до половины милліона четвертей, что стоитъ до двухъ милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, если даже не считать того, что губернія потеряла на сокращеніи своего скотоводства и на уменьшеніи удобренія, если ограничиться только оцѣнкою недорода кормовыхъ травъ противъ нормы, то и въ такомъ случаѣ дефицитъ нынѣшняго хозяйственнаго года для губерніи, насчитывающей въ себѣ до 300.000 семействъ, съ 1½ милліономъ наличныхъ душъ, простирается до десяти милліоновъ рублей. Если даже оцѣнивать кормовыя средства, сѣно, не нынѣшнею, а среднею цѣною, то и въ такомъ случаѣ мы не выйдемъ изъ шести милліоновъ рублей. Но эта послѣдняя цифра несравненно ниже дѣйствительной, такъ какъ хозяева, желающіе не уменьшать своихъ стадъ, покупаютъ теперь сѣно по высокимъ, нынѣшнимъ, а не по среднимъ цѣнамъ.

«Въ случаяхъ неурожая земство приходитъ на помощь къ населенію съ своими «продовольственными капиталами». Но неурожаи недавняго времени значительно поубавили земскій продовольственный капиталъ: такъ въ Тверской губерніи изъ полумилліона рублей его осталось уже всего около 400.000. Что же касается государственнаго продовольственнаго капитала, то послѣ прошлогоднихъ сельскохозяйственныхъ невзгодъ на

югѣ едва ли и на всю-то Россію осталось его болѣе пяти милліоновъ рублей. Съ такими запасами не легко было бы, при всемъ добромъ желаніи, остановить страшное избіеніе скота, такъ обездолившее многія хозяйства въ нечерноземныхъ губерніяхъ Россіи. Населенію все это хорошо извѣстно, а потому оно и не ожидаетъ помощи извнѣ, а, скрѣпя сердце, совершаетъ распродажу, или же прямо избіеніе—гдѣ трети, а гдѣ и половины своего наличнаго скота. Эта операція, какъ выше сказано, еще не кончилась, но уже приходитъ къ концу, а къ новому году можно ждать и равновѣсія между наличностію скота и запасами корма.

«Но неужели государство безсильно оказать населенію существенную помощь въ постигшемъ его бѣдствіи? Неужели такъ-таки ничего и нельзя сдѣлать?

«Государство озабочено: оно собираетъ отъ губернаторовъ свѣдѣнія о размѣрахъ нужды, оно учредило коммиссію для выработки мѣръ противъ дороговизны сѣна; оно проектируетъ уменьшить, оказавшійся непомѣрно высокимъ, желѣзнодорожный тарифъ на перевозку сѣна; оно обѣщаетъ предоставить интендантскіе сѣнные прессы въ распоряженіе земствъ при прессованіи сѣна, предназначаемаго къ перевозкѣ изъ плодородныхъ губерній въ сѣверныя. Благія начинанія, полезныя мѣропріятія! Но ихъ далеко еще не достаточно, чтобы замѣтнымъ образомъ улучшить положеніе дѣлъ. Во-первыхъ, сѣно вздорожало уже и въ плодородныхъ замосковныхъ губерніяхъ, съ перевозкою же, даже при низкомъ тарифѣ, оно будетъ обходиться все еще довольно дорого. Во-вторыхъ, покупательныя средства населенія мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая травъ, не въ такомъ положеніи, чтобы поддерживать свое скотоводство покупкою сѣна по двойнымъ и тройнымъ цѣнамъ. Гораздо проще и короче: совершить избіеніе лишняго скота, что и дѣлается.

«Но если государство, при наличныхъ продовольственныхъ запасахъ, не въ состояніи ослабить бѣдственныя послѣдствія нынѣшней безкормицы, то едва ли оно безсильно предупреждать подобныя бѣдствія. Намъ думается, что есть полная возможность плодотворно дѣйствовать въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что причины интенсивности бѣдствій, подобныхъ нынѣшнему, ясны, какъ Божій день.

«Въ самомъ дѣлѣ, отчего такъ чувствительно для населенія, наприм., Тверской губерніи нынѣшняя безкормица?—Оттого, конечно, что, во-первыхъ, не было раньше сдѣлано запасовъ; оттого, что сельскохозяйственная культура низка; оттого, что мало знаній, мало умѣнья беречь, лелѣять землю, усиливать ея производительность. Вслѣдствіе нашей низкой сельскохозяйственной культуры, скотъ у нашего крестьянства всегда живетъ впроголодь, кормовыхъ средствъ всегда въ обрѣзъ; потому-то неурожай травъ, подобный нынѣшнему, и составляетъ такое страшное бѣдствіе. Тамъ, гдѣ земля лучше обрабатывается, бѣдствіе несравненно слабѣе, такъ какъ недостатокъ сѣна въ значительной степени восполняется хорошо уродившимися озимымъ и яровымъ хлѣбомъ.

«Итакъ, необходимо принимать мѣры къ подъему сельскохозяйственной культуры, необходимо улучшить условія нашего сельскаго хозяйства.

Улучшенія могутъ быть произведены двоякимъ путемъ: или устраненіемъ причинъ, задерживающихъ успѣхи сельскаго хозяйства, или же распространеніемъ и развитіемъ сельскохозяйственныхъ знаній. Къ сожалѣнію, въ томъ и другомъ направленіяхъ еще мало у насъ сдѣлано, хотя кое-что уже намѣчено.

Государство давно уже убѣдилось, что однимъ изъ сильнѣйшихъ тормозовъ нашему земледѣлію является обложеніе земли повинностями, превышающими въ нечерноземной полосѣ чистый земельный доходъ. Нельзя поэтому не сочувствовать предпринятому правительствомъ пересмотру выкупныхъ платежей и проектируемому пониженію ихъ. Но это только начало земледѣльческихъ улучшеній. При тщательномъ пересмотрѣ государственнаго бюджета окажутся, конечно, возможными и другія облегченія въ повинностяхъ».

Авторъ статьи говоритъ въ заключеніе, что довольно заботиться только о вещахъ, пора позаботиться и о самомъ человѣкѣ. И дѣйствительно, безъ предусмотрительности, основанной на знаніи, безъ энергичнаго труда, привычка къ которому развивается при свободѣ личности, при законномъ обезпеченіи этой свободы, никакія улучшенія сельской «культуры» не пойдутъ въ прокъ народу. Только пытливая мысль и крѣпкая воля повернутъ Россію на столбовую дорогу, которая ведетъ къ равномѣрному распространенію благосостоянія. За неотложною борьбой съ кузькою, съ гессенскою мухою, съ голодомъ и повальными болѣзнями, нельзя забывать, что наше величайшее горе заключается въ нашемъ невѣжествѣ, что наше спасеніе заключается въ осмысленномъ трудѣ. Когда образованіе проникаетъ въ самые глухіе закоулки Россіи, когда воспитательная задача школы будетъ закончена облагораживающимъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ учрежденій,—русскому крестьянину не будетъ страшна никакая муха, никакой червь. Наше земство, усиліями котораго создана начальная народная школа, должно удесятерить эти усилія, чтобъ училище стало доступно всѣмъ крестьянскимъ дѣтямъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, наибольшая отвѣтственность лежитъ на высшемъ правительствѣ, ибо въ его рукахъ скопляются громадные платежи, сравнительно съ которыми земскіе сборы являются незначительною суммою. По этому поводу мы считаемъ умѣстнымъ снова возвратиться къ вопросу о настоятельной необходимости не только содѣйствовать развитію начальной народной школы (противъ чего не осмѣливаются возставать наши самобытные фарисеи), но и приложить всѣ старанія, не жалѣть расходовъ на среднее и высшее образованіе. Безъ правильной постановки и широкаго распространенія гимназій и университетовъ немыслима и хорошая начальная школа. Собственный историческій опытъ долженъ бы былъ научить насъ, что народное образованіе, дѣйствительное просвѣщеніе массы населенія немыслимо безъ высшихъ учебныхъ заведеній. «До XVII вѣка,—говоритъ профессоръ Владимірскій-Будановъ,—въ Московской Руси сохранилась элементарная школа (и только она), причемъ элементарное образованіе, благодаря отсутствію средняго и высшаго, понизилось до сообще-

нія безжизненной грамотности, и при томъ неполной и неточной. Высокая цѣль всякаго образованія—возбужденіе умственнаго и нравственнаго развитія—забывалась» *). Защитники нашей самобытности, отожествляемой съ косностью, или по недомыслію, или по затаенному разсчету, громятъ университеты, требуютъ, чтобы бѣдный человѣкъ туда не шелъ, а учился бы *дѣлу*, въ профессіональной школѣ. Любопытно, что такое требованіе выставлялъ Петръ Великій, и это составляетъ важнѣйшій недостатокъ его педагогической системы. Московская Русь, наоборотъ, не знала и не желала инаго образованія, кромѣ всеобщаго и для всѣхъ одинаковаго. Мы далеки, конечно, отъ мысли восхищаться школьными программами XVI и XVII столѣтій; но не можемъ не признать правильности основнаго начала до-петровскаго образованія. Спеціальныя училища необходимы, потому что необходимы инженеры, техники, моряки; но не менѣе, надо думать, важенъ *человѣкъ*, *гражданинъ*, котораго создаютъ не профессіональныя свѣдѣнія, а общее образованіе.

Къ сожалѣнію, расходы государства на народное просвѣщеніе увеличиваются у насъ вообще очень медленно, а на будущій годъ это увеличеніе предположено въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ. Всѣ расходы министерства народнаго просвѣщенія исчислены по смѣтѣ 1882 года въ 17.917.670 рублей. Въ прошломъ году было ассигновано на 534.800 рублей менѣе. Но это увеличеніе расходовъ произошло, главнымъ образомъ, отъ передачи въ вѣдомство народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеній, бывшихъ подвѣдомственными министру финансовъ, какъ-то: технологическаго института и друг., причемъ слѣдующій на содержаніе этихъ заведеній кредитъ имѣетъ быть исключенъ изъ смѣты министерства финансовъ и перенесенъ въ смѣту народнаго просвѣщенія **). Дѣйствительное же увеличеніе по новой смѣтѣ равняется 111.271 р. Надобно замѣтить, что издержки государства на народныя училища даже уменьшились, сойдя съ 1.689.358 рублей (въ 1881 году) на 1.685.997 рублей (въ 1882 году).

Между тѣмъ населеніе увеличивается и потребность въ образованіи растетъ. Учебныя заведенія, среднія и высшія, отказываютъ въ пріемѣ, по недостатку мѣста, ибо стѣны перестали раздвигаться. Мы продолжаемъ думать, что увеличеніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія на десять, двадцать, тридцать и болѣе (pium desiderium!) милліоновъ рублей было бы самымъ производительнымъ государственнымъ расходомъ, самою мудрою экономіей. Конечно, большая часть этихъ милліоновъ должна была бы пойти на элементарную народную школу; но одинъ или два милліона рублей, прибавленныхъ къ скуднымъ средствамъ университетовъ и среднеучебныхъ заведеній, принесли бы неисчислимую пользу. Посмотрите, напримѣръ, на Московскій университетъ, загляните въ помѣщенія его музеевъ, его библіотекъ, въ мрачныя и грязныя комнаты правленія; пройдитесь по тѣмъ жилымъ помѣщеніямъ, которыя находятся въ верх-

*) *Русскія Вѣдомости*, № 301.

**) «Государство и народное образованіе въ Россіи», стр. 50.

немъ ярусѣ стараго университетскаго зданія—и вы вынесете тяжелое, скорбное чувство. При самомъ бѣгломъ осмотрѣ подобнаго рода не трудно убѣдиться, что университетъ не въ авантажѣ обрѣтается.

Университетская молодежь принадлежитъ большею частію къ недостаточнымъ или совсѣмъ бѣднымъ семьямъ. Нерѣдко въ университетъ является круглый сирота, безъ знакомства, безъ денегъ. Какъ бы, казалось, государству и обществу не придти на помощь къ молодому человѣку, не дать ему возможности получить высшее образованіе? Но это не въ модѣ теперь. На дипломы и людей школьной (университетской) науки воздвигнуто гоненіе, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дипломъ является несправедливою льготою, предоставляя право быть учителемъ, врачомъ, адвокатомъ. Всякому извѣстно кромѣ того, что это нраво бываетъ очень часто nudum jus, и человѣку, получившему университетское образованіе, приходится долгое время съ трудомъ перебиваться, хлопотать о самомъ существованіи, даже голодать.

Современныя Извѣстія недавно сообщили слѣдующія весьма интересныя данныя: «31-го октября намъ пришлось присутствовать на десятилѣтнемъ юбилеѣ одного изъ кандидатовъ на судебныя должности округа московской судебной палаты. Ждать десять лѣтъ должности судебнаго слѣдователя—и это тогда, когда должности эти замѣщены лицами не только не получившими юридическаго образованія, но даже такими, которыя окончили курсъ наукъ (?) въ уѣздномъ училищѣ (это—фактъ, и за примѣромъ ходить не далеко: въ Москвѣ есть одинъ судебный слѣдователь, утвержденный, получившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ),—а между тѣмъ при судѣ и прокурорѣ по шести лѣтъ кандидатствуютъ настоящіе юристы, имѣющіе ученую степень кандидата правъ. Но почему же первые благоденствуютъ, а вторые только чаютъ движенія воды?—Да потому, что эти воспитанники уѣздныхъ училищъ хотя и не получили юридическаго образованія, но на службѣ пріобрѣли познанія по судебной части. На это возразятъ, что, вѣдь, и кандидаты правъ могли пріобрѣсти практическій навыкъ въ теченіе узаконеннаго четырехлѣтняго искуса въ чинѣ кандидата на судебныя должности, да еще гораздо основательнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ юристы-ремесленники. А между тѣмъ послѣдній пользуется преимуществами предъ первыми. Достаточно заглянуть въ послужные списки нашихъ судебныхъ дѣятелей, и вы увидите поразительныя вещи: изъ 909 судебныхъ слѣдователей 180 не получили юридическаго образованія, причемъ 84 изъ нихъ окончили курсъ въ среднихъ и 33 въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ общаго числа товарищей прокуроровъ $6^{8}/_{33}$ проц. не юристы: изъ нихъ 13 лицъ получили образованіе въ среднихъ и 4 въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ 60 прокуроровъ 4 воспитанника среднихъ и 1 низшаго учебныхъ заведеній. Чѣмъ же можно объяснить то, что такія должности, вопреки 202 ст. Учр. суд. уст., замѣщены не только не юристами, но даже лицами, не получившими высшаго образованія? Ужь никакъ не недостаткомъ образованныхъ юристовъ, потому что значительное число ихъ состоитъ кандидатами на судебныя должности при окружныхъ судахъ и судебныхъ па-

латахъ, а совсѣмъ другими соображеніями, а именно: всесильною протекціей въ передней, предъ которою оказывается безсильнымъ и самый законъ».

Ежегодно изъ университетовъ выбрасывается нуждою большее или меньшее, во всякомъ случаѣ значительное, число людей, которые стремились къ высшему образованію. *Таврида* справедливо замѣчаетъ: «Наша сила расплывается, расходуется, не успѣвъ еще получить опредѣленной формы; погибаетъ и все то, что было затрачено обществомъ на подготовленіе этихъ злосчастныхъ работниковъ». А между тѣмъ мы такъ бѣдны образованными людьми, что не только не благоразумно, но и въ высшей степени опасно не принимать самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ развитію у насъ просвѣщенія.

Повторяемъ: высшее (слѣдовательно и среднее) образованіе необходимо для народа, взятаго въ цѣломъ, а не для буржуазіи. Нѣсколько милліоновъ рублей, издержанныхъ на университеты и гимназіи, будутъ производительнымъ, весьма производительнымъ расходомъ, въ какомъ угодно смыслѣ слова.

Въ великой работѣ обновленія, которая предстоитъ Россіи, образованнымъ людямъ выпадаетъ великая задача, которая становится особенно труднѣе, вслѣдствіе малочисленности этихъ образованныхъ людей.

По этому поводу мы считаемъ необходимымъ отвѣтить на нѣсколько статей *Новаго Времени*, въ которыхъ подробному разбору и осужденію подвергались многія мысли внутренняго обозрѣвателя *Русской Мысли*.

Въ статьѣ «Интеллигенція и ея защитники», помѣщенной въ № 2057 *Новаго Времени*, г. П. О. представляетъ мнѣ не мало упрековъ, которые я не могу признать справедливыми. По мнѣнію почтеннаго автора статьи, «русскій народъ ставится (мною) на одну доску съ обезьяной и пустымъ болтуномъ, отличаясь отъ нихъ, можетъ-быть, лишь нѣсколько большею самостоятельностью въ переработкѣ чужаго!... Почетную же роль среди другихъ народовъ предоставляетъ г. Гольцевъ русскому народу!...»

Признаюсь, эта выходка г. П. О. сильно раздражила меня. Извѣстно, что гнѣвъ доказываетъ неправоту только Юпитера, мое же раздраженіе вызывалось достаточною причиною. Но я буду отвѣчать г. П. О. совершенно спокойно, имѣя въ виду разъясненіе того неправильнаго пріема, которымъ онъ достигъ вышеприведеннаго умозаключенія.

На чемъ основывается авторъ статьи *Новаго Времени*, приписывая мнѣ нелѣпую мысль? На слѣдующихъ словахъ ноябрскаго внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли*: «Именно тогда и можетъ обнаружить историческій народъ *всю свою духовную мощь*, когда *онъ усвоитъ себѣ общія основы правильной государственной жизни*». Эти слова вызвали слѣдующія замѣчанія со стороны г. П. О.: «Вѣдь если русскій народъ *самобытенъ*, если уже отличается «духовною мощью» и если притомъ ему несомнѣнно предстоитъ «великое историческое будущее» (а это означаетъ,

что есть и прошедшее, и настоящее, иначе на основаніи чего же можетъ возникнуть мысль о «величіи будущаго?»), то, очевидно, должны уже быть и «общія основы правильной государственной жизни, можетъ-быть, по разнымъ причинамъ еще не получившія среди него права гражданства, еще *не осуществленныя*, но тѣмъ не менѣе уже существующія въ непосредственномъ сознаніи народа, сказывающіяся въ заявленныхъ народомъ стремленіяхъ и симпатіяхъ. Слѣдовательно *усвоять* народу «общія основы» нечего: онѣ уже и есть у него; онъ лишь ждетъ-недождется ихъ осуществленія. Затѣмъ, неужели «духовная мощь» и «самобытность» народа «именно тогда» только и могутъ обнаружиться, когда *усвоятся* основы правильной государственной жизни? А до тѣхъ поръ онъ, слѣдовательно, ничѣмъ и не можетъ проявить своей духовной самобытности? Что въ хаосѣ общественныхъ и государственныхъ отношеній самыя исполинскія силы народа могутъ истощаться и заглохнуть безплодно, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы великій историческій народъ и до выработки правильной государственной жизни *ничѣмъ* не обнаружилъ своей нравственной и умственной физіономіи». Прежде всего обращу вниманіе г. П. О. на то, что онъ напрасно доказываетъ очевидную, нигдѣ мною не отрицаемую истину. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣвается, что великій историческій народъ выражаетъ чѣмъ-либо свою нравственную и умственную физіономію до выработки правильной государственной жизни? Я утверждалъ (и утверждаю), что *вся духовная мощь* народа можетъ обнаружиться лишь послѣ того, какъ общія основы государственной жизни будутъ выработаны народомъ. Покуда эти основы остаются неосуществленными, въ непосредственномъ только сознаніи, какъ выражается г. П. О., до тѣхъ поръ общественная жизнь течетъ неправильно. Задолго до паденія крѣпостнаго права и въ непосредственномъ сознаніи народа, и среди лучшей части образованнаго общества—рабство было осуждено безвозвратно. Но къ чему велъ этотъ нравственный приговоръ? Ясно, что къ усвоенію и осуществленію одной изъ общихъ основъ правильной государственной жизни.

Быть-можетъ я не вѣрно понимаю г. П. О., быть-можетъ съ нимъ случилось то же, что, по его мнѣнію, случилось со мною, и «выше приведенная фраза его просто лишь неудачно выражена». Но фраза эта подаетъ поводъ къ недоразумѣнію. Г. П. О. говоритъ, что *усвоять народу общія основы нечего: онѣ уже есть у него; онъ лишь ждетъ - недождется ихъ осуществленія*. Стало-быть историческаго развитія этихъ основъ почтенный авторъ статьи *Новаго Времени* не признаетъ? Неужели онъ отрицаетъ, что основы классическаго міра, основы феодальнаго строя и основы XIX столѣтія однѣ и тѣ же? И если народомъ заявлены стремленія и симпатіи, то какая же темная сила мѣшаетъ ихъ осуществленію?

Духовная жизнь народа, конечно, обнаруживается и при неправильныхъ формахъ общественнаго строя. Пушкинъ родился и умеръ при крѣ-

постномъ правѣ; Шевченко былъ рабомъ. Но для меня достаточно признанія г. П. О., «что въ хаосѣ общественныхъ и государственныхъ отношеній самыя исполинскія силы народа могутъ истощиться и заглохнуть безплодно, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться». Невозможно сомнѣваться, по нашему мнѣнію.

Черезъ нѣсколько строкъ г. П. О. приводитъ новую выдержку изъ моего ноябрскаго обозрѣнія: «Только непрерывно усвояя себѣ все лучшее, достигнутое другими народами, и переработывая его самостоятельно, можно не отстать отъ историческаго движенія, не потерять значеніе въ міровомъ развитіи». Приводя эти слова, г. П. О. не безъ горячности восклицаетъ: «Вотъ она гдѣ разгадка фразы о «превосходствѣ европейской цивилизаціи надъ нашимъ общественнымъ развитіемъ», а также разгадка и того, что слѣдуетъ понимать подъ «усвоеніемъ общихъ основъ правильной государственной жизни»... Оказывается, что русскій народъ, съ своею «духовною мощью», съ своимъ «великимъ историческимъ будущимъ», съ своею «самобытностью», чтобы «не потерять значенія въ міровомъ развитіи», долженъ «только непрерывно усвоять себѣ все лучшее, достигнутое другими народами», быть постояннымъ переимщикомъ чужаго, «непрерывно» находиться въ зависимости отъ духовнаго богатства другихъ народовъ!... Но въ чемъ же тогда можетъ проявиться его самобытность? Неужели только въ томъ, что онъ «самостоятельно» будетъ переработывать чужое? Но вѣдь и обезьяна продѣлываетъ замѣченное ею непремѣнно по-своему, непремѣнно не такъ, какъ дѣлалъ тотъ, отъ кого она заимствовала, т. е. до нѣкоторой степени «самостоятельно».

Упомянутая мною горячность помѣшала почтенному автору статьи объ *интеллигенціи и ея защитникахъ* повременить приговоромъ до прочтенія слѣдующихъ строкъ, на той же страницѣ ноябрскаго обозрѣнія: «Въ настоящее время отношеніе русской интеллигенціи въ западной Европѣ сильно измѣнилось. Математическія и естественныя науки получили у насъ довольно значительное развитіе, и, вмѣсто подчиненія Европѣ, мы оказываемъ ей уже замѣтное содѣйствіе, обнаруживаемъ дѣйствительную самостоятельность въ нѣкоторыхъ областяхъ духовной жизни».

Изъ сопоставленія этого мѣста съ тою выдержкою, которая приведена г. П. О., ясно, что, по мнѣнію внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли*, усвоеніемъ и самостоятельною переработкою чужаго не исчерпывается самобытность русскаго народа. Музыка Глинки глубоко-національна; но Глинка потому и геній, что усвоилъ себѣ общія основы музыкальнаго творчества, сочетавши ихъ съ народными особенностями этого творчества.

Черезъ нѣсколько десятковъ строкъ г. П. О. вновь приводитъ выдержку изъ моего обозрѣнія и дѣлаетъ изъ этой выдержки такое употребленіе, что я опять прихожу въ недоумѣніе. За моими словами («слабая числомъ и воспитавшаяся въ западно-европейской философіи и искусствѣ, русская интеллигенція подчинилась этой наукѣ, философіи и искусству»)

слѣдуетъ неожиданный для меня выводъ: «Отсюда уже понятно, что власть, руководимая интеллигенціей, всегда съумѣетъ опредѣлить, что именно лучшее въ европейской цивилизаціи и что, слѣдовательно, должно быть непремѣнно усвоено русскимъ народомъ, чтобъ онъ не потерялъ значенія въ міровомъ развитіи».

Иронія г. П. О. получаетъ какъ будто основаніе только потому, что изъ моего обозрѣнія пропущены строки, прямо слѣдующія за приведенною въ *Новомъ Времени* выдержкою: «Кто споритъ, въ подобномъ подчиненіи было не мало смѣшнаго и кое-что вредное», и т. д.

Въ заключеніе своей статьи г. П. О. говоритъ: «Понимаете теперь, читатель, къ чему вели всѣ эти фразы о самобытности, духовной мощи русскаго народа и пр.?—Тутъ, очевидно, въ милліонный разъ повторялась басня о воронѣ и лисицѣ. Послѣдняя имѣла въ виду получить сыръ; ну, а у нашихъ интеллигентовъ въ виду нѣчто посущественнѣе: это—право явиться въ роли руководителя народа и создать для него такія правовыя отношенія, которыя интеллигенція находитъ наилучшими, и притомъ не иначе, какъ съ гарантіями ихъ прочности».

Я понимаю, что можно оспаривать, дѣйствительно ли хорошо то, что образованные люди находятъ наилучшимъ; но почему это г. П. О. такъ не нравятся гарантіи? Что можетъ быть естественнѣе и законнѣе стремленія обезпечить какое-либо дорогое право, охранить его отъ разнообразныхъ случайностей? Конечно, не все можно защитить такимъ образомъ; но что возможно защитить, то и должно. Еслибы помѣщикъ отпустилъ крѣпостнаго только на слово, еслибъ у крестьянина не было въ рукахъ документа, которымъ обезпечивалась его свобода отъ каприза и самодурства помѣщика, былъ ли бы получившій *вольную* спокоенъ и дѣйствительно свободенъ? Еслибы крестьянинъ, который пріобрѣлъ въ собственность клочокъ земли, не имѣлъ купчей крѣпости и возможности, въ случаѣ надобности, обратиться для поддержки своего права въ судъ, неужели его положеніе г. П. О. призналъ бы нормальнымъ?

Возставать противъ гарантій можно только по недоразумѣнію, потому что въ нихъ заключается одно изъ неисчислимыхъ благодѣяній общежитія. Спорить, повторяю, можно лишь о томъ, дѣйствительно ли хорошо, дѣйствительно ли необходимо для народнаго благосостоянія то, къ чему стремится все большее и большее число русскихъ образованныхъ людей?

Нѣкоторыя повременныя изданія отрицаютъ это. По ихъ мнѣнію, какъ и по мнѣнію г. П. О., *либералы*, *лже либералы*, *интеллигенція* и т. д. имѣютъ далеко не безкорыстное по отношенію къ народу намѣреніе, разсчитывая разыграть роль лисицы и похитить у вороны кусочекъ сыру. Что-жь это за сыръ? Уму непостижимо. Ограбить народъ хотятъ либералы? Лишить его правъ? Какихъ именно? Сковать самостоятельное умственное развитіе и отнять свободу совѣсти?... Но вѣдь этой свободы не предоставляютъ русскому народу законы Россійской имперіи. Либералы

горячо желаютъ этой свободы; но тутъ мнѣ вспоминается, что г. П. О. не вѣритъ въ искренность нашихъ заявленій, которыя кажутся ему ловкимъ маневромъ со стороны либераловъ. Онъ полагаетъ, что послѣдніе боятся раздражать общество слишкомъ небрежными отзывами о народѣ (какое это общество? Развѣ консерваторы и либералы—не общество? Или оно существуетъ отдѣльно отъ нихъ?). У г. П. О. встрѣчается, впрочемъ, знаменательная оговорка: «Да даже, пожалуй, и искренно вѣруя въ добродѣтели его, въ то же время будучи искренно убѣждены, что эти добродѣтели прахомъ пропадутъ безъ великодушнаго покровительства интелли генціи, нѣкоторые изъ послѣдней, и въ числѣ ихъ г. Гольцевъ, употребляютъ въ своихъ разсужденіяхъ слѣдующій пріемъ. Сначала воспѣвается самобытность русскаго народа, поется дифирамбъ его «духовной мощи», предрекается ему «великое историческое будущее» и пр., и пр.,—однимъ словомъ, приписываются ему всевозможныя добродѣтели, но только *не теперь*,—теперь онъ «въ ужасающемъ невѣжествѣ», теперь «съ національными недостатками русскаго человѣка нельзя примириться, бороться съ ними лежитъ на обязанности каждаго публициста и каждаго образованнаго человѣка» и пр.,—*а въ будущемъ*, когда «интеллигенція, воспитанная въ западно-европейской наукѣ, философіи и искусствѣ», перенесетъ къ нему «все лучшее, достигнутое другими народами», и выработаетъ для него «общія основы правильной государственной жизни». Только тогда и могутъ «развернуться его силы, вполнѣ обнаружиться его самобытность». А до тѣхъ поръ ему нечего и мечтать о какой-то тамъ самобытности... Представляя массу, погруженную «въ горькую нужду и ужасающее невѣжество, онъ совсѣмъ погибнетъ, если интеллигентные классы не подадутъ ему руку помощи и не возьмутъ подъ свою просвѣщенную опеку...»

Если изъ этихъ соображеній г. П. О. исключить тѣ неправильности, на которыя мы уже указали, то иронически нарисованная имъ картина будетъ, по нашему мнѣнію, дѣйствительно не далека отъ истины. Русскому народу дѣйствительно грозитъ страшная опасность отъ невѣжественности массы населенія, отъ глубокаго хозяйственнаго разстройства этой массы. Мы не станемъ спорить съ г. П. О., уважаемъ ли мы великія достоинства русскаго народа, искренне ли мы любимъ его, будучи твердо убѣждены, что это признаетъ за нами каждый безпристрастный человѣкъ. Въ другой статьѣ *Новаго Времени*, также противъ насъ направленной: «Слова и факты», г. П. О. говоритъ, что у нашихъ либераловъ только демократическія слова, что они, въ большинствѣ, принадлежатъ къ праздно-болтающимъ. Провѣрки справедливости этого рѣшительнаго приговора, съ цифрами въ рукахъ, сдѣлать я былъ бы, конечно, не въ состояніи; но я не принимаю спора на этой почвѣ. Заподозривать направо и налѣво, вездѣ видѣть лицемѣріе и разсчетъ—я отказываюсь и охотно признаю, что у самого г. П. О. и его товарищей

по *Новому Времени* нѣтъ никакого лукавства, никакихъ заднихъ мыслей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не внесу разумнаго, сколько-нибудь правдоподобнаго основанія для утвержденія неискренности либераловъ. Больше ли въ средѣ ихъ честныхъ и стойкихъ людей, чѣмъ въ лагерѣ охранителей, этого ни г. П. О., ни я знать не можемъ. Сопоставляя всѣ извѣстныя мнѣ данныя, я прихожу къ заключенію, что большинство нашихъ повременныхъ изданій, отражающихъ стремленія и симпатіи образованнаго общества, отличается ярко-демократическимъ характеромъ. Газеты и журналы, если исключить нѣсколько *охранительныхъ* изданій, вѣдь никому не навязываются, а выбираются добровольно читателемъ. Стало-быть печать, даже въ томъ положеніи, въ которомъ она находится въ Россіи, служитъ показателемъ общественнаго настроенія. Либеральныя газеты праздно болтаютъ,— восклицаютъ нѣкоторые:— это не факты, а слова. Но вѣдь журналиста и нельзя принуждать къ какому-либо *дѣйствію*, ибо слово есть его единственное оружіе, вся его жизнь. Что касается до стараго упрека въ нестойкости, въ слабости воли, въ вялости русскаго образованнаго человѣка, то объ этомъ намъ въ свою очередь приходилось часто и много говорить. Признавая этотъ недостатокъ и у либераловъ, и у охранителей, и считая его важною помѣхой для правильной общественной жизни, мы давно уже настаиваемъ на великомъ значеніи учрежденій, въ которыхъ вырабатываются крѣпкія убѣжденія и закаляется воля.

В. Г.

Хроника французской жизни.

Митинги. — Новая палата. — Новый президентъ палаты Бриссонъ. — Нападки на кабинетъ Ферри. — Положеніе сената. — Ассоціація для огражденія отъ злоупотребленій. — Ассоціація художниковъ. — Возобновленіе „Premières armes de Richelieu“. — Новыя пьесы. — Журналы. — Переписка Бенжамена Констана съ m-me Рекамье. — „Всемірная географія“ Элизе Реклю. — „Исторія римлянъ“ Виктора Дюруи въ новомъ изданіи. — Личный составъ новаго кабинета и вступительная декларація Гамбетты.

Франція многое переняла отъ Англіи. Теперь очередь дошла до митинговъ. Ихъ такъ долго намъ воспрещали, что они до сихъ поръ не потеряли въ нашихъ глазахъ прелесть новизны. Нынѣ во Франціи неограниченная свобода сборищъ. Въ нихъ участвуютъ массы народа. Но у ораторовъ нѣтъ былой страсти къ баррикадамъ. Конечно, это отчасти зависитъ отъ свободы, царствующей во Франціи. Теперь оратора не преслѣдуютъ и онъ утратилъ вѣнецъ мученика. Да и у самой массы нѣтъ уже той потребности немедленно переходить отъ слова къ дѣлу, которая отличала прежнія народныя собранія во Франціи. Я не говорю, чтобы теперь рѣчь оратора не производила никакого впечатлѣнія, но она дѣйствуетъ уже гораздо медленнѣе.

Тунисъ является пробоиною, черезъ которую осаждающіе думаютъ пробраться въ крѣпость управленія. У насъ были парламентскія вакансіи. Въ это время страна находилась межъ двухъ палатъ: одна—законно существующая, но распущенная; другая—не созванная еще, но уже стоящая на порогѣ дѣятельности. Кромѣ того Франція находилась и между двумя министерствами. Этимъ, конечно, не замедлили воспользоваться непримиримые. Такъ на митингѣ, собравшемся въ циркѣ Фернандо, ярко выступило недовольство оппозиціи противъ управленія. Въ театральномъ языкѣ есть слово: clou (гвоздь). Оно означаетъ актера, или декорацію, или, наконецъ, сцену, на которой директоръ строитъ разсчеты сбора и успѣха. Clou теперешнихъ митинговъ—Биллингъ. Этотъ изящный, холодный дипломатъ совершенно не подходитъ къ людямъ, за одно съ которыми онъ теперь дѣйствуетъ. Внезапная немилость, истинная причина коей остается до сихъ поръ неизвѣстной, закрыла ему дипломатическую карьеру. Оби-

женный Биллингъ перешелъ на сторону крайнихъ и его имя красуется теперь рядомъ съ именами Рошфора и Альфонса Гумберта, бывшаго редактора «Père Duchesne» *).

Самый характерный митингъ происходилъ 24 октября. Предсѣдательствовалъ Тони Ревильонъ, одинъ изъ соперниковъ Гамбетты на послѣднихъ выборахъ. Онъ открылъ засѣданіе такимъ обращеніемъ: «Не забывайте, что всякая свобода влечетъ за собою отвѣтственность. И чѣмъ сдержаннѣе вы будете выражаться, тѣмъ авторитетнѣе будутъ ваши слова». Такой благородный совѣтъ не уменьшилъ однако пылкости рѣчей. «Въ настоящее время пятьдесятъ тысячъ матерей, — сказалъ Ревильонъ, — не знаютъ, гдѣ ихъ дѣти: въ плѣну или въ землѣ. Пятьдесятъ тысячъ отцовъ недоумѣваютъ, за что бьются и умираютъ ихъ сыновья: за отечество или за частные интересы».

Конечно, частные интересы играли громадную роль въ тунисской экспедиціи. Ивъ Гюйо высказалъ, между прочимъ, предположеніе, что правительство затѣяло тунисскую войну съ цѣлью отвратить общественное мнѣніе отъ внутреннихъ вопросовъ. Франція давно привыкла къ этому пріему.

Альфонсъ Гумбертъ говоритъ иногда такъ страстно и горячо, что увлекаетъ всю аудиторію. «Никто не посмѣлъ бы,—сказалъ онъ,—передъ вами не признать славы, покупаемой войною. Я хорошо знаю, насколько французскія женщины любятъ свое отечество, и не сомнѣваюсь, что если-бы Франціи угрожала опасность, онѣ, не колеблясь, сказали бы: «Пусть наши сыновья умрутъ, но да будетъ Франція свободна!» Теперь же весь вопросъ въ томъ, отождествляются ли интересы финансовыхъ компаній съ интересами Франціи. Надо добиться, должны ли наши солдаты сражаться и умирать, защищая интересы акціонеровъ Бона въ Гельмѣ, или Марсельскаго Общества. Мы имѣемъ полное право знать, какую роль во всемъ этомъ играетъ наше правительство. Десять лѣтъ тому назадъ мы претерпѣли нашествіе народа, утверждавшаго, что Страсбургъ—ключъ Германіи, теперь же мы говоримъ, что Тунисъ—ключъ Алжира. Наша теперешнее завоеваніе столь же несправедливо, какъ захватъ нѣмцевъ десять лѣтъ тому назадъ. Черезъ десять лѣтъ и мы вносимъ въ жизнь другихъ бѣдствія, причинившія намъ столько страданій. Черезъ десять лѣтъ мы всему міру показываемъ плохое состояніе нашей военной организаціи. Мы отталкиваемъ отъ себя націю, которая должна бы быть нашимъ естественнымъ союзникомъ; мы волнуемъ всю Европу, скрѣпляемъ союзъ трехъ государей съ Италіей, подготовляемъ въ Алжирѣ религіозное возстаніе, грозящее принять ужасные размѣры. Къ чему же послужили уроки прошлаго?»

---

*) Въ подражаніе одному крайнему журналу первой революціи, издававшемуся во время коммуны.

Удивительно, что тунисская экспедиція встрѣтила болѣе грозныхъ противниковъ на митингахъ, чѣмъ въ палатѣ,—и не оттого, что въ парламентѣ въ числѣ ея противниковъ не было бы ораторовъ, но оттого, что у этихъ ораторовъ не хватило ни вдохновенія, ни стремленія къ правдѣ.

Гамбетта, по старой привычкѣ, ищетъ поддержки въ провинціи. Его путешествіе въ воздушномъ шарѣ во время осады Парижа было какъ бы предзнаменованіемъ его судьбы, — одинъ журналъ назвалъ его «странствующимъ трибуномъ». Онъ постоянно путешествуетъ и возбуждаетъ энтузіазмъ народа своимъ могучимъ краснорѣчіемъ.

Французы превозносили передъ 1848 годомъ ловкость короля, при имперіи—молчаливость Наполеона III, при настоящей республикѣ они превозносятъ краснорѣчіе Гамбетты. Когда его слушаешь, поддаешься обаянію. Но при чтеніи фразы его такъ похожи однѣ на другія, какъ готовое платье, выставленное длинными рядами въ окнахъ магазиновъ. Тутъ есть на всякій ростъ, но фасонъ устарѣлъ, матерія груба и все сшито на живую нитку. А между тѣмъ мало кто замѣчаетъ это въ рѣчахъ Гамбетты. Говорятъ, что люди, какъ цифры, имѣютъ двоякое значеніе: собственное значеніе и значеніе по положенію. Читая собраніе рѣчей Людовика-Филиппа, поражаешься, что было время, когда восторгались этими длинными, вялыми и безсодержательными фразами. То же самое будутъ испытывать наши потомки, читая рѣчи Гамбетты. Теперь онѣ выигрываютъ отъ его сильныхъ голосовыхъ средствъ и обаянія его общественнаго положенія. Я помню, во время осады, одинъ молодой человѣкъ держалъ пари, что онъ скажетъ въ своей рѣчи одну фразу, неимѣющую никакого смысла, и что ему будутъ аплодировать. И, дѣйствительно, въ концѣ рѣчи онъ сказалъ о свободѣ, о великихъ принципахъ 1789 года,—сказалъ съ такими блестящими интонаціями, что вызвалъ цѣлую бурю рукоплесканій. Мнѣ кажется, что много фразъ изъ гаврской рѣчи Гамбетты вызовутъ со временемъ улыбку даже у аплодировавшихъ ему.

Гамбетта вернулся изъ Нормандіи и сейчасъ же былъ избранъ временнымъ президентомъ палаты. Несмотря на шумную, хоть и безсильную, оппозицію непримиримыхъ, онъ получилъ 319 голосовъ изъ 360. Изъ этого можно видѣть, какимъ громаднымъ большинствомъ будетъ поддерживаться его министерство. Онъ, такъ сказать, пересѣлъ изъ кресла президента палаты въ кресло президента совѣта министровъ. Въ палатѣ его замѣнилъ Бриссонъ.

Бриссонъ — сынъ стряпчаго. Онъ родился въ Буржѣ, 31 іюля 1835 года. Въ 1854 году онъ сотрудничалъ въ республиканскомъ журналѣ Avenir, въ 1861 году—въ Réforme littéraire и Phare de la Loire. Въ 1864 г. онъ участвовалъ въ Temps, откуда перешелъ въ Avenir National и въ томъ же году былъ избранъ депутатомъ. Послѣ 4 сентября 1870 г. онъ былъ однимъ изъ помощниковъ парижскаго мэра. Вновь избранный депутатомъ, 8 февраля 1871 года, онъ сталъ во главѣ крайней лѣвой.

Еще недавно онъ велъ политическій отдѣлъ въ Siècle и онъ же редактировалъ докладъ парламентской коммиссіи о дѣйствіяхъ министровъ 16 мая, т. е. о герцогѣ де-Брольи и его сотрудникахъ, — докладъ, разсчитанный на преданіе этихъ лицъ суду. Палата ограничилась тѣмъ, что высказала неодобреніе. Въ политической карьерѣ Бриссону очень помогло его громадное вліяніе на французскихъ франкмасоновъ. Онъ славится своею честностью. Многіе считаютъ его преемникомъ Греви. На него-то и разсчитываетъ оппозиція, — только онъ одинъ можетъ не допустить Гамбетту до положенія главы государства.

Засѣданіе открылось разсмотрѣніемъ тунисскихъ дѣлъ. Жюль Ферри началъ съ жалобъ на то, что полемика о тунисскихъ дѣлахъ внесла разстройство въ страну. Онъ сослался на солидарность, существующую между его министерствомъ и громаднымъ большинствомъ прежней палаты, чего, по его словамъ, не можетъ не признать и новая палата. Жюль Ферри высказалъ презрѣніе къ народнымъ сборищамъ: «Гнусныя и смѣшныя засѣданія,—сказалъ онъ,—гдѣ обвиняютъ и приговариваютъ людей, не выслушавъ ихъ». Онъ возмущенъ участіемъ на этихъ митингахъ Биллинга, «отставнаго чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ».

Нѣкоторые изъ доводовъ Жюля Ферри ни болѣе, ни менѣе какъ адвокатскіе пріемы. Нельзя же увѣрять, что съ тунисскимъ беемъ никогда не ссорились, что не дрались съ его войсками. Бей подписалъ договоръ съ ножомъ у горла; его войска маневрировали рядомъ съ французскими, не скрывая своей ненависти и сдерживаемые только страхомъ. Когда же Ферри заявляетъ, что ассигнованные палатою финансы «были только запасомъ», онъ высказываетъ тѣмъ теорію кредита, прямо противуположную конституціоннымъ началамъ. Первымъ ораторомъ, отвѣчавшимъ ему, былъ Амасо, тулузскій профессоръ. Онъ говорилъ такъ длинно и напыщенно, что не произвелъ никакого впечатлѣнія. Риторическіе пріемы могутъ еще кое-какъ годиться въ провинціи, но для Парижа они ужь совсѣмъ устарѣли.

Пренія, начавшіяся 5 ноября, продолжались и 7 рѣчью Накэ. Накэ, знаменитый своимъ горбомъ и защитою развода, очень остроумный ораторъ. Онъ упрекаетъ министерство не въ томъ, что оно слишкомъ далеко зашло въ Тунисѣ, но въ томъ, что оно сдѣлало это тайкомъ, не выяснивъ своихъ плановъ палатѣ. Онъ допускаетъ, что «націи уже не могутъ, какъ въ средніе вѣка, жить въ тѣсныхъ границахъ своего государства», имъ необходимы колоніи, а эти колоніи надо завоевывать. «Мы васъ упрекаемъ только въ томъ,—вскричалъ онъ,—что вы не выказали довѣрія той палатѣ, которая такъ довѣряла вамъ». Накэ высказалъ увѣреніе, что «справедливость требуетъ, чтобы ни одинъ изъ членовъ настоящаго кабинета не вошелъ въ составъ будущаго».

Лефоръ ѣздилъ въ Тунисъ за справками насчетъ дѣятельности министерства. Отъ него ждали большихъ новостей, но онъ не открылъ ниче-

го. Онъ запутался въ лабиринтѣ скучныхъ донесеній о размѣщеніи войскъ и организаціи санитарной службы. Генералъ Фаръ опровергалъ, какъ только могъ, нападки на военную администрацію. Намъ очень бы хотѣлось вѣрить, что солдатамъ доставлялись всегда свѣжіе сухари, но нельзя не смѣяться надъ стараніемъ нѣкоторыхъ депутатовъ выставить войну какъ очень комфортабельное и гигіеническое ремесло. Деруа предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые Жюль Ферри не зналъ что отвѣтить. Деруа хотѣлъ узнать, отчего Мустафа-Бенъ-Измаилъ, первый министръ бея, такъ хорошо принятый въ Парижѣ, отставленъ и замѣненъ Магометомъ Каснадаромъ, ненависть котораго къ французамъ хорошо извѣстна.

Девятаго ноября Жюль Ферри снова защищался отъ многочисленныхъ нападокъ на него и на его сотрудниковъ. Но его защита была неудачна. Онъ говоритъ, что оказалъ Леону Рено, ѣхавшему въ Тунисъ, только нравственную поддержку. Но отъ такой нравственной поддержки до военнаго вмѣшательтва только одинъ шагъ. Жюль Ферри отрицаетъ стремленіе къ захвату, но признаетъ, что французы должны будутъ постоянно занимать извѣстные пункты въ Тунисѣ. Не все ли это равно?

Министерство защищалось слабѣе всего противъ обвиненій въ веденіи войны безъ согласія палаты. «Такимъ способомъ,—говоритъ Фери,—должны вестись дѣла, ставящія на карту не только интересы, но что иногда гораздо важнѣе—самолюбіе державъ... Есть вещи, которыя можно дѣлать только подъ условіемъ неразглашенія ихъ, и если Франція хочетъ имѣть успѣхъ въ иностранной политикѣ, то необходимо, чтобы такое молчаніе стало съ этихъ поръ правиломъ».

Эти длинныя пренія кончились тѣмъ, что палата, по требованію Гамбетты, утвердила договоръ съ беемъ и тѣмъ исполнила завѣтъ прежней палаты.

Сенатъ еще не проявилъ признаковъ жизни. Онъ напуганъ программой Гамбетты, требующею измѣненій конституціи—въ смыслѣ значительнаго уменьшенія значенія сената. Герцогъ де-Брольи и его друзья не пренебрегутъ ничѣмъ, чтобъ отвратить это. Пока сенатъ ничего не предпринимаетъ и безъ малѣйшихъ возраженій утвердилъ законъ нейтрализаціи кладбищъ.

Свобода ассоціацій порождаетъ массу проектовъ, иногда весьма оригинальныхъ. Такъ, нѣсколько лицъ рѣшили, что если существуетъ общество покровительства животнымъ, то почему не быть обществу покровительства людямъ. Правда, есть правительство, но у правительства и безъ того слишкомъ много дѣла, и вотъ основалось общество охраненія гражданъ отъ злоупотребленій. Тутъ собственно дѣло идетъ о злоупотребленіяхъ большихъ компаній противъ частныхъ лицъ. Викторъ Гюго и Лун Бланъ взялись покровительствовать этой лигѣ, основанной докторомъ Гупилемъ. Идея ея нова. Можно будетъ застраховываться противъ несправедливости какого-нибудь общества желѣзной дороги, какъ страхуешься

отъ града или пожара. Интересно будетъ узнать результаты дѣятельности этого общества.

Повѣтріе нововведеній во Франціи захватило и міръ художниковъ. Французы уже начинаютъ отучаться отъ привычки ждать всего отъ правительства, да и правительство съ своей стороны видитъ выгоду сложенія съ себя многихъ заботъ, которыя въ большинствѣ случаевъ никого не удовлетворяли. Стремленіе вернуться къ корпораціямъ не закрытымъ и стѣснительнымъ, какія существовали до революціи, но къ открытымъ и свободнымъ, увеличивается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Оно уже перешло изъ низшаго класса въ высшія сферы. Если до революціи надо было освободить личность, теперь надо содѣйствовать собиранію силъ; наиболѣе естественное собираніе силъ—учрежденіе корпорацій, т. е. соединеніе людей одной профессіи. Въ Парижѣ недавно организовалась корпорація художниковъ. Министръ предоставилъ художникамъ самимъ заботиться объ устройствѣ картинныхъ выставокъ. Французскіе артисты собрались и рѣшили устроить товарищество, чтобы достойно выполнить эту задачу. Ихъ было на-лицо болѣе пятисотъ человѣкъ и они постановили избрать комиссію изъ живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ и граверовъ, которые должны организовать ассоціацію французскихъ художниковъ. Въ ассоціацію эту будетъ имѣть право вступать всякій, допущенный на выставку, или имѣющій художественный вкусъ. Члены ассоціаціи будутъ избирать каждый годъ исполнительную коммиссію изъ девяноста членовъ. Жюри допущенія художественныхъ произведеній на выставку будетъ избираться по жребію изъ художниковъ, указанныхъ товарищами или отличившихся на предыдущихъ выставкахъ. Все это должно благотворно повліять на развитіе искусства. Художники будутъ имѣть счеты только между собой, ибо правительство ограничится тѣмъ, что будетъ давать помѣщеніе для выставокъ.

Театральная горячка въ полномъ разгарѣ. Новыхъ пьесъ и возобновленныхъ масса. Въ театрѣ «Gymnase» возобновили старый водевиль «Les premières armes de Richelieu». Въ немъ когда-то имѣла громадный успѣхъ покойная Дежазе. Благодаря ея чарующей игрѣ, зритель невольно переносился въ раззолоченные салоны Тріанона. Гранье, замѣнившая Дежазе, немного полна для роли 15-ти лѣтняго дюка, но къ ней очень идетъ старинный костюмъ, она граціозна и поетъ съ большимъ чувствомъ. Гранье—любимица публики и имѣетъ большой успѣхъ. Все содержаніе пьесы вертится на скороспѣлости дюка де-Ришелье. Онъ кружитъ головы всѣмъ женщинамъ, кромѣ той, на которой женится. Жена гораздо старше его и обращается съ нимъ какъ съ мальчикомъ. Теща хочетъ отправить его съ воспитателемъ лѣтъ на пять въ провинцію. Ришелье возмущается. Онъ пробирается тайкомъ въ комнату фрейлинъ герцогини бургонской, нарывается на двѣ дуэли, ранитъ обоихъ соперниковъ, завоевываетъ себѣ этимъ любовь жены, благосклонность короля и тѣмъ достойно начинаетъ

свою блестящую карьеру. Это не похоже на историческаго Ришелье, охарактеризованнаго г-жею Жоффренъ «человѣкомъ сотканнымъ изъ пороковъ». Но французы не любятъ, чтобъ ихъ великихъ людей представляли во всей ихъ нравственной наготѣ. Ришелье развратилъ Людовика XV, уронилъ Францію, но публика не потерпѣла бы, еслибъ его выставили на сценѣ несимпатичнымъ. Онъ можетъ быть безнравственнымъ, но все-таки долженъ быть великодушнымъ и честнымъ.

На театрѣ «Одеонъ» поставлена новая драма со старымъ сюжетомъ: это—«Voyage de noces» Людовика Тирселена. Съ легкой руки Александра Дюма, послѣ его «Visite de noces», медовый мѣсяцъ очень часто фигурируетъ на сценѣ, какъ время всевозможныхъ приключеній. Въ пьесѣ Тирселена молодые супруги ѣдутъ сейчасъ же послѣ свадьбы въ Италію. Новобрачный не знаетъ, что въ Италіи живетъ любимая имъ когда-то женщина съ ребенкомъ. Случайно обѣ женщины встрѣчаются и все разузнается. Соперницы примиряются и все окончилось бы благополучно, еслибъ авторъ не заставилъ бывшую возлюбленную броситься съ утеса въ море. Сюжетъ драмы самый банальный, но онъ искупается прекрасной игрой.

Отъ драмы къ мелодрамѣ только одинъ шагъ. Пьеса Бувье «Malheur aux pauvres» прекрасно задумана, но плохо выполнена. Тяжелая доля бѣдняковъ, соціальное неравенство и несправедливость по отношенію къ нимъ нашихъ учрежденій—могли бы дать прекрасный сюжетъ для пьесы при теперешней свободѣ театровъ. Въ мелодрамѣ Бувье одна прачка Базилида ненавидитъ свою товарку Иветту и продаетъ ее графу Ганетилю. У Иветты родится ребенокъ и мужъ ея убиваетъ и графа, и ребенка. Его судятъ и онъ долженъ пострадать за несчастія, которыя не обрушились бы на него, еслибъ онъ не былъ бѣднякомъ. Авторъ плохо выбралъ положеніе. Онъ взялъ обстоятельство, которое можетъ случиться во всѣхъ слояхъ общества. Его мелодрама достойна вниманія скорѣе по тенденціи, чѣмъ по внутреннему содержанію.

Вильямъ Бюснахъ заимствовалъ изъ романа Кларти: «Noël Rambert»—сюжетъ для своей мелодрамы—«Le petit Jacques». Бюснахъ болѣе чѣмъ Бувье знакомъ съ требованіями сцены; онъ съумѣлъ воспользоваться смѣлыми и новыми положеніями, данными ему романомъ. Вотъ содержаніе пьесы: Какая-то незнакомка поручаетъ рабочему предупредить одного молодаго человѣка о томъ, что ему гровитъ несчастіе. Рабочій является къ молодому человѣку и находитъ его убитымъ. Его сейчасъ же арестуютъ. Судебный слѣдователь — позже оказавшійся настоящимъ убійцей—убѣждаетъ рабочаго признать себя виновнымъ. Слѣдователь играетъ на струнѣ родительской любви и говоритъ рабочему, что если онъ сознается въ совершеніи преступленія, то его хворый ребенокъ будетъ обезпеченъ двумя стами тысячъ франковъ. Мысль, что его ребенокъ будетъ здоровъ, сытъ и веселъ, заставляетъ рабочаго оклеветать себя. Но при совершеніи преступленія былъ невидимый свидѣтель—какой-то бродяга. Онъ

былъ подкупленъ убійцами и долженъ былъ молчать. Случайно именно онъ приставленъ былъ няньчиться съ ребенкомъ рабочаго. Этотъ ребенокъ въ припадкѣ лунатизма видитъ и разсказываетъ громко приготовленія къ казни на Рокетской площади. Въ бродягѣ просыпается совѣсть и онъ выдаетъ настоящаго преступника. Рабочій спасенъ. Въ пьесѣ есть очень трогательныя мѣста. Хорошая игра актеровъ вызываетъ слезы у зрителей.

Морисъ Дрекъ передѣлалъ романъ Александра Дюма «San-Felice» въ драму. Но для того, кто не помнитъ это произведеніе Дюма, пьеса эта не имѣетъ интереса.

Еслибы мы захотѣли составить себѣ понятіе о цивилизація Турціи по статьѣ Габріеля Шарма, напечатанной въ «Revue des deux mondes» (вторая октябрская книжка), мы бы заключили, что Востокъ совсѣмъ недоступенъ цивилизаціи. «Прошло три года съ тѣхъ поръ, — пишетъ Габріель Шармъ,— какъ Европа пришла на помощь Турціи, защищая ее отъ завоевательныхъ инстинктовъ Россіи, и съ того времени не проходило ни одного дня, ни одного часа, чтобъ ее не заставляли отплачивать за эту услугу какою-нибудь уступкой. Теперь, когда пробужденіе ислама въ Алжирѣ такъ волнуетъ французское правительство, авторъ доказываетъ, что логика ведетъ Турцію на гибельный для нея путь.

Я хочу дождаться окончанія статьи Ренана о христіанствѣ въ XI вѣкѣ, чтобы судить о ней. Ренанъ поѣхалъ въ Римъ за матеріаломъ о Маркѣ Авреліи и его времени. Итальянцы отлично приняли его и онъ отвѣтилъ имъ письмомъ, что безконечно тронутъ встрѣченной имъ симпатіей въ этомъ «Римѣ,—говоритъ онъ,—гдѣ религіозная задача человѣчества разрѣшается уже въ продолженіе восемнадцати вѣковъ. Римъ всегда обладалъ великимъ искусствомъ ожиданія и твердо поддерживалъ принципы, которые должны восторжествовать въ будущемъ. Но какому же принципу принадлежитъ будущность? — Конечно, принципу свободы. Я убѣжденъ, что Римъ будетъ такъ же ревностно способствовать его торжеству, какъ прежде онъ способствовалъ водворенію противоположной доктрины. Вы выстрадали больше, чѣмъ кто-либо отъ злоупотребленій навязаннаго вамъ вѣроученія, — вы и съумѣете лучше всѣхъ изгнать изъ міра послѣдніе остатки строя, противорѣчащаго установившимся принципамъ современной цивилизаціи».

Затѣмъ Ренанъ опредѣляетъ роль государства въ современномъ обществѣ: «Что должно быть правиломъ гражданскаго общества?—Очевидно, нейтралитетъ. Въ государство входятъ люди различныхъ вѣроисповѣданій: католики, протестанты и евреи. Кромѣ этого есть цѣлый классъ людей, которые изъ уваженія къ истинѣ не заключаютъ ее въ опредѣленную формулу и довольствуются тѣмъ, что скромно дѣлаютъ добро, не осмѣливаясь думать, что только имъ принадлежитъ истина. Посреди этого разнообразія государство не должно вмѣшиваться въ религіозныя убѣжденія своихъ гражданъ, какъ оно не вмѣшивается въ ихъ мнѣнія

объ искусствѣ и литературѣ, а главное — оно никому не должно оказывать покровительства. Гарантіи!!.. Конечно, я хочу ихъ, но хочу для всѣхъ. Я желаю ихъ для человѣческаго сознанія, для вѣры, для науки. Я хочу ихъ для человѣческаго ума, для всего прекраснаго, столь долго преслѣдуемаго. Лучшею гарантіей служитъ общее право. Какой результатъ всѣхъ этихъ конкордатовъ и гарантій, данныхъ той или другой церкви? Церковь принимаетъ данныя ей привилегіи какъ должное. Но она постоянно забываетъ аксіому: «Qui sentit commodum debet sentire et incommodum»—и, чуть немного не по ней, сейчасъ же объявляетъ себя гонимою. Изо всего этого только одинъ выходъ—гарантіи свободы для всѣхъ. Кто можетъ быть недоволенъ, если мы поставимъ основаніемъ этихъ гарантій широкій законъ ассоціацій, перенятый отъ Америки, и если мы дозволимъ этимъ ассоціаціямъ дѣйствовать наравнѣ съ государствомъ по отношенію къ общественному образованію, общественной благотворительности и т. д.? Когда на сторонѣ нашихъ противниковъ было большинство, мы были задавлены во имя этого большинства. Теперь мы будемъ великодушны: мы даруемъ свободу тѣмъ, кто лишилъ насъ этой свободы, когда былъ въ силѣ».

Въ «Revue Nouvelle» (15 октября) оканчивается печатаніе прекрасныхъ писемъ Жоржъ-Зандъ къ Мадзини и Барбесу. Во время французской экспедиціи въ Римъ Жоржъ-Зандъ была совершенно однихъ мнѣній съ Мадзини. Она поддерживала мужество трибуна. «Какой вы несчастный и святой человѣкъ,—писала она ему 5 марта 1849 г.:—вы обвиняете себя, когда люди колеблятся и отступаютъ, какъ будто вы не были всегда первымъ и наиболѣе подвергавшимся опасности».

«Во Франціи,—писала она 10 октября 1849 г.,—ужасающее умственное неравенство: одни знаютъ слишкомъ много, другіе же слишкомъ мало. Масса находится въ состояніи дѣтства, отдѣльныя личности—въ состояніи педантичной и скептической старости». Жоржъ-Зандъ ясно убѣдилась въ эту эпоху, что прогрессъ, котораго она желала всею силой души, былъ заторможенъ и что борцами за этотъ прогрессъ были именно тѣ, противъ кого старая Европа посылала полки и проклятія. Она пишетъ Мадзини 16 октября 1850 г.: «Внутри меня живетъ идеалъ общественнаго счастья, но я не съумѣю передать его другому. Я увѣрена, что, заглянувъ въ глубину вашей души, я нашла бы въ ней тотъ же самый рай, который я нахожу въ своей».

Несогласіе, повлекшее прекращеніе ихъ переписки, возникло изъ-за соціализма, рѣшительнымъ противникомъ котораго былъ Мадзини, исключительно преданный политикѣ.

Въ той же книжкѣ «Revue Nouvelle» Карлъ Биго обсуждаетъ *право сходокъ*, которымъ нерѣдко злоупотребляютъ. «Недостатокъ свободы ставитъ свободу въ опасность,—говоритъ онъ,—и лишь полная свобода укрѣпляетъ ее. Одного жаркаго солнечнаго дня, одного порыва вѣтра,

одного мороза достаточно, чтобъ убить растенія, выросшія въ теплицѣ; но все это только укрѣпляетъ деревья, растущія на воздухѣ. Воздухъ для людей—свобода».

При Наполеонѣ I развитіе военной силы Франціи тормозило внутреннюю жизнь. Это не столько зависѣло отъ правительственнаго гнета, сколько отъ того, что много энергіи тратилось на поляхъ битвы. Для смѣлыхъ людей открылась блестящая будущность. Тогда говорили, что у каждаго солдата въ ранцѣ лежалъ маршальскій жезлъ или королевскій скипетръ. Тѣмъ, кому не нравилось военное ремесло, предоставлялось, какъ римскимъ консуламъ, управлять цѣлыми странами. Событія были поэтичнѣе поэмъ, драматичнѣе трагедій, увлекательнѣе романовъ. Только при реставраціи, когда событія перестали соперничать съ произведеніями фантазіи, литература снова получила свое утраченное-было значеніе.

Императорская цензура строго слѣдила за книгами. Но салоны оставались безо всякаго контроля и недовольство первою имперіей громко высказывалось въ нихъ. Благодаря этому, пріобрѣли значеніе нѣкоторыя красивыя женщины того времени,—значеніе, для насъ почти непонятное. При Наполеонѣ первомъ мадамъ Сталь и мадамъ Рекамье были столь же популярны, какъ Рошфоръ въ концѣ царствованія Наполеона III-го. Бенжаменъ Констанъ любилъ обѣихъ—и г-жу Рекамье, и г-жу Сталь. Послѣдняя платила ему взаимностью. Наполеонъ I, имѣвшій слабость возстановить «черный кабинетъ» и снабжаемый полиціей письмами подозрительныхъ людей, разсказывалъ на островѣ св. Елены, что письма г-жи Сталь къ Бенжамену Констану отличались замѣчательною страстностью. Она угрожала своему любовнику задушить его дочь, если онъ охладѣетъ къ ней. Эти письма г-жи Сталь, вѣроятно, давно уже уничтожены.

Г-жа Ленорманъ, племянница г-жи Рекамье, напечатала переписку послѣдней съ Бенжаменомъ Констаномъ. Г-жа Рекамье всю свою жизнь хотѣла быть обожаемой, но, кажется, никогда ни съ кѣмъ не переходила границъ того, что англичане называютъ «flirtation». Насмѣшливые современники объясняли эту холодность физическими причинами, что и старается опровергнуть г-жа Ленорманъ. Вообще дружба постоянныхъ посѣтителей салона прекрасной г-жи Рекамье переходила обыкновенно подъ конецъ въ припадокъ горячки; г-жа Рекамье употребляла успокоительныя средства, горячка проходила, а дружба оставалось. Такъ было и съ Бенжаменомъ Констаномъ.

Нашелся двоюродный племянникъ Бенжамена Констана, протестовавшій противъ печатанія писемъ его дядюшки и угрожавшій процессомъ издателю. Святскій «cant» былъ оскорбленъ любовными изліяніями женатаго Бенжамена Констана къ г-жѣ Рекамье, также бывшей замужемъ. Несмотря на горячія мольбы, г-жа Рекамье не пошла дальше платонической любви, и эта переписка имѣетъ развязку столь же нравственную, какъ старыя мелодрамы. Что касается человѣка, страсть котораго раз-

облачена, то хоть онъ и былъ любимцемъ женщинъ, никогда не заслуживалъ имени Constant. Жизнь его была волнуема многими страстями, изъ которыхъ только страсть къ игрѣ и была постоянна.

Всѣ влюбленные поютъ одну и ту же пѣсню, только безконечно варьируя ее. Такъ какъ это чувство полнѣе всего овладѣваетъ человѣкомъ, то и его выраженіе обрисовываетъ человѣка всего болѣе. Кромѣ біографическаго интереса, письма Бенжамена Констана имѣютъ то значеніе, что они знакомятъ насъ съ тѣмъ анти-бонапартистскимъ міромъ, откуда г-жи Сталь и Рекамье язвили Наполеона, часто занятаго ихъ болтовней не меньше, чѣмъ враждой Англіи.

Въ сборникѣ нѣтъ ни одного отвѣта г-жи Рекамье, что составляетъ, правду говоря, не большую потерю, такъ какъ эта прелестная женщина никогда не высказывалась въ своихъ письмахъ.

Переписка начинается письмомъ 1807 г., а второе письмо—отъ 1 іюня 1808 г. Въ нихъ влюбленный еще не открывается вполнѣ. «Природа,—говоритъ онъ,—вложила особую прелесть во всѣ ваши недостатки». 20-го іюля того же года Констанъ такъ выражаетъ причину своей сдержанности въ письмахъ: «Наши отношенія такъ еще неопредѣленны, что ихъ нельзя до сихъ поръ выразить словомъ. Они неосязаемы, какъ облака, на которыя они похожи по своей быстрой измѣнчивости. Я рѣшаюсь отложить мою роль наперсника до моего возвращенія изъ Парижа и надѣюсь, что по крайней мѣрѣ эту роль вы не отдадите другому. Довольно и того, что вы заставили меня ограничиться ею».

Въ 1810 году онъ пишетъ: «Я похожъ на женщину, надѣющуюся выиграть въ лотерею, на которую у нея нѣтъ билета. Я хотѣлъ бы, чтобъ отвѣчали на письма, существовавшія только въ моемъ воображеніи. Тогда вамъ пришлось бы писать мнѣ длинные отвѣты, такъ какъ хоть я и не пишу вамъ, я много думаю о васъ. Въ васъ есть что-то завлекающее; отъ васъ не оторвешься, хоть и чувствуешь васъ занятой совершенно другимъ, хоть и видишь себя на заднемъ планѣ и находишь удовольствіе слѣдить за вашей чистой и подвижною жизнью, которой самое непостоянство ея придаетъ особую прелесть».

Не оторвешься—вотъ выраженіе, которое могло бы служить девизомъ м-мъ Рекамье. Она удерживала невидимою нитью и состарилась, окруженная все тѣми же влюбленными поклонниками, одряхлѣвшими, но оставшимися вѣрными. Бенжаменъ Констанъ долго любилъ ее. Въ сентябрѣ 1814 г. онъ жалуется: «Вы хладнокровно заставляете страдать людей. И ангелы бываютъ иногда жестоки».

Бенжаменъ Констанъ очень бы хотѣлъ поймать за крылья и заставить пасть этого жестокаго ангела. «Все прошедшее,—говоритъ онъ,—вся ваша прелесть, которой я всегда боялся, вошли въ мое сердце. Мнѣ тяжело дышать, когда я пишу вамъ. Боже мой, вы—самая равнодушная женщина въ мірѣ, вы заставляете страдать меня».

Г-жа Рекамье никогда окончательно не отталкивала Бенжамена Констана.

Письма Бенжамена Констана сильно грѣшатъ однообразіемъ. О любви кто-то сказалъ, что это эгоизмъ вдвоемъ. Человѣкъ видитъ въ мірѣ только себя. «Я не могу жить безъ васъ, никогда никто не любилъ такъ, какъ я васъ люблю, не страдалъ такъ, какъ я страдаю». Вотъ постоянная пѣснь, которую Бенжаменъ Констанъ воспѣваетъ своему божеству.

Видя, что это мало ее трогаетъ, онъ пытался было затронуть другую струну,—представлялъ ей, что можетъ сдѣлать изъ него ея вліяніе. Такъ онъ говорилъ ей, что его способности пропадали даромъ, не будучи направляемы высшимъ разумомъ. «Будьте этой высшею силой,—пишетъ онъ,—ведите меня, пока я полонъ силъ, пока міръ открытъ предо мной, чтобъ я могъ сдѣлать что-либо великое и прекрасное». Г-жа Рекамье приняла отчасти на себя эту роль нимфы Эгеріи.

Бенжамена Констана подозрѣвали въ эгоизмѣ. Эта переписка важна для него тѣмъ, что показываетъ, что онъ не былъ злопамятнымъ даже когда его отвергали. «Я не хочу, чтобы ваша доброта ко мнѣ стоила вамъ малѣйшаго тяжелаго чувства; я долженъ способствовать вашему счастію даже въ ущербъ моему собственному». Онъ до конца остается вѣренъ этому образу дѣйствій. «Я желаю,—пишетъ онъ г-жѣ Рекамье,—быть вамъ только пріятнымъ въ жизни. Я не хочу ни съ кѣмъ бороться и не потребую отъ васъ ни одного мгновенія, кромѣ тѣхъ, которыя вы мнѣ отдадите по доброй волѣ». Во всей перепискѣ, дышащей страстью, нѣтъ мѣста ничему низкому, пошлому: мольбы—и ни одной угрозы; привязанность, стоящая выше разочарованій, переживающая обманутыя ожиданія. «Въ прошедшемъ страданіи есть,—говоритъ онъ,—нѣчто серьезное, что не должно быть предметомъ шутки. Вы не имѣете понятія о мукахъ сердца, если думаете, что то, что заставляетъ страдать и плакать цѣлыя ночи, проходитъ какъ сонъ, если его не выказываешь. Вы должны быть болѣе чѣмъ когда-либо убѣждены въ искренности того, что я чувствовалъ, именно потому, что я не стараюсь болѣе васъ разжалобить, говоря вамъ объ этомъ. Продолжаю ли я еще любить или нѣтъ, это моя тайна. Она ни для кого не интересна, а для васъ менѣе, чѣмъ для кого-либо другаго».

Но, увѣряя въ своемъ благоразуміи, Бенжаменъ Констанъ тѣмъ не менѣе увлеченъ еще страстью. «У меня нѣтъ другаго интереса въ жизни, какъ видѣть васъ на минуту каждый день. Весь промежутокъ представляетъ агонію, а между тѣмъ я покоряюсь всему. Я мучусь отъ боли, когда вы удаляетесь; кровь застываетъ во мнѣ при малѣйшемъ доказательствѣ вашего равнодушія и невниманія, но я скрываю это отъ васъ, и никто не знаетъ этого, такъ какъ я рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ причинить вамъ малѣйшую непріятность». Онъ хотѣлъ даже уѣхать въ Южную Америку.

Можетъ-быть прежняя связь г-жи Сталь и Бенжамена Констана была не малою причиной того, что г-жа Рекамье отвергла его. Онъ былъ при-

нужденъ сообщить послѣдней свою боязнь встрѣчи жены съ г-жею Сталь. «Эта женщина,—писалъ онъ,—была бы оскорблена, еслибы знала, что я люблю другую, и поторопилась бы сообщить объ этомъ моей женѣ. Но она точно также была бы оскорблена, еслибъ я былъ счастливъ съ моей женой, и нашла бы тысячи способовъ мучить ее». Положеніе Бенжамена Констана между тремя женщинами: женой, г-жей Сталь (его прежней любовью) и г-жей Рекамье—очень оригинально. Но это было еще такъ недалеко отъ XVIII вѣка! Бенжаменъ Констанъ былъ очень недоволенъ г-жей Сталь за то, что она предупредила свою подругу противъ его пылкой, но непостоянной страсти. Онъ пишетъ г-жѣ Рекамье: «Я скрою свою злобу противъ той, которая такъ много способствовала вашему нерасположенію ко мнѣ. Я разстанусь съ нею прилично».

Наполеонъ I возвращался съ острова Эльбы. Г-жа Рекамье хотѣла бѣжать и Бенжаменъ Констанъ также считалъ себя въ опасности. «Я погибну,—писалъ онъ,—если попаду въ руки Бонапарта». 19 марта онъ написалъ статью противъ Наполеона, уѣхалъ изъ Парижа 23 марта, вернулся туда 27, а 17 апрѣля императоръ сдѣлалъ его членомъ государственнаго совѣта. Такое быстрое превращеніе можетъ быть отчасти объяснено быстротой событій того времени. Бенжаменъ Констанъ смотрѣлъ на Наполеона глазами г-жи Сталь и ея партіи, но затѣмъ онъ подвергся очарованію этого геніальнаго человѣка и поддался мысли помочь ему утвердить во Франціи господство свободы.

20 іюня 1815 г. онъ пишетъ г-жѣ Рекамье: «я уже принялся за свое обычное занятіе — собирать разбитую партію и пытаться убѣдить людей желающихъ жить—идти на смерть, а трусовъ—быть мужественными».

Наполеонъ возвращается въ Парижъ. «Я чувствую,—пишетъ Бенжаменъ Констанъ,—что несравненно труднѣе высказывать правду несчастію, чѣмъ могуществу. Я согласенъ бы былъ, чтобы насъ всѣхъ изгнали, только бы чужестранцы не властвовали во Франціи». Назначенный членомъ коммиссіи, посланной къ союзникамъ, Бенжаменъ Констанъ пишетъ: «Не слѣдуетъ въ то время, какъ мы будемъ вести переговоры, цѣловать ноги чужеземцевъ. Бѣлая кокарда въ настоящую минуту будетъ знакомъ не примиренія съ Людовикомъ XVIII, а подчиненія англичанамъ и прусакамъ». Парижъ сдался, и Quotidienne, органъ Бурбоновъ, потребовалъ наказанія Бенжамена Констана на Гревской площади. Бурбоны, однако, не долго держали его въ изгнаніи. Но Бенжаменъ Констанъ сталъ однимъ изъ выдающихся ораторовъ оппозиціи, тогда какъ салонъ м-мъ Рекамье наполнялся лицами оффиціальныхъ сферъ. Отсюда произошло охлажденіе въ ихъ отношеніяхъ. Встрѣча съ г-жей Крюднеръ сильно подѣйствовала на него. Онъ началъ смотрѣть на все, что заставила его перенести г-жа Рекамье, какъ на естественное наказаніе за страданія, причиненныя имъ другимъ женщинамъ. «Еслибы тѣ, кому я сдѣлалъ зло, заставили меня страдать, я бы увидѣлъ въ этомъ естествен-

ный порядокъ вещей. Чтобы заставить меня понять это, нужно было, чтобы виновницей моихъ мукъ была женщина, которой я не сдѣлалъ ничего дурнаго. Она была только орудіемъ. Я страдалъ, потому что я заставлялъ страдать, и страдалъ тѣми страданіями, какія самъ причинялъ».

«Г-жа Крюднеръ,—пишетъ онъ,—исполняетъ свое назначеніе. Ея могущество—въ ея глубокомъ убѣжденіи, а ея прелесть—въ ея неизмѣримой добротѣ. Слушая ее, забываешь все, что кажется въ ней страннымъ, или скорѣе оставляешь безъ вниманія, чтобы не причинить зла самому себѣ. Въ ней есть что-то, что даетъ только религія и что имѣетъ началомъ божественное въ природѣ: она интересуется всѣми страданіями и успѣваетъ всѣмъ помочь. Можно было бы сказать, что она дала времени нѣкоторыя свойства вѣчности и что въ ея рукахъ его достаетъ для всего. Поэтому у нея много друзей и даже тѣ, кто находитъ ее странною, не могутъ не любить ее. Въ современномъ религіозномъ движеніи, живомъ и неопредѣленномъ, она играетъ важную роль. Невѣріе порвало связи земли съ небомъ и человѣчество видитъ себя какъ бы въ тюрьмѣ. Каждый разъ, какъ дѣло доходитъ до этого, оно хотѣло бы видѣть эту связь возстановленною».

Послѣднія письма Бенжамена Констана заключаютъ только намеки на его прежнее увлеченіе. Рекомендуя г-жѣ Рекамье одного молодаго человѣка, онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Примите его хорошо, очаруйте его, — для васъ это легко, — но постарайтесь, чтобъ онъ не сошелъ съ ума. Вы слыхали, что это случалось съ людьми, которые слыли за очень умныхъ». Въ другой разъ онъ говоритъ ей: «Когда пишешь вамъ, все окрашивается сладкими воспоминаніями; я вамъ обязанъ единственными свѣтлыми днями въ мои послѣдніе годы».

Эти письма не измѣняютъ существовавшаго до сихъ поръ представленія о г-жѣ Рекамье, съ лицомъ полуангельскимъ, полудѣтскимъ, съ привлекательными свѣтскими манерами, съ набожной и въ то же время кокетливою душой. Но они дѣлаютъ самого Бенжамена Констана болѣе симпатичнымъ,— онъ вложилъ въ нихъ лучшее, что было въ немъ.

Элизе Реклю выпустилъ еще томъ издаваемой имъ *Всемірной Географіи*. Этотъ разъ онъ ведетъ насъ въ восточную Азію, Китай и Японію. Когда человѣкъ охватываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ весь міръ, невозможно, конечно, чтобы всѣ части его труда стояли на одинаковой высотѣ. Многое можно сказать о нѣкоторыхъ этнографическихъ вопросахъ, разрѣшаемыхъ Реклю, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ брать на вѣру взгляды своихъ сотрудниковъ. Одинъ человѣкъ не можетъ довести до конца такое громадное предпріятіе,—ему необходимы помощники. Такъ, напримѣръ, Реклю, описавшій съ такою замѣчательною ясностью и такъ старательно физическій видъ земнаго шара, долженъ былъ, перейдя къ вопросамъ о расахъ и національностяхъ, заимствовать выводы другихъ ученыхъ. За нимъ остается, тѣмъ не менѣе,

та важная заслуга, что онъ далъ своей странѣ огромный географическій compendium, въ которомъ относительно всякой страны читатель найдетъ больше подробностей, плановъ и картъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ предшествующемъ трудѣ. Притомъ же мы живемъ въ эпоху спеціальныхъ энциклопедій. Знанія такъ расширяются, что люди ограничиваютъ свою жажду знанія одной спеціальностью и нуждаются въ сводѣ всѣхъ общихъ знаній относительно интересующаго ихъ предмета.

Реклю, въ началѣ своего обзора Китая, ставитъ вопросъ, каковъ будетъ результатъ столкновенія двухъ цивилизацій—европейской и китайской: «Предназначены ли наступающія поколѣнія,—пишетъ онъ,—перенести періодъ, подобный среднимъ вѣкамъ, когда пала римская цивилизація, между тѣмъ какъ у варваровъ зарождалась новая?» Приводя мнѣніе русскаго писателя Васильева, говорящаго, что, еслибы не опіумъ, Китай былъ бы сильнѣе Европы и Америки, Реклю оспариваетъ его. Онъ говоритъ, что теперь уже слишкомъ поздно пытаться снова отдѣлить Востокъ отъ Запада, что восточная Азія составляетъ теперь доступную всѣмъ часть міра, почему и столкновеніе между трудомъ бѣлыхъ и китайцевъ, начавшееся въ Америкѣ, не можетъ быть уничтожено законодательными мѣрами противъ наплыва китайцевъ. «Подобно тому,—говоритъ Реклю,—какъ поверхность океана уравнивается дѣйствіемъ тяготѣнія, такъ уравниваются и условія найма на рабочихъ рынкахъ. Разсматриваемый просто какъ обладатель своихъ двухъ рукъ, человѣкъ самъ—товаръ, равно какъ и продукты его труда. Промышленныя заведенія всѣхъ странъ, все болѣе и болѣе увлекаемыя борьбою за существованіе, стремятся къ дешевому производству, покупая возможно дешевле сырой матеріалъ и трудъ, потребный для его обработки». Китайцы—наиболѣе дешевые работники и, проникая на фабрики вмѣсто бѣлыхъ, увеличиваютъ нищету послѣднихъ. Но развѣ имъ закрываютъ доступъ на европейскія и американскія фабрики, потому что они могутъ понизить вознагражденіе бѣлыхъ работниковъ? Возникнутъ ли въ Китаѣ промышленныя заведенія, подобныя европейскимъ, напр., шерстяныя и хлопчатобумажныя, или китайскія и японскія издѣлія будутъ продаваться на европейскихъ рынкахъ дешевле мѣстныхъ,—результатъ будетъ тотъ же». Я не послѣдую за авторомъ по всему Китаю. Я хотѣлъ только указать, что самые важные экономическіе вопросы такъ тѣсно связаны съ географіей, что эта наука получаетъ значеніе для промышленника и даже для самого рабочаго, на заработокъ котораго вліяетъ то, что происходитъ въ Кантонѣ или Нангасаки. Вотъ почему наши дѣти должны изучать массу книгъ, пугавшихъ ихъ отцовъ, въ родѣ географіи, которой уже вышло семь томовъ, а будетъ, говорятъ, семнадцать.

Викторъ Дюрюи, отказавшись отъ политики, всецѣло посвятилъ себя передѣлкѣ своей «Исторіи римлянъ». Онъ печатаетъ ее не только дополненною всѣмъ, что наука каждый день прибавляетъ къ нашимъ знаніямъ

о древнемъ мірѣ, но еще иллюстрированною снимками съ лучшихъ древнихъ статуй и медалей.

Только-что появившійся томъ обнимаетъ царствованія Тиберія, Калигулы, Клавдія и Нерона. Прежде всего Дюрюи рисуетъ картину римскаго правительства по смерти Августа. Спокойствіе было благодѣяніемъ, доставленнымъ Римомъ народамъ, покореннымъ имъ. Консулъ безъ войска управлялъ пятью стами азіятскихъ городовъ, и порядокъ не нарушался въ нихъ. Внѣ предѣловъ имперіи центуріалъ, или простой солдатъ, посланный къ союзнымъ народамъ или туземнымъ начальникамъ, во Фригіи или въ Византіи, занималъ должность, соотвѣтственную нашимъ начальникамъ арабскихъ бюро въ Алжирѣ. Римская республика въ послѣднее время своего существованія страшно угнетала міръ. Римскіе проконсулы оставляли свои семейства въ Римѣ, куда спѣшили возвратиться, чтобы выказать блескъ, которымъ обязаны были своимъ хищеніямъ. При имперіи же они берутъ свои семейства съ собой и старѣются на своихъ должностяхъ. Сколько труда стоило Цицерону заставить осудить Верреса! Большинство же такихъ Верресовъ не встрѣчало передъ собою Цицероновъ и пользовалось безнаказанностью. При Августѣ воровство стало опаснымъ. Онъ велѣлъ казнить своего секретаря, получившаго пятьсотъ динаріевъ за сообщеніе письма. Его военныя дороги произвели въ древнемъ мірѣ переворотъ подобный тому, который въ наше время произвели желѣзныя дороги. Римъ истратилъ семь милліардовъ на сооруженіе дорогъ и 72 большія дороги имѣли протяженіе въ 77.000 километровъ. Незначительные варварскіе владыки сохраняли только тѣнь власти и были похожи на индійскихъ райя, вознаграждающихъ себя за потерю политической власти разными безумствами.

Власть переходила, мало-по-малу, къ императору, и наконецъ эта страшная централизація сосредоточилась вся въ одномъ лицѣ. Понятно, что головы, способныя вынести такую тяжесть, были исключеніемъ. Обширность этой власти, ничѣмъ не сдерживаемой, опьяняла до такой степени, что Калигула считаетъ себя богомъ. «Не изъ тѣхъ ли вы противниковъ боговъ, — говоритъ онъ еврею Филону,—которые одни презираете меня, когда всѣ люди признаютъ мое божество, и предпочитаете моему культу культъ вашего бога безъ имени?» Придворные должны были остроумными отвѣтами спасаться отъ опасныхъ вопросовъ этого властелина. Такъ, напримѣръ: «Ты знаешь,—говорилъ онъ Вителлію,—что Діана моя жена. Видишь ли ты ее, когда она приходитъ ко мнѣ?»—«О, повелитель,—отвѣтилъ этотъ выродившійся римлянинъ,—только боги могутъ видѣть другъ друга».

Разсказъ Дюрюи очень увлекателенъ. У него простой, строгій стиль, безъ напыщенности, безъ стремленія къ уничиженію императоровъ, но и безъ малѣйшей слабости къ недостаткамъ самаго строя.

10 ноября 1881 г.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, власть всецѣло перешла въ руки Гамбетты. Льстецы зовутъ только-что сформированный имъ кабинетъ *«великимъ министерствомъ»*. И въ одномъ отношеніи это, пожалуй, и вѣрно: для удовлетворенія возможно-большаго числа честолюбцевъ прибавили два новыхъ портфеля — министра искусствъ и министра земледѣлія. Въ своемъ докладѣ президенту республики Гамбетта указываетъ, что цѣль, которую будетъ преслѣдовать первое изъ этихъ двухъ министерствъ, есть приложеніе искусства къ промышленности.

Весь кабинетъ, по личному своему составу, чрезвычайно однороденъ. Никто изъ другихъ республиканскихъ группъ въ него не вошелъ. Гамбетта надѣлилъ министерскими портфелями исключительно своихъ приверженцевъ. Это дало поводъ сказать, что «всѣ портфели министерствъ вложены въ портфель самого Гамбетты». Въ сущности кабинетъ составленъ изъ бывшихъ сотрудниковъ газеты République Française. Веденіе иностранныхъ дѣлъ Гамбетта удержалъ за собой. Сотоварищи его, по способностямъ своимъ, пожалуй, не уступятъ вышедшимъ въ отставку министрамъ. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Вальдекъ-Руссо, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, владѣющій даромъ слова, всегда съ симпатіей выслушивался палатой. Алленъ Тарже, сдѣланный министромъ финансовъ, ненавидимъ желѣзнодорожниками, противъ которыхъ онъ всегда ратовалъ въ журналистикѣ. Интересно знать, какъ, въ качествѣ министра, будетъ онъ проводить свои публицистическія теоріи. Генералъ Кампенонъ, замѣстившій бывшаго военнаго министра Фарра, былъ въ числѣ лицъ, гонимыхъ послѣ coup d'état 1851 года, и въ то время былъ даже сосланъ въ Алжиръ, что собственно и послужило источникомъ благоволенія къ нему республиканцевъ. Поль Беръ получилъ въ свое вѣдѣніе не только дѣло народнаго просвѣщенія, но и дѣла вѣроисповѣданій. И послѣднее обстоятельство очень характеристично, ибо онъ публично и не разъ заявлялъ себя атеистомъ. Онъ считается хорошимъ ученымъ и извѣстенъ своею борьбой противъ клерикальнаго воспитанія. Рейналь пользуется репутаціей прекраснаго техника. Онъ всегда былъ противъ грандіозныхъ проектовъ Фрейсине, которые Сади-Карно проводилъ почти безъ отступленій. Думаютъ, что новый министръ публичныхъ работъ будетъ болѣе осторожнъ и экономенъ. Морисъ Бувье, молодой адвокатъ, южанинъ, получилъ министерство торговли и колоній. Кошери остается министромъ телеграфовъ, а Казо—юстиціи. Назначеніе Деве министромъ земледѣлія есть собственно маленькая уступка фракціи «республиканскаго союза». Изъ назначеній товарищами министровъ (secrétaires d'état) обращаетъ вниманіе назначеніе Шпюллера. Съ давняго времени правая рука Гамбетты, онъ теперь сдѣланъ ближайшимъ сотрудникомъ его по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Декларація Гамбетты составлена весьма искусно. Въ ней глава новаго кабинета перечисляетъ все, чѣмъ онъ намѣренъ надѣлить Францію. Это —

тѣ реформы, которыя онъ давно и старательно подготовлялъ. Онѣ заключаются въ переемотрѣ конституціи по отношенію къ сенату, въ измѣненіи правъ магистратуры и въ точномъ примѣненіи въ дѣлахъ церкви конкордата, или, вѣрнѣе, добавочныхъ къ нему пунктовъ, добавленныхъ и объявленныхъ въ тотъ же день, когда объявленъ былъ Наполеономъ I и самый конкордатъ, и которыхъ папы никогда не хотѣли признавать. Въ заключеніе Гамбетта объявляетъ, что эта серія реформъ всецѣло наполнитъ собою весь избирательный періодъ, т. е. все время существованія нынѣшней палаты. Итакъ, ясно, что Франція готовится сдѣлать нѣсколько существенныхъ шаговъ впередъ, по крайней мѣрѣ, въ ея внутренней политикѣ. Но ежели вдругъ возникли бы какія-либо затрудненія извнѣ, или же во внутреннихъ дѣлахъ будутъ сдѣланы ошибки и промахи, то вся отвѣтственность за дѣйствія министровъ, этихъ слугъ Гамбетты, падетъ всецѣло на послѣдняго. На пути своемъ онъ будетъ имѣть менѣе препятствій, чѣмъ кто-либо изъ министровъ послѣдняго десятилѣтія. И палаты, и страна предоставятъ ему, въ теченіе нѣкотораго времени, полную свободу дѣйствій. Это почти диктатура, но вмѣстѣ съ тѣмъ это—одно изъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ положеній. Тутъ нѣтъ середины: или полный успѣхъ, или окончательное крушеніе. За исходомъ этого рѣшительнаго испытанія государственной мудрости Гамбетты Европа будетъ слѣдить съ любопытствомъ, Франція—съ трепетомъ.

W***

Парижъ.
12/24 ноября
1881 г.

Международный литературный конгрессъ въ Вѣнѣ.

Сообщеніе одного изъ членовъ конгресса.

Международный литературный конгрессъ въ Вѣнѣ, повидимому, задался весьма прозаическою задачей — обсужденіемъ правъ литературной собственности. Правда, что взгляды самихъ поэтовъ и писателей нѣсколько измѣнились противъ прежнихъ временъ: они когда-то довольствовались одною славой и популярностью и считали бѣдность законною долей гражданина духовнаго міра, въ наше же время каждый болѣе или менѣе находитъ необходимымъ заботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. Я самъ не принадлежу къ числу тѣхъ, которые негодуютъ, что Викторъ Гюго не является передъ нами старцемъ-безсребренникомъ временъ Гомера; на бѣломъ свѣтѣ и теперь еще не мало талантливыхъ людей пропадающихъ съ голоду и потому возрастающее благосостояніе литературнаго міра есть только доказательство, что интеллектуальные фонды стоятъ высоко и въ нашъ положительный вѣкъ. Очень понятно, что къ вопросу о переводахъ не совсѣмъ сочувственно относятся въ тѣхъ странахъ, гдѣ переводы иностранныхъ произведеній составляютъ значительный контингентъ въ литературѣ, и потому обязательныя отношенія съ иностранными писателями представляются въ видѣ стѣсненія. Но въ данномъ случаѣ справедливость должна имѣть перевѣсъ надъ подобными соображеніями. Литературная собственность основана на такихъ же законныхъ правахъ, какъ и всякая другая; почему же нарушать именно ее, если законъ охраняетъ прочіе имущественные интересы? Не взирая на всѣ софизмы, здравый разсудокъ возмущается при мысли, что авторъ можетъ умереть съ голода, а эксплоататоръ обогатится его произведеніями. Обсуждая вопросъ литературной собственности, иные возражаютъ, что каждый писатель пользуется умственными трудами своихъ предшественниковъ; но бѣдь и каждая частная собственность можетъ быть подведена подъ то же разсужденіе. Я могу купить землю, уже обработанную до меня, или домъ, выстроенный другими. Опасеніе, что владѣлецъ геніальнаго произ-

веденія можетъ его самъ уничтожить, также лишено основанія. Часто говорятъ: «Представьте себѣ, что сынъ Вольтера былъ бы іезуитомъ; онъ, еслибы не уничтожилъ произведеній отца, могъ бы не печатать ихъ и по существующимъ во Франціи законамъ ничто не могло бы воспрепятствовать ему лишать публику этихъ произведеній въ теченіе пятидесяти лѣтъ». Такой поступокъ былъ бы вполнѣ соотвѣтствующимъ буквѣ закона, который гласитъ, что «каждый владѣлецъ можетъ пользоваться своимъ правомъ по собственному усмотрѣнію». А какъ трудно отстранить подобныя злоупотребленія! Екатерина Медичи жгла картины Михель-Анжело, завѣщанныя Франциском I-мъ, потому что находила ихъ «непристойными». Подобныя сумасбродства могутъ всегда повторяться независимо отъ закона. Во Франціи правительство имѣетъ право отчуждать частное имущество для общественной пользы; почему же не подчинить этому закону сына, способнаго на вандализмъ съ отцовскими геніальными произведеніями, которыя поступили бы такимъ образомъ въ распоряженіе правительства, а наслѣдникъ получилъ бы вознагражденіе за отчужденную собственность? Мы убѣждены, что рано или поздно справедливость восторжествуетъ и что каждое государство почувствуетъ себя обязаннымъ поддерживать интересы иностранныхъ литераторовъ точно такъ же, какъ и своихъ. Если хорошенько разобрать дѣло, окажется, что въ переводной литературѣ проку мало. Наплывъ переводной литературы замѣняетъ самостоятельные труды; легкая добыча, доступная каждому, она вносится массами, безъ разбора, и въ общемъ итогѣ можетъ оказать болѣе вреда, чѣмъ пользы; къ тому же переводы, не провѣренные самими авторами, часто выходятъ каррикатурными и въ искаженномъ видѣ распространяютъ въ публикѣ представленіе о томъ или другомъ произведеніи. Нѣкоторое ограниченіе путемъ закона права перепечатыванія и перевода иностранныхъ произведеній будетъ не только дѣломъ справедливымъ, но принесетъ несомнѣнную пользу той странѣ, гдѣ оно будетъ введено.

Первые литературные конгрессы преимущественно имѣли въ виду обсужденіе коммерческой стороны литературной дѣятельности; но мало-помалу программа международнаго общества расширяется и литературный конгрессъ, собравшійся въ Вѣнѣ, не пожелалъ ограничить свою дѣятельность одною охраной матеріальныхъ интересовъ писателей и занялся вопросами, выходящими изъ этой узкой сферы. Такъ нельзя не признать за благо каждый шагъ, сдѣланный для сближенія иностранныхъ писателей между собой въ виду многочисленныхъ международныхъ предразсудковъ, вкоренившихся ради незнакомства другъ съ другомъ. Вѣнскій конгрессъ хлопоталъ объ устройствѣ такихъ центровъ, гдѣ иностранный литераторъ, пріѣхавшій въ чужую страну, могъ бы попасть въ кругъ своихъ собратій и черезъ нихъ познакомиться съ новою для него средой.

Число засѣданій конгресса было очень ограниченно; многіе изъ членовъ принадлежатъ къ журналистикѣ и не имѣли возможности надолго

отвлечься отъ своихъ ежедневныхъ занятій. Французы преобладали на конгрессѣ. Въ Лиссабонѣ, гдѣ собирался конгрессъ въ 1880 году, правительство оффиціально принимало членовъ конгресса; въ Вѣнѣ эту обязанность приняло на себя богатое общество журналистовъ, извѣстное подъ именемъ «Конкордія». Президентъ его, г. Нордманнъ, при содѣйствіи членовъ, гг. Шпигель, Фрей, Кулько, Леоное, съ радушнымъ гостепріимствомъ чествовали гостей. Въ зданіи общества, разукрашенномъ цвѣтами и зеленью, члены конгресса могли во всякое время получать нужныя имъ свѣдѣнія и указанія. Въ числѣ французскихъ литераторовъ были: Луи Ульбахъ—романистъ и политическій дѣятель, Луи Ратисбонъ—переводчикъ Данта, прежній редакторъ Journal des Débats, Адольфъ Бело—представитель общества драматическихъ писателей, Жюль Лермина—плодовитый романистъ и главный дѣятель литературныхъ конгрессовъ. Къ открытію конгресса пріѣхалъ и польскій романистъ, Іосифъ Крашевскій, живущій постоянно въ Дрезденѣ. Въ первый день, 19-го сентября, «Конкордія» принимала своихъ гостей въ великолѣпной залѣ «Eisenbahn club» (желѣзнодорожный клубъ); каждому члену вручалась при входѣ изящная книжка съ планомъ и фотографіями Вѣны и программою засѣданій.

Въ тотъ же вечеръ въ залѣ общества садоводства было назначено собраніе, въ которомъ предсѣдатель «Конкордіи», г. Нордманнъ, сказалъ привѣтственную рѣчь. На нее отвѣчали гг. Ульбахъ, Крашевскій и Лацарусъ. Берлинскій профессоръ Лацарусъ, предсѣдатель конгресса нѣмецкихъ литераторовъ, только-что окончившихъ свои засѣданія въ Вѣнѣ, обладаетъ даромъ слова и увлекаетъ своихъ слушателей, несмотря на растянутость своихъ рѣчей и на самодовольство, которое въ нихъ высказывается.

Конгрессъ нѣмецкихъ литераторовъ, предшествовавшій международному, оказался несовсѣмъ удачнымъ; о немъ можно сказать то, что Гейне сказалъ объ англійскихъ оркестрахъ, что каждый музыкантъ исполняетъ свою часть, не заботясь о сосѣдяхъ; на шумныхъ ихъ засѣданіяхъ каждый говорилъ свое, разбирались самые мелочные интересы; вопросъ: нужно ли въ перепискахъ прилагать на отвѣтъ почтовую марку или нѣтъ—занялъ цѣлое засѣданіе; конгрессъ разошелся, не сговорившись ни о чемъ.

Международный велъ свои засѣданія съ достоинствомъ и въ большемъ порядкѣ. Мы ознакомились съ отличной вѣнскою музыкой и наслаждались ею на всѣхъ нашихъ засѣданіяхъ. Первоклассные солисты рѣдки въ Вѣнѣ, за то военные оркестры, составленные большею частью изъ чеховъ, доведены до такого совершенства, что не уступятъ оркестрамъ лучшихъ консерваторій большихъ столичныхъ городовъ. На засѣданіяхъ общества военный оркестръ Молинари исполнялъ музыкальныя пьесы во время перерывовъ между рѣчами; ораторы произносили свои рѣчи на эстрадѣ, но ихъ голоса были нѣсколько заглушаемы стукомъ стакановъ, ножей и вилокъ: въ той же залѣ ужинали по картѣ, что производило на иностранныхъ посѣтителей довольно странное впечатлѣніе. Это смѣшеніе музыки,

ораторскаго краснорѣчія, пивныхъ кружекъ и Wiener Schnitzel—есть черта нѣмецкихъ нравовъ, которая свято соблюдалась во время всего конгресса. На второй день приступлено было къ провѣркѣ уполномочій представителей иностранныхъ правительствъ. Одинъ изъ представителей общества, г. Торресъ Кайзедо, сказалъ нѣсколько словъ, послѣ чего Луи Ульбахъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа! международное литературное общество открываетъ сегодня свой четвертый конгрессъ. Великолѣпное гостепріимство, предложенное намъ въ Вѣнѣ, и содѣйствіе столькихъ знаменитыхъ писателей служатъ ручательствомъ за успѣхъ предстоящихъ намъ занятій; дѣло, предпринятое нами, перешло періодъ испытанія и вступаетъ на путь побѣды.

«Три года тому назадъ, господа, мы еще находились во мракѣ неизвѣстности и наши мечты вызывали лишь улыбку недовѣрія.

«Какъ, простые литераторы, каждый сбывающій врозь свои произведенія, мы вдругъ задумали передѣлать міръ матеріальныхъ интересовъ, явились карателями эгоизма, а пуще всего индифферентизма,—захотѣли провести въ Европѣ, посреди разныхъ правительствъ, братское движеніе между народами, поднять знамя единства и провозгласить повсюду законныя права духовной жизни?

«Явились ли мы дипломатами, чтобъ обольщать правительства,—законодателями, чтобъ устанавливать законы,—миссіонерами, чтобы пропагандировать идеи?— Нѣтъ, за нами нѣтъ такихъ преимуществъ, хотя мы и служимъ разсадникомъ, а иногда и убѣжищемъ государственныхъ мужей. Во главѣ насъ стоитъ Викторъ Гюго, ничтожный между сильными міра сего; мы явились какъ бы контрабандистами между дипломатами, законодателями, проповѣдниками; мы лишены были всякихъ гражданскихъ правъ, но вскорѣ къ намъ примкнули дипломаты, акредитованные законными правительствами, и короли, увѣнчанные не лаврами, а царственными коронами.

«Второй конгрессъ нашъ, засѣдавшій въ Лондонѣ, возбудилъ къ намъ довѣріе, которое все болѣе и болѣе оправдывается. Мы съ гордостью вспоминаемъ прошлогодній съѣздъ нашъ въ Лиссабонѣ и надѣемся найти то же удовлетвореніе въ настоящемъ конгрессѣ. Благодаря вамъ, господа, намъ стало невозможнымъ не выйти побѣдителями,—для насъ уже немыслимо прекратить свое существованіе. Мы не благодаримъ васъ, господа,—мы всѣ работники, трудящіеся въ общемъ дѣлѣ; обезпеченіе, къ которому мы стремимся, есть общее наше достояніе; но, привѣтствуя васъ за то, что вы такъ дружно сплотились на защиту свободы, мы счастливы, что смогли пріобрѣсти ваше сочувствіе и не ошиблись, надѣясь на него.

«У насъ въ виду двѣ цѣли, которыя послѣ окончательной побѣды должны слиться во-едино: обезпеченіе свободы совѣсти писателя, доставленіе таланту должной ему дани, законное огражденіе этого невидимаго очага, такъ часто нарушаемаго потому только, что онъ созданъ изъ матеріаловъ не вещественныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ установленіе солидарныхъ

отношеній между иностранными писателями чрезъ сближеніе и обоюдное знакомство другъ съ другомъ.

«Я замѣтилъ вчера въ этой залѣ, гдѣ начались наши занятія, изреченіе, написанное на стѣнѣ, служащее геройскимъ девизомъ литературной дѣятельности: Esse potius quam habere (быть лучше, чѣмъ имѣть). Да, господа, въ сущности въ этомъ и состоитъ наше стремленіе; но для того, чтобы достигнуть цѣли, необходимо, чтобы существованіе было обезпечено. Мы требуемъ узаконеніе собственности только для того, чтобъ отстранить заботу о матеріальномъ существованіи и тѣмъ щедрѣе расточать свои нравственныя силы.

«Мы обращаемся къ охранительной силѣ законовъ, изъ которыхъ многіе обязаны своимъ существованіемъ журналистамъ, философамъ, писателямъ, воздѣлавшимъ почву, въ которую было брошено зерно и выросло дерево; а почва эта постоянно орошалась ихъ потомъ и часто обагрялась ихъ кровью. Мы взываемъ къ законамъ не для поощренія праздности, а для временнаго отдыха, необходимаго труженику.

«Писатель, прожившій весь свой вѣкъ въ бѣдности, Жанъ-Жакъ Руссо сказалъ: «Деньги, за которыми приходится гнаться, можно назвать орудіемъ рабства; деньги, которыя у насъ въ рукахъ,—орудіемъ свободы». Мы желаемъ, чтобы вездѣ писатель былъ свободенъ, потому и хлопочемъ, чтобъ онъ вездѣ получалъ должное ему вознагражденіе; но еще разъ повторю, что эта забота о собственности есть не что иное какъ огражденіе нашей свободы, нашего личнаго достоинства.

«Высшая цѣль, къ которой мы стремимся и которая насъ радуетъ, главное достояніе, о которомъ мы хлопочемъ, есть сближеніе другъ съ другомъ, расширеніе умственнаго кругозора. Литераторамъ суждено оставаться по преимуществу идеальными капиталистами; они довольствуются малой лептой, лишь бы утолить жажду умственной жизни.

«Во всѣхъ профессіяхъ на свѣтѣ существуетъ зависть. Между литераторами зависть часто превращается въ любовь. Братское чувство кроется въ любопытствѣ, притягивающемъ насъ другъ къ другу, заставляющемъ насъ присматриваться къ чужимъ произведеніямъ, сравнивать наши душевные порывы съ порывами другихъ,—и, восхищаясь нашими собратьями, мы невольно поддаемся смягчающимъ чувствамъ, недоступнымъ другимъ профессіямъ, гдѣ люди участвуютъ въ ежедневной борьбѣ за существованіе.

«Восхищаться другими—это высшее наслажденіе литератора, это награда и утѣшеніе тѣмъ, которымъ не суждено приводить другихъ въ восторгъ. Мы желали бы до безконечности распространить это наслажденіе, и потому обращаемся къ вамъ, господа, для изысканія средствъ, какъ бы болѣе и болѣе распространить между различными націями неизвѣстныя имъ литературы.

«Не подумайте, господа, чтобы желаемые нами законы и конвенціи были легко достижимы. У насъ еще многое недодѣлано, но есть одинъ результатъ неотъемлемый, служащій ручательствомъ за дальнѣйшій успѣхъ, это—обоюдныя отношенія, возникшія между нами; духовная связь есть самый вѣрный залогъ искренней дружбы; мы какъ братья, долго искавшіе другъ друга, встрѣтились, наконецъ, и если разойдемся, все-таки останемся близкими одинъ другому.

«Вотъ побѣда, которую я провозглашаю, господа,—побѣда, которою конгрессъ имѣетъ право возгордиться и въ томъ крайнемъ случаѣ, если другимъ надеждамъ не пришлось бы осуществиться».

Жюль Лермина, главный секретарь международнаго литературнаго общества въ Парижѣ, прочелъ отчетъ о дѣятельности общества, послѣ чего завязались пренія о желаніи конгресса, чтобы законодательства отдѣльныхъ государствъ признали право литературной собственности иностранныхъ авторовъ въ той же мѣрѣ, въ какой они признаютъ остальныя права собственности.

Увеселенія всегда входятъ въ программу подобныхъ конгрессовъ. Вечеромъ 20 сентября городъ далъ праздникъ членамъ конгресса въ Куръ-Салонѣ (Cur-Salon). Бургмейстръ вручалъ при входѣ каждому изъ гостей кожаный портъ-сигаръ съ гаванскими сигарами. Ужинъ былъ роскошный и стоилъ 8.000 флориновъ. Оркестръ Штрауса, дирижированный младшимъ Штраусомъ, превзошелъ себя. Шумъ былъ такъ великъ, что оказалось невозможнымъ разслышать рѣчи ораторовъ, несмотря на то, что трубными звуками объявлялось о желающихъ говорить.

На слѣдующемъ засѣданіи обсуждалось русское законодательство о литературной собственности, преимущественно относительно театральныхъ произведеній. Г. Альбертъ Ліувилль, бывшій президентъ муниципальнаго совѣта въ Парижѣ и редакторъ судебной газеты D r o i t, прочелъ записку, въ которой заявилъ желаніе, чтобы въ Россіи, какъ и во всякой другой странѣ, не могло быть приступлено безъ позволенія автора къ переводу драматическаго или какого-нибудь инаго литературнаго или музыкальнаго произведенія,—чтобы къ существующему договору 1861 года между Франціей и Россіей была прибавлена статья относительно постановки драматическихъ произведеній, и въ заключеніе предложилъ, чтобъ этотъ вопросъ, требующій внимательнаго обсужденія, былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса.

Присяжный повѣренный Мишеле, назвавшій себя русскимъ, выступилъ съ рѣчью, въ которой изложилъ русскіе законы 1827 и 1830 годовъ о литературной собственности, и старался доказать, что интересы иностранныхъ писателей достаточно обезпечены русскими законами. Заявленіе это возбудило оживленныя пренія. Конгрессъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ составить къ будущему году записку, въ которой должны быть

категорически выставлены всѣ пункты русскаго законодательства о литературной собственности. Послѣ засѣданія была предпринята прелестная прогулка на гору Каленбергъ.

Желѣзная дорога взбирается на вершину горы по крутизнѣ, засаженной виноградниками. Видъ на Вѣну и извилины Дуная величественный. Тамъ насъ ожидалъ роскошный обѣдъ; тостамъ не было конца. Одинъ изъ поляковъ, г. Шимановскій, напомнилъ, что не будь короля Собескаго, турки могли бы въ настоящую минуту замѣнить на этомъ пирѣ представителей просвѣщенныхъ націй. Жители Вѣны весьма любезны, но у нихъ есть свои причины на то, чтобы не черезчуръ сочувствовать подобнымъ воспоминаніямъ. Король Янъ Собескій дѣйствительно слушалъ обѣдню на Каленбергѣ передъ битвой подъ Вѣной.

22-го сентября было два засѣданія конгресса. На первомъ говорили американцы и англичане. Г. Дженкинсъ, романистъ и бывшій членъ англійскаго парламента, жаловался на ущербъ, причиняемый англійскимъ писателямъ перепечатаніемъ ихъ сочиненій въ Америкѣ. Американецъ г. Кингъ отвѣтилъ на это, что покойный президентъ Гарфильдъ имѣлъ уже въ виду устраненіе подобныхъ злоупотребленій и составилъ проектъ для представленія вашингтонскому конгрессу, но пуля безумца отсрочила на неопредѣленное время благія намѣренія президента. На второмъ засѣданіи того же дня представители Италіи возбудили вопросъ о музыкально-литературной собственности. Конгрессъ призналъ законность правъ издателей музыкальныхъ произведеній наравнѣ съ правами издателей сочиненій другихъ родовъ и высказался противъ контрафакціи и всякой переработки мотивовъ или музыкальныхъ темъ, даже въ размѣрѣ восьми тактовъ. Это послѣднее ограниченіе и нѣсколько другихъ пунктовъ, предложенныхъ конгрессомъ, показались нѣкоторымъ членамъ преувеличенными. Окончивъ обсужденіе юридическихъ и техническихъ вопросовъ, конгрессъ перешелъ къ литературѣ. Г. Витманъ сдѣлалъ въ общихъ чертахъ очеркъ австрійской литературы, но, въ качествѣ нѣмца, онъ въ Австріи видитъ одну нѣмецкую литературу и окончательно игнорируетъ литературы чешскую, польскую и др.

Владиславъ Мицкевичъ, сынъ великаго поэта, выбралъ темой своей рѣчи предубѣжденія, часто ожесточающія націи другъ противъ друга. «Международное литературное общество, — сказалъ онъ, — имѣетъ цѣлью борьбу съ предразсудками, въ силу которыхъ народы, восхищаясь сами собой, такъ часто ищутъ недостатки въ своихъ сосѣдяхъ. Большею частью, какъ только какой-нибудь авторъ примется за описаніе иностраннаго типа, то онъ впадаетъ въ каррикатуру; изъ этого неправильнаго отношенія возникаютъ эпитеты часто весьма нелестные, которыми народы перекидываются между собой,—эпитеты, не задѣвающіе отдѣльныхъ лицъ, но оскорбительные для цѣлыхъ націй, затрогивающіе чувство, послѣ любви къ Богу

въ человѣческомъ сердцѣ самое священное—любовь къ родинѣ. Народы, какъ и отдѣльныя лица, всегда охотнѣе разсматриваютъ недостатки, чѣмъ достоинства ближняго.

«Геройскіе подвиги грековъ несомнѣнно заслуживаютъ, чтобъ имя грека было равнозначуще герою; имъ же, напротивъ, ставится въ укоръ изворотливость нѣсколькихъ выродившихся фанаріотовъ и именемъ грека именуютъ не героевъ, а шулеровъ и аферистовъ... Намъ, полякамъ, такъ часто проливавшимъ кровь за чужую свободу, охотнѣе всего бросаютъ въ лицо пословицу: «Что когда король Августъ напивался, то и вся Польша бывала пьяна». Иностранцы, припоминая пословицу, забываютъ, что благоденствіе Польши уже давнымъ-давно перешло въ область миѳическаго преданія».

Въ заключеніе своей рѣчи онъ выставилъ безпристрастное отношеніе своихъ соотечественниковъ къ произведеніямъ иностранныхъ литературъ.

«Наши величайшіе писатели,—говоритъ онъ,—создавая свои геніальныя произведенія въ свободныхъ государствахъ, отличались величайшимъ безпристрастіемъ. Укажемъ на добросовѣстное отношеніе польской романтической школы къ нѣмецкой литературѣ. Наши лучшіе поэты преклонялись передъ геніальными мужами Германіи и цѣнили пріобрѣтенныя отъ нихъ сокровища безъ всякаго личнаго опасенія за собственное достоинство. Свободный обмѣнъ мысли имѣетъ для духовнаго міра столь же важное значеніе, какъ свободная торговля для матеріальныхъ и промышленныхъ интересовъ. Въ «Панѣ Тадеушѣ», одной изъ самыхъ популярныхъ польскихъ поэмъ, мерзавцемъ выставленъ полякъ, утратившій свою національность, а русскій является передъ нами въ самомъ симпатичномъ видѣ. Въ комедіи Корженіовскаго «Жидъ» мы видимъ типъ великодушнаго еврея и скареднаго дворянина».

Послѣ рѣчи г. Мицкевича, которую конгрессъ вызвался напечатать на свой счетъ, итальянецъ Гарберагліо сказалъ нѣсколько словъ о предразсудкахъ Италіи.

Вечеръ 22 сентября былъ занятъ парадnымъ спектаклемъ въ Karl-theater, въ которомъ участвовали оперная труппа и піанистъ Альфредъ Грюнбергъ.

23 сентября членамъ конгресса была предложена поѣздка на Земмерингъ. Для гостей былъ снаряженъ экстренный поѣздъ, станціи желѣзной дороги были разукрашены цвѣтами, вездѣ оркестры и хоры пѣсенниковъ встрѣчали гостей; приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ, съ меню, наклеенными на вызолоченныхъ перьяхъ, а послѣ обѣда устроенъ на высотѣ Вольфсберга фейерверкъ, представлявшій огненное перо, скрещенное съ лирой, и подъ ними слова умирающаго Гёте: «Mehr Licht» (Больше свѣта!). Уже смеркалось, когда мы вернулись на станцію; шествіе спускалось съ горы съ разноцвѣтными фонарями, освѣщавшими альпійскую природу, что придавало особенную живописность всей картинѣ.

Конгрессъ закрылся 24 сентября. Одно изъ послѣднихъ изъявленныхъ желаній заключалось въ предположеніи объ изданіи международнаго журнала на нѣсколькихъ языкахъ. Желаніе хорошее, но весьма неудобоисполнимое.

Конгрессъ сдѣлалъ еще нѣсколько заключительныхъ постановленій:

1) чтобы члены національныхъ комитетовъ доставляли въ исполнительный комитетъ отечественныя книги и журналы для библіотеки общества;

2) объ устройствѣ національныхъ комитетовъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ нѣтъ;

3) объ устройствѣ ежегодныхъ представленій и засѣданій въ пользу общества.

Въ заключеніе приступлено было къ выбору членовъ почетнаго и исполнительнаго комитета. На прошлогоднемъ лиссабонскомъ конгрессѣ было рѣшено не увеличивать числа почетныхъ членовъ и замѣнять только умершихъ или выбывшихъ членовъ. На шесть свободныхъ ваканцій выбраны: Лудвигъ Ульбахъ, Гансъ фонъ-Вильчекъ, Максъ Мюллеръ, Урекіа, Шасъ и Ленартовичъ.

Исполнительный комитетъ остался почти въ томъ же составѣ, въ какомъ былъ въ прошломъ году.

Обсуждался также вопросъ, гдѣ соберется пятый конгрессъ. Многіе предлагали Амстердамъ, но представитель Голландіи заявилъ, что въ 1883 году предполагается выставка въ Нидерландахъ, и потому находилъ болѣе подходящимъ соединить конгрессъ съ выставкой. Городъ Мадридъ прислалъ отъ себя приглашеніе, но конгрессъ предпочелъ одинъ изъ городовъ Италіи, предоставивъ выборъ города исполнительному комитету.

Послѣдній пиръ, которымъ увѣнчалось чествованіе конгресса, былъ обѣдъ, устроенный г. Герцка, редакторомъ Allgemeiner Wiener Zeitung. На этомъ обѣдѣ говорились рѣчи на разныхъ языкахъ сотрудниками журнала. Этотъ журналистическій турниръ какъ-то напоминалъ рекламу. Вѣнскія газеты прекрасно редактированы, но въ денежномъ отношеніи находятся въ тѣсной зависимости отъ разныхъ банковъ и биржевыхъ аферистовъ.

Извѣстная газета Neuer Wiener Tagblatt принадлежитъ богачу Морицу Шепсъ, который также принималъ у себя членовъ конгресса съ царскою роскошью. Вѣнскіе журналисты—совершенные космополиты; между ними преобладаетъ еврейскій элементъ. Недоброжелательство къ славянскимъ племенамъ несомнѣнно; но инсинуація чешскихъ газетъ, будто это недоброжелательство проглядывало относительно славянскихъ членовъ конгресса, неосновательна.

Прощаніе происходило въ залахъ общества садоводства, гдѣ Wiener Männersang Verein оставилъ гостямъ прелестное воспоминаніе о нѣмецкой музыкѣ. Для членовъ конгресса Вѣна останется городомъ музыки, цвѣтовъ

и пива. Желая остаться въ Вѣнѣ лишній день для осмотра достопримѣчательностей города, французскіе члены конгресса устроили свою конференцію, на которой говорили Ульбахъ, Лермина и Ратисбонъ. Wiener Tagblatt заплатилъ 500 франковъ за право напечатанія рѣчей Ульбаха и Лермина.

Немыслимо, чтобы на такихъ международныхъ конгрессахъ заблужденія не примѣшивались къ истинѣ; но есть также данныя и на то, что плевелы отлетятъ, а доброе сѣмя останется.

Одинъ изъ членовъ конгресса.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

ОПЕЧАТКИ.

Въ XI книгѣ *Русской Мысли:*

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
126	3 снизу	XI стол.	XV стол.
127	14 сверху	при каплищѣ	при каплицѣ
—	19 »	jeste	jeśte
—	— »	teshme se	teśme se
—	20 »	XIV ст.	XV ст.
—	2 снизу	budet	budem
128	4 сверху	Pado ude	Радо иде
—	1 снизу	словакъ	славянинъ
129	11 сверху	Aj śupaj supaj	Aj śupaj śupaj
—	12 »	hovaj	chovaj
—	21 »	отъ твоего дыханья душа моя...	отъ твоего дыханья выздоровѣла душа моя.
—	9 снизу	Dubra	Divća
130	1 сверху	ot haluscy	et halusky
131	14 снизу	Тай не знаты для которой	Тай не знаты для котрый
139	9 »	Ой, ухнемъ!	Эй, ухнемъ!
145	9 сверху	Бѣлокаменной, Москвѣ.	Бѣлокаменной Москвѣ.

89	6 сверху	трудно.	трудно».
111	6 »	Понятное	«Понятное
—	7 »	привѣтствовали	привѣтствуемъ
—	7 снизу	крестьянахъ.	крестьянахъ».
113	7 »	благъ?...	благъ?...»
—	13 »	газета совсѣмъ	газета «совсѣмъ

Въ XII книгѣ:

1	11 снизу	De burs cris daulaureux complirent	De leur cris doulourеux emplirent
4	22 »	вокабуловъ	вокабулъ
—	23 »	М. Лермонтовъ.	М. Лермантовъ.
9	19 »	«Не спитъ	«Не спи
11	3 »	Poup	Pour
—	6 »	eux le soit	eut le sort
—	13 »	wir	mir
—	15 »	soffe	hoffe
12	строки 8, 7 и 6 снизу		прозой
—	11 снизу	безду	бездну

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
16	5 и 6 сверху	слова: «которое....укоромъ»	—выкинуть
—	22 »	Сравн. также мое).	Сравн. также мое пр. 36)
—	24 »	драма	драмы
17	1 и 2 снизу	rouscht, doron	rauscht, daran
18	6 сверху	Fraccerspiel	Frauerspiel
25	15 снизу	столѣ	стѣнѣ
26	8 сверху	«Испанецъ»	«Испанцы»
—	12 снизу	Постечковъ	Шестаковъ
29	6 »	Und	Um
—	4 »	Dach	Doch
32	13 »	домины	долины

75	9 снизу	семилѣтніе походы Наполеона	семилѣтняя, походы Наполеона
81	5 »	starotise	staratise
87 и 98	14 и 22 »	иначе	вовсе
89	8 »	riboldi	ribaldi
108	5 »	факту	фактору

Стр.

XVII. ДѢЛА СЕРБІИ.—**С. В. Чурсина**. 56

XVIII. ИЗЪ АНГЛІИ. Смута въ Ирландіи и внѣшняя политика Гладстона.—**L. A. D.** 89

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Тревожныя свѣдѣнія о состояніи крестьянскаго хозяйства. — Необходимость борьбы съ источниками нашихъ бѣдствій.—Вопросъ о народномъ образованіи.—Отвѣтъ *Новому Времени*.—**В. Г.** 153

XX. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Митинги.—Новая палата.—Новый президентъ палаты Бриссонъ.— Нападки на кабинетъ Ферри.—Положеніе сената.—Ассоціація для огражденія отъ злоупотребленій.— Ассоціація художниковъ.— Возобновленіе «Premières armes de Richelieu».—Новыя пьесы.— Журналы.— Переписка Бенжамена Констана съ m-me Рекамье.—„Всемірная географія“, Элизе Реклю.—„Исторія римлянъ“, Виктора Дюрюи въ новомъ изданіи.— Личный составъ новаго кабинета и вступительная декларація Гамбетты.— **W*****. 167

XXI. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ВѢНѢ. Сообщеніе одного изъ членовъ конгресса 185

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *часа* до *трехъ* пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣдніе храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

При семъ нумерѣ разсылаются всѣмъ подписчикамъ слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи въ 1882 году газеты „Земство“ и журналовъ „Русская Мысль“ и „Юридическій Вѣстникъ“; 2) объ изданіи въ 1882 году журнала „Иллюстрированный Міръ“ и 3) объявленіе центральной конторы Германа Гоппе о подпискѣ на газеты и журналы въ 1882 году.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ **25** ДО **35** ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1882 годъ (третій годъ изданія):

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 книга:
безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.
съ пересылк. въ др. гор.	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	
за границу	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится **7. 6** ин **5** руб., къ 1 апрѣля **5** руб. и къ 1 іюля остальные **5** руб.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—**въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ № 42**, въ отдѣленіи конторы **на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій**, при конторѣ объявленій **И. Н. Мечковской** и въ магазинѣ типо-литографіи **И. Н. Кушнерева и К°**, на Никольской улицѣ, домъ Чижовыхъ.

Г. иногороднымъ просятъ высылать деньги исключительно въ *контору*.

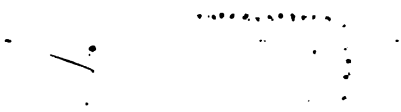
ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ дня.

Оставшіеся экземпляры изданія 1881 года продаются по той же цѣнѣ, изданія 1880 года—по 8 рублей, а съ пересылкой по 10 рублей за годъ.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

Съ январской книги начнется печатаніе исторической монографіи **Н. И. Костомарова „МАЗЕПА“.**



THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED

STALL-STUDY CHARGE

WIDENER
BOOK DUE
OCT 25 1983
7974211

WIDENER
BOOK DUE
FEB 10 1984
7974211